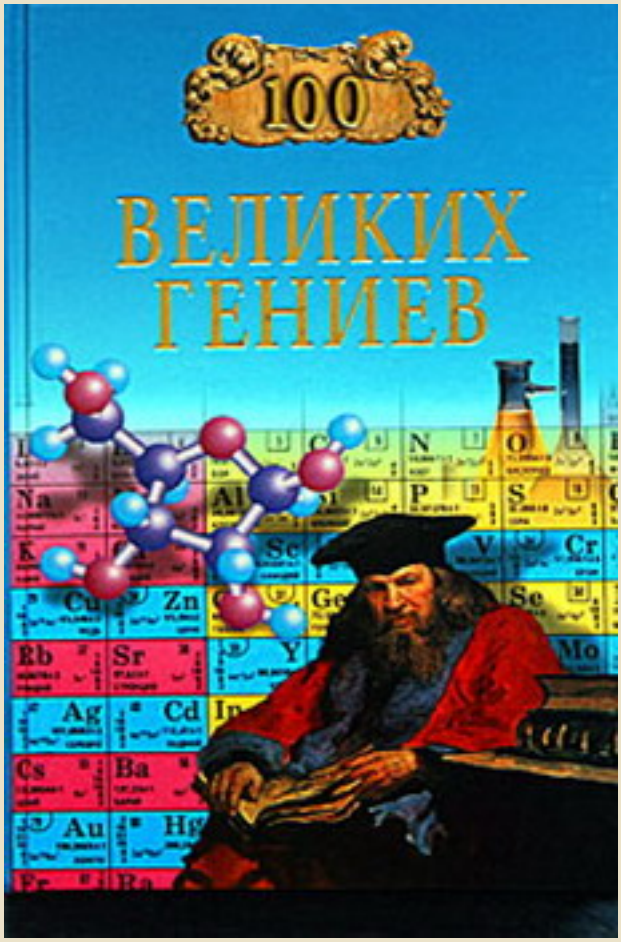

Существует много определений гениальности. Например, Ньютон полагал, что гениальность — это терпение мысли, сосредоточенной в известном направлении. Гете считал, что отличительная черта гениальности — умение духа распознать, что ему на пользу. Кант говорил, что гениальность — это талант изобретения того, чему нельзя научиться. То есть гению дано открыть нечто неведомое. Автор книги Р.К. Баландин попытался дать свое определение гениальности и составить свой рассказ о наиболее прославленных гениях человечества. Принцип классификации в книге простой — персоналии располагаются по роду занятий (особо выделены универсальные гении). Автор рассматривает достижения великих созидателей, прежде всего, в сфере религии, философии, искусства, литературы и науки, то есть в тех областях духа, где наиболее полно проявились их творческие способности. Раздел «Неведомый гений» призван показать, как много замечательных творцов остаются безымянными и как мало нам известно о них.

100 великих гениев

Рудольф Баландин
Сто великих гениев
КРИТЕРИИ ГЕНИАЛЬНОСТИ

Как выбрать из огромного числа выдающихся людей сотню величайших гениев? Надо сразу сказать: такая задача не имеет бесспорного решения.

Начнем с того, что слово «гений» стерлось от слишком частого употребления, утратило ясный смысл. Как его понимать? Философ и поэт Владимир Соловьев пояснял: «Гений — лат. „гениус“ (от „генус“ — род, первоначально — дух умершего родоначальника, которому воздавалось религиозное почитание… Гением теперь называется человек: 1) который живет повышенною, потенцированною внутреннею жизнью и 2) которого деятельность имеет не личное только, а общее родовое значение (для народа или для всего рода человеческого). Гениальность, как высшая степень одаренности, сравнима с талантом, как низшею, не подлежит точному определению; самое различение условно, попытки строгого разграничения произвольны и применение их спорно».

Приведем несколько других мнений. Ньютон полагал, что гениальность — это терпение мысли, сосредоточенной в известном направлении. Нечто подобное высказал изобретатель Эдисон: один процент терпения и 99 — потения. Бюффон был более точен: «Большая способность, соединенная с терпением». Гете считал, что отличительная черта гениальности — умение духа распознать то, что ему на пользу. Определеннее и убедительнее сказал Кант: «Гений — это талант изобретения того, чему нельзя научить или научиться». То есть гению дано открыть нечто такое, что до него оставалось неведомым.

В «Философском энциклопедическом словаре» (1989) дана такая формулировка: «Гениальность — наивысшее проявление творческих сил человека… Предполагает врожденную способность к продуктивной деятельности в той или иной области при универсальном даровании…» Однако о сути «врожденной способности» и «универсального дарования» остается только догадываться.

Напрашивается вывод — гений — понятие в значительной мере загадочное и отчасти субъективное. Оно слишком размытое. Пожалуй, судить о нем легче будет после прочтения этой книги.

Всегда ли почести и слава, массовый успех и даже посмертная известность могут служить конкретным критерием гениальности? Хрестоматийный пример — Герострат, который сжег прекрасный храм Артемиды Эфесской, считавшийся одним из чудес света. В самом деле, мы не знаем, кто проектировал и воздвиг храм, а имя разрушителя осталось на века.

А кому отдает предпочтение современная широкая публика? Представителям так называемой масс-культуры, поп-артистам, певцам. Этот феномен очень показателен и похож на диагноз тяжелой болезни общества. Культура отрешается от своего первоначального предназначения: приобщать личность к традиционным и высшим духовным

ценностям, пробуждать чувство прекрасного, человечность, жажду познания, веру в идеалы добра.

Итак, не поддаваясь новомодным веяниям и не сводя гениальность к массовой популярности, мы постараемся выбрать из числа традиционных, признанных специалистами выдающихся людей наиболее самобытных, ярких, открывших нечто новое и достигших совершенства в своем деле.

Принцип классификации принят простейший: по роду занятий (особо выделены универсальные гении). Будут рассматриваться достижения прежде всего в духовной сфере, где наиболее полно проявляются именно человеческие качества.

Каждый раздел начинается с общего обзора. Ведь многие из тех, кто остался за чертой «сотни», в принципе, ничем всерьез не уступают избранным. Поэтому будет рассказано о значительно большем количестве гениев, чем заявлено в заглавии книги. Но сто великих конечно же выделены особо.

Раздел «Неведомый гений» призван показать, как много замечательных творцов остается безымянными и как мало нам известно о достойнейших людях.

Должен предупредить: это — авторская книга, а не перечень сведений, имеющихся в словарях-справочниках и энциклопедиях. Помимо изложения необходимых фактов и ссылок на авторитетные мнения, мы постараемся осмыслить жизнь и творчество упомянутых личностей в контексте истории человечества, а также с позиций современности.

Достижения прошлого — наше достояние. Надо желать и уметь воспользоваться им. Только так достигается полнота бытия и оправдывается наше существование в этом мире.

РЕЛИГИОЗНЫЕ УЧИТЕЛЯ

Величие религиозного деятеля проявляется в силе воздействия на человечество. Основателю мировой религии вовсе не обязательно быть великим мыслителем, философом, государственным деятелем.

Чаще всего религиозные учителя не писали трактатов, проповедей или других сочинений. Но было в их жизни, высказываниях и учении то, что находило отклик в сердцах людей, выражало их чаяния и надежды, пробуждало веру в нечто высшее, превосходящее пределы видимого мира и пребывающее вне суеты обыденной жизни.

Возможно, первым величайшим религиозным гением был тот, кто прежде других ощутил, а затем осмыслил и выразил в слове одухотворенность окружающего мира, созвучную человеческой душе. Многие тысячелетия спустя поэт-философ Федор Тютчев вынужден был напомнить об этой истине людям индустриального века:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык…

С древнейших времен религия была отделена от рациональных знаний. Она определяется верой в высшие идеалы и сущности, чувством зависимости от них. Истинная вера — в отличие от формального

выполнения определенных обрядов — предполагает не только поклонение этим сущностям, но и выстраивание своей жизни в согласии с принятыми религиозными догмами. Таков идеал, приблизиться к нему удается немногим…

Вообще, область религии относится в значительной мере к идеалам. Главная цель религиозных учителей — дать людям верные и вечные ориентиры в жизни, прежде всего в условиях неопределенности, когда нет возможности опираться на рациональные знания, навыки. Поэтому для религии важнейшее значение имеет признание существования неведомого, превышающего ограниченные интеллектуальные и физические возможности человека. Оно может принимать в воображении людей разные формы: духов стихий, богов, единого Бога, обожествленной Природы или просто — Неизвестного (как в атеизме). Чаще всего верующий надеется с помощью заклятий, ритуалов, молитв воздействовать на Неведомое, ощутить его и вымолить у него какие-то блага, милости.

Но все-таки и в этих случаях человек принимает как истину господство в мире высших сил. Порой они представлены в религиозных гимнах превышающими даже возможности богов. Об этом сказано, например, в древнеегипетском гимне Амону:

Никто из богов не знает его настоящего вида;
Его образ не передан на письме…
Он сокровенен, чтобы была постигнута его сила.
Он велик, чтобы быть проповеданным.
Он могуч, чтобы быть познанным.

Казалось бы, остается сделать лишь один небольшой шаг, чтобы признать единого Бога и поклоняться ему одному как наивысшему, которому подчинены все другие духовные существа. Обычно считается, что такой шаг был сделан впервые в древней Иудее. Однако в действительности произошло нечто подобное значительно раньше. И человек, который решился на это, достоин отдельного упоминания как один из величайших религиозных гениев, хотя его учение не смогло утвердиться надолго.

Он дерзнул выдвинуть идею, которая через много веков стала господствующей: признание единого Бога. При этом — что тоже необычайно и знаменательно — осуществилось своеобразное единство теизма и атеизма, ибо Всевышним признавалось Солнце в его материальном воплощении.

АМЕНХОТЕП IV ЭХНАТОН
(XIV век до н. э.)

Он принадлежал к фараонам XVIII династии Египта эпохи Нового царства и правил с 1372 по 1354 год до н. э.

Наибольшего могущества страна достигла при его предшественнике Аменхотепе III. Однако, подчинив многие государства и народы, этот фараон с большим трудом сохранял власть над ними. Одним из важных факторов, определявших разобщенность не только разных племен, но даже областей, а подчас и городов, было необычайное обилие богов.

Для укрепления державы Аменхотеп III задумал религиозную реформу: установить поклонение верховному Богу. Осуществил это мероприятие его преемник Аменхотеп IV (его супруга — прекрасная Нефертити). Он провозгласил одного из местных богов Атона, олицетворявшегося солнечным диском, — наивысшим и единственным. Все остальные были запрещены, их храмы разрушены, жрецы разжалованы. Имя другого солнечного божества — Амона — стерли отовсюду, даже с глиняных табличек.

Ошеломляющее деяние! Многие египтяне сочли Аменхотепа IV безумцем. А он принял имя Эхнатон («Угодный Атону») и приказал поклоняться только Солнцу — носителю жизни и покровителю Египта. Столицу перенес в новый город Ахетатон («Горизонт Атона»).

До этого в стране устойчиво существовал традиционный культ солнечного бога Амона-Ра, творца мира и покровителя фараонов. Почитались его жена, богиня неба Мут, и их сын, бог луны Хонсу. Земные владыки имели своих небесных высочайших покровителей, что подчеркивало божественность власти фараонов.

Принято считать, что, вводя единобожие, Эхнатон стремился укрепить свое единовластие, освободиться от опеки влиятельных жрецов Амона-Ра, а также, как предположил английский египтолог Д. Раффл, хотел «объединить нацию и стабилизировать обстановку».

Однако его религиозная реформа выходила далеко за такие прагматичные рамки (иначе о ней не стоило бы упоминать). Эхнатону вовсе не обязательно было «отменять» всех богов, кроме одного, достаточно было просто понизить их статут. Фараон и без того считался наместником бога Солнца на земле, а полное запрещение культа нескольких богов, включая творца мира Амона-Ра, очень осложняло ситуацию внутри страны и расшатывало общественные устои.

Эхнатон остается одной из самых загадочных фигур мировой истории. Приходится только догадываться, чем руководствовался он, проводя первую в мире религиозную революцию. Ведь обожествлялся не мифический «дух Солнца», традиционно представленный в человеческом облике, а реальное светило, материальное солнечное тело, которое действительно является источником жизненной энергии.

Последнее обстоятельство позволяет сделать вывод, что новая религия, предложенная Эхнатоном, отчасти была атеистической (если понимать под атеизмом систему верований, предполагающую отсутствие богов, Бога или иных духовных сущностей, признающую приоритет материальных объектов и явлений). Древние египтяне вообще тяготели к атеизму, или, точнее сказать, к пантеизму. Бессмертие души они связывали с сохранением тела и материальных предметов, принадлежащих усопшему. Мировоззрение их было светлым и радостным, а представления о мире ином в принципе отражали образы этого мира.

Эхнатон явился первым в истории человечества основателем религии нового типа, исповедующей единобожие и признающей одну высшую духовно-материальную субстанцию — Солнце. Но этот предтеча будущих великих монотеистических систем оказался слишком преждевременным. Его идеи не укоренились в египетском обществе. Объективных факторов, стимулирующих радикальные идеологические

перемены, было мало.

Древнеегипетская цивилизация сохраняла свое могущество. Ежегодные разливы Нила, удобряющие почву плодородным илом, обеспечивали устойчивость традиционного сельского хозяйства. А многочисленные жрецы, оставшиеся вне своих алтарей и храмов, лишенные привилегированного положения, превратились в яростных противников реформ Эхнатона.

Сразу же после его смерти (была ли она естественной — не ясно) все вернулось «на круги своя». Эхнатона жрецы заклеймили как вероотступника, его нововведения отменили, почти все памятники ему были уничтожены или осквернены, а его имя постарались вымарать из текстов и стереть в памяти потомков. К счастью, эта акция не увенчалась полным успехом. До нас дошли сведения об этом религиозном гении, а также гимн Атону, по-видимому, им созданный (перевод В. Потаповой):

Великолепно твое появление на горизонте,
Воплощенный Атон, жизнетворец!
На небосклоне восточном блистая,
Несчетные земли озаряешь своей красотой.
Над всеми краями,
Величавый, прекрасный, сверкаешь высоко…
Ты — вдалеке, но лучи твои здесь, на земле.
На лицах людей твой свет, но твое приближение скрыто.
Когда исчезаешь, покинув западный небосклон,
Кромешной тьмою, как смертью, объята земля…
Рыщут голодные львы,
Ядовитые ползают змеи
Тьмой вместо света повита немая земля,
Ибо создатель ее покоится за горизонтом,
Только с восходом твоим вновь расцветает она…
Празднует Верхний и Нижний Египет
Свое пробужденье.
На ноги поднял ты обе страны.
Тела освежив омовеньем, одежды надев
И воздев молитвенно руки,
Люди восход славословят.
Верхний и Нижний Египет берутся за труд.
Пастбищам рады стада.
Зеленеют деревья и трава.
Птицы из гнезд вылетают,
Взмахом крыла явленье твое прославляя.
Скачут, резвятся четвероногие твари земные.
Оживают пернатые с каждым восходом твоим.
Корабельщики правят на север, плывут на юг,
Любые пути вольно выбирать им в сиянье денницы.
Перед лицом твоим рыба играет в реке,
Пронизал ты лучами пустыню морскую.

В другом гимне автор (Эхнатон?) восклицает: «Ты в сердце моем. Нет другого, познавшего тебя». И хотя гимны Атону не являются абсолютно оригинальными (они отчасти повторяют восхваления Осириса или «Большой гимн Амону-Ра»), религиозное учение Эхнатона было самобытным, революционным, поистине гениальным.

БУДДА

(563–483 до н. э.)

В VI веке до н. э. в Индии возникла философско-религиозная система, основанная Сидартой (Сиддхартхой) Гаутамой. Он получил позже имя Будды, что означает «озаренный, познавший, мудрый, просветленный». Личность эта полулегендарная. Далеко не всегда можно определить, насколько достоверны предания о нем.

Родился он в 563 году до н. э. в предгорьях Гималаев в знатной семье. Воспитывался в роскоши, как принц; рано женился, имея все, что только можно пожелать.

В молодые годы он пребывал в неведении относительно того мира, который простирался за стенами дворца. Но вот однажды ему довелось покинуть эти пределы. Проходя по улицам города, он встретил больного, покрытого язвами, затем — немощного старика и, наконец, увидел покойника. Согласно преданию, впечатление от этих встреч потрясло принца. Он понял, что не избежать и ему болезней, старости и смерти.

Радость жизни померкла для него. Он пребывал в смятении и отчаянии, пока не встретил монаха, спокойно и с достоинством идущего своей дорогой. И тогда Сидарта отказался от приятной, но суетной жизни во дворце, оставив жену и сына, отправился странствовать. Было ему 30 лет.

Однажды, когда он долго размышлял, сидя под деревом, на него снизошло озарение: открылась истина о смысле жизни, предназначении человека в этом мире. Он продолжил странствия, проповедуя свои взгляды, сложившиеся в цельное учение. Его стали называть Шакьямуни — мудрецом из племени шакья.

Многие заповеди Будды просты и доходчивы: будь честен и тверд; не ленись в поисках истины; не делай другому того, чего не желал бы себе; избегай делать зло даже в ответ на зло.

Будда полагал, основываясь, на собственном опыте, что наш мир несовершенен и несправедлив, а иного не существует. Для мудрого открыт достойнейший путь — углубиться в себя, отрешаясь от мира. Высшая степень такого ухода — нирвана. Так он и умер, пребывая в нирване. От него сохранились только устные поучения. Они собраны в книге «Дхаммапада» («дхамма» — добродетель, закон, учение, религия и др.; «пада» — путь, стезя, стопа, основа и др.; можно даже предположить такое созвучное на современном русском — «догмапад»). Вот некоторые высказывания из нее:

— Если даже человек мало повторяет Писание, но живет… освободившись от страсти, ненависти и невежества, обладая истинным знанием, свободным разумом, не имея привязанностей ни в этом, ни в ином мире, — он причастен к святости;

— пока зло не созреет, глупец считает его подобным меду;

— мудрецы непоколебимы среди хулений и похвал.

Успех учения Будды определялся, конечно, не только гением его создателя (что характерно для всех мировых религий). Ко времени появления на свет принца Сидарты в духовной жизни Индии начались кризисные явления. Возможно, распространилось «разномыслие» философско-религиозных идей, представленных в обширных сборниках Упанишад и не имевших единой основы. Более древние гимны Ригведы превратились в привычные ритуальные славословия, сопровождающие обряды. Жрецы составляли привилегированную касту, власть их была велика, но жизнь народа становилась все тяжелее.

Рост населения не сопровождался увеличением продуктивности земледелия. Обширные территории со временем приходили в запустение, почвы истощались и деградировали, усиливалась эрозия земель. Все это не содействовало устойчивости традиционных верований. Люди нуждались в Учителе, слова и пример которого помогли бы ориентироваться в изменчивой — главным образом к худшему — жизни.

Видный русский востоковед Ф.И. Щербатский так охарактеризовал основы буддизма: «Мироздание без бога, психология без души, вечность элементов материи и духа, причинность, наследственность, жизненный процесс вместо бытия вещей, отрицание частной собственности и национальной ограниченности, всеобщее братство людей, движение к совершенствованию».

Отсутствуют в буддизме идеи Бога Творца и владыки Вселенной, особой области духа, возможности чуда, преодолевающего законы материального мира. Вполне обосновано мнение В.Н. Торопова: «Будду не интересовали метафизические спекуляции, он уклонялся от дискуссий на тему об абсолютном, о Боге, о душе и не столько потому, что он считал эти темы недостойными или не знал, как ответить, сколько из-за того, что цель его была сугубо практическая — помочь избавиться от страданий». Добавим: а также счастливо прожить, насколько это возможно.

В то же время он отдавал отчет в том, что человек призван жить не только для созерцания, но и для деятельности: «Если что-либо должно быть сделано, — делай, совершая с твердостью. Ибо расслабленный странник только больше поднимает пыли». Или: «Несделанное лучше плохо сделанного; ведь плохо сделанное потом мучит. Но лучше сделанного — хорошо сделанное, ибо, сделав его, не испытываешь сожаления».

Высокие нравственные ориентиры, о которых поведал Будда, предназначались для каждого человека вне его кастовой принадлежности. Это содействовало широкому распространению буддизма, быстро обретавшего черты религиозного учения. Будда почитался как божество, его жизнь и деяния расцвечивались домыслами, волшебными сказками. Возникла легендарная биография Учителя, где он представлен волшебником, чудотворцем. В народном сознании — тем более в древности — величие человека проявлялось не только в мудрости и достойной жизни, но и в сверхъестественных возможностях, недоступных «обычным» людям.

Однако Будда не выделял особенных, отмеченных необычайными талантами гениев. Жрецов, святых, брахманов он не считал избранными по рождению, по принадлежности к высшей касте: «Брахманом становятся не из-за спутанных волос, родословной или рождения. В ком истина и дхамма,

тот счастлив и тот брахман». (По-видимому, в данном контексте дхамма означает «добро», «добродетель».)

Одно из поучений Будды предвосхищает центральное положение Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхамма».

Буддизм чаще всего отождествляют с отрешенностью от мирской суеты, активной деятельности. Отчасти это верно. Будда постоянно повторял, что большинство бед проистекает от устремленности к земным материальным благам, к богатству и плотским наслаждениям. «Возбужденные страстью попадают в поток, — учил он, — как паук в сотканную им самим паутину. Мудрые же, уничтожив поток, отказавшись от всех зол, странствуют без желанья».

Состояние нирваны он не отождествлял только с небытием. Оно — спокойствие души, отрешенной от жизненных волнений: «Если ты успокоился, подобно разбитому гонгу, ты достиг нирваны: нет в тебе раздражения». Короче говоря, принимай жизнь такой, какая она есть, и не суетись понапрасну.

Каждый человек вынужден пребывать в этом мире, не надеясь на освобождение от него даже после смерти. Как мертвое тело, разлагаясь, дает жизнь другим существам, принимая участие в вечном круговороте, так и духовной субстанции суждено совершать новые и новые воплощения. В зависимости от качества души они могут быть ужасными или счастливыми. Высшая награда для человека — выйти из этой череды превращений, удостоиться вечного покоя небытия. Для этого надо отрешиться от желаний и перейти в нирвану. К ней ведут «праведная вера, праведная решимость, праведные слова, праведные дела, праведный образ жизни, праведные стремления, праведные помыслы, праведное созерцание».

Одна из характернейших черт буддизма — этика благоговения перед жизнью, любовь ко всему живому (а не только к ближнему своему). Этот нравственный закон утверждает величие мироздания, малой частью которого является человек. Другая важная черта — приоритет духовных потребностей перед материальными. Только при таком условии возможно гармоничное сосуществование человека с окружающими людьми и с природой.

Два с половиной тысячелетия назад индийское общество, испытывавшее социальный, экономический и духовный кризисы, смогло их преодолеть во многом благодаря широкому распространению буддизма. А ныне в Индии на сравнительно небольшой территории живет миллиард человек! Эта страна неагрессивна в отличие, скажем, от США, где жители озабочены почти исключительно материальным благосостоянием.

…Сравнительно недавно появилась на Западе и обрела популярность бредовая идея «золотого миллиарда», который должен в будущем существовать в биосфере. И тогда возникает вопрос: какие люди войдут в это число? Если в среднем такие, как в Китае или Индии, то на Земле вполне смогут сосуществовать и 10 и 20 миллиардов — природных ресурсов для них хватит.

Но если представить себе этот «золотой миллиард» состоящим из богатых (и не очень) обывателей-буржуа типа обеспеченного американца,

то они — об этом говорят подсчеты — быстро осквернят биосферу, перегрызутся за оставшиеся богатства, выродятся и вымрут. Ведь средний американец тратит природных ресурсов и производит отходов примерно в тысячу раз больше, чем индиец!

Будущее жизни на Земле и рода человеческого зависит от качества людей, их потребностей и устремлений. И счастье каждого человека тоже зависит прежде всего от его внутреннего духовного мира (об этом позже возвестит Иисус Христос). Понимание и утверждение этих истин — гениальное откровение Будды. Оно оказалось справедливым на все времена. С одной оговоркой: если человечество будет достойно дальнейшего пребывания в этом мире, который оно само делает чудовищным и безнадежным.

Современный человек Запада озабочен главной проблемой: как сделать свою жизнь комфортной, благообильной, счастливой (словно материальные ценности способны удовлетворить духовные потребности). Однако со времен Будды для людей, не лишенных здравого смысла и мудрости, стало ясно: надо быть достойным счастья, — вот к чему следует стремиться. Мысль эту много позже повторил Иммануил Кант, хотя она, к сожалению, так и не вошла в массовое сознание.

КОНФУЦИЙ

(551–479 до н. э.)

Родился он на востоке Китая в княжестве Лу в знатной, но обедневшей семье. Отец был храбрым офицером. Ко времени рождения этого последнего сына ему было 70 лет, а через два года он умер. Семья бедствовала, и Конфуций рано стал трудиться, осваивая разные ремесла.

Был он крепок телом и высок. Отличался любознательностью и трудолюбием. В молодости получил должность надзирателя амбаров и государственных земель. К нему часто обращались за советами. Постепенно он превращался в учителя, в частности, обучая музыке. Имя, данное ему при рождении, — Кун Цю, благодарные ученики переиначили на Кун Фуцзы, что значит «Почтенный учитель Кун». (В Европе утвердилась латинизированная форма — Конфуций.)

Он путешествовал по Китаю и благодаря своим обширным знаниям пользовался уважением. Вернувшись на родину, Конфуций уже в зрелом возрасте был назначен наместником города, а затем стал верховным судьей княжества.

Несмотря на то что дела его шли успешно, он ушел в отставку и отправился в странствия вновь. У него было, согласно преданию, 3 тысячи учеников, из которых 12 находились при нем постоянно. Порой ему угрожала смертельная опасность, но он никогда не терял мужества и спокойствия. Последние свои годы провел на родине и умер под сенью деревьев на берегу тихой речки. Записок он не оставил.

Некоторые изречения Конфуция:

— Чего не желаешь себе, того не делай другим.

— Благородный муж думает о долге, а мелкий человек о выгоде.

— Своим примером побуждай людей трудиться.

— Если платить добром за зло, чем же тогда платить за добро?

— Все течет, как вода. Время бежит, не останавливаясь.

Конфуций был прежде всего реалистом и моралистом. Рациональную организацию общества он видел в сохранении традиций: «Если не соблюдать издревле установленных обрядов или тем более отменить их, то все перемешается и наступит разлад». Сам он воспринимал обряды не как средство умилостивить богов, а как элемент самодисциплины и порядка.

Принадлежа к правящему социальному слою, Конфуций не ограничивался узкими классовыми интересами (иначе конфуцианство не стало бы религиозным учением). Он полагал, что народ не следует держать в невежестве, властвовать над ним обманом, лживыми посулами. «Если приближать прямодушных людей и ставить их выше лукавых людей, то простолюдины будут послушны».

По его словам, в стране может быть недостаток в военном снаряжении, продовольствии — эти беды поправимы. «Но если в народе будет недостаток веры в правителя и его приближенных, то государство не может быть устойчивым».

Идеал человека для него — не отшельник или пророк, а просвещенный мудрец и честный труженик. На вопрос ученика, как надо служить духам, Конфуций ответил: «Мы не умеем служить людям, как же можем служить духам?» Сходно ответил он на вопрос о посмертном существовании человека: «Мы не знаем, что такое жизнь, как же можем мы знать, что такое смерть?» Признание незнания — важная особенность мыслителя.

Из ключевых положений конфуцианства, кроме гуманизма, честности, порядка и уважения к традициям, надо отметить «выпрямление имен» и выполнение своего долга. Странно звучащий призыв к «выпрямлению имен» имеет в виду точность формулировок и наименований (терминов), желание и умение называть вещи своими именами, высказываясь без лукавства и кривотолков.

Еще одна отличительная черта учения Конфуция — требование высшей почтительности детей к родителям, святость семейных отношений. Семья выступает малым подобием государства, в котором безраздельно правит обожествляемый монарх-отец, владыка Поднебесной империи. Но при всей деспотичности его власти есть в мире более высокая и могучая сила — Небо. Это — наивысшая власть, высший судия (Мировой Порядок, Разум Вселенной, Космос). Перед ним должен трепетать и сам император. Если он повинен перед Небом, принимает несправедливые решения, лжет, совершает злодеяния, тогда происходят в стране стихийные бедствия (ниспосланные свыше), а народ имеет право восстать и свергнуть или убить такого правителя. Как учил последователь Конфуция Мэн-цзы, это было бы убийством негодяя и злодея, а не монарха.

У большинства народов религиозные заповеди утверждались от имени всемогущего Бога. В Китае эта роль была отведена Мировому Порядку. Обоснование такого принципа было простым и убедительным: раз прежде сохранялись семья и государство благодаря существующим традициям, то следует продолжать жить по тем же принципам («от добра добра не ищут», как говорят в России).

Нравственность без санкции Бога, основанная на разумных началах, без ссылок на заповеди, данные свыше, — такова общая черта

конфуцианства и буддизма. В этом смысле они могут считаться атеистическими религиозными системами (точнее, философско-религиозными).

Можно ли утверждать, что Конфуций и Будда были одарены какими-то сверхчеловеческими способностями? Безусловно, они были мудрыми, честными, добрыми, проницательными. Но разве это какие-то особенные качества?

Главное даже не столько личности этих безусловно выдающихся людей, сколько их последователи. Многие древние китайцы и индийцы восприняли учения Конфуция и Будды не потому, что поверили в их близость к Богу или боговдохновенность. Достаточно было убедиться в нравственных достоинствах учителей и верности их мыслей. Это не было похоже на слепую веру, подкрепленную авторитетом всемогущего существа и страхом наказания свыше. Складывается впечатление, что народы Древнего Китая и Индии во многом полагались на здравый смысл, выбирая ту или иную веру. Хотя у них сохранялись традиционные суеверия и предрассудки, например гадания.

Такое сочетание рационализма и мистики может показаться странным, хотя оно вполне оправдано. Там, где есть возможность что-то понять, осмыслить, выяснить, надо опираться на разум. Но в некоторых случаях нет возможности разобраться в ситуации, предвидеть то, что произойдет. Тут уже приходится полагаться на гадания, интуицию. Самое главное — умело и вовремя использовать эти два способа. А то частенько бывает, что вместо продуманного решения и опоры на знания человек обращается к гороскопам, приметам, гаданиям, впадая в самые нелепые предрассудки и попадая в глупейшие ситуации.

Конфуций, подобно Будде, обращался к разуму людей, уча их понимать не только смысл, но и логику жизни, стремиться к правде, чтя прежде всего ее. Об этом свидетельствует и его совет «исправлять имена». В этом отношении современные развитые страны, точнее, их руководители, поступают наоборот: извращают смысл многих ключевых понятий (что особенно характерно для последних десятилетий). Это делается с помощью специальных психотехнологий, которые через электронные средства массовой пропаганды и рекламы внушают людям то, что выгодно определенным партиям, корпорациям, социальным слоям. Таким государствам удается обеспечивать экономическое господство над другими, менее развитыми. США, например, стали всемирным гегемоном. Выходит, те принципы, которые проповедовал Конфуций, не оправдываются в реальной жизни. Слишком часто выгодно лгать, обманывать, употреблять фальшивые слова — и таким образом приобретать несметные материальные богатства, вовсе не заботясь о духовных. Когда говорят о демократии, подразумевая власть капитала, культура превращается в массовое бескультурье, информация — в пропаганду, знания — в хаос беспорядочных сведений. Глобальная цивилизация развивается по законам техники, производства и выгоды, а вовсе не нравственности, разума, правды.

Впрочем, следует иметь в виду два чрезвычайно важных обстоятельства. Во-первых, страны Конфуция и Будды — не слишком крупные по своим размерам — имеют максимальное число жителей (более

трети всего населения мира). Не означает ли это, что именно они живут в наибольшем согласии с высшими законами?

Во-вторых, в условиях государственных систем можно сильному и богатому жить неправдой, обманывая людей, тем самым обеспечивать свое благополучие. Но с годами все более определенно и зловеще сказывается так называемый экологический фактор. Жажда удовлетворять постоянно растущие материальные потребности оборачивается гигантскими массами отходов, истощением природных ресурсов, загрязнением и деградацией области жизни — биосферы. Таковы признаки кризиса современной цивилизации потребления и вечной правды Конфуция и Будды.

ИИСУС ХРИСТОС
(ок. 0 — ок. 33)

Об этом религиозном гении сохранились преимущественно предания. Его появление на земле христиане связывают с чудом, ниспосланным свыше. Согласно историческим сведениям, для этого существовали объективные предпосылки.

К концу VII века до н. э. окончательно установилось Иудейское царство, имевшее единую религиозную систему и центр в Иерусалиме. Оно было завоевано вавилонянами, а часть жителей уведена в плен. Позже их освободил персидский царь Кир. Иудейское государство вновь окрепло, а его народ уверовал в свою богоизбранность. Тогда окончательно оформились основные каноны иудаизма, вера в единственного верховного Бога-Творца, управителя Вселенной. Он передал через пророка Моисея израильтянам священный Завет, заповеди, которые надо исполнять во избежание гнева Божьего.

После того как в стране установилось римское владычество — с 63 года до н. э., вновь начался идейный разброд. В правление Ирода I, титулованного сенатом Рима царем Еврейским, наступил экономический подъем при активной эллинизации населения. Идеологи иудаизма усмотрели в этом опасность утраты национальных особенностей и традиционных ценностей. Они относились к Ироду враждебно, что отражено, например, в евангельском предании об избиении младенцев. Подобное событие не подтверждается никакими документами вообще. Ирод I умер за 4 года до рождения Христа. Впрочем, достоверные сведения о дне, месяце и даже годе рождения Иисуса отсутствуют. И это символично. Тот, кого позже обожествили, а со времени его появления на свет повели отсчет новой эры, жил как «неисторический», незнатный человек. Официальные лица и организации тогда не интересовались его личностью, ведь родился он в маленьком иудейском городке Вифлееме, в бедной семье. Имя его стало легендарным уже после того, как принял он страшную мученическую (по тем временам — позорную) смерть на кресте, претерпев истязания и издевательства. Наиболее полно его жизнь и учение изложены в четырех Евангелиях, которые входят в Новый Завет Библии и являются главными священными книгами христианства, ставшего важным элементом культуры в большинстве стран и у многих народов мира (даже в исламе Иисус Христос признан святым).

Самое замечательное у Христа не столько слова, сколько образ жизни, поступки, просветленность ума и чувств Учителя. Единство слов, мыслей и дел, пронизанных любовью к людям, — вот на чем основано его

учение.

Он проповедовал непротивление злу насилием, однако изгонял торгашей из храма и гневно клеймил лжецов и лицемеров: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их».

Один из важных заветов Христа: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Он учил не собирать сокровищ земных, материальных, а собирать богатства духовные, возвышенные, «ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше».

Христос учил, что Царство Божие — царство света и добра находится в душе человеческой. Владеющий этим Царством истинно счастлив; «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?».

Из первохристиан наиболее прославлены Петр, Павел и ИоаннБогослов.

Петр (ок. 5 г. до н. э. — ок. 65 г. н. э.) — апостол, ученик Иисуса Христа. Родился в семье рыбака в Вифоаниде (Бетоаиде) Галилейской и был наречен Симоном. Имя Петр (по-гречески — скала, камень) дал ему Христос. Петр был главой первой христианской общины в Иерусалиме. По преданию, Христос передал ему ключи Царства Небесного (обычно апостол Петр изображается с ключами). Проповедуя христианство, Петр не избежал гонений и умер смертью мученика. Он оставил два соборных Послания. Из его поучений:

— Кто любит жизнь и хочет видеть добрые дни, тот удерживай язык свой от зла и уста свои от лукавых речей; уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и стремись к нему…

— Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучителя… И многие последуют их разврату, и через них путь истины будет в поношении. И из любостяжания будут уловлять вас льстивыми словами; суд им давно готов, и погибель их не дремлет.

Павел (ок. 0 г. — ок. 65 г.) — апостол, последователь Христа. Родился в Тарсе (Киликия, область в Малой Азии), был наречен Савлом, пользовался правами римского гражданина, хотя и был иудеем. Став ревностным фарисеем, принимал активное участие в гонениях, борьбе против христианских общин. Однако примерно в 33 г. через чудесное видение ему открылось его подлинное призвание: нести людям заветы Христа. При крещении получил имя Павел. Он много путешествовал, проповедуя христианство, обращая в новую веру язычников. Его заточили в темницу и казнили в Риме. Он учил:

— Живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу — о духовном.

— Не будь побежден злом, но побеждай зло добром.

— К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя.

— Духа не угашайте. Пророчества не уничижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь. Удерживайтесь от всякого рода зла.

— Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь. (Этот принцип, как известно, был принят в коммунистическом учении в более строгом виде: кто не работает — тот не ест.)

Иоанн Богослов (ок. 10 г. — ок. 100 г.) — евангелист, один из двенадцати апостолов; сын рыбака из Галилеи. Он был свидетелем последних лет земной жизни Иисуса и, презрев опасность, присутствовал при распятии Учителя. В последующие десятилетия Иоанн, несмотря на преследования, проповедовал христианство и написал четвертое Евангелие, три соборных Послания и Откровение (Апокалипсис). Из его высказываний:

— В Начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

— Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь.

— Бога никто не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас.

— Всякий, не делающий правды, не есть от Бога, равно и не любящий брата своего.

В Апокалипсисе дано пророчество о конце света. Оно находится в прямом противоречии с идеей непрерывного прогресса, ставшей популярной с эпохи Просвещения. Действительно, технические свержения человечества грандиозны. Но это сопровождается необычайным уроном для земной природы, деградацией биосферы и, судя по многим признакам, человеческой личности. Вовсе не исключено, что сбудется грозное пророчество Иоанна Богослова, хотя варианты трагического финала алчной глобальной цивилизации могут быть разными.

АВГУСТИН
(354–430)

Аврелий Августин, причисленный к лику святых, родился в городе Тагаста (Северная Африка, Алжир) в семье небогатого римского чиновника. Мать, которую он горячо любил, была христианкой.

Получив хорошее образование в риторской школе в Карфагене, Аврелий увлекся философией и… плотскими радостями. Однако вскоре у него интеллектуальные интересы стали преобладать. С 375 года он преподавал риторику в Карфагене, а через 8 лет — в Италии, в Медиолане (Милане). Здесь познакомился с епископом Амвросием, изучая Новый Завет, проникся христианским мировоззрением.

В 387 году принял крещение. Вернувшись в Африку, стал священником, а с 396 года — епископом в Гиппоне. Жил скромно, предпочитая духовные блага, а не материальные. Написал 93 трактата (232 книги) и около 500 писем и проповедей. Наиболее известна его «Исповедь». Бог как исходный и конечный пункт человеческих суждений и действий непрестанно находится в центре внимания его философских произведений, хотя этим далеко не исчерпывается их содержание. Например, он полагал, что вера во многом определяется незнанием («Будем же верить, если не можем уразуметь»), так же как понятие чуда («Чудо противно не природе, а тому, как известна нам природа»). В своем духовном развитии он отразил важнейший этап эволюции человечества: переход от эпохи разума и приоритета материальных ценностей к эпохе веры и ориентации на высшие идеалы.

Наиболее сильное влияние оказал на него диалог Цицерона «Гортензий» (не дошедший до нас). Позже Августин стал приверженцем учения Платона и его более позднего последователя Плотина. Следующим

шагом стало увлечение манихейской ересью. Испытал он и разрушительный скептицизм, усомнившись в том, что на свете вообще есть высшие истины. После всех «интеллектуальных искушений» и поисков истины пришел к христианству; его произведения вошли в золотой фонд патристики.

Одна из особенностей Августина как мыслителя — умение пристально вглядываться в самого себя, обдумывать движения души. Это позволяло ему не просто умствовать холодным рассудком, но мыслить со всей страстью, напряжением духовных сил, с подлинным вдохновением.

В основе религиозной философии Августина — стремление постичь высшие истины, первооснову Мироздания, а также самого себя. В «Монологах» он ведет разговор с Разумом. На вопрос, что он желает знать, Августин отвечает:

— Я желаю знать Бога и душу.

— А более ничего? — спрашивает Разум.

— Решительно ничего.

Казалось бы, знание Бога — управителя и творца Вселенной объемлет все сущее, включая человека. Однако Августин обособляет внутренний мир человека — микрокосм. Это объясняется тем, что в учении Августина Бог наделил человека свободой воли. Внутренний мир человека непостижимо сложен, подобно Мирозданию. Августин писал: «Есть нечто в человеке, чего не знает и сам дух человеческий, живущий в нем».

Августина можно считать одним из гениев самопознания. Это великое искусство помогло ему лучше понимать и других людей, и суть философии, и некоторые черты окружающего мира. Он сделал следующий шаг от античного завета «познай самого себя». Это значит — устремляйся к высшему, преодолевай свою низменную природу ради высших благ — триединства истины, добра и красоты, скрепленных любовью.

Его учение не было последовательным и непротиворечивым. Ведь все живое развивается и существует именно так — в борениях, противоречиях, непостижимой для простой логической схемы сложности. Недаром сам Августин считал: «Высший Бог… лучше познается незнанием». В то же время он был далек от восхваления невежества. Его принцип — «верую, чтобы понимать». Однако он отдавал отчет в ограниченности разума человека и в необходимости — за пределами знаний, рассудка, логики — полагаться порой на чувства, интуицию, вдохновение.

Свои первые крупные сочинения («Против академиков», «О блаженной жизни», «О порядке») он написал, еще не приняв крещение, в результате свободных философских дискуссий с друзьями. Академиками он называет скептиков, которые благодаря логическим ухищрениям, софистике, отрицают саму возможность постижения истины, доказывают бесполезность поисков ее. Опровергая такие выводы, Августин блестяще использует оружие противников — логику. Он рассуждал так: «Утверждение, будто познать истину невозможно, в корне противоречиво. Если оно справедливо, то тем самым опровергается невозможность познания истины, ибо утверждение скептиков будет абсолютной истиной».

Августин не был склонен бездумно повторять какие-либо авторитетные высказывания, пусть даже освященные именами библейских

пророков. «Вера в авторитет, — писал он, — весьма сокращает дело и не требует большого труда», она необходима «для пользы простейших… более тупоумных или занятых житейскими заботами», «если они слишком ленивы, или привязаны к иным занятиям, или уже неспособны к науке, пусть они верят».

По его мнению, у человека есть настоятельная потребность в понимании бытия. «Душа питается не чем иным, как разумением вещей и знанием» Впрочем, все это он написал в своих ранних сочинениях. Но ведь человек, тем более мудрый и честный, никогда не отрекается от самого себя, собственных убеждений и всерьез продуманных идей. Хотя конечно же он способен пойти дальше в интеллектуальных исканиях и открытиях.

Свой путь самопознания Аврелий Августин представил в «Исповеди», а религиозную философию — в трактатах «О Троице», «Монологи», «О граде Божьем». Его рассуждения свободно переходили от одного предмета к другому. В частности, он превосходно разработал проблему времени. Августин писал: «Правильно не называть времена — прошедшее, будущее, настоящее, а говорить так: „настоящее прошедшего“, „настоящее настоящего“ и „настоящее будущего“. Некие три времени эти я не увижу нигде в другом месте, кроме как в душе».

Проблемой теодицеи Августин также успешно занимался — чтобы снять всякую ответственность Творца за зло, присутствующее в мире. По мнению Августина, Бог олицетворяет совершенство, добро и порядок; Его идеи великолепны, однако, воплощенные в материальные формы, могут иметь некоторые изъяны. В отличие от Бога люди, наделенные свободой воли, нередко являются носителями зла, за которое ответственны именно они сами.

Являясь свидетелем крушения Римской империи, он отвергал обвинения против христиан за подрыв ее религиозных основ и возлагал вину на духовную деградацию ее граждан, их погоню за низменными удовольствиями. «Когда человек живет по человеку, а не по Богу, он подобен дьяволу», — утверждал Августин. Вот почему заслуженная кара постигает нечестивцев.

Августин предполагал постоянное противостояние «двух градов» — небесного и земного, возвышенного и низменного, светлого и темного, божественного и сатанинского. Люди, имея свободу выбора, устремляются к Богу или к дьяволу. Но все это свершается в мире, осененном Божьей благодатью.

Получается логическая нелепость: добро и зло, противоположные по своей природе, объединяются в добре. Августин признавал нарушение правил логических умозаключений в таком тезисе, но утверждал, что в реальной жизни подобные противоречия естественны; законы формальной логики не абсолютны и порой опровергаются жизнью. (В науке XX века утвердился аналогичный принцип «дополнительности», предполагающий возможность совмещать в одном явлении два взаимоисключающих начала, например в микромире фотон имеет свойства и волны, и частицы.)

Признавая приоритет воли и веры перед знанием и рассудком, он стремился преодолеть их кажущуюся несовместимость — «Разумей, чтобы мог верить; верь, чтобы разуметь». Однако подлинное познание невозможно без озарения, ибо только тогда открывается нечто

возвышенное, превышающее силы человеческого разума, приобщающее к божественным истинам.

Мировоззрение Августина, достигшего зрелого возраста, было пронизано идеей Бога. Философии отводилась подсобная роль — Церковь Христова признавалась олицетворением града небесного, тогда как государство — земного. Праведники, стремящиеся жить по Богу, противопоставлялись грешникам, живущим «по человеку», а значит, ввергаемым в сатанизм.

Нетрудно заметить, что в некоторых его воззрениях зло активно противостоит добру, а во Вселенной, сотворенной всеблагим, всемогущим, всеведущим Богом, имеются земные владения дьявола. Такое разделение, по мнению В. Виндельбанда и некоторых других философов, свидетельствует о том, что Августин не вполне отрешился от своей юношеской наклонности к манихейству.

Дело, пожалуй, не в такой странной для зрелого и самобытного мыслителя ученической привязанности к некой концепции. Несравненно существенней честность, искренность духовных исканий Августина. Он не мог отступиться от истины только потому, что она не укладывается в прокрустово ложе умозрительной схемы.

Когда мы рассматриваем интеллектуальные достижения великого мыслителя, следует учитывать весь его духовный опыт, все творения, а не только самые поздние или непротиворечивые. Нередко именно противоречия подчеркивают творческий характер исканий, а ранние сочинения наиболее ярко отражают романтику поисков.

Итак, Августин — сильная цельная личность. Его творчество существует в том самом «вечном настоящем», о котором, сам он писал. Оно соединяет все проявления жизни, и Августина, и нас с вами, и тех, кто появится на земле после нашего ухода.

МУХАММЕД
(ок. 570–632)

Религиозный мыслитель, пророк и основатель ислама Мухаммед (устаревшее — Магомет) родился в Мекке (Аравия) в семье купца Абдаллаха из знатного рода курейшитов. Мухаммед рано лишился отца, затем умерла его мать; он воспитывался у дяди.

С детства ему пришлось работать: сначала пастухом, потом помощником купца и, по-видимому, мелким торговцем. С караванами он путешествовал от города к городу, встречаясь с разными людьми. Мухаммед был любознательным и самостоятельно мыслящим юношей, наделенным поэтическим даром.

В то время арабские племена не имели единой религии, оставаясь разобщенными. Беседуя с последователями иудаизма и христианства, Мухаммед воспринял их представления о едином Боге. Женившись на богатой вдове, он достиг материального благополучия, но по-прежнему главной для него была духовная жизнь, стремление постичь суть жизни и Бога.

Однажды, когда уже сорокалетний Мухаммед уединенно молился и размышлял в пещере на горе Хире близ Мекки, на него снизошло озарение и он услышал голос: «Проповедуй во имя Господа твоего». С тех пор он стал пророчествовать. У него появились немногочисленные последователи.

Они стали записывать его откровения, высказанные ритмической прозой. Его изгнали из родного городя — там поклонялись другим богам.

В 622 году Мухаммед поселился в Медине со своими учениками. Он стал учителем жизни, община его росла. Его высказывания собраны в Коране — священной книге мусульман. Само учение называется исламом. В его основе: 1) единобожие («Нет Бога, кроме… Аллаха, и Мухаммед пророк Его»); 2) ежедневная пятикратная молитва; 3) пост раз в году в месяц рамадан; 4) очистительная милостыня; 5) паломничество в Мекку.

После смерти пророка его преемник Абу Бекр провозгласил: «Кто чтит Мухаммеда, должен знать, что он умер, но тот, кто чтит Бога Мухаммеда, должен знать, что он жив и бессмертен». Произошло обожествление пророка. Главу государства назвали Халифом (преемником). Абу Бекр приказал, чтобы секретарь Мухаммеда Сайд привел в порядок все имеющиеся записи речений пророка. Собирали Коран несколько человек; книга была одобрена халифом Османом, а ее фрагменты, не вошедшие в канон, были сожжены.

Завораживающее звучание напевных стихов Корана оказывает эмоциональное воздействие на слушателя. Эффект усиливается из-за сложных ассоциаций, недоговоренностей, отсутствия пояснений. Мухаммед порой рассуждал вслух на какие-то актуальные темы, отвечал на вопросы или возражения собеседников, учитывал конкретные ситуации. Не зная всех этих обстоятельств, приходится многое домысливать. Поэтому толкования отдельных мест Корана многочисленны и нередко противоречивы, хотя смысловая неопределенность придает произведению очарование таинственности.

А.С. Пушкин перевел одну из строф Корана:

Земля недвижна; неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой.

Поэт сделал примечание: «Плохая физика, но зато какая смелая поэзия!» Стремительный успех ислама доказывает, что на массы людей сильнее воздействуют художественные образы, чем рациональные доводы.

Мухаммед, помимо религиозных наставлений и правил, приводил сведения из Ветхого Завета, иногда ссылался на Новый Завет, а также утверждал правовые нормы. Всего в Коране 114 глав (сур), которые начинаются словами: «Во имя Аллаха милостивого милосердного…» У Аллаха 99 имен (Милостивый, Милосердный, Прощающий, Сочувствующий, Великодушный, Любящий, Мудрый…). Он — единственный Бог («Нет Бога, кроме… Аллаха»). Помимо него существуют ангелы, а также джинны, слуги шайтана (сатаны).

Коран утверждает веру в предопределение, в промысел Аллаха. Ничего не свершается без его воли. Он наблюдает за всем происходящим. Ему необходимо повиноваться (ислам означает «повиновение Аллаху»). Догмат веры — Шахада — гласит: «Клянусь, что нет Бога, кроме Аллаха; клянусь, что Мухаммед пророк Аллаха»).

Очень важный обряд — совместная молитва. Индивидуальное спасение — не для мусульманина. Пророк завещал: «Крепко держитесь все вместе на пути Аллаха и не разделяйтесь… и да возникнет община, влекущая к добродеянию». Верующие произносят строки Корана и творят поклоны вслед за имамом (священнослужителем) все разом, как одно тело, ощущая не только благоговение и свое единство.

Без благоприятной политической, экономической, социальной обстановки, сложившейся в Аравии, новая религия не победила бы и не распространилась бы так быстро. Скажем, иудаизму и христианству для этого понадобились сотни лет. Существенно и то, что Мухаммед принадлежал к знатному, хотя и обедневшему, роду хашим племени курейшитов. В основном они были заняты торговлей и главенствовали в Мекке — крупном экономическом, культурном и культовом центре. Сюда стекались арабы, поклонявшиеся священному Черному камню Каабы. Уже по месту рождения и родовитости Мухаммед мог претендовать на авторитет.

В Медине у него имелись родственники по материнской линии, что позволило ему обустроиться в этом городе. Но, безусловно, все это сыграло свою роль только благодаря незаурядным личным качествам.

В стремительном распространении ислама сыграли свою роль обстоятельства места и времени.

К VII веку у разобщенных арабских племен возрастала потребность в объединении. Господствовавшая над ними Иранская и Византийская империи ослабели из-за взаимной вражды, и подчиненные им племена получили возможность стать самостоятельными.

Мекка с Каабой и сильное богатое племя курейшитов были словно предназначены для того, чтобы стать центром кристаллизации великого исламского движения. Бог этого племени — «Илах», или «Аль-Илах», — постепенно вытеснял местных богов других, менее влиятельных племен. Естественно, что при объединении арабов именно Аллах стал единым и единственным Богом. Он укреплял духовную, идейную сплоченность сторонников ислама.

Существенно и то, что арабы VII века знали (немногие исповедовали) наиболее развитые религии: зороастризм, индуизм, иудаизм, христианство. В учении Мухаммеда есть заимствования из них, что увеличивало авторитет Корана. Ведь люди могли убедиться, что новое верование завершает предыдущие религиозные искания, не порывает с ними.

Мухаммед не был философом, ученым, книжником. Его образный цветистый поэтический стиль превосходно отвечал национальным традициям творцов сказок «Тысячи и одной ночи». Учение Мухаммеда было близко, понятно, доступно и привлекательно для широких масс. Оно имело политический, социальный, правовой аспекты и вполне подходило на роль государственной религии. В нравственном отношении оно стояло значительно выше древних племенных культов.

И еще. Ислам воодушевлял на смертный бой, укрепляя веру в победу. Клич-заклинание «Аллах акбар!» (Аллах велик!) убеждал, что покровительство подлинного единственного всемогущего Бога непременно поможет сокрушить врага. Глупо, грешно и смешно бояться смерти: ведь

Аллах обеспечивает душе погибшего за веру вечное блаженство в райском саду, в кругу прекраснейших гурий.

Многое в исламе направлено на укрепление единодушия верующих и выработку чувства причастности к делам и мыслям Пророка. Ислам упростил и представление о Боге. Признается лишь один Аллах, обладающий всеми человеческими достоинствами в наивысшей степени (в отличие, скажем, от национального Бога Яхве или трудно понимаемого массовым сознанием триединого Бога христианства). Пророк Мухаммед лишен сверхчеловеческих качеств. К достоинствам ислама можно отнести то, что в нем пророками признаны и Моисей, и Христос, а Мухаммед считается продолжателем и завершителем их трудов и откровений. Этим облегчался переход в мусульманство иудаистов и христиан. Коран не призывает к насилию, но учит нетерпимости к врагам: «И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте…» Так сказано во 2-й суре. А в 9-й сказано жестче: «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха… И сказали иудеи: „Узайр — сын Аллаха“. Эти слова в их устах похожи на слова тех, которые не веровали раньше. Пусть поразит их Аллах!» Короче: если враг не сдается, его уничтожают. Принцип четкий.

Ростовщичество ислам запрещал, но торговлю поощрял. Богатство и бедность считались естественными, «от Аллаха», но богатым следует давать милостыню и не разрешается закабалять должников. Такие правила устраивали богачей и бедняков, властителей и подчиненных. Неудивительно, что ислам оказался прочным духовным цементом, который сплотил воедино арабские племена и разные социальные слои.

Взлет творческой мысли в арабских странах определялся прежде всего религиозным энтузиазмом и распространением на обширных территориях исламского владычества. Через десять лет после смерти Пророка его последователи быстро завоевали Персию, Сирию, вторглись в Индию, позже захватили Египет, Карфаген, а в начале VIII века — Испанию. Могущественные и богатые халифы, в частности Гарун аль-Рашид (Харун ар-Рашид), оказывали покровительство философии, наукам. Этому примеру следовали влиятельные сановники и купцы. Представители стран ислама открыли для себя богатейший пласт духовной культуры, в частности интеллектуальное наследие Греции и Рима.

В XIII веке арабская цивилизация пришла в упадок. Прошло несколько крестовых походов; прокатилось по Азии и Восточной Европе монгольское нашествие, разрушив могущественный Багдадский халифат. Сама столица была захвачена монголами в 1258 году. Закончилось и мавританское владычество в Испании.

ПРАВИТЕЛИ, ПОЛКОВОДЦЫ

Степень гениальности религиозного учителя определяется будущим: тем, насколько его идеи будут восприняты массами. У правителей и полководцев многое зависит от текущей ситуации. Военачальник, вдобавок, вынужден подчиняться приказам вышестоящего начальства.

Великий мифический герой Геракл совершал подвиги, находясь на службе у бездарного царька, но имея возможность проявлять мужество, силу, смекалку. А полководцу приходится руководить вполне определенными воинскими подразделениями и командирами, которые ему выделены (если он не правитель) верховным начальством. В таких

условиях нередко замечательный стратег и тактик терпит поражение по не зависящим от него обстоятельствам. Этих неудачников придется оставить вне нашего внимания, ограничившись только теми, кто прославлен в веках.

Из государственных деятелей, быть может, самые выдающиеся жили очень давно. Им довелось создавать общественные структуры, системы управления, вводить первые законы, основывать правящие династии. Однако о таких людях сохранились преимущественно легенды или отрывочные сведения.

Едва ли не первой в мире исторической личностью является Нармер (около XXXI в. до н. э.) — царь Верхнего (Южного) Египта. О нем стало известно благодаря найденной в г. Иераконполе каменной пластинке, на которой изображен фараон и написано, что он покорил обитателей дельты Нила (Нижний Египет) и взял 6 тысяч пленных. Правда, согласно Геродоту, основал Первую династию фараонов Раннего царства Мин (или Менее). Не исключено, что Нармер и Мин — одно лицо (фараоны нередко имели по нескольку имен).

В Двуречье был в древности наиболее прославлен Гильгамеш (или Вильгамес) — царь города-государства Урука, живший около XXVIII в. до н. э. О нем сохранились главным образом легенды. Посвящена ему эпическая поэма «О все видевшем» — древнейшая из всех известных на Земле (она на полтора-два тысячелетия старше Библии). Поэма повествует, в частности, о всемирном потопе, а Гильгамеш выступает как мифологический герой. В действительности он прославился как мудрый правитель и блестящий стратег, завоеватель Нижней Месопотамии. По-видимому, он совершил успешный поход в Сирию и Ливан, доставив в свою страну ценный ливанский кедр. В поэме Гильгамешу, занятому поисками цветка бессмертия, душа умершего печально сообщает: «Друг мой, тело мое… как старое платье, едят его черви». Единственно доступное человеку бессмертие — остаться прославленным в памяти потомков добрыми великими делами.

Другим выдающимся правителем в Двуречье был Шульги (2093–2046 гг. до н. э.) — царь III династии Ура (Нижняя Месопотамия). При нем государство достигло расцвета. Он ввел культ царя и учредил первое из известных законодательство, предусматривающее наказания за преступления. Например, за членовредительство полагалось выплачивать штрафы (в отличие от более позднего принципа «око за око, зуб за зуб»; ведь от того, что выбьешь обидчику глаз или зуб, собственные части организма не восстановятся).

Достоин упоминания и Хаммурапи (первая половина XVIII в.) — царь Вавилонии, установивший свое владычество над всем Двуречьем. Он составил свод законов, высеченный на черном базальтовом столбе-обелиске. Судебник Хаммурапи состоит из 282 пунктов, учитывающих различные аспекты жизни общества. В нем впервые установлены принципы вины и злой воли: предумышленное убийство, например, наказывалось суровей, чем нечаянное. А вот телесные повреждения карались по примитивному правилу «увечье за увечье».

Наконец, отдадим должное Ашшурбанипалу (VII в. до н. э.) — царю Ассирии, сделавшему свою империю крупнейшей по тем временам в мире. Для нас он особенно интересен и ценен своей любовью к собиранию

исторических документов. По его приказу в столицу Ниневию свозились глиняные таблички с текстами по разным отраслям знания, с литературными произведениями. Эту древнейшую библиотеку раскопали археологи в середине XIX века.

Примерно тогда же или чуть раньше в Спарте, согласно преданию, правил Ликург, установивший порядки и обычаи по примеру Критского царства, а также военизированный режим с воспитанием у юношей мужества и силы, патриотизма и презрения к смерти. А в Афинах первые писаные законы появились по инициативе Дракона (или Драконта) в 621 году до н. э. (до этого они передавались устно). Была запрещена родовая месть, установлены правила судебных тяжб. Сурово наказывались посягательства на частную собственность (скажем, смертная казнь за кражу зерна), а также за безделье, тунеядство. С тех пор строгие меры правопорядка стали называть «драконовыми».

Перечисленные выше и ряд других наиболее древних выдающихся правителей нельзя назвать лучшими из лучших, гениальными по той простой причине, что сведения о них слишком скудны, а то и не очень достоверны. Хотя есть люди, о которых многое известно, а по своим талантам они могли бы войти в когорту лучших из лучших, однако имеются причины не делать этого. Упомянем о трех из них.

Афинский полководец и общественный деятель Алкивиад (ок. 450–404 гг. до н. э.) вырос и получил воспитание в доме своего дяди Перикла, был учеником Сократа. В тридцать лет он был избран стратегом, успешно воевал против Спарты. С усилением Афин укреплялся и авторитет Алкивиада. Он имел все возможности для того, чтобы стать великим государственным деятелем. Возможно, повредило ему то, что он с детства отличался красотой. Временами он предавался пьянству, разврату. Бесчинства Алкивиада привели к тому, что его обвинили в оскорблении святынь. Бежав в Спарту, он помог своим недавним врагам победить афинян. После смены власти в родном городе он вернулся в Афины и был избран флотоводцем. Одержав победу при Кизике и взяв город Византий, удостоился высших почестей. Однако при Нотии руководимая им армия потерпела поражение, ему пришлось бежать в Малую Азию, где он был предательски убит.

Судьба Алкивиада поучительна. По физическим и интеллектуальным качествам, полководческому таланту и мужеству он не уступал, возможно, никому из крупнейших полководцев и государственных деятелей. Однако непомерное честолюбие, авантюризм, пренебрежение высокими идеалами обрекли его на постоянные взлеты и падения, обесславили его имя.

В этом отношении несравненно достойнее был карфагенский полководец Ганнибал (247–183 гг. до н. э.). Двадцатидвухлетним он командовал конницей, а через четыре года возглавил карфагенскую армию в Испании. Во Второй Пунической войне руководимые им полки совершили беспримерный переход через Пиренеи и Альпы, вторглись с севера в Италию и одержали ряд блестящих побед (с тех пор у римлян фраза «Ганнибал у ворот» стала поговоркой, означающей близкую опасность). Из-за вторжения в Северную Африку армии римского полководца Публия Корнелия Сципиона Ганнибал вынужден был вернуться на родину,

выступил против римлян и был разбит в битве при Заме в 202 году, решившей исход войны. Позже его изгнали из Карфагена, он бежал на Восток, а когда римляне потребовали его выдачи, принял яд, предпочитая смерть плену.

Как полководец и патриот Ганнибал заслужил славу в веках. Однако можно ли отдать ему предпочтение перед Сципионом, победителем Карфагена? Тем более что последний был и крупным государственным деятелем… Впрочем, его заставили уйти в отставку, обвинив в злоупотреблениях властью и нарушениях конституции (возможно, из боязни, что он станет диктатором).

А почему бы не включить в число избранных Гая Октавиана Августа (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.)? Он более сорока лет был римским императором. При нем страна достигла расцвета, устойчивого могущества благодаря разумным реформам и продуманной внешней и внутренней политике. Его мудрые советники и помощники — Агриппа, Меценат — позаботились о расцвете наук, ремесел, искусств. Отличаясь суровым нравом, твердостью и государственным умом, Август принес Риму мир и процветание, с 19 года до н. э. стал абсолютным монархом, был провозглашен верховным жрецом и отцом отечества. А в молодые годы отличался мужеством, воинской доблестью и незаурядным полководческим талантом. И все-таки надо признать, что своими победами и возвышением он во многом обязан Марку Випсанию Агриппе — римскому полководцу и государственному деятелю, одержавшему победы над Секстом Помпеем, а затем над Марком Антонием и Клеопатрой, открыв Октавиану Августу путь к вершине власти. Агриппа руководил геодезической съемкой и составлением карт Римской империи, финансировал сооружение Пантеона, водопровода и терм в Риме. Разве он менее достоин почестей, чем император? Тем более что после Октавиана Августа государство стало клониться к упадку.

Итак, наш выбор будет определяться отчасти и тем, насколько самостоятельным был в своих достижениях тот или иной деятель и какими были результаты его правления. В этом отношении такая незаурядная личность, как Адольф Гитлер, имя которого безусловно вошло в мировую историю, несмотря на то что необычайным политическим взлетом и крупными победами он был обязан своим способностям, не может считаться великим государственным деятелем, потому что его страна потерпела сокрушительное военно-политическое поражение от СССР (роль в этом единоборстве союзников как с той, так и с другой стороны не имела решающего значения); вдобавок потерпела крах идеология фашизма и нацизма. Самые грязные антисоветчики стали находить нечто общее между Гитлером и Сталиным (и нашлись такие, кто поверил в эту ложь). В действительности это были антиподы и по характеру, и по манере поведения, и по идеологии. Единственное сходство: Сталин тоже поднялся из низов общества благодаря своим незаурядным, поистине необычайным достоинствам, умению управлять страной в труднейшие периоды, и конечно же благодаря поддержке народа.

СОЛОН

(ок. 640 — ок. 560 до н. э.)

Он был одним из крупнейших государственных деятелей Афин — законодателем, поэтом; греки причислили его к семи мудрейшим. И

все-таки точные пределы его жизни неизвестны.

Во времена его юности общество раздирали распри. В начале VII века до н. э. власть перешла от царей к коллегиальному руководству представителей земельной аристократии, однако в жизни простого народа (рабы были бесправны) улучшений не последовало, а разбогатевшие торговцы требовали своей доли власти. Отсутствие продуманного законодательства приводило к смуте и конфликтам. Законы Драконта мало помогли в установлении порядка.

Солон происходил из знатного, но обедневшего рода, занимался торговлей, немало путешествовал. Он писал стихи, осуждая жажду наживы и беспорядки в государстве, предлагая меры по устранению недостатков и призывая граждан захватить остров Саламин, важный пункт на торговых морских путях, что и было осуществлено. Будучи прекрасным оратором, он приобрел популярность среди граждан и в 594 году до н. э. был избран архонтом, высшим должностным лицом. За время своего правления учредил ставшие знаменитыми законы и (что не менее важно) создал условия для их выполнения. В частности, запрещалось брать в долг без письменного договора; упразднялись некоторые привилегии родовой аристократии; поощрялись ремесла и торговля. Было запрещено долговое рабство и отменены долги за землю, многие должники были вызволены из кабалы. Как Солон возвестил в одном из своих стихотворений, он сумел одарить свободой тех, кому приходилось влачить «иго рабства недостойного». (Конечно, имелись в виду свободные граждане, а не рабы, исполнявшие роль «говорящих» орудий труда.)

Некоторые из его законов не отличаются мудростью, предполагая наказание чрезмерно жестокое: «Выколовшему глаз — выколоть оба» или «Чего не клал — не бери под страхом смерти». Но ему удалось организовать государственное управление на демократических основах. Он придал выборному Национальному собранию законодательные функции и право решать вопросы о войне и мире; учредил орган управления и контроля (Совет четырехсот) и Народный суд, избираемые из представителей всех слоев демоса. Упростив и унифицировав систему мер и весов, он содействовал процветанию афинской торговли. Все афиняне были разделены согласно имущественному цензу на четыре группы. При этом зажиточные граждане имели больше прав, но и обязаны были нести значительную ответственность, а также значительные денежные расходы.

Благодаря Солону общественная жизнь была упорядочена. Однако сохранялись немалые противоречия между разными социальными группами, кланами крупных землевладельцев. В 561 году афиняне избрали на высший пост Писистрата, полководца и родственника Солона, который установил свою диктатуру. Солон удалился в изгнание. Афинян он поучал в стихах:

Если страдаете вы из-за трусости вашей жестоко,
Не обращайте свой гнев против великих богов.
Сами возвысили этих людей вы, им дали поддержку,
И через это теперь терпите рабства позор.

Кстати сказать, правление Писистрата вовсе не было позорным. Он сохранил законы Солона и более справедливо разделил земли среди нуждающихся. При нем расширились ремесла и торговля, были возведены в Афинах замечательные строения, в частности храм Зевса Олимпийского, завершено строительство водопровода и был впервые записан отредактированный текст поэм Гомера.

Поучения Солона остались в форме стихов и афоризмов:

Многие низкие люди богаты, а добрый беднеет;
Мы же не будем менять доблесть на денег мешок:
Ведь добродетель всегда у нас остается, а деньги
Этот сегодня имел, завтра получит другой.

— Законы как паутина: слабый в них запутывается, сильный их прорывает.

— Советуй не то, что всего приятней, а то, что всего лучше.

— В великих делах всем нравиться нельзя.

— Прежде чем приказывать, научись повиноваться.

— Стар становлюсь, но всегда многому всюду учусь.

ПЕРИКЛ

(ок. 495–429 до н. э.)

Время правления этого государственного деятеля в Афинах называют «эпохой Перикла» — так много он сделал для процветания своего родного города и последующей славы.

Родился он в аристократической семье. В молодости помог Эсхилу поставить трагедию «Персы». «Но самым близким к Периклу человеком, — писал Плутарх, — который вдохнул в него величественный образ мыслей, возвышавший его над уровнем обыкновенного вожака народа, и вообще придал его характеру высокое достоинство, был Анаксагор из Клазомен, которого современники называли „Умом“ — потому что удивлялись его великому, необыкновенному уму, проявлявшемуся при исследовании природы, или потому, что он первый выставил принципом устройства вселенной не случай или необходимость, но ум чистый, несмешанный, который во всех остальных предметах, смешанных, выделяет однородные частицы».

Постоянное общение с крупнейшим мыслителем того времени безусловно содействовало умственному развитию и ораторскому таланту Перикла. Тем не менее он не входил в высший аристократический совет — Ареопаг, а некоторые влиятельные граждане, усматривая в нем сходство с тираном Писистратом и опасаясь его возвышения, готовы были при первом удобном случае изгнать его из Афин, подвергнув остракизму. В то время так поступали с теми, кто проявлял свои выдающиеся способности, обретал огромную популярность и тем самым имел возможность стать диктатором. Так афинская аристократия (совместно с демократами) избегала перехода к монархии, единоличному правлению.

Участвуя в походах, Перикл проявлял храбрость, но как государственный деятель проявлял осмотрительность. Несмотря на свое происхождение, богатство и влиятельных друзей, он выступил на стороне народа и бедных, а не аристократов и богатых.

Соответственно изменились и образ его жизни, поведение: избегал пиров и долгих застолий, был сдержан и прост с окружающими. В отличие от демагогов он не стремился постоянно появляться перед народом или в Народном собрании, а речи произносил лишь в наиболее важных случаях, превосходя всех в ораторском искусстве, ясности и глубине мысли.

Сравнительно быстро Перикл сделался популярнейшим политиком благодаря патриотизму, честности, выступлениям за ограничение прав аристократии в поддержку народовластия. Его много раз избирали стратегом, а с 460 года до н. э. он стал фактически первым лицом вАфинах.

В подобных случаях правителей называли тиранами, диктаторами и во имя демократии старались поскорее избавиться от них. Однако Периклу удалось удержаться на вершине власти благодаря поддержке народа. Можно сказать, что он стал правящим народным вождем, употребляя свою власть не в личных интересах, а во благо полиса, государства. И это принесло замечательные плоды: были возведены многие прекрасные сооружения Акрополя. Руководил работами великий скульптор Фидий. Кроме него и Анаксагора в кругу Перикла были Геродот и Софокл. Кстати, когда последний сопровождал Перикла в морской экспедиции, то похвалил одного красивого юнгу, получив ответ: «У стратега должны быть чистыми не только руки, но и глаза».

Отличаясь воинской доблестью и одержав целый ряд побед (в память о них было установлено 9 трофеев), он приравнивает погибших за отечество к богам: «Ведь и богов мы не видим, но по тем почестям, которые им оказывают, и по тем благам, которые они нам даруют, мы заключаем, что они бессмертны; эти черты свойственны и тем, кто погиб в бою за Родину».

Возможно, подобные высказывания, имеющие атеистический оттенок, или отсутствие мистического взгляда на природу, воспринятые от Анаксагора, позволили врагам и завистникам Перикла выдвинуть против него и его близких друзей обвинения в оскорблении религиозных святынь. Анаксагор бежал из Афин, Фидий умер в тюрьме; судили даже жену Перикла Аспасию, одну из наиболее образованных женщин (ее оправдали благодаря речам мужа в ее защиту). Авторы комедий постарались унизить и осрамить Аспасию и Перикла; авторитет его был подорван. И когда в 430 году до н. э. разразилась эпидемия чумы, во всех несчастьях обвинили Перикла, не избрав его даже стратегом. Правда, лучше горожанам от этого не стало и они вновь возвели его на высокие должности, однако он заболел чумой и умер в 429 году.

«В этом муже, — писал о нем Плутарх, — достойна удивления не только умеренность и кротость, которую он сохранял в своей обширной деятельности, среди ожесточенной вражды, но и благородный образ мыслей; славнейшей заслугой своей он считал то, что, занимая такой высокий пост, он никогда не давал воли ни зависти, ни гневу…» И когда Перикл скончался, «то события заставили афинян почувствовать, чем он был для них… Люди, тяготившиеся при его жизни могуществом его, потому что оно затмевало их, сейчас же, как его не стало, испытав власть других ораторов и вожаков, сознавались, что никогда не было человека, который лучше его умел соединять скромность с чувством достоинства и

величавость с кротостью. А сила его, которая возбуждала зависть и которую называли единовластием и тиранией, как теперь поняли, была спасительным оплотом государственного строя: на государство обрушились губительные беды, и обнаружилась глубокая испорченность нравов, которой он, ослабляя и смиряя ее, не давал возможности проявиться и превратиться в неисцелимый недуг».

По словам историка и современника Перикла Фукидида, негласный правитель Афин утверждал: «Город наш — школа всей Эллады, и полагаю, что каждый из нас сам по себе может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых разных жизненных условиях». Это высказывание Перикла совершенно справедливо. Не случайно же в его славное правление Афины добились необычайных успехов в литературе, философии, драматургии, архитектуре, ваянии, строительстве, ремеслах, а также в торговле, военном деле. Эпоха Перикла отличалась не тем, что в это время вдруг невесть каким чудом возникли в Афинах гении. Таких совпадений не бывает.

Секрет прост: у многих людей, а не только кучки аристократов и богачей, появилась возможность проявить свои способности. Потому что установилось своеобразное правление: народовластие при единоначалии. И самое главное, руководил страной человек достойнейший, обладавший государственным умом, обширными знаниями, уважением к талантливым гражданам. Не менее важно, что был он патриотом.

Подобный феномен «демократической монархии» нам еще предстоит продумать на примере СССР. А пока еще раз подчеркнем, что в эпоху Перикла и сразу после нее — в продолжение подъема культуры — творили Анаксагор, Фидий, Софокл, Протагор, Геродот, Еврипид, Сократ, Фукидид, Аристофан, Платон, Диоген. Но конечно же и Перикл появился не сам по себе. До него греческая культура уже находилась на подъеме: жили и творили великие мыслители, ученые, поэты, драматурги — Анаксимандр, Сапфо, Феогнид, Эзоп, Анакреонт, Анаксимен, Ксенофан, Гераклит, Пифагор, Эсхил.

Культура в каком-то отдельно взятом полисе, государстве не достигает вершин внезапно и не угасает мгновенно. У общественного организма есть свои закономерности развития, взлета активности и падения. Но в этом процессе немалую роль играет выдающаяся личность государственного деятеля, ярчайший пример — Перикл.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ
(356–323 до н. э.)

Сын македонского царя Филиппа II Александр получил прекрасное образование. Его наставником был крупнейший философ того времени Аристотель. Когда Филиппа II убили заговорщики, Александр, став царем, укрепил армию и установил свое господство над греческими полисами (городами-государствами): Фивами, Афинами, завоевал Фракию, Фессалию, балканские страны. Он был отважен, сам участвовал в схватках, был умелым полководцем.

В 22 года он стал властвовать в Греции и решился выступить против могучей Персидской державы, возглавляемой Дарием. В битвах при Гранике, Иссе и Гавгамелах он разгромил персов. Завоевав Египет, принял титул фараона. Покорились ему Бактрия, Западная Индия. Создав

величайшую империю в 327 году до н. э., он пожелал сделать ее столицей Вавилон, где приказал разрушить храм Мардука (Вавилонскую башню). В этом легендарном городе он умер от лихорадки (по другой версии, был отравлен) в 323 году до н. э. Его империя вскоре рассыпалась. Однако она способствовала распространению греческой культуры на огромных пространствах Азии и, в свою очередь, помогла европейцам воспринять восточные культуры.

Можно считать Александра величайшим путешественником древности. Он провел войска из Европы в Малую Азию, Северную Африку, Центральную Азию. Он был обуян не только жаждой героической жизни, подвигов и славы, власти над всем известным миром, но и стремлением к познанию.

Известно одно его послание Дарию: «В дальнейшем, если ты будешь писать ко мне, обращайся ко мне как к царю Азии. Если ты хочешь оспаривать у меня царство, то стой и сражайся за него, а не беги, ибо где бы ты ни был, я найду тебя».

Говорят, Александр Великий спросил у попавшего в плен пирата:

— Кто дал тебе право хозяйничать на море?

— Тот же, — ответил он, — кто дал тебе право хозяйничать на земле. Но за то, что я делаю на море на своем бедном суденышке, называют меня разбойником. А ты это делаешь с огромной армией, тебя же называют владыкой.

Об Александре со временем стали сочинять легенды, особенно популярные среди арабов и европейцев в Средние века. Образ его позже приобрел «хрестоматийный глянец» как олицетворение воинской доблести, великих завоеваний, полководческого гения. Однако не следует забывать, что Александр получил «в наследство» хорошо обученную дисциплинированную армию, богатую казну, власть над многими греческими полисами. Великая Персидская империя к этому времени переживала кризис. В сражении при Иссе победа досталась Александру с большим трудом; если бы верх взял Дарий III, то царю Македонии досталось бы в истории человечества весьма скромное место, а судьба эллинской цивилизации могла оказаться плачевной. Повезло Александру и в том, что им была захвачена богатая персидская казна.

Конечно, подобные «если бы» не имеют научного значения, ибо не основаны на фактах. Но их имеет смысл обдумывать для понимания философии истории. В некоторые периоды, порой недолгие, а то и в результате одного крупного события (сражения, например) может решаться судьба цивилизаций; ведь в их развитии проявляется не только или даже не столько закономерная поступь «исторического процесса», сколько выбор — бессознательный, а то и случайный, вероятностный — одного варианта из двух, нескольких возможных.

Победив Дария III, Александр завладел его империей. Он разрушал некоторые города (например, прекрасный Персеполь), но и возводил новые — Александрию. Обуреваемый мечтой о мировом господстве, он так и не смог подчинить себе всю Индию и Среднюю Азию. Ему пришлось позаботиться о цельности своей обширнейшей империи, примиряя или даже породняя греков с персами.

Походы Александра Македонского широко раздвинули пределы влияния греческой культуры, содействовали ее взаимодействию с культурами других народов. Активизировались торгово-экономические связи между разными регионами, контакт западной и восточной цивилизаций, даже несмотря на бедствия войны, был в целом плодотворен. Героический период перешел в эллинистический. Обогатившись в результате завоеваний, Греция стала меняться, тем более что и силы народа были ослаблены потерями в походах Александра Македонского. Так что былые победы, возможно, предопределили будущее поражение от римлян и создание Великой Римской империи.

Обратим внимание на еще один аспект походов Александра Великого. Они проходили почти исключительно в зоне современных пустынь и полупустынь. Если там удавалось поить, и кормить армию, значит природные условия тогда были не экстремальными — на месте нынешних пустынь простиралась саванна. Войны содействовали опустыниванию. Такова обычная закономерность: широкомасштабные действия губят не только людей, но и природу.

ЦЕЗАРЬ ГАЙ ЮЛИЙ

(ок. 100—44 до н. э.)

Его деятельность началась в период кризиса римской рабовладельческой республики, гражданских войн, восстаний рабов (самое мощное — под предводительством Спартака). Еще до рождения Цезаря после распада эфемерной империи Александра Македонского начался расцвет Рима.

В политической борьбе патрициев и плебеев одержали победу сторонники народовластия, установилась власть Народного собрания. Были расширены и обеспечены права всех граждан; при верховной собственности общины существовало и коллективное, и частное землевладение. Большое значение придавалось религиозным обрядам и культу предков, что дополнительно укрепляло общество, поощряло патриотизм. Это было очень важно для создания сильной армии, к чему вынуждали постоянные вооруженные столкновения с соседними племенами и вторгавшимися с севера галлами.

Возвышению Рима благоприятствовало географическое положение в центре Италийского полуострова на судоходной реке близ соляных разработок. Победы над Карфагеном в Первой и Второй Пунических войнах (264–241 и 218–201 гг. до н. э.) позволили распространить влияние Рима на Сицилию, Испанию, Северную Африку. Постоянно укрепляя свою армию, римляне перешли к политике завоеваний на Востоке — в Македонии, Греции.

Успехи римлян определялись не только военной доблестью граждан и талантами полководцев, но и развитием духовной и материальной культуры — на основе великих достижений греков. В частности, римский драматург Тит Макций Плавт продолжил традиции греческой бытовой комедии. Он высмеивал гадателей, искателей легкой наживы («За неверным устремляемся, верного лишаемся») и политиков, которые хороши, пока стремятся к цели.

Но едва к ней придут, нет людей хуже них,
Нет лжецов, как они!

Пьесы Теренция, подражавшего греческому комедиографу Менандру, пользовались популярностью многие десятилетия. Уже после смерти драматурга, ему посвятил свою эпиграмму Юлий Цезарь:

Полу-Менандр, ты считаешься также великим поэтом —
И справедливо: ты любишь беседовать чистою речью.
Если бы было возможно прибавить комической силы
К мягким созданьям твоим, чтоб мог ты в почете сравняться
С греками и чтоб и в этом не ниже последних считаться!

Поэт Луциллий (воевавший, между прочим, в Испании) осмеивал богатеющее римское общество, где начали укрепляться неумеренное стремление к роскоши, лихоимство и казнокрадство. Вот фрагмент из его сатиры:

Ныне от утра до ночи, в праздник ли то или в будни,
Целые дни и народ, точно так же и важный сенатор
Шляются вместе по форуму и никуда не уходят.
Все предаются заботе одной, одному лишь искусству:
Речь осторожно вести и сражаться друг с другом коварством,
В лести поспорить, хорошего роль разыграть человека,
Строить засады, как если бы были враги все друг другу.

Незаурядной личностью был Марк Теренций Варрон (116—27 гг. до н. э.) — победитель пиратов, за что удостоился «Морского венка», как полководец воевал в Испании против Цезаря, потерпел поражение, но был прощен, организовал крупную публичную библиотеку в Риме, стал писателем и ученым-энциклопедистом. Знаменитый политический деятель, оратор, писатель и философ Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н. э.) сказал о нем: «Мы были чужеземцами в родном городе… Твои книги словно привели нас домой, рассказали нам, кто мы и где живем».

Еще в молодые годы Цезаря римская республика едва не стала монархией. Полководец Луций Корнелий Сулла (138—78 гг. до н. э.) после ряда блестящих побед в Малой Азии и Греции, когда его отстранили от командования, повел свою армию на Рим, разгромил армию своего соперника Гая Мария и в 83 году до н. э. стал диктатором, хотя через 4 года добровольно ушел в отставку. В стране продолжались междоусобицы. Враждовали по-прежнему две партии: представители патрициев — оптиматы и сторонники народовластия — популяры. Но результатом победы тех или других было установление диктатуры (например, от первых — Суллы, от вторых — Мария) и жестокие репрессии побежденных.

Обо всем этом приходится вспоминать для того, чтобы уяснить ситуацию в римском обществе, благоприятствовавшую установлению диктатуры Цезаря. Очень важно в политической борьбе помимо решительности уметь воспользоваться сложившейся обстановкой. Цезарь владел таким умением в полной мере. В 70 году до н. э. консулами стали

популяр Помпей и оптимат Красс, причем последний, заинтересованный в поддержке плебса, перешел в лагерь противников Суллы. Вернувшись из изгнания Гай Юлий Цезарь, племянник Мария, произнес речь о его заслугах и восстановил на Форуме его трофеи, убранные Суллой. Цезарь происходил из знатной семьи, получил прекрасное образование, овладел ораторским искусством и быстро стал видным политиком. Он приобрел популярность в народе, устраивая пышные зрелища. В 63 году до н. э. был избран верховным жрецом (понтификом). Затем, порядком разбогатев, управлял провинцией Испания.

Став консулом в 59 году до н. э., составил вместе с Помпеем и Крассом первый триумвират; успешно провел военную кампанию в Галлии (современные Франция, Бельгия), а также в Британии. После распада триумвирата Помпей предпринял попытку лишить Цезаря власти. Перед Цезарем встал вопрос: перейти ли с войском реку Рубикон, разделяющую Галлию с Италией, и тем самым начать гражданскую войну, или согласиться с отставкой?

Цезарь перешел Рубикон, разгромил армию Помпея, вторгся в Египет и установил там власть своей возлюбленной царицы Клеопатры. В августе 47 года до н. э. он стремительным ударом разбил войско боспорского царя Фарнака, описав впоследствии это событие кратко: «Пришел, увидел, победил». Затем выиграл в Африке сражение при Тапсе у Секста Помпея и Марка Порция Катона. Чуть позже, окончательно расправившись со своими врагами, он удостоился в Риме грандиозных триумфов. Его объявили пожизненным диктатором, «отцом отечества». С тех пор имя Цезарь стало означать «кайзер», «царь» (по-русски мы привычно говорим «царь» вместо латинского «рекс»). Юлия Цезаря убили на заседании сената заговорщики во главе с Брутом и Кассием. Он оставил по себе память не только как блестящий полководец и умный государственный деятель, но и как автор «Записок о галльской войне» и «Записок о гражданской войне», написанных чеканным латинским слогом.

Цезарь прославился прежде всего как блестящий полководец, не раз побеждавший численно превосходящего противника (учтем, что ему досталась отлично вооруженная и обученная, дисциплинированная армия). Как государственный деятель, он отличался рассудительностью, заботясь о благе Родины. По этой причине с уважением относился к Марку Туллию Цицерону — выдающемуся политику, оратору, писателю, философу, хотя тот был его противником, поддерживая Помпея. Простилось Цицерону даже такое высказывание: «Все мы рабы Цезаря, а Цезарь — раб обстоятельств». В этом была немалая доля правды. Ведь Цезарю была предоставлена пожизненная власть трибуна, бессрочная диктатура, его провозгласили императором и «отцом отечества».

Несмотря на то что в его руках была сосредоточена огромная власть, Цезарь не сумел разрешить серьезные социальные противоречия в римском обществе. Тем более что противники и завистники усиленно подрывали его авторитет, называя тираном, душителем свободы. О том, что это была демагогия, что под видом республиканского строя предполагалось установить власть олигархов, свидетельствует поведение римлян после убийства Цезаря. Когда заговорщики на заседании сената закололи его кинжалами, сенаторы разбежались, их паника передалась

народу. Когда убийцы, потрясая кинжалами, покрытыми кровью тирана, вышли, чтобы провозгласить торжество свободы, площадь и улицы были пусты. Опасаясь преследования, заговорщики скрылись в Капитолии. Выступление на Форуме Марка Брута было встречено молчанием. Цезарь не был осужден как «враг государства»; по предложению Цицерона его сочли умершим, а убийц амнистировали.

Во время похорон Цезаря его сторонник консул Марк Антоний произнес речь, восхваляя его достоинства, и прочел его завещание, по которому бедняки получали щедрые подарки. Гения-хранителя Цезаря признали божественным. Через год, когда к власти пришел второй триумвират, включавший Антония, многие враги Цезаря, в том числе Цицерон, были казнены. Армия заговорщиков Марка Брута и Гая Кассия была разгромлена, а они погибли. Когда распался второй триумвират, победил внучатый племянник и наследник Цезаря Гай Октавий. Он разбил армию Антония, завоевал Египет и стал единым правителем огромной державы. Граждане, уставшие от распрей, политических интриг и гражданских войн, провозгласили его в 19 году до н. э. Верховным жрецом и Отцом отечества, удостоив божественных почестей. При нем Римская империя достигла вершины могущества, процветания и культурного развития.

МАРК АВРЕЛИЙ
(121–180)

Правитель — деятель, философ — мыслитель. Если предаваться размышлениям вместо того, чтобы действовать, ничего хорошего из этого не выйдет. Не менее вредит философу занятие активной политической деятельностью, отвлекающей от мира чистой мысли, познания.

В этом отношении Марк Аврелий Антонин является редким исключением. Он жил, можно сказать, двойной жизнью. Одна проходила на виду у всех, другая оставалась потаенной до самой его смерти.

Родился он в Испании в богатой и знатной семье римского сенатора Был усыновлен собственным дядей — императором Антонином Пием и стал его наследником. Надо отметить, что Марку Аврелию очень повезло с покровителем: он был человеком совестливым и благородным, стремился сохранять мир, не стремясь к завоеваниям. Он издал немыслимый для прежних времен закон, запрещающий возвращать рабов, искавших защиты в храмах у статуй императоров от гнева своего господина, их владельцу. Более того, убийство хозяином раба расценивалось как тяжкое преступление. Вполне обоснованно Антонина Пия считали образцом благочестия.

В период правления Антонинов Римская империя была огромна, сильна и богата, что пагубно сказывалось на нравах правящей верхушки. Аристократия разлагалась, и не случайно императоры были выходцами из провинций (Траян и Адриан — из Испании, Антонин Пий — из Галлии). В такое время судьба монархии во многом зависит от качеств правителя. Антонины оказались достойными императорами. Не случайно время их правления называли «золотым веком» (хотя уже сын Марка Аврелия Коммод — грубый, недалекий и жестокий — положил начало новому этапу в жизни страны, когда господствовали тираны, представители армии).

После смерти Антонина Пия в 161 году власть перешла к его приемным сыновьям Марку Аврелию и Луцию Веру, который не отличался ни государственным умом, ни полководческим талантом (умер в 169 году). Сразу же начались серьезные осложнения на Востоке, где парфяне захватили Армению и вторглись в Сирию. Пришлось перебрасывать сюда дополнительные легионы, но победа над парфянами была омрачена начавшейся в Двуречье эпидемией чумы, захватившей часть римских войск и перешедшей в пределы империи. Осложнилось положение на дунайской границе, чтобы справиться с воинственными германскими и славянскими племенами, Марку Аврелию пришлось набирать в свою армию гладиаторов. А в 172 году началось восстание в Египте. Подавив его, опытный полководец Авидий Кассий объявил себя императором. Против него выступил Марк Аврелий, но до столкновения дело не дошло: Кассий был убит заговорщиками.

Вернувшийся в Рим Марк Аврелий вскоре был вынужден вновь выступить на защиту страны от придунайских племен маркоманов, квадов и их союзников. Отразив эту угрозу, он заболел (по одной версии, чумой, по другой, более поздней — язвой желудка) и умер в Виндобоне (Вене). Среди его вещей были обнаружены записи, которые он вел во время походов. Позже они издавались под заглавием «Размышления», «К самому себе», «Наедине с собой». Судя по всему, они не предназначались для опубликования: автор в самом деле обращается к самому себе, давая свободу уму и предаваясь утонченнейшему наслаждению интеллектом, размышлениями. Однако ему не свойственны пустые мудрствования, далекие от реальности и жизненной правды. Уже в первой книге он перечисляет все то хорошее, что передали ему предки и чему и научили воспитатели, благодаря судьбу (богов) за свои сдержанность, презрение к роскоши и богатству, стремление к справедливости. А еще, как он пишет, за то, что, «возмечтав о философии, не попал я на софиста какого-нибудь и не засел с какими-нибудь сочинителями да за разбор силлогизмов; и не занялся внеземными явлениями» (последнее надо понимать как отстранение от увлечения гороскопами, гаданиями и другими суевериями, которые стали популярны в период деградации римского общества).

Прекрасно понимая, что мудрость правителя проявляется не в словах, а в делах, он обращается к себе: «Трудись, не жалуйся. И не из желания, чтобы сострадали, изумлялись; одного желай: двигаться и покоиться так, как почитает за достойное гражданственный разум». «Радость человеку — делать то, что человеку свойственно. А свойственны человеку благожелательность к соплеменникам, небрежение к чувственным движениям, суждение об убедительности представлений, созерцание всеобщей природы и того, что происходит в согласии с ней». «Если кто может уличить меня и показать явно, что неверно я что-нибудь делаю или понимаю, переменюсь с радостью. Я же правды ищу, которая никому никогда не вредила; вредит себе, кто коснеет во лжи и неведении».

Искание правды-истины — первооснова философии и науки. И хотя Марк Аврелий не создавал завершенного и логически непротиворечивого учения, а его высказывания разрозненны и не сведены в единую систему, его по праву называют выдающимся философом. В своих размышлениях о бренности всего земного, вечных круговоротах материи, неизбежности

смерти как разложения на атомы для дальнейших превращений он остается современным на все времена. Есть смысл вдуматься в его слова: «Время человеческой жизни — миг; ощущение смутно; строение тела бренно; душа неустойчива; судьба загадочна; слава недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу, подобно потоку, относящееся к душе — сновидению и дыму. Жизнь — борьба и странствия по чужбине; посмертная слава — забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии» (учтем, что в его понимании философия, как следует из названия, любовь к мудрости).

Может показаться, что Марка Аврелия следовало бы отнести в разряд философов, а не государственных деятелей и полководцев. Ведь для него главенствующей была духовная жизнь. По его убеждению: «Пора не только согласовывать свое дыхание с окружающим воздухом, но и мысли с всеобъемлющим разумом. Ибо разумная сила так же разлита и распространена повсюду для того, кто способен вбирать ее в себя, как сила воздуха для способного к дыханию». «Смотри внутрь себя». Или: «Но неизбежно будет несчастен тот, кто не следит за движениями своей собственной души».

И все-таки поистине гениален Марк Аврелий именно тем, что, оставаясь крупным государственным деятелем и видным полководцем, не переставал быть философом, проявляя высокий интеллект и мудрость. Остается только сожалеть, что подобных людей было слишком мало в истории: одних власть развращает, других делает лицемерами, третьих — приспособленцами, четвертые употребляют ее, чтобы потакать своим низменным чувствам, пятые становятся страшным орудием в чужих нечистых руках… Марку Аврелию удалось преодолеть искушение властью без особых усилий благодаря склонности к философии, стремлению к правде и достойной жизни. Немногим из правителей дано было понять, осознать простую и верную мысль, высказанную им: «Люди существуют друг для друга».

Обращаясь к себе, он, в сущности, говорил каждому из нас: «Представь себе, что ты уже умер, что жил только до настоящего момента, и остающееся время жизни как доставшееся сверх ожидания проведи согласно с природой».

КОНСТАНТИН
(272–337)

Пример Марка Аврелия показывает, что мудрый правитель-философ способен достойно пройти свой жизненный путь и руководить государством. Однако это еще не является гарантией славного будущего страны под властью его преемника. Возможно, причина в том, что всякий крупный мыслитель, очень пристально вглядываясь в глубины собственной души, не всегда обращает должное внимание на своих близких, а стремясь познать настоящее, мало задумывается о будущем.

Верно сказал Марк Аврелий: «Не все же разглагольствовать, каким должен быть хороший человек, пора и стать им». Для себя эту непростую задачу он выполнил, но сына своего не смог воспитать соответствующим образом. И с той поры Римская империя стала клониться к закату, а разложение ее начиналось с верхних привилегированных слоев.

Конечно, кризис великой империи — процесс сложный и комплексный. Его нельзя свести к разложению правящей верхушки или крушению идеологических основ общества под воздействием христианства. Например, известный британский историк А.Дж. Тойнби полагал, что «римские пролетарии», считаясь свободными гражданами, не имея и небольшого земельного надела, должны были идти на войну и умирать во благо знатных и богатых сограждан. «Это был весьма благодатный материал для социальных взрывов».

Однако не менее важно и то, что необходимость держать в подчинении многие народы и страны, а также отбивать нападения агрессивных соседей делали Рим военизированной державой. Она держалась главным образом за счет армии, которая в конце концов и стала господствовать. Но почему так получилось и почему в стране стало чрезмерно много обездоленных бедствующих «пролетариев»? Тем более что в Рим стекались богатства со всей ойкумены, а местная знать купалась в роскоши и безумствовала от излишеств…

Большую роль в обеднении земель метрополии сыграли два фактора: истребление лесов и истощение почв. В результате мелели реки, снижался уровень грунтовых вод, развивалась эрозия земель, уменьшались урожаи. И это — при более или менее постоянном росте населения. Ужесточался, как мы теперь говорим, экологический кризис.

Экономика державы базировалась на ограблении покоренных и зависимых стран: складывалась цивилизация не производства, а потребления. Опора на армию вела к тому, что крупные военачальники объявляли себя императорами и враждовали между собой. С 211 по 284 год 20 римских императоров были убиты. К началу IV века империя стала не только разлагаться внутренне, но и распадаться на части. Процесс этот задержал Диоклетиан, талантливый полководец, ставший императором в 284 году. Он укрепил местные органы власти и разделил империю на Западную и Восточную. Однако как только в 305 году он отошел от дел, завершая жизнь на своей роскошной вилле, в стране началась борьба за власть. Победил сын правителя западной половины империи Констанция Хлора — Константин, которого после внезапной смерти отца в 306 году британские легионы провозгласили цезарем. Претендентом на власть в империи был Максенций, управлявший Италией. Решающее сражение между ними произошло под Римом в 312 году.

Согласно христианскому преданию, в решающий момент сражения Константин увидел знамение: крест с надписью «Сим победишь». Поведя свои легионы в атаку, он разбил противника. Максенций утонул в Тибре. Трудно поверить в то, что Константина благословил на победу христианский крест, ибо в то время будущий император не был христианином, хотя и не относился к этой религии враждебно. Победу проще объяснить тем, что в распоряжении Константина было хорошо обученное и закаленное в боях войско, а сам он, несмотря на молодость, был отличным полководцем и, вдобавок, обладал большой физической силой.

Торжественно войдя в Рим (впереди на копье несли голову Максенция), Константин одним из первых своих распоряжений освободил христианских священников от податей и повинностей, взяв их на

государственное содержание. Тем самым еще недавно гонимая религия обрела все права наравне с другими, принятыми в государстве культами. Владея центральной и западной частью Римской империи (восточной правил Ликиний), Константин в 324 году двинул свою армию на Восток. Ликиний выступил ему навстречу, но в сражении был разбит и бежал в укрепленную крепость Византий у Босфорского пролива, соединяющего Черное и Мраморное моря. Затем он сдался в плен, Константин отправил его в ссылку, а вскоре велел умертвить как заговорщика, став единовластным правителем всей великой Римской империи…

Впрочем, римской она оставалась только по названию. Столицу Константин решил перенести из этого города в Византий — старинную греческую колонию. То было поистине судьбоносное решение, причины которого не вполне понятны. Мог ли Константин предвидеть, что Риму суждено будет пасть под напором варварских племен и хранителем античной культуры на несколько веков станет эта новая столица империи? Что именно ей суждено будет превратиться в первый мощный бастион христианства?

Возможно, к тому времени Рим переживал период упадка, оброс пригородами, а окрестные территории были частично опустынены, реки обмелели. Кроме того, Италия постоянно находилась перед растущей угрозой вторжения с севера варваров. Наконец, Константин, все более склонявшийся к христианству, мог иметь в виду основать новую столицу под сенью креста (хотя и не порывая окончательно с языческимикультами).

Так или иначе, решение было принято, началось строительство дворцов и храмов, а также новых крепостных сооружений Византия, который в мае 330 года был освящен под именем Константинополь. Сюда было свезено множество замечательных памятников античного искусства: город стал хранителем эллинских традиций в искусстве, литературе, архитектуре и в то же время превратился в первый мощный оплот христианства.

…В цикле рассказов и повестей австрийского писателя Стефана Цвейга «Звездные часы человечества» есть рассказ «Гений одной ночи» о создателе «Марсельезы» Руже де Лиле. Так вот, Константина с полным основанием можно считать гением одного решения, ибо оно стало одним из очень немногих деяний, которое предопределило развитие всей мировой цивилизации. Перенеся столицу на окраину империи, он основал центр античной, а не только христианской культуры там, где не так сильно сказывалось духовное разложение римского общества.

Может показаться странным, что эллинские традиции не сохранились в самой Греции. Ведь можно было сделать столицей, например, некогда славные Афины. Почему Константин не сделал такого выбора?

Ответ на вопрос может подсказать историк II века Полибий: «В наше время всю Грецию постигло неплодие и вообще скудость населения, вследствие чего и города запустели, и произошли неурожаи, хотя не было у нас ни продолжительных войн, ни заразительных болезней». То есть здесь была та же беда, что и в Италии, связанная главным образом с истощением природных ресурсов (лесов, почв, рек). А еще сказывались и духовные факторы. «Когда люди утратили простоту и сделались любостяжательными

и расточительными, — пояснял Полибий, — и перестали вступать в брак, а если вступали, то с тем, чтобы не иметь больше одного или, в крайнем случае, двух детей, чтобы оставить им значительные богатства и воспитать их в роскоши, — вот при каких условиях постепенно усилилось бедствие».

Трудно сказать, насколько хорошо понимал и учитывал все это Константин, но выбор его оказался важным не только для христианства как государственной религии, определившей главные черты европейского Средневековья, но и для завершившей этот период эпохи Возрождения, ассимиляции античной культуры, хранительницей которой на многие века стала Византия. Отсюда православие перешло к восточным славянам и стало одной из наиболее надежных опор Киевской Руси, Московского княжества и, наконец, Российской империи.

Что же касается самого Константина Великого, то приходится признать, что он, в отличие от своей матери Елены, причисленной к лику святых, не был исполнен христианских добродетелей, порой был неоправданно жесток и коварен, а также непоследователен в вопросах веры. По словам крупного историка Византии Ф.И. Успенского: «Остается… неясным вопрос о том, насколько Константин сам был затронут евангельским учением, и насколько в его церковной политике уделено было место нравственным принципам, вытекающим из проповеди Христа. Все, по-видимому, приводит к тому заключению, что равноапостольный Константин воспользовался новым учением как средством для мировластительства и как политическим орудием, и что божественность евангельского учения мало коснулась его умонастроения и убеждения».

Действительно, он был прежде всего государственным деятелем и полководцем, для которого духовная жизнь — и личная, и общественная — подчинялась требованиям державным, необходимости укреплять власть правителей. Византийская империя воплотила в себе синтез греческой культуры, римского права и государственного устройства, христианской религии. То же в разных пропорциях стало с той поры присуще все большему числу европейских стран.

КАРЛ ВЕЛИКИЙ
(742–814)

Появление его империи, как всегда в истории, было предопределено (во всяком случае, при ретроспективном взгляде) делами по меньшей мере двух его предшественников. Первым был Карл Мартелл (ок. 688–741) — сын майордома (герцога) одной из трех крупных франкских провинций Австразии Пипина II Геристальского, который распространил свое влияние на два других майордома. Карл уделял большое внимание организации своей сравнительно небольшой армии. По традиции германских племен, франки отдавали предпочтение пехоте, но он постарался создать и хорошую конницу. Главную ударную силу составляли тяжело вооруженные рыцари. Со своей армией Карл разбил поочередно саксов, фризов, аллеманов, баваров, сделав их своими данниками. Получил прозвище Мартелл (Молот). В 732 году испанские арабы вторглись в Галлию, двигаясь к Парижу. Карл Мартелл выступил им навстречу. Решающая битва у города Пуатье продолжалась 3 дня. Арабы потерпели поражение и отступили, оставив победителям богатый обоз. Через 5 лет они вновь попытались захватить владения франков и опять были разбиты

Молотом-Мартеллом. Он стал основателем королевской династии Каролингов.

Пипин III (ок. 710–768), сын Карла Мартелла, унаследовал его владения. (Он отличался физической силой, и, по-видимому, его прозвище «Короткий» точнее перевести как «Коренастый».) Франкская знать на собрании в г. Суассоне в 751 году провозгласила его королем. Низвергнутого безвластного короля Хильдерика III Меровинга заточили в монастырь. Установив союз с папой римским, благословившим эти перемены, Пипин III разбил армию лангобардов и содействовал созданию папского государства в Италии. Оно просуществовало до нашего времени, хотя и сократилось до размеров Ватикана.

После смерти короля Пипина III трон перешел к его сыну Карлу, получившему неплохое образование. Он говорил на нескольких языках, был красноречив, интересовался науками, однако «искусством письма» владел значительно слабей, чем оружием. Его отличали незаурядная физическая сила, храбрость, простота в общении и одежде. Он лично участвовал в 50 походах.

Когда он принял власть, заявили о самостоятельности вожди многих германских племен. Карл жестоко подавил эти восстания. Он окончательно разгромил лангобардов в Италии. Поход Карла Великого против Испанского халифата был успешным лишь отчасти. Дойдя до Сарагосы, Карл вынужден был отступить. В предгорьях Пиренеи погиб в сражении арьергард его войска во главе с маркграфом Роландом. Но все-таки Карл отвоевал северо-восточную часть Испании с Барселоной. Раздвигая границы своей империи на восток, он покорил почти все германские племенами потеснил славян; разгромил совместно со славянами Аварский каганат в долине Дуная.

Создав огромную державу Карл Великий позаботился о возрождении духовной культуры по примеру Римской империи, учредил Академию (эту эпоху называют «Каролингским возрождением»), установил дипломатические отношения с другими государями, в частности, с арабским халифом Гаруном аль-Рашидом, приславшим ему в дар живого слона и ключи от Иерусалима.

Укреплял свое государство Карл Великий не только силой армии, но и распространяя христианство и просвещение среди полудиких германских племен. В этом ему помогал монах миссионер из Англии, позже возведенный в сан епископа под именем Бонифаций. Могущество монархии удалось укрепить, отняв у многих землевладельцев имения, поделив их между монастырями и своими верными вассалами, а значительную часть оставив себе. Язычников он карал немилосердно, уничтожая их древние святыни. Под его властью находилась огромная территория (Франция, Бельгия, Голландия, Швейцария, Западная и Южная Германия, северо-восточная Испания, почти вся Италия).

В Рождество 25 декабря 800 года папа римский Лев III короновал Карла Великого императором и августом. Карл стал 69-м правителем Римской империи со времен Августа Октавиана. Еще раньше, в 799 году, папу обвинили в разврате, клятвопреступлениях, корыстолюбии, избили (хотели даже ослепить) и изгнали из Рима. Престол ему вернул Карл Великий, став его покровителем. Более того, Карл потребовал от папы

покаяния. Так что, можно сказать, император получил корону от своего зависимого должника. Тем не менее существование великой державы было бесспорным.

Еще раньше Карл Великий провел административную реформу, установившую монархию, которая управлялась королем, дворцовым судом и канцеляриями во главе с канцлером. Ставленники монарха контролировали деятельность местных графов.

Важнейшим мероприятием Карла Великого стало распространение просвещения — главным образом через монастырские школы — и возрождение античной культуры (в значительной мере заимствованной у Византии). При дворе организовалось ученое сообщество из представителей разных народов: писатель англосакс Алькуин, поэт визигот Теодульф, историк лангобард Павел Диакон, архитектор, живописец и механик франк Эйнгард и другие. Собираясь у государя, эти люди изощрялись в риторике и остроумии, читали свои сочинения, вели философские беседы. Употребляли латинский язык, предпочитая образные выражения и аллегории. Один из поэтов того времени писал: «Вот возобновляются времена, воскресает жизнь древних, возрождается то, чем сиял Рим».

Однако при всех талантах Карла Великого как полководца и государственного деятеля ему не удалось разжечь зарево Возрождения — эпохи бурного брожения мысли, устойчивого обновления культуры. Даже выдающаяся личность не может резко изменить развитие общества. В те времена гигантская империя напоминала лоскутное одеяло; состояла из слишком разнородных и не объединенных единой идеологией и культурой частей. Самого монарха, правда в шутку, мы бы теперь назвали «бомжем», не имеющим определенного места жительства человеком. Он вынужден был кочевать со своим двором из одного поместья в другое, чтобы прокормить свою обширную свиту, охрану, чиновников и держать под контролем страну (главная его резиденция была в Ахене).

«Правление Карла блеснуло недолгим светом, — сделал вывод Р.Ю. Виппер. — Соединить в одно целое и удержать под одной властью в течение 40 лет такую обширную империю удалось отчасти при помощи искусных приемов римского управления, которые сохранились в Византии и передались на Запад через посредство церкви. Однако сеньеры и магнаты не хотели служить послушными орудиями верховной власти, каковыми были византийские стратеги, командиры и чиновники. О подчинении государству в империи Карла не было и речи. Малые и простые повиновались сильным и богатым; все служили только определенным лицам. Сам император Карл производил наибольшее обаяние и увлекал массы; его смертью все кончилось, его счастливые качества уже не передались наследникам его титула. Но молва о великом монархе, воителе и правителе стала ходить в сказаниях. Через 70 лет после его смерти монах Сан-Галленской обители (у Боденского озера в Швейцарии) собрал различные рассказы, где Карл выступает глубоко мудрым правителем, способным открыть неправду и читать в сердцах людей. Военное предание изображает его „железным Карлом“, от появления его войск дрожит земля… Прозвание Великого слилось у французов в одно с его именем, а у соседних славян его имя стало нарицательным (краль, король — не что

иное, как Карл)».

Странным образом в разных странах, у разных народов во все эпохи складывался культ некоторых личностей, переходящий после смерти этих людей в демонизацию или едва ли не обоготворение. Чем это вызвано? Причудами массового сознания, склонного к мифологизации действительности? Преклонением перед героями?! Стремлением представить гениев сверхчеловеками, наделенными необычайными качествами? Надеждами на возвращение героических эпох?

Казалось бы, да какая разница? Может, люди просто склонны развлекаться красочными преданиями, анекдотами, ужастиками, побасенками. Ничего особенного…

И все-таки есть, пожалуй, в этом немалый смысл. Ныне живущим предлагается ориентироваться на выдающихся представителей рода человеческого, верить в сверхобычные возможности личности, способной на великие дела. И если культ героев и великих людей угасает, а их образы тускнеют и опошляются, значит такой народ пребывает в духовном упадке.

ЧИНГИСХАН
(1155–1227)

Согласно преданию, он родился, «сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови». Так ли было в действительности, выяснить невозможно, однако этот ребенок стал одним из самых жестоких и кровожадных завоевателей в истории человечества. Имя его — Чингисхан Темучин — наводило ужас на многие народы и страны.

Его отец, хан Багадур (Богатырь), предводитель одного из монгольских племен, кочевавших в забайкальских степях, начал объединять соплеменников под своей властью. Когда он умер, подчиненные ему ханы восстали и попытались вырезать всю его семью. Темучину пришлось долго скитаться. Обладая гибким умом, твердой волей, жестокостью и осмотрительностью, он сплотил вокруг себя группу приверженцев, справился поодиночке со своими врагами и продолжил дело отца.

В 1206 году на всеобщем съезде кочевников его провозгласили Чингисханом (Великим ханом, императором). Выбор оказался чрезвычайно удачным. Чингисхан проявил выдающиеся качества организатора. Он укрепил центральную власть и войско; составил свод законов и ввел общемонгольскую письменность (не умея ни читать, ни писать!). Объявил всеобщую воинскую и трудовую повинность. Предоставил больше свободы женщинам, чтобы они могли вести хозяйство при постоянных отлучках мужчин на войну. Столицей своей империи он сделал Каракорум.

Начав с 1211 года завоевательные походы, он покорил Китай и Тибет, государства Средней Азии. Его полчища достигли реки Инд, прошли в Закавказье, Прикаспий, Причерноморье и разбили русско-половецкие войска на реке Калке. К концу жизни Чингисхан повелевал крупнейшей мировой империей, которая была основана на культуре и технических изобретениях Китая. Так впервые в мировом масштабе (точнее — в пределах Старого Света) заявил о себе Восток.

Победы Чингисхана объясняются прежде всего выдающимися организаторскими и полководческими талантами и его самого, и целого штаба дисциплинированных и умных военачальников. Свои походы он

основательно готовил, проводя, в частности, разведку и собирая шпионские сведения. Один персидский историк той поры так охарактеризовал монголов: у них львиное мужество, собачье терпение, предусмотрительность журавля, хитрость лисы, дальнозоркость ворона, хищность волка, боевой жар петуха, заботливость о близких курицы, чуткость кошки, а при нападении буйность вепря.

Захватив Китай, монголы переняли у покоренных целый ряд изобретений. Например, стали использовать взрывчатую силу пороха при осаде крепостей, наводя ужас на обороняющихся своей артиллерией. При необходимости Чингисхан умел вести хитрые дипломатические игры подкупать потенциальных противников, а при упорном сопротивлении карать врагов с необычайной жестокостью. Его огромные армии прошли по Средней Азии, неся разрушение и смерть, опустошая земли, уничтожая цветущие города и оросительные системы. После них чаще всего оставались пустыни. Страшная слава Чингисхана опережала его приход, вызывая общее смятение. Успеху его немало способствовала феодальная раздробленность различных царств и княжеств.

По свидетельству современника, в кругу приближенных Чингисхан хвастался, что перебил огромное множество людей, пролил реки крови, а потому слава его будет вечной. В этом он не ошибся.

ПЕТР I
(1672–1725)

На характере и деяниях царей заметно сказываются государственные события, на фоне которых протекает их детство и юность. Ведь детские годы, скажем, Ивана Грозного безусловно отразились на его поведении как самодержца, ненависти к боярам, жаждущим власти. То же относится и к Петру I.

Царевич Петр, родившийся в 1672 году, рос едва ли не в идеальных условиях. Просторные светлые, ярко разукрашенные хоромы, прекрасные разнообразные хитроумные игрушки, постоянные игры со сверстниками. Не тогда ли пробудился у него интерес к технике, военному делу, к пушкам и кораблям? Брали его на театральные представления, различные увеселения и праздники. Возможно, шумные потехи тоже запечатлелись в сознании малыша, определив его тягу к развлечениям (порой грубым, а то и безобразным, хмельным).

Три года и 7 месяцев продолжалась светлая пора детства Петра — до смерти отца Алексея Михайловича в январе 1676 года. Корона перешла к болезненному царевичу Федору Алексеевичу. Реальной властью пользовались прежде всего приближенные к нему бояре. Вдовствующая царица и ее сын были оттеснены от престола. С пяти лет Петра начали обучать грамоте. Однако систематического образования он не получил.

Царь Федор Алексеевич умер в апреле 1682 года. На похоронах знать целовала руки наследникам: Ивану, сыну от первой жены Алексея Михайловича, болезненной Марии Милославской, и Петру, сыну Натальи Нарышкиной.

15 мая 1682 года взбунтовались стрельцы и ворвались в Кремль, крича: «Нарышкины задушили царевича Ивана!» Царица Наталья вывела на Красное крыльцо двух царевичей. Но разбушевавшейся толпе требовались жертвы. На глазах малолетнего Петра стрельцы учинили

зверскую расправу над некоторыми боярами, среди которых были наставники царевича. Эти страшные события запомнились Петру навсегда. Почти все его родственники Нарышкины и их приближенные были убиты или сосланы. Обоих царевичей признали царствующими при первенстве Ивана Алексеевича. Правление государством взяла в свои руки царевна Софья.

При необычайной живости характера Петр не отличался усидчивостью, а учителя его не были слишком настойчивыми и не старались (или не смогли) принудить его к прилежной учебе. Может показаться странным, что такой недоучка в зрелые годы стал решительным реформатором русского общества, поборником наук и просвещения. Но в этом нет ничего удивительного. Прилежные ученики редко бывают смелыми новаторами. Учителя не погасили у Петра искры любознательности — вот что главное.

В Преображенском он велел устроить военный городок. Через Яузу перебросили мосты, возвели фортификационные сооружения с башнями. Появились первые офицеры потешного войска — с навыками настоящих профессионалов. Царевич Петр не сидел сложа руки, когда другие работали. Он во все вникал, всему обучался; осваивал ремесла каменщика, кузнеца, столяра и плотника, печатное и военное дело, навыки артиллериста. В Оружейной палате Кремля, помимо всего прочего, приметил огромный глобус, привезенный голландскими послами в подарок отцу. Велел его починить и по нему изучал географию.

Узнал он от князя Долгорукого, что есть инструмент, позволяющий узнавать расстояние, не сходя с одного места. Долгорукий по его просьбе привез из Франции астролябию. Царевич пожелал научиться ею пользоваться. Пришлось под руководством иностранного преподавателя пройти курс арифметики и геометрии. Теперь он умел, в частности, вычислять траекторию брошенной из мортиры бомбы.

С потешного ботика начался вовсе не потешный могучий российский флот. Речка Яуза оказалась мала даже для небольшого бота. Измайловский Просяной пруд, где продолжили испытания, — тоже. Следующей акваторией стало Переяславское озеро. И Кубенское озеро показалось ему невеликим и мелким. «Того ради, — вспоминал позже Петр, — уже положил намерение прямо видеть море».

Желая остепенить семнадцатилетнего сына, царица Наталья Кирилловна женила его на красавице-боярыне Евдокии Лопухиной. Однако Петра значительно больше жены привлекали корабли, построенные на Переяславском озере. В письме оттуда матери он о жене и не вспоминает. Сообщает о делах и называет себя: «Сынишка твой, в работе пребывающий, Петрушка».

Реально страной продолжала править царевна Софья, заключившая договор о вечном мире с Польшей, по которому Киев навсегда оставался за Россией. Укреплялась ее власть, но еще быстрее взрослел Петр. Он все более интересовался государственными делами.

Летом 1689 года пустили слух, будто готовится убийство царя Ивана и Софьи. Командир стрельцов Шакловитый призвал вооруженные отряды в Кремль и на Лубянку. Однако большинство стрельцов отказалось бунтовать. Двое из них добрались до Петра, находившегося в

Преображенском, и предупредили его об опасности. Спросонок Петр в ужасе бросился в конюшню босой, в одной сорочке, вскочил на коня и умчался в лес. Придя в себя, он отправился в Троицкую лавру, туда стали стягиваться верные ему бояре, стрельцы и потешные отряды. А когда явились служивые иноземцы, стало ясно, что дело Софьи проиграно; ее отправили в Новодевичий монастырь.

…О деяниях и жизни Петра I написано очень много. Человеком он был выдающимся. Одни его обожествляли, другие считали антихристом. Кому-то он представляется жестоким самодуром, насильно перестроившим Россию на западный лад. Чаще его восхваляют как великого реформатора и государя, сделавшего Россию мировой державой и заложившего в ней основы просвещения.

И то, и другое мнения обоснованы. Петр был человеком крайностей, вспыльчивым, страстным и противоречивым. Оставаясь самодержцем, бывал и шкипером, и бомбардиром Петром Алексеевым. Он возглавлял русскую армию в азовских походах (1695–1696). В долгой Северной войне со шведами сначала потерпел сокрушительное поражение под Нарвой, но затем, извлекая опыт из неудач, наголову разбил армию Карла XII под Полтавой в 1709 году.

Государственный гений Петра I проявился в том, что он упорно, преодолевая огромные трудности, превращал Россию в морскую державу, имеющую выход и в северные, и в южные моря. В 1703 году он основал Санкт-Петербург, приблизив этот новый культурный центр страны к Западной Европе географически. Победоносно завершив Северную войну, Петр присоединил к России прибалтийские земли с городами Ригой и Ревелем (Таллинном). В октябре 1721 года была провозглашена Российская империя, а Сенат присвоил Петру Алексеевичу титулы Великого, императора и Отца Отечества.

Петр I поощрял развитие заводов и мануфактур, провел административную реформу и укрепил чиновничество, подчинил церковь государству. Конечно же тяготы войн и преобразований тяжким бременем легли на крестьян. Но, как верно отметил выдающийся историк С.М. Соловьев, «великий человек не может делать ничего не по мере сил и потребностей народных; если увлечется как человек, сделает иначе, погибнет дело его если перейдет меру сил народных — дело в это время не устоит, им отстранится, или подвергнется ограничениям, но если оно согласно с дальнейшим развитием народа и с его пользой, то служит примером для будущего… Великий человек не может ничего сделать без народа… Только великие народы могут иметь великих людей». По его словам, Петр I «завещал нам науку и труд».

Результаты бурной деятельности Петра Великого оказались плодотворными еще и потому, что преемники, в первую очередь рассудительная и деловитая Екатерина II, подхватили и развили его начинания.

«Великим счастьем русского народа, — писал В.И. Вернадский, — было то, что в эпоху перестройки своей культуры на европейский лад он не только имел государственного человека типа Петра I, но и научного гения в лице Ломоносова». Но ведь великие личности не возникают сами по себе в результате счастливых и случайных генетических комбинаций. Такие люди

появляются, когда есть в них насущная потребность, когда народ и общество дозрели — как плодотворная почва — до того, чтобы вырастали именно гении, а не буйные и хищные сорняки.

СУВОРОВ
(1730–1800)

Имя его стало поистине легендарным. Тем трудней разглядеть за легендарной фигурой, овеянной славой и усыпанной, как блестками, анекдотами, незаурядную личность гениального полководца.

Александр, сын Василия Суворова, родился в Москве 30 ноября (12 декабря) 1730 года. Отца в ту пору отчислили из гвардии, сделав прокурором в полевых войсках, а там и вовсе перевели в штатские — коллежским советником. Мальчик не подавал никаких надежд на сколько-нибудь успешную военную карьеру: оставался меньше и слабей своих сверстников. А ведь имя-то ему дано было не без надежды, что станет он действительно «александром» (по-гречески «защитник людей»). У него рано появились два героя, которым хотелось подражать: Александр Македонский и Александр Невский. О них рассказывала ему мать. Она пояснила, что не были они подобны богатырям, а отличались прежде всего мужеством и умом: «Ты же знаешь, сынок, как юный Давид победил великана Голиафа. В уме больше силы, чем в руках».

Более всего он полюбил книги, в которых рассказывалось про сражения и военные подвиги. Узнавал о Юлии Цезаре, Ганнибале, принцах Конде и Евгении Савойском, короле Карле XII, императоре Петре I. Чтобы подготовиться к военным баталиям, научился скакать на лошади, преодолевая препятствия, плавать; спал даже зимой при открытом окне, по утрам обливался холодной водой, не носил теплого белья. Летом в деревне организовал потешные бои со сверстниками. Зная, что не одолеет противников силой, прибегал к внезапной атаке, проявлял ловкость, напор, упорство.

Первый документ, подписанный Александром Суворовым, адресован «Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Самодержице Всероссийской Государыне Всемилостивейшей»: «Бьет челом недоросль Александр Васильев сын Суворов, а о чем тому следуют пункты: 1. Понеже я в службу Вашему Императорскому Величеству еще нигде не определен. 2. Имею желание служить… в лейб-гвардии Семеновском полку… солдатом… Октября 1742 году».

Просьба его была удовлетворена. С этого момента официально началась его служба, фактически проходившая в домашней обстановке. Отец помог осваивать основы фортификации. По-прежнему любимым чтением Александра оставались книги, посвященные деяниям полководцев и военной истории. Кроме того, с помощью учителей он изучал геометрию и тригонометрию, географию, философию (по Лейбницу и Вольфу); совершенствовался в знании иностранных языков. В своем стремлении к военной карьере ориентировался на правила чести и патриотизма, мечтая не только прославиться, но и прославить отечество. Это важное обстоятельство. В противном случае он старался бы выслуживаться, а не служить верой и правдой. Выбрал он самый трудный путь к почти недостижимой для него цели, учитывая его незавидные физические

«данные» и отсутствие влиятельных при дворе покровителей.

Вот высказывание Александра Васильевича: «Самонаблюдение (т. е. самовоспитание, самообладание) и самолюбие суть различны: первое поведено Богом, второе — в начале испорчено гордостью… Большая часть философов их мешают и сажают себя в бутылку среди общества, где их кормят миндалями. Великодушие связало нас с обществом теснее: мы его члены, должны ему себя жертвовать, устраивать к тому наши способности». Это он писал не в назидание потомкам, а в частном письме другу. Он никогда не был «испорчен гордостью» и не изолировался от общества, народа «в бутылку» с тем, чтобы его «кормили миндалями». Суворов своей жизнью и деятельностью демонстрировал редкое отрешение от личных благ и интересов, ибо делил с подчиненными все тяготы и опасности войны, никогда не жалел себя.

В декабре 1747 года он отправился в Петербург с двумя крепостными для прохождения действительной военной службы. Удостоился зеленого солдатского мундира с капральской нашивкой. Помимо обязательной муштры, парадов и учений, им приходилось выполнять различные работы и нести караульную службу. Состоятельные дворяне предпочитали освобождать себя от тяжелых работ (их выполняли крепостные), стараясь не пропускать увеселений, столь популярных при дворе Елизаветы Петровны. Александр Суворов был исключением: самостоятельно тянул нелегкую солдатскую лямку, не давая себе снисхождения.

Однажды, когда он стоял на часах у Монплезира в Петергофе, мимо него проходила императрица. Она обратила внимание на небольшого, но подтянутого бравого солдата и спросила, как его зовут. Он отрапортовал. Она вынула рубль и протянула ему. Он ответил:

— Согласно уставу караульный не должен брать денег!

Елизавета Петровна похвалила его за знание службы, потрепала по щеке и положила рубль перед ним на землю:

— Возьмешь, когда сменишься.

Так он и поступил, храня подарок государыни всю жизнь. Вне службы он продолжал заниматься самообразованием. И если его справедливо величают «солдатом-полководцем», то можно еще добавить, что он оставался философом и поэтом, обладающим ироническим взглядом на собственную персону. В одном из писем, уже будучи офицером, он так охарактеризовал свое состояние (сильно болел, был истощен и измучен) четверостишием на французском языке:

Теперь я — кожа да кости, подобно скелету.
Зол, как осел, у коего стойла и пищи нету.
Бесплотен, как тень, пролетающая в облаках,
Беспомощен, как корабль, гибнущий в бурных волнах.

Отличался не только солдатскими манерами и острословием. Единственным из всех величайших полководцев мира он прошел путь от солдата до генералиссимуса. Как писал историк М.Л. Песковский, «продолжительное пребывание Суворова солдатом было делом его личного желания, вполне отвечало его намерениям детальнейшим образом

изведать личным своим опытом все то, что приходится делать солдату помимо прямых его обязанностей. Понятно, что никакие учебные заведения, никакие книги не могли заменить ему в этом отношении личного опыта… Суворов открыв в русских солдатах драгоценнейшие качества души… Вот почему Суворов-капрал и Суворов-непобедимый генералиссимус все-таки оставался одним и тем же солдатом, так как ему всегда одинаково были близки и дороги солдатские интересы, тяготы, скорби и нужды».

А вот справедливое дополнение другого историка А. Петрушевского: «В русской солдатской среде много привлекательного. Здравый смысл в связи с безобидным юмором; мужество и храбрость спокойные, естественные, без поз и театральных эффектов, но с подбоем искреннего добродушия; умение безропотно довольствоваться малым, выносить невзгоды и беды так же просто, как обыденные мелочные неудобства. Суворов был русский человек вполне…»

Добавим: солдаты для Суворова никогда не были только средством для достижения той или иной цели. Он берег своих подчиненных, заботился о них так же, как о себе («Возлюби ближнего своего…»). Был поистине отцом родным для солдат. И поэтому потери его войск были минимальными, а то и просто ничтожными в сравнении с потерями противника. «Воевать не числом, а умением» — его девиз и руководство к действию.

В младшие офицеры был произведен в 1754 году. Сначала служил в пехотном полку, потом был назначен обер-провиантмейстером. Выполнял интендантские работы, писал ежемесячные отчеты о наличии, приходе и расходе провианта, фуража и денежной казны. Пребывание на нестроевых должностях позволило на практике освоить непростое умение обеспечивать войска всем необходимым, организовывать тылы. Он как бы со стороны мог подмечать недостатки в подготовке солдат и офицеров, устаревшие приемы ведения боевых действий.

Первое боевое крещение получил он в Семилетней войне, добившись назначения в действующую армию. Чины свои стремился заслужить, а не выслужить.

Уже в первых стычках с пруссаками Суворов проявил незаурядное хладнокровие, сметку, решительность и храбрость. На него обратил внимание генерал Берг, пожелавший назначить его командиром легкого кавалерийского полка. Последовала череда подвигов и побед Суворова — все более и более значительных. Подобного послужного списка нет ни у одного полководца в мире. Среди его записей есть такая, на французском языке: «Если я был бы Юлий Цезарь, то назывался бы первым полководцем мира» (вполне справедливо отмечено; ведь многих завораживают высокие звания, а не деяния; императору прославиться легче, чем боевому командиру). А далее следует приписка по-русски: «Настоять на этом было бы подобно тому московскому архимандриту, что себя пожаловал в первосвященники».

Его тяготило пребывание при дворе. «Здесь поутру мне тошно, а с вечеру голова болит! Перемена климата и жизни. Здешний язык и обращения мне незнакомы». Он не умел отдыхать, пребывая в безделье: «Животное, говорю я, нам подобное, — писал Суворов А.И. Бибикову, —

привыкает к трудам, пусть даже с заботами сопряженными, и лишившись их, почитает себя бессмысленной тварью: продолжительный отдых усыпляет».

И еще отрывок из этого письма, помогающего понять убеждения и привычки Александра Васильевича: «Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека; но я заключил доброе имя мое в славе моего отчества… Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей. Жизнь моя была суровая школа, но нравы невинные и природное великодушие облегчали мои труды; чувства мои были свободны, а сам я тверд… Теперь я изнываю в праздности, привычной тем низким душам, кои живут для себя одних, ищут верховного блага в сладостной истоме и, переходя от утех к утехам, находят в конце горечь и скуку… Трудолюбивая душа должна всегда заниматься своим ремеслом: частое упражнение так же оживляет ее, как ежедневное движение укрепляет тело».

Иногда можно услышать, будто Суворов был кровавым карателем, подавившим польское восстание. Ничего подобного в действительности не было. Да, он громил польских конфедератов, но почти всегда имел меньшее количество русских воинов, пленных приказывал щадить, а мирное население не обижать. Не случайно варшавяне вручили ему золотую табакерку с лаврами из бриллиантов и надписью: «Варшава своему избавителю».

А вот, к примеру, как напутствовал Наполеон свои войска: «Москва и Петербург будут наградою ваших подвигов. В них вы найдете золото, серебро и другие драгоценные сокровища… Вы будете господствовать над русским народом, готовым раболепно исполнять все ваши повеления». Подобной низости Суворов себе не позволял. И ни разу в трудную минуту не бросал он, подобно Наполеону, свои войска. Напротив, даже в преклонные года совершил беспримерный переход со своей армией через Альпы, с честью выйдя из безнадежной, казалось бы, ситуации. В «Науке побеждать», наставлении солдатам, он напоминал: «Грех напрасно убить». И наказывал: «Обывателя не обижай, он нас поит и кормит; солдат не разбойник» (у прославленного Наполеона были, как видим, иныепринципы).

Необыкновенная личность Суворова определенно проявилась в стиле. Он так излагал три воинских искусства. «Первое — глазомер: как в лагере стоять, как идти, где атаковать, гнать и быть. Второе — быстрота (Ура чудеса творят, братцы!). Третье — натиск… Субординация — послушание, экзерциция — обучение. Дисциплина, ордер воинский — порядок воинский, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, победа. Слава, слава, слава!»

Его чеканные фразы, острые мысли, верные суждения совершенно уникальны; это некое странное сочетание латинских афоризмов и русских народных пословиц: «Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко… Пуля дура, штык молодец… Береги пулю в дуле». «Тяжело в ученьи, легко в походе». «Неприятель сдался? — Пощади!»

Его здравый ум проявлялся и в умении вести сельское хозяйство. Он наставлял своих крепостных: «Лень рождается от изобилия… В привычку вошло пахать иные земли без навоза, от чего земля вырождается». Беспокоят его не только «производственные показатели». Он пишет управляющему: «У крестьянина Михайлы Иванова одна корова!

Следовало бы старосту и весь мир оштрафовать… Купить Иванову другую корову из оброчных моих денег… Особенно почитать таких неимущих, у кого много малолетних детей. Того ради Михайле Иванову сверх коровы купить еще из моих денег шапку в рубль».

Между прочим, имея крепостной театр, он и тут не остается равнодушным: «Васька комиком хорош. Но трагиком будет лучше Никитка… Держаться надобно каданса в стихах, подобно инструментальному такту, — без чего ясности и сладости в речи не будет, ни восхищения… Сверх того французской грамматике заставь учиться исподволь Алексашку, парикмахера».

…В одном из английских журналов того времени был карикатурно изображен усатый великан с огромной саблей в руке; подписано, что это — Александр Суворов, имеющий рост 6 футов 4 дюйма (под два метра!). В одном они не погрешили против истины: был он действительно чудо-богатырем по силе духа и уму, оставался частицей русского народа, воплощая в себе лучшие его качества. И с непреклонным упорством шел по намеченному в детстве пути.

Как полководец Суворов не имеет себе равных в истории человечества, не проиграв не только ни одной крупной военной кампании, но даже ни одного сражения (а их у него было множество!). Повторим, что почти всегда он имел в своем распоряжении меньше войск, чем противник. Порой на одного русского приходилось по пять-шесть турок. И дело тут не только в боевой подготовке его солдат, но прежде всего в «искусстве побеждать», которым Суворов владел в совершенстве, обладая огромными знаниями во всех отраслях военного дела.

При Туртукае, имея 500 человек, он разгромил 4-тысячный турецкий корпус. Потери русских — 200 убитых и раненых, турок — 1500. Совершенно необыкновенным было сражение за Измаил. Крепость считалась неприступной, защищала ее отличная, хорошо вооруженная армия. Суворов решился на штурм, имея меньше солдат, чем обороняющиеся! Он взял крепость, потеряв 4 тысячи убитыми и 9 тысяч ранеными, тогда как у турок было убито 26 тысяч, а 9 тысяч сдались.

— Чем я могу наградить вас, князь? — спросил его после этой победы главнокомандующий князь Г.А. Потемкин.

— Ничем, князь, — был ответ. — Я не купец, не торговать приехал. Кроме Бога и Государыни, никто меня наградить не может.

Суворов был поистине творцом своей судьбы. От заурядного дворянина он только благодаря своим победам был возвышен до князя, которому положены «царские почести». От солдата он поднялся до фельдмаршала и генералиссимуса. И все это было добыто на полях сражений, ценой невероятного напряжения физических и умственных сил, с постоянным риском для жизни, да еще вопреки недоброжелателям и завистникам. Во многом благодаря его подвигам Россия впервые прогремела на весь мир как великая победоносная держава, а А.В. Суворов — как гениальный русский полководец.

НАПОЛЕОН I БОНАПАРТ
(1769–1821)

Уже при жизни его имя было окружено легендами. Одни считали его величайшим гением, превосходившим Александра Македонского и Карла

Великого, другие называли беспринципным авантюристом, обуянным гордыней и непомерной жаждой славы.

Родился он в 1769 году на острове Корсика (город Аяччо) в семье небогатого дворянина адвоката Карло Буонапарте. Поступив в военное училище, Наполеон много читал, хорошо учился, преуспевая в математике; отличался огромным честолюбием, замкнутостью и великолепной памятью и работоспособностью.

Завершив образование в Парижской военной школе, начал службу подпоручиком в артиллерийском полку. Отличившись при взятии Тулона республиканскими революционными войсками и проявив личное мужество, капитан Бонапарт приобрел авторитет в народе и армии, был произведен в бригадные генералы. В октябре 1795 руководил подавлением мятежа монархистов в Париже. Командуя армией, он вторгся в Северную Италию и присоединил ее к Франции.

Летом 1798 года Бонапарт отправился во главе экспедиционного корпуса на завоевание Египта. Когда через год его войска попали в затруднительное положение, он отбыл во Францию, принял участие в государственном перевороте и был провозглашен первым консулом Французской республики.

Изменив конституцию, он сделался диктатором, а с 1804 года — императором. Победы над вооруженными силами антифранцузской коалиции при Ульме и Аустерлице (1805), а на следующий год при Иене и Ауэрштедте позволили ему контролировать почти всю Западную и Центральную Европу, блокировав Великобританию.

В 1812 году он двинулся походом на Россию, имея огромную армию и обещая отдать на разграбление Москву и Петербург. После кровопролитной Бородинской битвы Наполеон вступил в опустевшую Москву, но вскоре предложил русским мир. Получив отказ, вынужден был двинуться по разоренной Смоленской дороге в обратный путь. Французы превратились в орды мародеров; их громили русские полки под общим командованием М.И. Кутузова и народное ополчение. Император бежал, бросив свои войска. Русские части в 1814 году вступили в Париж. Отрекшийся от престола Наполеон был сослан на остров Эльба. Через год он неожиданно высадился во Франции и, восторженно встреченный французами, 100 дней правил страной, но был разгромлен войсками союзников под Ватерлоо. Его сослали на остров Святой Елены, где он и умер в 1821 г., успев написать мемуары.

Романтический ореол образа Наполеона сохраняется до сих пор, несмотря на то что после его правления Франция долго не могла оправиться и перестала быть великой мировой державой (что подчеркнула ее быстрая капитуляция при вторжении гитлеровской армии в 1940 году). Имея полководческий талант и государственный ум, Наполеон I не отличался высокими личными достоинствами. Своим стремительным возвышением он был обязан прежде всего тому, что умело поднялся на гребне революционного энтузиазма французов. В 1793 году они встали на защиту Отечества против наемных войск коалиции и победили. Общая воинская повинность и демократизация армии, когда повышения и награды давались за заслуги, а не за умение выслуживаться и знатное происхождение, обеспечила победы в сражениях с «профессиональными»

наемниками или подневольными солдатами других стран. Идеи Великой французской революции поддерживали патриотизм, а культ Наполеона вдохновлял войска.

Однако сравнительно быстро наполеоновская Франция превратилась в хищника, живущего за счет контрибуций с побежденных государств, захвата чужих территорий и ценностей. Революционные буржуа превращались в нуворишей, которые обогащались от спекуляций и биржевых махинаций, а не из-за изобретательности, труда, развития промышленности. Захватнические войны возбудили патриотические чувства покоренных народов (впервые в Испании, затем в России), и уже клич «Отечество в опасности» обернулся против французов. Сам Наполеон был честолюбивым прагматиком. Умер он, как показали тонкие химические анализы его волос в конце XX века и симптомы его болезни, от отравления мышьяковистыми препаратами. Это вызвало целый ряд публикаций криминалистов и журналистов, пытавшихся разгадать тайну его смерти. Однако все версии вызывают серьезные сомнения прежде всего потому, что опальный император не представлял сколько-нибудь серьезной опасности для его недавних врагов, был надежно изолирован и окружен своими соратниками, преданными ему людьми.

По нашей версии, он пал жертвой своей мнительности и медицинского предрассудка той эпохи: считалось, что ко всякому яду можно «привыкнуть», принимая его постоянно малыми дозами. Тогда еще не знали, что тяжелые металлы (и радиоактивные вещества) накапливаются в организме; никакого привыкания к ним не происходит. По-видимому, Наполеон принимал в небольшом количестве мышьяк (возможно, по рекомендации врача), что через несколько лет привело к общему отравлению организма. Хотя конечно же такое предположение требует дополнительных доказательств. Наполеону посчастливилось стать национальным героем, но не удалось воспользоваться доверием и энтузиазмом народа (и поддержкой буржуазии) для создания великой, развитой, устойчивой державы. В этом его судьбу разделил в XX столетии Гитлер, тогда как антиподами были Ленин, Сталин, Мао Цзедун. Хотя Наполеон был прежде всего сыном своего времени, а отчасти «удачливым игроком» на политической арене, которому благоприятствовали обстоятельства. Он промелькнул ярким метеором, однако культ его личности благоразумные французы бережно сохранили. Это — очень верное решение, несмотря на то что Наполеон принес французскому народу неисчислимые бедствия, а Франции — унижение оккупацией. Выдающаяся личность — национальное достояние, и надо уметь его использовать на благо государства. А Наполеон Бонапарт, безусловно, был личностью выдающейся.

ЛЕНИН
(1870–1924)

Жизнь и деятельность Ленина в России конца XX века стала оцениваться совершенно не так, как в советское время. И если прежде преувеличивались его достоинства как мыслителя (в политическом гении ему не могут отказать даже враги), то затем его еще более несправедливо стали обвинять в злодеяниях, преступлениях и вреде, нанесенном якобы процветавшей Российской империи. Поэтому прежде всего обратимся к

бесспорным фактам.

Владимир Ильич Ульянов (взявший псевдоним Ленин) родился в Симбирске в семье инспектора, а позже директора народных училищ Симбирской губернии, мелкого помещика И.Н. Ульянова. Старший брат Владимира — Александр — учился в Петербургском университете, был членом подпольной организации «Народная воля», участвовал в подготовке покушения на царя Александра III и казнен в 1887 году. В том же году Владимир поступил в Казанский университет, но вскоре был исключен за участие в студенческих волнениях. В последующие три года он самостоятельно освоил курс наук и сдал экстерном экзамены на юридическом факультете Петербургского университета, служил недолго присяжным поверенным в Самаре, но предпочел подпольную революционную деятельность; писал публицистические статьи, участвовал в создании "Союза борьбы за освобождение рабочего класса.

В конце 1895 года он был арестован и заключен в тюрьму, а затем выслан на три года в Восточную Сибирь (село Шушенское). Там писал политические и экономические работы, из которых наиболее основательная «Развитие капитализма в России». В 1900 году эмигрировал и жил преимущественно в Швейцарии, основал революционную газету «Искра», разрабатывал идеологические основы марксистской партии. На II съезде РСДРП (Российской социал-демократической рабочей партии) стал лидером большевистской фракции. С 1912 года активно работал в партийной газете «Правда». Вернувшись в марте 1917 года в Россию, выдвинул тезисы («апрельские») о переходе от буржуазно-демократической революции к социалистической, пролетарской, под лозунгом «Вся власть Советам!».

Ленин иронизировал над теми, кто предупреждал, что стране грозит гражданская война. В работе «Государство и революция» доказывал неизбежность и прогрессивность диктатуры пролетариата (ведомого партией) и последующего построения сначала социалистического, а затем бесклассового общества. Действительно, большевики легко взяли власть, совершив октябрьский (7 ноября 1917 года) вооруженный переворот. Однако удержать власть удалось с большим трудом. Началась кровавая междоусобица и иностранная интервенция. В окончательной победе большевиков и Красной армии немалую роль сыграл политический и организаторский талант Ленина, а также поддержка значительной части народа России. Для подавления оппозиции осуществлялся «красный террор» в ответ на «белый террор» (вообще, с противниками Ленин был нетерпим).

Восстанавливая экономику страны на новых, социалистических основах, он как руководитель Советского правительства столкнулся с огромными трудностями. Пришлось поощрять мелких частников в рамках «новой экономической политики» (нэп). В 1922 году Ленин тяжело заболел и постепенно отходил от активной государственной деятельности, оставаясь вождем своей партии. Посмертно его образ был мифологизирован коммунистическими идеологами, а все труды и высказывания назывались гениальными. Враги, напротив, придавали и придают ему демонические черты.

Безусловно, он был одной из ключевых политических фигур XX века, хотя крупным или оригинальным философом его назвать нельзя. Он был фанатиком и гением политической борьбы. Только с этих позиций смотрел на все другие проблемы. Религию отрицал как атеист (истово верующий в небытие Бога), науки знал поверхностно. В своих суждениях обычно был резок и категоричен, а в критике слишком часто ограничивался язвительными, а то и грубыми отповедями вместо убедительных доводов. Он утверждал, что отстаивает единственно верное учение Маркса — Энгельса, диалектический и исторический материализм. В действительности его взгляды не всегда были столь определенны и четко высказаны, как это он сам полагал. (Серьезный и подробный анализ его взглядов дан Н.О. Лосским в «Истории русской философии».)

Например, он был убежден, что «дух не существует независимо от тела, что дух есть вторичное, функция мозга, отражение внешнего мира»; «Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи»; «Вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения…». И, наконец, о материи: «Единственное свойство материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания». Получается, что дух есть функция мозга, отражение внешнего мира, а материя обладает (по-видимому, в разной степени) свойством отражения. Значит ли это, что дух в некоторой степени присутствует в материи вообще, а в наибольшей степени проявляется как функция мозга? Откуда бы вдруг снизошел дух на мозговую ткань, если он нигде никогда до этого не присутствовал? Но тогда уже получается нечто подобное панпсихизму или пантеизму.

Он был убежден, будто есть только два противоположных способа устранения дуализма духа и тела: или одно первично, а другое вторично, или наоборот. Третьего не дано! (Кроме, как пишет Ленин, «бестолкового перепутывания материализма и идеализма».) Такая позиция для него характерна. Он, к примеру, перечисляет: «…Борьба идеализма и материализма… Борьба религии и науки… Отрицания объективной истины и признания ее… Борьба сторонников сверхчувственного знания с противниками его…» Словно нет ничего более важного в интеллектуальной жизни, чем идеологическая война на разных уровнях и по различным поводам. Таковы издержки мышления, ориентированного на политическую борьбу. Для выдающегося политика это качество полезное, но только не для философа или ученого.

Вот как он расправляется с идейными противниками: «За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет назад». Для Ленина философия была не целью, а средством политической борьбы.

Итак, для него были характерны: вера в небытие Бога, в материю, науку и собственные знания. При этом не было стремления изучать суть и свойства материи, особенности научного метода, смысл познания вообще.

Он признавал тезис: практика — критерий истины. Если исходить из этого, то следует признать его философское направление истинным. Он

был ярким представителем особого течения мысли — политфилософии. Победа большевиков, установление диктатуры пролетариата, воинствующий атеизм, единая государственная идеология материализма и огромные успехи Советского Союза — все это самым убедительным образом, на деле, доказало верность политической и философской установки Ленина. С одной существенной оговоркой: это была победа партии, сумевшей использовать текущую ситуацию в стране и мире, поднявшейся на гребне народного восстания и обострения классовых противоречий. Для реализации этой цели политфилософия оказалась наиболее целесообразной, как сильное идеологическое оружие.

Однако, как показал опыт последующих десятилетий, победившее марксистско-ленинское учение содержало истину относительную и временную (если опять использовать критерий практики). СССР потерпел поражение в идеологической борьбе. Хотя победила не какая-то высокая истина «открытого общества», персонализма, пантеизма или всеединства, а самая заурядная, пошлая и проклятая всеми честными людьми идеология мелкого буржуа, стяжателя, барышника, приспособленца, алчного потребителя материальных благ. Как писал Максимилиан Волошин:

И жадный хам, продешевивший дух
За радости комфорта и мещанства.

Впрочем, если признавать, вслед за Лениным, первичность материи и вторичность сознания, то погоню за материальными ценностями кто-то может принять за сильное проявление духа в поисках смысла жизни.

Ленину со своими соратниками удалось не просто свершить государственный переворот, но одержать полную победу в Гражданской войне с представителями буржуазной идеологии, которых поддерживала Антанта, иностранные интервенты. Под его руководством было создано первое в мире социалистическое государство, определившее ход мировой истории XX века. Но вот после победы второй буржуазной революции в России в учебном биографическом справочнике издательства «Просвещение» (автор А.Н. Щукин, 1996 год) сказано: «…Л(енин) с помощью многочисленных печатных изданий… и агитаторов разложил русскую армию посулами мира и земли. А Россия выигрывала первую мировую войну: ведь в ноябре 1918 г. Германия и ее союзники сложили оружие на Западном фронте перед Антантой. Л(енин) ради личной выгоды — захвата власти изменил национальным интересам своей страны и отнял у нее заслуженную победу. Большего предательства не знает вся мировая история!»

Тут утверждается нечто несусветное. Известно, что разложение русской армии началось после предательского указа буржуазного Временного правительства, свергшего Николая II. К ноябрю 1918 года большевики уже целый год были у власти. Более того, они сумели восстановить почти полностью Россию, а затем настолько укрепили ее, что победили во Второй мировой, а для нас — Великой Отечественной войне. Дело Ленина оказалось благотворным для становления державы нового типа с высоким интеллектуальным, духовным и экономическим потенциалом СССР.

СТАЛИН
(1879–1953)

С его именем связаны почти все величайшие свершения Советского Союза в XX веке. Они тем более впечатляющи, если учесть, что ко времени его правления страна пережила мировую войну и последующую разруху. А затем за 15 лет произошел невиданный в истории научно-технический и экономический подъем, превративший СССР в сверхдержаву. В результате этого, а также консолидации общества и высокого патриотизма была одержана победа в самой кровопролитной и разрушительной в истории Великой Отечественной войне. Несмотря на огромные потери, страна необычайно быстро возродилась. В СССР была введена в строй первая в мире атомная электростанция, запущены на орбиту первый искусственный спутник Земли и первый космонавт. И хотя последние два достижения датируются хрущевским временем, вся ракетная программа создавалась при Сталине начиная с довоенных экспериментов и боевых «катюш».

По мнению антисоветских авторов, все это осуществлялось благодаря невиданному террору, десяткам миллионов жертв и огромным массам заключенных. Такие утверждения не соответствуют фактам, основаны на пропагандистских фальшивках времен Геббельса и Даллеса, не отвечают простейшим закономерностям общественной жизни. Если Сталин смог совершить великие деяния вопреки воле советского народа, то его следовало бы считать величайшим гением всех эпох и народов, сверхчеловеком, демонической или божественной личностью. В действительности трудовые и боевые победы СССР объясняются его государственным гением в той мере, в которой ему удалось соотнести свою деятельность с возможностями и чаяниями советского, и прежде всего русского, народа, а также географическим положением, природными ресурсами и историей России — СССР. Чудес в общественной жизни не бывает. Успехи страны есть отражение ее силы, духовной мощи народа, интеллектуального потенциала. А ведь этого не бывает при массовом терроре и запуганном населении.

Сталин создал, укрепил и довел до высокой степени совершенства общество с небывалой доселе организационной, государственной, социальной, духовной структурой. Впервые исторический процесс из стихийного стал управляемым.

Родился Иосиф Джугашвили в грузинском городке Гори в семье сапожника. Учился в духовном училище, затем в православной Тифлисской семинарии. Проникшись революционными идеями, стал в 19 лет членом Российской социал-демократической рабочей партии. Был исключен из семинарии. Вел революционную работу, участвовал в террористических актах. С 1905 года избирался на съезды партии большевиков (в Таммерсфорсе, Стокгольме, Лондоне), сотрудничал с Лениным. Побывал в тюрьмах и ссылках, отличался стальной волей и преданностью большевистской идее. После Октябрьского переворота (так он сам называл) 1917 года стал народным комиссаром по делам национальностей. Во время Гражданской войны принимал участие в боевых операциях. Был избран в 1922 году Генеральным секретарем правящей ВКП(б). Самым жестоким образом подавил оппозиционные силы и в кратчайшие сроки

восстановил, укрепил народное хозяйство, провел индустриализацию промышленности и коллективизацию сельского хозяйства. СССР превратился в могучую державу. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Сталин занимал все ведущие должности в государстве, был Верховным Главнокомандующим.

Несмотря на подготовку к войне, в первые месяцы Красная армия терпела сокрушительные поражения. На стороне Германии была почти вся Западная Европа; в оккупации находилось до 40 % населения СССР. Но страна выстояла и победила. Как сказал крупный политик и давний недруг Советского Союза У. Черчилль, Сталин принял Россию с сохой и лопатой, а оставил с водородной бомбой и космическими ракетами. Никому еще не удавалось, поднявшись из низов и став руководителем государства, добиться таких успехов.

Писатель Л. Фейхтвангер в книге «Москва 1937» (изданной сначала в Амстердаме) подчеркнул нелепые формы, которые нередко принимал культ Сталина («Сто тысяч портретов человека с усами»). Об этом он откровенно сказал вождю. Тот ответил, что так могут стараться те, кто поздно признали существующий режим, или даже сознательные его враги. Так и вышло после смерти Сталина, когда один из наиболее шумных его восхвалителей, Хрущев, стал хулителем. Интересный факт: упоминая о сталинских репрессиях, в которых сам принимал активнейшее участие, Хрущев не привел никаких цифр: его не удовлетворили конкретные данные НКВД, показавшиеся слишком низкими. Действительно, когда они много позже были опубликованы в открытой печати, оказалось, что при Горбачеве и Ельцине процент заключенных был примерно такой же, как при Сталине. Об этом приходится говорить, потому что стараниями тех, кого устраивал образ Советской России как империи зла, а Сталина как «величайшего злодея», эти образы укоренились в сознании миллионов. Так вот в 1951 году прирост населения России был выше, чем во всех странах Запада и США, а смертность была примерно вдвое ниже, чем в конце XX века! Тогда же прирост населения в СССР был в 1,5–3 раза выше, чем на Западе. Совершенно ясно, что народ поддерживал власть и действительно считал Сталина великим и мудрым вождем. Это доказала победа в Великой Отечественной.

На приеме в честь командующих войсками Советской армии Сталин высказался точно: «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение. У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала… Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией… Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии… Спасибо ему, русскому народу, за это доверие».

Повторюсь: приходится отвлекаться на опровержение пропагандистских, полтора десятилетия внедряемых в сознание русских людей установок, на то, что СССР — это империя зла, Сталин — злодей, советские люди — рабы. При этом не гнушаются ложью и чудовищными

преувеличениями. Этот нечистый «информационный поток» не дает возможности спокойно обдумывать историю недавнего прошлого, понять Россию XX века.

Сталин — наиболее полный выразитель той самой «русской идеи», о которой долго спорили мыслители нашей страны. Если бы он не уловил неких мощных течений незримой духовной жизни общества, ему бы не удалось так долго, победоносно править и завершить жизнь в ореоле беспримерной, поистине всепланетной славы и во главе великой державы, восставшей дважды за его правление из руин.

Разве мог бы запуганный, обманутый, задавленный морально и измученный физически народ не только долгие годы терпеть вопиющую несправедливость и унижения, но и еще вступить в смертельную схватку с государствами и народами Западной Европы, выстоять и победить. И все это ради величия и по приказу некоего жалкого человечка, выходца из грузинского захолустья?! В отличие от Наполеона, бросившего свою армию и позорно бежавшего из России, Сталин в тяжелейший период войны 7 ноября 1941 года, как было заведено, принял парад войск в осажденной Москве. И это было предвестием парада Победы.

Идейный недруг большевиков писатель Марк Алданов в конце 1927 года так охарактеризовал Сталина: «Это человек выдающийся, бесспорно самый выдающийся из всей ленинской гвардии, Сталин залит кровью так густо, как никто из ныне живущих людей, за исключением Троцкого и Зиновьева. Но свойств редкой силы воли и бесстрашия, по совести, отрицать в нем не могу». Кстати, Троцкого Алданов припечатал: «Великий артист — для невзыскательной публики. Иванов-Козельский русской революции». Через несколько лет в другой статье Алданов отметил. «К сожалению, не могу признать лицо Сталина незначительным. В нем есть и сила, и значительность… С тех пор, как существует мир, дураки диктаторами не становились». Керенский с восторгом сравнивал Сталина с Петром I, называя «Он» с большой буквы.

Едва ли не большинство крупнейших экономистов, политологов, юристов, философов в 1920-е годы уверенно писали о неизбежном крахе Советской России. В СССР вряд ли было много людей из числа интеллигенции кто думал иначе. А как же народ? Он не безмолвствовал; он трудился и поддерживал Сталина из чувства самосохранения и собственного достоинства. Однопартийность соответствовала по сути самодержавию и была гарантом мирной трудовой привычной жизни.

Сугубо философских тем он касался мимоходом, называя себя марксистом-ленинцем. Порой отступал от теоретических догм, ссылаясь на диалектический метод, предполагающий изменчивость бытия. Так, в 1934 году он критически отзывался о некоторых высказываниях Энгельса, огульно охаивающего политику царского правительства. В 1941 году, провожая с парада на фронт части Красной армии, говорил: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» Позже он, как известно, ввел в армии погоны. Он был русским патриотом. (В июне 1935 года, беседуя с Роменом Ролланом, обронил — «мы, русские…»)

Сталин склонялся к философии монизма: «Единая и неделимая природа, выраженная в двух формах — в материальной и идеальной; единая и неделимая общественная жизнь, выраженная в двух различных формах — в материальной и идеальной, — вот как мы должны смотреть на развитие природы и общественной жизни». По его утверждению, сначала меняются внешние материальные условия, «а затем соответственно изменяется сознание, идеальная сторона». И если производство «принимает общественный характер, следовательно, скоро и собственность примет общественный характер». А ведь и он, и Ленин, и Маркс идеями своими явно опережали изменение «материального базиса». Впрочем, Сталин говорил о единстве: «Сознание и бытие, идея и материя — это две разные формы одного и того же явления, которое, вообще говоря, называется природой или обществом».

Сталин избегал сомнений. Это помогало ему твердо следовать по избранному пути, но, конечно, отдаляло от философских исканий. В юности он верил в Бога. И тогда же, завершая стихотворение о вдохновенном певце, которого сначала завороженно слушали, а затем напоили ядом, юный Иосиф привел слова толпы:

Не хотим небесной правды,
Легче нам земная ложь.

Напрашивается сходство с одной из тем поэмы Достоевского «Великий Инквизитор». Читал ли тогда Иосиф Джугашвили «Братьев Карамазовых»? Неизвестно. Однако совпадение знаменательное (Сталин в отличие от Ленина высоко ценил Достоевского). Образ Великого Инквизитора поразительным образом воплотился в Сталине. Вот характеристика: «Это — один из страдальцев, мучимый великой скорбью и любящих человечество. Он — аскет, он свободен от желаний низменных материальных благ. Это — человек идеи. У него есть тайна. Тайна эта — неверие в Бога, неверие в Смысл мира, во имя которого стоило бы людям страдать. Потеряв веру, Великий Инквизитор почувствовал, что огромная масса людей не в силах вынести бремени свободы, раскрытой Христом. Путь свободы трудный, страдальческий, трагический путь… Перед человеком ставится дилемма — свобода или счастье, благополучие и устроение жизни; свобода со страданием или счастье без свободы. И огромное большинство людей идет вторым путем». Так писал Н.А. Бердяев, комментируя поэму Достоевского.

Было бы излишним упрощением придавать абсолютное значение сходству литературно-философского и реального Великого Инквизитора. И у Достоевского не случайно Иисус Христос целует Инквизитора, а тот отпускает Христа на волю. Вот и Сталин, став избранником народа, не уничтожил православие (к этому стремились многие воинствующие атеисты из «ленинской гвардии»). И не случайно в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» образ Воланда навеян личностью и деяниями Сталина, а эпиграфом поставлены слова Мефистофеля из «Фауста» Гете: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Генсек был добрым гением М. Булгакова, спасавшим его от нападок злобных литературных завистников. Интересно, что в ответ на обвинения в

«правом» уклоне Сталин ответил, что «уклоны» относятся только к партийцам: «Странно было бы поэтому применять эти понятия к такой непартийной и несравненно более широкой области, как художественная литература, театр и пр.».

Для Сталина существовали не только экономический базис и организации-надстройки (к которым Н.Я. Марр относил язык). Он понимал, что есть более высокие ценности, чем эти: «Язык создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений». Сопоставляя язык с орудиями производства — также «надклассовыми» ценностями, он признавал приоритет духовной и материальной культуры в их единстве и взаимосвязи. Идея верная, по крайней мере в соответствии с его представлениями о монизме природы и общества. «Сфера действия языка… почти безгранична».

Его работа «Марксизм и вопросы языкознания», откуда взяты эти цитаты, была написана в 1950 году. Почему руководитель страны, выполнявший огромный объем работ, «отвлекся» на такую тему? Для языкознания она была важна, ибо школа академика Н.Я. Марра претендовала на единственно верную марксистскую позицию, подавляя тем самым все другие течения. Работа Сталина открывала возможность для иных направлений. Более того. Печальной памяти сессия ВАСХНИЛ, разгромившая «вейсманистов-морганистов», была прелюдией более широкого наступления на науку, в частности на физику. По-видимому, только вмешательство Сталина воспрепятствовало этой акции.

«В органах языкознания… — писал Сталин, — господствовал режим, не свойственный науке и людям науки». Дальше — больше: «Общепризнанно, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики». Марксизм-ленинизм в СССР был чем-то вроде государственной религиозной философии, а не наукой. Понимал это Сталин? По-видимому, понимал.

Религиозный характер господствующей идеологии совершенно логичен и оправдан. Людям требуется вера в нечто устойчивое, абсолютное. Опора должна быть надежной. Но она требует подтверждений истинности в реальности. И сталинская система давала такие подтверждения: подъем государства, повышение жизненного уровня до войны и после войны, победа над фашизмом, снижение цен. Коллективное подсознание народных масс укреплялось таким образом.

Сталин стал выразителем воли большинства. Превратился в провозвестника новой религии, пророка и одновременно основателя государства нового типа. В этом отношении его повторял Гитлер. Но Сталинская система оказалась продуманней, более жизнестойкой, более отвечающей природе человека и общества. Произошло столкновение идеи господства сверхчеловека и соборности (коммунизма). Это сразу же понял и оценил В.И. Вернадский. В конце 1941 года он писал, что крах Гитлера неизбежен; наступает перелом в истории человечества и всей биосферы. Он сопоставлял Великую Отечественную войну с Первой мировой: «Совершенно несравнимо. Народ как бы переродился. Нет интендантства, наживы и обворовывания. Армия снабжается, по-видимому, прекрасно. Много помогают колхозы. Исчезла рознь между офицерством и солдатами. Много талантливых людей… достигает высших военных должностей». Он

отмечал и другие перемены к лучшему, в частности укрепление научных организаций.

Сталинская идеология не была апофеозом вещизма. Принцип материальных ценностей, как верно отметил Сталин, лежит в основе капиталистического производства, где главная цель — получение наивысших прибылей, а для социализма — «обеспечение максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей общества». Кстати, Сталин не признавал плановую систему ведения хозяйства главным признаком социалистической системы; подчеркивал, что планирование помогает бескризисному развитию хозяйства, предоставляет хорошие возможности, но еще не гарантирует положительных результатов. В этой связи он говорил о «высшей рентабельности» производства, когда определяется не текущее состояние данного отдельного предприятия или отрасли, а — на перспективу (10–15 лет) и с учетом гармоничного развития всего народного хозяйства. Он провозглашал категорический нравственный императив, о котором писал И. Кант: недопустимо относиться к человеку как к средству для получения наивысших прибылей; человека надо считать целью. И это тоже делало его личную диктатуру — народной.

После его смерти госхозпартаппарат получил абсолютное господство над страной и народом, используя национальные богатства прежде всего на удовлетворение своих быстро растущих материальных потребностей. После 1960 года смертность населения начала постепенно возрастать, а резкое улучшение жизненного уровня относилось только к правящим «выходцам из народа» — и подпольным капиталистам. Диктатура народа перешла в диктатуру «руководящих органов» и тех, кто распределял блага (хозяйственники, торговцы).

Религиозно-философские искания русской идеи можно продолжать и впредь. Но это уже не более чем пустопорожние разговоры, бессильные заклинания. Только у великого народа могут быть великие идеи. Можно считать коммунистическую идею утопией, но ведь не менее утопично и царство Божие. Главное, что идея братства людей, соборности жизни, справедливости, безвластия, бесклассового общества — высока и благородна. Стремление к ней возвышает человека. И тот, кто честно ведет народ к таким идеалам, обретает облик героя, подвижника. Да, были жертвы. Но разве бывают героические эпохи без жертв?

Ни один человек за всю историю не имел такой всемирной славы, как Сталин. Думать, что почти весь советский народ и подавляющее большинство населения планеты воздавали почести Сталину по недоумению, значит, обладать чудовищным самомнением, поистине сатанинской гордыней. Скажут: они возносили хвалу некой мифической фигуре, не человеку, а символу, Великому Инквизитору со странным именем Сталин. Да, конечно. Именно символу, воплотившему русскую идею. Любой, верящий в Судьбу и перст Божий, должен видеть в нем избранника. Его смерть в зените славы тоже свидетельствует об этом. Его хулители позорят и позорили ту великую страну, которую он олицетворял. Это очень выгодно!

Попытки подменить русскую идею лозунгом «обогащайтесь кто как может» (а могут, естественно, не те, кто трудится) привела державу к развалу. Вспоминаются давние слова Бердяева (1916 г.):

«Перед Россией стоит роковая дилемма. Приходится делать выбор между величием, великой миссией, великими делами и совершенным ничтожеством, историческим отступничеством, небытием. Среднего, „скромного“ пути для России нет».

МАО ЦЗЭДУН
(1893–1976)

За последние полвека государство, им основанное, демонстрировало наиболее устойчивое динамичное развитие, превратившись из отсталой, истощенной войнами страны во вторую по мощи сверхдержаву.

Мао Цзэдун родился в семье зажиточного крестьянина провинции Хунань. Получив среднее образование, Мао некоторое время трудился грузчиком в прачечной. Окончив в 1918 году учительскую семинарию, стал работать в библиотеке Пекинского университета. Он увлекся идеями анархизма и марксизма. Обладая незаурядным умом, красноречием и организационными способностями, в 1921 году стал одним из создателей Компартии Китая, а через 6 лет — китайской Красной армии. Они сначала сотрудничали, а потом боролись за власть с националистической партией Гоминьдан, сражались с японскими оккупантами. В 1927 году гоминьдановцы, руководимые Чан Кайши, начали арестовывать в городах и казнить коммунистов. В гражданской войне китайская Красная армия оказалась блокированной в провинции Цзянси на юго-востоке страны. Ее положение стало критическим. Решено было идти на запад в провинцию Хунань, где преобладали сторонники советской власти. Поход оказался чрезвычайно тяжелым и опасным. В январе следующего года они вошли в город Цзуньи, где состоялось совещание, на котором Мао Цзэдуна избрали председателем Военного совета. Фактически он стал главой китайских коммунистов. Избегая сражения с превосходящими силами Гоминьдана, Красная армия двинулась дальше, на север и осенью, пройдя более 12 тысяч километров, достигла Шэньси.

В 1939 году Мао стал председателем ЦК Компартии Китая. Через 10 лет Народно-освободительная армия разгромила войска Чан Кайши. Гоминьдановцы бежали на остров Тайвань. В Пекине Мао провозгласил Китайскую Народную Республику. Началось восстановление страны, затем последовала индустриализация. Поучительный факт: став главой государства, Мао, желая национализировать землю и все частные предприятия, решил посоветоваться со Сталиным. И получил ответ: не следует торопиться с такими радикальными реформами. Даже среди капиталистов лучше отделять противников советской власти от тех, кто готов с ней сотрудничать. Мао так и поступил, создавая союз рабочих, крестьян, служащих и предпринимателей.

В хрущевский период отношения СССР и КНР резко обострились. Мао Цзэдун в 1958 году провозгласил курс «трех красных знамен»: строительство социализма, «большой скачок» (форсированная индустриализация), создание народных коммун. Мао попытался «большим скачком» преодолеть вековую отсталость и бедность Китая, построив социалистическое общество. Это удалось лишь отчасти. В 1959 году он ушел с поста руководителя республики, оставаясь председателем КПК.

Планы первой пятилетки были выполнены. Однако отход от Советского Союза требовал создания в кратчайшие сроки своей научно-технической базы, наличия соответствующих кадров.

В 1963 году руководство компартии Китая обвинило лидеров КПСС в отходе от марксизма. А через два года Мао развернул кампанию «за социалистическое воспитание» — начал «культурную революцию», направленную против партийной номенклатуры и связанной с ней интеллигенции. При этом было допущено много «перегибов», жестокости.

С этого времени Мао стал единоличным диктатором, «великим кормчим». Его авторитет был непререкаем, что тормозило назревшие преобразования в стране. Они произошли уже после смерти Мао, деловито и без ниспровежения этого народного кумира. Такая политика позволила сохранить устойчивое развитие Китая и моральное единство его народов.

Наибольшие нападки Запада вызвала «культурная революция» Мао Цзэдуна. Правда, даже в германской «Хронике человечества» Б. Харенберга, очень предвзято толкующей события XX века в странах социализма, отмечено: «Эта грандиозная кампания была направлена против партийно-бюрократической иерархии» (той самой, которой удалось в горбачевско-ельцинский период расчленить СССР). Начались «…массовые акции против партийного аппарата, привилегий высших слоев и „западного влияния“, переросшие затем в террор и не затронувшие только Народно-освободительную армию». Мао поставил задачу — создание нового человека, для чего служащих, партаппаратчиков, интеллигенцию посылали «перевоспитываться» на заводах, фабриках, в сельском хозяйстве. Одновременно китайцам надо было изучать идеи Мао, изложенные в виде цитат, афоризмов. Так продолжалось с 1965 по 1969 год. Сложившийся культ вождя стал символом единства народа, строящего социализм.

Умер Мао Цзэдун 9 сентября 1976 года в преклонном возрасте. Значка с его изображением многие китайцы носят до сих пор. Несмотря на ошибки и «перегибы», которые он, возможно, допускал, Китай под его руководством достиг огромных успехов, а разумная внутренняя и внешняя политика преемников Мао превратила страну в сверхдержаву, где на сравнительно небольшом пространстве живет — постоянно улучшая свое благосостояние — пятая часть человечества. Нельзя не отметить замечательные успехи Китая за последние 15 лет, когда отказавшийся от всех преимуществ социалистической системы СССР распался (или его расчленили), испытывая тяжелейшие экономический, социальный, интеллектуальный, моральный кризисы. С Китаем этого не произошло, а в этом во многом заслуга Мао.

Отметим его идею формирования нового человека. Она может поначалу показаться то ли наивной, то ли нелепой. Однако в действительности в XXI веке она необычайно важна для всех стран мира. И дело не столько в политической идеологии (что для Мао казалось главным), сколько в преодолении той духовной пагубы, которая грозит цивилизации: распространение и укоренение абсолютного приоритета материальных ценностей, потребительства и приспособленчества, жажды наживы. Все это не только вызывает постоянные конфликты и войны, но и неизбежно ведет к экологической катастрофе, ибо природа Земли не

способна выдержать страшного напора техники, обеспечивающей комфорт и богатства для малой, но наиболее алчной части человечества — имущих капиталы и власть.

ФИЛОСОФЫ

Предмет и метод философии весьма неопределенны. Об этом свидетельствует уже само название: в переводе с греческого — «любомудрие» или «любовь к мудрости». Тем самым определяется склонность человека к размышлениям вне зависимости от положения, профессии, уровня образования, предмета исследований.

Все религиозные учителя и мыслители были в той или иной степени философами. Среди правителей вошел в когорту мировых философов Марк Аврелий. Многие литераторы и деятели искусств, особенно в эпоху древности и Средневековья, могут считаться философами, не говоря уже о таких мыслителях, как Гете, Вагнер, Достоевский, Толстой. Среди великих ученых едва ли не каждый обдумывал общие закономерности бытия, порой приходя к нетривиальным обобщениям. В то же время Аристотеля с полным основанием можно отнести к универсальным гениям, потому что в своих философских трудах он проявил себя новатором в разных отраслях знаний.

О трудах и биографиях некоторых прославленных мыслителей прошлого приходится судить по немногим фрагментам и пересказам; Сократ и вовсе не писал сочинений. По этой причине о нем, а также о Пифагоре и Фалесе, будет упомянуто позже в разделе «Великие незнакомцы».

Выше употреблялось весьма неопределенное «мыслитель» как синоним слова «философ». Так мы будем поступать и впредь. Определим кратко, что такое философия: рассуждения о главных проявлениях бытия жизни и смерти, материи и сознании, разуме в человеке и Мироздании, смысле человеческого существования и познания. Следовательно, имеется философия религии, наук техники искусства, истории, культуры.

Некорректно говорить о «научной философии», подразумевая под этим объективность и общеобязательность определенных теорий, систем взглядов, утверждений. Научная мысль основывается на фактах и требует неопровержимых доказательств. Философские рассуждения выходят за эти пределы, бывают сугубо умозрительными, во многом субъективными. Они отражают структуру личности мыслителя, а значит, и особенности конкретной эпохи, страны, национальной культуры. В своих построениях философ обязан считаться с научными данными, но не может ими ограничиваться.

Религиозная философия отличается от философии религии тем, что имеет целью обосновать и осмыслить определенную систему верований: индуизм, буддизм, христианство, ислам и т. д. Религиозными философами были Аврелий Августин, Абеляр, Фома Аквинский, Якоб Беме.

Особая область знаний — философия истории (историософия). Однако она до сих пор не имеет четкой основы. В отличие от описания и анализа конкретных исторических событий требуется учитывать особенности духовной жизни общества, развитие культуры, а еще и взаимоотношения с природной средой. Ведь человечество существует не само по себе, а является частью области жизни (биосферы), «вписывается» в ее историю как необычайный, но логически обусловленный этап. Недаром

видный историк, философ (отчасти — религиозный) и писатель XIX века Эрнст Ренан полагал, что историк будущего будет геологом.

Как видим, область мысли, охватываемая философией, поистине беспредельна. В нее включается даже Неведомое. И если религия во многом на нем основывает веру, то философия стремится понять, что такое Неведомое, как оно влияет на существующие знания, что из него будет постигнуто, а что останется неизвестным. Вообще, философия — это поиски смысла.

По какому критерию выбрать из одной-двух сотен выдающихся мыслителей 10–20 величайших гениев? Мне кажется, нет такого критерия. Можно отметить тех, кто внес нечто принципиально новое в философию. А как оценить значение такой новизны? С позиций современности? Но ведь любое достижение следует соотносить прежде всего с его эпохой, в историческом контексте, а также по отношению к настоящему и перспективам. Выбор приходится делать по собственному разумению, с учетом традиционных взглядов. Наша задача выяснить, чем замечателен тот или иной мыслитель, не пересказывая его труды. В конце концов, существуют соответствующие словари, энциклопедии, учебники, хрестоматии. Для интересующихся упомянутыми здесь идеями и мыслителями есть возможность удовлетворить свою любознательность. Цель данной книги — именно заинтересовать, побудить к дальнейшему чтению.

Прежде чем обратиться к «избранным», хотелось бы показать — в хронологическом порядке — движение мысли, привести отдельные высказывания мудрых людей. Среди них немало тех, кто вполне достоин войти в число наших избранников. Мешает это сделать лишь недостаток вакансий. Каждый из этих людей может считаться гением.

Надо прямо сказать: стремление выстраивать мыслителей разных эпох и народов в один ряд «по ранжиру», словно солдат по росту и спортсменов по «рейтингу» — занятие нелепое. Делать так приходится лишь по настоятельной необходимости и с пониманием условности сей процедуры. Мир философской мысли причудлив и многообразен. Иной человек напишет десятки солидных фолиантов, но это будет пересказ чужих идей — систематический, профессиональный, но все же пересказ. Для нас важна не эрудиция, а оригинальность, глубина и точность мысли, ее долговечность.

Учтем, что философская мысль рождалась как проявление жизненного опыта и здравого смысла; присутствовала в сказаниях, пословицах и поговорках, песнях и религиозных гимнах, мифах и легендах, эпосе. Невозможно узнать, кто был первым философом, кроме обобщения — народ. Много позже, когда появились первые философские сочинения, они основывались на этой народной мудрости. И в дальнейшем новые мыслители имели опору в трудах своих предшественников.

«Мы видим далеко, потому что стоим на плечах гигантов», — верно отмечено еще в древности. Идеи великих философов произрастают из семян, посеянных предшественниками и современниками. Вот почему в данном разделе есть смысл расширить вступительную часть, дав краткий обзор развития философской мысли пусть даже в виде мозаики, из отдельных высказываний и краткие сведений о мыслителях и их трудах.

Без этого великие философы окажутся в положении высоких гор, торчащих на плоской равнине.

Вот, к примеру, некоторые афоризмы жителей Древнего Двуречья, запечатленные клинописью на глиняных табличках: «Только боги живут вечно под божественным солнцем; но дни человека сочтены, все дела его лишь ветер». «Поднимись на руины и пройдись по ним; посмотри-ка на черепа простых и великих. Какие из них принадлежали святым, а какие — грешникам?» «Кто роет другому яму, сам в нее попадет». «Не позволяй наступать тебе на ноги, дабы потом не дерзнули наступить тебе на шею». «Лучше с мудрым человеком носить камни, чем с глупым вино пить». «Не будь без меры сладок, чтобы тебя не проглотили». «Не будь без меры горек, чтобы тебя не выплюнули». «Будь справедлив к своему врагу, делай добро, будь добр во все твои дни».

Подобные мысли высказывали 3–4 тысячелетия назад, а возможно, и еще раньше. Кстати, тогда же они предположили, что человека создал Бог по своему подобию; более того, с помощью разума и образа, возникшего в душе:

«Энки все силы свои собрал, разум свой всемерно расширил. Энки образ себе подобный в сердце своем разумением создал».

Материалом для своего творения он избрал глину, земной прах. Люди понадобились богам, чтобы трудиться за них (и на себя тоже). Как видим, в этом варианте мифа о творении труд не наказание, а необходимость. А в легенде одного африканского племени говорится, что люди происходят от обезьян, оторвавших свои хвосты и решивших работать, чтобы жить в достатке. Это были глупые обезьяны, которые лишились свободы.

В Древнем Двуречье был создан эпос о Гильгамеше, где, между прочим, говорится о бренности жизни и бессилии человека перед неизбежностью небытия: «Спящий и мертвый друг с другом схожи — Не смерти ли образ они являют? Человек ли владыка жизни?!» Хотя высказана мысль о причастности человека к высшему: «Плоть богов и людей в твоем теле таится» (так сказано герою). Показывая посмертное разложение тела и томление бесприютной души, безымянный автор предлагает человеку проводить жизнь достойно и радостно.

Когда боги в наказание погрязшим в пороках людям решают устроить всемирный потоп (сюжет, повторенный через много веков в Библии), об этом предупреждают праведника с назиданием:

Покинь изобилье, заботься о жизни,
Богатство презри, спасай свою душу!

Одно из замечательных достижений мыслителей «дофилософской» эпохи — признание Неведомого не только людьми, но и богами; извечной тайны Мироздания и Разума Вселенной. В Двуречье о верховном Боге говорили: «Суть твою не понять, не распутать нити… Твои замыслы кто угадает? Твои тайные силы никому не подвластны! Твой лик невидим ни одному богу!»

Нечто подобное высказывали древние египтяне: «Бог есть сокрытое Существо, и ни один человек не знает Его образ. Ни один человек не может

искать Его облик; Он скрыт от богов и людей, и Он — тайна для своих творений».

А наиболее мудрая (пожалуй, верная) версия о начале мира приведена в космогоническом древнеиндийском гимне из «Ригведы»:

"Тогда не было ни сущего, ни не-сущего;
Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним.
Что в движении было? Где? Под чьим покровом?..
…Из чего возникло это Мирозданье, создал ли Кто его или нет? Кто видел это на высшем небе, Тот поистине знает… А если не знает?"

Значит, даже для Высшего Разума может быть нечто недоступное, и нет возможности наверняка узнать вечную тайну начала всего сущего (мысль, которую не пожелали принять — или не смогли понять — философы и ученые многих последующих веков, вплоть до нашего).

Впрочем, мы не станем вникать в философию мифов. Перейдем к изложению краткой европейской философии — в лицах и высказываниях. Начнем с греческих мыслителей.

Анаксимандр (ок. 610–547 до н. э.). Ученик и последователь Фалеса в основе всего сущего предполагал особую первоматерию — апейрон (то есть бесконечное, вечное, неизменное). Из него все возникает и в него возвращается. (В современной науке этому, пожалуй, соответствует космический вакуум.) Сохранились лишь немногие фрагменты его сочинений. Его труд «О природе» считается первым научно-философским сочинением, где сделана попытка дать разумное объяснение мирозданию. В его центре Анаксимандр располагал Землю, имеющую форму цилиндра. Он первым в Элладе начертил географическую карту, изобрел солнечные часы (гномон, вертикальный стержень, тень от которого падала на подобие циферблата) и астрономические инструменты. Одна из идей Анаксимандра: «Из тех же вещей, из которых рождаются все сущие вещи, в эти же самые вещи они разрушаются по неизбежности»…

Анаксимен (ок. 585–525 до н. э.). Он считал началом всех вещей воздух; при разрежении из него получается огонь, при сгущении — вода и камни. Этот воздух (не путать с нашим, привычным!) — «начало души, богов и божеств». «Воздух однороден, недоступен чувствам, беспределен» (следовательно, он похож на «апейрон» Анаксимандра).

Говорят, услышав от своего ученика вопрос, почему его одолевают сомнения, Анаксимен очертил на земле два круга: маленький и большой. «Твои знания — это малый круг, мои — большой. Но все, что осталось вне этих кругов, — неизвестность. Маленький круг мало соприкасается с неизвестностью. Чем шире круг твоих знании, тем больше его граница с неизвестностью. И впредь, чем больше ты станешь узнавать нового, тем больше будет возникать у тебя вопросов».

Ксенофан (ок. 570–478 до н. э.). Философ и поэт, спасаясь от нашествия персов, скитался, был бродячим певцом. Критиковал тех, кто

богов представляет в виде людей. Считал, что в мире неразрывно соединены материя и божественный разум, а Дух пронизывает все мироздание (пантеизм). Отвергал божественную природу солнца и звезд. По находкам в горах ископаемых остатков сделал правильный вывод о том, что суша была некогда морем и вновь когда-нибудь им станет (эта идея укоренилась в науке лишь спустя более чем 2 тысячелетия).

Ксенофан отличался остроумием. Когда кто-то похвалился, что видел угрей, живущих в горячей воде, Ксенофан усмехнулся: «Итак, станем варить их в холодной». Высказывания Ксенофана:

— Следует признать единство всего.

— Из земли все возникает, и в землю все возвращается.

Гераклит из Эфеса (554–483 до н. э.). Считал огонь первоосновой всего сущего. Был противником демократии, с горечью и презрением смотрел на окружающих людей и не имел желания управлять ими. За склонность к труднопонимаемым изречениям получил прозвище «Темный». До нас дошли лишь разрозненные фрагменты его труда «О природе». Гераклит первым назвал мироздание Космосом. До него этим словом обозначали порядок в государстве или личной жизни (отсюда — «косметика»). Афоризмы Гераклита:

— Все течет, все меняется.

— В одни и те же воды мы погружаемся и не погружаемся, существуем и не существуем.

— Природа скрытна.

— Многознание уму не научает.

— Мудрость состоит в том, чтобы говорить истину и прислушиваться к голосу природы, поступая согласно с ней.

Парменид (ок. 540–480). Происходил из родовитой семьи, занимал государственные посты, разрабатывал законы. Сохранились фрагменты его философской поэмы «О природе». Он четко отделял мнения, основанные на чувствах, от истины (объективной, независимой от мнений), основанной на разуме. Один из древних мыслителей утверждал: «Могучий, надменный Парменид… освободил мышление от обмана воображения». Вселенную Парменид считал вечной и неизменной: «Есть бытие, а небытия вовсе нету…» Тем не менее утверждал: «Быть или вовсе не быть — вот здесь разрешение вопроса». У Парменида есть мудрое суждение о единстве мысли (сознания) и бытия, жизни. Иначе говоря, наши мысли возникают благодаря окружающему миру, но и весь этот мир существует для нас благодаря нашему мышлению:

Одно и то же есть мысль и то,
О чем мысль существует,
Ибо ведь без бытия, в котором ее выраженье,
Мысли тебе не найти.

Зенон (V в. до н. э.). Ученик и приемный сын Парменида. Не терпел ограничений ни в умственной, ни в политической жизни; выступил против тиранической власти и погиб во время восстания. Его труды, по-видимому, были уничтожены, но придуманные им остроумные задачи — апории (проблемы) Зенона — продолжают интересовать ученых и философов. Он сумел вскрыть противоречия в наших представлениях о пространстве, времени, движении. Диоген Лаэртский приводил рассуждение Зенона: «Движущийся предмет не движется ни в том месте, где он находится, ни в том месте, где его нет». Быстроногий Ахиллес никогда не догонит черепаху. Ведь догоняя ее, он сначала пробежит половину расстояния между ними, но черепаха успеет преодолеть некоторое пространство; затем Ахиллес вновь преодолеет половину расстояния между ними, а черепаха продвинется еще вперед…

Промежуток между ними будет уменьшаться до минимума, но никогда не станет нулевым. Апории Зенона показывают, что наши рассуждения во многом зависят от того, какими правилами мы руководствуемся, на какие аксиомы — истины, которые не можем или не желаем доказать, — опираемся. (Это особенно четко проявляется при пользовании компьютерами: они дают нам те решения, ответы, которые в них заранее вложены программистами.)

Эмпедокл (V в. до н. э.). Происходил из знатной семьи, был жрецом. Отклонив знаки царского достоинства, остался верен идеалам народовластия. Предполагается, что философию и естествознание изучал в школе Платона. Он занимался врачеванием и пользовался в родном городе огромным авторитетом. По одному преданию, в последние годы жизни поселился на склоне вулкана Этна и, чувствуя приближение смерти, бросился в его кратер. По другой версии, он умер во время поездки на материковую Грецию.

По Эмпедоклу, первоосновой материального мира являются четыре стихии (первоэлемента): земля, воздух, вода и огонь. Они постоянно соединяются в разных пропорциях и распадаются. В мире все изменчиво из-за борьбы двух противоположных сил — Любви (Согласия) и Вражды (Раздора). (В современных представлениях это — притяжение и отталкивание.) Эмпедокл предполагал постепенное развитие и усложнение растений, животных. Считал что солнечное затмение происходит оттого, что «Луна заходит под Солнце». Бога мыслил безвидным и всюдным.

Протагор (ок. 480–410 до н. э.). В Афинах учился мудрости, логике, софистике (хитроумию). Автор книг «Наука спора», «О добродетели», «О сущем» и др. В 411 году до н. э. был обвинен в атеизме, приговорен к смерти. Его книгу «О богах» сожгли. Казнь заменили изгнанием из Афин. Погиб при кораблекрушении в Мессинском заливе по пути на Сицилию. Протагор мастер софизмов — формально логичных рассуждений, приводящих к нелепости. Например: «Чем больше добра, тем лучше. Лекарство — добро. Значит, лекарств надо принимать как можно больше».

Изречения Протагора:

— Человек есть мера всех вещей: существующих… и несуществующих…

— Все вещи таковы, каковыми они кажутся.

— О богах невозможно знать ни того, что они есть, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду; причина тому неясность вопроса и краткость человеческой жизни.

Диоген Синопский (410–323 до н. э.). Не только провозглашал, но и воплощал в своей жизни принцип наименьших бытовых удобств, предпочитая духовные ценности. По преданию, жил в старой большой глиняной амфоре для хранения зерна и жидкостей; выходил на улицу днем с огнем, поясняя: «Ищу человека». Говорят, когда к его бочке подошел Александр Македонский и спросил Диогена, что ему хотелось бы, то услышал в ответ: «Прошу тебя, отойди в сторонку, ты загородил мне солнце». За предельно упрощенный быт Диоген получил прозвище Кион (собака). Его последователи именовались киниками (циниками). Основные сочинения «О любви», «Государство», «Эдип». На вопрос, почему подают милостыню нищим и убогим и не помогают философам, Диоген ответил: «Богатые знают, что бедными и больными они могут стать, но мудрецами — никогда».

Теофраст, или Феофраст (372–287 до н. э.). Учился в платоновской Академии у Аристотеля. Написал множество работ по риторике, поэтике, философии, географии, ботанике, зоологии, минералогии, психологии, физиологии, искусствоведению, религии. Из них сохранилась только малая часть. Он обогатил естествознание своим четким методом классификации различных природных объектов, в частности растений, минералов. Старался писать о том, что хорошо знал, избегая домыслов и сознавая ограниченность своих знаний. О нем сохранился такой анекдот. Одному гостю, не проронившему за вечер ни слова, Теофраст сказал: «Коли ты неуч, то ведешь себя умно, а если учен, то глупо».

Посидоний (ок. 135—51 до н. э.). Стал видным представителем стоицизма — учения, которое признавало бренность каждой человеческой жизни порознь, но единство и вечность жизни и разума вообще; отвергал суетные заботы о личном благосостоянии, находя предназначение человека в познании высших истин и добродетели. Среди его учеников и друзей были Цицерон и Помпей. В труде «Об океане» Посидоний попытался представить историю Земли; отметил связь приливов и отливов с фазами Луны. От его работ сохранились лишь небольшие фрагменты. Стоики сравнивали философию с живым существом или с яйцом: скорлупа — это логика, диалектика; белок — этика (учение о душе и нравственности); желток — физика (учение о природе; «фюзис» по-гречески «природа»). Мироздание — живое, одушевленное, разумное, во всех своих составляющих превышающее человека. Бог — это светоносный огненный эфир, пронизывающий все мироздание и принимающий разные

формы.

Из более поздних греческих мыслителей выделим трех.

Плутарх (ок. 46 — ок. 127). Рожденный в семье знатной и состоятельной, с детства тянулся к знаниям и пренебрегал карьерой государственного служащего. Стал верховным жрецом Аполлона в Дельфах. Главный труд — «Сравнительные жизнеописания», где приведены 23 пары биографий выдающихся греков и римлян. Он учил современников и последующие поколения твердости духа, патриотизму, добродетелям не столько путем назиданий (хотя и написал «Этику»), сколько примерами из истории, из жизни великих людей. Плутарх соединил в себе эрудированного историка, глубокого философа, тонкого психолога, достойного гражданина и блестящего писателя. Редчайшее сочетание талантов! Его высказывания:

— У нас, эллинов, говорят умные, а дела решают дураки.

— Похвальным является такой душевный склад, худшие свойства которого с годами дряхлеют, а прекрасные расцветают.

— Бог — это надежда для храброго, а не оправдание для труса.

Плотин (204–270). Последователь Платона — мечтал создать город мыслителей — Платонополис. Считал, что все Мироздание пронизывает божественный дух. Материя есть темная, стихийная, хаотичная сила, которой разум придает гармонию, красоту и смысл. «Так как ум прекрасен, — учил он, — даже прекраснейшее из всего покоится в чистом свете и чистом сиянии и охватывает природу сущего, наш мир есть лишь тень и отражение ума». Плотин умер, так и не обработав и не опубликовав свои лекции. Эту работу завершил его ученик Порфирий, философ-идеалист. Идеи Плотина оказали влияние на мировоззрение Аврелия Августина, а через него — на христианскую теологию (богословие, религиозное знание).

Прокл (412–485). Греческий философ, последний из крупнейших представителей афинской школы Платона. Родился в Константинополе, жил преимущественно в Афинах, где и умер. Оказал большое влияние на арабских и христианских мыслителей. В основе всего считал, вслед за Плотином, непостижимую первооснову («протон» по-гречески). Высказывания Прокла:

— Всякое множество тем или иным образом причастно единому.

— Все способное производить превосходит природу производимого. (Из этого тезиса Прокла можно сделать вывод: если человек создан земной природой, биосферой, то она несравненно превосходит его во всем. — Р.Б.)

— Начало и первейшая причина всего сущего есть благо.

— Предметом стремления для всего является ум… так что весь мир, хотя и вечен, имеет сущность от ума.

Принято подчеркивать, что римские философы использовали достижения своих греческих предшественников. Однако преемственность культуры — дело обычное и естественное. Тут главное — что перенимается и разрабатывается.

Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.). Происходил из аристократической семьи, в Риме получил прекрасное образование, которое завершил в Афинах. Рано проявил себя как блестящий оратор и стал избираться на важные государственные посты. В 63 году до н. э. на должности консула обвинил Катилину (неудачливого реформатора) в государственном заговоре; часть заговорщиков была казнена. Через пять лет Цицерона под предлогом того, что казнь была незаконной, изгнали из Рима. Ссылка пошла впрок: он серьезно занялся философией. Во время гражданской войны Цицерон остался сторонником республиканского правления. Цезарь его простил, но Антоний осудил на смерть.

Литературное наследие Цицерона обширно и оказало большое воздействие на последующие поколения. Помимо множества речей и писем он написал трактаты по риторике, политологии: «О государстве», «О законах»; по философии: «О пределах Добра и Зла», «О природе богов», «Об обязанностях» и др.

Высказывания Цицерона:

— Все, что делается согласно природе, должно считаться хорошим.

— Наши руки как бы создают в природе вторую природу.

— Нет ничего превосходнее разума.

— Каждый человек может заблуждаться, но упорствует в заблуждении только глупец.

Сенека Луций Анней (ок. 5 до н. э. — 65 н. э.). Родился в Испании в культурной состоятельной семье, жил в Риме. Был политическим оратором, а затем воспитателем и наставником Нерона (возможно, это сказалось на хорошем состоянии государственных дел в первые годы правления императора). Нажив крупное состояние, в 62 году ушел в отставку. По обвинению в причастности к заговору был вынужден совершить самоубийство, без страха и стенаний, в согласии со своим учением. Основные сочинения: философские диалоги «О дружбе», «О благодарности», «О предопределении», «Естественнонаучные вопросы», а также «Моральные письма» и др. Из высказываний Сенеки:

— Хуже, чем война, страх перед войной.

— Как басня, так и жизнь ценится не за длину, но за содержание.

— Только малая печаль говорит; большая — безмолвна.

— Одобрение толпы — доказательство полной несостоятельности… К толпе же я отношу не только простонародье, но и венценосцев.

— Человек, не имеющий понятия об истине, не может называться счастливым.

— Жить счастливо и жить согласно с природой — одно и то же.

Ибн Сына Абу Али, Авиценна (ок. 980—1037). Мыслитель, медик, поэт. Родился близ Бухары в состоятельной семье. Отец дал ему хорошее образование. Семья переехала в Бухару, где Ибн Сина обучался основам математики, затем логике и философии; занялся медициной; вылечил правителя Бухары, за что тот разрешил пользоваться своей библиотекой. Ибн Сина переложил на арабский и пересказал целый ряд трактатов Аристотеля. После смерти отца вынужден был служить в разных городах. Наконец, обосновался в Иране, при дворах эмиров, занимая должность врача, а то и визиря. По некоторым данным, ему принадлежит 456 сочинений на арабском языке и 23 — на фарси. Его труд «Исцеление» в 18 томах включает логику, математику, физику, астрономию и метафизику (философию), учение о человеке и пророчества. Другие работы: «Книга знания», «Указания и наставления». Многие века пользовался популярностью его «Медицинский канон» — энциклопедия врачевания. Ибн Сина старался находить естественные причины земных и небесных явлений. По его словам, «мир возник не по воле Бога, а в силу непреложной необходимости».

Абеляр Пьер (1079–1142). Преподавал теологию в Париже; стремился совместить религиозную веру с логикой и здравым смыслом. В труде «Да и нет» смело вскрывал противоречия в суждениях церковных авторитетов. Утверждал необходимость изучения наследия великих ученых и философов прошлого, в частности, Платона и Аристотеля. Автор многих философских и богословских произведений, стихотворений, автобиографической повести «История моих бедствий», где выразительно показал жестокость и фанатизм католической церкви того времени.

Высказывания Абеляра:

— Если же мы сможем доказать, что одни и те же слова употребляются различными авторами в разных значениях, то мы легко отыщем решение многих противоречий.

— Первым ключом мудрости является постоянное и частое вопрошание, ибо, сомневаясь, мы приходим к исследованию, исследуя, достигаем истины.

— В то время, как с веками и сменой времен возрастают человеческие знания обо всех сотворенных вещах, в вере же, заблуждения в которой грозят величайшими опасностями, нет никакого движения вперед.

Фома Аквинский (1225–1274). Родился в семье графа Аквинского (Италия), но, будучи младшим сыном, не мог рассчитывать на наследство. Учился в Неаполитанском университете, где особенно внимательно штудировал Аристотеля. Вступил в доминиканский орден. В 30 лет стал профессором теологии Парижского университета. Много и плодотворно занимался религиозной философией, обобщая и разрабатывая схоластику. Фома признавал определенную самостоятельность науки и философии как особых способов постижения истины, посредством опыта и рассудка. Но

абсолютное первенство отдавал религиозному методу духовного прозрения на основе Священного Писания. По его словам, «наше познание берет свой исток в чувственных восприятиях». Однако оно постигает только внешние признаки: «Лишь один интеллект охватывает сущность вещей». Свобода воли дарована человеку, чтобы он сам делал выбор между добрыми поступками, приближающими его к Богу, и злыми, отстраняющими от Бога. Из всех форм правления Фома отдавал предпочтение монархии, но с оговоркой она не должна превращаться в тиранию, оставляя за народом право на восстание против несправедливости. Высказывания Фомы:

— Есть разумное существо, полагающее цель для всего, что происходит в природе, и его мы именуем Богом.

— Не форма определяется материей, но скорее материя формой; в форме надлежит искать основание, почему такова материя, а не наоборот.

— Есть некоторые отправления души, которые осуществляются без помощи телесных органов: мышление и воление.

Лютер Мартин (1483–1546). От своих предков — немецких крестьян унаследовал трудолюбие, упорство, здравый смысл, независимость мышления, хорошее знание народного языка. Окончив Эрфуртский университет, стал монахом-августинцем; с 1507 года преподавал теологию в Виттенбергском университете (Саксония). 31 октября 1517 г. он вывесил при входе в церковь листы с 95 тезисами против продажи индульгенций и различных злоупотреблений католичества. (С помощью индульгенций богатые могли покупать себе право на грехи, преступления.) Он полагал, что главное для христианина не исполнение пышных церковных обрядов, а знание Библии и следование в своих делах и мыслях учению Христа. Так началась Реформация, победа которой определила появление протестантства (лютеранства). Лютера отличили от церкви, ему не раз угрожала смерть. Его поддержали курфюрст Саксонии, некоторые немецкие кардиналы. Реформация сопровождалась религиозными войнами (соединявшимися с крестьянскими бунтами). Лютер писал и сочинения для народа; перевел на немецкий язык Библию, а также религиозно-политические трактаты. Со временем протестантская церковь стала господствовать в Германии, Австрии, Северной Европе. Религиозно-философская мысль оказала сильное влияние на мировую историю. «Мысли и чаяния души не могут быть никому подвластны, кроме Бога; поэтому нелепо и невозможно повелениями принудить кого-либо верить так, а не иначе» (М. Лютер).

Бэкон Френсис (1561–1626). Сын лорда-хранителя печати. Получил блестящее образование, окончив Кембриджский университет. Стал издавать свои сочинения: «Очерки нравственности и политики», «О преуспеянии наук», «О достоинстве и приращении наук», «Мысли и наблюдения», «О мудрости древних», «Система неба», «Новый органон» и др. Был избран в парламент, в 1617 году стал лордом-хранителем печати при короле Якове I, а затем лордом канцлером. Через четыре года парламентарии обвинили его во взяточничестве, осудили и отстранили от

всех должностей. Получив королевское помилование, он не вернулся на государственную службу. В утопии «Новая Атлантида» Бэкон постарался показать идеальное общество. Он называл человека истолкователем и слугой природы. По его словам, «природа побеждается только подчинением ей» (одна из основ экологического мировоззрения).

— Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде.

— Человеческий разум не холодный свет, его питают воля и чувства; а это порождает желательное каждому в науке. Человек скорее верит в истинность того, что предпочитает.

— Знание — сила.

Беме Якоб (1575–1624). Родился в саксонской деревушке в бедной крестьянской семье, зарабатывал себе на жизнь сапожным ремеслом. А жил ради познания. Не имея систематического образования, жадно читал религиозные, мистические и философские сочинения. Он полагал, что все тайны мира заключены в микрокосме души человеческой. Написал около десятка религиозных и философских трактатов, из которых главный «Аврора, или Утренняя заря в восхождении, то есть корень или мать философии, астрологии и теологии на истинном основании, или описание природы, как все было, и как стало в начале: как природа и стихии стали товарными…» Некоторые высказывания Беме:

— Книга, в которой заключены все тайны, есть сам человек.

— Без противоположности ничего не обнаруживается; изображение не появляется в зеркале, если одна сторона зеркала не затемнена.

— Бог сотворил все вещи из ничего, и это ничто Он сам.

— Не должно быть понято так, будто Божество… отделено от природы; нет, но они — как тело и душа…

Гоббс Томас (1588–1679). Родился в семье английского сельского священника, очень рано проявив смышленость и хорошую память. С четырех лет поступил в церковную школу, а завершил образование в Оксфордском университете. Став гувернером в знатной семье, смог общаться со многими просвещенными людьми, а также жить в материальном достатке. Не раз он посещал Францию, Германию, Италию. Постоянно увеличивал свои знания наук и философии. На формирование его взглядов повлияли Ф. Бэкон, Галилей, Декарт. В 1640 году Гоббс написал трактаты «Человеческая природа» и «О политическом теле», а чуть позже — «О гражданине». В 1651 году увидело свет самое крупное его произведение — «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского», а незадолго до смерти — «Физиологический Декамерон». По его мнению, крупное государство при коллективном руководстве не сможет решать в трудных ситуациях вопросы войны и мира, станет беспомощным, слабым. Его высказывания:

— Свобода и необходимость совместимы. Вода реки, например, имеет не только свободу, но и необходимость течь по своему руслу. Такое

же совмещение мы имеем в действиях, совершаемых людьми добровольно.

— Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в… состоянии войны всех против всех.

Спиноза Бенедикт (1632–1677). Родился в Амстердаме, в купеческой еврейской семье. Окончил школу при синагоге, после смерти отца продолжил его дело. Общаясь с различными людьми, размышляя о Боге, природе и человеке, он разуверился в догмах иудаизма. Еврейская община подвергла его отлучению, изгнав из Амстердама. Его приютили друзья; он написал: «Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье», «Основы философии Декарта» и фундаментальный «Богословско-политический трактат». Это произведение было запрещено. Его «Этика, доказанная в геометрическом порядке», увидела свет уже после смерти автора. Спиноза считал едиными и неотделимыми Бога и Природу, Материю и Дух: «Бог раньше своих постановлений не существовал и без них существовать не может». Он верил в могущество человеческого разума и в то, что путем логических доказательств можно убедить людей жить достойно, честно, дружно. Человеку следует учиться у природы и понимать свое незнание: «Если нам что-либо в природе представляется смешным, нелепым или дурным, то это происходит оттого, что мы знаем вещи лишь частично и остаемся по большей части в неведении относительно порядка и связи всей природы…»

Локк Джон (1632–1704). Сын английского судейского чиновника. Получил хорошее образование: окончил Оксфордский университет, где был оставлен преподавателем философии и нрава. В 1667 году поступил на службу к видному государственному деятелю, стал активно участвовать в политической жизни страны, выступая за ограничение прав монарха. Ему пришлось эмигрировать из Англии. Вернувшись на родину после свержения короля Якова II в 1688 году, выпустил ряд работ: «Опыт о человеческом разуме», «Письма о веротерпимости», «Трактаты о государственном правлении». Локк разработал основные принципы общественного конституционного устройства, предполагающего разделение исполнительной и законодательной власти, осуществление прав человека (свобода, равенство, неприкосновенность личности и собственности). Он полагал: «На опыте основывается все наше знание, от него в конце концов оно происходит».

Беркли Джордж (1685–1753). Родился в дворянской семье, учился в колледже Св. Троицы Дублинского университета, всерьез интересуясь различными науками и философией. Став дьяконом англиканской церкви, читал проповеди, но писал не религиозные, а философские трактаты. В 1728 году прибыл в Северную Америку как миссионер, однако британское правительство его не поддержало. Через два года вернулся на родину; был епископом в городе Клойн (Ирландия). Он оставил много интересных сочинений по философии, механике, математике, физике, среди которых

наиболее известен «Трактат о началах человеческого знания…».

Обычно считают, будто он отрицал существование материального мира, полагая, что вместо этого есть только наши чувства и мысли. Однако Беркли называл источником всех богатств труд, то есть, разумное воздействие на окружающую природу с помощью материальных орудий. Некоторые его высказывания:

— Если допустить, что мир состоит из материи, то красоту и пропорциональность ему придает ум.

— Пусть не говорят, что я отрицаю существование. Ибо я только устанавливаю смысл этого слова, насколько я его понимаю.

— …В каждой капле воды, в каждой песчинке есть нечто, что превышает силу проницательности или понимания человеческого ума.

Вольтер (Аруэ) Мари Франсуа (1694–1778). Был яростным борцом за свободу мысли, отрицателем авторитетов и догм (подобных людей стали называть вольтерьянцами). Родился в Париже в семье состоятельного нотариуса; учась в иезуитском коллеже, окончательно разуверился в церкви и стал презирать ее служителей. За язвительные сатиры против абсолютизма и церкви дважды попадал в Бастилию. Высланный из Франции, три года жил в Англии. Он был приближен ко дворам Людовика XV и прусского короля Фридриха II, но не пожелал поступиться свободой мысли ради комфорта. С ним переписывались многие монархи и революционеры, крупные мыслители и простые обыватели. Предпочитал писать философско-художественные сочинения: «Философские письма», «Задиг, или Судьба», «Микромегас», «Кандид, или Оптимист», «Простодушный». Принадлежат ему и серьезные трактаты. «Основы философии Ньютона», «Метафизический трактат», «Философский словарь», «Опыт о всеобщей истории — о нравах и духе народов». Утверждая просвещение, Вольтер высмеивал слепой оптимизм и веру в прогресс; обличая церковников, предупреждал: «Атеисты, обладая властью, были бы столь же опасны для человеческого рода, как и суеверные люди».

Юм Давид (1711–1776). Сын небогатого шотландского дворянина. Учась в Эдинбургском университете, увлекся философией, затем неудачно занимался коммерцией. Завершил образование в иезуитском коллеже во Франции, где окончательно разуверился в мудрствованиях, не основанных на опыте, и написал «Трактат о человеческой природе…». Работал библиотекарем в Эдинбурге, выполнял дипломатические поручения. Написал «Естественную историю религии» и «Историю Англии», «Исследование о принципах морали», а также сборник очерков «Эссе». Из высказываний Юма:

— Чем больше образ жизни человека зависит от случайностей, тем сильнее он предается суеверию; в частности, это наблюдается у игроков и мореплавателей…

— Руководителем в жизни является не разум, а привычка. Лишь она принуждает ум во всех случаях предполагать, что будущее соответствует

прошлому.

— Люди обладают общей склонностью представлять все существующее подобным себе и приписывать каждому объекту те качества, с которыми они близко знакомы и которые они непосредственно осознают.

Дидро Дени (1713–1784). Француз, сын зажиточного ремесленника огорчил отца тем, что не стал продолжать его дело, а увлекся философией. Окончив коллеж в Париже, опубликовал «Письма о слепых в назидание зрячим» (1749). Книгу запретили; автора заточили в тюрьму как атеиста. Здесь он задумал одну из основополагающих работ эпохи Просвещения: «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Позже вместе с Д'Аламбером осуществил этот грандиозный замысел, собрав замечательный авторский коллектив: Вольтера, Монтескье, Руссо, Бюффона, Гельвеция… Работа продолжалась с 1751 по 1780 год. Ему принадлежат «Мысли об объяснении природы», «Философские основания материи и движения» и другие трактаты, а еще философско-художественные, в частности «Племянник Рамо». Некоторые высказывания Дидро:

— Умен лишь тот, кто так же глуп, как мы (людям свойственно не признавать тех, кто умнее их).

— Стройте систему… но не давайте ей порабощать вас.

— Гении… сами создают себя.

— Наблюдение собирает факты; размышление их комбинирует; опыт проверяет результаты комбинаций. Необходимо, чтобы наблюдение природы было постоянным, размышление — глубоким, а опыт — точным. Эти средства редко оказываются соединенными. Вот почему творческих умов не так много.

Смит Адам (1723–1790). Уроженец шотландского городка Керколди. Изучал философию и математику в Глазго, в числе отличников был послан в Оксфорд, но быстро разочаровался в тамошних нравах и вернулся на родину. В 1752 году подружился с Д. Юмом и глубоко продумал его идеи в этике и экономике. А. Смит написал обстоятельную «Теорию нравственных чувств» (1759), а затем фундаментальное «Исследование о природе и причинах богатств народов» (1776), упомянутое Пушкиным в «Евгении Онегине»:

…Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.

Этот «простой продукт» — результат труда как действия коллективного, объединяющего представителей самых разных профессий на основе свободы, взаимопомощи, справедливости.

Гольбах Поль Анри (1723–1789). Родился в Германии в дворянской семье, окончил Лейденский университет, переехал во Францию и остался навсегда в Париже. Получив богатое наследство, сделал свой дом клубом просветителей и мыслителей. По словам Дени Дидро, чтобы переступить порог этого дома, мало быть знатным или ученым, надо обладать добротой. Его книги «Разоблаченное христианство», «Священная зараза», «Система природы» были в 1770 году приговорены парижским парламентом к публичному сожжению. И неудивительно, ведь, как писал сам Гольбах, «Религия — это искусство одурманивать людей с целью отвлечь их мысли от того зла, которое причиняют им в этом мире власть имущие».

Бога он считал порождением страха, надежды и невежества.

— Человек — произведение природы, он существует в природе, подчинен ее законам, не может освободиться от нее… Все беды людей от незнания самих себя и природы, отступления от ее законов.

— Ложь и несправедливость — лишь в интересах врагов общества. Истина — друг всех разумных людей. Предназначение человека — «для свободного труда ради своего счастья».

— Во Вселенной все находится во взаимосвязи. «Материя обладает способностью мыслить», ибо способно мыслить материальное существо — человек.

— Природа наделила человека сознанием.

— «В мире царит несправедливость», а потому революции неизбежны и приносят пользу, если временное нарушение порядка и спокойствия приводит к продолжительному и прочному благополучию.

— Гольбах в своих рассуждениях опирался на знания и «здравый смысл» (так называется одно его сочинение).

Его идеи оказали значительное влияние на мыслителей XIX века, когда начался расцвет науки и стал популярен атеизм.

Джефферсон Томас (1743–1826). Родился и воспитывался в семье крупных американских землевладельцев. Выступил за пересмотр феодального законодательства и освобождения от британской зависимости. Составил проект Декларации независимости, принятой в 1776 году. Был сторонником религиозной свободы, расширения демократических прав народа, освобождения негров. Занимал государственные посты, с 1801 по 1809 год был президентом Североамериканских штатов. Считал, что чувства справедливости, совести, сострадания присущи человеку от природы, но со временем подавляются эгоизмом, который насаждается воспитанием и социальной средой. Сомневался в идее закономерного прогресса общества, ибо судьбоносные события могут быть вызваны сочетанием непредвиденных обстоятельств, вне логики, тем более что Бог наделил человека свободой разума и воли.

Высказывания Джефферсона:

— Все люди сотворены равными, и все они одарены своим Создателем (прирожденными, неотчуждаемыми) очевидными правами, к числу которых принадлежит жизнь, свобода и стремление к счастью.

— Я считаю, что небольшой бунт время от времени — хорошее дело и так же необходим в политическом мире, как бури в мире физических явлений.

Сен-Симон Анри Клод де Рувуа (1760–1825). Отпрыск богатой аристократической семьи, воспитанник д'Аламбера и приверженец Руссо. Сражался в Северной Америке на стороне колонистов, боровшихся за свою независимость. Французскую буржуазную революцию сначала приветствовал, но вскоре отошел от политической деятельности, отвергая террор, и активно занялся самообразованием. Считал, что эпохи созидания, основанные на успехах философии и науки, сменяются периодами упадка и разрушения. Но власть должна перейти от алчных тунеядцев к просвещенным "индустриалам"; будут преобладать коллективные хозяйства; труд станет общеобязательным; христианским нормам все будут следовать на деле, а не на словах; установится гармония между рабочими, крестьянами, инженерами, мыслителями, торговцами, политиками.

Это был утопический социализм, предполагающий: "От каждого по способностям, каждой способности по ее делам".

Высказывания Сен-Симона:

— Наука полезна именно тем, что она дает возможностьпредсказывать.

— Взгляните на историю прогресса человеческого разума, и вы увидите, что почти всеми образцовыми произведениями его мы обязаны людям, стоящим особняком и нередко подвергавшимся преследованиям… Довольно почестей Александрам! Да здравствуют Архимеды!

Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814). Родился в семье ремесленника-ткача в саксонской (Германия) деревне, рос в бедности, но, обладая отличной памятью и живым умом, успешно учился в Йенском и Лейденском университетах. Отказался от места пастора, зарабатывал частными уроками, преподавал в Йенском университете (был исключен как атеист). Приветствовал Великую Французскую революцию, но отвергал последующий переход к империи, агрессии, господству чистогана. Активно боролся против французской оккупации, пробуждал немецкое национальное сознание, вступил в ополчение, но вскоре, заразившись тифом, умер.

Фихте стремился создать "наукоучение", умозрительную науку всех наук. Исходил из единственной (для каждого) безусловной реальности — "Я", противопоставленного ему "не Я" с завершающим синтезом. Полагал, что каждый выбирает философию по своей душе и складу ума. Но главное даже не мысль, а действие (хотя, не учитывал, что для разумной деятельности надо постигать не только человека, но и природу). И

совершенно верное суждение: "Человек предназначен для жизни в обществе". До нас прошли множества поколений, трудами и мыслями которых мы пользуемся, наш долг — достойно продолжить их дела. Так считал Фихте.

Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775–1854). Был сыном пастора, учился в Тюбингенском теологическом институте (одновременно с Гегелем). Давал частные уроки, изучал философию; с 1798 года преподавал в университетах Йены, Мюнхена, Берлина. Всерьез интересовался успехами естествознания и опирался на данные науки. Разрабатывал систему объективного идеализма. В своей диалектике природы рассматривал ее как организм, обладающий бессознательной духовной творческой потенцией. Эволюция, согласно его взглядам, разворачивается как духовный и материальный процесс, который вызван борьбой и единством противоположностей.

Основной творческой силой философского познания он считал интеллектуальную интуицию. Однако наиболее полное проникновение в суть явлений осуществляется, по его мнению, в художественном творчестве, искусстве. "Слово, исполненное в человеке, — писал он, — существует в природе как темное, пророческое (еще не изреченное) слово". "В нашем распоряжении Откровение более древнее, чем все писанные откровения, — это природа".

Конт Огюст (1798–1857). Родился в Монпелье (Франция) в семье чиновника. Закончил Политехническую (высшую) школу, работал секретарем Сен-Симона. Свое учение изложил в шеститомном "Курсе позитивной философии" (1830–1842). Отвергая все надуманное, недоказанное, умозрительное, полагал, что философия должна "непрерывно улучшать условия нашего… существования вместо напрасного удовлетворения бесплодного любопытства. Считал: познание идет от теологического (фиктивного) через метафизическое (отвлеченное) к научному (позитивному, положительному). Не следует спрашивать, почему происходит явление, а надо выяснить как это делается. (Примерно ту же концепцию развил в Англии Джон Стюарт Милль.) Общество совершенствуется благодаря прогрессу знаний. Конт предложил свою классификацию. Общественную науку он понимал как "социальную физику" — как завершение физики небесной, земной, механической и химической. Ему казалось, что для познания природы достаточно выстраивать, классифицировать и обобщать результаты научных опытов, наблюдений.

Эмерсон Ралф Уолдо (1803–1882). Родился в состоятельной семье в Бостоне (штат Массачусетс), закончил Гарвардский университет, избрав духовную карьеру. Однако его увлекли философские идеи, не укладывавшиеся в прокрустово ложе религиозных догм. Он сложил сан, а уже после первого крупного сочинения «Природа» (1836) стал знаменитым. Наибольший успех имели его «Эссе» (1841 и 1844). По мнению Эмерсона,

природа предоставляет человеку все условия для достойного существования: естественные ресурсы (удовлетворяющие материальные потребности), красоту, дисциплину и порядок Мироздания, потаенный смысл природных объектов и явлений. Надо, чтобы душа человека возвышалась от материальных потребностей через красоту к величию и совершенству Мировой Души, Разума Вселенной, к сопричастности с ними. «Стяжательство в общественной и частной жизни создает атмосферу, в которой трудно дышать», — сетовал он. (Хотя тогда был еще романтический период становления Североамериканских штатов.)

Еще более непримиримую позицию к американскому обществу занимал земляк, ученик и друг Эмерсона Генри Дейвид Торо (1817–1862). Он понимал хищнический, разрушительный для природы и души человека характер потребительской технической цивилизации, в особенности — стремление к роскоши. По его словам, «богатство человека измеряется числом вещей, от которых ему легко отказаться… На лишние деньги можно купить только лишнее. А из того, что необходимо душе, ничто за деньги не покупается». Его главная книга — «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854).

Фейербах Людвиг (1804–1872). Сын немецкого юриста; учился на теологическом факультете Гейдельбергского университета, разочаровавшись в теологии и возненавидев догматизм. В Берлине слушал лекции Гегеля. Преподавал в Эрлангенском университете. Опубликовал трактат «Мысли о смерти и бессмертии», где доказывал сомнительность веры в бессмертие души. Вынужден был оставить кафедру. Женился на владелице небольшой фарфоровой фабрики и прожил в спокойных размышлениях и работе четверть века, пока фабрика не обанкротилась. Свое учение он называл «философией будущего». Утверждал, что едины душа и тело, духовное и материальное, субъективное и объективное, мышление и бытие. Человек — «единственный, универсальный и высший предмет философии». Вместо религиозного утешения, философия дает людям понимание своих реальных возможностей, чувство собственного достоинства и показывает реальные пути достижения счастья. Человек «верит в совершенное существо, потому что сам не желает умереть». Любовь человека к человеку — проявление религиозного чувства. Понимание своей неразрывной связи с окружающими людьми и природой — реальная разумная основа нравственности. «Истина — в полноте человеческой жизни и существа».

Энгельс Фридрих (1820–1895). Родился в Рейнской провинции Пруссии в семье текстильного фабриканта, работал в его конторе, приобщался к коммерции. Не переставал заниматься самообразованием и, отбывая воинскую повинность, посещал лекции в Берлинском университете, сотрудничал в «Рейнской газете». Стал совладельцем фабрики в Манчестере (Великобритания), имея возможность безбедно существовать и материально поддерживать семью К. Маркса, с которым подружился в 1844 году; многие работы они написали совместно («Немецкая идеология», «Манифест Коммунистической партии» (1848) и

др.). После участия в революционных выступлениях 1849 года в Германии Энгельс эмигрировал в Швейцарию, затем на Британские острова; активно работал в I Интернационале. Написал: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой идеологии», «Диалектика природы». В последней книге, оставшейся незаконченной, обобщил материалистические представления об окружающем мире. Высказывания Ф. Энгельса:

— Нельзя уйти от своей судьбы, — другими словами, нельзя уйти от неизбежных последствий своих собственных действий.

— Совершенное общество, совершенное «государство» — это вещи, которые могут существовать только в фантазии.

— Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых.

Джемс Уильям (1842–1910). Родился в Нью-Йорке в семье теолога, получил домашнее образование, нередко бывал в Европе. Изучал химию и медицину в Гарварде, работал в экспедиции, исследовавшей животный и растительный мир реки Амазонки, прослушал курсы лекций по биологии и психологии Гарвардского университета. В 1884 году основал Американское общество психологических исследований.

Одним из первых он начал изучать подсознательные процессы, во многом определяющие эмоции и мышление человека. Считал, что психические явления образуют непрерывный и неповторимый «поток сознания» (добавим: с глубинными подсознательными течениями). Человек не способен постичь реальность, его знания ограничены и по большей части недостоверны; все решает волевое усилие и практический интерес. Поэтому оправдана религиозная вера: она приносит пользу человеку, вдохновляет и утешает его.

Джемс вслед за Чарлзом Пирсом обосновал концепцию прагматизма. Он писал: «Мысль истинна постольку, поскольку вера в нее выгодна для нашей жизни». Человек стремится приспособиться к окружающему миру, чтобы «чувствовать себя, как дома, во Вселенной». (Конечно, роль человека в мире далеко не ограничивается приспособлением: он творец, преодолевающий трудности. Как писал сам Джемс, «кто не способен на проявление усилий воли, тот не заслуживает имени человека; кто способен проявлять громадные усилия воли, того мы называем героем».)

Его соотечественник Джон Дьюи (1859–1952) продолжал и развивал концепцию прагматизма, отдающую приоритет практической деятельности. «Весь познавательный опыт, — утверждал он, — должен начинаться и заканчиваться в бытие вещей и в обладании ими». Реальная истина, о которой стоит размышлять, должна быть конкретной и конструктивной, иметь деловую подоплеку. (Наиболее сомнительным выглядит столь резкое ограничение области и цели познания.) Свои идеи Дьюи наиболее успешно

применил в области образования — «обучения посредством делания», формирования практических навыков.

…Возможно, профессиональные историки философии не согласятся со мной, но концепция прагматизма, по-видимому, возникла достаточно давно. Ее представителем можно считать одного из известных, но не всегда понимаемых мыслителей времени Возрождения — Макиавелли. Его имя стало нарицательным, как пример лицемерия, хитрости, беспринципности в достижении своих целей. Однако он имел в виду реальную политику и реальное управление государством, когда требуется решать практические, а не абстрактные задачи — конкретно и конструктивно. Итак, мы вернемся на полтысячи лет назад.

Макиавелли Никколо (1469–1527). Занимал важный пост в правящем флорентийском Совете Десяти, вел дипломатическую работу. Из-за поражения республики вынужден был покинуть родной город. Его сочинения: «История Флоренции», «О военном искусстве», комедия «Мандрагора», новеллы, стихи. Но наиболее знаменит трактат «Государь», или «Князь» (1513), где дан анализ действиям правителя, задача которого сохранить целостность общества и безопасность государства. Ради этого, по мнению Макиавелли, допустимы даже преступные средства, ибо речь идет о судьбах страны и народа. Он учил: «Не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступить на путь зла, если это необходимо». За это его позже упрекали — отчасти лицемерно — в цинизме. Однако он писал не об идеальном, а о реальном правлении, и потому был прав. Ведь нередко правителю приходится выбирать из двух зол наименьшее, и нет никакой возможности угодить всем своим подчиненным. В подобных случаях слабая власть губит государство и народ, тогда как сильная противостоит злу активно, карая немногих ради блага всех остальных. Так на войне приходится идти на смерть, защищая Родину.

…Не только прагматизм, но и многие другие, едва ли не все основные философские учения уходят своими корнями в далекое прошлое. Поэтому очень трудно выделить из множества глубоких и оригинальных мыслителей самых выдающихся. Таковыми следовало бы считать тех, кто жил в давние эпохи, выдвигая идеи, осознание которых придет в более позднее время.

В своих рассуждениях, основанных на логике, здравом смысле и воображении, мыслители всех времен находятся в более или менее одинаковом положении. Как мы могли убедиться из приведенных выше высказываний, недостатка в мудрых мыслях и поучениях не было никогда. Только по какой-то причине люди, если к ним и прислушивались, обычно предпочитали приспосабливаться к окружающей среде, подчиняясь указаниям начальства, хозяев, работодателей, а вовсе не советам и заветам наиболее умных и честных людей.

Как писал французский философ Клод Адриан Гельвеций (1715–1771), «если бы нас поддерживал… только ум власть имущих, мы не имели бы ни хлеба для пропитания, ни ножниц, чтобы стричь ногти. Не

вельможам обязаны мы открытиями в области искусств и наук, не их рука начертала планы Земли и неба, построила корабли, воздвигла дворцы». Увы, но именно такие вельможи, правители, богачи в значительной мере определяли общественную жизнь, хотя, несмотря на это, она развивалась и совершенствовалась благодаря творцам духовных и материальных ценностей.

Когда это простое обстоятельство стало очевидным (в середине XIX века) и начались серьезные социальные движения, философская мысль стала в значительной мере средством в политической борьбе. Это особенно ярко проявилось в марксизме, имеющем откровенно социально-политическую направленность. За это его давно критикуют противники, хотя сами они отличаются тем лишь, что принадлежат к иному политическому лагерю, стыдливо прикрываясь «объективизмом». Но ведь лицемерие, обслуживание своих хозяев и благодетелей — антифилософия, имеющая мало общего с любовью к мудрости. Отчасти это относится и к многочисленной армии профессиональных философов, для которых такое занятие является средством существования, службой по данному «интеллектуальному ведомству».

Существуют и не менее важные объективные причины, по которым все труднее личности проявить свой гений в философии. В XIX веке начался бурный прогресс наук, раскрывающий новые, немыслимые раньше горизонты познания. Умозрительные рассуждения быстро обесценились. Научная мысль, основанная на фактах и экспериментах, объективных доказательствах, эмпирических обобщениях, приобрела общеобязательный характер. Философии пришлось переходить на эту прочную (отчасти, конечно) основу. Одним из первых это осознал Герберт Спенсер (1820–1903), что можно видеть уже по названиям некоторых его работ: «Социальная статика», «Основы психологии», «Воспитание: умственное, нравственное и физическое», «Основы биологии», «Основы социологии», «Основы этики», «Человек против государства». Ему принадлежит целый ряд интересных и плодотворных идей. В частности, он определял эволюцию в природе и обществе как переход вещества «из состояния неопределенной, бессвязной однородности в состояние определенной связной разнородности» (позже стали писать об усложнении организации, движении от хаоса к порядку). Он справедливо сомневался в том, что корыстолюбие и стремление к максимальной прибыли содействуют общественному прогрессу, ибо, по его словам, невозможно получить чистое золото добрых дел из свинца низменных инстинктов. Однако опасался, что под знаменем демократии и социализма может победить «Грядущее рабство» (так называлась его книга).

В его трудах уделено внимание феномену бессознательного (значительно позже его заметно опошлили, сводя к воззрениям Фрейда). Он признавался: «Смысл явлений для меня был интересней самих явлений» (что отличает настоящего философа); писал о пользе энциклопедизма для понимания общих закономерностей и вреде прагматизма и утилитаризма, равнодушия к вечным великим тайнам бытия.

Спенсер отметил важное противоречие познания и реальности, первое все более разрозненно и относительно, тогда как Мироздание цельно и абсолютно. По его словам, как дух, так и материю мы можем

считать лишь проявлением Неведомой реальности, лежащей в их основе. Так философская мысль, двигаясь от незнания к знанию, завершает свой путь в Неведомом, признавая бессилие ограниченного разума человека постичь Вселенную, включающую все сущее вместе с ним, ничтожной и эфемерной ее частичкой…

Итак, с успехами наук философия неизбежно стала дробиться в соответствии с их объектами и методами. В XX веке оформились философия науки (науковедение, преимущественно, относится к методологии) и техники. Однако обобщающий синтез знаний о природе, человеке и познании так и не был осуществлен. Его наметил В.И. Вернадский, но сегодня ученые и философы продолжают оставаться на прежних позициях, определившихся еще столетие назад.

Создается такое впечатление, что цивилизация развивается (и деградирует тоже) по каким-то объективным закономерностям, ускользающим от внимания авторитетных мыслителей, вовлеченные в этот процесс. Наиболее ясно осознал это Н.А. Бердяев. Поэтому он — по нашему субъективному мнению — завершает ряд избранных философов, к кратким характеристикам которых мы теперь наконец-то приступаем.

Еще раз повторю: в развитии философской мысли — в отличие от религиозной — не следует придавать особое, исключительное значение отдельным личностям. Как бы ни были велики их заслуги, очень многое определяется трудами и мыслями предшественников, о которых (далеко не всех!) мы упомянули в данном вступлении.

И последнее. В отличие от религии и науки философия в царской России не пользовалась поддержкой государства, а то и пресекалась по причине ее «вольнодумства». В советское время абсолютно господствовало марксистско-ленинское учение. В России наиболее крупными философами были писатели, поэты, публицисты, ученые, религиозные и общественные деятели. (Одним из редких исключений можно считать В.С. Соловьева, который, тем не менее, был поэтом.) Об их взглядах и достижениях мы упомянем, говоря о Бердяеве и некоторых других русских мыслителях.

АНАКСАГОР

(ок. 500–428 до н. э.)

Вряд ли он был первым великим философом в мире. Да и можно ли доказать, что такой мыслитель существовал? Любовь к мудрости — одна из главнейших черт человека. Она пробудилась в нем еще во времена неандертальцев, более ста тысячелетий назад, а скорее всего, значительно раньше. К тому же у каждого крупного философа были не только достижения, но и ошибки, недоработки, темные высказывания. Выделить первого среди равных можно лишь в значительной мере условно.

Анаксагор — личность выдающаяся по целому ряду показателей. Он первым из крупнейших мыслителей перебрался с Востока (из Малой Азии, из Милета, с островов Эгейского моря) на материковую Грецию, основав первую философскую школу в Афинах. Активно участвовал в общественной жизни, что подчеркивает практическое значение философской мысли. Наконец, не ограничивался умозрительными размышлениями, а стремился познать природу как ученый, не боясь выступать против предрассудков даже с опасностью для жизни.

Родился он в городе Клазомены (близ Милета) в зажиточной семье. В юности познакомился с учением Анаксимена. Говорят, смысл жизни он определил как возможность созерцать небо и познавать строение космоса. Во многом достижения Анаксагора объясняются тем, что у него были великие предшественники: Фалес Милетский, Анаксимандр, Ксенофан, Гераклит, Пифагор, Парменид. Пребывание философа в Афинах пришлось на славный век Перикла, у которого Анаксагор был советником. Отчасти по политическим мотивам, а формально за непочтение к богам (признание небесных тел материальными объектами) его осудили на смерть. По преданию, узнав о приговоре, он ответил: «Природа давно присудила к смерти и меня, и судей». Благодаря заступничеству Перикла, он был помилован и изгнан из Афин.

Он утверждал, что Солнце — огненный шар, дав объяснение солнечным и лунным затмениям. По словам Плутарха, «Анаксагор который первым написал и самое мудрое, и самое смелое сочинение о свете и тени Луны, не был еще тогда знаменитым мужем древности, а сочинение его не пользовалось популярностью; оно было запрещено и ходило лишь среди немногих, причем принимались меры предосторожности…» Идея Анаксагора о твердых небесных телах, лишенных божественности, подтвердилась падением метеорита на северном побережье Эгейского моря в 467–466 годах до н. э. (То, что камни могут падать с неба, казалось фантастикой большинству ученых до XVIII века.) С тех пор возникла легенда, будто Анаксагор предсказал падение метеорита, чего, конечно, быть не могло.

Есть сведения, что он успешно занимался математикой и, даже находясь в заключении, решал задачу квадратуры круга. Разрабатывал теорию перспективы, главным образом для большего эффекта театральных представлений и сооружения декораций (в Греции того времени было очень популярно искусство комедии и трагедии). Стремление к познанию природы, соединенное с интересом к математическим абстракциям, привело философа к оригинальным идеям. В отличие от предыдущих мыслителей, предполагавших первоначальными элементами воду, землю, огонь, воздух, Анаксагор признал их число бесконечным. Эти элементарные частички он назвал «гомеомерии» («семена»). В этом можно усмотреть предтечу атомов Демокрита и значительно более поздних монад Лейбница. «Все заключается во всем», — считал Анаксанор, или говорил в другом варианте: «Во всем есть часть всего». Вырисовывается образ двойной бесконечности — в наибольшем и наименьшем.

Исходя из таких предпосылок, Анаксагор возражал против употребления понятий «возникновение» и «гибель», ибо ни одна вещь не появляется из ничего и не уничтожается бесследно, а либо смешивается (соединяется, синтезируется), либо разделяется (разлагается). Тем самым он подчеркивал единство природы в большом и малом, неуничтожимость материи и вечность движения. Последнее он связывал с существованием Разума или Ума («ноос» или «нус», по-гречески), который «бесконечен, самодержавен и не мешан ни с одной вещью, но только он один существует сам по себе… обладает совершенным знанием обо всем и имеет величайшую силу».

Эта мысль в последующем часто толковалась на разные лады. По-видимому, Разум (Ум) Анаксагора олицетворял мировой порядок и волю, движение (энергию). Аристотель писал: «…Тот, кто сказал, что разум находится, подобно тому как в живых существах, так же и в природе, и что это он виновник благоустройства мира и всего мирового порядка, этот человек представился словно трезвым по сравнению с пустословием тех, кто выступал раньше. Явным образом… взялся за такие объяснения Анаксагор».

Тот же Аристотель пересказал интересную мысль Анаксагора: «Человек является самым разумным из животных вследствие того, что он имеет руки». Отметим, что человеку определено биологически верное место в царстве животных, а развитие его разума объяснено, по существу, трудовой деятельностью, развитием рук. (Справедливости ради надо отметить, что четырехрукость обезьян не сделала их вдвое умнее людей, а трудовая деятельность возможна лишь при достаточно развитом мозге, о чем догадывался все тот же Аристотель.)

Замечательны идеи Анаксагора не только о строении Мироздания (учитывая незначительные астрономические знания того времени), но и о земных процессах. По его мнению, море (океан) состоит из первоначально скопившейся на Земле влаги, а также из вод, приносимых в него реками, которых питают дожди и подземные воды. (О том, что реки имеют подземное питание, забывают многие люди даже в наши дни!)

Возможно, именно Анаксагор первым в полной мере осуществил плодотворный синтез опытных знаний, обобщающих наблюдение за природными объектами и явлениями, с умозрительными размышлениями, выходящими за пределы «ползучей эмпирии». Умелое использование этого метода временами стимулировало яркие вспышки научно-философского творчества, а забвение его приводило к застою мысли.

ДЕМОКРИТ

(ок. 465 — ок. 370 до н. э.)

Родился он в приморском городе Абдеры (Фракия, Восточная Греция). Происходил из богатой семьи, получил хорошее образование и богатое наследство. Отличаясь любознательностью, использовал материальные богатства для приобретения духовных. Общался с мудрыми и знающими людьми, путешествовал в Вавилон, Египет, Индию, воспринимая идеи разных стран и народов. «Найти одно научное доказательство, — говорил он, — для меня лучше, чем овладеть всем Персидским царством». Согласно Диогену Лаэртскому, написал около 70 трудов по разным наукам и искусствам. По-видимому, в Афинах встречался с Анаксагором и Сократом. Пользовался большим уважением и почетом на родине.

Демокрит считал, что у предметов имеются собственные (объективные) качества: такие, как твердость, вес, размеры; и свойства субъективные, которые определяются чувствами человека: цвет, запах, звучание и пр. По его гипотезе, материальный мир сложен из мельчайших неделимых частиц — атомов и пустоты (вакуума). А богов придумали люди по своему образу и подобию в попытках объяснить мир. Целью жизни человека Демокрит полагал стремление к подъему, возвышению духовных сил. Высказывания Демокрита:

— Ничто не происходит случайно.
— Полезно уметь не только говорить, но и молчать.
— Надо стремиться к многомыслию, а не многознанию.
— Благоразумен тот, кто не печалится о том, что не имеет, но радуется тому, что имеет.

Достижения Демокрита и его учителя Левкиппа, о котором почти ничего не известно, выглядят более значительными при детальном анализе. Хотя, по словам Диогена Лаэртского, «он был учеником каких-то магов и халдеев», у Демокрита был ясный ум, не терпящий мистического тумана, избегающий ссылок на богов и жаждущий полного, цельного, логично обоснованного понимания мира и человека. Диоген Лаэртский перечислил целый ряд его трудов по этике, природоведению, математике, физике (в современном понимании этой науки), искусствоведению, прикладным наукам. Особое внимание обращал Демокрит на выяснение причин разных явлений и объектов природы. По-видимому, важнейшей его работой был «Великий миростroй». Однако от всех его сочинений сохранились только фрагменты, пересказы.

Умозрительные частицы Демокрита, как ни странно, очень напоминают атомы из нынешних школьных учебников: мельчайшие округлые частички. Они витают в пустоте, сталкиваясь, разлетаясь или объединяясь, сцепляясь. Они пребывают в вечном движении, остаются неизменными; ничего на свете не возникает из небытия и не исчезает, а лишь переходит из одних форм в другие. Атомов бесконечно много, и они разные. Такие качества, как вкус, цвет, тепло, существуют «лишь в общем мнении… в действительности же существуют только атомы и пустота». Лишь спустя более двух тысячелетий ученые вновь придут к этой идее Демокрита (и Левкиппа), стремясь различать свойства тел, определяемые субъективно, с помощью наших органов чувств, от объективных, вызванных свойствами атомов (отметим: второе невозможно без использования технических средств, без «техногенного познания»).

Другое положение Демокрита: «Все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости. Случайными называют события, причин которых не понимают» (но это не означает, будто все целесообразно и предопределено).

Наиболее сомнительной считалась концепция бесконечности Вселенной бесчисленного множества миров; над ней посмеивались в платоновской Академии. Согласно Демокриту, миры во Вселенной постоянно образуются и погибают, находясь на различном расстоянии от Земли. Идея вечности мироздания вызывала недоумение: ведь в таком случае все на свете, включая нас, когда-нибудь должно повториться.

Демокрит писал и математические трактаты. Он отрицал возможность бесконечного деления пространства и этим избегал парадоксов, изложенных в апориях Зенона (например, будто Ахиллес не может догнать черепаху, бесконечно долго приближаясь к ней). Атом стал пределом делимости.

Но как объяснить с тех же атомистических позиций существование души? Для нее Демокрит придумал особые наиболее подвижные и активные шаровидные атомы огня. Они покидают тело умирающего

человека и разлетаются в окружающем пространстве. Это происходит не мгновенно, а за некоторое время умирания, когда теряют «жизненную энергию» (говоря более поздними понятиями) органы, части тела. Следовательно, вся природа пронизана «атомами жизни», одухотворена. Различия только в том, сколько присутствует «атомов жизни и разума» в том или ином теле, пусть даже минеральном. А разум концентрируется… в груди человека! Это мнение Демокрита наглядно показывает, насколько далеки были представления мыслителей того времени от тех, которые стали привычными для нас. Удивительны не подобные расхождения, а определенные черты сходства: философская мысль словно проникала на сотни, тысячи лет в будущее, предвосхищая грядущие открытия.

Даже богов Демокрит постарался «материализовать». По его мнению, они представляют собой устойчивые образы из огненных атомов, возникающие в воздухе, похожие на людей и способные приносить им пользу или вред. Выходит, природа богов и людей сходна (если только Демокрит не скрывал своих атеистических взглядов за столь неопределенными объяснениями).

Интересны взгляды философа на материальную и духовную культуру, которую он — едва ли не первым — рассматривал в развитии. Движущей силой этого процесса считал нужду, потребность и осознание пользы, которую принесут действия для ее удовлетворения. Важнейшая потребность — в пище, затем — в жилище, одежде. Возникновение языка, например, он объяснял потребностью в общении, общей деятельности, что тоже можно свести к преодолению нужды. Искусства («технос», по-гречески), в которые включались ремесла, все виды технической деятельности, он считал следствием подражания животным: «Мы — ученики паука в ткацком и портняжном ремеслах, ученики ласточки в построении жилищ и ученики певчих птиц, лебедя и соловья в пении». Конечно, люди не только подражают, но в порывах вдохновения творят нечто новое, особенно — в поэзии.

Если человек способен создавать более благоустроенную «культурную» среду (техногенную), то у него имеется возможность улучшать и самого себя. Это достигается путем воспитания и обучения: «Ни искусство, ни мудрость не могут быть достигнуты, если им не учиться».

Люди стремятся к счастью. Его Демокрит понимал, по словам Диогена Лаэртского, так: «Конечная цель есть душевное благосостояние; и оно не тождественно с наслаждением… Это состояние, при котором душа пребывает в спокойствии и равновесии, не смущаемая ни страхом, ни суеверием, ни иной какой-нибудь страстью. И он называет его также „благодушием“ и многими другими именами».

Демокрит своей долгой и счастливой жизнью, а также посмертной славой обязан был тому выбору, который сделал в молодости: пренебрег богатством ради радости познания. У многих ли хватает на это ума?

ПЛАТОН

(427–347 до н. э.)

Его имя — одно из наиболее прославленных в истории не только философии, но и человечества. Родился он в Афинах в аристократической семье, получив имя Аристокл (прозвище Платон, от греческого «платус», крупный, широкий, дал ему Сократ за широкий лоб). Рано увлекся

философией Гераклита, Парменида, Зенона. В 407 году познакомился с Сократом и стал его ближайшим учеником. После казни учителя вынужден был покинуть родной город. Много путешествовал по Греции, Южной Италии, Сицилии, Египту, встречаясь с видными мыслителями. На его воззрения оказали влияние последователи Пифагора, философы Востока. Вернувшись в Афины, Платон основал свою школу — Академию (по местности в Афинах, где среди рощи был установлен памятник герою Академу). Она просуществовала до 529 года — девять столетий! — и была запрещена императором Юстинианом.

Свои идеи о государстве и политике Платон попытался воплотить в жизнь, став советником сиракузского тирана Дионисия. Попытка не удалась: тиран не сделался разумней и совестливей. Платон изложил свои взгляды в книге «Законы». Идеальное государство у него рабовладельческое, четко организованное. И хотя философа позже упрекали за негуманные взгляды, реально для той эпохи он был прав.

Высказывания Платона:

— Наш космос есть живое существо, наделенное душой и умом, и родился он поистине с помощью божественного провидения.

— Все, что вызывает переход из небытия в бытие, — творчество.

— Не самое ли позорное невежество — воображать, будто знаешь то, чего не знаешь.

— Поэт… должен творить мифы, а не рассуждения.

— Не золото надо завещать детям, а наибольшую совестливость.

Одна из замечательных особенностей Платона: литературный талант, умение не только высказывать мудрые мысли, но и выражать их в художественной форме. Его диалоги выстроены по законам драматургии, воздействующие не столько на чувства, сколько на рассудок. Кстати, он был автором эпиграмм, из которых 25 сохранились. Среди них есть любовные, посвященные девушкам и юношам; есть и шутливые:

Золото некто нашел, обронивши при этом веревку:
Тот, кто его потерял, смог себе петлю связать.

В одной эпиграмме он высказал мысль философскую:

Все уносящее время в теченье своем изменяет
Имя и форму вещей, их естество и судьбу.

А в трактате он поэтично назвал время движущимся подобием вечности. Далее уточняет «движущийся от числа к числу», то есть измеряемый, хотя, по-видимому, не обязательно равномерно. (Такое сочетание вечности и изменчивости до сих пор не учитывают философы, размышляющие на эту тему.)

Выдающееся достижение Платона — создание образа идеального философа Сократа. Эта личность остается загадочной, прославленной главным образом благодаря сочинениям Платона, в которых практически невозможно разделить автора и его главного героя. Были или не были в действительности беседы Сократа в той форме, которую придал им Платон? Скорее всего — не были, потому что в них определенно

чувствуется рука мастера, а не просто пересказчика.

Во времена Платона в Греции высочайшего уровня достигли трагедии и комедии; вот и его диалоги имеют интересную завязку, острый конфликт, динамичный сюжет и неожиданный финал. Логические конструкции выстраиваются с необычайным изяществом. Герои диалогов обладают индивидуальными чертами, а Сократ — учит не только мудрости, но и нравственности. Его метод доказательств — наведение с помощью вопросов на выводы, которые опровергают собственные первоначальные утверждения. Преподаются умение рассуждать, культура мышления.

Это подчеркнем особо. За последние десятилетия из-за примитивного понимания сути научного познания, сводящего его к запоминанию и классификации фактов, принято думать, будто главное — сообщить определенные сведения, а уж выводы, мол, каждый может сделать сам.

Однако главное именно в умении работать с фактами, осмысливать их, сопоставлять с другими, отделять важные от второстепенных, понимать степень их достоверности и т. д. Лавина информации превращается в шум, способствует не прояснению, а засорению и затуманиванию сознания. Искусство мыслить посложней умения играть на музыкальных инструментах или на сцене; ему-то и стремился обучить читателей Платон.

Его философской системе посвящено огромное количество исследований. Она заслуживает это уже потому, что является первой цельной концепцией, логически стройной и дошедшей до нас в наиболее полном виде. Он создал систему объективного идеализма, разрабатывал вопросы диалектики, космологии, теории познания, эстетики, психологии, педагогики, политологии, этики искусства. Его суждения не лишены противоречий. Писались они в разное время, и взгляды философа не могли оставаться окаменелыми, как догмы. Да и вряд ли он ставил перед собой цель сконструировать нечто подобное завершенному и непротиворечивому философскому учению. Прежде всего он демонстрировал искусство мыслить диалектически.

…Читателю можно посоветовать познакомиться с мыслями Платона, его сочинениями. На мой взгляд, до него мыслители стремились постичь окружающий и свой внутренний мир как объективные наблюдатели, словно бы со стороны, отстраненно. Однако человек познающий вносит в мир нечто новое — идеи, образы. Он творит свое представление о мире не только материальном и не менее реальном (по крайней мере для него, человека) мире идей. Так, говоря о прекрасном, он имеет в виду и конкретные объекты, и нечто несравненно более возвышенное и неподвластное изменениям — саму идею прекрасного.

Материалист скажет: но ведь идеи созданы нашим разумом!

Идеалист возразит: а может ли нечто возникнуть из ничего?

Материалист: люди способны лгать, измышлять нечто несообразное реальному миру.

Идеалист: и у всех этих созданий воображения есть определенные предпосылки, исходные формы, существующие вне человека.

Материалист: но идея — это нечто умозрительное, тогда как окружающий нас мир сугубо материален.

Идеалист: вы верите в свою идею материи?

Материалист: это не вера, а убеждение, основанное на опыте. Реальную вещь я могу ощущать, изучать с помощью приборов.

Идеалист: вы имеете в виду конкретные вещи, а материя — это уже общая идея.

Материалист: но эта идея отражает реальность.

Идеалист: значит, идея реальности доказывает реальность идеи…

Диалог можно продолжать. Однако хотелось бы перевести его в другую плоскость. В прошлом веке наука обогатилась понятием, которое позволяет сблизить в данном вопросе позиции двух дискутирующих сторон. Это — информация. Она присутствует во всем, не являясь материальной. И другое понятие: организованность, показывающее степень гармоничного взаимодействия частей единого целого.

Платон, размышляя о бессмертной душе, которая «своего рода гармония, слагающаяся из натяжения телесных начал», не помышлял, конечно, об информации. Но ведь душа соединена с телом в принципе так же, как информация — со своим материальным носителем. И в том, и в другом случаях перед нами единство. Все исторические науки, начиная от геологии, используют сведения о давно прошедших событиях, исчезнувших объектах. Память Земли, человечества, личности — хранилище информации, а вовсе не тех реальных объектов, о которых она свидетельствует. Хотя и в этих случаях информация имеет свое материальное воплощение.

Платон определил идею (информацию) на свой лад: «бесцветная, бесформенная и неосязаемая сущность, в сущности своей существующая, зримая только для одного кормчего души — разума». Можно продолжить рассуждения. Информация (будем употреблять это слово, неведомое Платону) присутствует в мире объективно, вне воли и желания людей. Значит, она относится к разуму несравненно более обширному, всеобъемлещему — Вселенскому или Божественному. Душа человека постоянно устремлена к благу, а Божественный разум предполагает идею всеобщего блага и целесообразности мирового порядка.

Примерно так обосновывается система объективного идеализма Платона. Мыслитель оперирует идеями. Они для него являются первичными, основополагающими. Однако трудно согласиться с тем, что такова и природа окружающего нас мира. Хотя человек — его порождение, микрокосм, из этого еще не следует, будто Вселенная во всем подобна нам, тем более когда речь идет о познании. Кстати, сам Платон признавал, что Богу нет нужды стремиться к знаниям, ибо Он и без того всеведущ.

Некоторые философы полагают, что противоречия между идеалистами и материалистами носят непримиримый характер. Словно надо непременно выбирать одно из двух учений! Разумнее, пожалуй, признать возможность их синтеза; единство сознания и материи. Еще один вариант: различать ситуации, для которых целесообразней то или иное соотношение сознания и материи (их можно насчитать не менее семи).

Платон предстает родоначальником идеи информации, хотя и выраженной весьма туманно (что вполне естественно: мудрые идеи кристаллизуются чаще всего постепенно) Кроме того, подчеркнув приоритет идеи над материей, он обозначил одну из важных особенностей

философии, отличающую ее от науки: субъективность и рефлексию, стремление изучать не только природные объекты, но и сам процесс познания. Ведь человек, рассуждающий о Вселенной или о Боге, вводит их в свой интеллектуальный мир, объемлет их собственным разумом. И даже придавая Богу сверхобычные качества, мыслитель все равно включает и их в свою умственную конструкцию, выступая в роли демиурга (информационного). Наука, стремящаяся к объективности, избегает подобных построений.

Согласно Платону, сознание восходит, преодолевая четыре ступени, от низшего к высшему. Первоначально — состояние неопределенности, гадательности, когда возникают образы, подобные сновидениям или отражениям в колеблющейся воде. Затем возникает мнение, позволяющее отличать материальные предметы от их отражения в сознании; при этом человек полагается на свой чувственный опыт. (Можно дополнить: соединяет эти две ступени вера, помогающая ориентироваться в неопределенности.) Третий шаг — переход на уровень рассудка, когда осознаются не только конкретные объекты, но также идеи; человек оперирует идеями, а не только реалиями. Наконец, заключительный шаг к пониманию всеобщего блага (порядка, организованности). Нетрудно заметить, что каждая последующая ступень в этой схеме не исключает предыдущие, а в завершающем синтезе, который можно определить как «мировоззрение», предопределено свое место и вере, и мнению, и науке, и философии…

Вошло в общий обиход понятие «платонической любви». Она не отвергает телесное любовное влечение, но представляет его как низшую примитивную форму, не выходящую за пределы бренного, ненадежного, недолговечного, а то и мимолетного. «Нет, уж если что любить, думает Платон, то что-нибудь более прочное, более надежное, более устойчивое… Уж лучше тогда любить вечное и неизменное, вступать в брак с идеальным и страстно увлекаться чем-то бессмертным и небесным», — так пояснял его мнение известный историк философии А.Ф. Лосев.

Задача воспитания, по Платону, — приблизить личность к осознанию идей и блага, к высшей любви, просветляющей разум и душу. Детей следует учить на лучших примерах. Как тело крепнет в упражнениях и нуждается в питании, так душа требует воспитания и духовной пищи: книг, бесед, прекрасной музыки, более всего — философских идей. И в управлении государством следует руководствоваться философией. Вести страну, как судно в открытом море, должен кормчий, сведущий в своем искусстве. В противном случае может погибнуть не только государство, но и весь род человеческий.

Нелепо надеяться, что такого правителя может избрать демократическое большинство. Люди обычно исходят из мнений, а не из идей и знания. И эти мнения далеки от объективности. Ведь в каждом городе есть два враждебных: «один город бедных, другой — богатых и в обоих — опять много городов…» А потому демократия, как всякая крайность, неизбежно приводит к тирании; возникает «из высочайшей свободы… — сильнейшее и жесточайшее рабство».

Впрочем, у Платона мы не найдем сколько-нибудь конкретных рекомендаций для создания идеального государства: он исходил из той

рабовладельческой системы, которая существовала в его время. И все-таки его вывод о переходе демократии к тоталитаризму заслуживает серьезного внимания именно в наше время. Дело в том, что, контролируя средства «массовой информации», сравнительно нетрудно формировать общественное мнение, манипулируя им по усмотрению тех, кому эти средства подчиняются. При социалистической системе они принадлежат государству (точнее — руководителям, крупным чиновникам), при капитализме — наиболее богатым людям и организациям. Если в первом случае может еще идти речь о благе государства в целом, то во втором неизбежно использование власти прежде всего и преимущественно в интересах капитала («города богатых» — по Платону). Разработанные в наше время психотехнологии позволяют с помощью электронных средств агитации и пропаганды, наркотизации общественного сознания устанавливать не только экономический, но и духовный тоталитаризм — самый безнадежный. Таков путь от формальной демократии к духовному рабству людей, обладающих, казалось бы, всеми политическими правами.

И еще. Идеализм Платона предполагает нечто высшее, к чему надлежит стремиться. Человек должен иметь перед собой высокие и светлые цели. Только тогда он достоин существования в этом мире, пронизанном солнечным теплом и светом, исполненном идеи и дарованном людям для блага.

БЭКОН РОДЖЕР
(ок. 1214–1292)

Нередко можно услышать: гений обогнал свое время. Наивное суждение! Любой человек, даже чрезвычайно одаренный, всегда остается сыном своей эпохи, а крупный мыслитель — продолжателем или завершителем работ предшественников. Вот и достижения Роджера Бэкона нельзя верно оценить без учета общего движения идей того времени. Иначе придется приписать ему открытия, которые были подготовлены трудами других мыслителей.

В Средние века наука и философия распространялись в Западной Европе из Испании (Кордова, Толедо были крупными центрами арабской культуры) и из Византии, где сохранялось духовное наследие античности. Например, крупный арабский философ Ибн Рушд, или, в латинизированной форме, Аверроэс (1126–1198), развивал и комментировал сочинения Платона и главным образом Аристотеля, которые стали особенно популярны в позднем Средневековье.

В XIII веке в большинстве европейских стран философия оставалась покорной служанкой богословия. Исключением, отчасти, была Англия, где не имелось слишком жесткого контроля со стороны Церкви. В Оксфордском университете прилежно штудировали и естественнонаучные сочинения Аристотеля. Их переводил, в частности, Роберт Гроссетест, т. е. Большеголовый (1175–1253) — основатель оксфордской научно-философской школы. Он занимался оптикой, геометрией, астрономией, медициной; проводил опыты по преломлению света и распространению звука. Он утверждал необходимость познания мира на основе наблюдений, эксперимента и последующего анализа результатов с выдвижением гипотез, первоначальных обобщений. Эти выводы следует проверять на фактическом материале. Такой была одна из первых попыток

сформулировать метод научного анализа. Ведь со времени эллинской культуры философия и науки обычно не разделялись.

На свой лад трактовал Гроссетест сотворение Мироздания. Бог сначала создал светоносную точку. Она, расширяясь, превратилась в сферу. Материя постепенно сгущалась в ее центре, где сформировалась Земля. Светоносная основа Мироздания присутствует и в душе человека. Получалось, что Бог является первопричиной, Творцом, а материя развивается самостоятельно. Тем самым законы природы становились независимы от истин богословия.

Наиболее полно раскрылись достоинства оксфордской школы в произведениях Роджера Бэкона, которого за обширные знания и ясный ум называли «удивительным доктором». Он был учеником Гроссетеста и отдавал предпочтение изучению природы, а не схоластическим умствованиям. По его мнению, знания открывают перед человеком великие возможности: можно будет передвигаться по суше в коляске без коней, а по морю — в судне без парусов и гребцов, летать по воздуху и погружаться в морские глубины, наблюдать мельчайшие пылинки и далекие звезды.

Увлеченность разнообразными знаниями определила его интерес к астрологии и алхимии. Бэкон четко отделял религиозный метод, основанный на вере и мистических откровениях, от научного, требующего подтверждения идей экспериментами, точными наблюдениями. Главными разделами философии он считал математику, этику и физику — науку о природе, включающую астрономию, оптику, медицину, технические знания.

Особенно высоко оценивал Роджер математику, полагая, что «с ее помощью следует изучать и проверять все остальные науки». К логике он относился скептически. Действительно, логические рассуждения, не имеющие опоры на факты и опыт, можно использовать для доказательства чего угодно, лишь бы не были нарушены формальные приемы и правила. Схоластика, которую недолюбливал Бэкон, в полной мере пользовалась достижениями формальной логики.

Р. Бэкон выделил три способа познания: веру, рассуждения и опыт. Он говорил: «Опытная наука — владычица умозрительных наук». Это было предвестием идеологии Нового времени, отдавшей предпочтение научно-техническим знаниям. Если иметь в виду, что «умозрительные науки» в современном понимании являются философскими, то классификация способов познания, по Роджеру Бэкону, выглядит таким образом:

- вера в авторитет (религия);
- умозрительные рассуждения (философия);
- опытное экспериментальное знание (наука).

Роджер ввел понятие «экспериментальная наука». Она наиболее совершенна, «всем служит и удивительным образом дает уверенность; она не опирается на логические аргументы, какими бы сильными они ни были, потому что они не доказывают истину, если одновременно с ними не присутствует опыт, касающийся вывода».

Оставалась еще проблема высших истин Священного Писания. Роджер считал, что Библия требует не только почитания, но и критического анализа. Он не был согласен с отдельными ее фрагментами, неточно, на его взгляд, переведенными. Но этим не умаляется значение

религии. Внешний опыт (обыденный и научный) он отделял от внутреннего, данного свыше, — в озарении, откровениях. Истины Священного Писания и религиозные образы неподвластны внешнему опыту: «Чем более они превосходны, тем менее нам известны».

Будем помнить: в те времена представления о природе были во многом фантастичны, очень неполны; даже об анатомии и физиологии человека известно было чрезвычайно мало. Вполне естественно, что Роджер предполагал существование «праопыта», божественного знания, которое может присутствовать в человеке изначально или озарить его неожиданно.

Роджер проводил алхимические опыты и, возможно, синтезировал взрывчатое вещество (порох?). Он писал о какой-то смеси, содержащей селитру, серу и некоторые другие компоненты, которая способна производить гром и блеск. Церковь повелела ему держать в секрете свои изобретения.

По примеру Франциска Ассизского, он призывал вернуться к идеалам бедности, простоты, взаимопомощи первохристиан; критиковал духовных и светских владык за лицемерие, корыстолюбие, коррупцию. И все-таки верил во вселенскую роль христианской церкви, которая сможет организовать и возглавить идеальное общество на Земле. Для этого нужны просвещенные священники — знатоки наук и религиозных откровений, носители высоких моральных качеств. Римский папа — наилучший и умнейший из них — должен возглавить власть духовную и светскую. Всем государствам суждено объединиться, а народам принять христианство.

Такой была одна из первых социальных утопий. В отличие от более поздних научно-технократических проектов в данном случае предполагалось как обязательное условие духовное единство людей и опора на высокие идеалы разума и добра.

…Судьба не баловала Роджера Бэкона, хотя сначала складывалась благоприятно. Завершив образование в Оксфорде, он переехал в 1236 году в Париж, и вскоре стал преподавать в университете. Он вступил в монашеский орден францисканцев, но за свободомыслие подвергался гонениям со стороны церковников. В Париже его надолго заточили в монастырь, выпустив лишь по указанию папы Климента IV. Ему Бэкон посвятил три сочинения, в которых изложил свои взгляды, не противоречащие учению Христа. Преподавал он и в Англии, где тоже подвергался гонениям. Его идеи, подобно семенам, оставшимся в почве на зиму, «проросли» значительно позже, когда экспериментальное знание обрело достаточно прочную методологическую основу прежде всего в механике, физике. И дело не в том, что его не понимали. Просто общество, как обычно, отстает в своем развитии от выдающихся личностей. Ему надо еще «дозреть» до восприятия их идей.

Из высказываний Роджера Бэкона:

— Пока длится невежество, человек не находит средств против зла.

— У нас в руках три средства познания: авторитет, мышление иопыт.

— Важнейшие тайны мудрости остаются в наши дни неизвестными толпе ученых за недостатком правильного метода.

— Бог, ангелы, загробная жизнь… труднодоступны для человеческого знания, и чем более они возвышенны, тем менее нам

известны.

НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ
(1401–1464)

Родился он в поселке Куза близ г. Тира (Германия) в семье зажиточного рыбака Кребса. Учился в Гейдельбергском и Падуанском университетах, затем служил в папских куриях, а с пятидесяти лет стал кардиналом и «легатом всей Германии». Но главнейшей и увлекательнейшей для него была жизнь духовная, дерзания мысли. Исследованиями своими Николай Кузанский охватывал и все мироздание, и отдельные математические проблемы; он составил карту Центральной и Восточной Европы, выступил с проектом реформы юлианского календаря; писал о бесконечности и единстве Вселенной. Согласно его взглядам, материя пронизана Божественным духом и разумом. Человека называл он микрокосмом и предполагал, что возможны обитаемые звездные миры. Он умел сознавать и ограниченность познания, и человеческое незнание, и бесконечные возможности разума.

Вот некоторые высказывания Николая Кузанского:

— Кто может подняться настолько высоко, чтобы постигнуть многообразие в единстве и единство в многообразии? Это сочетание выше всякого разумения.

— Абстрактное заключено в конкретном.

— Человек, объятый самым пламенным рвением, может достичь более высокого совершенства в мудрости в том лишь случае, если будет оставаться весьма ученым даже в своем незнании.

В одном из своих философских диалогов он, словами Простеца,говорит:

— Тебя ведет авторитет и вводит в заблуждение. Кто-то и написал слова, и ты веришь. Но говорю тебе, мудрость кричит снаружи, на улицах…

Оппонент отвечает вопросом:

— Если ты — Простец, как ты смог прийти к знанию своегоназначения?

— Не из твоих книг, а из книг Бога.

— Что же это за книги?

— Те, что он начертал собственным перстом.

— Где они находятся?

— Повсюду.

Эта замечательная мысль Николая Кузанского может служить главной характеристикой будущего стиля мышления Нового времени: в поисках божественных истин обращаться не к текстам Священного Писания, а непосредственно к «Евангелию от Природы», стараясь разгадывать замысел Творца на основе наблюдений за его творениями. В этом заключается глубинная основа научного метода, на которую ссылался, в частности, М.В. Ломоносов.

Нередко у Николая Кузанского встречаются мысли и образы, сравнения, характеризующие его как прямого предтечу Возрождения, где гуманизм нередко принимал чувственные формы. Вот как писал он о познании: «Здоровый и свободный разум, стремящийся ненасытно, в силу врожденного ему искания, постигнуть истину, познает ее, крепко охватывая любовными объятиями».

Картина мира Николая Кузанского парадоксальна, совмещая черты средневекового и ренессансного мышления. Вот непривычное для нас его

высказывание: «Тот, кто является центром мира, иными словами, Бог, да светится имя Его, является и центром Земли, и всех сфер, и всего того, что есть в мире, и Он же вместе с тем есть бесконечная окружность всех вещей».

Как можно объяснить видимое, наглядное движение солнца и всего небосвода при явно ощутимой неподвижности земной тверди?

Ответ вполне современен, научен: «Земля на самом деле движется, хотя нам так не кажется, ибо мы ощущаем движение лишь при сравнении с неподвижной точкой. Если бы кто-либо не знал, что вода течет, не видел бы берегов и был бы на корабле посреди вод, как бы мог он понять, что корабль движется?» Тут мыслитель словно мимоходом излагает суть законов движения, а затем переходит к фундаментальному обобщению, силой воображения перемещаясь в космос: «Если кто-либо находится на Земле, на Солнце или на какой-нибудь другой планете, ему всегда будет казаться, что он на неподвижном центре и все остальные вещи движутся. Всегда наверняка такой человек представит себе другие полюсы; если бы он оказался на Солнце, то еще новые; если бы оказался на Земле — иные; если бы на Луне, Марсе и т. д. Машина мира имеет, так сказать, свой центр повсюду, а свою окружность нигде, потому что Бог есть окружность и центр, так как Он везде и нигде».

Такое преодоление земного обыденного опыта, субъективности, характерной для средневекового землянина, сознающего себя в центре Мироздания, — это и есть мировоззрение Нового времени. Но что остается Богу? Кузанский ссылается на Платона, сравнивавшего мир с живым организмом. «Если понимать Бога как душу этого мира, — полагает Николай, — без всякого поглощения ее им, то многое из того, что мы сказали, станет ясно».

Кузанский высказал мысль, на которую в прежние времена ученые и философы не обращали внимания, — о единстве человека разумного с окружающей его живой природой. Попутно он писал о возможности существования многих обитаемых миров — противореча тексту Священного Писания, повествующего о сотворении мира. И в данном случае Николай из Кузы проявил себя прежде всего гуманистом: «Не представляется возможным найти более благородную и более совершенную породу, чем разумная порода, населяющая Землю как собственную область. И это даже в том случае, если на других звездах имеются жители иного рода. Человек не желает в действительности другой природы, другой натуры, но старается быть совершенным в своей, ему присущей».

У Николая Кузанского усматривается стремление к познанию научно-философскому. Это великое достижение. Правда, сам он не пошел по тому пути, который открыл. На это были веские основания: не было никаких научных разработок, которые появились только в XVIII веке.

Очень показательно, что Николай Кузанский одно из своих сочинений посвятил «Ученому незнанию». Он писал: «Нам надлежит быть учеными в некотором незнании, стоящем над нашим пониманием, чтобы, не рассчитывая, уловить точно истину, как она есть, получить возможность видеть, что существует эта истина, постигнуть которую мы не в состоянии».

По-видимому, он имел в виду необходимость учитывать не только свои знания, но и неизбежность неведомого. Умение сознавать и принимать

в расчет свое (и всеобщее) незнание — залог грядущих открытий.

БРУНО
(1548–1600)

Полно и ярко выражена натурфилософия Возрождения в трудах Джордано Бруно В нем соединились качества, необычайно редко встречающиеся вместе: великолепная память, обширные знания, творческая активность, поэтическое воображение, литературный дар, жажда познания, смелость мысли, героический энтузиазм.

Родился он в небогатой дворянской семье в поселке Нола близ Неаполя (отсюда его прозвище Ноланец). Назвали его Филиппо. Учился в монастырской школе доминиканского ордена; став монахом, получил имя Джордано. Бруно благодаря своим способностям быстро получил сан священника и степень доктора философии. Отличаясь свободомыслием, чувством собственного достоинства и остроумием, он написал комедию «Подсвечник» и высказывал крамольные вещи. Его обвинили в ереси. В 1572 году он бежал из монастыря и покинул Италию.

В Париже Бруно читал лекции по философии и математике в университете, блестяще выигрывал диспуты-турниры. То же было и в Лондоне, где он жил с 1583 по 1584 год, издав трактаты: «О причине — начале и едином», «Пир на пепле», «О бесконечности, Вселенной и мирах». Переехав в Германию, опубликовал несколько своих сочинений.

В 1592 году его пригласили в Венецию для преподавания, но там предательски выдали инквизиции. 8 лет он провел в ее страшных застенках. От него требовали унизительного покаяния и отречения от своих взглядов, но не добились этого. Часто пишут, будто его казнили как сторонника системы Коперника. Но в действительности он не считал Солнце центром Мироздания, утверждая, что существует множество звездных миров и обитаемых планет. Мир считал единством материи и сознания, вещества и Бога, но слепую веру отвергал. «В мире, — писал он, — идет постоянная война между светом и тьмой, между наукой и невежеством».

Он мужественно принял смерть на костре, не отрекаясь от своих взглядов, не потеряв чувства собственного достоинства. А ведь знал: «Жизнь проходит навеки, без всякой надежды на возвращение». Но для него «лучше достойная и героическая смерть, чем недостойный и подлый триумф». Он жил так же честно, как учил жить. И был прав. «Смерть в одном столетии дарует жизнь во всех грядущих веках».

«Когда я говорю или пишу, — признавался он, — то спорю не из-за любви к победе самой по себе (ибо я считаю всякую репутацию и победу враждебными Богу, презренными и лишенными вовсе чести, если в них нет истины), но из любви к истинной мудрости, и из стремления к истинному созерцанию я утомляюсь, страдаю и мучаюсь». Это была правда, подтвержденная не только его творчеством, но самой жизнью и мученической смертью героя. Кстати, это высказывание почти дословно повторил через полвека Галилей, который читал и чтил сочинения Бруно, хотя и предпочитал не ссылаться на них.

«Природа есть Бог в вещах», — по-своему формулировал Бруно принцип пантеизма. Он доказывал: «Вселенная едина, бесконечна, неподвижна». В то же время у него говорится о многомерности

пространства: «Подобно тому, как в этом равном по величине миру пространстве, которое называется платониками материей, существует этот мир, так и другой мир может быть в другом пространстве и бесчисленных пространствах, равных этому и находящихся по ту сторону его».

Одно из замечательных прозрений Бруно — представление о круговоротах материи, атомов. «Мы непрерывно меняемся, и это влечет за собою то, что к нам постоянно притекают новые атомы и что из нас истекают принятые уже ранее». Такова одна из основных закономерностей живой природы. Земля тоже живет: «Недрами, внутренностями Земли одни вещества принимаются, другие выносятся… И наши вещества входят и выходят…» В таком одухотворении планеты можно усмотреть отголоски средневековых воззрений. Однако Бруно имеет в виду «организацию целого», гармоничное единство земной природы, человека или другого живого организма, космоса. (Идею круговорота атомов через два века после Бруно — возродил Ж. Кювье, а уже в XX столетии — В.И. Вернадский. «Физиология» биосферы как живого организма до сих пор не разработана. Этой идее предстоит еще, по-видимому, оказать существенное воздействие на геологические теории и понимание сущности жизни.)

Бруно, развивая учение Николая Кузанского, предполагал существование множества обитаемых миров и утверждал образ Вселенной с мириадами звезд, обитателями разных планет, с круговоротом атомов и человеком, который, по словам Бруно, «сын Отца-Солнца и Земли-Матери». Эта Вселенная одухотворена, представляет собой единое организованное гармоничное целое, а Бог — душа ее. «Нечестиво искать его в крови клопа, в трупе, в пене припадочного, под топчущими ногами палачей и в мрачных мистериях презренных колдунов. Мы же ищем его в неодолимом и нерушимом законе природы, в благочестии души… сиянии солнца, в красоте вещей, происходящих из лона нашей матери-природы, в ее истинном образе, выраженном телесно в бесчисленных живых существах, которые сияют в безграничном своде единого неба, живут, чувствуют, постигают и восхваляют величайшее единство».

МОНТЕНЬ
(1533–1592)

Он появился на свет в родовом замке (там же умер). Мишель Монтень получил прекрасное гуманитарное образование, блестяще знал латынь, изучал право и стал советником парламента в Бордо. На его умственное развитие благотворно повлияла дружба с публицистом и философом Ля Боэси. В 1571 году Монтень покинул службу и уединился в своем замке, «утомленный рабским пребыванием при дворе и общественными обязанностями» (его слова), посвятив свое время «свободе, покою и досугу». В трудные годы гражданской войны ему довелось быть мэром Бордо, проявляя решительность и мужество.

Из поучительных суждений Монтеня можно составить объемистую книгу. Вот некоторые из них:

— Чтение служит мне лишь для того, чтобы, расширяя мой кругозор, будить мою мысль, чтобы загружать мой ум, а не память.

— Тысячи путей уводят от цели, и лишь один-единственный ведет кней.

— Мера жизни не в ее длительности, а в том, как вы использовали ее: иной прожил долго, да пожил мало.

— Нищете материальной нетрудно помочь, нищете души —невозможно.

— Если можно быть ученым чужою ученостью, то мудрыми мы можем быть лишь собственной мудростью.

— Жизнь сама по себе — ни благо, ни зло; она вместилище и блага и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили ее.

— И даже на самом высоком из земных престолов сидим мы на своем заду.

Философы, прочно стоящие на позициях здравого смысла, обычно не пытаются резко менять ход событий. К таким мыслителям можно отнести Мишеля Монтеня. В его знаменитых «Опытах» главы чередуются прихотливо, подчиняясь свободному течению мысли. И если бы не обильные ссылки на разнообразных авторов, преимущественно античных, его сочинение стало бы собранием блестящих литературно-философских эссе.

Монтень — реалист (в современном значении этого слова). Он избегает ссылок на сверхъестественные силы, соглашается с античной идеей: богов создают люди по своему образу и подобию. Он не верит на слово ни алхимикам и астрологам, ни философам и богословам, ни оракулам и пророкам. Старается руководствоваться здравым смыслом, знаниями и личным опытом при осознании и учете своего незнания. «Природа, — пишет он, — руководитель кроткий, но в такой же мере разумный и справедливый… Я всячески стараюсь идти по ее следу, который мы запутали всевозможными искусственно протоптанными тропинками».

Монтень отрицает индивидуальное бессмертие души, не подтверждаемое никакими фактами. В это можно верить, на это можно надеяться, хотя природа показывает, что жизнь организмов всегда сопряжена со смертью. Таков естественный порядок вещей, а сверхъестественное — не более чем фантазия…

Нет смысла пересказывать суждения Монтеня. Его полезно и интересно читать, ибо он еще и великолепный писатель. Замечательно его отношение к познанию. «В начале всяческой философии лежит удивление, ее развитием является исследование, ее концом — незнание». Счастье и смысл жизни он находил в исканиях истины: «Пытливости нашей нет конца: конец на том свете. Удовлетворенность ума — признак его ограниченности или усталости. Ни один благородный ум не остановится по своей воле на достигнутом: он всегда станет притязать на большее, и выбиваться из сил, и рваться к недостижимому… Пища его — изумление перед миром, погоня за неизвестным, дерзновение».

ДЕКАРТ
(1596–1650)

Он был не только философом, но и выдающимся ученым. Родился Рене Декарт (латинизированная форма Картезий) в городке Лаэ (Франция) в старинной дворянской семье, учился в иезуитском коллеже Ла-Флеш, где преподавание было очень квалифицированным. Там он всерьез заинтересовался науками и философией. В 1618 году добровольно вступил в армию протестантов, сражавшихся за освобождение Нидерландов от

испано-австрийских оккупантов. Однако осенью следующего года стал последовательно и напряженно разрабатывать основы научного метода познания. Путешествовал по Италии, жил в Париже, в 1628 году переехал в Голландию, где написал главные свои сочинения. По приглашению шведской королевы в 1649 году приехал в Стокгольм, где вскоре умер от простуды. Вся его жизнь в зрелом возрасте была посвящена познанию природы и человека. Основные его произведения: «Геометрия», «Рассуждения о методе», «Размышления о первой философии», «Начала философии», «О сострадательных состояниях души».

Декарт, рассуждая «Об основах человеческого познания» (так называется первая часть его «Начал философии»), утверждал: «Для разыскания истины необходимо раз в жизни, насколько это возможно, поставить все под сомнение». И тогда будет отвергнуто все — небо, земля, Бог, даже собственное тело, кроме одного-единственного: своего существования, ибо сама наша мысль о сомнении безусловно реальна. «Заключение: я мыслю, следовательно, я существую истинно, есть первое и вернейшее из всех заключений».

Как признавался Декарт, «я родился с таким умом, что главное удовольствие при научных занятиях для меня заключалось не в том, что я выслушивал чужие мнения, а в том, что я стремился создать свои собственные». Человек с такими наклонностями, естественно, пришел к формулировке, приведенной выше, исходя из самопознания. Хотя и этот принцип вызывает сомнение: ведь самопознание может иметь любой объект, скажем, бестелесный дух; так что не менее надежен другой критерий: «Меня мыслят, значит, я существую».

Переход от полнейших сомнений во всем к единственно надежному утверждению — лишь первый шаг. Второе правило: надо мысленно разделять объект или проблему на предельно простые элементы, детально исследуя их. Третье: от элементарных простейших частей следует шаг за шагом переходить ко все более сложному. Значит, математические науки и механика, «которые рассуждают лишь о вещах наипростейших и наиболее общих и мало беспокоятся о том, есть ли эти вещи в природе или нет, содержат нечто достоверное и несомненное».

Научное познание, по Декарту, требует аналитического подхода, предельно полного сбора фактов и их классификации. Получается нечто, подобное сборке механического устройства из мелких деталей, которые сначала специально рассыпаются более или менее беспорядочно. При этом математическая точность и определенность становятся одним из важных критериев истины.

Декарт был замечательным математиком, одним из создателей современной алгебры и аналитической геометрии, одним из творцов механики и оптики. Кроме того, он занимался анатомией и физиологией, исследовал кровообращение и выдвинул гипотезу механизма ответной реакции организма на раздражение, сделав первый шаг к павловской теории рефлексов. Его исследования природных объектов были выборочными, ибо он интуитивно чувствовал, где его метод наиболее эффективен. Так, в 4-й части своего трактата «Начала философии» («О земле») он писал: «До сих пор я описывал Землю и весь вообще видимый мир наподобие механизма, в котором надлежит рассматривать только

очертание и движение».

Странным образом, он словно не замечает ни геологических объектов и явлений, ни взаимодействия живых организмов и вообще всего того, что невозможно объяснить, исходя из механистического мировоззрения. Не случайно из основополагающих наук он выделял только три — медицину, механику и этику, обобщающую теорию познания называл «всеобщей математикой» Он величал природу «великой книгой мира», но был уверен, что азбукой ее является математика. По его мнению, мир вполне познаваем, за исключением, быть может, бесконечности.

Бог предстает у Декарта не столько правителем мира, сколько Творцом материи, придавшим ей первоначальный динамический импульс и определившим законы бытия. Мыслитель пояснял: «Под словом „Бог“ я подразумеваю субстанцию бесконечную, вечную, неизменную, независимую, всеведущую, создавшую и породившую меня и все остальные существующие вещи… Эти преимущества столь велики и возвышенны, что, чем внимательнее я их рассматриваю, тем менее кажется мне вероятным, что эта идея может вести свое происхождение от меня самого».

Декарт резко разделял материальную, телесную субстанцию, обладающую протяженностью (пустое пространство он отрицал, предполагая присутствие повсюду некоего сверхтонкого вещества), и духовную, обладающую способностью мыслить. Их гармоничное взаимодействие определено божественной волей. В этом смысле можно толковать Декартово «я мыслю, следовательно, существую» как проявление Бога в человеке. Сходным образом, по-видимому, объясняется утверждение Декарта о существовании врожденных идей. В отличие от Френсиса Бэкона он исходил из гармоничного соответствия человека-микрокосма и космоса. Мысль эта, конечно, не новая и не бесспорная, но привлекательная.

РУССО
(1712–1778)

Самыми жгучими проблемами XVIII века были социально-политические. Человек интересовал мыслителей как существо общественное и нравственное, сознающее свою свободу, способное бороться за нее и достойную жизнь. Если прежде позволить себе философствовать могли преимущественно представители привилегированных социальных групп, то теперь все громче стали звучать голоса малообеспеченных и обездоленных людей, отвергающих сложившийся общественный порядок. Одним из них был Жан Жак Руссо. Преобладающая тема его произведений: происхождение социального неравенства и преодоление его.

Жан Жак родился в Женеве, в семье часовщика. Музыкальные способности, жажда познания и стремление к славе привели его в 1741 году в Париж. Не имея систематического образования и влиятельных знакомств, он не сразу добился признания. Он принес в Парижскую академию новую систему записи нот, но его предложение было отвергнуто (позже он написал комическую оперу «Деревенский колдун»). Сотрудничая в знаменитой «Энциклопедии», обогатился знаниями и одновременно — в отличие от других просветителей — усомнился в том, что научно-технический прогресс несет людям лишь благо. Цивилизация, по его

мнению, усугубляет неравенство между людьми. И наука, и техника хороши лишь в том случае, если опираются на высокую нравственность, благородные чувства и преклонение перед природой. За такую позицию Руссо резко критиковали «прогрессивисты». (Только в конце XX века стало ясно, насколько она верна.) При жизни его и восхваляли, и осуждали, подвергали гонениям. Некоторое время он скрывался в Швейцарии, а умер в уединении и бедности. Его крупные философские сочинения: «Рассуждения о науках и искусствах», «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми», «Об общественном договоре, или Принципы политического права». Из философско-художественных произведений: «Юлия, или Новая Элоиза», «Исповедь».

Для Руссо путь цивилизации — последовательное порабощение человека. С появлением частной собственности и стремления иметь как можно больше материальных благ «стал неизбежен труд, и обширные леса превратились в веселые нивы, которые нужно было поливать человеческим потом и на которых вскоре взошли и расцвели вместе с посевами рабство и нищета. Великий переворот этот произвело изобретение двух искусств: обработки металлов и земледелия. В глазах поэта — золото и серебро, в глазах философа — железо и хлеб цивилизовали людей и погубили род человеческий».

С необычайной проницательностью, словно сторонний наблюдатель, он обратил внимание на два коренных порока цивилизации: создание все новых, необязательных для нормальной жизни потребностей и формирование искусственной личности, которая старается «казаться», а не «быть». В противоположность Гоббсу (и в соответствии с исторической правдой) Руссо полагал, что состояние раздора и войны в обществе усиливалось по мере возрастания имущественного неравенства, конкуренции и жажды обогатиться за счет других. Государственная власть, согласно общественному договору, должна была стать гарантом безопасности и справедливости. Но она создала новую форму зависимости между власть имущими и подчиненными. Если данная государственная система обманывает ожидания народа и не выполняет своих обязательств, то народ имеет право ее свергнуть.

Мысли Руссо вдохновляли революционеров разных стран, прежде всего Франции. Его «Общественный договор» стал настольной книгой Робеспьера. В те годы мало кто обратил внимание на серьезное предупреждение философа: «Народы! Знайте раз и навсегда, что природа хотела оберечь вас от наук, подобно тому, как мать вырывает из рук своего ребенка опасное оружие. Все скрываемые ею тайны от вас являютсязлом».

КАНТ
(1724–1804)

Замечательный немецкий поэт Генрих Гейне сострил: «Изложить историю жизни Иммануила Канта трудно. Ибо не было у него ни жизни, ни истории». Пожалуй, он был прав. Иммануил Кант, уроженец прусского города Кенигсберга (Калининград), почти безвыездно прожил там. Внешняя сторона его жизни неприхотлива: родился в семье ремесленника, хорошо учился в школе, много болел, был чрезвычайно любознательным. Увлекаясь естествознанием, античной философией и медициной, окончил теологический факультет Кенигсбергского университета и после

десятилетней работы домашним учителем до конца дней преподавал в нем.

В то же время области, охватываемые его разумом, были необычайно обширны. Удивительные путешествия мысли в миры воображаемые, открытие неведомых идей увлекали Канта. Его девиз (как девиз всей эпохи просвещения): «Будь смел, используй собственный разум!». Ему принадлежат глубокие исследования сути, границ и методов познания. Он признавался: «Две вещи наполняют душу мою все новым удивлением и нарастающим благоговением: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне». Нравственным он считал: не делать другому того, что не желал бы себе; относиться к человеку как цели, а не средству.

По его словам, «глупость — это недостаток, и против него нет лекарств». «Гений — это талант изобретения того, чему нельзя учить или научиться». «Отречение от своего внутреннего убеждения есть поступок низменный».

После выхода в свет своей «Критики чистого разума», воспринятой читающей публикой с задумчивым недоумением, Кант признался: «Книга суха, темна, противоречит всем привычным понятиям и притом слишком обширна».

В 30-летнем возрасте он написал «Общую естественную историю и теорию неба» на основе идей античных материалистов Лукреция, Эпикура, Демокрита. Его вполне устраивала гипотеза атомов и первоначального хаотичного состояния вещества. В дальнейшем он исходил из ньютоновской теории всемирного тяготения и гипотезы о существовании сил отталкивания.

Кант высказал мысль, которая слишком часто недооценивается учеными и философами: «Легче понять образование всех небесных тел и причину их движений, короче говоря, происхождение всего современного устройства Мироздания, чем точно выяснить на основании механики возникновение одной только былинки или гусеницы». Он назвал мнение философов, которые приписывали возникновение и эволюцию живых организмов случайным причинам, несуразной попыткой «выводить разум из неразумия».

Он предложил гипотезу естественного образования Солнечной системы из первичного газопылевого облака. Это была первая космогония, имеющая научное обоснование. И все-таки он настаивал, что законы механики, которым подчиняется движение небесных тел, имеют ограниченную область применения и не могут даже приблизить нас к пониманию сущности жизни и разума.

Свои представления о материи и познании Кант изложил в сравнительно небольшой работе «Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука», где утверждал: «Мы со всем своим разумом не можем выйти за пределы опыта».

Но чем же определяется этот опыт и почему рождаются идеи, которые соответствуют законам Мироздания? Кант не сомневался в реальности окружающего мира и в то же время утверждал: «Рассудок есть источник всеобщего порядка природы, так как он подводит все явления под свои собственные законы». Но если рассудок исходит из своих законов, то почему он способен постигать законы природы? Ответ подразумевается такой: строение Мироздания находится в гармоничном

соответствии со структурой разума, ибо то и другое сотворено Богом.

Тогда возникает другое недоразумение: почему же люди в своих умозаключениях так часто заблуждаются? Ответ Канта: «Рассудок незаметно пристраивает к зданию опыта гораздо более обширное помещение, которое он наполняет одними лишь умопостигаемыми сущностями, не замечая даже, что он со своими вообще-то правильными понятиями вышел за пределы их применения». То есть данные опыта можно неразумно использовать именно тогда, когда слишком уповаешь на разум. Как выразился Кант, нелегко узнать, где нас просвещает дух истины, а где — отец лжи.

В другой работе философ уточнил: человек способен злоупотреблять разумом ради своих ложных целей, «даже вопреки указанию природы». В результате возможен катастрофический финал, «который мы вызовем сами вследствие неправильного понимания нами конечной цели». Есть ли возможность избежать этого? Есть, но тут надо надеяться не только на рассудок, сколько на чувстве любви, стремление к добру. «Именно любовь, свободно включающая волю другого в свои максимы, необходимо дополняет несовершенство человеческой натуры».

…Философские обобщения Канта основывались на его энциклопедических познаниях. В университете он читал курсы лекций по физике, математике, минералогии, антропологии; одним из первых ввел преподавание физической географии. В науках не только штудировал то, что уже открыто, но ставил и разрабатывал новые проблемы. Его разум был открыт миру и в то же время погружался в глубины самосознания.

Кант сформулировал три главных вопроса философии:

Что я могу знать? (метафизика).

Что я должен делать? (мораль).

На что смею надеяться? (религия).

Чуть позже он добавил четвертый: Что такое человек? И уточнил, что первые три сводятся к этому.

Метафизику он делил на две части: одна посвящена природе, другая — нравственности. В природе царствует необходимость, в духовном мире человека — свобода, ибо без нее не может быть морали.

Кант провозгласил высший принцип нравственности, относящийся ко всем разумным существам вообще, на каких бы планетах они не обитали («категорический императив»): поступай так, чтобы твое поведение могло стать всеобщим законом для всех разумных существ. И еще: относись к человеку и человечеству как к цели и никогда не относись как к средству. Каждый должен сделать конечной целью высшее возможное в мире благо. Поэтому мораль есть учение не о том, как прожить благополучно и счастливо, а о том, как быть достойным счастья.

Эта работа вызвала жаркие дискуссии. Некоторые утверждения мыслителя удивляли. Скажем, такое: если ваш добрый поступок доставляет вам радость, он не имеет истинной нравственной ценности. Чувство долга превыше доброты! На что Фридрих Шиллер отозвался с иронией:

Ближним охотно служу, но — увы! — имею к ним склонность.

Вот и гложет вопрос: вправду ли нравственен я?..
Нет другого пути, стараясь питать к ним презренье
И с отвращеньем в душе, делай, что требует долг.

Действительно, Кант с наивностью великого мыслителя превознес рассудочные программные установки, пригодные более для автоматов, чем для живых существ. Артур Шопенгауэр («Основы морали», 1841) верно отметил:

"Кант пренебрег опытом человечества, отраженным во всех языках: добродетельность и разумность — не одно и то же; вполне совместимы неразумность и благородство, рассудочность и порочность.

Представления о человеческом обществе Кант также построил на принципе гармоничного взаимодействия сил взаимопомощи (притяжения) и вражды (вспомним его космологическую гипотезу!). Противоречия и конфликты заставляют человека «преодолевать природную лень, и, побуждаемый честолюбием, властолюбием или корыстолюбием, он создает себе положение среди своих ближних, которых он, правда, не может терпеть, но без которых он не может и обойтись».

Мыслитель, принимая мир таким, каков он есть, предполагал, что даже энергия порочных наклонностей способна быть движущей силой прогресса: «Поэтому да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! Без них все превосходные природные задатки человечества оставались бы навсегда неразвитыми». В результате такого хитроумного маневра природа вынуждает людей решить величайшую проблему — «достижение всеобщего правого гражданского общества».

Опытом своей жизни Кант опровергал собственные теоретические положения. Он преодолевал «природную лень» не благодаря конфликтам, а из увлеченности познанием; достиг уважения и научных званий благодаря работоспособности и талантам, а не из-за честолюбия, властолюбия или корыстолюбия. Странно, что критик чистого разума, превозносивший значение опыта, не замечал этого противоречия. Тем самым он невольно доказывал свое основополагающее утверждение о невозможности полного познаний объекта («вещи в себе»), включая самого себя.

…Начиная критиковать — сначала чистый разум, затем практический разум и способности суждения, Кант намеревался «подрезать корни материализма, фатализма, атеизма, неверия, свободомыслия, которые могут приносить всеобщий вред, и, наконец, идеализма и скептицизма…». Но в конце концов ему удалось доказать только тщетность усилий рациональной (научной, философской) мысли, дать единственно верные ответы на фундаментальные загадки бытия: конечности или бесконечности мира, существования или отсутствия Бога, свободы, бессмертия души.

Осмысливая вопрос о сущности человека, он свой последний труд «Антропология с прагматической точки зрения» начал так: «Все успехи культуры, которые служат школой для человека, имеют своей целью применять к жизни приобретенные знания и навыки». Стиль «Антропологии…» легкий, подчас напоминает разговорную речь — с шутками, историческими примерами, а то и анекдотами. Все это заставляет

вспомнить «популярную» философию Монтеня и Гельвеция (на которую кстати, Кант ссылается в данной работе).

Обычно Кант занимался «философией для специалистов», но в поздние годы его все более привлекала «философия для всех». Его заинтересовало приложение теоретических знаний в обыденной жизни. Философия стала для него проявлением не только любви к мудрости, но и к человеку.

Мировоззрение Канта было оптимистичным на логически выстроенных основаниях. Божественный разум установил законы природы. Каждый человек не только подчинен им, но и наделен свободой выбора между добром и злом, правдой и ложью, познанием и бездумным прозябанием. Однако вне зависимости от этого выбора общество развивается в определенном направлении — к совершенству. Говоря словами Лейбница (высмеянными Вольтером в повести «Кандид») — все к лучшему в этом лучшем из миров.

Оглядывая прошлое человечества, Кант убеждался: идет постоянный прогресс техники, благоустроенности, законодательства, морали, знаний, а также социально-политических систем. Следовательно: «Историю человеческого рода в целом можно рассматривать как выполнение тайного плана природы — осуществить… совершенное государственное устройство как единственное состояние, в котором она может развить все задатки, заложенные ею в человечество».

ГЕГЕЛЬ
(1770–1831)

Георг Вильгельм Фридрих Гегель уже в юности определил свои интересы: познание духовного мира и служение ему. Родившись в семье высокопоставленного чиновника в Штутгарте, не пошел по стопам отца, а поступил в Тюбингенский теологический лютеранский институт. Работал домашним учителем в Берне. Его увлекала революционная романтика, демократическая идея. С 1801 года жил и преподавал в Йене, где создал крупный трактат «Феноменология духа». Затем преподавал в Нюрнберге, Гейдельберге, Берлине, продолжая писать значительные по объему, сложные по содержанию и тяжелые по стилю труды: «Наука логики», «Энциклопедия философских наук», «Философия права», «Лекции по истории философии», «Лекции по истории религии», «Лекции по философии истории». Согласно Гегелю, во Вселенной господствует Дух, мировой Разум. Человечество и каждый человек воплощает его в своих свершениях, в творчестве. В каждом из нас мировой Дух познает себя, стремясь к саморазвитию. По логической схеме Гегеля процесс развития начинается с тезиса (идеи), который опровергается антитезисом и завершается синтезом, соединяющим противоположности (отрицание отрицания).

По словам Гегеля, «Созданное каждым поколением в области науки и духовной деятельности есть наследие, рост которого является результатом сбережений всех предшествовавших поколений, святилище, в котором все человеческие поколения благодарно и радостно поместили все то… что они обрели в глубинах природы и духа». И еще: «Действие является самым ясным и выразительным раскрытием человека».

Гегель хотел, по его словам, "способствовать приближению философии к форме науки — к той цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени любви к знанию и быть действительным знанием. При этом он не открещивался от «потустороннего начала», которое существует «только в заблуждении одностороннего, пустого рассуждательства».

Чем же отличается научная форма от традиционной философской и как отличить действительное знание от заблуждения? Гегель поясняет: «Постичь то, что есть, — вот в чем задача философии…», и тут же добавляет: «…ибо то, что есть, есть разум». Помимо тяжеловесности словесной конструкции сам тезис вызывает сомнение. Неужели, кроме разума, нет никакого объекта, достойного философского исследования? Тут слышатся отголоски фихтевского "Я", переходящего в «сверх-Я», или разума, замыкающегося на себя самого.

В обстоятельном сочинении «Философия религии» Гегель исходил из безусловного бытия Бога, к постижению которого последовательно поднимается человеческий разум. Анализируя различные религии, которые венчает христианская теодицея, Гегель даже не упомянул об исламе. Почему? По-видимому, только потому, что появился ислам значительно позже христианства и вроде бы должен свидетельствовать о новом подъеме религиозного сознания. Тем более он не сгинул, подобно сумеркам, при свете разума, а, напротив, распространился по всей Земле. «Мировой разум что-то недоглядел», — иронично комментировал гегелевскую схему прогресса религии А.В. Гулыга.

Логичные пассажи Гегеля порой служат не прояснению, а затуманиванию той мысли, которую он желает обосновать. «Предмет религии, как и философии, есть вечная истина в ее объективности, Бог и ничто кроме Бога и объяснения Бога». Такое утверждение вызывает массу недоуменных вопросов. В частности, непонятно, почему надо сводить к одному предмету разные формы или методы познания? Бог (а то и боги) в разных религиозных системах толкуется по-разному: нередко в единстве или взаимодействии с природой или, конкретней, материей; атеизм и вовсе отрицает Бога; кого-то вообще могут не интересовать теологические проблемы. И все это остается вне философии? Почему?

Гегель не счел нужным рассмотреть особенности научного метода, отделяющие его от философских рассуждений или религиозных верований. В отличие от Канта он не занимался научными исследованиями, а от Шеллинга — мало ими интересовался. Гегеля увлекали философствования о философии, стремление привести в строгую систему логические рассуждения и результаты применения философского метода для познания, опять же философских категорий по преимуществу. (Такая путаная формулировка соответствует гегелевскому представлению о единстве формы и содержания.)

Русский философ, анархист, революционер М.А. Бакунин, назвав Фихте, Шеллинга и Гегеля последними метафизиками, пришел к выводу, что именно Гегелю «принадлежит несомненная и великая честь доведения метафизического метода до самоубийства».

Науки о природе за последние полтора-два века развивались необычайно быстро, меняя представления об окружающем мире, его

структуре, эволюции; о пространстве и времени, о кристаллах и клетках, атомах и молекулах, элементарных частицах и полях. Гегель не принимал во внимание таких возможностей научного познания. Он строил законченную умственную конструкцию из «готового материала». Получилась жесткая структура, дающая мало простора для последующих изменений и развития.

Не случайно В.И. Ленин тщательно читал и конспектировал труды Гегеля. А завершая знакомство с его «Наукой логики», заключил: «Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть диалектический метод — это крайне замечательно. И еще одно: в этом самом идеалистическом произведении Гегеля всего меньше идеализма, всего больше материализма». Так уж вышло, что Гегель, сам того не ведая, ковал идейное оружие для своих идеологических противников. Философия формализма!

Складывается впечатление, что для Гегеля природа была чем-то стихийным, косно-мертвенным и даже враждебным человеку. «Отчужденная от идеи природа есть лишь труп, которым занимается рассудок», — считал он. И не учитывал той истины, которую постигли, к примеру, Гете и Александр Гумбольдт: не следует путать реальную природу с ее искаженными образами в науках. Научное познание по необходимости рассудочное, преимущественно аналитическое, дробит мир на детали, элементарные составляющие. Это еще не природа.

МАРКС
(1818–1883)

К середине XIX века в Европе изменилась социальная структура индустриально развитых стран. Преодоление феодализма стало победой торговца над дворянином, банкира над князем, буржуа над рыцарем. Общественные богатства распределялись очень неравномерно и явно не по труду и талантам. Появились массы обездоленных пролетариев — недавних крестьян и ремесленников, имеющих в некоторых государствах политические права, но не способных ими воспользоваться из-за жесточайшей экономической кабалы. Огромный авторитет приобрели технические и физико-математические, химические, экономические, а также социальные науки. Успех эволюционной теории в биологии — от Бюффона и Кювье до Ламарка и Дарвина — содействовал укреплению веры во всеобщий и постоянный прогресс в природе и обществе.

При всей логической завершенности идеалистической системы немецкой классической философии она опровергалась реальностью. В рассуждениях мыслителей превыше всего был мир идей. Но в действительности помыслы людей были нацелены прежде всего на материальные блага. Деньгам, капиталу, прибыли поклонялись более истово, чем Богу.

Наиболее законченное учение, преодолевающее подобные противоречия, создали два друга — Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Первый исходил из анализа и критики капиталистического способа производства, второй (богатый промышленник) — из общефилософских соображений. Ряд основательных работ они написали вместе, хотя Энгельс всегда подчеркивал первенство своего друга, так что их учение получило название «марксизм».

Карл Маркс родился в городе Трире в богатое еврейской семье. Отец его, адвокат, желал, чтобы сын пошел по его стопам. Но Карл, учась в Боннском университете, а затем в Берлинском, увлекся философией. От юношеской религиозности перешел к безоговорочному атеизму. Блестяще защитив диссертацию о различиях философии Демокрита и Эпикура (1841), из-за своих убеждений не стал профессором, а занялся публицистикой, сотрудничая в «Рейнской газете». В 1843 году посещает Англию, Францию, Бельгию, встречаясь с революционно настроенными философами и политиками, здесь знакомится с Ф. Энгельсом, ставшим его другом, соратником и соавтором.

Из-за своих революционных убеждений Карл Маркс вынужден был эмигрировать из Германии. В Лондоне он занимался научной работой, тщательно анализируя достоинства и недостатки капитализма и доказывая, что его противоречия неизбежно ведут к революционному перевороту с переходом к социализму и коммунизму. Первый том его фундаментального труда «Капитал» вышел в 1867 году, став «библией» марксистов.

Основные черты его учения: признание приоритета материи над сознанием (материализм); диалектический метод, разработанный идеалистами, а более других — Гегелем и превращенный в диалектический материализм, атеизм; провозглашение способа производства базисом, определяющим жизнь общества; теория классовой борьбы и исторического прогресса (исторический материализм); прогноз победы пролетариата и переход к коммунизму. Будущее — за общественной собственностью на средства производства; тогда исчезнут классы и привилегии, отомрет государство, осуществится подлинная свобода личности; каждый будет трудиться в меру своих способностей, а получать материальные и духовные блага по потребности.

Необходимо оговориться. В нашей стране отношение к марксизму, его создателям и последователям (Ленину, Сталину) в XX веке менялось ошеломляюще резко. До 1917 года марксизм пользовался популярностью преимущественно в революционных и студенческих кругах; в период социалистического строительства его непомерно восхваляли как единственно верное, научно обоснованное философское учение; после распада СССР марксизм стали опровергать и поносить, причем нередко те же самые идеологи, которые еще недавно его превозносили.

Такие повороты вызваны тем, что это не просто философское учение, но и руководство к действию. Его авторы подчеркивали, что пора переходить от познания мира к его изменению. Они занимались активной публицистической и политической деятельностью. В 1847 году по их инициативе лондонская организация «Союз справедливых» была преобразована в «Союз коммунистов», а девиз «Все люди братья» заменили на призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Программой нового движения стал «Манифест коммунистической партии» (1848).

Маркс так оценивал свой вклад в обществоведение: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре

пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов». Под руководством Маркса в 1864 году было основано Международное Товарищество рабочих (Интернационал).

Победа в России большевиков и строительство первого в мире социалистического государства явились торжеством марксизма и доказательством его правоты (ведь практика — критерий теории). Впрочем, идея мировой революции не оправдалась. Однако И.В. Сталин убедительно доказал на практике, что можно строить коммунизм в одной стране; ему удалось создать и крупнейшее содружество социалистических государств. Марксизм превратился в государственную идеологию, исключающую инакомыслие.

Сочетание в марксизме философских, атеистических и политических идей сделало вполне естественным его переход, по сути дела, в религиозное учение со своими непререкаемыми догмами, ритуалами, служителями, мучениками и пророками. Пока СССР набирал мощь и побеждал врагов, пока возрастал его авторитет в мире, обретал все более широкую популярность и марксизм. Казалось, ход мировой истории в XX веке полностью подтверждал верность прогнозов Маркса — Энгельса.

Однако превращение марксизма в своеобразную идейную окаменелость содействовало не его укреплению, а крушению. Его исповедовали главным образом те, кто искал не истину, а привилегии. Серьезному и оригинальному мыслителю в его узких рамках было тесно. Ситуация усугубилась после смерти Сталина, когда стал набирать силу «незаконнорожденный» класс советских партийных буржуа, а в развитых капиталистических странах были произведены более или менее значительные социалистические, по сути, преобразования, повысившие благосостояние значительной части граждан.

В меняющемся — порой непредсказуемо — мире даже убедительно обоснованная философская теория не может быть всегда и во всем верной. Ей вредят больше «твердокаменные» сторонники, чем противники. Философское учение, ориентированное на перестройку общества, не может заранее предусмотреть все возможные изменения в науке, технике, производстве, экономике, международных отношениях, социальной структуре, психологии правящих классов и народных масс.

Не так-то просто перестроить мир к лучшему. Идея неуклонного и неизбежного прогресса общества себя не оправдывает. И теперь, в начале III тысячелетия, мыслители едва ли не всех стран вспоминают о библейском пророчестве Апокалипсиса, Страшного Суда и гибели человечества, а не о светлой коммунистической перспективе.

Ход развития технической цивилизации за последние полвека способствовал более всего разобщению людей, а не сплоченности, ослаблению научного творчества и снижению общественного интереса к его достижениям; превращению производства в глобальную механическую систему, делающую личность безликим винтиком; приоритету технических наук над познанием природы; загрязнению и деградации всепланетной среды жизни — биосферы. Последнее явление обычно называют экологическим кризисом, хотя отражает оно кризис, человека, озабоченного добыванием материальных, а не духовных ценностей.

НИЦШЕ
(1844–1900)

Мыслителем, восставшим против закабаления личности государством, религией, научными догмами, философскими императивами, вековыми предрассудками и традициями, явился Фридрих Ницше. Показательны уже названия некоторых его произведений: «Злая мудрость», «Человеческое, слишком человеческое», «Книга для свободных умов», «По ту сторону добра и зла», «Антихристианин», «Воля к власти».

Фридрих Вильгельм Ницше родился в семье священника в городке Реккен (Пруссия). В 10 лет, испытывая религиозный восторг, стал сочинять духовную музыку и стихи. Слабое здоровье и плохое зрение не мешали ему заниматься самообразованием и музыкой, хорошо учиться. На семинарах в Боннском и Лейпцигском университетах он изучал преимущественно теологию, филологию. Сочинял музыкальные композиции (между прочим, и две песни на слова Пушкина); восхищался трудами Шопенгауэра и музыкой Вагнера.

В 25 лет он стал профессором филологии Лейпцигского университета. Через год ушел добровольцем на войну с Францией в качестве санитара и едва не умер, заразившись дизентерией и дифтеритом. В 1872 году опубликовал трактат «Рождение трагедии». Затем стал разрабатывать свою философскую систему, в центре которой — сильная и свободная личность. Последние годы жизни Ницше были омрачены психической болезнью, безумием. Многие его труды содержат «безуминку», но уж чего в них нет — так это пошлости. У него всегда сохранялось чувство чистоплотности мыслителя. Как он писал, «познающий не любит погружаться в воды истины не тогда, когда она грязна, но когда она мелкая».

Одна из главных идей Ницше: глупо заботиться о ближнем, ибо он слаб и жалок. Его надо «преодолеть», ему надо помочь исчезнуть с лица земли ради дальнего — Сверхчеловека, стремящегося к высоким идеалам.

Произведения Ницше представляют собой странное соединение философских размышлений, художественных образов, крика души измученного физическими и духовными страданиями человека, религиозного учения. Особенно показательна в этом отношении его работа «Так говорил Заратустра. Книга для всех и для никого». Она стилизована под житие восточного мудреца. Ницше редко ограничивался чисто интеллектуальными исследованиями, стремясь воздействовать на душу читателя, внедрить свои мысли и переживания в подсознание человека, сделав его своим последователем… или врагом.

Индивидуализм Ницше не только теоретический. Мыслитель оставался одиноким всю свою жизнь. Он даже не смог сохранить близкие отношения с другом и отчасти идейным учителем Рихардом Вагнером, который сумел более четко выразить некоторые идеи, обуревавшие и Ницше. Например, Вагнер утверждал: «Лицемерие является отличительной чертой всех веков христианства» — и наиболее властно проявилось в буржуазный век. Искусство, находившееся в зависимости от просвещенных владык, «продалось душой и телом гораздо худшему хозяину — Индустрии». Возродить духовную жизнь может только великая Революция.

Ее главной целью должна стать свободная, прекрасная и сильная личность. Человек должен преодолеть ограничение и смирение духа, предполагаемое христианством, и максимально полно раскрыть свою природную сущность. Его цель — «вознести раба индустрии на степень прекрасного сознательного человека, который с улыбкой посвященного в тайны природы может сказать самой природе, солнцу, звездам, смерти и вечности: вы тоже мне принадлежите, и я ваш повелитель!».

Вагнер не противопоставлял себя обществу и с уважением относился к современным мыслителям (в частности, посвятил свой труд «Произведение искусства будущего» Л. Фейербаху). А Фридрих Ницше не признавал никаких компромиссов. Его не устраивала действительность едва ли не во всех проявлениях. Он презирал людей за то, что они готовы прозябать всю свою единственную и неповторимую жизнь, так и не реализовав свои великие возможности (а ведь они присущи каждому!). К тому же Ницше постоянно болел, его мучили головные боли. Не потому ли он изрек: «Страдания есть самый скорый способ для постижения истины»? Свое кредо Ницше выразил так: «Чего мы ищем? Покоя, счастья? Нет, только одну истину, как бы ужасна и отвратительна она ни была».

При жизни он так и не был услышан, утешаясь тем, что пишет для будущего: «…Тогда откроют мои книги, и у меня будут читатели. Я должен писать для них, для них я должен закончить мои основные идеи. Сейчас я не могу бороться — у меня нет даже противников».

И ярые последователи, и яростные противники появились у Ницше позже. Его идеи вдохновили Гитлера на борьбу за величайший германский рейх и за «белокурую бестию» — Сверхчеловека. Но диктатура нацистской партии и могучей государственной машины смогла штамповать только «винтиков». Стремясь истребить или поработить «недочеловеков», озабоченных одним лишь материальным благополучием, фашисты сами становились механическими «недочеловеками». Впрочем, вполне по афоризму Ницше: «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтоб самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна притягивает тебя».

Ницше выступал — не всегда осознанно — против подавления и унижения личности не только внешними силами, но и собственными слабостями, безволием. Такая борьба придает жизни внутреннюю напряженность целеустремленность и смысл.

Не случайно Ницше отрицал христианство, считая, что оно призвано прежде всего утешать слабых. Сам он, воспевая сильную личность, по сути дела создавал религиозное учение для одинокого, незаурядного искателя истины, отвергающего все, что подавляет его духовную свободу.

Пророк Заратустра — его герой — не обременен христианским смирением, пребывает в гордом одиночестве, подчеркивая очевидность: каждая вершина возвышается отдельно… Хотя, как известно, в природе гора не возвышается сама по себе посреди низменности, а является частью хребта, горной страны.

Учение Ницше в потаенной глубине своей — бегство от реальности. Оно являет собой нечто противоестественное, подобное величественным египетским пирамидам, возвышающимся над равниной. И все-таки духовный протест сильной творческой личности в научно-технический век

вполне оправдан, ибо творение человека — техническая цивилизация — со временем стала подавлять своего творца, пересоздавать его по своему образу и подобию. Замкнутый в себе Заратустра рискует превратиться в «заратустрицу», а культ грядущего Сверхчеловека обернется утешительной иллюзией реального недочеловека.

Оправдан и бунт Ницше против нравственного закона, исполняемого под угрозой наказания свыше (обществом, государством, Богом). Это обстоятельство подчеркивал одновременно с Ницше оригинальный и рано умерший мыслитель Жан Мари Гюйо (1854–1888). Он ровно через сто лет после «Основ метафизики нравственности» И. Канта написал книгу «Нравственность без обязательства и без санкций». Уже в названии подчеркнуто отрицание кантова категорического императива, предписывающего всеобщую обязанность для всех разумных существ. Отвергается и санкция свыше, на которую ссылаются все религии.

Гюйо, несмотря на свой недолгий жизненный опыт, очень точно оценил свершавшиеся социальные перемены: «Эра личностей кончается, наступает эпоха масс». Не обязательно подчиняться во всем реальности, но нелепо и отрицать ее. Гюйо отвергал пресловутую волю к власти: «Метафизические системы, проникнутые духом авторитета и власти, — помочи, пригодные для народов, находящихся на младенческой стадии развития», ибо «желать властвовать над умами еще хуже, чем желать властвовать над телом» (имеется в виду принуждение, запугивание личности угрозой наказания при жизни или после смерти).

В отличие от Ницше Гюйо утверждал право на индивидуальность любого человека: «Единство в познании принесло бы смерть самому познанию… Разнообразие теорий и доктрин служит доказательством богатства и силы мысли». Но эгоизм — это еще совсем не проявление сильной личности: «Самый дух человека весь проникнут идеей социальности: мы мыслим… в категории общества».

Вообще, по мнению Гюйо, в рассуждениях о бытие следует исходить не из личных интересов и пристрастий, а из наиболее общих категорий. Жизнь и разум — главнейшие качества человека; полнота существования заключается в их предельной интенсивности. Но только не за счет других, менее сильных, подчиненных. Человеческое общество, частью которого неизбежно является каждый из нас, «покоится на принципе взаимности». Именно этот принцип лежит в основе нравственности и отражает реальность живой природы, а не логические выводы философа или религиозный нравственный закон.

Как бы ни изощрялись теоретики, чему бы ни поклонялись верующие, нравственность — в поступках, образе жизни, а не в декларациях, заповедях, словах. Лицемерие — первое и главнейшее проявление безнравственности. В этом отношении Ницше, например, безусловно нравственный человек, в отличие от многих проповедников, церковных иерархов, идеологов, которые на словах провозглашают законы, принципы поведения, которым сами не следуют.

…Имеется нечто такое, что объединяет и моралистов типа Гюйо, и отрицателей морали, подобных Ницше. Это можно выразить одним емким словом: СВОБОДА.

Душа человека — единственное, что принадлежит только ему, а не Природе или Богу.

Свобода распоряжаться своей душой — это свобода управлять своей судьбой, насколько это в силах человеческих. Такова естественная основа нравственности.

Славен искатель истины, ибо он обретает цель жизни.

Славен преодолевающий в себе недочеловека, ибо он устремлен к высшему.

Славен тот, кто пренебрегает материальными ценностями, ибо ему принадлежат сокровенные духовные богатства, ради обретения которых и даны человеку жизнь и разум.

Так не говорил Заратустра. Но, возможно, именно это он стремился внушить людям.

…К тому времени, когда философы-анархисты, индивидуалисты, поклонники Сверхчеловека или Единственного утверждали свои взгляды, окончательно оформились концепции коллективизма, основанные на солидарности трудящихся, принципах взаимопомощи и справедливости.

БЕРДЯЕВ
(1874–1948)

Кажется, Козьма Прутков утверждал, что философ превосходно справляется с бедами прошлыми и будущими, а настоящие побеждают его. Пример Бердяева опровергает эту мысль. В начале 1915 года в Москве, возвращаясь с какого-то собрания, он, увлекшись спором, поскользнулся на тротуаре, упал и сломал ногу. Его пришлось нести домой. Он продолжал горячо спорить. Дискуссия развернулась и дома, где его посиневшую ногу обложили льдом.

Бердяев пережил две мировые войны и одну гражданскую. В самых опасных ситуациях, при обстрелах или обысках не терял присутствия духа. У него в записной книжке отмечено: «Я не выношу страха и испуга и в жизни не испытывал их».

В 1920 году его арестовали и препроводили на Лубянку к Дзержинскому. Бердяев заявил, что является идейным противником власти большевиков. Допрос длился два часа. Дзержинский убедился, что такой человек не мог участвовать в тайном заговоре, и распорядился отвезти его (на мотоцикле) с вещами домой…

Николай Александрович Бердяев родился в аристократической семье потомственных военных. С детских лет был замкнут, углублен в собственный духовный мир и не терпел ограничений свободы. Его определили в Кадетский, а затем в Пажеский корпус. Вопреки воле родителей он отказался от открывшейся перед ним карьеры и поступил на естественный факультет Киевского университета. Затем перешел на юридический. Здесь «заразился» марксизмом, пользовавшимся в конце XIX века особой популярностью в студенческих кругах. Его привлекала в этом учении идея социальной справедливости, свободы личности, отрицание низких буржуазных ценностей, устремленность к высшим духовным идеалам. Его посадили в тюрьму, судили, а затем выслали в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции.

После установления советской власти Бердяев стал инициатором создания и активным деятелем Вольной Академии Духовной Культуры.

Осенью 1922 года его с группой русских интеллигентов выдворили из страны, хотя он верил в идеалы коммунизма, называя свой вариант социализма персоналитическим, исходящим «из духовной ценности каждого человека». Его взгляды напоминали анархо-коммунизм П.А. Кропоткина, но с мистическим оттенком: «Я верил всю жизнь, что божественная жизнь, жизнь в Боге есть свобода, вольность, свободный полет, безвластие, анархия».

И в Париже он сохранял свою противоречивую индивидуальность. С одинаковой страстью отвергал капитализм и большевизм (прежде всего за озабоченность мещанскими благами, за политическое лицемерие и бездуховность). Скончался во время работы, за письменным столом. В последнем сочинении «Самопознание (опыт философской автобиографии)» писал: «Я чувствую себя принадлежащим к русской интеллигенции, искавшей правду… Я сознаю себя мыслителем аристократическим, признавшим правду социализма».

В нем сочетались искренность, страсть, устремленность к истине и способность к духовным прозрениям. Не случайно многие его идеи оказались вещими. Жизнь и труды Бердяева — это упорное стремление самобытной, вдохновенной личности противостоять влиянию окружающей среды. Он не признавал над собой власти не только Государства и Капитала, но и любой философской и религиозной системы, даже своей собственной. Верил в идеалы христианства, и все-таки свободу творчества и убеждений считал первичной, изначальной, неотъемлемой частью жизни и разума.

Бердяев одним из первых осознал главную опасность современной научно-технической цивилизации: подавление, деформацию, упрощение личности, снижение интеллекта, угасание творческих порывов. «Человек, — писал он, — перестает жить, прислоненным к земле, окруженным растениями и животными. Он живет в новой металлической действительности, дышит иным, отравленным воздухом. Машина убийственно действует на душу, поражает прежде всего эмоциональную жизнь, разлагает целостные человеческие чувства… Современные коллективы не органические, а механические. Современные массы могут быть организованы лишь технически; власть техники соответствует демократическому веку. Техника рационализирует человеческую жизнь, но рационализация эта имеет иррациональные последствия». Добавим: электронные средства массовой информации становятся и средствами дезинформации, внушения, стандартизации личности, манипулирования общественным сознанием.

Бердяев ясно понимал: «Торжество буржуазного духа привело в XIX и XX веках к ложной механической цивилизации, глубоко противоположной всякой культуре подлинной». И это относится не только к массовой культуре, но и к так называемой элитарной. Например, научное творчество стало коллективным, обезличенным, зависящим от исследовательской техники и — что весьма существенно — от источника финансирования. Какая уж тут свобода! Современный ученый или философ на долгом пути обучения находится под мощным прессом общепризнанных (но не обязательно верных) научных теорий и замкнут в системе определенной научной школы.

Со времен Бердяева отчетливо проявила себя механизация области жизни. На огромных территориях городов и мегаполисов, промышленных и сельскохозяйственных районов, горных разработок и водохранилищ живая природа либо резко подавлена, либо замещена техникой и продуктами ее деятельности. Стала очевидна технизация биосферы, переход ее в иное состояние, которое с полным правом следует именовать ТЕХНОСФЕРОЙ. Вхождение машин в жизнь человеческих обществ, по мнению Бердяева, есть явление не только глобальное, но и космическое: «Поразительные успехи физики и основанной на ней техники» раскрыли неведомые силы природы, «которых не было в мире».

Русский философ, ясно сознавая мертвящую мощь машин, оценивал их роль достаточно объективно: «Техника есть обнаружение силы человека, его царственного положения в мире, она свидетельствует о человеческом творчестве и изобретательности и должна быть признана ценностью и благом». Наступила эра техники — со всеми ее достижениями, трагедиями, противоречиями. «Создается новая Земля. Бог ждет от человека высшей свободы, свободы восьмого дня творения».

И вновь — парадокс. Преобразователь природы подпадает под власть созданной им искусственной (техногенной) среды обитания. Наделяя активностью мертвую материю, технику, он сам невольно подчиняется и уподобляется ей. Переставая быть образом и подобием Божиим, человек приобретает образ и подобие машины.

«Иногда представляется такая страшная утопия, — фантазировал он. — Настанет время, когда будут усовершенствованы машины, которыми человек мог бы управлять миром, но человека больше не будет. Машины сами будут действовать в совершенстве и достигать максимальных результатов. Последние люди сами превратятся в машины, но затем и они исчезнут за ненадобностью и невозможностью для них органического дыхания и кровообращения… Природа будет покорна технике. Новая действительность, созданная техникой, останется в космической жизни. Но человека не будет».

Бердяев отвергал идею постоянного прогресса. Он полагал, что происходит неизбежный переход от культуры, воплощающей духовный строй творческой личности, к цивилизации, ориентированной на материальные ценности: «Эра цивилизации началась с победного вхождения машин в человеческую жизнь. Жизнь перестает быть органической, теряет связь с ритмом природы. Между человеком и природой становится искусственная среда орудий, которыми он пытается подчинить себе природу. В этом обнаруживается воля к власти, к реальному использованию жизни… Машина налагает печать своего образа на дух человека, на все стороны его деятельности. Цивилизация имеет не природную и не духовную основу, а машинную основу… Цивилизация есть подмена целей жизни средствами жизни».

В 1939 году, отвечая на статью известного русского философа С.Л. Франка, Бердяев писал: «Неожиданным является его заключение, что наиболее благоприятен для христианства строй, основанный на неограниченной собственности, на хозяйственной „свободе“, на „свободе“ индивидуального распоряжения имуществом. Но это и есть тот самый

капиталистический строй, якобы основанный на свободе, движимый эгоизмом, личным интересом, конкуренцией, погоней за прибылями, зверски безучастный к человеческой нужде, бедности, угнетению». Бердяев был убежден: «Оправдана может быть только личная трудовая собственность, не допускающая капитализации… Экономическая свобода в современном мире означает рабство трудящихся масс». Он решительно отвергал любые формы идеологического закабаления личности, оставаясь последовательным противником большевизма: «Социализмом нужно называть направление, которое видит верховную ценность в каждом трудящемся и в каждом человеке, т. е. социализм основан на абсолютном примате человеческой личности над нечеловеческими коллективными реальностями и квазиреальностями».

…Николай Александрович был аристократом — по убеждениям, образу мыслей и стилю жизни. Не потому ли его взгляды остались непонятыми и непринятыми в эпоху господства машинной цивилизации, всеобщей стандартизации, торжества алчного капитализма, демократии и демагогии. У него были свои представления об идеальном обществе, в котором «социальная организация обеспечивала бы каждому возможность полноты жизни. Необходимо стремиться к синтезу аристократического, качественного принципа личности и демократического, социалистического принципа справедливости и братского сотрудничества людей».

…Каждому из нас дарована жизнь — единственное бесценное достояние, и свобода выбирать пути приспособления или преодоления, признания Бога или дьявола (или их отрицания), возможность творить на Земле добро или зло, красоту или уродство. Это пытался растолковать Бердяев, обращаясь не к толпе, не к массе обывателей и не к избранным интеллектуалам, а к каждому лично. Жаль, что понять его ясные и простые мысли очень непросто людям, привыкшим к хитросплетениям ума, лицемерию и притворству, притерпевшимся к приниженной, робкой жизни. А ведь каждого из нас через не очень долгий срок ждет полнейшая несвобода, называемая смертью. Мы бессмертны, пока живы.

Может возникнуть вопрос: почему из множества знаменитых философов XX века выбран один Н.А. Бердяев? Потому, что его идеи остаются чрезвычайно актуальными поныне и требуют осмысления, разработки, принятия к сведению. Это относится прежде всего к концепции «техногенного человека» и «технозойской эры». Почему его творчество (подобно идеям Кропоткина) никогда не пользовалось популярностью в обществе? Так было и в царской, и в советской, и в нынешней обуржуазившейся России. Его имя некоторое время громко звучало на Западе, идеи подхватывали известные писатели и мыслители-экзистенциалисты (от лат. «экзистенция» — существование) и персоналисты. Ведь Бердяев в некоторой степени философски оправдал лозунги свободы личности, столь популярные в странах буржуазной демократии.

Для Бердяева личность — абсолютная ценность, всеобъемлющее духовное единство, воплощенное в человеке. Общество и Космос — это части личности, а не наоборот, как обычно считается. Личность принадлежит одновременно и текучему времени и недвижной вечности; она изменчива, оставаясь неизменной; она пространственно связана с

телом и находится вне пространства; она олицетворяет единство сознания и материи. «Человек не только от мира сего, но и от мира иного; не только от необходимости, но и от свободы; не только от природы, но и от Бога».

«Человек — микрокосм, в нем дана разгадка тайны бытия — макрокосмоса… — утверждал Бердяев. — Человек потому постигает тайну Вселенной, что он одного с ней состава, что в нем живут те же стихии, действует тот же разум… Человек — вселенная…» Смысл личности не ограничен собственным бытием. Любовь, свобода, творчество — три взаимосвязанные опоры мировоззрения Бердяева. «Свобода — любовь. Рабство — вражда. Выход из рабства в свободу, из вражды „мира“ в космическую любовь есть путь победы над грехом, над низшей природой… Творческий акт всегда есть освобождение и преодоление». Свободу он определял многократно, раскрывая ее характерные черты: «Свобода — таинственна, изначальна, исходна, бездонна, безосновательна, иррациональна. Со свободой связана тайна греха и тайна искупления. Христос — свобода…»

Важно различать иллюзию политических свобод от свободы духовной, подлинной. Свобода изначально дарована личности для творчества, для выхода из царства необходимости: «Творчество неотрывно от свободы»; «В творческой свободе есть неизъяснимая и таинственная мощь созидать из ничего, недетерминированно, прибавляя энергию к мировому круговороту энергии». (Вернее было бы сказать о дополнительной организованности, упорядочении этих круговоротов; но учтем, что Бердяев не любил признавать организацию и порядок как ограничения свободы.)

Свобода первичнее Бога и мира, ибо без нее нет творчества. «С этой точки зрения, — писал Бердяев, — можно сказать, что свобода не создается Богом, она коренится в Ничто…» В таком предначальном Ничто, в бездне Небытия, коренится свобода.

Бердяев резко разделял духовное и природное. В первом видел проявление свободы, жизни творчества, личности. Бога; во втором — необходимости, косности, определенности, пассивности материи. Дух должен властвовать над материальным миром, творчески преображать его. Все, что мешает этому, необходимо преодолевать, будь то общественные или природные силы Поэтому Бердяеву были одинаково чужды и буржуазный индивидуализм, и социалистический коллективизм (в первом случае — подчинение материальным ценностям, во втором — общественным установлениям): «Демократический век — век мещанства, и он неблагоприятен появлению сильных личностей».

Такой мыслитель-анархист, персоналист, вольно или невольно противопоставляет себя любой общественной системе, любому государственному механизму. В сущности, Бердяев создавал учение, отражающее его личность. И это естественно. Философия субъективна; это взгляд на мир, человека, познание с позиции конкретной личности; и чем эта личность самобытней, интеллектуальней, свободней и вдохновенней, тем интересней и талантливей ее философские построения. И еще одно качество должно присутствовать у творческой личности — ощущение тайны бытия. Оно позволяло Бердяеву открывать новые горизонты познания. Ведь Неведомое — безбрежный океан, в котором находятся

островки знаний…

Завершая этот очерк, коснемся темы России. Бердяев высказал мысль пророчески верную: «Перед Россией стоит роковая дилемма. Приходится делать выбор между величием, великой миссией, великими делами и совершенным ничтожеством, историческим отступничеством, небытием. Среднего, „скромного“ пути для России нет». Здесь выражена мысль о своеобразии жизни и гибели крупнейших общественных организмов. В природе слоны или мамонты не способны превратиться в юрких мышей или сусликов, прятаться в норках; они вынуждены либо оставаться гигантами, либо вымереть. И среди личностей вымирают в неблагоприятных условиях великие. В общественной жизни у крупнейших государств тоже выбор невелик: величие или деградация и бесславная гибель.

ЛИТЕРАТОРЫ

Гениальными людьми были изобретатели письменности, но их имена нам неизвестны. Гениальные сочинения создавали и из уст в уста передавали люди с незапамятных времен. И тут тоже новаторство невозможно определить. Многие религиозные гимны, тексты, а также эпические поэмы, сказания являются литературными шедеврами, остающимися анонимными. Литературный язык, поэзия возникли задолго до того, как появилась письменность. Так что первые литературные памятники имели долгую предысторию. Скажем, рукопись «Сказки о потерпевшем кораблекрушение», которая была очень популярна у египетских читателей около четырех тысячелетий назад, заканчивалась подписью: «Писец ловкий пальцами Амени-Амонаа». Но вряд ли этого человека можно считать автором данного произведения.

Еще раньше возникла в Двуречье литература шумеров, которую нередко считают древнейшей в мире. Прекрасные образцы художественной литературы запечатлел сравнительно молодой, но чрезвычайно распространенный памятник — Библия (Ветхий Завет). В частности, в нем приведена «Песнь песней Соломона», однако нет убедительных оснований считать, что сочинил ее этот знаменитый царь. Выдающийся индийский героико-философский эпос «Махабхарата» тоже, по существу, безымянное творение народа.

Для нас величайшие литературные гении относятся к европейской культуре. Это не означает, будто у других народов не было достижений такого уровня в этой области культуры. Однако неоспоримо, что именно европейская литература достигла наибольших высот и разнообразия. Нам, русским, отечественные писатели и поэты близки и понятны, тогда как о произведениях представителей других языковых групп известно преимущественно по переводам. Объективно судить о том, кому в таких случаях следует отдавать предпочтение, невозможно. К тому же выдающихся литераторов очень и очень много, и у каждого есть свои ревностные почитатели. Кому-то представляется непревзойденным гением Хемингуэй, кому-то — Томас Манн или Джойс, Кафка или Чапек, Жюль Верн или Герберт Уэллс. Мне, например, хотелось бы причислить к гениям Андрея Платонова, Николая Заболоцкого, Максимилиана Волошина, Сергея Есенина, но многие ли согласятся с подобным выбором? Приходится ориентироваться на всемирно известные имена. Хотя и с ними ситуация

непроста.

Практически все литературные жанры, почти все течения и большинство приемов были открыты еще в античные времена. Например, греческий (или из Малой Азии) лирик VI века до н. э. Анакреонт, много странствовавший, побывавший при дворах нескольких царей, тиранов, воспевал радости жизни. Такую поэзию стали называть «анакреонтической». В последующие века у него было много подражателей. Вот одно из его стихотворений:

Мне девушки сказали:
«Ты дожил многих лет».
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед».
Мне нечего стыдиться:
Ведь должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе его Рок. *1 Перевел М.В. Ломоносов (великий мыслитель, не чуждый, как видим, игривогоюмора).*

Другими по форме и содержанию были стихи современника Анакреонта, Феогнида, родившегося в аристократической семье города Мегары, бывшего крупным торговым центром. К власти здесь пришли богатые демократы, потеснившие родовую знать. Феогнид был изгнан, и сборник его стихов — «Элегии» — отражает разочарование автора, который сравнивает государство с кораблем, гибнущим во время бури (действительно, его родина в скором времени пришла в упадок).

Что вы творите, безумцы? Смещен вами доблестный кормчий,
Кормчий, кто зорок и мудр, крепкую стражу держал;
Жадно добро расхищаете вы; уничтожен порядок;
Дать не хотите в трудах равного всем дележа…

Позже в Греции стали популярны краткие лирические, затем шутливые и сатирические эпиграммы, а также надгробные надписи (эпитафии). Одним из мастеров этого жанра был Каллимах (305–240 гг. до н. э.), поэт, этнограф и культуролог. Был высокообразован, служил школьным учителем в пригороде Александрии (Египет) и много работал в Александрийской библиотеке, составив каталог ее хранилища в 120 книгах («Таблицах»). В своем основном крупном сочинении «Причины» рассказал о нравах и обычаях многих народов. Предпочитал писать кратко, сказав: «Большая книга — большое зло».

"На Тимона мизантропа (человеконенавистника):

Тимон, ты умер; что ж, лучше тебе или хуже в Аиде? — Хуже: Аид ведь куда больше людьми заселен".

Эпитафия самому себе:

Баттова сына могилу проходишь ты, путник. Умел он
Песни слагать, а подчас и за вином не скучать.

Упомянем и уроженца Сицилии Феокрита, жившего в первой половине III века до н. э. — поэта и драматурга. Стихи его назывались «Идиллиями» и воспевали свободную спокойную пастушескую жизнь. В ту пору в греческом мире усиливались противоречия между городом и деревней, отдаление человека от природы. У Феокрита окружающая природа представлена великолепной, одухотворенной нимфами и богами. Подобная лирика получила название «буколической» (от слова «буколос» — пастух). Правда, сам поэт, после пребывания на острове Кос, предпочел жить в Александрии под покровительством египетского царя Птолемея II. Впрочем, к тому времени буколическая поэзия превратилась в традиционный жанр, начало которому положил Стесихор (VII–VI века до н. э.).

В дальнейшем достижения греческой литературы унаследовали римляне, достигшие новых высот если не в идейном отношении, то в стилистике.

О некоторых знаменитых римских литераторах мы уже говорили в очерке, посвященном Юлию Цезарю. Отметим только, что Титу Макцию Плавту (ок. 255–184 гг. до н. э.) приписывали 120 комедий, из которых сохранилось всего 12. Им был присущ оптимизм и народный юмор, ибо римское общество в тот период крепло и развивалось.

Другой драматург II века до н. э. Теренций Афр в детстве был рабом, но благодаря хозяину (сенатору, именем которого был он и назван) получил хорошее образование. Он удостоился эпиграммы Цезаря (ее мы уже приводили), назвавшего его великим поэтом.

Некоторые высказывания Теренция стали крылатыми:

— Я человек, и ничто человеческое не считаю для себя чуждым.

— Сколько людей, столько мнений.

По его словам, ум —

Не только в том, чтоб видеть то, что под носом,
А чтоб предвидеть также и дальнейшее.

И еще одно очень верное суждение:

В конце концов не скажешь ничего уже,
Чтоб не было другими раньше сказано.

Пьесы Теренция не поблекли со временем: их высоко ценил, кстати, Мольер (а Луциллием восхищался Гораций).

Одним из гениальных поэтов-лириков был Гай Валерий Катулл (ок. 85–54 гг. до н. э.). Воспевал он радости жизни, страдания и счастье любви. Посвятил цикл стихотворений Клодии (под именем Лесбии), однако его чувство осталось безответным. Катулл писал ядовитую сатиру на Юлия Цезаря и его друзей, однако всерьез политикой поэт не интересовался и со временем помирился с Цезарем. Катулл едва ли не первым отметил парадоксальную трагичность любви, порой приводящей к разладу эмоций и рассудка, смятению чувств (это много позже с необычайной силой раскрыл Ф.М. Достоевский):

— Да! Ненавижу и все же люблю. Как возможно, ты спросишь Не объясню я. Но так чувствую, смертно томясь.

Двух величайших римских поэтов — Вергилия и Горация — можно было бы с полным основанием отнести к выдающимся гениям. Препятствует этому лишь то, что им предшествовали не менее великие поэты и драматурги Греции, начиная с Гомера, которым приходится отдавать приоритет.

Публий Мирон Вергилий (70–19 гг. до н. э.), создатель крупных эпических (возвышенных, величавых) поэм, родился в Северной Италии. Отец, владелец небольшого имения, постарался дать ему хорошее образование. Вергилий сначала учился в Милане, затем в Риме, где вошел в круг молодых поэтов; писал эпиграммы, небольшие поэмы (эпиллии). В 25 лет он едва не лишился своего родового имения, конфискованного в пользу ветеранов войск полководца, будущего императора Августа Октавиана. Вергилий обратился за помощью к знакомому государственному деятелю и поэту Поллиону, который помог ему получить обратно свое имение. Воспоминания своего детства, историю с потерянным и обретенным имением, прелести сельской жизни воспел Вергилий в поэме «Буколики» (восхвалив заодно и мудрость и доброжелательность Октавиана). Она принесла поэту известность. Ему стал покровительствовать Меценат. Еще больший успех выпал на долю другой поэмы Вергилия — «Георгики», прославляющей труд земледельца и пастуха, простые радости деревенской жизни, красоту и величие природы. Сочинение оказалось своевременным: только что завершилась гражданская война, страна переходила к мирной жизни. Октавиан Август укреплял империю. Вергилий пошел по стопам Гомера: задумав историко-героическую поэму, отражающую силу духа римлян и мощь Римской державы. Героическая эпоха в жизни страны и героические личности (Помпей, Цезарь, Антоний, Октавиан) вдохновляли на великие творения. Одним из них стала «Энеида». Она воспевала императора и великую империю, но также — верность долгу, мужество, дружбу, героизм. «Смелым помогает судьба», — писал он. «Энеида» стала вершиной творчества Вергилия. Недаром Данте именно его сделал своим проводником в «Божественной комедии» в царстве мертвых.

Квинт Флакк Гораций (65—8 гг. до н. э.), родившийся в семье вольноотпущенника, сборщика налогов, в Риме и Афинах, получил блестящее образование. В гражданской войне выступал на стороне республиканцев; в битве при Филиппах сражался в армии Брута и Кассия. Имение его было конфисковано; пришлось зарабатывать на жизнь в качестве писаря на государственной службе. Начав сочинять стихи, он попал в круг Вергилия, под покровительство Мецената, в дар от которого получил поместье и возможность безбедно существовать. Если первые его сочинения были преимущественно печальны, пессимистичны, то затем последовали философские диалоги, сатиры, торжественные оды, стихи о любви, дружбе, радостях деревенской жизни. Видя процветание страны в правление Августа Октавиана, поэт стал сторонником империи. Основные

произведения Горация. «Беседы», «Сатуры» («Сатиры»), «Эподы» («Припевы»), «Оды», «Послания», «Искусство поэзии». В подражание его «Памятнику» Пушкин написал известное стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…»).

Из сочинений Горация: «Решись стать разумным, начни! Кто медлит упорядочить свою жизнь, подобен тому простаку, который дожидается у реки, когда она пронесет свои воды; а она течет и будет течь веки вечные». «Если сосуд недостаточно чист, скиснет все, что бы ты в него ни влил».

Кратко скажи, что хочешь сказать: короткие речи
Легче уловит душа и в памяти крепче удержит.

…Легкою шуткой решается важное дело
Лучше подчас и верней, чем речью суровой и резкой.

Одним из крупнейших поэтов античности был Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.). Он принадлежал к старинному знатному роду, учился ораторскому искусству и философии в Риме. Однако написал:

Мне уже с детства служить небожителям больше хотелось.
Тайно меня за собой муза упорно влекла.
Часто твердил мне отец. "За пустое ты дело берешься.
Даже Гомер по себе много ль оставил богатств?"

Богатство и власть не прельщали юного стихотворца. Он получил важную должность в судебной коллегии. «Был впереди и сенат», по его словам. Но Овидий сблизился с поэтами, стал сочинять любовные элегии. К своим творениям относился строго:

Много тогда я писал; но то, что считал неудачным,
Для исправленья в огонь собственноручно бросал.

Написал он «Песни любви», «Искусство любви», «Лекарство от любви», а вершиной творчества стали «Метаморфозы» («Превращения»). В них рассказано о волшебных превращениях, воспетых в мифах. Но его ждала не слава. По не вполне выясненным причинам, возможно, из-за близких отношений с дочерью императора Августа, Овидия сослали на побережье Черного моря (современная Констанца в Румынии), где он прожил несколько лет, писал печальные стихи. Там и умер. Вот несколько его строк:

…Изменяется все, но не гибнет ничто и, блуждая,
Входит туда и сюда; тела занимает любые
Дух, из животных он тел переходит в людские, из наших
Снова в животных, а сам — во веки веков не исчезнет.
Я ненавижу порок, но сам ненавистного жажду.
Ах, как нести тяжело то, что желал бы свалить!

Колоритной фигурой времен начала упадка великой Римской империи был Арбитр Гай Петроний (I век н. э.) — писатель, поэт, государственный деятель, происходивший из аристократической богатой семьи. Он отличался утонченным чувством прекрасного, признавался «Арбитром изящества» и был любимцем Нерона, живя в роскоши. Как человек умный и наблюдательный, в душе он горько посмеивался над ничтожными, хотя и внешне великолепными приемами, пиршествами, а свои мысли и чувства выразил в крупном романе «Сатирикон» (из 20 его книг сохранилась лишь десятая часть). В нем речь идет о приключениях трех бродяг; римское общество представлено как гнездо порока, беспросветного разврата и пустого прожигания жизни. Например, описано фантасмагорическое застолье в доме разбогатевшего вольноотпущенника. Его философия проста: надо делать деньги; сколько их имеешь, столько ты стоишь. О себе он говорит: «Был лягушкой, стал царем. Раздуваясь от тщеславия, богатей вызывает тайные насмешки у одних и зависть у других». (По «Сатирикону» итальянский режиссер Ф. Феллини снял фильм.) Жизнь Петрония завершилась трагически. Его обвинили как участника заговора против Нерона, и он был вынужден кончить жизнь самоубийством.

Прославился остроумием Марк Валерий Марциал (ок. 40 — ок. 103), который приобрел известность благодаря своим эпиграммам, а также стихам, восхвалявшим «сильных мира сего». Получая материальную поддержку от покровителей (императоров Нерона и Доминциана), он приобрел дом и виллу, а также вошел в сословие всадников. Эпиграммы Марциала до сих пор вызывают улыбку:

Был недавно Диавл врачом, стал могильщиком ныне:
То, что могильщик творит, то же и врач совершал.

Ты мне пеняешь, Велокс, что длинны мои эпиграммы.
Ты ничего не писал; вещи короче твои.

Жизнь легко презирать, когда очень трудно живется;
Мужествен тот, кто сумел бодрым в несчастии быть.

Если боишься разбить ты хрусталь — разобьешь его: плохо
Брать и небрежной рукой, брать и со страхом сосуд.

А вот некоторые его высказывания: «Уметь наслаждаться прожитой жизнью означает жить дважды». «Не бойся последнего дня и не желай его». «Есть в моей книге хорошее. Кое-что слабо. Немало есть и плохого. Других книг не бывает».

Децим Юлий Ювенал (ок. 60 — ок. 140) был знаменитым поэтом-сатириком. Возможно, поэтому ему пришлось некоторое время жить в изгнании в Египте, пока император Адриан не пожаловал ему небольшое имение в сельской местности. Ювенал ясно видел духовное разложение римлян — прежде всего привилегированных, знатных, облеченных властью, которые в погоне за богатством, роскошью, удовольствиями опускаются до

состояния скотов. Он горько сетовал:

Рим доверяет тому, кто хранит в ларце своем деньги:
Больше монет — больше веры…
Надо молиться, чтобы ум был здравым в теле здоровом.
Бодрого духа проси, что не знает страха пред смертью,
Что почитает за дар природы предел своей жизни,
Что в состоянье терпеть затрудненья какие угодно, —
Духа, не склонного к гневу, к различным страстям.

(Отметим, что его верное суждение со временем извратили в популярное — «В здоровом теле — здоровый дух». Хотя конечно же телесное здоровье нередко сопровождается духовной немочью.)

Из других высказываний Ювенала:

— Верно, что здравый смысл у Судьбы бывает не часто.

— Разумный человек ставит себе предел даже и в добрых делах.

Транквилл Гай Светоний (ок. 70—140) был не только писателем, но и историком и естествоиспытателем; личным секретарем императора Адриана. Отставленный от дел, посвятил себя литературной деятельности. Его работы по естествознанию не сохранились, а от трактата «О знаменитых мужах» остались только фрагменты. Полностью имеются его «Жизнеописания цезарей» (или «Жизнь 12 цезарей») — один из классических образцов популярных биографий, предназначенных для занимательного чтения. Здесь приводятся факты и домыслы, мнения и анекдоты, а также свидетельства о быте и нравах тех времен. По словам Светония, «тот, кто домогается малых выгод ценой больших опасностей, подобен рыбаку, который удит рыбу на золотой крючок; оторвись крючок — и никакой улов не возместит потери».

Из гениальных писателей и поэтов безусловно заслуживает упоминания греческий сатирик Лукиан (ок. 120 — ок. 190), человек широко образованный, он много путешествовал по Римской империи, набираясь знаний и приглядываясь к жизни людей, встречаясь с представителями разных религий. Лукиан с иронией относился к мифам о богах и пророках, а тем более — к суевериям. Высмеивал он богачей, проходимцев-предсказателей, пустословных и самодовольных философов, бестолковую толпу, которую дурачат пройдохи-демагоги. Например, писал: «Город переполнился людьми… только по виду отличающимися от баранов». У Лукиана всемогущие боги ведут себя и беседуют, как самые заурядные обыватели, что производит комический эффект. Его «Разговоры в царстве мертвых» высмеивают земную суету и остроумно раскрывают непростую проблему смысла жизни и смерти. В «Правдивых историях» он рассказал о полете на Луну и встречах с лунатиками-селенитами; о чудовищном ките, в чреве которого обитают люди и звери; о странных коне-коршунах и человеко-свечках, о беседах с тенями знаменитых людей… Многое из этого теперь нам знакомо из

сочинений Рабле, Распэ (помните приключения Мюнхгаузена?), свифтовского Гулливера. Кстати, парижский бульвар Елисейские Поля именем своим обязан Лукиану.

Вот три его эпиграммы:

На жадного богача
Артемидор обладает богатством несметным, но тратить
Он не решается, жизнь жалкого мула влача:
Часто ведь мул на спине таскает золота много,
Кормом же служит ему только лишь сено одно.

Если ты думаешь, что с бородой вырастает ученость,
То бородатый козел есть настоящий Платон.
Делая зло, от людей еще можно укрыться; но боги
Видят не только дела — самые мысли твои.

Если ты скор на еду, но вял и медлителен в беге,
Ешь ты ногами тогда, рот же для бега оставь.

Из последних римских поэтов следует упомянуть Аврелия Публия Клемента Пруденция (348 — ок. 410) — юриста, государственного служащего. Будучи христианином, писал богословские поэмы на латинском языке. Наиболее известны его сочинения «Катекерион» («ежедневник», сборник молитв) и «Психомахия» («сражение за душу»), где показана борьба между добродетелями и пороками за человеческую душу. Пруденций внес элементы античной культуры в христианство. «Психомахия» оказала большое влияние на средневековую европейскую поэзию.

Вопреки распространенному мнению, европейское Возрождение вовсе не было возвратом к великим достижениям античности, словно бы вынырнувшим невесть почему из Леты, реки забвения. В действительности традиции античной культуры перешли в Византию и много веков сохранялись там, соединяясь с идеями христианства. Это наследие частично переняли арабы, после чего оно дошло до Западной Европы как через Малую Азию (из Византии), так и через Испанию (от арабов).

Средневековье впервые выделили итальянские гуманисты XV века. Они имели в виду отрезок истории Западной Европы от завершения античности и гибели Древнего Рима в V веке до эпохи Возрождения этой культуры в XIV веке. Считалось, что в Средние века едва ли не повсюду торжествовали дикость и варварство. Позже ученые опровергли такое мнение. Выяснилось, что возрождение античной культуры началось в арабских странах раньше, чем в Западной Европе. Вообще, история человечества, как известно, не замыкается на каком-то одном регионе. В Китае, Индии, России, Африке, Америке культура развиваласьсвоеобразно.

В средневековой Европе сложилась цивилизация, основанная на христианских ценностях; упадком культуры это считать не следует. Возрождение — переходный этап, завершающий Средневековье и

начинающий эпоху Просвещения.

Средневековая византийская цивилизация крепла и распространялась одновременно с учением Христа. Литературным языком был греческий. Говорить о великих произведениях в прозе и поэзии трудно прежде всего потому, что абсолютно преобладали религиозные темы, а также разного рода пересказы, восхваления правителей. В VII–VIII веках крупнейшие византийские поэты и писатели — Андрей Критский, патриарх Герман, Косма Майюмский, Дамаскин — были в значительной мере богословами, авторами церковных канонов. Литература по большей части выполняла идеологические функции в теократическом государстве.

Расцвет средневековой светской поэзии произошел в арабских странах на территории Ирана, Средней Азии. Из наиболее прославленных имен упомянем Абуабдулло Рудаки (ок. 860–941), Фирдоуси (934 — ок. 1025), Руми и Саади (XIII век), Хафиза (XIV век).

Особо следует выделить Омара Хайяма (ок. 1048–1122) — поэта, математика, философа. Судя по фамильному прозвищу Хайям (изготовитель палаток), отец его был ремесленником. Родился Омар (полное имя Гияс ад-Дин Абу-ль-Фатах Омар ибн Ибрагим) Хайям на востоке Ирана. Получил хорошее образование. С 18 лет, после смерти отца, вынужден был начать самостоятельную жизнь. Благодаря своим знаниям и стихам был принят при дворе правителя Бухары и сельджукского султана, который предоставил ему обсерваторию в Исфагане. После смерти султана поэта обвинили в безбожии. Он совершил паломничество в Мекку. Вопреки запрету в Коране, Омар Хайям воспевал вино, а не только любовь; более всего ценил свободу и независимость. Ему принадлежат около 400 рубаи (четверостиший), а также несколько научных трактатов, главным образом математических («О доказательствах задач алгебры и алмукабулы», «Комментарии к трудным постулатам книги Евклида» и др.). Он писал:

«Ад и рай — в небесах», — утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай — не круги во дворце мирозданья,
Ад и рай — это две половины души.

Беспощадна судьба, наши планы круша.
Час наступит, и тело покинет душа.
Не спеши, посиди на траве, под которой
Скоро будешь лежать, никуда не спеша.

Прославленный персидский поэт Низами Гянджеви, Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф Низамаддин (1141–1209), родился и провел почти всю жизнь в городе Гяндже (нынешний Азербайджан). Не стремился к богатству, избегал ханских дворцов, предпочитая жить в мире воображения, поэтического творчества и сильных чувств. Он воспевал любовь и вино, писал о бренности жизни. Главное величественное его сочинение — «Хамсе» («Пятерица»), включающее поэмы: историческую «Искандер-наме» (об Александре Македонском), философскую

«Сокровищница тайн» и романтические «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц». Свой поэтический труд он сравнивал с трудом рудокопа, добывающего самоцветы. Из стихов Низами:

Если зерно не умрет, оно не воскреснет.
До поры, как любовь не явила дыханье свое,
В бездне небытия не могло засиять бытие.

Если будем о смерти мы думать почаще,
То спокойно пойдем в жизни сумрачной чаще.

Одним из предвестников европейского Возрождения был Франческо Петрарка (1304–1374). Отец его по политическим мотивам вынужден был покинуть, подобно Данте, родную Флоренцию. Петрарка провел много лет в скитаниях. Его лирические любовные стихи посвящены Лауре, увиденной поэтом лишь однажды, но вдохновившей на всю жизнь. В поэме «Триумфы» выразил извечную динамику бытия: победу любви над человеком, духовной любви над плотской, смерти над любовью, славы над смертью, времени над славой и вечности над временем. Его философские трактаты утверждают приоритет знаний перед верой, необходимость постижения Природы, а не только Священного Писания. Ему принадлежат биографии знаменитых людей античности и описания культурных ценностей того времени: «О знаменитых мужах» и «О достопамятных вещах». Интересуясь естествознанием, он совершил восхождение на Везувий. В Риме Петрарку провозгласили «королем поэтов» и увенчали лавровым венком. Наряду с Данте он стал создателем итальянского литературного языка.

Другой знаменитый итальянский литератор, писатель и поэт Джованни Боккаччо (1313–1375) родился в Париже, был сыном флорентийского купца и француженки. Детство и молодость провел в Неаполе. Отец отдал его на учение купцу, но Джованни интересовали не товары и деньги, а поэзия. После тщетных усилий приобщить сына к торговле, отец согласился, чтобы он получил юридическое образование. Позже Боккаччо доводилось быть дипломатом, выполнять поручения правителей, хотя он по-прежнему более всего увлекался литературой. В тридцатилетнем возрасте написал психологическую повесть «Фьямметта». Через 7 лет он создал свое величайшее сочинение — сборник из 100 новелл «Декамерон» («Десятиднев»). Действие происходит во Флоренции; 10 юношей и девушек, спасаясь от чумы, укрываются в замке и развлекаются, рассказывая различные истории — веселые, поучительные и не всегда приличные. Сочетание трагичного и комичного, глупости и мудрости, радости жизни и понимания неизбежности смерти — все это сплетается в «Декамероне», воплощающем идеи и сам дух эпохи Возрождения. В книге «Жизнь Данте Алигьери» Боккаччо первым назвал его поэму «Божественной». Из высказываний Дж. Боккаччо: «Не стоит счастья тот, кто его страшится».

Пора, оставив тщетные усилья,
Уразуметь, как это ни жестоко,
Что рвением талант не заменить.

Признанным главой европейских гуманистов был немецкий писатель, философ, богослов Эразм Роттердамский (1469–1536), живший в Германии, Франции, Швейцарии. Под его редакцией был издан Новый Завет на греческом языке, затем переведен на латынь. Эразм критиковал католическую церковь, но весьма осторожно. «Мы намеревались, — писал он, — предупредить, но не обидеть, принести пользу, но не ранить, улучшать нравы людей, но не оскорбить человека». Он избегал резких конфликтов с католической церковью, предпочитая поучать легко и остроумно. Отвергал фанатизм в любых формах, написал немало сочинений, среди которых наиболее знамениты «Разговоры запросто» и «Похвала глупости» (1511).

В литературе Франции эпоха Возрождения наиболее ярко проявилась в творчестве Франсуа Рабле (ок. 1494–1553). Его отец — состоятельный землевладелец и адвокат — дал сыну домашнее образование, а затем отправил на воспитание в ближайшее аббатство (Франсуа был четвертым ребенком в семье и не имел прав на наследство). Учился Франсуа хорошо, однако страсть к познанию, остроумие и свободомыслие юного монаха (он принял постриг) вызывали недовольство церковного начальства. Благодаря влиятельным покровителям, Рабле не подвергся наказанию. Получив разрешение и благословение на занятия медициной, он пешком отправился на юг Франции, поступил в университет города Монпелье, быстро прошел курс наук и начал работать врачом в Лионе. Став доктором медицины, пользовался авторитетом, но подлинную и непреходящую славу принес ему философско-сатирический, славящий радости жизни роман «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Высказывания Рабле: «Считать часы — это самая настоящая потеря времени». «Дело не в том, чтобы быстро бегать, а в том, чтобы выбежать пораньше».

В Португалии расцвет литературы пришелся на эпоху Великих географических открытий, когда эта небольшая по территории страна стала могучей морской державой. Подъем государства на некоторое время вызвал вспышку творческой активности. Тогда-то и проявился талант крупнейшего португальского поэта Луиса Важ де Камоэнса (Луиша Камоинша) (1524–1580). Он родился в дворянской семье (бабушка по отцовской линии была из рода Васко да Гамы), рано остался без родителей, воспитывала его мачеха. В университете города Коимбра получил энциклопедическое образование. Стихи и первые комедии написал в студенческие годы. В 1546 году был принят при королевском дворе Лиссабона, но вскоре попал в немилость и 17 лет прожил в изгнании. Побывал и служил почти во всех колониях Португалии — от Северной

Африки до Китая. В одном из сражений потерял глаз, у берегов Камбоджи потерпел кораблекрушение, какое-то время провел за решеткой, но не оставлял творчества. За эти годы написал большую часть эпической поэмы «Лузиады» (то есть «португальцы», Луз — легендарный родоначальник народа), где раскрыта история Португалии за 500 лет, а географические открытия Васко да Гамы представлены как вклад его народа в историю человечества. Камоэнс считается создателем португальского литературного языка. Его сонеты, воспевающие возвышенную любовь, часто пронизаны трагическим ощущением жизни.

Я нищ и слаб, но счастлив тем, что есть,
А есть одно богатство у меня —
Твой образ, согревающий мне душу.

Чтобы дышать — и воздуха мне мало,
А чтобы жить — мне мало даже мира.

После великих географических открытий, изобретения и массового распространения книгопечатания и быстрого увеличения числа университетов в Европе с XVII века началась эпоха Просвещения. Она ознаменовалась прежде всего вспышкой научного творчества, новым подъемом философской мысли и литературы. Впрочем, предтечами Просвещения можно считать Сервантеса и Шекспира.

Одним из первых английских писателей, получивших всемирную известность, был Даниель Дефо (ок. 1660–1731), хотя при жизни он прославился своими политическими фельетонами, памфлетами, острыми статьями в защиту свободы мысли и убеждений, за что был наказан: три дня простоял в колодках у позорного столба на лондонской площади. Это стало триумфом Дефо: горожане его приветствовали, забрасывали цветами. В финансовых делах он не проявлял таланта, пускаясь в авантюры и периодически разоряясь. Приходилось ему и писать по указке богатых, притворяясь независимым журналистом. Признавался: «Я видел изнанку всех партий. Все это видимость, простое притворство и отвратительное лицемерие… Их интересы господствуют над их принципами». Его перу принадлежат романы «Капитан Синглтон», «Молль Флендерс», «Счастливая куртизанка, или Роксана» и др., а также две книги, продолжающие тему «Робинзона». И все-таки история Робинзона Крузо, мужественно и умело осваивавшего остров, оказалась в его творчестве непревзойденной. Потому что посвящена она вечным ценностям, великолепию природы, величию человеческого духа, торжеству разума и труда.

Другим великим английским писателем был ирландец Джонатан Свифт (1667–1745), некоторые произведения которого не теряют со временем своей актуальности. Родился он в семье чиновника в городе Дублине, рано осиротел, воспитывался у дяди, богатого адвоката. Учился в

богословском колледже, но успехами не блистал. Находясь на службе секретарем у английского вельможи, имел возможность познакомиться с политической «кухней». Свифт сумел защитить магистерскую диссертацию в Оксфордском университете и вернулся в Ирландию, где получил приход. В 1696 году вновь вернулся в Лондон и стал публиковать сатирические произведения, едко высмеивая политиков, церковников, государственных деятелей («Битва книг», «Сказки бочки»). Его выступления пользовались большой популярностью. С 1714 года он становится настоятелем собора в Дублине и публикует свои бессмертные «Путешествия Гулливера». Книга с иронией и сарказмом раскрывает нелепости общественной жизни, когда лилипуты мнят себя великанами, лошади порядочней людей, а мудрецы Лапуты пребывают в состоянии задумчивого идиотизма. «Но, пожалуй, скажете вы, палка метлы лишь символ дерева, повернутого вниз головой. Полноте, а что же такое человек, как не существо, стоящее на голове? Его животные наклонности постоянно одерживают верх над разумными, а голова пресмыкается во прахе… И все же при всех своих недостатках, провозглашает он себя великим преобразователем мира…» (Д. Свифт)

Для России первым великим поэтом следует, пожалуй, назвать, если не считать М.В. Ломоносова, Гавриилу Романовича Державина (1743–1816). Сын мелкопоместного провинциального дворянина, не получивший хорошего образования, начавший службу простым солдатом и лишь в 1772 году получивший офицерский чин, Гаврила, казалось бы, обречен был прозябать в безвестности. Он отличался буйным нравом, пытался кропать стишки, волочился за девицами, попадал в опасные передряги. Отличился при подавлении Пугачевского восстания, а перейдя на статскую службу, быстро стал заметной фигурой при дворе. Был личным секретарем императрицы Екатерины II, губернатором, сенатором, министром, государственным казначеем, правителем Императорского Совета… Но славен и остается в памяти потомков как поэт. Одой «Фелице», посвященной Екатерине II, он обратил на себя ее внимание. Но писал не только тяжелозвучные оды, но и философские стихи, и застольные шуточные песни. Поэт порой возводит словно словесные громады, в особенности, когда пишет о сути бытия, о неотвратимости смерти и о том, что преодолевает ее — о божественном Духе, пронизывающем все мироздание. В гениальной поэме «Бог» воскликнул:

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб, я червь — я Бог!

Державин ясно сознавал и безмерность, и ограниченность человеческих возможностей, бренность земной жизни. И полагал, что Бога почтить можно лишь стремлением к нему подниматься,

В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

В отличие от склонного к размышлениям Державина, Роберт Бернс (1759–1796) прославился как лирик. Его отец, шотландский мелкий фермер, позаботился об образовании сына, отдал в приходскую школу, а потом определил его в группу детей, которых молодой Джон Мердок (будущий известный педагог) обучал английскому и французскому языкам, литературе. У Роберта была прекрасная память, стихи он часто знал наизусть. Ему приходилось работать и на фабрике в городе, и на пашне в деревне. Он начал сочинять стихи с 17 лет, и через десятилетие смог опубликовать свой первый сборник. Некоторое время он пользовался успехом в салонах Эдинбурга. Потом снова трудился в деревне, а затем чиновником в городе. Заботы о семье (у него было пять сыновей) и постоянная нужда подломили его силы. Он умер в расцвете творчества, а слава его постоянно росла. В нашей стране его стихотворения известны в переводах С. Маршака. Баллада Бернса «Джон Ячменное зерно» стала хрестоматийной. Остроумны его эпиграммы и шутливые надгробные надписи, вроде этой:

Склонясь у гробового входа,
— О смерть! — воскликнула природа, —
Когда удастся мне опять
Такого олуха создать!

А жизненная позиция Бернса выражена так:

При всем при том, при всем при том,
Пускай бедны мы с вами, —
Богатство — штамп на золотом,
А золото — мы сами.

Другой шотландец — Вальтер Скотт (1771–1832) — считается основоположником исторического романа. Его сочинения воспроизводят — в художественной форме — быт и нравы былых эпох, исторические события («Пуритане», 1816; «Роб Рой», 1818; «Айвенго», 1820; «Квентин Дорвард», 1823 и др.). Можно сказать, что он проторил путь таким известным представителям жанра, как В. Гюго и А. Дюма (отец).

Стендаль (псевдоним, настоящее имя — Анри Мари Бейль; 1783–1842) великий французский писатель, первый по времени из плеяды романистов, в 17 лет вступил во французскую армию, участвовал в походах Наполеона I, побывал в Москве. Он долго жил в Италии, а с 1830 года был там французским консулом. Первые сочинения посвятил жизни музыкантов, написал «Историю живописи в Италии» (2 тома), сделал описания некоторых итальянских городов. Принесли ему славу романы «Красное и черное», «Пармская обитель», оставшийся неоконченным «Люсьен Левен» («Красное и белое»). Принадлежат ему и блестяще стилизованные «Итальянские хроники».

Из крупнейших американских писателей первым был Фенимор Купер (1789–1851), автор серии романов «Кожаный чулок» («Зверобой», «Последний из могикан», «Следопыт», «Пионеры», «Прерия»). Хотя Купер 5 лет прослужил на флоте и много путешествовал, почти все его сочинения посвящены событиям американской истории, когда примером героизма, мужества, благородства и человеческого достоинства выступали представители индейцев и немногие из европейцев, умеющие ладить с ними и с окружающей дикой природой. Позже Купер едко высмеивал и критиковал американские порядки, нравы, лицемерие («Моникины», «Американский демократ», «Домой», «Дома»), за что подвергался журналистской травле и получил клеймо «неамериканец».

Выдающимся немецким поэтом был Генрих Гейне (1797–1856), родившийся в Дюссельдорфе, в небогатой еврейской семье. Он шутил: «Моя мать любила литературу, и я стал поэтом. А мать моего дяди увлекалась „Приключениями разбойника Картуша“ — и дядя стал банкиром». В университете он поступил на юридический факультет, но охотнее изучал филологию и философию, слушал лекции Гегеля. Первая «Книга песен» вышла в 1827 году. Для стиля Гейне свойственны ясность, легкость, свободомыслие, ирония, остроумие, романтизм (в ранних стихах). После поездки по Европе он издал 4 тома «Путевых картин». За критику феодализма, прусской военщины, корысти и лицемерия церкви был вынужден эмигрировать во Францию. Отрешившись от иллюзий романтизма, он высмеивал пошлые буржуазные ценности. Бог был для него олицетворенной Природой, а Природа — материальным воплощением Бога (пантеизм). Говорят, когда кто-то уговаривал его, тяжело болевшего с 1846 года, вернуться в лоно церкви, дабы заслужить прощение Всевышнего, поэт ответил: «Бог и так простит меня, это его ремесло». В сатирической поэме «Германия. Зимняя сказка», Гейне выступал за единство своей раздробленной родины. Вот некоторые его мысли:

— Что такое побои — это известно всем, но что такое любовь — до этого еще никто не додумался.

— Поступки труса так же, как поступки гения, нельзяпредусмотреть.

— Он глуп, как всякий человек, лишенный сердца. Ибо мысли исходят не из головы, а из сердца.

— Мысль стремится стать действием, слово — плотью… Мир есть отпечаток слова.

Едва ли не самый популярный французский писатель Александр Дюма-отец (1802–1870). Сын республиканского генерала, он с детства отличался независимым нравом и бурным темпераментом. Работая клерком, затем служащим в секретариате герцога Орлеанского, мечтал о славе. В 1825 году написал водевиль «Охота и любовь», через 4 года — драму «Генрих III и его двор», ряд других пьес. Участвовал в Июльской революции 1830 года и с той поры уже нигде не служил. В сороковые годы

в парижской газете стали регулярно публиковаться главы его романа «Три мушкетера», имевшего большой успех. Затем последовали «20 лет спустя», «Виконт де Бражелон», «Королева Марго», «Граф Монте-Кристо» и другие произведения. Дюма весьма произвольно обращался с историческими фактами и личностями. Его путевые заметки полны неточностей, а то и нелепостей (это он написал, что в России пил чай под «развесистой клюквой»). Всего Дюма сочинил, порой с помощью подмастерьев, 250 романов, много очерков, воспоминания, даже поваренную книгу. В его лучших произведениях торжествуют честь, храбрость, дружба и любовь. Его сын Александр (1824–1895) — драматург и писатель, автор 48 драм, из которых наиболее известна «Дама о камелиями» (по роману того же названия), лежащая в основе либретто оперы Джузеппе Верди «Травиата».

Выдающийся французский поэт, писатель и драматург Виктор Мари Гюго (1802–1885) был членом Парижской академии с 1841 года. В его семье существовал идейный разлад: отец был офицером революционной армии, мать — приверженкой королевской власти. Виктор воспитывался матерью, окончил лицей Св. Людовика и в первых своих одах (1822) восхвалял монархию. В дальнейшем его взгляды стали революционно-демократическими. Он написал драмы «Кромвель» (1827) и «Эрнани» (первая постановка в 1830 году), «Рюи Блаз» (1838). Создал образы романтических героев, борцов за свободу, человеческое достоинство. Его драма «Король забавляется» легла в основу либретто оперы Верди «Риголетто». Стал знаменит как поэт во Франции, а всемирную славу принесли ему романы: «Собор Парижской богоматери» (1831) и более поздние: «Отверженные», «Труженики моря», «Человек, который смеется», «93-й год». После прихода к власти Луи Наполеона в 1851 году вынужден был отправиться в изгнание, продолжавшееся 19 лет. Гюго не был сторонником революционных переворотов, однако выступал в поддержку революционеров, подвергавшихся несправедливым наказаниям, в частности П.А. Кропоткина.

«Полное невежество все же предпочтительнее плохого знания» — это утверждение Гюго оказалось верным даже в строгом научном смысле, что подтвердили расчеты Нильса Бора, который исследовал вероятность выигрыша в деловых играх при полном незнании и ограниченном знании (полный невежда выигрывает чаще).

Безусловно, у Гюго есть все основания войти в число избранных литературных гениев. Единственная причина, по которой это не сделано — пришлось отдать предпочтение Бальзаку, романы которого были одновременно исследованиями законов общественной жизни в связи с появлением новых типов личности и переходом к буржуазной цивилизации.

Замечательным поэтом-философом был Федор Иванович Тютчев (1803–1873). Появился на свет в родовом имении Овстуг Орловской губернии. Окончил в 1821 году словесный факультет Московского университета, стал служить в Министерстве иностранных дел и больше двух десятилетий находился за границей на дипломатической работе в

Германии, Италии. Писать стихи начал в юности, а первый успех пришел в 1836 году, когда А.С. Пушкин одобрил ряд его стихотворений и опубликовал в журнале «Современник». Первый сборник стихов Тютчева вышел в 1854 году. Сам поэт не придавал большого значения своему творчеству, хотя о нем с восторгом отзывались многие критики и лучшие русские писатели. Он остается непревзойденным мастером высокой лирики, способным в немногих словах и точных образах раскрыть потаенную суть природы, глубину чувств и мыслей человека, безуспешно стремящегося постичь тайну бытия.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем…

И кому из нас, детей и взрослых, не вспоминались его чарующиестроки:

Люблю грозу в начале мая…

Безусловно, Тютчева с полным основанием следовало бы отнести к величайшим гениям, не будь его современниками Пушкин, Лермонтов, Достоевский.

Особое место среди литераторов занимает Ганс Христиан Андерсен (1805–1875) — датский сказочник, поэт, драматург. Его родители были бедны, добры и очень любили сына. Будущий сказочник сохранил способность верить в чудеса, удивляться миру и одновременно понимать, что и как происходит в действительности. Он глубоко верил в Бога, и это помогало ему переносить лишения и бедность; много читал, любил театр и хорошо знал реальную жизнь. Первый успех пришел к нему в 24 года, когда была поставлена его пьеса. Он окончил университет, путешествовал по Европе, живя впроголодь, писал стихи, сатирические рассказы, комедии, драмы, роман. Первое собрание его сказок увидело свет в 1835 году, и с тех пор и поныне они любимы и детьми и взрослыми.

Огромное значение для русской литературы (а через нее и для мировой) имело творчество Николая Васильевича Гоголя (1809–1852). Родился он в Великих Сорочинцах, на Украине; детство провел в имении отца, принадлежавшего к старинному дворянскому роду, и получил хорошее домашнее образование. Николенька с детства играл в спектаклях (предпочитая комические роли), любил рисовать. Окончил Нежинскую гимназию высших наук. С 16 лет стал сочинять стихи, сатиры, повесть, трагедию. В 1828 году переехал в Петербург. Первые опыты сочинительства окончились неудачей. Поступил на службу и состоял три года чиновником. Посещая литературные салоны, познакомился с В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным. В год окончания служебной карьеры издал «Вечера на хуторе близ Диканьки», имевшие успех у публики и критики.

Короткое время был на должности профессора истории в Петербургском университете. Издал сборники «Миргород», «Арабески», затем петербургские повести. В его произведениях соединились мудрость, юмор, сатира, мистика, философия народная и реалистические образы в самых фантастических порой ситуациях. Его «смех сквозь слезы» проявился прежде всего в «Записках сумасшедшего», «Невском проспекте», «Шинели». Комедия «Ревизор» и первая часть романа «Мертвые души» (рукопись второй части автор сжег незадолго до смерти) показали чиновно-крепостную Россию без прикрас. Его последней работой, проникнутой религиозными идеями, стали «Выбранные места из переписки с друзьями». По словам Гоголя, «непостижимое явление то, что ежедневно окружает нас, что неразлучно с нами, что обыкновенно, то может замечать один только глубокий, великий, необыкновенный талант». «Стоит только попристальнее вглядеться в настоящее, будущее вдруг выступит само собою».

Родоначальником детективного жанра считается замечательный американский писатель, поэт, публицист, критик Эдгар Аллан По (1809–1849). Жизнь его складывалась трудно. Родился он в семье актеров, рано осиротел, был усыновлен богатым торговцем. Своенравный характер не позволил Эдгару завершить образование ни в Виргинском университете, ни в военной школе. Издание трех поэтических сборников не принесло ему ни материального благополучия, ни известности. Первый успех пришел после новеллы «Рукопись, найденная в бутылке», затем последовали приключенческие рассказы (с элементами научной фантастики) и детективные с главным героем сыщиком-любителем Огюстом Дюпеном. Умение строить захватывающий сюжет и сложные логические схемы сочеталось с литературным мастерством. По словам Ф.М. Достоевского, «в его способности воображения есть такая особенность, какой мы не встречали ни у кого: это сила подробностей». Знаменитым стал По в последние годы жизни после публикации поэмы «Ворон» (позже были — «Улялюм», «Колокол»). Писатель опубликовал ряд литературоведческих и философских работ, в числе их оригинальную, с элементами космогонии «Эврику». Среди его шедевров «Падение дома Ашеров», «Вильям Вильсон». В произведениях По причудливо переплетаются мрачные фантасмагории с натуралистическими описаниями, тонкий психологизм с философскими суждениями, научная мысль с игрой воображения и иронией. После смерти молодой жены в 1847 году Эдгар впал в депрессию, стал злоупотреблять алкоголем, наркотиками и умер при невыясненных обстоятельствах. «А в следующем за смертью 1850-м году, — писал его переводчик, русский поэт Константин Бальмонт, — две такие напевности, как „Сон во сне“ и „Эльдорадо“, словно раздавшиеся из-за последней завесы, вставшей между ушедшим и оставшимися, довершили пленительный и вещий лик того, кто, родившись на этой Земле от двух безрассудно влюбленных, всю жизнь оставался влюбленным в мечту и ушел в Неизвестное мечтателем».

Крупнейший английский романист Чарлз Диккенс (1812–1870), по словам его земляка и коллеги Герберта Честертона, был «хорошим человеком, насколько можно быть хорошим в этом странном мире, — смелым, чистым, сострадательным, очень независимым и честным». Родился в семье чиновника. Первые годы жил в достатке и домашних радостях; родителям нравилось, как он поет куплеты и декламирует стихи (артистизм остался у него на всю жизнь). Но когда отец разорился и попал в долговую тюрьму, мальчику пришлось работать на фабрике, где варили ваксу. Эти месяцы были для него сущим низвержением в ад, на дно общества. Тогда же он понял, что именно бедность часто соединяется с честностью, добротой, благородством, когда делятся с ближним не излишками благ, а самым необходимым из скудных запасов. Чарлз решил, что добьется в жизни успеха. Окончил школу, работал клерком у стряпчего, самостоятельно изучил стенографию и сделался классным репортером. А затем последовали романы: «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837), «Оливер Твист» (1838), «Жизнь и приключения Николаса Никльби» (1839), «Домби и сын» (1848), «Давид Копперфильд» (1850), «Крошка Доррит» (1857) и др. Писатель стал знаменит и богат. Он редко покидал Англию и немало ездил по ней с чтением своих произведений. В них добро торжествует над злом, любовь и щедрость — над злобой и жадностью. Его сочинения определенно способствовали улучшению нравов и даже совершенствованию законодательства в Великобритании.

Один из великих русских писателей Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883) родился в семье кадрового офицера в имении матери Спасское-Лутовиново Орловской губернии, где и провел детство. Поступил на словесное отделение философского факультета Московского университета, затем перевелся в Петербург. В 1838 году в журналах были впервые опубликованы его стихи. Продолжил образование в Берлинском университете, изучая философию, историю, древние языки. Защитив в Петербурге магистерскую диссертацию по философии, с 1842 по 1844 год служил в Министерстве внутренних дел. Писал поэмы, критические статьи, рассказы, очерки. Большой общественный интерес вызвали его «Записки охотника», показавшие красоту русской природы и души русского человека, а также уродства крепостного права. Тургенев часто жил в Париже, в дружественной семье певицы Полины Виардо; встречался с различными представителями русского общества, включая революционеров (М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина). С 1850 года он начал публиковать крупные произведения: повести («Дневник лишнего человека», «Муму», «Ася»), пьесы («Провинциалка», «Месяц в деревне», «Нахлебник»), романы («Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети»). Позже в его сочинениях все более проявлялись не только счастье, но и трагедия любви, грусть, разочарование («Призраки», «Дым», «Вешние воды», «Степной король Лир», «Новь», «Стихотворения в прозе»). Умел он шутить:

Я б мог сказать, что был он глуп, как мерин,
Но лошадь обижать я не намерен!

А вот мысль Тургенева, которую очень полезно принять к сведению:

— Не должно забывать, что не счастье, а достоинство человеческое — главная цель в жизни.

Известные французские писатели братья Гонкуры в своем дневнике дали описание миллионера: «Чудовищная фигура с самым плоским, самым низменным, самым страшным лицом, словно лягушачьей мордой… — настоящий сатир царства золота. Это Ротшильд». Чуть позже они познакомились с Тургеневым: «Это очаровательный колосс, нежный беловолосый великан… Он красив какой-то почтенной красотой… Скромный, растроганный овацией, он рассказывает нам о русской литературе, которая вся, от театра до романа, идет по пути реалистического исследования жизни».

Во Франции во второй половине XIX века «властителями дум» будоражившими общественное мнение, были такие очень разные писатели и поэты, как О. Бальзак, В. Гюго, Г. Флобер (1821–1880), Ш. Бодлер (1821–1867), Э. Золя (1840–1902), Ги де Мопассан (1850–1893). Стал преобладать реализм, высвечивающий язвы общества, основанного на стремлении к наживе и комфорту. На этом фоне выглядит убежденным оптимистом Жюль Верн (1828–1905), автор произведений, воспевающих научно-технический прогресс, который открывает человеку необыкновенные возможности в познании и освоении окружающего мира: «Дети капитана Гранта», «20 тысяч лье под водой», «Таинственный остров», «Путешествие к центру Земли», «Путешествие на Луну» и др. Но вот в 1986 году в архиве был обнаружен неизвестный роман Жюля Верна, написанный в 1862 году, «Париж в XX веке». И оказалось, что писатель с гениальной прозорливостью предвидел страшные опасности, подстерегающие техническую цивилизацию, отрешающуюся от высоких духовных ценностей, понятий истинной красоты, благородства, справедливости, человечности, свободы. Торжествует поклонение деньгам, «демону электричества», технический комфорт, пошлость и бессмысленность жизни; последний поэт кончает жизнь самоубийством. Правда, художественные достоинства произведения оставляют желать лучшего. Оно так и не было подготовлено автором к изданию.

Вслед за Жюлем Верном научная фантастика разных жанров становилась все более популярной. Появились и антиутопии («Париж в XX веке» можно отнести к их числу), которые слишком часто оказываются близки к реальности. Это литературное направление с середины XX столетия стало постепенно вырождаться: написано слишком много развлекательных сочинений такого рода, лишенных глубины мысли и чувств. Сказалось господство кино и телепродукции, где фантастические картины представлены ярко, зримо, динамично, легко усвояемая поп-арт-продукция.

Нечто подобное произошло и с художественной литературой вообще В конце XIX — первой трети XX века в разных странах выходило множество замечательных произведений писателей и поэтов Европы, Америки, Индии, Китая, Японии. Называть их поименно не имеет смысла, а даже краткие характеристики заняли бы слишком много места. Произошла, можно сказать, яркая вспышка литературного творчества, вызванная в значительной мере тем высоким авторитетом, которым оно пользовалось в обществе. Теперь уже не религиозные или политические деятели, не философы или ученые стали «властителями дум», а писатели-мыслители, прежде всего.

Достоевский и Толстой. После этих двух высочайших вершин вряд ли можно назвать кого-то соразмерного им. Хотя, безусловно, у многих читателей были и остаются свои любимейшие писатели, благо что ими не обеднела литературная нива, а разнообразие жанров и стилей приблизилось, по-видимому, к своему пределу. Для нас, представителей русской культуры, хотелось бы отметить несколько литераторов из наиболее выдающихся.

Чехов Антон Павлович (1860–1904) родился в городе Таганроге в семье купца, владельца бакалейной лавки. В 1879 году отец разорился, семья переехала в Москву, оставив Антона одного. Он подрабатывал репетиторством и, окончив гимназию, поступил на медицинский факультет Московского университета. Еще студентом сотрудничал в юмористических журналах, подписываясь «Антоша Чехонте», «Человек без селезенки» и пр. Первый сборник «Сказки Мельпомены» вышел в 1884 году, за ним последовали «Пестрые рассказы». Остроумные миниатюры сменились серьезными крупными произведениями: «Степь», «Скучная история». К этому времени он, окончив университет, работал земским врачом; опубликовал сборник «В сумерках», затем последовали пьесы «Иванов», «Свадьба»; водевили «Медведь», «Предложение». В 1890 году совершил поездку на остров Сахалин, опубликовав позже путевые очерки. Он купил имение Мелихово в Серпуховское уезде, помогал крестьянам в годы голода и холеры. Первое представление его комедии «Чайка» в 1896 году в Петербурге провалилось, зато второе через два года во Московском художественном театре прошло с триумфом. Он писал замечательную прозу, но всемирно прославился своими пьесами: «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад». Творил он в полном соответствии со своим принципом: «Краткость — сестра таланта». Утверждал: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и чувства, и мысли. А праздная жизнь не может быть чистою». «Правда и красота всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на Земле».

В России после 1917 года с полной откровенностью была подчеркнута социально-политическая роль литературы, которая получила название «советской», а генеральное направление творчества — «социалистический реализм» (понятие весьма неопределенное). Его

основоположником принято считать Максима Горького (1868–1936). Родился он в Нижнем Новгороде в семье столяра-краснодеревщика. Мать была дочерью владельца красильного завода, у которого и воспитывался в детские годы Алексей Максимович Пешков (таково настоящее имя и фамилия писателя). Он рано потерял отца, в 11 лет пошел «в люди», зарабатывая себе на жизнь. Посещал просветительские кружки, упорно занимался самообразованием. В поисках смысла жизни и для познания России странствовал. В 1889 году его арестовали как причастного к революционерам-народникам и затем какое-то время находился под надзором полиции. Через три года был опубликован первый рассказ Горького «Макар Чудра». Он стал сотрудничать в журналах Нижнего Новгорода, Самары. Большой общественный резонанс вызвали «Песня о Соколе» (1895) и «Песня о Буревестнике» (1901), повесть «Фома Гордеев», пьесы «Мещане» и «На дне» (1902). Горького избрали почетным академиком, но Николай II не утвердил его кандидатуру. Революционному движению были посвящены роман «Мать» и пьеса «Враги». После 1905 года писатель много жил за границей, лечился в Италии. Приветствовал революционный переворот в России, но резко критиковал большевиков и В.И. Ленина за террор и установление военной диктатуры (очерки «Несвоевременные мысли»). Позже признал Советскую власть, дружил с И.В. Сталиным, организовал Союз писателей СССР и стал его председателем, много работал как редактор, просветитель. Он оставил большое литературное наследие, в частности крупный незавершенный роман «Жизнь Клима Самгина».

Выдающимися советскими писателями были эпичный Михаил Шолохов и яркий оригинальный Андрей Платонов. Однако наибольшая слава выпала на долю Михаила Афанасьевича Булгакова (1891–1940). Родился он в семье преподавателя Киевской духовной академии; окончив медицинский факультет Киевского университета, работал земским врачом в Смоленской губернии (этому периоду жизни посвятил цикл рассказов). Служил военным врачом в Белой армии, пройдя с ней путь от Киева до Северного Кавказа (роман «Белая гвардия», пьесы «Бег», «Дни Турбиных»). С 1919 года начал выступать в печати как профессиональный журналист, сочиняя фельетоны, рассказы (сборник «Дьяволиада»), повести («Роковые яйца», «Собачье сердце»). Его пьесы с успехом шли в театрах, в частности во МХАТе, «Зойкина квартира», «Багровый остров», «Мертвые души», «Кабала святош», «Последние дни. Пушкин». На него резко обрушились критики-идеологи за произведения, честно рассказывающие о Гражданской войне. Писателя спасло покровительство И.В. Сталина, высоко ценившего его талант. В последние годы до конца жизни Булгаков создавал роман «Мастер и Маргарита» — одно из самых замечательных литературных произведений XX века, раскрывающий вечные проблемы бытия: добра и зла, любви и ненависти, пошлости и высокой духовности, прозябания и творчества.

Среди советских поэтов были блестящие мастера, заявившие о себе еще в дореволюционное время (Александр Блок, Валерий Брюсов, Андрей Белый, Максимилиан Волошин, Велимир Хлебников, Николай Гумилев,

Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Марина Цветаева, Анна Ахматова). Среди них мы выделим двух.

Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930) родился в грузинском селе Багдади в семье русского лесничего. После смерти отца семья в 1906 году переехала в Москву. Бунтарь по складу характера и ума, Володя уже в гимназии вступил в революционный кружок, стал членом партии большевиков, а в 16 лет угодил в Бутырскую тюрьму. В 1911 году поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Писал стихи и рисовал, разрывая традиции. Называл себя футуристом (от латинского слова «футурум» — будущее); резко отвергал буржуазные ценности старался ошеломить и привести в негодование обывателя. В 20 лет он сочинил поэму-трагедию «Владимир Маяковский», несколько отличных стихотворений. Провозгласил:

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают —
Значит — это кому-нибудь нужно?

В журнале «Новый сатирикон» публиковал острые сатиры, «гимны» судье, ученому, взятке. Вершинами его творчества стали поэмы «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник», «Война и мир», «Человек». В 1917-м написал: «Моя революция. Пришел в Смольный. Работал. Все, что приходилось». В двадцатые годы созданы «Мистерия-буфф» (театрально-цирковое агитационно-политическое представление) и революционная поэма «150000000». Но тогда же было и задушевное «Хорошее отношение к лошадям». Поэт работал на советскую власть, строящую новую жизнь в обновленной стране. Побывав в капиталистических государствах, он лишь укрепился в своих убеждениях («Париж», «Стихи об Америке»).

Хотя умел и хлестко критиковать советских чиновников («Прозаседавшиеся»). Писал он и о любви («Про это», «Люблю»). Но главной оставалась патриотическая и агитационная тема (поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо», «Во весь голос»). Пьесы его бичевали новых советских мещан-приспособленцев — «Клоп», «Баня» — тех самых, которые через полвека все-таки произвели успешную вторую буржуазную революцию в России.

Сергей Александрович Есенин (1895–1925) — из крестьян села Константиново Рязанской губернии. После сельского училища окончил церковно-учительскую школу. В 1912 году переехал в Москву, работал в типографии, слушал лекции в Народном университете им. Шанявского, вступил в литературно-художественный кружок. Опубликовал первые стихи в 1914 году, а через год — сборник «Радуница». В Петрограде познакомился с А. Блоком, Н. Клюевым. По его словам, «в годы революции был всецело на стороне Октября, но понимал все по-своему, с крестьянским уклоном», добавим, с анархическим пониманием свободы. Усиление государственной власти и вторжение техники в жизнь наводили на него тоску:

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

О его жизненном пути говорят и названия стихотворных сборников: «Преображение», «Сельский часослов», «Исповедь хулигана», «Стихи скандалиста», «Москва кабацкая», «Русь советская», «Персидские мотивы». Ему принадлежат поэмы: «Сорокоуст», «Пугачев», «Баллада о двадцати шести» (Бакинских комиссарах), «Анна Снегина», «Черный человек»; пьеса «Страна негодяев». В 1922–1923 годах с женой, известной танцовщицей-реформатором Айседорой Дункан, побывал в Германии, Франции, Италии, Бельгии, Канаде, США. Главное впечатление: «Родные мои! Хорошие! Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом? В страшной моде Господин доллар… Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа…» Но и новая Россия его не устраивала; он покончил жизнь самоубийством.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне…

Завершая этот краткий обзор истории литературы в биографиях, надо еще раз подчеркнуть, что великих поэтов, прозаиков, драматургов было значительно больше, чем включено в число избранных гениев. Наш выбор определен не столько личными симпатиями, сколько традиционным общественным мнением. Среди литераторов было немало блестящих «ювелиров слова», великолепных стилистов. Но сама по себе выразительность произведения остается формальным признаком, ибо слова должны быть одухотворены мыслью, без которой они превращаются в набор звуков. А если благозвучно воспевается пошлость и убогие чувства, то это свидетельствует о деградации культуры.

Впрочем, во второй половине XX века печатное слово серьезно обесценилось и отступило на задний план под напором технических средств воздействия на массовое сознание (радио, кинематограф, телевидение, аудио— и видеопродукция, компьютер), а также невиданный прежде политизации и коммерциализации — что в принципе одно и то же — всех видов искусств и словесности.

А теперь пора перейти к избранным литераторам, начиная с далекой древности. Конечно же их произведения следует читать, не удовлетворяясь пересказами и общими сведениями. Поэтому приведем фрагменты из их сочинений, не уделяя большого внимания биографическим сведениям.

ГЕСИОД

(VIII век до н. э.)

Этот древнейший из известных нам греческих поэтов жил во второй половине VIII века до н. э. Отец его переселился из Малой Азии в Беотию (Центральная Греция), где приобрел небольшое имение на склоне горы Геликон. Там юный Гесиод пас своих овец и, потрясенный великолепием и величием природы, впервые попытался слагать стихи, песни. После смерти отца брат Перс отсудил у него наследственные земли. Это событие Гесиод отразил в поэме «Труды и дни», назвав несправедливых и продажных судей «пожирателями даров». Но главное в поэме — размышления о жизни человеческой, о тягостях и радостях труда земледельца. От золотого к железному веку, отмечает автор, портится человеческая природа:

Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела.
Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги.
В пирах они жизнь проводили,
А умирали, как-будто объятые сном.
Недостаток
Был им ни в чем не известен.
Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли.
Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно сбирая богатства…
…Землю теперь населяют железные люди
Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя
И от несчастий.
Заботы тяжелые боги дадут им…
Чуждыми станут приятель приятелю, гостю — хозяин.
Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то;
Старых родителей скоро совсем почитать перестанут…
И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохранитель,
Ни справедливый, ни добрый.
Скорей наглецу и злодею
Станет почет воздаваться.
Где сила, там будет и право.
Стыд пропадет…

В другой эпической поэме — «Теогония» («Происхождение богов») — Гесиод повествует о сотворении мира из хаоса, рождении богов, их жизни на небе и деяниях на земле. От других его сочинений сохранились только фрагменты. Как поэт Гесиод был признан и прославлен при жизни. А сам он прославлял богов и труд:

Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает, подобно безжальному трутню, который

Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых.
Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвеньем —
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары.
Труд человеку стада добывает и каждый достаток.
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
Вечным богам, как и людям; бездельники всякому мерзки.
Нет никакого позора в работе — позорно безделье.

Высказывания Гесиода:

— Разны суждения у разных, но верное мало кто знает.

— Если и малое даже прикладывать к малому будешь. Скоро большим оно станет, прикладывай только почаще.

Мысль простая, но очень верная и часто забываемая. Так, натуралисты много столетий исходили из того, что для крупных перемен на земле требуется воздействие мощных катастрофических сил: необычайных землетрясений, громоздящих горы, всемирного потопа (в наше время предполагают столкновение гигантских плит земной коры). Однако малые силы, действуя постоянно и долго, производят в конце концов колоссальные перемены. Впрочем, Гесиод имел в виду прежде всего упорный и последовательный труд человека.

Пользу труда он понимал не абстрактно, а вполне конкретно — как средство для того, чтобы стать «богатым, на зависть ленивцам». Ибо «Стыд — удел бедняка, а взоры богатого смелы». Но только в том случае, как подчеркивает Гесиод, если богатство нажито честным трудом, а не насилием захвачено или обманом. Завет Гесиода:

Слушайся голоса правды и думать забудь о насилье.
Ибо такой для людей установлен закон Громовержцем:
Звери, крылатые птицы и рыбы, пощады не зная,
Пусть поедают друг друга: сердца их не ведают правды.
Людям же правду Кронид даровал — высочайшее благо.

Как видим, правду Гесиод толкует широко, соединяя ее с милосердием, состраданием, справедливостью. Однако вокруг себя он не усматривает торжества правды, так что приходится и самому моралисту отступать от нравственного закона:

Нынче ж и сам справедливым я быть меж людей не желал бы,
Да заказал бы и сыну; ну, как же тут быть справедливым,
Если чем кто неправее, тем легче управу находит?

Однако такое положение, по-видимому, Гесиод считал временным. Не случайно же он восклицает:

Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.

Значит, остается надежда, что за поколениями золотого, серебряного, бронзового, героического и железного веков придет новое,

для которого высшими ценностями будут завещанные богами Труд и Правда. И хотя в общем историография Гесиода предполагает не постоянный прогресс, а постепенный регресс человечества (во всяком случае от века героев — к железному), она не исключает на этом пути отдельные подъемы духа.

ЭЗОП (ЭСОП)

(VI век до н. э.)

О его жизни известно немного: ведь он был рабом. Даже век, когда он жил, определяется приблизительно. По-видимому, служил он у хозяина во Фригии (Малая Азия), затем был отпущен на свободу. Некоторое время вроде бы находился при дворе лидийского царя Креза, а позже попал в Дельфы, был обвинен жрецами в святотатстве и сброшен со скалы. Насколько верна такая версия, трудно сказать. Так или иначе, Эзоп не только сочинял, но и собирал народные поучительные и остроумные истории — басни. Вот одна из них:

Умирая, позвал крестьянин своих сыновей и говорит: «Дети мои, в нашем винограднике вы найдете все, что я имел». После его смерти сыновья перерыли весь виноградник в поисках сокровищ. Клад они не нашли, зато хорошо вскопанная почва дала обильный урожай винограда. Ведь истинное сокровище — умение и желание трудиться.

Эзоп отличался не только остроумием, но и мудростью. Его считают первым баснописцем. Насколько верно такое мнение, судить трудно, ибо большой сборник его поучительных притч был составлен лишь в Средние века. Вполне возможно, что многие басни Эзопа — пересказы, а иные не имеют отношения к нему. Он сам превратился в личность легендарную, символичную, о нем сохранилось немало анекдотов.

Рассказывают, что однажды хозяин Эзопа приказал рабам готовиться к дальней дороге. Эзоп взял тяжелую корзину с хлебом, тогда как другие выбрали поклажу полегче. После первого привала его корзина уменьшилась в весе, а после обеда стала легче наполовину. Только тогда всем стало ясно, что Эзоп оказался дальновидным.

В другой раз Эзоп шел по улице и встретил судью. Тот, подозревая, что раб отлынивает от работы, строго опросил:

— Куда ты идешь?

— Не знаю, — ответил Эзоп.

— Ты лжешь? — вскричал судья и приказал отправить его в тюрьму.

— Как видишь, я сказал чистую правду, — оказал Эзоп. — Разве мог я знать, что попаду в тюрьму.

Судья рассмеялся и отпустил его.

Многие басни Эзопа впоследствии пересказывались талантливыми писателями и поэтами, например, Лафонтеном во Франции, И.С. Крыловым в России. При этом древние притчи обретали новое звучание и отшлифовывались, подобно алмазам, которые превращаются вбриллианты.

Интересна притча Эзопа «Бедняк»:

У бедняка была деревянная статуя бога. «Сделай меня богатым», — молился он ей, но молитвы его оставались напрасны, и он сделался еще беднее. Зло взяло его. Схватил он божка за ногу и ударил об стенку головой. Вдребезги разлетелась фигурка и из нее высыпалась горсть червонцев. Собрал их счастливец и говорит: «Низок же и глуп ты, по моему

мнению: почитал я тебя — ты не помог мне, хлопнул об угол — послал великое счастье».

Кто обращается с негодяем ласково — остается в убытке, кто поступает с ним грубо — в барыше.

Но в данном случае не менее уместна мораль, содержащаяся в старой русской пословице: «На Бога надейся, да сам не плошай».

ЭСХИЛ

(525–456 до н. э.)

Старейший греческий драматург, которого называют «отцом трагедии», родился в городе Элевсине в семье знатного крупного землевладельца. Участвовал как тяжеловооруженный воин в сражениях с персами при Марафоне и Саламине. В 500 году до н. э. впервые поставил свою пьесу и с тех пор 13 раз побеждал в соревнованиях драматургов. Дважды он по каким-то невыясненным причинам уезжал из Афин, к тирану Гиерону в Сицилию, где и умер.

Около 90 пьес написал Эсхил — хотя из них дошло до нас только 7. В некоторых сочинениях он повествует о реальных событиях и персонажах («Персы»), но чаще в них действуют мифические герои, что вовсе не означает, будто они далеки от реальности. Напротив, появляется возможность вести речь о вечном, о высших проявлениях человеческих чувств и мыслей.

Силе рока, судьбы, воле богов противостоит свободный человек, не теряющий собственного достоинства даже при смертельной опасности. Эсхил видел унижение и посрамление человека в том, что устанавливается власть ростовщичества, денег. Он прославлял упорство людей, сражающихся за справедливость, за свободу, за родину. В трагедии «Персы» звучит призыв:

Вперед, сыны Эллады, устремитесь в бой!
Освободите алтари родных богов,
Детей и жен своих.
Ведь бой идет за все!

Подлинный гимн величию творческой личности, готовой идти на муки ради блага людей, — трагедия Эсхила «Прометей прикованный». Главный герой совершает подвиг, зная, что ждут его не почести, а беды:

…Ведь раньше я и сам
Предвидел все грядущее, и нет
Нежданных бедствий для меня. Я должен
Свою судьбу переносить легко:
Нельзя преодолеть Необходимость.
Но тяжко и молчать и говорить
Об участи моей. Ведь я, злосчастный,
Страдаю за благодеянья смертным.
Божественное пламя я похитил…

Не только природный огонь принес людям Прометей, но и свет знаний, потому что —

Раньше люди
Смотрели и не видели и, слыша,
Не слышали, в каких-то грезах сонных
Влачили жизнь…

Прометей научил людей искусствам и ремеслам, науке чисел и грамоте, изобрел корабли, а за все это был жестоко наказан Зевсом. Царь богов представлен Эсхилом как деспот, чуждый сочувствия и справедливости. Смело обличает его Прометей:

Как только он воссел на отчий трон,
Сейчас же начал и почет и власть
Распределять меж новыми богами,
А о несчастных смертных позабыл.
И даже больше: уничтожить вздумал
Весь род людской и новый насадить.
И не восстал никто за бедных смертных,
А я дерзнул…

В ответ на предложение-приказ Гермеса сообщить Зевсу о том, кто его свергнет, обладающий даром пророчества Прометей отвечает гордо:

О, как звучит напыщенно и гордо
Вся эта речь прислужника богов.
Вы думаете, новые цари,
Что вечно вам блаженствовать в твердынях?
Но разве я не видел, как с Олимпа
Упали два тирана? И увижу,
Как третий, ныне правящий, падет —
Падением позорнейшим и скорым.

Действительно, боги — не воины, и с упадком Греции Зевс уступил свое место Юпитеру, да еще позже и все античные божества были «свергнуты» христианством. Какими бы ни представляли себе люди неведомых небесных и земных владык, главное, что оправдывает их существование — чувство собственного достоинства, духовная свобода и творческие дерзания. Одним из первых, кто заявил об этом, был Эсхил.

СОФОКЛ

(496–406 до н. э.)

Афинский драматург-трагик и государственный деятель родился в городе Колоне близ Афин в знатной семье и получил хорошее образование. Был хранителем казны Афинского морского союза, в 441-м — стратегом (главнокомандующим) вместе с Периклом. Был признан как драматург в 468 году до н. э., одержав победу над Эсхилом в театральном состязании. Из 123 его пьес до нас дошло лишь 7: «Эдип-царь», «Антигона», «Электра», «Филоктет»… До преклонных лет Софокл не терял политической активности, находился в оппозиции к установившейся в Афинах

демократии, принимал участие в перевороте 411 года до н. э. и умер спустя 5 лет.

В его творениях обычны мифологические сюжеты, раскрывающие темные глубины и светлые высоты человеческой души. Например, Антигона поступает вопреки царскому запрету по велению нравственного долга, сердца, совести, несмотря на смертельную опасность:

КРЕОНТ. Вовек не станет другом и умерший враг.
АНТИГОНА. Не ненавидеть, но любить родилась я.

Вот что произносит хор из той же трагедии:

В мире много сил великих,
Но сильнее человека
Нет в природе ничего.
Мчится он, непобедимый,
По волнам седого моря,
Сквозь ревущий ураган…
Создал речь и вольной мыслью
Овладел, подобной ветру, —
И законы начертал,
И нашел приют под кровлей
От губительных морозов,
Бурь осенних и дождей.
Злой недуг он побеждает,
И грядущее предвидит
Многоумный человек.
Только не спасется,
Только не избегнет
Смерти никогда.
И гордясь умом и знаньем,
Не умеет он порою
Отличить добро от зла.
Человеческую правду
И небесные законы
Ниспровергнуть он готов.

Трудно сказать, насколько внимательно читал австрийский психиатр Зигмунд Фрейд миф об Эдипе и одноименную трагедию Софокла, но пресловутый «эдипов комплекс» (бессознательное половое влечение к матери у сына и ненависть к отцу; у женщин «комплекс Электры») фрейдовского психоанализа не имеет общего с этой легендой древних греков. Ведь в ней не идет речь о любовной страсти сына к матери, из-за которой он совершил отцеубийство. В том-то и дело, когда услышал от Дельфийского оракула, что ему суждено убить отца и совершить инцест, он уходит от вскормившей его семьи, не догадываясь, что был усыновлен, и уже в своих странствиях по воле рока встречается, того не подозревая, с родным отцом и матерью. Никакого «эдипова комплекса» тут нет. Мудрые греки подчеркивали силу судьбы, от которой, как говорится, не уйдешь.

Эдип восклицает: «О смерть! Ужель я, сам не сознавая, Себя проклятью страшному обрек?»

Трагедия показывает, насколько шатко счастье на Земле и как быстро оно может обернуться бездной горя. Об этом говорится в финале:

О сыны земли фиванской! Вот, глядите; вот Эдип,
Он, постигший мудрость Сфинкса, он прославленнейший царь.
Всем тогда была завидна доля баловня Судьбы —
И она ж в пучину горя ввергла страшную его.
Жди же смертный, в каждой жизни завершающего дня;
Не считай счастливым мужа под улыбкой божества.
Раньше, чем стопой безбольной рубежа коснется он.

Можно лишь удивляться, как эпический миф об Эдипе породил через 24 столетия научный миф об «эдиповом комплексе», которому поверили очень многие специалисты. В XX веке люди слишком часто стали полагаться на внушенные им модные мнения, а не на свой ум и здравый смысл. Хотя еще Софокл высказал верную мысль, что разум, дар богов, «из всех, на свете сущих благо высшее». И другое суждение Софокла, с которым трудно не согласиться. Благородный Орест, карая за преступление Эгисфа, сетует на то, что справедливое возмездие подчас слишком запаздывает:

И то уж, вред, что не тотчас злодеев
За их деянье настигает казнь,
Тем и плодится нечестивцев племя.

Наконец, на все века остается, к сожалению, упрек, который бросила Антигона затеявшим перебранку Эдипу и Креонту (первый требовал почтения к царю, имея в виду себя, второй уточнял — но только достойному):

Несчастные! Теперь ли время ссоре
Бессмысленной? Страдает весь народ,
А вас заботят личные обиды.

ЕВРИПИД
(ок. 480–406 до н. э.)

Родился он на острове Саламин, жил и творил в Афинах и лишь к концу жизни удалился в Македонию, находился при дворе царя Архелая. Предполагается, что написал Еврипид около 90 пьес (до нас дошло лишь 19). Сюжеты его трагедий в основном мифологические, но действующие лица выписаны им реалистично, с чертами положительными и отрицательными, подчас противоречивыми. Впрочем, афинское общество в ту пору переживало трудности, социальные противоречия.

Еврипид критиковал демагогов, политических ораторов и восхвалял сельских тружеников; ориентировался на патриотические идеалы героической эпохи Перикла, когда торжествовало народовластие. Новаторство и реализм Еврипида не сразу нашли признание у зрителей.

Его трагический пафос высмеял Аристофан в своей комедии «Лягушки». Еврипид считал — не без основания! — что его недооценивают в Афинах, и потому покинул их в 468 году до н. э. После смерти великого драматурга его произведения становились все более популярными. Они оказали влияние на римских авторов, а также на развитие драматургии в Европе. И неудивительно. Герои Еврипида очень жизненны, реплики точны, умны и остроумны, а поступки порой неожиданны, как это нередко бывает в действительности. В одной из ранних своих трагедий — «Алкестида» — он показывает, как любовь побеждает смерть: царь Адмет, обреченный богиней Артемидой на гибель, остается в живых, ибо ради него жертвует собой его жена, Алкеста, когда на такой поступок не решились его престарелые родители. Безутешный муж (который, однако, дал жене умереть вместо себя) начинает препираться с отцом. Тот, вовсе не испытывая всепоглощающей родственной любви к сыну, рассуждает:

А право, как подумаешь, что век
В земле лежать, так этот промежуток
Короткий здесь еще дороже станет…
Примером — ты. Бесчестно в бой вступил
С судьбою ты, чтоб смерти день отсрочить;
Жену убив, ее живешь ты жизнью…

Далее следует диалог. Некоторые реплики отца язвительны и смешны, более подходящи для комедии:

— Почаще жен меняй, целее будешь.

Сын, упрекая отца за страх смерти, напоминает:

— Умрешь и ты — зато умрешь бесславно. До мертвого бесславье не доходит. Такой старик… И хоть бы тень стыда…

Отец, указывая на труп его жены, парирует:

— Вот в этой был и стыд, да без рассудка.

Бытовой спор у бездыханного тела самоотверженной женщины производит комический эффект. Тем более что завершающая сцена разрушает строй трагедии: появляется Геракл, отбирает Алкесту у бога смерти и возвращает живой и здоровой мужу. Такой неожиданный и немотивированный счастливый финал, возможно, нравился публике, но снижал трагедийный накал. Пожалуй, Еврипида можно считать основоположником трагикомедии и драмы.

Одна из наиболее популярных трагедий Еврипида — «Медея». Она посвящена дочери царя Колхиды, волшебнице, которая, влюбившись в греческого героя Ясона, помогает ему — вопреки интересам родины — добыть золотое руно. Она бежит из отчего дома, в Греции у них с Ясоном рождаются двое детей, но он ей изменяет, решив жениться на царской дочери. Мучимая ревностью и отчаянием, желая отомстить супругу, она убивает невесту Ясона, ее отца и своих детей. Надо заметить, что сюжет и смысл мифа о Медее и Ясоне значительно сложней и философичней; там герой приходит к краху, полагаясь не на свои силы, а на могущество колдуньи-Медеи. Драматург сознательно переводит трагедию в психологическую плоскость. Медея, лаская детей, произносит:

О сладкие объятья,
Щека такая нежная, и уст
Отрадное дыханье… Уходите,
Скорее уходите. Силы нет
Глядеть на вас. Раздавлена я мукой…
На что дерзаю, вижу… Только гнев
Сильней меня, и нет для рода смертных
Свирепей и усердней палача…

Интересна в этой сцене реплика хора; в греческой трагедии он выступает как действующее лицо; в данном случае он женский:

Люблю я тонкие сети
Науки, люблю я выше
Умом воспарять, чем женам
Обычай людей дозволяет…
Есть муза, которой мудрость
И наша отрадна; жены
Не все ее видят улыбку —
Меж тысяч одну найдешь ты, —
Но ум для науки женский
Нельзя называть закрытым.

Мысль для нас тривиальная, но для древности совершенно не характерная (ведь даже до середины XIX века общественное мнение отказывало женщинам в способности к точным и естественным наукам). Несмотря на то что Медея совершает страшные злодеяния, она должна, по-видимому, вызывать понимание и даже сочувствие; во всяком случае, у нее есть ответ на все обвинения, которые бросает ей Ясон (она ведет диалог в колеснице, запряженной крылатыми драконами, держа на коленях тела своих убитых детей). Заключительная тирада хора о неожиданности некоторых событий — счастливых и ужасных — может вызвать недоумение своей обыденностью и примитивностью. По сути дела трагедия демонстрирует раздирающие душу противоречия, в которых любовь отступает перед напором ярости, обиды и жажды мщения.

Вообще, образы женщин у Еврипида интересней и ярче, чем у его предшественников. В трагедии «Электра» едва ли не самые оригинальные мысли — о чести и благородстве, которые определяются не происхождением, знатностью, высоким положением в обществе, а душевными качествами данного человека. Мать Электры выдает ее замуж за простого пахаря. Но он оказывается достойнейшим человеком, и Электра отвечает ему любовью и заботой. Неузнанным посетивший их дом ее брат Орест встречает радушный прием у пахаря и с удивлением отмечает:

Узнай, поди, какая кровь течет
У человека в жилах; разберись

В сердцах людей средь этой ткани пестрой:
В семье вельмож растет негодный сын —
И добрые у злых выходят дети.
Богач в душе пустыню обнажит,
А светлый ум под рубищем таится.
Чего-чего ни наглядишься! Где ж
И в чем искать мерила? Если в деньгах,
Обманешься… И в бедности — обман:
Нужда — плохой учитель… гордецы, оставите ль вы нас
По знатности делить, забывши душу?
Иль в жизни кровь, не мягкий нрав людей
Достойными являет?..

Царский сын, Орест, приходит к выводу: «У бедняка радушный прием милей, чем ласки богача». В общем, драматург на стороне трудового человека, имеющего доброе сердце. А еще требуются гражданину мужество и патриотизм, готовность отдать жизнь за родину. Об этом — трагедия «Ифигения в Авлиде». Она повествует о дочери царя Агамемнона, которую надо принести в жертву ради победы греков над троянцами. Ифигения умоляет отца пощадить ее, напоминает ему о своем детстве, о его любви к ней, об ужасе безвременной кончины:

Для смертного отрадно видеть солнце,
А под землей так страшно… О, безумен,
Кто смерти жаждет. Лучше жить в невзгодах,
Чем в самой яркой славе умереть.

Отец непреклонен:

Я так решил: Эллада мне велит
Тебя убить… ей смерть твоя угодна,
Хочу ли я иль нет, ей все равно:
О, мы с тобой ничто перед Элладой…

Воины требуют выдачи Ифигении. В ее защиту готов выступить Ахилл. Перед угрозой междоусобицы Ифигения решает добровольно принести себя в жертву во имя отчизны, ради свободы своего народа: ведь вся Эллада смотрит на нее с надеждой? Теперь Ифигения непреклонна в своем решении, прощается с Ахиллом и родителями, идет к жертвеннику на заклание.

Впрочем, трагедии не происходит: в последний момент появляется Артемида, запрещает проливать на алтарь человеческую кровь и подменяет девушку ланью. Драматург выбрал вариант мифа, в котором утверждается отказ от принесения в жертву людей (что практиковалось в архаические времена). Подчеркивается мысль, что боги за тех, кто готов умереть за родину.

АРИСТОФАН
(ок. 450–385)

Идея Гесиода о скоротечности героического века подтверждается всем ходом мировой истории (нам достаточно вспомнить героический период СССР и бесславное его завершение). Об этом в XIX веке хорошо сказал анархист и философ М.А. Бакунин: «Но героические времена скоро проходят, наступают за ними времена прозаического пользования и наслаждения, когда привилегия, являясь в своем настоящем виде, порождает эгоизм, трусость, подлость и глупость. Сословная сила обращается мало-помалу в дряхлость, в разврат и бессилие».

Вот и греческое общество, после славного века Перикла, Сократа и великих трагиков словно устало от трагического напряжения жизни. Все большей популярностью стали пользоваться комедии. К сожалению, трудно судить об их общем уровне: до нас дошли только произведения прославленного комедиографа Аристофана. Сведений о его жизни совсем немного: родился на о. Эгина в состоятельной семье, в молодости поставил свою комедию «Пирующие», получив признание. Из 40 его комедий сохранилось 11. Осмеивал моральное разложение рабовладельческой демократии, пустые умствования софистов, демагогию, жажду денег и богатства, страсть к сутяжничеству. Нередко прибегал к гиперболам, гротеску, парадоксам. Наиболее прославлены его комедии «Всадники», «Облака», «Осы», «Лягушки», «Лисистрата» (в последней, как в некоторых других, он выступает поборником мира, против Пелопонесской войны). Аристофан высмеивал утопические проекты переустройства общества, прибегая к гротеску. Один персонаж основывает птичье государство («Птицы»), другой устанавливает сепаратный мир со Спартой только для своей семьи («Ахарняне»).

В некоторых случаях его комедии затрагивали философские и религиозные проблемы. Особенно круто расправляется Аристофан с софистами, во главе которых он ставит Сократа («Облака»). Отец, впавший в отчаяние от долгов сына, советует ему поучиться в «мыслильне» у софистов, умеющих превращать грязную ложь в чистую правду:

Мыслильня эта для умов возвышенных.
Здесь обитают мудрецы. Послушать их,
Так небо — это просто печь железная,
А люди в этой печке — словно уголья.
Того, кто денег даст им, пред судом они
Обучат кривду делать речью правою.
— Но кто ж они?
— Не знаю точно имени:
Мудрило-заводилы благородные.
— А, знаю, негодяи, бледнорожие,
Бахвалы, плуты, люди босоногие,
Дурак Сократ и Херефонт помешанный.

Потешаясь над Сократом, Аристофан пересказывает взгляды философов на природную, а не божественную, причину грома и молнии, дождя. Вместе с тем некоторые пассажи комедии совершенно определенно обвиняют Сократа в атеизме, отрицании богов и — что уже граничит с государственным преступлением — распространением подобных идей

среди граждан. Сократ поучает:

— И не будешь иных ты богов почитать, кроме тех, кого сами мыславим.
Безграничного Воздуха ширь, Облака и Язык — вот священнаятроица.
— И словечка другим я теперь не скажу, не признаю, на улицевстретив.
Им молиться не буду, вина не пролью, фимиама ни крошки не кину.

Признаться, все это похоже на политический донос со стороны великого комедиографа. Как знать, не сказалось ли такое обвинение с театральных подмостков на трагической судьбе Сократа, осужденного афинянами именно за отрицание богов, нежелание им поклоняться и пропаганду таких взглядов? Хотя в комедии поучения философа нужны Стрепсиаду вовсе не в общественно-политических целях. Когда к нему обращается Повелительница Облаков:

— Мы исполнить согласны желанье твое. С этих пор на собраньях народных
Чаще всех ты сумеешь решенья свои проводить, побеждая речами.
— Я решений больших проводить не хочу, и совсем мне не этогонадо:
Я закон обернуть вокруг пальца хочу, обмануть одолживших мнеденьги.

На вопрос Сократа о силе его памяти Стрепсиад сообщает, что память у него не простая, а двойная: если кто-то ему должен, он это помнит прекрасно, а вот о своих долгах вмиг забывает. Впрочем, поучения философа не идут ему впрок, и в конце концов Стрепсиад, побитый своим собственным сыном, поджигает мыслильню Сократа.

Надо заметить, что Аристофан, обвиняя Сократа в безбожии, сам позволял себе весьма смелые и недвусмысленные высказывания на этот счет. Вот остроумный диалог двух слуг:

— А лучше бы всего нам в нашем деле
Повергнуться пред алтарем богов.
— Пред алтарем? В богов ты, братец, веришь?
— Я верю.
— Чем же их докажешь ты?
— Мне бог враждебен, стало быть… он есть.
— Ты убедил меня. А все ж искать
Иное средство нужно…

Всего лишь через год после смерти Эсхила и Еврипида была поставлена на сцене комедия Аристофана «Лягушки» (она принесла автору первую награду), в которой эти два великих трагика спорят, кто из них более талантлив, находясь в подземном царстве Плутона. Сначала Плутон отдает первенство Эсхилу. Но Еврипид сгоняет его с почетного места, заручившись поддержкой «воров, отцеубийц, громил». В это время Дионис, покровитель театра, опечален тем, что под солнцем не осталось достойного трагического поэта. Он спускается в Аид, чтобы выбрать лучшего из лучших, вернув его к живым. Хор провозглашает:

Начинайте, мужи, состязанье.
Ведь ожесточен язык ваш страшно,
У обоих есть большая храбрость,
Да и ум ваш изощрен прекрасно.
Потому-то ожидать нам нужно,

Что один изящные словечки
Скажет, точно выточив их тонко,
А другой, слова с корнями вместе
Вырывая, бросит и сразу
Эту массу слов его рассеет.

Здесь дана обобщенная характеристика стиля двух трагиков. В дальнейшем Аристофан анализирует не столько техническое мастерство поэтов, сколько их влияние на общественную жизнь. Еврипид утверждает, что выводил на сцену реалистичные персонажи, избегающие высокопарных речей, не обладающие сверхобычными качествами; обучал граждан искусству «размышленья и расчета». Эсхил вопрошает: «За что же должны уважать мы поэта?» Еврипид отвечает: «За искусство и их поученье, так как они в государствах тем самым улучшают народ». И тогда Эсхил утверждает, что в его трагедиях герои служат примером доблести, патриотизма. Они не избегают гражданского долга, не шуты или праздношатаи. Еврипид оправдывается тем, что его отрицательные герои взяты из мифов. Эсхил возражает: надо умалчивать о постыдном; если у детей есть учитель, то «для взрослых поэты — наставники». Они должны творить прекрасное.

Ответ Еврипида: разве может возвышенная речь научить прекрасному? Ведь надо говорить так, как принято в обыденной речи. Возражение Эсхила: для мыслей и чувств великих должна быть соответствующая речь!

Как видим, Аристофан одинаково толково говорит от имени как одного, так и другого поэта-трагика, не отказывая обоим в уме. Правда, в некоторых обвинениях преувеличена, пожалуй, роль театрального искусства в изменении нравов: вряд ли Еврипид, как утверждает Эсхил, повинен в том, что афиняне стали утрачивать благородство и героизм. Конечно, искусство и общественное сознание взаимосвязаны, но не столь однозначно.

Итак, Дионису предстоит решить, кто же победил в соревновании поэтов. Он произносит:

Они мне милы, и судить я их не буду.
Один мне мудрым кажется, другой мне дорог.

Что же важнее в трагедии — воздействие на ум или на души людей? Дионис выбирает «того, кого душа желает». Он уходит с Эсхилом, который оставляет в Аиде на троне «короля поэтов» не Еврипида, а Софокла, которого считает вторым после себя.

Трудно определить, кто из трех величайших трагиков Эллады был наилучшим. Все они не остались в царстве теней и обрели бессмертие в своих произведениях, так же как Аристофан и многие другие гении прошлого.

В заключение добавим, что не случайно здесь уделено сравнительно много места древним античным поэтам, драматургам. Последующая литература очень многим обязана им, ибо они были не только трагиками или комедиографами, но сочиняли стихи и песни,

высказывали мудрые суждения, создавали образы самых разных людей, а также богов (тоже — «человеческое, слишком человеческое»). И не по личному произволу Аристофан определил важнейшим критерием значимости литературного произведения — силу воздействия на общественное сознание, влияние на быт и нравы. В те времена театральное действо было синтезом искусств (включая технические изобретения; «техносом» звали и ремесла, и искусство). Учтем, что греческие полисы-города были по нашим меркам очень небольшими, почти все активные граждане посещали театральные представления, переживая и продумывая увиденное и услышанное. Они прекрасно понимали намеки, аллегории, иносказания. Театр отзывался на все важные события и конечно же влиял на принимаемые политические решения. Так что Аристофан вряд ли сильно грешил против истины, считая (устами своего героя) Еврипида повинным в падении нравов. Отчасти такая вина могла быть. Хотя Еврипид как тонкий художник и проницательный мыслитель не выдумал, а подметил и отразил в своих сочинениях определенные перемены у афинян.

После величайшего расцвета театра в Древней Греции — как синтеза искусств, проявления интеллекта и общественного явления, — ничего подобного в истории культуры уже не встречалось (театр в Китае и Индии тоже играл в обществе наибольшую роль только в далекой древности). Римляне тоже любили театр, но отдавали предпочтение кровавым зрелищам, политическим выступлениям и торжественным шествиям. Позже в разных странах было немало замечательных драматургов, некоторые их пьесы не сходят со сцены сотни лет, но того воздействия на культуру и общество, как во времена Древней Эллады, уже не могло быть по объективным условиям: изменились и люди, и общественная жизнь, и театр.

ДАНТЕ
(1265–1321)

Уроженец Флоренции, он принадлежал к аристократическому роду Алигьери. Время его жизни приходится на завершающий, с обостряющимися социальными противоречиями этап феодализма вИталии.

Еще ребенком Данте влюбился в ровесницу Беатриче, дочь соседа. Чувство это пронес через всю свою жизнь (прекрасная Беатриче умерла в юности). Оно вдохновило его на создание стихов.

Данте был не только поэтом, но и активным гражданином, участвовал в городском самоуправлении. В 1295 году он отказался от дворянства и вошел в цех аптекарей. Занимая высокую должность, препятствовал сторонникам папы римского захватить Флоренцию. Когда же его противники победили, приговорив Данте к смертной казни, ему пришлось покинуть родной город, а затем и Италию. Он долго скитался по чужбине, стал знаменитым поэтом, написал несколько философских трактатов, но так и не смог вернуться на родину. Последние 6 лет жизни провел в городе Равенне, где создал великую поэму о своих хождениях по кругам ада, пребывании в чистилище и в раю. Данте назвал ее «Комедией» (подчеркивая этим ее оптимистический, а не трагический финал — в райских сферах). Позже название дополнили восторженные читатели: «Божественная комедия».

Говорят, в Вероне местный правитель оказывал Данте меньше внимания, чем своему шуту. Кто-то не преминул сказать об этом Данте, который ответил: «Каждый больше любит себе подобного».

Данте считал: «Цель каждой добродетели в том, чтобы сделать нашу жизнь радостней». И еще: «Сомнение доставляет мне не меньшее наслаждение, чем знание».

Сам он умел не только сомневаться, но и обогащать свой ум знаниями. Он был одним из образованнейших людей своего времени. Именно этим можно объяснить удивительный феномен «поэтического предоткрытия» Нового Света поэтом и мыслителем. Факт этот малоизвестен (даже специалистам) и потому заслуживает обстоятельного рассказа. Но чтобы отрывок из «Божественной комедии» был понятен, надо сделать некоторые пояснения.

Геркулесовы Столбы (в тексте — Межи) — это два скалистых мыса по сторонам Гибралтарского пролива. Согласно греческому мифу, их воздвиг Геракл как предел для мореходства на краю света. Сетта (ныне Сеута) — гавань у мыса Абила на африканском берегу Гибралтара. «Мир безлюдный» — открытый океан. «Влево уклоняя ход» — значит на юго-запад от Геркулесовых Столбов. «Светила другого остья» — то есть Южного полушария, где видны созвездия, расположенные над Южным полюсом земной оси. Значит, моряки пересекли экватор. «Пять раз вокруг луны блеснул и погас свет» — означает, что прошло пять месяцев.

Теперь обратимся к тексту:

Уже мы были, древние мужи,
Войдя в пролив, в том дальнем месте света,
Где Геркулес воздвиг свои межи,
Чтобы пловец не преступил запрета;
Севилья справа отошла назад,
Осталась слева, перед этим, Сетта.
"О братья, — так сказал я, — на закат
Пришедшие дорогой многотрудной!
Тот малый срок, пока еще не спят
Земные чувства, их остаток скудный
Отдайте постиженью новизны,
Чтоб, солнцу вслед, увидеть мир безлюдный!
Подумайте о том, чьи вы сыны:
Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и к знанью рождены".
Товарищей так живо укололи
Мои слова и ринули вперед,
Что я и сам бы не сдержал их воли.
Кормой к рассвету, свой шальной полет
На крыльях весел судно устремило,
Все время влево уклоняя ход
Уже в ночи я видел все светила
Другого остья, и морская грудь

Склонившееся наше заслонила.
Пять раз успел внизу луны блеснуть
И столько ж раз погаснуть свет заемный,
С тех пор, как мы пустились в дерзкий путь,
Когда гора, далекой грудой темной,
Открылась нам, от века своего
Я не видал еще такой огромной.

Таково описание открытия Нового Света, данное почти за два столетия до того, как экспедиции Колумба, Кабрала и Америго Веспуччи смогли совершить подобное морское путешествие от Гибралтара на юго-запад, через Атлантический океан, пересекая экватор, к северной оконечности Южной Америки, где имеются достаточно высокие горы, или к Бразилии.

Что это — чудесное пророчество? Научное предвидение? Случайное совпадение? Последний вариант весьма сомнителен: уж слишком точно описан маршрут, даже срок его правдоподобен. О ясновидении, чудесном прозрении великого поэта, тоже можно говорить, лишь основываясь на собственном незнании или невежестве, ибо это будет уход от анализа и объяснения.

Но каким образом Данте мог узнать и описать пересечение Атлантического океана? Он, по-видимому, не сомневался в шарообразности Земли и возможности достичь восточной Азии или крупного острова (материка) на другой стороне Атлантики. Правда, если до него дошли отголоски преданий викингов о «Винланде», то путь мореходов был бы направлен на северо-запад, а не на юго-запад — к Северному полярному кругу, а не через экватор.

Скорее всего, в рассказе Данте сплелись воедино и старинные предания, и научные знания, и средневековые христианские представления о существовании где-то на краю света горы, за которой находится Рай. Именно такие ориентиры имел в виду Колумб, отправляясь в свое трансатлантическое плавание. Гений Данте предвосхитил егоподвиг.

Конечно, мы обратили внимание лишь на один эпизод небольшой великой эпической поэмы. Современному читателю она может показаться слишком трудной. Одни примечания к ней занимают более сотни страниц (прекрасный перевод ее на русский язык М. Лозинского был отмечен в 1946 году Сталинской премией). Однако ею восхищались многие поколения почитателей классической литературы. В «Божественной комедии», как писал Пушкин, «план обширный объемлется творческою мыслию». Она грандиозна по объему, включает 100 песен и более 14 тысяч стихов, делится на три части — «Ад», «Чистилище» и «Рай».

Пройдя этот путь вслед за поэтом, читатель должен задуматься о смысле бытия и превратностях судьбы. В кругах ада пребывают гордецы, завистники, гневливые, унылые, скупцы и расточители, чревоугодники, сладострастники, предатели. Но Данте показывает и райские высоты, предполагающие возможность личного и общественного возрождения.

СЕРВАНТЕС
(1547–1616)

Род его был достаточно знатен, но недостаточно богат. Мигель де Сервантес Сааведра родился в семье врача, в молодости писал сонеты, элегии, не имевшие успеха.

Участвуя в войне против турок, он в 1570 году попал в плен к алжирским пиратам, был продан в рабство и лишь через 10 лет был выкуплен друзьями.

В драме «Алжирские нравы» он отразил быт и страдания испанских невольников, а в исторической трагедии «Нумансия» (или «Разрушение Нумансии») воспел свободолюбие и героическую борьбу древних испанцев против римских завоевателей. Эту патриотическую пьесу ставили в Мадриде и во времена осады города наполеоновскими войсками в 1809 году, и фашистами-фалангистами в 1938-м.

Он служил на должности заготовителя продовольствия для флота, затем чиновником для сбора налоговых недоимок, объездил всю Андалусию, общался со множеством людей.

По обвинению в растрате (предполагается, ложном) ему довелось провести несколько лет а тюрьме, где он начал писать развлекательный по первоначальному замыслу роман «Хитроумный гидальго Дон Кихот Ламанческий». Кроме того, написал несколько пьес, новеллы и другие сочинения. Незадолго до смерти он постригся в монахи.

Его Дон Кихоту суждено было бессмертие. Сервантесу удалось показать трагикомичный финал эпохи рыцарства, здравый смысл и лукавую наивность крестьянина-оруженосца Санчо Пансы и «рыцаря Печального Образа» — мечтателя, благородного идеалиста, который смешно и нелепо выглядит в мире жестокости, пошлости, подлости и корысти.

Правда, в предисловии к своему роману Сервантес называет своей целью противодействовать тлетворному влиянию рыцарских романов. Исходя из этого можно было бы «Хитроумного гидальго…» отнести к жанру пародии. Однако произведение совершенно определенно не укладывается в эти рамки, да и автор не скрывает своей симпатии к главному герою. Не случайно даже Санчо Панса проявляет немало самоотверженности, оставаясь верным своему господину не из корысти или боязни наказания, а из чувства глубокого уважения к подлинному рыцарю — отчасти безумному, отчасти наивному, так и не желающему осознать, что век рыцарства уже позади (да и был ли он таким, как описано в романах?) и теперь настала пора цирюльников, ловкачей, беспринципной черни. Конечно же «Дон Кихот» — преодоление рыцарских романов, перевод этого жанра из виртуального мифологического пространства в земную реальность. По словам испанского философа XX века Хосе Ортеги-и-Гассета, «видеть произведение Сервантеса как полемику с рыцарскими романами существенно важно для эстетики. В противном случае мы не сможем понять то необыкновенное обогащение, какое испытало искусство литературы в „Дон Кихоте“. До сих пор эпический план (пространство вымышленных героев) был единственным… Теперь, однако, воображаемое отходит на второй план. Искусство приобретает еще один план, как бы увеличивается в третьем измерении, получает эстетическую глубину, которая, как геометрическая, требует многомерности. Мы уже больше не вправе сводить поэтическое к своеобразному очарованию

идеального прошлого или к неповторимому, извечному интересу, присущему приключению. Теперь мы должны возвести современную действительность в ранг поэтического».

Ортега едва ли не первым назвал роман Сервантеса трагикомедией, в которой герой «переходит из унылого зала таверны в мир сказки», переживая приключения одновременно и в своем пылком воображении, и в действительности, заявляя гордо: «Волшебники могут отнять у меня счастье, но воли и мужества им у меня не отнять».

Возможно, в «Хитроумном идальго…» представлен парадоксальный вид фантастического реализма, пронизанного доброй и горькой иронией. Пожалуй, даже реализм преобладает; недаром же суровый классик данного направления XIX века Флобер признавался, что «обнаруживает свои истоки» в этой книге.

Наконец, особо отметим один важный аспект, на который обычно не обращают внимание: в романе Сервантеса едко показано, как могут повлиять литературные сочинения на человека, далекого от реальной жизни. Дон Кихота можно считать одним из первых образов «зомбированного» человека, сознание которого наркотизировано, изменено искусственно. У него сложилась четкая установка — как говорят психологи, которой он следует неуклонно, невзирая ни на какие обстоятельства и препятствия. Она заставляет его видеть то, что существует лишь в его воображении, принимая эту мнимость за действительность. К чести героя, его установка самая возвышенная, гуманная, благородная.

Немецкий писатель Томас Манн в эссе «Путешествие по морю с Дон Кихотом» писал: «Конечно, Дон Кихот безрассуден — увлечение рыцарскими романами сделало его таким; но этот являющийся анахронизмом образ в то же время служит источником такого подлинного благородства, чистоты, такого изящества, такого внушающего искреннюю симпатию и глубокое уважение достоинства всего его облика, и физического, и духовного, что к смеху, вызываемому его „печальной“, его гротескной фигурой, неизменно примешивается удивление и почтение, и каждый, кто встречается с ним, ощущает, недоумевая, искреннее влечение к жалкому и вместе с тем величественному, в одном пункте свихнувшемуся, но во всем остальном безупречному дворянину».

И возникает вопрос: а если в нашем мире глупо и невозможно оставаться такими, как Дон Кихот? Если столь прекрасные люди встречаются только в виде литературных образов и не имеют никакого отношения к действительности, исключая обитателей психиатрических лечебниц? Но тогда какой смысл существования людей в этом мире, если у них подвергаются осмеянию, глумлению и полному искоренению вое наилучшие движения души?

И другой вопрос: а не является ли современное общество «зомбированным» электронными средствами массового управления сознанием? Но только внушаются установки низменные, рассчитанные на потребителей материальных благ и приспособленцев, способных только прислуживать имущим власть и капиталы. Но разве такие существа достойны счастливой жизни?

ШЕКСПИР

(1564–1616)

Уильям (или Вильям) Шекспир родился в городе Стратфорде, в семье ремесленника-перчаточника. Учился, по-видимому, в местной школе, штудировал Библию… Впрочем, о его жизни до 1592 года сведения очень скудны. Рано женился на дочери богатого фермера, у них родилась дочь, а затем близнецы, которых назвали Гамлетом и Юдифью.

В ту пору в Англии вошли в моду театры. Возможно, Шекспир принимал участие в любительских спектаклях, а при случае уехал из родного города, примкнув к бродячим артистам. Тогда же начал писать пьесы. В Лондоне, работая в одной из театральных трупп, он приобрел богатого и влиятельного покровителя — графа Саутгемптона, которому посвятил поэмы «Венера и Адонис» (издана в 1593 году) и «Лукреция».

Шекспир вошел в состав труппы лорда-канцлера как актер и драматург. Росла его известность, а с ней и богатство; он стал совладельцем нового театра «Глобус», приобрел недвижимость. Период усиления могущества Великобритании при Елизавете I совпал с расцветом творчества Шекспира. Он писал комедии и трагедии, создал цикл сонетов, а незадолго до смерти вернулся в Стратфорд и умер в кругу семьи.

Правда, время от времени всплывают — отчасти искусственно, ради сенсации — версии о неведомом авторе, создателе гениальных пьес, приписываемых Шекспиру. Особенно усердствуют в этом отношении те, кому кажется невероятным, что одним из величайших драматургов мира мог быть не блещущий знаниями малообразованный актер. На его место пытаются поставить знатных и весьма просвещенных графов Оксфорда, Ретленда, Дарби, лорда Стренджа, не говоря уже о знаменитом философе и крупном государственном деятеле, а затем бароне и виконте Френсисе Бэконе. Подобные домыслы убедительно отверг известный советский литературовед А.А. Аникст: «Мог ли какой-нибудь из названных выше графов в часы досуга, между прочим написать пьесы, выдержавшие испытание временем и до сих пор волнующие зрителей глубиной постижения жизни и мастерством изображения человеческих характеров? Нет, конечно. Пьесы Шекспира — плод высокого профессионального мастерства. Их мог написать только человек, досконально знавший театр, глубоко постигший законы воздействия на зрителей».

В пользу авторства У. Шекспира говорит и то, что о нем писал, например, другой английский драматург и поэт, его современник Бен Джонсон (1573–1637). Он упрекал Шекспира за недостаточную ученость, плохое знание латыни и незнание греческого, но в то же время восклицал: «Душа века! Предмет восторгов, источник наслаждения, чудо нашей сцены». По его мнению, пьесы Шекспира «выше сравнения с тем, что гордая Греция и надменный Рим оставили нам». (Кстати, Бен Джонсон был знаком и с Ф. Бэконом.)

За последние два века, когда Шекспира признали великим драматургом, как-то забылось, что в свое время лишь немногими современниками он был высоко ценим (приведенное выше высказывание Б. Джонсона — некролог). Никто тогда всерьез не интересовался биографией Шекспира, включая его самого. Удивительно другое: в наше время его пьесы считаются чрезвычайно сложными и тонкими, труднопонимаемыми,

доступными в сути своей только избранным. А при его жизни было иначе. Вот что подчеркнуто А.А. Аникстом:

"Свои главные произведения Шекспир написал для общедоступного народного театра. В те времена театр считался развлечением сравнительно низкого рода. Достаточно сказать, что в пределах Лондона городские власти не разрешали строить театры и давать публичные представления. Буржуа-пуритане, управлявшие муниципалитетом столицы, видели в театрах источник разложение нравов и одну из причин распространения эпидемий чумы. Театр строили за городской чертой, там, где находились всякого рода злачные места и такие развлечения, как загоны для травли медведя и арены для петушиных боев.

Странная ситуация: 400 лет назад Шекспира прекрасно понимал лондонский простой люд (для которого в основном он и писал), а теперь его с трудом осмысливают эстеты и культурологи, не говоря уж о театралах, «отборной» публике. В чем тут дело?

Возможно, слишком многое люди стали усложнять, а потому и путаются даже в достаточно простых историях, о которых повествует Шекспир. Или со временем многое меняется и прошлое уже понимается с трудом? Не исключено, что простые и сильные чувства становятся чуждыми для людей образованных и утомленных погоней за модой, новизной.

Одну из причин популярности шекспировских героев отметил более 120 лет назад отечественный публицист Н.К. Михайловский в статье «Гамлетизированные поросята». По его мнению, просвещенной публике очень близки сомнения, неуверенность Гамлета, его неумение принимать твердые и ответственные решения, отсутствие сильного чувства долга, склонность к актерству; к тому же он красиво одет, образован, принадлежит к избранному обществу. Вот почему многие, причисляющие себя к интеллектуалам, склонны отождествляться с ним, ощущают себя в его наряде и на его месте. «Словом, Гамлет не глубиною или обширностью своего ума плодит гамлетиков», — подчеркивал Михайловский. Добавим: и не благородством, признанием своих недостатков, стремлением преодолеть их и способностью в конце концов проявить мужество. (Правда, мы помним Гамлета в исполнении замечательного поэта и артиста Владимира Высоцкого — резкого, страстного, бунтарского; но это уже специфическая перестройка шекспировского героя.)

Толкований образа Гамлета множество. И.С. Тургеневу принадлежит превосходный очерк «Гамлет и Дон Кихот», одно из главных положений которого таково: трагедия Гамлета во многом объясняется тем, что он мыслитель, а не деятель. Развивая эту мысль, Вл. Соловьев подчеркнул столкновение христианской морали (добром побеждать зло) и языческого закона кровной мести (око за око, смерть за смерть). Но ведь и тот, и другой принцип упомянуты в Библии, определяя переход от Ветхого Завета к Новому. Да и многие ли люди, считающие себя христианами, отказываются от мести врагам или обидчикам? И так ли уж религиозен Гамлет?

Обратим внимание на один аспект его знаменитого монолога «Быть или не быть…». Как должна была воспринимать публика времен Шекспира мысль о «пустоте за гробом»? Ведь всем им было известно, что душа

бессмертна, есть ад и рай, предстоит Страшный Суд. Что за ужасную бездну предполагает Гамлет? Разве такое возможно? Неужели вот эта моя недолгая жизнь — единственная, и я пропаду навсегда, меня никогда больше не будет?!

Такую идею Шекспир мог почерпнуть из сочинений Джордано Бруно, тогда изданных в Англии (драматург и философ могли даже встречаться: у них были общие знакомые; кстати, в одной пьесе Шекспира главный герой Бирон высказывает некоторые мысли Бруно). Так или иначе, представление о смерти не только тела, но и сознания (души) было тогда необычным и даже кощунственным, а потому слова «не быть» звучали буквально со страшной силой.

Наконец, вспомним еще раз о психоанализе Зигмунда Фрейда в приложении к данной проблеме. Вот одно из его высказываний: «Едва ли простой случайностью можно объяснить, что три шедевра мировой литературы всех времен трактуют одну и ту же тему — тему отцеубийства: „Царь Эдип“ Софокла, „Гамлет“ Шекспира и „Братья Карамазовы“ Достоевского. Во всех трех раскрывается и мотив действия, сексуальное соперничество из-за женщины». В угоду такому толкованию в некоторых постановках диалог Гамлета с матерью сопровождается объятиями и катаниями по сцене.

Утверждение Фрейда — серьезное заблуждение или игра больного воображения. Эдип, как мы уже отмечали, не знал, что перед ним отец, Гамлет и вовсе не покушался ни на какого отца (если не считать случайного убийства отца Офелии), да и Смердяков из «Братьев Карамазовых» не находился с отцом в сексуальном соперничестве.

В статье «Гамлет и психоаналитик» умный и остроумный английский писатель Гилберт К. Честертон верно и просто сказал:

«Чтоб объяснить поведение Гамлета, не нужно психоанализа. Он сам объяснил свои действия, он даже слишком этим увлекся. Долг явился ему в отталкивающей форме, а он не был создан для таких дел. Конечно, возник конфликт, но Гамлет знал о нем, он сознавал его с начала до конца. Не подсознание владело им, а слишком ясное сознание».

Честертон тонко подметил особенность суждений модного психоаналитика. «Он наделяет Гамлета комплексами, чтобы не наделить совестью». И шутит над фрейдовским «сексуально озабоченным» толкованием сновидений: «Я ел пышку. Может быть, это означает, что — в пылу эдипова комплекса — хотел объесть нос моему отцу…» Короче, придумывают Гамлету (и не только ему) разного рода «комплексы» те люди, которые сами страдают подобными недугами или сочиняют их, дабы ошарашить почтеннейшую публику.

…Мы сравнительно подробно (хотя в действительности мимолетно) обсудили всего лишь один образ одной пьесы одного писателя-драматурга. А ведь были еще и советские литературоведы, истолковывавшие Гамлета с социально-политических позиций. Так же они объясняли переход Шекспира от преимущественно комедий (до 1600 года были написаны «Укрощение строптивой», «Комедия ошибок», «Два веронца», «Бесплодные усилия любви», «Сон в летнюю ночь», «Много шума из ничего», «Виндзорские проказницы», «Как вам это понравится», «Двенадцатая ночь», «Венецианский купец»), к преобладанию трагедий («Гамлет», «Отелло»,

«Король Лир», «Макбет», «Тимон Афинский», «Антоний и Клеопатра», «Кориолан»…). Впрочем, и в первый период творчества он создавал трагедии («Тит Андроник», «Ромео и Джульетта», «Юлий Цезарь»), а во второй — несколько комедий. Совершенно естественно, что в молодые годы у него было больше оптимизма. Несмотря на то что почти все главные действующие лица его пьес принадлежат к социальным верхам, их страсти, переживания и судьбы находят отклик в сердцах зрителей благодаря гению Шекспира. Тем более что в его трагедиях, как в жизни, есть место шутке и сатире, а в комедиях нередки трагические нотки.

Шекспир создал образы сильных, противоречивых, страстных натур, умеющих яростно ненавидеть и беззаветно любить. При всей условности многих его сюжетов и отдельных сцен, правда человеческих отношений и типов личности, трагических и комических коллизий делает шекспировские пьесы бессмертными.

МОЛЬЕР
(1622–1673)

Жан Батист Поклен, взявший себе псевдоним Мольер, родился в семье королевского обойщика, должность которого открывала доступ ко двору. В Клермонском коллеже Жан Батист получает блестящее образование, читает в подлиннике древнеримских авторов, переводит на французский язык поэму античного поэта-мыслителя Лукреция Кара «О природе вещей». По настоянию отца он выдерживает в Орлеанском университете экзамен на право заняться адвокатской практикой, но интерес к литературе и театру оказался решающим. В начале 1643 года Жан Батист делает отчаянный шаг: официально отказывается от потомственного звания королевского обойщика в пользу младшего брата: он "не может противиться страстной тяге к подмосткам, — пишет искусствовед Э.Н. Шевякова, — оставляет дом, профессию адвоката, придворную службу, ибо уже знает, что театр у него «в крови», и, чтобы быть счастливым, ему нужно быть на сцене. И театр становится его судьбой. Он сближается с семьей комедиантов Бежаров, влюбленный в прекрасную Мадлену Бежар, уже известную тогда актрису, которая на долгие годы станет для него и возлюбленной, и другом в скитаниях, и единомышленницей, и советчицей, и актрисой его труппы, смерть которой будет страшным ударом для него, и он уйдет из жизни ровно через год после смерти Мадлены, в тот же день — 17 февраля…

Но до этого еще тридцать лет — радости, борьбы, творчества, тридцать лет служения единому богу — ТЕАТРУ. Жребий брошен! Создав, как они называли, «Блистательный театр», труппа, в которую вошел Жан Батист Поклен, дебютировала в Париже в 1644 году, играя преимущественно трагедии. Тогда-то и появился псевдоним «Мольер» — чтобы не позорить на подмостках имя отца (кто теперь помнит Поклена?). Однако театр прогорает, и всего лишь через полтора года гастролей Мольер попадает в долговую тюрьму. Часть долга выплатил отец, другую часть погасили, продав костюмы, и труппа Мольера отправилась по Франции как уличные комедианты. Они имели успех, и уже тогда выделялся своей игрой Мольер. Вот что было отмечено в одной из рецензий того времени: «Он был актером с головы до ног. Казалось, у него несколько голосов. Все в нем говорило. Одним шагом, улыбкой, взглядом,

кивком головы он сообщал больше, чем величайший в мире говорун мог бы рассказать за целый час».

Поначалу Мольер не мог обрести признания как великий драматург уже потому, что его старшим современником был Пьер Корнель (1606–1684), который уже первой своей комедией нравов «Мелита», поставленной в 1630 году, представил, как он сам выразился, «разговор порядочных людей» вместо грубого юмора и буффонады. Его заметил могущественный кардинал Ришелье, считавший себя большим драматургом. Он включил Корнеля в число авторов, писавших под его руководством. Пока Корнель сочинял комедии, все складывалось для него удачно. А вот его трагедия «Сид» нанесла Ришелье двойной удар: и силой таланта Корнеля, и воспеванием героического испанца Сида (Родриго Диаса де Бивара) в ту пору, когда Франция воевала с Испанией.

Только после смерти коварного и властного кардинала в 1643 году Корнель был прославлен как великий драматург. Его пьесы ставил и Мольер, двадцать лет спустя предложивший публике две трагедии нового талантливого автора — Жана Расина (1639–1699), который вскоре «похитил» из этой труппы лучшую актрису, любимую Мольером Терезу Дюпарк (в нее прежде был пылко влюблен уже немолодой Корнель, посвятивший ей несколько проникновенных стихотворений). Позже Расин создал свою знаменитую трагедию «Федра».

Наконец, следует упомянуть Никола Буало-Депрео (1636–1711), первым оценившего талант Мольера, а затем и Расина. Буало был не только знатоком литературы и проницательным критиком, но и автором язвительных сатир, влияние которых усматривается в некоторых комедиях Мольера. Таким образом, нет оснований полагать, будто Жан Батист был каким-то уникумом, рожденным гением (как еще любят говорить — «которые появляются раз в столетие»). Нет, он жил в эпоху бурного расцвета французской культуры, поэтического и театрального искусства.

Трудно сказать, как сложилась бы его судьба, если бы не милость и, отдадим должное, художественный вкус молодого короля Людовика XIV. Когда осенью 1658 года труппа Мольера дала первое представление в Гвардейском зале Лувра перед королем и знатью, показав трагикомедию Корнеля «Никомед», публика была разочарована (артисты королевского театра лучше играли такие пьесы). Тогда Мольер попросил разрешения представить королю свою комическую миниатюру «Влюбленный доктор», которая тому понравилась. Людовик XIV отметил блестящую игру автора. Высмеивая пороки вельмож, религиозных ханжей, разбогатевших балбесов, прохвостов, Мольер не раз попадал в немилость. Однако покровительство монарха не избавило Мольера от нападок недругов. Он умел угождать власть имущим, но не мог скрыть свой ум и талант, не поступался честью и совестью. Например, когда брат Корнеля, чтобы казаться знатным господином, прибавил к своему имени «де Л'Иль» («с Острова»), Мольер отозвался в комедии «Школа жен»:

Канавой грязною он окопал свой двор
И называться стал де Л'Илем с этих пор.

Мольер потешался над выспренней манерой игры артистов королевского театра, пародировал их, а его успех в Париже и без того породил много завистников. Сложился самый настоящий театр Мольера — не только развлекательный, но и поучительный, без назиданий, а также вполне серьезный, хотя и смешной. «Школа жен» произвела настоящий фурор: в ней высмеивалась фальшивая мораль, принуждающая юную девушку хранить верность богатому старику, купившему аристократическое имя. Смех смехом, но обманутый и покинутый муж — а его играл Мольер — вызывал тем не менее сострадание и чувство грусти.

Уже тогда драматурга стали обвинять в безнравственности, дурном вкусе, попрании христианской морали. А он, словно подливая масла в огонь, написал и поставил «Тартюфа, или Обманщика» — комедию, посягнувшую на кабалу святош (так называли цензурную комиссию инквизиции). Под нажимом клерикалов король, сначала разрешивший постановку, вынужден был ее запретить. Пять лет «Тартюфа» ставили и запрещали, но в конце концов Мольер торжествовал победу.

Другой его шедевр — «Мещанин во дворянстве» был поставлен в 1670 году. Тема вечная: неистребимая тяга людей к почетным титулам и званиям, готовность покупать эти формальные признаки принадлежности к «высшему обществу», «элите», словно таким способом можно приобрести ум, благородство, честь или хотя бы хорошие манеры. Неудивительно, что эта комедия, подобно некоторым другим сочинениям Мольера, не теряет своей актуальности.

А в его жизни — в период признания — постоянной трагедией была необходимость сдерживать свои творческие порывы, остерегаться гнева владык светских и духовных. Это показал в пьесе «Кабала святош» великий русский писатель Михаил Булгаков. Она была написана в 1929 году, поставлена через 7 лет на сцене МХАТа. Но после семи представлений пьесу сняли из репертуара. Причиной запрета стала… кабала святош! Но, конечно, не религиозных, а идеологических. По словам Булгакова, он написал пьесу «о светлом, ярком гении Мольера, затравленном черной Кабалой святош при полном попустительстве абсолютной, удушающей силы короля». Цензура поняла это (не без основания) как аналогию отношений писателя с его хулителями и гонителями, обвинявшими его в «антисоветчине». Тем более что в пьесе Мольер говорит Людовику XIV: «Он думает, что он вечен! Какое заблуждение! Черная кабала за его спиной точит его подножие, душит и режет людей, и он никого не может защитить!»

Действительно, Сталин, симпатизирующий М.А. Булгакову и высоко ценя его талант, защищал его от свирепых нападок критиков. Но в те времена генсек вовсе не был всесильным диктатором, очень многое совершалось в стране вне его ведома (что вполне естественно), а то и вопреки его желаниям. Еще в апреле 1930 года в ответ на отчаянное письмо Булгакова он позвонил писателю и распорядился устроить его на работу во МХАТ. Однако тот же Сталин согласился с предложением цензуры в 1936 году запретить «Кабалу святош». Политические соображения оказались для него в то время весомее художественных достоинств пьесы. Хотя и на этот раз он защитил Булгакова от репрессий. По удивительной закономерности то, что происходило с Мольером, через

300 лет повторилось в другой стране тоже с гениальным человеком, написавшим пьесу о трагедии его жизни и творчества. И если Мольер умер, завершая на сцене спектакль, то смертельно больной Булгаков в последние свои дни заканчивал работу над романом, сделавшим его имя бессмертным: «Мастер и Маргарита». Все это, безусловно, не совпадения, а проявления сходства судеб и ситуаций, над которым следовало бы задуматься…

Жизнь одного из величайших мировых комедиографов Мольера складывалась далеко не радостно, как, впрочем, у слишком многих гениев. Отчасти по этой причине некоторые его пьесы продолжают не только смешить людей, но и пробуждают сложные гаммы чувств и серьезные мысли. Как отметил французский писатель и искусствовед Франсуа Рене де Шатобриан, «среди сочинителей комедий лишь Мольера можно поставить рядом с Софоклом и Корнелем; но замечательно, что комическое в „Тартюфе“ и „Мизантропе“ по своей необыкновенной глубине и, осмелюсь сказать, печали приближается к суровости трагедии».

Беседуя с И.П. Эккерманом, Гете уже в преклонном возрасте говорил: «Представьте себе Париж не в унылую, скучную эпоху, а в XVII столетии, когда на протяжении трех человеческих поколений… Мольер, Вольтер, Дидро привели в движение такие духовные богатства, как нигде в другом месте на всей земле». Из трех названных им деятелей и мыслителей Мольер привнес в жизнь столицы Франции здоровый дух народного юмора и сатиры.

Высказывания Мольера:

— Рассуждать следует о сути вещей, а не о словах; споры по большей части вызваны взаимным непониманием, тем, что под одним и тем же словом подразумеваются противоположные понятия.

— Самые блестящие трактаты на темы морали часто оказывают куда меньшее влияние, чем сатира… Подвергая пороки всеобщему осмеянию, мы наносим им сокрушительный удар.

— Для тех, кто следует велениям небес, Резоны прочие имеют малый вес.

ШИЛЛЕР
(1759–1805)

Гении слишком редко рождаются и воспитываются во дворцах. Это полезно помнить тем, кто предполагает, будто «порода», родовитость и благоприятные жизненные условия имеют какое-то значение для появления таланта.

Физические силы крепнут от напряженных действий, упражнений, труда, а вовсе не от безделья. То же относится к силам духовным, интеллектуальным. Они растут по мере преодоления трудностей. Это и отличает гения. Один из убедительных тому примеров — жизнь и творчество Иоганна Фридриха Шиллера.

Родился он в карликовом германском Вюртембергском княжестве в семье герцогского садовника, прежде побывавшего солдатом, военнопленным, дезертиром, фельдшером. С детства Фридрих отличался верностью в дружбе, пылким характером и гордым своевольным нравом; бесстрашно выступал против несправедливости. После окончания латинской школы был определен в военное училище, где прошел жестокое

испытание муштрой и строгой дисциплиной, за нарушение которой доводилось ему испробовать розог.

С 1780 года Шиллер служил лекарем в Штутгартском гренадерском полку. Врачевал он плохо, зато вдохновенно писал пьесу «Разбойники» и обдумывал новые сочинения. (Заметим, что с тринадцати лет он принимался писать поэмы и трагедии, восхваляющие героев и бичующие тиранов.) Через год он анонимно печатает ее за свой счет в 800 экземплярах. Пьеса имела успех, и ее поставил Мангеймский театр. На премьеру автор приехал тайком. Его потряс эффект, произведенный на зрителей его творением в исполнении отличных актеров: «Партер походил на дом умалишенных… горящие глаза, сжатые кулаки, топот, хриплые возгласы! Незнакомцы с плачем бросались друг другу в объятия… Казалось, в этом хаосе рождается новое мировоззрение…»

Конечно же новое мировоззрение не рождается в бурных порывах чувств, которые отражали общее духовное напряжение в романтический и революционный период. Публика не обращала внимания на странности, наивность, а то и нелепость сюжетных перипетий, когда 80 разбойников окружают в лесу полуторатысячную армию и одерживают победу, а их атаман подобен лучшим героям античности и является воплощением ума и благородства. Зритель видел то, что желал увидеть — величие человеческой личности; слышал обличительные реплики, которые хотел бы сам произнести: о продажном советнике, торгующем чинами и должностями; о министре, который «всплыл на крови обобранных сирот»; о графе, выигравшем у бедняка тяжбу благодаря подлости адвоката.

Окрыленный первым успехом, Шиллер принялся за новую драму, избрав исторический сюжет, понятный из ее названия: «Заговор Фиеско в Генуе» (о герое, возглавившем в 1547 году мятеж против тирана). На эту идею натолкнуло его высказывание Жана Жака Руссо о сильном и возвышенном характере графа Фиеско де Лаваньи. Вспоминая о великом французском мыслителе, умершем четырьмя годами раньше, Шиллер восклицал:

Язвы мира век не заживали:
Встарь был мрак — и мудрых убивали,
Нынче свет, а меньше ль палачей?
Пал Сократ от рук невежд суровых,
Пал Руссо — но от рабов Христовых,
За порыв создать из них людей.

Досталось от него и «Дурным монархам» (другое стихотворение этого времени):

Прячьте же свой срам и злые страсти
Под порфирой королевской власти,
Но страшитесь голоса певца!

Издав — опять же за свой счет, хотя и при помощи друзей — цикл стихов, в которые вошли и приведенные выше, Шиллер умножил не только число своих недругов, но и долгов. Тем более что вдобавок опубликовал

«Разбойников» под собственным именем, изобразив на титуле рассвирепевшего льва с подписью внизу: «На тиранов!». Явный призыв к революции нашел отклик во Франции, где Шиллер получил Почетный диплом Гражданина Республики. Однако реакция герцога, у которого служил Иоганн Фридрих, была иной. Он запретил молодому литератору что-либо писать, кроме медицинских трактатов, угрожая тюрьмой. Но разве мог согласиться с этим тот, кто вложил в уста благородного разбойника Карла Мора слова: «О, как мне становится гадок этот чернильный век, когда я читаю у Плутарха о великих людях… Священная искра Прометея выгорела… И вот люди заползали, как крысы по палице Геркулеса…» Впрочем, автор не вступил в бой с тираном, а предпочел бежать из Штутгарта.

Писательское бунтарство некоторым просвещенным вельможам казалось спичкой, которую шаловливый ребенок подносит к бочке с порохом. Так, через год после смерти Шиллера, Гете, находясь на водах в Карлсбаде (ныне Карловы-Вары, Чехия), записал в дневнике высказывание князя Путятина: будь он на месте Господа Бога и предвидя, что Шиллер напишет такую пьесу, как «Разбойники», то отказался бы от сотворения мира. Шутка русского барина не учитывала важное обстоятельство: после Великой французской революции 1789 года Шиллер ужаснулся начавшемуся в стране террору (по его словам — «разгул вражды и черной мести и пиршество пороков злых»).

Однако все это было позже, а в 1782 году ему пришлось некоторое время скитаться, затем удалось устроиться штатным драматургом и заведующим репертуаром Мангеймского театра. Поначалу его «Фиеско» потерпел — да простится каламбур — фиаско, зато имела успех драма «Коварство и любовь». Впрочем, и «Фиеско» был поставлен; стала крылатой реплика злодея, наемного убийцы из пьесы — «мавр сделал свое дело, мавр может уйти».

С удивительным для молодого человека мастерством Шиллер разворачивал захватывающие интриги, которые держали в напряжении зал, показывая столкновения сильных человеческих чувств в наивысшем проявлении — отрицательных и положительных. Напрашивается сравнение с усилением разноименных электрических зарядов, приводящем к вспышке. Но дело, пожалуй, не столько в искусстве драматурга, постигшего тонкости своего ремесла, сколько в личности автора, его искренних и сильных чувствах, которые передавались зрителям…

После «Коварства и любви» Шиллер продолжал писать исторические драмы, мало считаясь с тем, как все происходило в реальности. Яркий пример — «Дон Карлос», где главный герой — испанский инфант XVI века — человек недалекий и непорядочный — выведен… Впрочем, предоставим слово автору пьесы: «Он должен был обладать мягким, доброжелательным сердцем, восторженным стремлением ко всему великому и прекрасному, нежностью, стойкостью, самоотверженным величием…» Подобная характеристика более всего свойственна самому драматургу и отражает его желания («должен быть»), идеалы и замысел, а вовсе не действительность. То же относится к образу рыцаря без страха и упрека — маркиза Позы, который обращается к безжалостному Филиппу II с пылкой речью, призывая деспота быть

образцом святости, предоставить гражданам свободу мысли, права человека… (так и хочется добавить лозунг Французской революции: свобода, равенство и братство!). Ясно, что ничего подобного быть не могло. Автор это понимал, да и большинство зрителей тоже. Исторические драмы Шиллера были актуальными, выражали происходящий в Западной Европе период «бури и натиска». Он завершал эпоху Просвещения бурным кипением общественной мысли, революциями и войнами.

Молодой поэт, сочиняя в сущности не драмы, а трагедии, переживая немалые трудности, пылкую влюбленность и жестокие разочарования, не терял радости бытия, уверенности в счастливом будущем, любви к людям. В 1785 году он пишет «Песнь радости» (редчайшая тема в поэзии): «Обнимитесь, миллионы! Слейтесь в радости одной!» В 1823 году другой немецкий гений — Людвиг ван Бетховен использовал эти стихи в заключительной части своей 9-й симфонии, «Патетической».

С годами жизнь брала свое. Ему захотелось всерьез заняться историей. Он стал писать соответствующие очерки, и в 1788 году был принят профессором истории в Йенский университет под ликование студентов, ибо его слава как драматурга гремела в Европе. Однако профессия преподавателя оказалась для него слишком скучной. Сравнительно быстро аудитория на его лекциях стала пустеть, что сказывалось и на жаловании, зависящем от посещаемости. Ему пришлось тратить немалые усилия для того, чтобы зарабатывать на жизнь литературным трудом. Тем более что в феврале 1790 года он женился.

«Брак этот, — писала его биограф М.В. Ватсон, — основанный не на страсти и пламенной любви, а на нежной, сердечной симпатии, развивавшейся мало-помалу, оказался очень счастливым».

«Страсть улетучивается, любовь остается», — говорил сам поэт. Женитьбой кончается весь романтизм Шиллера. Возможно, точнее сказать, что его романтизм теряет революционный яростный порыв, и не столько из-за семейной идиллии, сколько от понимания трагедий — не сценических, а реальных — с которыми сопряжены социальные бури. Ведь завершилась Великая французская революция, казнившая «законного» короля, коронованием «узурпатора» Наполеона I, захватническими войнами и установлением господства буржуазии. Шиллер пишет в 1799 году «Песнь о колоколе», воспевая романтику труда, незримо сплачивающего общество.

В дружном, пламенном стремленьи
Труд все руки братски слил,
И цветет союз в движеньи
Проявленьем общих сил…

Он уже не призывает к мятежу, а предлагает поручать дело социального переустройства тем, кто способен сделать это продуманно, деловито и спокойно, в отличие от страшной народной стихии:

Разбить лишь мастер может форму
Рукою мудрой в должный срок.

Но горе, если сам из горну
Прорвется пламенный поток!

Поэт раскрывает аллегорию:

Где буйных сил кипит восстанье,
Там гибнет каждое созданье;
Где самовольствует народ,
Там время бедствий настает.
Беда стране, в которой пламя
Скопится в недрах городов,
Где чернь, подняв восстанья знамя,
С себя сбивает груз оков.

Спору нет, надо своевременно и мудро проводить реформы, облегчающие жизнь народа, не доводя его до отчаяния. Конечно же так рассуждает человек, понимающий по старинке историю как поле столкновений правителей и полководцев, выдающихся личностей, социальной и духовной элиты. Но можно ли не учитывать мощные стихийные движения народных масс, у которых — своя правда, свои счеты с жизнью и с теми, кто делает ее невыносимой? Беда, что этого не желают замечать те, кто благоденствуют за счет народа, одновременно унижая и обкрадывая его.

Шиллер верит в силу слова, убеждения, разума, в добрую волю людей. Он бьет в набат и призывает:

Друзья! Скорей
В один кружок сольемся с ликованьем
И окрестим наш колокол названьем
СОГЛАСИЕ, для счастия людей…

Кому-то это покажется наивным, далеким от суетной и жестокой действительности. Однако без таких душевных порывов, без высоких идеалов и устремленности к ним, общество превращается в стадо — сытых или голодных скотов в зависимости от обстоятельств места и времени, да от проницательности хозяев.

…В статье «Кризис индивидуализма» (1905) русский поэт и культуролог Вячеслав Иванов провел единую линию от Дон Кихота и Гамлета, показывающих трагедию личности, к тому «…чье творчество уже намечает исход (или возврат) из героического обособления в хоровую соборность духовной свободы», — зачинателю действ всенародных Шиллеру. «Сервантес, Шекспир, Шиллер — вот звездное сочетание на нашем горизонте: пусть разгадают астрологи духа!»

Сейчас, в начале XXI века, разгадывать подобные знамения, глядя в прошлое, а не в будущее, нетрудно. Ведь благородные призывы и надежды на всеобщее согласие, скрепленное трудом и братской любовью, со всей определенностью не оправдались. Как бы мы ни располагали на небосводе духовной культуры созвездия гениев, земные дела вершатся по своим законам. И это осознал к концу своей жизни Шиллер, нашедший

философское отдохновение в обществе мудрецов — Гете, Гердера… Он размышляет о недостижимой, как мечта, юной и прекрасной поре античности (какой она видится романтику) в стихотворении «Боги Греции»:

Светлый мир! о где ты?
Как чудесен
Был природы радостный расцвет.

Поэт печалится по тому времени, когда люди воспринимали природу как чудо, восхищаясь ее красотой и гармонией, отзвуки которой наполняли их души. Но взгляд человека становился все более хищным, алчущим благ материальных, и все изменилось:

Без любви к виновнику творенья,
Как часы, не оживлен и сир,
Рабски лишь закону тяготенья
Обезбожен служит мир…
Боги улетели в область сказки,
Унося туда же за собой
Все величье, всю красу, все краски,
А у нас остался звук пустой…

И вновь — преувеличение, ибо слово его вовсе не было звуком пустым. Просто были тщетны надежды, что глаголом можно не только «жечь сердца людей», но и пробуждать твердые убеждения, непоколебимую веру в истину и благородство.

Для Шиллера понятие красоты включало очень многое: и нравственность, и познание, и предназначение человека на Земле. Этому он посвятил очерк «О прелести и достоинстве». Верно отметил в книге «Поэт-философ (Шиллер)» публицист В.Е. Романовский: «Трактуя философскую тему, он всегда остается поэтом, и фантастические образы заменяют у него сухой анализ… Если в своей поэзии он является философом, то и, наоборот, он и в философии остается поэтом». То же относится к «Письмам об эстетическом воспитании человечества» (их Шиллер адресовал наследнику датского престола в благодарность за назначенную пенсию). В них утверждается: «Красота спасет мир». Только она способна проложить «путь из государства нужды в царство свободы».

Он продолжает писать драмы, воспевая героев, подвижников, борцов за свободу и человеческое достоинство: «Орлеанская дева», «Мария Стюарт», «Вильгельм Телль», трилогию «Валленштейн». И все-таки его романтические порывы начинают угасать. Искусствовед Г.В. Якушева пишет:

«Идеалист Шиллер вообще начинает с ужасом чувствовать, что его раздражают и утомляют люди. Конечно, это и прогрессирующая болезнь — чахотка, след долгих испытаний и лишений, это и страх потерять для творчества немногие оставшиеся годы. Но это и другое — та максималистская нетерпимость возвышенно-требовательной души, о которой впоследствии вспоминал Гете, сам гораздо более снисходительный к окружающим».

«Больной талант» — так оценит Шиллера в XX веке его великий соотечественник Томас Манн и противопоставит создателя «Разбойников» «здоровому» таланту — Гете, проведя линии, продолженные вслед за ним многими: от Шиллера — к Достоевскому, от Гете — к Толстому. И тут будет нащупан самый нерв гения Шиллера: идеалистически-восторженное представление о должном в жизни и постоянные страдания от его несоответствия тому, что есть — в то время как Гете всегда воспринимал людей более трезво и спокойно, без особых иллюзий, но без особых огорчений.

За два года до смерти он пишет стихотворение «Пилигрим», словно оглядываясь на прожитые годы и вспоминая то время, когда внутренний голос внушал ему:

Ты увидишь храм чудесный,
Ты в святилище войдешь,
Там в нетленности небесной
Все земное обретешь.

А земная жизнь идет своим чередом. Поэта увлекают обманчивые миражи, он уповает на будущее, стремится соединить действительность с прекрасным идеалом. Но проходит время, мечты остаются мечтами, не воплощаясь в реальность. Остается с грустью признать:

И вовеки надо мною
Не сольется, как поднесь,
Небо светлое с землею,
«Там» не будет вечно «здесь».

Возможно, на взгляды Шиллера в последние годы оказали влияние возраст, болезнь и умиротворяющее мировоззрение Гете (в герцогской усыпальнице в Веймаре гробницы их покоятся рядом). Шиллер смиренно признал, что юношеское стремление перестроить мир остается в области мечтаний. Хотя его романтические произведения продолжали находить отзвук в поэтических душах, а несоответствие идеалов с действительностью пробуждало яростный протест (так было у Байрона, Гейне, Лермонтова и многих других). Наконец, отметим, что Шиллер предвидел наступление периода «бури и натиска» в познании природы, вспышку научного творчества в XIX начале XX века. Он верил:

Что здесь встречает нас, как красота земная,
То встретит некогда как истина сама.

Увы, и в этом случае творческие бескорыстные порывы искателей истины сменились бескрылой утилитарностью, погоней за выгодой, губительной, по убеждению поэта, для духовной культуры. И уже приходится спасать красоту от уродства творимого людьми мира.

БАЙРОН

(1788–1824)

Джордж Ноэл Гордон Байрон происходил из знатного, хотя и обедневшего, рода. Детство провел в городе Абердине (Шотландия). В десятилетнем возрасте унаследовал от двоюродного деда титул лорда и поместье. После закрытой аристократической школы, где начал сочинять стихи, учился в Кембриджском университете.

В 1807 году издал свой первый сборник стихов «Часы досуга»; а окончив университет, путешествовал по Ближнему Востоку и Южной Европе. Вернулся в Англию убежденным бунтарем и анархистом, сторонником освобождения народов и человеческой личности — вплоть до восстания против Бога. Свои впечатления отразил в поэме «Паломничество Чайльд Гарольда», а также в «восточных» поэмах «Гяур», «Лара», «Корсар», «Осада Коринфа»… Создал впечатляющий образ бунтаря-одиночки, разочарованного в цивилизации и буржуазных ценностях.

Как член палаты лордов Байрон выступил в поддержку луддитов, протестовавших против внедрения машин в производство и безработицы. Позже, живя в Швейцарии, написал героические поэмы «Манфред», «Каин», а в последние годы жизни стал активно участвовать в национально-освободительных движениях в Италии и Греции. Тогда же создал сатирическую поэму «Бронзовый век» и эпический роман в стихах «Дон Жуан» (оставшийся незаконченным). Умер в Греции от лихорадки.

О том, какое влияние оказывали творчество и образ Байрона на современников и последующее поколение, свидетельствует вошедшее в обиход понятие «байронизм». Никто из поэтов и писателей мира не удостаивался такой чести. Это похоже на увлечение «гамлетизмом». Вспоминается высказывание Шатобриана: «Мне забавно представлять себе, Шекспир, в какую ярость привели бы тебя твои горе-поклонники, воскресни ты в наше время. Ты был бы оскорблен их преклонением перед банальностями… люди, способные восторгаться твоими недостатками, способные, более того, живя в иную эпоху, как ни в чем не бывало подражать им, неспособны оценить подлинные красоты твоих творений». Вот и «байронисты», а также многие критики смогли разглядеть только недостатки великого поэта, так и не осмыслив его достоинств. Обычная закономерность: каждый понимает гения на свой лад, по своему разуму и масштабу.

Впрочем, байронистами бывали разные, нередко весьма достойные люди. Не их вина, что настало нелегкое время для тех, кого тяготила, возмущала, душила атмосфера условностей, лицемерия, пустословия, которая установилась в образованном европейском обществе той поры. Не случайно в России причастны к байронизму были Пушкин и Лермонтов. Но дело не только в этом.

"Байрон и байронизм, — писал Гилберт К. Честертон, — были куда лучше, чем нам кажется. Прежде всего, мы ошибаемся, когда зовем Байрона пессимистом. Правда, он и сам так думал, но мало-мальски знакомый с Байроном критик знает, что, пожалуй, никто из умных людей не ошибался так на свой счет, как он…

Вряд ли можно серьезно считать, что байроническая страсть к пустынным местам и диким силам природы говорит о скепсисе и упадке

духа. Если человек гуляет один на берегу бушующего моря, если он любит горы, ветер и печаль диких мест, мы можем с уверенностью сказать, что он очень молод и очень счастлив…

Новые пессимисты ничуть на них не похожи. Их влекут не древние простые стихии, а сложные прихоти современной моды. Байронисты стремились в пустыню, наши пессимисты — в ресторан…"

Несколько позже Вячеслав Иванов в статье «Байронизм как событие в жизни русского духа» перевел проблему в другую плоскость. По его мнению, «для Запада байронизм означал по преимуществу пессимизм философский и общественный, мировую скорбь», плач и рыдание и неукротимый ропот на тризне надежд Великой французской революции. Для славянства он был огненным крещением Духа, первою врезавшеюся в сердце, как раскаленная печать, вестью об извечном праве и власти человеческой личности на свободное самоопределение перед людьми и Божеством".

Приведенные высказывания показывают, каким значительным социальным явлением стала начиная с конца XVIII века литература (вспомним хотя бы Шиллера). Но конечно же личность и творчество Байрона были несравненно сложней, чем их отражение в общественной жизни. Тем более что он, как всякий человек, менялся со временем. В 1809 году в сатире на английских бардов и шотландских обозревателей он признавался:

Ведь я из этой шайки озорной,
Едва ль не самый член ее шальной,
Умеющий в душе ценить благое,
Но в жизни часто делавший другое.
Я, помощи не ждавший никогда,
Столь надобной в незрелые года,
Боровшийся с кипучими страстями,
Знакомый с теми чудными путями,
Что к наслажденью завлекают нас,
Дорогу там терявший каждый раз…

А завершая свой опус, дважды двадцатиоднолетний лорд, словно умудренный опытом старец, заключает:

Я зачерствел… теперь не тот уж я,
Бесследно юность канула моя;
Я научился думать справедливо
И говорить хоть резко, но правдиво…

Увы, это у него получилось слишком резко, а потому и не вполне справедливо. Вскоре он постарался скупить как можно больше экземпляров язвительной и недостаточно отточенной сатиры, предваряя которую высказал верную мысль: «Злоупотребление талантом для низких целей заслуживает самого решительного порицания».

Байрон не был байронистом (как не был дарвинистом Дарвин, марксистом — Маркс). Подлинный гений, он не укладывался в прокрустово

ложе какого-то одного направления. Кстати, он не столько в жизни, сколько в поэтическом воображении бродил угрюмо средь суровых скал и наслаждался гордым одиночеством в пустыне. В одном из писем с полной убежденностью утверждал, что великие творения архитектуры «не уступают по красоте ни Монблану, ни Этне, да, пожалуй, и превосходят их, будучи непосредственными воплощениями ума… они заключают в себе некие свойства самой жизни, неведомые неодушевленной природе, если, конечно, не принять систему Спинозы, согласно которой мир есть божество». Или такой пассаж: «Но уберите пирамиды — и что останется от пустыни?» Как творцу культуры, а не исследователю природы, поэту близки и дороги великие создания людей, а дикие и страшные стихии представляются «демонами глухонемыми» (великолепный образ Ф. Тютчева, позже дополненный М. Волошиным).

Или вот еще один пример «небайронизма» Джорджа Ноэля Гордона:

В полночь месяц чуть колышет
Воды в глубине;
Лоно моря еле дышит,
Как дитя во сне.
Так душа, полна мечтою,
Чутко дышит красотою;
Нежно в ней растет прибой,
Зачарованный тобой.

Спору нет, для иноязычных стихов огромное значение имеет искусство переводчика (в данном случае — Константина Бальмонта). Но и без того очевидно, что гениальный поэт создает многообразный, одухотворенный сильными чувствами и неожиданными мыслями воображаемый мир. И мир этот должен просветлять человечную душу.

«По моему убеждению, — писал Байрон, — нет выше поэзии, чем поэзия, проникнутая этическим началом; как нет на земле ничего достойнее правды, в основе которой лежат высокие нравственные принципы». И еще: «Если смысл поэзии сведется ко лжи, останется только швырнуть такую поэзию собакам или изгнать ее за пределы республики, как это сделал бы Платон. Лишь тот, кто способен внести в поэзию правду и осмысленность, является „поэтом“ в истинном значении этого слова, „создателем“ „творцом“, — разве данные понятия означают „лгун“, „притворщик“, „выдумщик“? Человек способен на большее». По его словам, «в наши дни стало модным превозносить то, что зовется „воображением“ и „фантазией“ и, по сути, является даром вполне заурядным; любой ирландский крестьянин, хлебнув немного виски, сочинит и нафантазирует вам куда больше, чем какой-нибудь современный поэт».

Итак, он стремился к правде, искренности, осмысленности, тогда как салонный «байронизм» быстро выродился в нечто прямо противоположное. В этом, конечно, не вина поэта, а беда общества.

Противоречий много в человеке.
Источник правды чист, но мутны реки.

При всей своей приверженности к творениям человека, культуре, более или менее благоустроенной жизни, он воспринимал все это частью несравненно более великого целого. И если в его поэмах действуют титаны, мифические герои и буйствуют природные стихии, то все это, в конце концов, остается частью поэтического мира, в котором есть место не только «вселенской скорби», индивидуализму, разочарованности, но и очарованию, нежности, любви, чувству единения с людьми и природой.

Нет, одиноким быть не может тот,
Чей дух с природою один язык найдет.

Не все, далеко не все в этом мире устраивает поэта. И он не только возмущается и протестует — мужественно вступает в ряды борцов за свободу. Что делать, если титанические духовные силы сокрыты в теле не сказочного гиганта, а человека?

Восстание против несовершенства мироздания обречено на позорный провал. Остается анархический бунт личности, отстаивающей свое достоинство, духовную свободу, право на бунтарство. А еще присутствует сознание непостижимости бытия. Оно дает надежду на то, что все наши труды и страдания не напрасны, и есть скрытый смысл в этом мире и в нашем скоротечном существовании:

Меж двух миров, на грани смутной тайны
Мерцает жизни странная звезда.
Как наши знанья бедны и случайны!
Как многое сокрыто навсегда!

БАЛЬЗАК
(1799–1850)

Он был честолюбив и без веских оснований добавлял к своей фамилии частицу «де», подчеркивая свою принадлежность к дворянству. Оноре де Бальзак родился в городе Туре в семье чиновника, выходца из крестьян. С четырех лет воспитывался в коллеже монахов-преторианцев. После переезда семьи в Париж по настоянию родителей учился в юридической школе и работал в адвокатской конторе. Быть клерком он не собирался; стал посещать лекции по литературе в Сорбонне. В 21 год написал стихотворную трагедию «Кромвель». Она, как и развлекательные романы (под псевдонимами), были очень слабы, и от них он позже отрекся. Первый успех принесли ему очерки, «социологические портреты», публиковавшиеся в газетах, а также исторический роман «Шуаны» (1889). Бальзак постоянно испытывал материальные трудности из-за неумения вести финансовые дела (а вот герои его произведений умеют проворачивать выгодные аферы!) Писатель вдохновился грандиозным замыслом воссоздать в предельной полноте жизнь общества. Он был мыслителем, исследователем быта и нравов. «Единственная реальность — это мысль!» — считал он. Ему удалось воплотить в жизнь свою идею, создав цикл под названием «Человеческая комедия» — 97 романов и повестей («Евгения Гранде», «Шагреневая кожа», «Блеск и нищета

куртизанок», «Гобсек», «Отец Горио», «Утраченные иллюзии», «Крестьяне»…). Ему принадлежат пьесы, очерки, полные юмора «Озорные рассказы».

В предисловии к своему эпическому циклу Бальзак определил свою сверхзадачу: «Читая сухой перечень фактов, называемых „историей“, кто не заметит, что историки забыли одно — дать нам историю нравов».

Бальзак убедительно показал, как страсть к быстрому обогащению калечит души людей, оборачивается трагедией и для личности, и для общества. Ведь в то время процветали финансовые воротилы и авантюристы, казнокрады и спекулянты, а вовсе не те кто занимался конкретным производством в промышленности и сельском хозяйстве. Симпатии Бальзака были на стороне потомственной аристократии, а не хищных охотников за капиталами; искренне сочувствует он униженным и оскорбленным, восхищается героями, борцами за свободу и человеческое достоинство. Он сумел осмыслить и выразить в художественной форме жизнь французского общества и типичных его представителей с необыкновенной проницательностью и выразительностью.

Воссоздание истории не в романтическом ореоле, необычайных событиях и занимательных приключениях, а с предельным реализмом и едва ли не научной точностью, — вот труднейшая задача, которую поставил перед собой Бальзак, сумев справиться с ней поистине титаническим трудом. По словам видного социолога политэкономиста и философа Ф. Энгельса, из «Человеческой комедии» он «даже в смысле экономических деталей узнал больше, чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков того периода, вместе взятых».

Остается только удивляться, что при таком великом таланте, мощном интеллекте и обширности знаний Бальзака, работая буквально на износ (ночами, взбадривая себя крепким кофе), а порой занимаясь предпринимательством, он не только не разбогател, но частенько с трудом выпутывался из долгов. Его пример наглядно показывает, «кому при капитализме жить хорошо». Его наивные мечты о благородных аристократах и духовных ценностях явно не соответствовали наступившей эпохе и тому будущему, которое ожидало техническую цивилизацию. Некоторые мысли Оноре де Бальзака:

— Задача искусства не в том, чтобы копировать природу, но чтобы ее выражать!

— Подражай, и ты будешь счастлив, как дурак!

— Стремление мерить человеческие чувства единой меркой — нелепость; у каждого человека чувства сочетаются с элементами, свойственными только ему, и принимают его отпечаток.

— Предел жизненных сил человека еще не исследован; они сродни могуществу самой природы, и мы их черпаем из неведомых хранилищ!

ПУШКИН
(1799–1837)

Принадлежал он к небогатому, но старинному дворянскому роду, получил домашнее воспитание и отличное образование в Царскосельском лицее, где и начал писать стихи, стал печататься с 1814 года. Окончив лицей, жил в Петербурге, служа в Коллегии иностранных дел. Писал, помимо лирических сочинений, острые эпиграммы, свободолюбивые и

обличительные стихи.

Ода «Вольность», а затем «К Чаадаеву» и «Деревня» послужили основанием его высылки на юг России. Перед этим он закончил поэму-сказку «Руслан и Людмила»; в ссылке написал романтические поэмы «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья-разбойники», «Цыганы». С 1824 года ему было разрешено жить в имении в Михайловском Псковской губернии. Здесь он создал трагедию «Борис Годунов», работал над романом в стихах «Евгений Онегин».

Высоко оценивая деяния Петра I, восславил его в поэмах «Полтава» и «Медный всадник». В 1830 году написал замечательные «Маленькие трагедии». Его «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «Дубровский», «Капитанская дочка» открыли новый этап развития русской реалистической прозы. Ему принадлежат прекрасные сочинения для детей («Сказка о царе Салтане», «Сказка о золотом петушке» и другие).

Многие стихотворения Пушкина стали классикой, знакомы русскому человеку с детства, переложены на музыку композиторами. Недаром его называют «Солнцем русской поэзии». Мы не будем пересказывать или разбирать его произведения. Задумаемся над тем, каким образом и почему стал он гением? Сразу же отметим, что ему был присущ один из признаков гениальности: гармоничное сочетание противоречивых качеств. Одного этого, возможно, еще недостаточно, хотя без соединения мудрости с легкомыслием, бурного темперамента с меланхолической задумчивостью, способности понимать самого себя и других не может быть такого всеобъемлющего мыслителя-поэта, каким был Пушкин.

Его пример легко опровергает предрассудки блюстителей «чистоты расы»: среди близких предков Александра Сергеевича были не только русские, но и «арап» (эфиоп, абиссинец) и немка. Его бабушка по линии матери Марья Алексеевна, дочь тамбовского воеводы, и дедушка Осип Абрамович Ганнибал, морской офицер, соединились браком по страстной любви. Однако вскоре выяснилось, что они не сходятся характерами. Они разошлись, никогда более не встречаясь. Можно предположить, что резкие различия характеров этих двух людей сочетались в их внуке Александре, причем не только в гармонии, но и в противоречиях.

Другая особенность детства Пушкина связана с окружающей его обстановкой. Представляется патриархальная помещичья усадьба, размеренный быт. Не случайно же восемнадцатилетний Пушкин признался в стихотворении-послании другу Дельвигу:

С какою тихою красою
Минуты детства протекли…

Правда, эти строки остались в черновом варианте стихотворения. Но и в окончательной редакции слышится отзвук милых воспоминаний:

Я лирных звуков наслажденья
Младенцем чувствовать умел,
И лира стала мой удел.
Но где же вы, минуты упоенья…

Однако, как выясняется, реальное, а не литературно-художественное детство Пушкина протекало иначе. Недаром он исключил из более поздней редакции строки о «тихой красе». А когда в зрелом возрасте набрасывал план детских воспоминаний, то упомянул такие эпизоды: «Первые неприятности», «Мои неприятные воспоминания», «Нестерпимое состояние». Выходит, было у него одно детство «умозрительное», милое и нежное, а одновременно — реальное, мало на него похожее.

Относительно бытовой обстановки, в которой он рос, есть проницательная характеристика литературоведа В.С. Мейлаха: «Когда читаешь описание современников быта семьи Пушкиных, невольно возникают ассоциации с бытом литературной богемы. Полнейшая безалаберность, неразбериха, постоянные переезды с одной квартиры на другую, неожиданные сумасбродные решения». Он привел воспоминания М.А. Корфа: «Дом их представлял всегда какой-то хаос: в одной комнате богатые старинные мебели, в другой пустые стены, даже без стульев; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня, ветхие рыдваны с тощими клячами, пышные дамские наряды и вечный недостаток во всем, начиная от денег и до последнего стакана». Учтем еще, что жили они в основном в Москве, городе удивительных и неожиданных контрастов, где великолепные храмы и дворцы соседствовали с избушками и огородами, невдалеке от Кремля располагались деревеньки и усадьбы с флигелями, конюшнями, парками и прудами.

Подобная домашняя и городская обстановка наложила свою печать на духовный мир впечатлительного ребенка. В семье воспитывали его не только «безалаберные» родители, но и добрая степенная бабушка Марья Алексеевна. Она рассказывала семейные предания. С наибольшим вниманием выслушивал Сашенька истории про своего прадедушку, арапа Петра Великого, а также о ее дедушке Ржевском, к которому любил запросто заезжать Петр. С той поры образ царя стал для Пушкина близким.

Бабушка учила Сашу читать и писать. А еще была любимая нянюшка Арина Родионовна, грамоте не обученная, зато знавшая множество русских народных песен, сказок, поговорок, прибауток. Трудно сказать почему, но Пушкин чаще и теплей вспоминал о своей няне, а не о бабушке. По-видимому, правы те литературоведы, которые связывают прекрасное владение Пушкиным простонародным русским языком и образами народных песен и сказаний с влиянием Арины Родионовны. Как он писал:

Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум…

В этом же стихотворении поэт назвал те качества, которые ему чужды: «Я не герой, по лаврам не тоскую… Я не богач… Я не злодей…» Действительно, ни военная слава, ни богатство, ни власть, сопряженная со злодейством, его не прельщали. В отличие от вечных истинных человеческих радостей — дружбы, любви, творчества…

Конечно, одних лишь внешних обстоятельств для появления гения недостаточно. Это похоже на евангельскую притчу о зернах, попавших на различную почву и возросших неодинаково, а то и зачахших в зародыше. Дополним: зерна-то в жизни бывают разные; далеко не каждое, даже попав на плодородную почву, даст великолепный колос. Да и люди формируются не только благодаря хорошей окружающей среде, но и вопреки всем трудностям и невзгодам, путем преодоления, а не пассивного приспособления (из приспособленцев ничего путного никогда не получится уже потому, что они и не пытаются духовно подняться выше посредственности).

Отметим особо впечатлительность Пушкина-ребенка и то, что у них на обедах и вечерах бывали Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский; часто звучали стихи. Вообще, поэзия в ту пору была модной, и с детства мальчик вслушивался в ритмичные сочетания слов, вызывающие неожиданные и яркие образы, пробуждающие неясные чувства, подобно музыке.

По воспоминаниям литератора М.Н. Макарова, посещавшего дом Пушкиных, юный Саша «был скромный ребенок; он очень понимал себя, но никогда не вмешивался в дела больших, и почти вечно сиживал как-то в уголочке, а иногда стаивал, прижавшись к тому стулу, на котором угораздивался какой-нибудь добрый оратор, басенный эпиграммист и проч… Однажды, когда один поэт моряк провозгласил торжественно свои стихи и где как-то пришлись: „И этот кортик, И этот чертик!“, Александр Сергеевич так громко захохотал, что Надежда Осиповна подала ему знак и он нас оставил».

Выходит, у ребенка достало вкуса и ума, чтобы оценить такие вирши. И столь же взыскательным был он и к собственным стихотворным упражнениям. По свидетельству того же М.Н. Макарова, однажды в гостях у графа Д.П. Бутурлина юный Пушкин был окружен молодыми девушками, просившими, чтобы он написал им что-нибудь в альбомы. «Поэт-дитя смешался. Кто-то из взрослых продекламировал „высоким штилем“ его четверостишье. Пушкин воскликнул по-французски: „Ах! Мой Бог!“ — и выбежал вон». Макаров нашел его в библиотеке графа. Александр сказал ему, словно оправдываясь: «Этот господин так меня озадачил, что я не понимаю даже книжных затылков» (т. е. надписей на корешках).

Значит, еще в детстве Пушкин обратил на себя внимание и кое-кто уже ценил его поэтический дар. Но при всей резвости ума и легкости пера он в глубине души серьезно относился к поэзии, умея критически оценивать чужие и свои сочинения. А его «первые неприятности» были вызваны, по-видимому, конфликтами с родителями. Ни отец, ни мать его не любили, не старались его понять, а как часто бывает в подобных случаях, восполняли недостаток чувств строгостью и требованием от ребенка неукоснительного послушания. Известно высказывание Пушкина, которое считается автобиографичным: «Я был резов, ленив и вспыльчив, но чувствителен и честолюбив, и лаской от меня можно было добиться всего; к несчастью, всякий вмешивался в мое воспитание, и никто не умел за него взяться».

Ему с детских лет приходилось отстаивать свою самостоятельность, свое достоинство. К нему вполне подходит его замечание: «Невинные странности москвичей были признаком их независимости. Они жили по-своему, забавлялись как хотели, мало заботясь о мнении ближнего». Независимость была для Пушкина одним из проявлений свободы: «Мы — вольные птицы; пора, брат, пора!» Недаром слова «свобода», «вольность» повторяются в его сочинениях почти столь же часто, как «дружба», «любовь». Он высмеивал и презирал ценности, исчисляемые в деньгах, предполагая высшее предназначенье человека:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Подобные «высшие материи» не мешали ему быть необычайно отзывчивым, остро переживать не только свои, но и чужие невзгоды. Основательно изучив европейскую литературу и философию, обладая редким по ясности и проницательности умом, да еще немалой долей язвительного «вольтерьянства», он всегда и во всем оставался русским человеком, воплощением отечественной культуры, соединяющей народные традиции с западным просвещением.

Вспомним напоследок его лицейскую эпитафию:

Здесь Пушкин погребен, он с музой молодою,
С любовью, леностью провел веселый век.
Не делал доброго, однако ж был душою,
Ей-богу, добрый человек.

Еще точнее сказано им в «Памятнике»: «Что чувства добрые я лирой пробуждал». Век его был недолог и не очень-то весел, а провел поэт его достойно, как положено гению, воплотившему в своем творчестве гармонию мысли и чувства, добра и красоты.

ЛЕРМОНТОВ
(1814–1841)

Он отличается от подавляющего числа великих людей: почти вся его жизнь — это детство и юность, ведь физиологическое развитие мужчины завершается приблизительно к 22 годам. Следовательно, «взрослым», формально, Лермонтов прожил всего лишь 5 лет!

Родился он в Москве, в семье отставного капитана, в поместье Тарханы Пензенской губернии. Рано лишившись матери, остался с бабушкой, которая воспринимала Мишу как личную любимую собственность, завещая ему состояние, только если он не будет общаться с отцом. Мальчик тяжело переживал этот разлад, посвятив ему свою первую пьесу «Люди и страсти» (1830), а затем другую: «Странный человек», сделав приписку: «Я решился изложить драматически происшествие истинное, которое долго беспокоило меня и всю жизнь, может быть, занимать не перестанет…» Юный герой пьесы с характерным именем Юрий Волин говорит по поводу распри отца с бабушкой: «Я здесь как добыча,

раздираемая двумя победителями, и каждый хочет обладать ею».

Он получил прекрасное домашнее образование, играл на фортепиано и скрипке, отлично рисовал. Учась в Благородном пансионе при Московском университете, вступил в Общество любителей отечественной словесности. Первые стихотворения, достойные публикации, написал в 1829 году. Обучался на словесном отделении Московского университета, но не окончил его, избрав военную карьеру — школу гвардейских прапорщиков. Продолжал жить напряженной духовной жизнью, создавая замечательные стихи, а также драму «Маскарад». В 1837 году за обличающее «жадною толпой стоящих у трона» стихотворение «На смерть поэта» его сослали на Кавказ в действующую армию. Он храбро сражался с чеченцами, превозмогал все лишения и тяготы. В эти годы им написаны поэмы «Мцыри» и «Демон», роман «Герой нашего времени» и много стихов. На дуэли не стал стрелять в противника и был им убит.

Недолгая его жизнь оправдывала бы очень краткий биографический очерк, если бы не вопрос: почему ему за столь малый срок удалось создать целый ряд гениальных произведений в стихах и прозе? Чтобы получить ответ, надо пристальней присмотреться к некоторым эпизодам его жизни.

В ранней неоконченной повести Михаил Лермонтов изобразил самого себя в образе главного героя Саши Арбенина: «Он семи лет умел уже прикрикнуть на непослушного лакея. Приняв гордый вид, он умел с презрением улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тем природная склонность к разрушению развивалась в нем необыкновенно. В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие цветы, усыпая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный им камень обивал с ног бедную курицу».

Так бы хотелось воскликнуть с негодованием: «Какой дрянной мальчишка!» Но если рассудить всерьез и честно, ничего особенно гадкого он, судя по этому признанию, не совершал. Многие другие позволяют себе мерзости похуже, и не очень-то переживают потом… Впрочем, из них не только великие поэты, но и хорошие обыватели обычно не получаются.

Сам он высказался так: «Бог знает, какое направление принял бы его характер (речь идет о том же Саше Арбенине), если бы не пришла на помощь корь… Его спасли от смерти, но тяжелый недуг оставил его в совершенном расслаблении; он не мог ходить, не мог приподнять ножки. Целые три года оставался он в самом жалком положении, и если б не получил от природы железного телосложения, то, верно, отправился бы на тот свет. Болезнь эта имела важные следствия и странное влияние на ум и характер Саши: он выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой… В продолжение мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он уже привык побеждать страданья тела, увлекаясь грезами души. Он воображал себя волжским разбойником, среди синих и студеных волн, в тени дремучих лесов, в шуме битв, в ночных наездах, при звуках песен, под свист волжской бури».

В детстве было у него одно первое очень сильное — на всю жизнь — душевное потрясение: он страстно влюбился в голубоглазую, златокудрую, прекрасную, как ангелок, девочку. («С тех пор я ничего подобного не видел,

или это мне кажется, потому что я никогда не любил, как в этот раз».) Ему было 10 лет, над его чувством посмеивались, он сильно страдал, плакал, жаждал видеть ее, но, встречая, стыдился и убегал.

Это чувство оставило в его душе такой же светлый, волшебный, томительный след, как память о матери. Девочка-ангел пробудила в душе несбывчивые мечты, поистине любовь неземную. Через пятнадцать лет, 1 января 1840 года, после шумного маскарадного бала в Благородном собрании (в Колонном зале, в Москве), он написал стихотворение: «Как часто, пестрою толпою окружен…». Оно завершается так:

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю о ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Эта жажда идеала, неутолимая в обыденной жизни, эта безнадежная печаль об утраченном рае (да и был ли он где-то еще, кроме воображения поэта?), эти детские мечты для него святы. Казалось бы, понимая, что милый образ сохранился только в его душе, а та прелестная девочка уже стала частью «пестрой толпы», поэту остается только посетовать на судьбу и грустно улыбнуться. Но он вспыхивает в гневе:

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их,
Дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Взрослея, он оставался ребенком. Возможно, именно поэтому так сильно страдал от противоречивых чувств. Но можно ли иначе быть поэтом? Не сказано ли самим Лермонтовым про демона творчества:

Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

Лермонтову чуждо смирение. Он бунтовщик по натуре, не желающий и не умеющий сдерживать свои страсти. Для него священны и благостны порывы творчества, пробуждающие в душе бурные чувства; вспышки вдохновения, внезапно озаряющие ум. И уже не поймешь, откуда этот свет — то ли с надземных высот, то ли из адского пекла.

Пятнадцатилетним отроком в стихотворении «Молитва» он обращается к Богу, сотворившему человека существом земным и небесным, сделав так, что мир земной ему тесен, в душе пылает «всесожигающий костер»:

От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь.

Да, именно так было, есть и будет для творца, устремленного в неведомое. Он ищет не спасения, а воплощения души в своих творениях. И пусть в словах поэта заметна юношеская бравада, он высказал мысль очень верную: для истинного поэта вдохновение важней спасения. (Полвека спустя философ Вл. Соловьев посвятит этой теме интересную и поучительную статью.) В своих творческих дерзаниях юный Лермонтов порой заходит далеко. Например, бестрепетно предрекает крушение самодержавия:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет…

К названию этого стихотворения — «Предсказание» — добавлено в скобках: «или мечта». Получается так, будто поэт со злорадством провидит ужасные потрясения, ожидающие Родину. И явление «мощного человека» с булатным ножом приводит его едва ли не в восторг. У этого страшного разбойника, которому смешны плачи и стоны жертв, помимо черного плаща (из театрально-романтического реквизита) еще и странное «возвышенное чело». В данном случае и ряде других поэт занимает позицию «По ту сторону добра и зла» (если воспользоваться названием и сутью работы Ф. Ницше). Вл. Соловьев имел все основания заключить:

«Я вижу в Лермонтове прямого родоначальника того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий… которое для краткости можно назвать „ницшеанством“. Глубочайший смысл действительности Лермонтова освещается писаниями его ближайшего преемника Ницше».

Теперь, основываясь на опыте XX века, нетрудно дополнить эту мысль, упомянув террористов-народников, анархистов, великих революционеров и диктаторов, умевших совмещать булатный нож с возвышенным челом. Надо только учитывать одно важное обстоятельство: Лермонтов не призывал к злодействам и переворотам, а предвидел их. То, что его мрачные прогнозы сбылись, подтверждает его проницательность, удивительную для юноши мудрость, а не скверный нрав. Жестокую правду жизни следует отличать от жестокосердия ее выразителя. А ведь были люди — и не из простачков! — считавшие Михаила Юрьевича едва ли не прирожденным злодеем. Ссылаясь на воспоминания самого поэта, Владимир Соловьев (сам философ и поэт) полагал: «С детства обнаружились в нем черты злобы прямо демонической… И это демоническое сладострастие не оставляло его до горького конца. Но с годами демон кровожадности слабеет, отдавая большую часть своей силы своему брату, демону нечистоты».

В ответ на такое суждение (обвинение, приговор), писатель Д. Мережковский сослался на официальный документ: «В 1840 году в

черновом отпуске полковой канцелярии при штабе генерал-губернатора Граббе, отправленном в Петербург, на запрос военного министра о поручике Лермонтове сказано: „Служит исправно, ведет жизнь трезвую и ни в каких злокачественных поступках не замечен“». Полковой писарь оказался милосерднее христианского философа.

Тем не менее Лермонтова частенько называли злым гением русской поэзии. Не он ли сам, гусарствуя в пьяной компании, выдал такую расписку: «Российский дворянин Скот Чурбанов». Но может быть, он этим выразил презрение к тем, кто кичится принадлежностью к дворянству, к избранным, оставаясь в естестве своем и поступках именно скотами чурбановыми. Вот одно свидетельство современника:

«Он мне был противен необычайною своею неопрятностью. Он носил красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядела почерневшею из-под вечно расстегнутого сюртука. Гарцевал на белом, как снег, коне, на котором, молодецки заломив холщовую шапку, бросался на чеченские завалы. Собрал какую-то шайку грязных головорезов. Совершенно входя в их образ жизни, спал на голой земле, ел с ними из одного котла и разделял все трудности похода».

Кто писал это? Не тот ли самый Чурбанов? От таких Лермонтову приходилось скрывать свою душу — чувствительную и доверчивую. А вот настоящие мужчины-воины относились к нему с уважением.

Да, бывал он и недобрым. Беспредельно добрых людей не бывает. Даже Христос, как известно, во гневе изгонял торгующих из храма. Пристало ли человеку быть смиренней? Не будет ли это лицемерием, ложью или подлостью? И надо ли резко упрекать Лермонтова за то, что он пытался выглядеть хуже, чем есть на самом деле? Однажды в Пятигорске он обидел неосторожным словом жену мелкого чиновника; так потом не раз приходил к ним, просил прощения, извинялся перед мужем, пока не получил от них полного «прощения греха». Грубый и наглый самодовольный человек так не поступает.

Нет, гений Лермонтова — не демон зла.

С юности он необычайно серьезно относился к литературному творчеству. Его не удовлетворяло вдохновенное дилетантство, стихотворные «развлекалочки». Он мечтал прославиться, как Байрон, Пушкин. И шел по намеченному пути, преодолевая немалые трудности; не жалея сил и времени постигал основы словесного ремесла. Уже в отрочестве он ставил перед собой грандиозные задачи. В 14–16 лет он, помимо множества небольших сочинений, написал десяток поэм и трагедию в пяти действиях «Испанцы» (преимущественно белым стихом). Пусть даже эти произведения не отмечены печатью «гениальности», вызывает уважение уже сам факт обращения его к столь крупным литературным формам. Тут видится проявление профессионализма. Сопоставим строфы:

Печальный демон, дух изгнанья,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним,

Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу Бога,
Не отвращаясь от него;
Когда сердечная тревога
Чуждалася души его,
Как дня боится мрак могилы.
И много, много… и всего
Представить не имел он силы…

Таков первый вариант начала поэмы. Автору — 15 лет. В окончательной редакции, через 12 лет, став известным поэтом, он напишет:

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснилися толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим…
…Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый…
И много, много… и всего
Припомнить не имел он силы!

Что это — ранняя печать гения в юношеских стихах? Или печать юности на произведении мастера? А может быть, и то, и другое, и вдобавок еще третье: верность детским сильным и свежим чувствам — и есть залог поэтической гениальности?

Удивительно, как мог Вл. Соловьев не учесть того, что у поэтической натуры юного Лермонтова первоначальные возвышенные мечты и чистые устремления были поруганы и осмеяны, а потому и появилась, как средство защиты, маска демонизма. Ну а всякая маска, если долго ее не снимать, накладывает свой отпечаток на живое лицо. Но неприятные «гримасы души», свойственные Лермонтову, были свидетельством его упрямой верности детским идеалам. В этом отношении он оставался всегда Рыцарем Печального Образа. И не случайно в его сочинениях часто встречается слово «печальный». А одно из его проникновенных юношеских стихотворений завершил он так:

Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели…
И в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум печальной цели.

У него не хватило воли и решительности (с долей безумия), чтобы совершить подвиги Дон Кихота, не боясь выглядеть смешным в глазах тех,

кто был глупей и непорядочней его. Он хотя бы страдал от собственного несовершенства, тогда как они пребывали в радостном самодовольстве. Только в стихах мог он проявлять свою подлинную сущность.

Когда он решил поступить в Школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, бабушка от огорчения захворала, друзья и родные всполошились. А его беспокоило только одно: «До сих пор я жил для литературной карьеры, принес столько жертв моему неблагодарному кумиру, и вот я — воин». Казалось бы — шаг самоубийственный. Избалованный начитанный юноша, капризный и взбалмошный, добровольно решил пойти в «военную кабалу». В этом проявилось его желание испытать себя, и он сделался залихватским гусаром… Став после двух лет учебы корнетом лейб-гвардии гусарского полка, он написал М.А. Лопухиной: «Моя будущность, блистательная на вид, в сущности, пошла и пуста. Должен вам признаться, с каждым днем я все больше убеждаюсь, что из меня никогда ничего не выйдет, со всеми моими прекрасными мечтаниями и ложными шагами на жизненном пути: мне или не представляется случая или недостает смелости. Мне говорят, случай когда-нибудь выйдет, и опыт и время придадут вам смелости!.. А кто порукою, что, когда все это будет, я сберегу в себе хоть частицу той пламенной молодой души, которою Бог одарил меня весьма некстати, что моя воля не истощится от выжидания, что, наконец, я не разочаруюся окончательно во всем том, что служит в жизни двигающим стимулом?»

Возможно, не без разочарования в своих талантах он пускается в разгульную жизнь («Теперь я не пишу романов, я их делаю»). И все-таки продолжает работать — писать стихи и прозу. Он уже при жизни был признан преемником Пушкина, не раз проявлял мужество в Кавказской войне, а на дуэлях никогда не стрелял первым.

Лермонтова нередко сопоставляют с «Героем нашего времени» Печориным. Действительно, в этом литературном образе усматриваются некоторые черты автора, имеются и аналогии с событиями его жизни. Однако следует помнить о существенной оговорке в предисловии автора: «Этот портрет, составленный из пороков всего нашего поколения в полном их развитии». И еще. Учтем, что личность Лермонтова воплощена здесь в трех персонажах: в авторе повествования, Печорине и в хорошем русском человеке Максиме Максимовиче. Правда, последний простоват. Да ведь на Руси, как известно, «на всякого мудреца довольно простоты». Нарисован этот образ не просто с литературным мастерством, а с подлинным проникновением в душу героя, пониманием ее. Конечно, подобные свои черты Лермонтов тщательно скрывал от окружающих, боясь показаться смешным и наивным.

Можно возразить: да ведь Михаил Юрьевич с детских лет восхищался своими иноземными предками. Тут и благородный испанский гидальго Lerma (именно так — латиницей — он подписывался в юности), и шотландский бард Лермант (отсюда другая подпись: М. Лерманттов). А еще — байронизм и какой-то средневеково-германский демонизм. Старание, как остроумно заметил историк В. Ключевский, «казаться лейб-гвардии гусарским Мефистофелем». Добавим, именно ему принадлежат лучшие переводы стихотворения Гете («Горные вершины…») и Гейне («На севере диком…»). В этом нетрудно убедиться, сравнивая версии других поэтов.

Но ведь в том-то и дело, что таковы его переводы на русский язык. Западноевропейская культура, усвоенная Лермонтовым, не сделала его чужаком в отчизне. Достаточно обратиться к его стихотворению «Родина». Тут все правда, с которой согласится любой, кто считает Россию и русскую культуру родными для себя.

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.

Верно, то любовь сердца, не ума. И кому не приходилось:

Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

А теперь вспомните: какие стихотворения Пушкина стали народными песнями? Назвать трудно. А у Лермонтова — «Выхожу один я на дорогу» и «Бородино». Это вовсе не означает, будто Лермонтов народнее Пушкина. Подобные сравнения, конечно, бессмысленны. Просто, в поручике-гусаре было больше от Максима Максимовича, чем в камер-юнкере, хотя оба были гениальными поэтами…

Лермонтов признавался, что рано стал взрослым. Но не менее верно и то, что он не переставал оставаться юношей. В нем соединились три возраста. А еще присутствовало в нем ощущение не только низменно-земной, но возвышенно-небесной природы человека.

«Метеор. Из космической материи, вовсе не земной» — так написал о нем писатель-философ В. Розанов. Хотя теперь мы хорошо знаем, что земная материя та же, что и космическая. Но ведь есть и духовный космизм; есть мечта — или память? — о мире великолепном, чистом, прекрасном. И никто, быть может, не выразил это лучше, чем юноша Михаил Лермонтов:

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

ДОСТОЕВСКИЙ
(1821–1881)

Федор Михайлович Достоевский родился в Москве в семье врача московской Мариинской больницы для бедных. Получил хорошее образование в пансионе и в Петербургском Главном инженерном училище. В 1834 году был зачислен в Инженерный департамент, но вскоре вышел в отставку и занялся литературным трудом. Первая его повесть «Бедные люди» имела успех. С 1847 года писатель посещал кружок М.В. Петрашевского, увлекаясь идеями утопического социализма. Через год за участие в этом кружке был приговорен к смертной казни. В последние минуты казнь заменили каторгой. Через 9 лет, после каторги и службы рядовым в Семипалатинске, он вернулся в Петербург. Он создал великие произведения: романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы». Показывая страшные потаенные бездны человеческой души, он раскрывал и величие человека, ориентируясь на высокий идеал: Иисуса Христа.

О философских воззрениях и достижениях Достоевского трудно писать, тем более кратко. Он создавал главным образом полифонические произведения, где высказываются герои, взгляды которых нередко принципиально отличаются от убеждений самого Достоевского. Таково видение мира в живом противостоянии самых разных идеологий. И в одной личности сочетаются противоречивые чувства, мысли, желания,убеждения.

В отличие от подавляющего большинства писателей Достоевский затрагивал в своих художественных произведениях проблемы не только социальные и психологические, но и философские, религиозные, научные. Уровень его идей был очень высок. Такие знаменитые в XX веке ученые, как Эйнштейн и Фрейд, признавали, что в интеллектуальных прозрениях им очень помогли произведения Достоевского. Причина, конечно, не в том, что писатель разрабатывал конкретные научные проблемы, а в обобщающем философском осмыслении бытия. Он, можно сказать, спроецировал неевклидову геометрию на духовный строй личности; раскрыл глубины человеческого самосознания и утверждал мысль о том, что человек не безвольное орудие в руках провидения, что он наделен свободой выбора жизни «по Богу» или «по дьяволу». Подчас человек поступает парадоксальным, «неевклидовым» образом.

Обдумывая идею прогресса в природе и обществе, Достоевский пришел к неутешительному выводу. В космическом механизме, подчиненном всесильным, вечным и мертвым законам природы, звезды сгорают и вспыхивают вновь, планеты возникают и рассыпаются в прах, и все это «бесконечно раз повторяется…». «Скучища неприличнейшая…» Что означает в этой извечной круговерти материи жизнь одного человека, да и существование всего человечества, которое тоже обречено на смерть? «И как бы разумею, праведно и свято ни устроилось на земле человечество, все это тоже приравняется завтра к тому же нулю».

А к чему сводится идея всеобщего материального благополучия? К тому, чтобы человеку «совсем уж ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о непрекращении всемирной истории». (От подобной экономической идиллии западного обывателя

пришел в ужас и негодование Герцен, когда ему довелось жить в этом обществе.) Но тут и взбунтуется человек, пойдет подчас наперекор очевидности, сделает пусть даже подлость и глупость, однако по собственной прихоти. «Ведь все дело-то человеческое, кажется, и действительно в том и состоит, чтоб человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик!»

Речь идет не только об утверждении своего индивидуального "Я". Парадоксалист у Достоевского, в отличие от Индивидуалиста западной культуры, не озабочен самоутверждением. Его беспокоит другое: как можно радоваться личному благополучию или верить в счастье будущих поколений, когда за все это заплачено слезами и кровью миллионов и миллионов — тех, кто жил прежде! «Если бы даже предположить эту сказку об устроенном наконец-то на земле человеке на разумных и научных основаниях… то уж одна мысль о том, что природе необходимо было по каким-то там косным законам ее истязать человека тысячелетия, прежде чем довести его до этого счастья, одна мысль об этом уже невыносимо возмутительна».

За ответом Парадоксалист обращается не к бесстрастной природе, а к ее Творцу. А далее следует высказывание, отрицающее благой промысел всемогущего Создателя: «Ну что если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтоб только посмотреть: уживется ли подобное существо на земле или нет?»

Мыслитель подводит нас к первой и последней тайне — о смысле жизни человека-человечества, подводит к бездне бытия и предлагает заглянуть в нее. А там — только небытие. Микрокосм стоит перед безмерным, непостижимым и бессмысленным космосом, пытаясь что-нибудь узнать о смысле своей жизни и смерти, но в ответ слышит только свой вопрошающий голос. (Между прочим, Достоевский читал «Микрокосм» немецкого философа и биолога Г. Лотце и даже перепечатал в своем журнале главу «Наслаждение в жизни и труд».) В этом молчании Природы, Космического Разума, Бога таится ответ: некого спрашивать о смысле своей жизни. «Все дозволено!» Выбор за каждым.

Сам писатель ориентировался на образ Христа и высказался словами Алеши Карамазова: «Будем, во-первых и прежде всего, добры, потом честны, а потом — не будем забывать друг о друге». Кстати, глубоко верующий Достоевский избегал мистики. «Я православие определяю не мистической верой, — писал он, — а человеколюбием, и этому радуюсь». «В русском христианстве, по-настоящему, даже и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ, — по крайней мере, это главное».

Художественный метод Достоевского был основан на мысленных экспериментах, резких столкновениях противоположных идей и характеров, высочайшей напряженности чувств и мыслей, погружении в глубины бессознательного. Писатель-философ мог с полным основанием утверждать: «Меня зовут психологом; неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой».

Идеи и образы Достоевского оставили глубокий след не только в литературе, но и в философии XX века и оказали значительное влияние на таких очень разных мыслителей, как Ницше и Швейцер, Бердяев и

экзистенциалисты. Удивительное предвидение Достоевского напрямую связано с наступлением «космической эры». Он — автор термина «спутник» (в значении — искусственный спутник Земли). Вот слова черта, порожденного больным сознанием Ивана Карамазова: «Что станется в пространстве с топором?.. Если куда попадет подальше, то примется, я думаю, летать вокруг Земли, сам не зная зачем, в виде спутника. Астрономы вычислят восхождение и захождение топора, Гатцук внесет его в календарь, вот и все». (Гатцук — от фамилии издателя календарей. — Р.Б.) Орудие казни, кружащееся над нашей планетой, является символом ядерного меча. Писатель соединил мистический дар пророчества с рациональным научно-техническим прогнозом.

Достоевский понимал, что человеческий разум для подавляющего большинства людей служит прежде всего орудием, средством, помогающим максимально удовлетворять постоянно растущие материальные потребности. Эту проблему писатель исследовал своим излюбленным методом мысленного эксперимента. Он предположил, что было бы с людьми, если б они достигли предельных возможностей в пользовании природными богатствами (в «Дневнике писателя» такие возможности предоставляют бесы; для нашей реальности — «нечистые силы» техники, машин). Люди летали бы по воздуху, получали баснословные урожаи и т. п., перестав интересоваться «высшими, глубокими мыслями, всеобщими явлениями». И наступил бы величайший кризис в истории человечества — кризис потребительства, бездуховности бессмысленности бытия. Ощущая пропажу «свободы духа, воли и личности», они в конце концов истребили бы себя «каким-нибудь новым способом, открытым ими вместе со всеми открытиями».

«Увеличилась ли сумма счастья в человеческой жизни равномерно с развитием господства человека над природой, возможного для него при теперешнем развитии естественных наук?» — спрашивал Достоевский. Ответ возможен только отрицательный: и дело конечно же не в недостатках научного метода. Писатель понимал то, что до сих пор не укладывается в головах энтузиастов так называемой научно-технической революции: «Прогресс естественных знаний имеет отношение к жизни главным образом своей технической стороной». Действительно, техническое могущество современного человечества несравненно превосходит его интеллектуальный потенциал. Сейчас, когда с полной очевидностью проявился экологический кризис, сотрясающий биосферу, живую оболочку планеты, есть все основания говорить, что человек не выдержал испытания властью над природой.

…Советский историк науки и физик Б.Г. Кузнецов справедливо отметил: «Поэтика Достоевского была рационалистической, потому что сквозной темой романов была мысль, бьющаяся в своих противоречиях, стремящаяся к воплощению». Именно поэтому творчество Достоевского восхищало, вдохновляло и изумляло крупнейших мыслителей самого разного толка. Вот еще одно пророчество Федора Михайловича: «Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские… Наступает… слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами». Человекобог оборачивается

человекобогачом, который становится социальным ориентиром, оттесняя в тень образ Христа. Разве он оказался не прав?!

Но он не ограничился указанием страшного симптома духовной пагубы. Ведь истинное богатство человека — микрокосм его души, охватывающий и вмещающий и реальную Вселенную, и миры воображаемые, прошлое и будущее; преодолевающий трагическую ограниченность личной жизни, дарующий человеку высшие радости бытия. "Есть нечто гораздо высшее бога-чрева. Это — быть властелином и хозяином даже себя самого, своего я, пожертвовать этим я, отдать его — всем. В этой идее есть нечто неотразимо-прекрасное, сладостное, неизбежное и даже необъяснимое.

Не случайно философская притча «Великий Инквизитор» из романа «Братья Карамазовы» послужила исходным материалом для сочинений многих философов. (В ней показана трагическая несовместимость общественного бытия, ориентированного на материальное благосостояние, с высшими идеалами добра, справедливости, красоты.)

Рассуждения о «высоких категориях», размышления о бытии человечества или отдельных типов людей Достоевский соединял о конкретными злободневными темами и с судьбой Родины. Более 120 лет назад он отметил в письме студентам Московского университета: «Странное дело: всегда и везде, во всем мире, демократы бывали за народ; лишь у нас русский наш интеллигентский демократизм соединился с аристократами против народа… Презрение не ведет к любви!» (События последних двух десятилетий полностью подтвердили этот вывод.) В русском народе, по убеждению Достоевского, огромные духовные силы, свет добра, благоговения перед образом Христа. Поэтому России суждено стать надеждой не только Европы, но и всего мира. Возможно, кто-то с ехидцей отметит: уж это предсказание Достоевского определенно не сбылось! Да, страна не выдержала напора внешних и внутренних врагов. Но ведь еще не наступил конец мировой истории?..

В общем, можно с полным основанием согласиться с мнением религиозного философа С.Н. Булгакова о Достоевском: «Конечно, его без преувеличения следует причислить к величайшим писателям и мыслителям всех времен и народов… В романах Достоевского, нужно прямо сказать, заключено больше и подлинной философии, нежели во многих томах ее школьных представителей… Понимание общего значения Достоевского в этом смысле до сих пор остается уделом немногих…»

Последнее замечание, быть может, излишне категорично. Не случайно же Достоевскому в XX веке в мире было посвящено едва ли не больше исследований, чем любому другому писателю или философу. Его величие как мыслителя поняли многие. Но страшная беда нашего народа и всего человечества, — общий путь научно-технического развития и нравственно-интеллектуальной деградации современного общества, или, точнее, его определяющих социально-политических групп, пошел в направлении саморазрушения человеческой личности и окружающей природной среды. Свершается именно то, против чего предостерегал Достоевский (и не он один). Человек не выдержал «наглой пробы», определенной для него высшими силами… Или и тут вдруг неожиданно, по Достоевскому, пробудится новый Парадоксалист и резко изменит свою

судьбу?!

ТОЛСТОЙ
(1828–1910)

Лев Николаевич Толстой родился в поместье Ясная Поляна (Тульская губерния). В 3 года лишился матери, в 9 лет — отца. Получив хорошее домашнее образование, поступил в Казанский университет, но через три года оставил его, разочаровавшись в казенном обучении.

Поступив на военную службу, отправился на Кавказ; в Крымскую войну участвовал в обороне Севастополя. Рано ощутил призвание писателя, психолога и моралиста, углубляясь в самопознание (повести «Детство», «Отрочество», «Юность»). С 1856 года, уйдя в отставку, полностью посвятил себя литературному труду. Мировую известность принесла ему грандиозная эпопея «Война и мир», в которой обсуждаются закономерности исторического процесса, роль масс и личности. Не менее знаменит его роман «Анна Каренина». В художественной (романы, пьесы, повести, рассказы), а затем и публицистической форме он раскрывал проблемы жизни и смерти, веры и неверия, знания и невежества, любви и ненависти. Он был не только литератором, но и мужественныммыслителем.

Духовно-нравственные искания привели его к собственному толкованию христианства вне формальной церковности. Этому он посвятил «Исповедь», «Критику догматического богословия», «О жизни», «В чем моя вера», по-своему перевел Евангелие. За критику официального православия его в 1901 году отлучили от церкви, тогда как атеисты упрекали его в богоискательстве. Для просвещения народа написал детские рассказы, сказки, азбуку. Проповедовал непротивление злу насилием, занятие физическим трудом, просвещение и простую жизнь без роскоши. Осенью 1910 года, переживая неразрешимое противоречие между бытом и своим учением, тайно ушел из дому, заболел на железнодорожной станции Астапово (ныне — Лев Толстой), погребен в Ясной Поляне.

Многие суждения он высказывал от лица героев своих произведений, перейдя в конце концов к непосредственному изложению собственных взглядов на жизнь. Уже в первой повести он посетовал на утрату переживаний детства: «Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность в любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви — были единственными побуждениями жизни?»

Последующие годы стали для Толстого поисками потерянного рая. Он поддавался соблазнам жизни, впадал в отчаяние, безуспешно пытался вновь ощутить чистое счастье любви, но самое главное — искал смысл своей и всеобщей жизни. Потому что тогда же, в детстве, он ощутил острое чувство смерти. Недолгое существование на свете и — небытие. Вечное? Или бессмертие? Но рассудок отказывался верить в церковные проповеди и библейские чудеса, хотя душа мечтала о грядущей посмертной встрече с отцом и матерью…

Почти все люди признают, что человеческая жизнь проходит суетно, глупо, мерзко, неразумно; что в обществе царят лицемерие, несправедливость, пошлость; что правители и политики хитры и подлы; что богатые алчны, бессовестны, обуреваемы низменными помыслами; что

ученые односторонне развиты, а потом глупы; что народ унижен, обманут и обворован; что учителями жизни и нравственности слишком часто становятся безнравственные лжепророки… Из таких посылок исходил Лев Николаевич. И задавался вопросом: почему так происходит? Как это исправить? Как надо жить достойно человека разумного, а не разумной скотины?

Ответы Толстого имеют преимущественно религиозно-философскую основу. Наиболее кратко и полно они представлены в статье «Что такое религия и в чем сущность ее?» Она вышла впервые в Англии, а русский вариант (запрещенный цензурой) назывался еще и так: «Мысли о современном человечестве». Странно, что именно эту статью обходили своим вниманием почти все, кто писал о мировоззрении Толстого. По-видимому, слишком смело, откровенно, остро и справедливо высказывался в этой работе великий писатель. В ней он, впрочем, как во многих своих трудах, проявил себя одновременно и ребенком, с ясным непредвзятым взглядом, словно впервые открывающим окружающий мир; отроком, не терпящим компромиссов; романтичным юношей, тешащим себя надеждой изменить людей силой слов и мыслей; мужчиной, готовым стоять насмерть за свои убеждения и человеческое достоинство; мудрым старцем, поучающим и вразумляющим тех, кого он хотел бы научить жить счастливо и благородно.

Его метод осмысления проблем прост: опора на здравый смысл, собственный разум; отсутствие какого бы то ни было лукавства или умолчания, стремление дойти до самой сути, отсутствие ссылок на любые авторитеты — научные, философские, религиозные. Единственное исключение — авторитет Христа как идеальной личности. Важнейшие принципы: «Царство Божие — внутри нас»; непротивление злу насилием; не делай другому того, что не желал бы себе. Отношение к ним рациональное: это истины, которые можно доказать и проверить на собственном опыте, а вовсе не заповеди Бога.

Религиозный философ В.В. Зеньковский утверждал, что Толстой создал свою собственную систему «мистического имманентизма». С этим трудно согласиться. Толстой не создавал никакой системы. Его взгляды складывались стихийно, непоследовательно, порой противоречиво. Он был чужд мистики, веры в сверхъестественное; никогда не отрицал реальность окружающего мира, а старался воссоздавать его в своем сознании и своих произведениях во всем разнообразии. Зеньковский писал о панморализме Толстого: «Это не просто этический максимализм, а некое самораспятие. Толстой был мучеником своих собственных идей, терзавших его совесть, разрушавших его жизнь…» В действительности Толстого мучило нечто значительно более величественное, чем личные грехи или идеи, терзания совести: трагедия несправедливого устройства общества, церковных учреждений, научных организаций, системы культуры, а главное, постыдно лицемерных отношении между людьми, пошлых условностей жизни, отсутствия правды.

Наконец, Зеньковский считал, будто «Толстой приходит к категорическому отвержению личности, — и этот имперсонализм становится у Толстого основой всего его учения». И это тоже очень спорное суждение. В этом нетрудно убедиться, читая художественные

произведения писателя, где всегда раскрываются чувства, мысли и поступки именно конкретных личностей и проявляется в этом смысле крайний персонализм.

"Есть две стороны жизни в каждом человеке, — писал Толстой, — жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы.

Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей".

Это никак не отвержение личности, а попытка определить ее роль и значение не только по отношению к себе, но и в связи с историей человечества. Между прочим, Зеньковский не обратил внимания на то, что если бы Толстой отрицал личность, то как бы он в то же время мог оставаться мистиком, да еще имманентиотом (напомню, что «имманентный» означает «внутренне свойственный»)?

Проницательный Зеньковский по каким-то субъективным причинам не сумел, а скорее, даже не пожелал понять нечто самое главное в толстовской философии (неформальной, стихийной, личностной). Возможно, потому, что Толстой встал, по сути дела, на позицию нигилизма: долой вашу культуру! долой вашу религию! долой ваше общество! долой вашу мораль!

Но это был не просто отчаянный призыв к разрушению только потому, что действительность не нравится, что она подавляет данную личность. Как раз лично Толстой находился в числе «избранных»: материально обеспеченный граф, семьянин, всемирно прославленный писатель. Ему бы жить да радоваться! А он, напротив, призывал сломать и перестроить все во имя неких высших идеалов — справедливости, правды, милосердия, добра. Только в этом он видел истину и красоту. Он шел наперекор своей собственной счастливой судьбе, пытался сломать ее (и сломал, после чего вскоре умер) ради высшего. Вот некоторые его высказывания:

— Нет величия там, где нет простоты, добра и правды.

— Вера есть знание смысла человеческой жизни… Вера есть сила жизни… Без веры жить нельзя.

— Жизнь людей может измениться к лучшему только от их внутреннего душевного изменения…

— Души человеческие, отделенные телами друг от друга и от Бога, стремятся к соединению… В этом все большем и большем соединении с душами других людей — любовью и с Богом — сознанием своей божественности — заключается и смысл и благо человеческой жизни.

— Большее и большее благо человека достигается освобождением души от того, что препятствует любви к людям и сознанию своей божественности: грехи, т. е. потворство похотям тела, соблазны, т. е. ложные представления о благе, и суеверия, т. е. ложные учения, оправдывающие грехи и соблазны. (Перечисляются грехи: чревоугодие, пьянство, праздность, корыстолюбие, пользование трудами других людей, зависть, страх, осуждение, враждебность, гнев; соблазны: гордость, неравенство, насильное устроительство жизни других людей, наказание, тщеславие; суеверия: вера в государство, церковь, науку.)

— Душа не была и не будет, а всегда есть в настоящем. О том же, как будет сознавать себя душа после смерти тела, не дано знать человеку, да и не нужно ему.

— Истинная религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками.

Стремление к нравственному идеалу и жажда воплотить его в жизнь — не столько даже в свою личную, сколько во всеобщую человеческую — делает из Толстого сурового обличителя и ниспровергателя существующих порядков. Он, в частности, дает определение искусству («Что такое искусство?»): «Деятельность, состоящая в том, что один человек сознательно известными знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их». Но он отвергает искусство, отвечающее только этому критерию, доставляющее только эстетическое наслаждение (потребительское отношение к искусству). Толстой здесь исходит из сверхзадачи — содействие улучшению жизни людей, очищение духовного мира человека. Те же требования он предъявляет к церковной религии, к теоретической науке.

Согласно вере Толстого, жизнь личности не замыкается в себе, обретая смысл в жизни других людей и, более того, в жизни всеобщей и вечной — в Боге.

Что же препятствует этому? Прежде всего ложь и лицемерие людей. Все устройство общества, государственные и религиозные учреждения направлены на то, чтобы одурманить (гипнотизировать, как пишет Толстой) личность, с детских лет так искривить сознание, чтобы одни чувствовали себя достойными паразитической жизни, а другие смирялись со своим униженным, рабским положением. «Да какое же разумное и нравственное общество можно устроить из таких людей? — вопрошает Толстой. — Как из гнилья и кривых бревен, как ни перекладывай их, нельзя построить дома, так из таких людей нельзя устроить разумное и нравственное общество. Из таких людей может образоваться только стадо животных, управляемое криками и кнутами пастухов. Так оно и есть».

Рассуждая о деятельности людей, он называет три побудительные причины: чувство, разум и внушение. Развивая это положение, высказывает целый ряд нетривиальных мыслей: «Что такое религия и в чем сущность ее». Его вывод: религия в обществе проделывает эволюцию, поначалу удовлетворяя чувства, затем осмысляясь разумом, а в завершение, уже на стадии старения и упадка, обращается к внушению, гипнозу, одурманиванию человеческого разума разными чудесами, словесными заклинаниями, манипуляциями. Этим занимаются особые касты церковников, присвоивших себе ряд привилегий, в их числе — на истину, близость к Богу, святость, духовную власть.

Толстой отмечает эти три этапа не только в христианстве, но и в брахманизме, иудействе, буддизме, таосиэме (даосизме), исламе. Называет три способа извращения религии: жречество, чудеса и непогрешимость

Писания, добавляя к этому еще и веру в святость церкви как организации. По сути, он отвергает лицемерие и суеверие во имя истинной веры в Бога (любовь, истину, добро). Она без дела мертва и выражается в поступках, образе жизни человека, а не в манипуляциях словами и жестами.

Не случайно Лев Николаевич хотел назвать данную статью мыслями о современном человечестве. Ведь три побудительные причины — чувство, разум, внушение — характерны для любой цивилизации. (Каждый из нас первоначальное чувство обдумывает, а в случае принятия его считает истиной, как говорят психологи — установкой.)

В общественной жизни внушение (и самовнушение), установки (и самоустановки) играют огромную роль. Очень немногим удается выйти из-под их незаметного, но властного влияния; тем более что оно по большей части отражается в области подсознания и, подчинив себе рассудок, укореняется в сфере эмоций.

Ныне в результате использования электронных средств массового внушения, наркотизации сознания формируется наркоцивилизация. Это предвидел Толстой. Он всеми силами старался сорвать пелену суеверий, предрассудков, лицемерия, внушения. Он проделал эту мучительную процедуру на себе самом и словно был ослеплен открывшимся ему светом истины; был поражен тем, что многие, очень многие с покорностью, а то и с удовольствием остаются если не во тьме, то в серых сумерках.

По словам Толстого, есть один вопрос, подлежащий решению философии: что мне делать? Но философы избегают обсуждать его. Первая ступень деградации мысли, по его мнению, — гегелевское признание существующего разумным, а значит, необходимости приспособления к нему. Вторая ступень деградации — признание и среди людей борьбы за существование. Третья ступень деградации — исповедование принципа жизни «в свое удовольствие, не обращая внимания на жизнь других людей».

Толстой остро переживал эти последовательные ступени извращения и упадка мысли, верований, нравственности. Его мучило сознание того, что, нисходя по ступеням деградации, люди уверены, будто шествуют вперед и выше по пути прогресса. Писателю-мыслителю открылось то, что до сих пор не осознано в полной мере не только литераторами, но даже профессиональными учеными и философами.

Сохраняют актуальность его слова: «Нет сомнения в том, что и никогда не было в истории подобного матерьяльного успеха, т. е. овладения силами природы… Но нет сомнения и в том, что никогда в истории не было примеров такой безнравственной жизни, свободной от каких-либо сдерживающих животные стремления человека сил, как та, которою живет, все более и более оскотиниваясь, наше христианское человечество. Успех матерьяльный, до которого достигли люди, действительно велик; но успех этот куплен и покупается таким пренебрежением к самым элементарным требованиям нравственности, до которого еще никогда не доходило человечество даже во времена Чингисхана, Аттилы или Нерона».

УЧЕНЫЕ

Что было раньше: наука или ученые? Какого человека с полным основанием можно считать великим ученым не потому, что он многому

научен и достиг в своем ремесле больших высот благодаря постоянному кропотливому труду, а по причине его способности открывать новые горизонты познания, глубже проникать в суть объектов и явлений? Скажем, Кант и вовсе скептически относился к интеллектуальным способностям ученых, полагая, что им чужды порывы вдохновения, незаурядность мышления.

Такое мнение подтверждают некоторые высказывания крупных исследователей и изобретателей, полагавших, что главные факторы успеха в их деятельности — упорство, терпение, «потение» (выражение Т. Эдисона). Иногда научные открытия совершались благодаря счастливому стечению обстоятельств; может показаться, будто гений ученого тут и вовсе ни при чем. Например, это относится к открытию биоэлектричества Л. Гальвани или сыгравшему колоссальную роль в медицине изобретению пенициллина А. Флемингом.

Строго говоря, началом науки следовало бы считать то время, когда был четко определен ее метод, основанный на опыте, экспериментах, систематизации фактов и работе с ними по законам логики. Однако известно, что некоторые крупные ученые и в сравнительно недавнее время отступали от этих принципов, тогда как отдельные ученые люди далекого прошлого стихийно придерживались их.

В наш перечень величайших ученых вошли все те, кто существенно повлиял на ход научной мысли, поднимая ее на более высокий уровень или открывая для нее новые направления исследований.

Проследить основные этапы развития науки, выделяя отдельных крупных ученых, в кратком обзоре нереально. Существует множество наук о природе и человеке, число их постоянно растет, а самые значительные достижения связаны, пожалуй, с созданием учений, обещающих данные целого ряда наук (например, учение о биосфере В.И. Вернадского).

Однако и в этом случае не все так просто, как хотелось бы. Скажем, русский геохимик и минералог академик А.Е. Ферсман обосновал учение о техногенезе — глобальной деятельности человека, был оригинальным мыслителем и талантливым литератором. Его с полным правом следовало бы считать великим ученым или даже универсальным гением. Но его достижения остаются недооцененными, в мировой науке его имя не пользуется таким почетом, как имя его учителя и друга В.И. Вернадского. Подобных примеров можно привести немало.

Уже более столетия особенным почетом пользуются ученые, удостоенные Нобелевской премии. Таких лауреатов насчитывается множество; одно уже их перечисление с указанием отмеченных премией работ заняло бы десятки страниц. Однако ориентироваться на эти имена было бы слишком опрометчиво. Выдающихся мыслителей среди них немного. В число лауреатов не вошли, скажем, такие бесспорные научные гении, как Д.И. Менделеев, В.И. Вернадский. Более того, по прихоти учредителей (и их неосведомленности), премии не назначаются за достижения в науках о Земле — гигантской и важнейшей области.

Среди нобелевских лауреатов одно имя стоит особняком: Мария Склодовская-Кюри. Она была первой женщиной, удостоенной этой награды и единственной (или одной из очень немногих?), кто получил ее дважды — за достижения и в физике, и в химии. Но и такого замечательного

представителя научного сообщества нет веских оснований причислить к избранным гениям.

Весь жизненный путь Марии Склодовской-Кюри (1867–1934) демонстрирует необычайную целеустремленность, упорство, преданность науке. Отец ее, окончивший Петербургский университет, преподавал в Варшаве физику и математику, мать руководила женской школой. Получив хорошее первоначальное образование, прежде всего в области естествознания, Мария поступила в Сорбонну в Париже. Здесь вышла замуж за физика Пьера Кюри (1859–1906) и стала работать в руководимой им лаборатории. Они совместно изучали радиоактивность и в 1898 году открыли полоний и радий. В 1903 году им была присуждена Нобелевская премия по физике за изучение явления радиоактивности. А в 1911 году Марии вручили Нобелевскую премию по химии «в знак признания ее вклада в развитие химии, который она внесла открытием элементов радия и полония, определением свойств радия в металлической форме и, наконец, за ее эксперименты с этим элементом».

И все-таки при всех выдающихся открытиях М. Склодовской-Кюри надо признать, что они явились результатом высокого профессионализма и кропотливого труда, а не познания природы в широком смысле, создания теоретических концепций, по-новому раскрывающих наши представления об окружающем мире. В этом отношении ее муж значительно более интересен, главным образом своими работами по симметрии. На основе его исследований, прерванных смертью от несчастного случая, В.И. Вернадский развивал новаторские представления о различных состояниях пространства, устойчивых нарушениях симметрии (диссимметрии), которые, по словам П. Кюри, творят явления.

Но и Пьер не был первооткрывателем подобных идей. Их разрабатывал французский химик, биохимик, микробиолог Луи Пастер (1822–1895). Он заложил основы стереохимии; разработал теорию брожения; обнаружил молочнокислую бактерию, изучив ее жизнедеятельность; доказал, что дрожжи могут развиваться без доступа воздуха (анаэробно). Опытами он опроверг гипотезы самозарождения живых организмов, предложив метод «пастеризации» пищевых продуктов, предохраняющий их от порчи. Он первым обосновал и освоил прививки, делающие людей и животных невосприимчивыми к некоторым опасным болезням. Пастер первым обратил внимание на явление диссимметрии.

С именами Кюри и Склодовской связаны крупные научные открытия, сделанные коллективно. Это подчеркивает изменения, которые начались в физике и химии. Большую и все возрастающую роль стали играть научная техника и технологии, сопряженные с трудом целого ряда специалистов. Последняя вспышка индивидуального творчества ученых наблюдалась в первой половине или даже трети XX века, когда в физике была разработана квантовая механика, в биологии — генетика, в науках о Земле — геохимия, учение о биосфере. Все это было результатом усилий отдельных личностей и отражало в той или иной степени их индивидуальности (поэтому, скажем, появилось сразу три варианта квантовой теории). В дальнейшем количество соавторов в научных исследованиях и публикациях быстро росло обратно пропорционально оригинальности выдвигаемых идей.

Крупнейшие технические достижения недавнего прошлого — освоение атомной энергии, космические исследования и экспедиции, создание электронных информационных систем — явились результатом работ огромных коллективов, из которых наиболее прославлены руководители, а также первые космонавты и астронавты.

Великие успехи технической мысли основываются на открытиях ученых самых разных специальностей. Для создания атомной электростанции, спутника Земли, компьютера совершенно недостаточно иметь основополагающую идею; необходимо множество конкретных технических и технологических разработок и серьезные предварительные «заделы».

Например, основоположником космонавтики по праву считается К.Э. Циолковский. Он не только предложил схемы космических аппаратов, но и популяризовал идею полета к другим небесным телам, их освоения. Однако первые ракеты начали использовать в военных целях еще древние индийцы и китайцы, а в начале XX века аналогичные задачи стали решать создатели оружия типа «Фау» и «Катюш». Об атомных бомбах первым написал английский фантаст Герберт Уэллс, а об ответственности ученых за их применение — В.И. Вернадский столетие назад. Но никакому, пусть даже величайшему, специалисту в нескольких областях невозможно обосновать теоретически во всех деталях, скажем, компьютер. В подобных случаях только коллективное творчество — залог успеха (в отличие от понимания природы).

С древнейших времен из научных исследований и теорий первенство принадлежало математике, астрономии, механике, физике, отчасти химии. Знания о природе носили характер описаний и — систематизации. И хотя физика поначалу выступала как природоведение (от «фюзис» по-гречески «природа»), она достаточно быстро стала опираться на эксперименты, перейдя к изучению не реальных, чрезвычайно сложных объектов, а отдельных явлений, элементов окружающего мира.

Такой метод оказался очень плодотворным. Появляется возможность выразить графически, числами, формулами многие природные закономерности. Сделать это, изучая естественные объекты, чрезвычайно трудно из-за их сложности и разнообразия. В результате оформились «точные дисциплины». Их быстрому прогрессу способствовало то, что они оказались очень полезными для создания и усовершенствования техники (технических систем), при строительстве, землеустройстве, для составления календарей, измерения времени…

Триумф механики и физики продолжался долго, вплоть до XVII века, когда начался стремительный рост химии, биологии, географии, геологии. До тех пор благодаря успехам «точных наук» складывалось механистическое мировоззрение, дополняемое религиозно-философскими представлениями о Всевышнем Разуме, определяющем гармонию Мироздания. Теперь картины мира стали усложняться по мере накопления знаний об окружающей земной природе, строении и деятельности живых организмов. Произошли революционные перемены даже в такой древней, логически (вроде бы) выверенной и обоснованной науке, как геометрия; пределы ее чрезвычайно расширились, преодолев рамки, установленные

Евклидом (тем самым она приблизилась к реальности)

Особо надо оговорить ситуацию с географией. Эта область знаний возникла в далекой древности. Она имела большое практическое и теоретическое, а также мировоззренческое значение, что наиболее ярко продемонстрировала эпоха Великих географических открытий. Произошел переворот в жизни многих стран и народов, резко ускорился научно-технический прогресс, а изобретение книгопечатания способствовало наступлению эпохи Просвещения (наряду с увеличением в Европе числа университетов). И все-таки сами по себе выдающиеся географические достижения Колумба, Васко да Гамы, Магеллана и многих других мореплавателей и не менее значительные открытия землепроходцев вряд ли допустимо отнести к числу гениальных, из ряда вон выходящих теоретических достижений.

Шарообразность Земли ученые твердо установили задолго до Великих географических открытий, а греческий ученый Эратосфен еще в самом начале II века до н. э. сравнительно точно вычислил ее радиус. До Колумба создавали глобусы и карты полушарий (правда, без Нового Света, который задолго до него открыл норвежец Лейф Эрикссон). Если бы мы стали рассказывать об авторах величайших географических открытий пришлось бы называть десятки имен или отдать предпочтение, к примеру, не Колумбу, не Америго Веспуччи, который первым стал утверждать, что открыт Новый Свет, а не Индия. Мы ограничимся только «отцом истории и географии» Геродотом.

Совсем плачевно обстоит дело с представителями обширнейшей группы геологических наук, несмотря на то что эти знания обеспечивают сырьевую и энергетическую базу технической цивилизации. Более того, судьба человечества зависит от того, сможет ли оно наладить свои отношения с природной средой — биосферой. Добиться этого невозможно, не опираясь на геологические знания.

Другую колоссальную область знаний охватывает биология. Казалось бы, что может быть важней исследований организмов, их строения, жизнедеятельности, эволюции, взаимоотношений, связи с окружающей средой, смысла существования и смерти. Мы до сих пор не знаем толком, что такое жизнь, какие она может обретать формы на Земле и в космосе, было ли ее самозарождение или она вечна, как материя и энергия… Вопросов множество, они затрагивают коренные проблемы бытия, связанные с космологией, философией и религией. Но развитие научной мысли с XIX века шло по пути все более узкой специализации. Наиболее важные для мировоззрения, самые фундаментальные вопросы отошли в разряд второстепенных, а на первом плане оказались конкретные исследования, имеющие прикладное значение и экономически выгодные, способные приносить доход разработчикам и, главное, их финансистам. После Дарвина биологические науки быстро увеличивались в числе. А когда шведский химик Сванте Аррениус в конце XIX века выдвинул гипотезу панспермии, космического распространения зародышей жизни, биология перестала играть сколько-нибудь существенную роль в формировании общественного сознания, уступив это место физике.

Так уж повелось, что до сих пор первенство в формировании мировоззрения отдается формализованным «точным» наукам, а не

естественным, изучающим реальные природные объекты в их развитии. По этой причине придется обойти вниманием целый ряд оригинальных крупных природоведов, представителей наук о Земле и о жизни.

Отчасти признание приоритета физико-математических наук вызвано объективными причинами: проникновением научной техники и мысли в микромир, познанием основополагающих законов мироздания, успехами астрофизики. Колоссальный диапазон охвата реальности: от наимельчайших частиц до всей Вселенной!

Действительно, достижения выдающихся физиков XIX — начала XX века заслуживают не только внимания, но и восхищения. Англичанин Джемс Клерк Максвелл (1831–1879) в «Трактате по электричеству и магнетизму» вывел систему уравнений, обосновал электромагнитную теорию света, предположил существование соответствующих волн. Его идеи и разработки обогатили теоретическую физику, предопределили последующие достижения электро— и радиотехники. Немец Вильгельм Конрад Рентген (1845–1923) провел классические исследования электрических свойств кристаллов; открыл Х-лучи, названные его именем, изобрел использующую их аппаратуру.

Крупные открытия были сделаны нидерландским физиком Генриком Антоном Лоренцем (1853–1928). Ему удалось обосновать электронную теорию на основе взаимодействия электромагнитного поля и создающих его заряженных частиц; доказать, что атомы состоят из тяжелых положительно заряженных ядер и окружающих их электронов. Он стал автором электродинамики движущихся тел и нашел в этой связи формулы преобразований координат пространства и времени (преобразование Лоренца), которые использованы в специальной теории относительности Альберта Эйнштейна. Лоренц сумел объяснить ряд важных оптических и электрических явлений, предсказав новые… Этот ученый достоин войти в число избранных, если бы не одно обстоятельство: о нем практически неизвестно широкой публике, его открытия не потрясли воображение популяризаторов и публицистов, как, скажем, парадоксы теории относительности.

Другой великий физик — англичанин Джозеф Джон Томсон (1856–1940) открыл в конце XIX века электрон и определил его свойства; разработал модель атома, заложив основы современных представлений о структуре материи. Его соотечественник Эрнест Резерфорд (1871–1937) после того, как французский ученый Анри Беккерель открыл в 1896 году явление радиоактивности, установил существование альфа— и бета-лучей, выяснив их свойства; предложил новую модель строения атома и заложил основы учения о радиоактивности, а в 1919 году впервые расщепил атомное ядро. Он теоретически предсказал существование нейтральной частицы (нейтрона), которую экспериментально обнаружил его ученик Дж. Чедвик.

Безусловно выдающимся ученым был австриец Эрвин Шредингер (1887–1961), работавший в Германии и Англии. Он разработал математическую теорию цвета, стал одним из создателей волновой механики (квантовой), наиболее полно раскрывающей законы микромира, вывел уравнение (носящее его имя), которое в современной атомной физике имеет фундаментальное значение. Ему принадлежит

замечательная по обилию оригинальных идей работа «Что такое жизнь с точки зрения физики?», по-новому освещающая проблемы биологии.

Кстати, основоположником биофизики, электрофизиологии можно считать итальянца Луиджи Гальвани (1737–1798), опубликовавшего «Трактат о силах электричества при мышечном движении», хотя он допустил при этом некоторые ошибки, которые отметил Алессандро Вольта (1745–1827), продолживший исследования Гальвани. Вольта открыл электрическую возбудимость различных тканей и органов; создал гальваническую батарею…

Если же речь зашла об электричестве, то следует упомянуть Бенджамина Франклина (1706–1790), американского ученого и государственного деятеля, выяснившего природу молнии, изобретателя громоотвода, участвовавшего в создании Декларации независимости США. Надо отметить и достижения англичанина Майкла Фарадея (1791–1867), создателя учения об электромагнитном поле. Он открыл электромагнитную индукцию и детально ее исследовал, после чего были построены генераторы тока; разработал теорию электролиза. Русский физик А.Г. Столетов писал: «Никогда со времен Галилея свет не видел стольких поразительных и разнообразных открытий, вышедших из родной головы, и едва ли скоро увидит другого Фарадея».

Обзор только одной ветви научных знаний предоставляет сразу несколько сильных имен. Но почему надо ограничиваться только достижениями, связанными с физическими экспериментами? Здесь критерий гениальности весьма неопределен: многое зависит от имеющейся техники, методики и точности проведения опыта, удачи, наконец. Творчество порой может и вовсе отсутствовать, если под этим понимать порывы вдохновения. Оно обретает иной вид: упорство, аккуратность, внимательность, наблюдательность.

Например, английский бактериолог Александр Флеминг (1881–1955) не был великим мыслителем или крупным общественным деятелем, однако его открытие произвело колоссальный эффект, спасло миллионы жизней. А все началось со счастливого стечения обстоятельств: проводя лабораторные исследования, он обратил внимание на то, что болезнетворные бактерии стафилококков погибли в непосредственной близости от определенного вида плесени. Так было обнаружено средство против многих опасных воспалительных процессов — пенициллин. Как это часто случается (случайно ли?), талантливый ученый был и человеком незаурядного ума. Он считал: «Чтобы родилось что-то совсем новое, необходим случай. Ньютон увидел, как падает яблоко. Джемс Уатт наблюдал за чайником, рентген спутал фотографические пластинки. Но все эти люди были достаточно хорошо оснащены знаниями и смогли по-новому осветить все эти обычные явления».

Есть еще одна особенность научных достижений: они открывают новые области знаний, новые перспективы. Как отметил коллега Флеминга Ловелл, «самое большое достоинство хорошо выполненной работы в том, что она открывает путь другой, еще лучшей работе и тем самым приближает закат своей славы. Цель научно-исследовательской работы — продвижение не ученого, а науки». Бескорыстные поиски истины у этих ученых были не на словах, а на деле. Первооткрыватели принципиально не

запатентовали пенициллин, что дало бы им немалые доходы, но затруднило бы внедрение полезнейшего средства в медицину, фармакологию (их коллеги в США были от такого поступка в недоумении). Флеминг высказал мысль прозорливую: «Переведите исследователя, привыкшего к обычной лаборатории, в мраморный дворец, и произойдет одно из двух: либо он победит дворец, либо дворец победит его. Если верх одержит исследователь, дворец превратится в мастерскую и станет похож на обыкновенную лабораторию; но если верх одержит творец — исследователь погиб… Я видел, как прекрасная и сложнейшая аппаратура делала исследователей совершенно беспомощными, так как они тратили все свое время на манипулирование множеством хитроумных приборов. Машина победила человека, а не человек машину».

Последняя фраза может служить эпиграфом ко всей технической цивилизации. (За двадцать лет до Флеминга в философской поэме «Путями Каина» Максимилиан Волошин писал: «Машина победила человека…») Не потому ли с развитием изощреннейшей экспериментальной техники физика второй половины XX века необычайно оскудела оригинальными, сильными, смелыми идеями? И другой аспект: мало кто обращает внимание на то, что слава и авторитет физиков росли параллельно созданию все более мощного оружия массового уничтожения и средств его доставки. А идея взрывозарождения Вселенной оформилась в то время, когда американские атомные бомбы испепелили два мирных японских города.

Незаурядными мыслителями были, пожалуй, главным образом натуралисты, познающие реальные природные объекты и явления: Уильям Гарвей (1578–1657), английский медик и физиолог, открыл артериальную и венозную систему кровообращения (трактат «Анатомическое исследование о движениях сердца и крови у животных»), а в «Исследованиях о зарождении животных» показал общие закономерности формирования организмов Через двести лет после него русский ученый Карл Максимович Бэр (1792–1876) — уроженец Эстонии, немец по национальности — открыл ряд законов эмбриологии, науки о превращениях зародышей животных. Он был одним из основоположников экологии, а также проводил едва ли не первым в мире комплексные биолого-географические (экологические) экспедиции. «В Петербурге николаевского времени, — писал о нем В.И. Вернадский, — жил великий естествоиспытатель и великий мудрец. Это исторический факт огромного значения для развития нашей культуры».

Наиболее талантливым продолжателем экологического направления в нашей стране и, возможно, в мире был Владимир Николаевич Сукачев (1880–1967). Он разработал учение о взаимосвязях растений и животных, а также их с окружающей средой (о биоценозах и биогеоценозах); много сделал для познания лесов и болот; разработал методику спорово-пыльцевого анализа, позволяющего реконструировать природные условия прошлых эпох, теоретически обосновал и практически осуществлял защитное лесоразведение (так называемый Сталинский план преобразования природы). Тем не менее многие специалисты зарубежных стран знают и ценят достижения Сукачева, хотя о них даже в нашем отечестве редко упоминают ученые и популяризаторы науки…

Для крупных натуралистов характерно то, что они редко ограничиваются узким диапазоном исследований, как это бывает обычно у математиков и физиков (целый ряд естествоиспытателей следовало бы отнести к универсальным гениям — Х. Гюйгенс, Р. Гук, Т. Юнг и другие). Чтобы глубоко и полно осмысливать жизнь природы, совершенно недостаточно ограничиваться пределами какой-то одной науки, а для выяснения общих закономерностей требуется предварительно сделать колоссальную работу по сбору и классификации фактов. Так, шведский натуралист Карл Линней (1707–1778), великолепный ботаник, открывший около 1500 видов растений, описавший флору ряда стран, создавший «Философию ботаники», не ограничиваясь этим выполнил грандиозный труд по систематизации растительного и животного мира («Система природы»). Только после этого можно было приступить к выяснению биологических закономерностей.

Грандиозный замысел осуществил Жорж Луи Леклерк Бюффон (1707–1788), создавший 36-томную «Естественную историю». Это потребовало от него поистине энциклопедических знаний. Даже странно, что его произведение прославлено несравненно меньше ньютоновских «Математических начал натуральной философии». Это можно объяснить лишь тем, что тайны небес больше удивляют людей, чем чудеса земные, а формализация законов природы восхищает сильней, чем попытки раскрыть ее жизнь во всем разнообразии и великолепии. Ведь Бюффон обобщил сведения о царствах минералов, растений и животных, изложил свои гипотезы естественного происхождения Солнечной системы, Земли, живых организмов. Он предположил, что некогда комета «вырвала» часть солнечной массы, из которой сформировались планеты. По мере остывания Земли на ней сменялись эпохи, развивалась жизнь. Бюффон блестяще излагал свои научные взгляды. По его словам, «стиль есть сам человек»; «стиль должен высекать мысль». И еще одно его высказывание, которое полезно принять к сведению любым мыслителям: «Хорошо писать — это одновременно хорошо думать; иметь вместе талант, душу и вкус». (Этот принцип воплощал в жизнь Александр Гумбольдт, о котором мы будем говорить как об универсальном гении.)

Выдающийся натуралист Жан Батист Ламарк (1744–1829), продолжая работы Линнея, написал не только «Французскую флору», но и двухтомную «Философию зоологии», где дал первый обстоятельный очерк эволюции животного мира. По его мнению, ее главная движущая сила — воздействие внешней среды (идею позже опровергали дарвинисты, но были добыты и ее доказательства). В книге «Гидрогеология» он верно подчеркнул огромную роль воды в формировании лика Земли. Ламарку принадлежат емкие термины «биология» и «биосфера» (правда, так он называл круглые организмы, но затем биосферой стали считать область жизни на планете). Ламарка по праву можно отнести к числу универсальных гениев, хотя имя его стало особенно популярно в связи с развитием эволюционной теории, когда появился термин «ламаркизм», а сторонники естественного отбора и борьбы за существование ниспровергали его мысль о возможности наследования приобретенных признаков.

Уже в XX веке русский советский географ, ихтиолог, биолог Лев Семенович Берг (1876–1935) в развитие ламаркизма выдвинул концепцию номогенеза, направленной эволюции на основе закономерностей взаимодействия организмов со средой, а не отбора случайных генетических отклонений от «нормы»

Кому-то может показаться, что среди натуралистов просто не нашлось необычайных гениев типа Ньютона (или Эйнштейна), способных охватить мысленным взором всю Вселенную и вывести наиболее общие ее закономерности в виде системы формул. При этом забывается, что в математических моделях мироздания небесные тела представлены в виде точек, а жизнь и разум вовсе не принимаются во внимание. Тем самым ученые словно изначально выводят себя (а также Землю, живые организмы, человечество, цивилизацию) за рамки своих моделей, полагая, будто так реализуется объективность исследований и обобщений. В действительности же подчеркивается условность (недопустимость, в принципе, когда речь идет о Вселенной, включающей объективно жизнь и разум) подобных моделей, их принципиальная ограниченность.

В связи с этим вспоминаются труды и претензии французского астронома, физика, математика Пьера Симона Лапласа (1749–1827). Он сделал ряд открытий в механике, теории дифференциальных уравнений и теории вероятностей. Вместе с Лавуазье занимался физическими и химическими исследованиями, разработал теорию капиллярности, определил скорость распространения звука и т. д. Главнейшим его достижением стало создание теории небесной механики, динамики тел Солнечной системы. Лаплас обосновал свою гипотезу формирования звезд и планет из первичной туманности («Изложение системы мира» в 2-х томах, 1796). Говорят, при встрече с Лапласом Наполеон заметил: «В своей книге вы даже не упомянули о Боге!» Ученый ответил: «Я не нуждаюсь в этой гипотезе».

В своей вере в возможности математики, механики и физики Лаплас заходил недопустимо далеко. Он полагал, что на основе этих наук можно в конечном счете создать всеобщую теорию Природы (включая жизнь Земли, живых организмов). Такую задачу невозможно решить не только с помощью физико-механических, но и вообще всех наук, вместе взятых.

Итак, мы приступаем к рассказу о тех, кто вошел в число избранных научных гениев. Вряд ли можно сомневаться в том, что они не отличаются какими-то сверхобычными способностями от упомянутых во вступлении и от немалого числа других выдающихся исследователей природы. А ведь есть еще ряд замечательных психологов, социологов, экономистов, культурологов, историков, которые были бы достойны нашего внимания. Сделать это не позволяет лишь сотня «вакантных мест» в книге данной серии. И еще. Представители гуманитарных дисциплин в значительной степени развивают успехи философии и литературы, а общественные науки слишком политизированы, так что оценка творчества их представителей резко меняется в связи с переменами в жизни государств, сменой господствующих классов и групп.

ГЕРОДОТ

(484–425 до н. э.)

Человек с древнейших времен стремился познать окружающий мир — не только по необходимости, но и из любознательности. Однако подобные сведения оставались разрозненными, не приведенными в определенную систему. Первым это сделал греческий путешественник, географ, «отец истории» (как его называли) Геродот. Родился он на юго-западном побережье Малой Азии в городе Галикарнасе. Из-за политических неурядиц покинул родину, переехав на остров Самос.

Даже если поступить так его вынудил гнев местного правителя-тирана, то отправиться затем в дальние путешествия никто не заставлял. Он посетил Египет, побывал на Ближнем Востоке, в Двуречье, Восточной Европе. Долгое время жил в Афинах, где дружил с Периклом, Софоклом, Анаксагором, усовершенствовался в знании философии. Возможно, беседы с друзьями вдохновили его на создание «Истории». В этом крупном сочинении речь идет прежде всего о греко-персидских войнах первой половины V века до н. э. Однако Геродота не удовлетворила столь узкая тема. Он обстоятельно, как очевидец и по собранным сведениям, описал природные условия разных регионов, быт и нравы местных жителей, их религиозные представления и обряды. Это позволяет считать его не только первым крупным историком, но также географом-страноведом и этнографом.

К сожалению, Геродот не вел путевых дневников и почти ничего не сказал о своих странствиях и приключениях. Он широко использовал труды и сообщения других исследователей, стараясь отделять правду от вымысла (это ему не всегда удавалось).

В те времена для средиземноморцев Восточная Европа была загадочной и мрачной землей где-то на краю света. Геродот был первым исследователем, посетившим Южное Приднестровье. Он написал о реках Танаис (Дон) и Борисфен (Днепр), составил описание скифских племен скотоводов и пахарей. В низовьях долины Борисфена отметил «гилею», дремучие леса. Долгое время это считалось недоразумением: ведь в Нижнем Приднепровье раскинулись степи. Только в XX веке ученые доказали, что на месте нынешних степных и опустыненных территорий (в частности, Алешковских песков) прежде располагались крупные лесные массивы, уничтоженные человеком.

Общие представления Геродота о планете были далеки от истины. Он считал Землю дискообразной с тремя континентами: Европой, Азией, Ливией (Африкой). Из них первая была самой крупной, на полсвета (и это даже без огромных пространств на северо-востоке). Почти вся Азия оставалась для него неведомой.

Некоторые рассказы Геродота уже при его жизни считались небылицами. Так, говоря о землях за Каспием, он упомянул о берегах Северного океана, где зима длится восемь месяцев в году, из-за чего местные жители на полгода впадают в спячку. Хотя по сути дела в этом есть доля правды. На Северном Урале, например, долго длятся холода, в Восточной Европе, Сибири некоторые животные впадают в зимнюю спячку. Многие племена избегали называть тотемное животное по имени (бэр — медведь), а употребляли иносказание — «хозяин». Поэтому рассказы о медведях, да еще в неточном переводе, Геродот вполне мог понять как

свидетельство о людях, спящих всю зиму.

Геродоту мы обязаны сообщением о великом географическом достижении: первом плавании вокруг Африки и открытии Южного полушария. Это произошло в конце VII века до н. э. при мудром и энергичном фараоне Нехо. Он снарядил совместную египетско-финикийскую морскую экспедицию, которая направилась вдоль побережья Красного моря на юг, обогнула Африку, и через три года со стороны Геракловых Столбов (Гибралтара) вернулась к родным берегам и в Мемфисе была встречена с триумфом.

Это сообщение веками ставилось под сомнение. Трудно было поверить, что в те далекие времена можно было осуществить столь грандиозное мероприятие. Да и Геродот сделал оговорку: «Рассказывают также, чему я не верю, а другой кто-нибудь, может быть, и поверит, что во время плавания кругом Ливии финикияне видели солнце с правойстороны».

Но именно так и должно было быть после перехода в Южное полушарие! Скептическая оговорка Геродота — наиболее убедительное доказательство путешествия вокруг Африки. Он был предельно объективен, изложив то, что слышал, включая сомнительный, по его мнению, факт. Он сознавал ограниченность своих знаний и возможность своего непонимания ситуации. Это характеризует его как самого настоящего ученого.

Сведения об известных и легендарных народах и странах, собранные Геродотом, явились популярной энциклопедией исторических и географических знаний той эпохи. Они пробуждали интерес к путешествиям, исследованиям, познанию Земли.

Высказывания Геродота:

— Людям, решившимся действовать, обыкновенно сопутствует удача; напротив, редко удается что-либо людям, которые только и занимаются тем, что взвешивают и медлят.

— Если не высказаны различные мнения, то не из чего выбрать наилучшее.

— Лучше быть предметом зависти, чем сострадания.

ЕВКЛИД

(ок. 365–290 до н. э.)

Греческий математик, физик. О его жизни почти ничего не известно. По-видимому, он работал в Александрии и находился при дворе Птолемея I. Евклид знаменит прежде всего математическим трактатом «Начала» (или «Элементы») из 15 книг. По сути дела, с этих пор математика оформилась как самостоятельная наука. Евклид осмыслил, обобщил и изложил все накопленные к тому времени сведения по нескольким математическим дисциплинам. Он создал логически стройную и непротиворечивую систему геометрии.

Евклиду приписывают еще два трактата: «Оптика» и «Катоптрика» (от слова «катоптрикос» — зеркальный). В них он опирался на принцип, сохранившийся в физике до нашего времени: луч света распространяется по прямой. Но, может быть, самое главное, что дал науке Евклид, — это метод убедительных доказательств, основанный на фактах (точных, проверяемых сведениях), аксиомах (очевидностях, не требующих доказательств или принятых за истину) и на четких логичных

рассуждениях.

В своих работах Евклид использовал и обобщал имевшиеся к тому времени труды, большинство из которых до нас не дошло даже во фрагментах. Его «Элементы» впервые были напечатаны в 1533 году, когда они вернулись к европейцам от арабов. Считается, что его математика опирается преимущественно на достижения пифагорейской школы и содержит основы планиметрии, стереометрии, отчасти — теории чисел. Ему принадлежали сочинения по высшей математике (4 книги «Конических сечений»), дошедшие до нас в пересказе, а также другие работы, известные только по названиям.

Возможно, об этом ученом не следовало бы и упоминать, если бы не вошли в мировую науку такие понятия, как «евклидова геометрия» (построенная на его постулатах и аксиоме о параллельных: через одну точку вне данной плоскости можно провести только одну прямую, не пересекающую данной) и «евклидово пространство» (которое соответствует данной геометрии). Интересно, что обычно евклидово пространство, например привычно трехмерное, считают реальным, как бы само собой разумеющимся. Его изображают в виде трех перпендикулярно пересекающихся плоскостей. Однако это — явная идеализация. В окружающем нас мире абсолютно прямая линия отсутствует. Принято было считать, что ей соответствует луч света. Однако, как выясняется, и он распространяется с отклонениями от идеальной прямой в зависимости от свойств вещества (кристалл, вода, вакуум) или воздействия электромагнитного или гравитационного полей (не исключено, что они, в свою очередь, зависят от свойств неоднородности космического вакуума — энергетической субстанции, из которой могут «материализоваться» частицы, обладающие массой покоя).

АРХИМЕД

(ок. 287–212 до н. э.)

Греческий механик, физик, математик, инженер. Родился и провел большую часть жизни в Сиракузах (Сицилия). Учился в Александрии (Египет). Был советником царя Сицилии Гиерона II. По легенде, он с помощью системы зеркал, отражающих солнечные лучи, сжег римский флот, осадивший Александрию (эта история отражает его успехи в оптике). Считается изобретателем катапульты. Установил правило рычага, в связи с чем ему приписывают изречение: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину Землю».

Архимед блестяще сочетал таланты инженера-изобретателя и ученого-теоретика. Кроме военных машин сконструировал планетарий и винт для подъема воды, который до сих пор используют. Написал трактаты: «О спиралях», «О шаре и цилиндре» (эти фигуры изображены на его могильной плите), «О коноидах и сфероидах», «О рычагах», «О плавающих телах» и др. Вычислил объем сферы и значение числа «пи». Подсчитал число песчинок в объеме земного шара (трактат «О песчинках»).

Однажды царь Гиерон II предложил Архимеду определить, не подмешали ли ювелиры серебра к золоту, когда делали его корону. Для этого надо было узнать не только вес, но и объем изделия. Архимед решил непростую задачу изящно: опустил корону в воду и определил объем вытесненной жидкости. Говорят, мысль об этом пришла к нему тогда, когда

он принимал ванну. Радостный, он выскочил на улицу в чем был (то есть без ничего) с криком: «Эврика!» (нашел, открыл).

С именем Архимеда связано немало легенд, подлинность которых вряд ли можно подтвердить. Безусловно, он не мог с помощью зеркал сжечь вражеские корабли. А вот история с царской короной вполне правдоподобна (но была ли ванна?).

Рассказывают, что Гиерон предложил ему поднять большую часть малой силой. Ученый изобрел механизм (или полиспаст, сложный блок?), с помощью которого вытащил на берег тяжелогруженную триеру. Один из историков науки высказал предположение, что Архимед применил свой винт в соединении с системой зубчатых колес. Правда, скорее всего данная история выдумана для того, чтобы ярче представить инженерный гений Архимеда. Греческие моряки, по-видимому, умели вытаскивать на берег даже крупные суда с помощью рычагов и блоков, а вот способен ли был один Архимед справиться с такой задачей? Вряд ли.

Более достоверными считаются слухи о созданном им планетарии. В центре находилась Земля, Солнце, Луна и несколько планет вращались вокруг нее, приводимые в движение каким-то механизмом (возможно, водяным двигателем). Об этом сооружении с восторгом упомянул Цицерон, не оставив подробного описания. Предполагается, что по образцу архимедова планетария в Средние века создавали аналогичные.

Однако если в памяти поколений имя Архимеда связано с изумительными изобретениями, то историки науки выделяют прежде всего его математические открытия. В сочинении об измерении окружности он вычислил число «пи», использовав остроумный метод «подчерпывания», сближения периметров вписанного в круг и описанного вокруг него многоугольников. Изучая плоские фигуры, он вышел за пределы элементарной математики, учил определять площадь параболы и эллипса, открыл свойства кривых высшего порядка, например спиралей. Поразили современников его работы о шаре и цилиндре, вычисление их поверхностей, отношение объемов цилиндра и шара, вписанного в него (как 3х2) и т. д.

По преданию, римский полководец Марцелл, войско которого осаждало Сиракузы, очень высоко ценил гений Архимеда, несмотря на то что изобретенные ученым метательные орудия причиняли большой урон нападавшим. В отличие от других сицилийских городов, Сиракузы держались долго, несколько месяцев. Многопудовые камни, выброшенные из архимедовых катапульт, сметали десятки римлян, крушили их осадные сооружения. Корабли нападавших сожгли, по-видимому, «огненные снаряды» (сосуды с горючей смесью), которые метали те же катапульты, что, кстати, могло послужить поводом для фантазий о «зажигательных зеркалах» Архимеда.

Когда Сиракузы пали под натиском римлян, разъяренные захватчики устроили страшную резню, жертвой которой стал и Архимед. Рассказывали, будто он во время штурма был занят решением геометрической задачи. По одной версии, когда римский солдат занес над ним свой короткий меч, ученый сказал: «Не трогай моих чертежей», а по другой версии: «Подожди, сейчас я решу задачу».

Узнав о его кончине, Марцелл якобы очень огорчился и велел на могиле мыслителя поставить камень, на котором высечен шар, вписанный в цилиндр (таково было завещание Архимеда). Так ли все это было, сказать трудно. Однако Цицерон, посетивший через полтора столетия Сиракузы, рассказал, что на заброшенном участке кладбища он увидел маленькую колонну, едва возвышавшуюся над кустарником, а на ней изображение шара с цилиндром. Знаменитого оратора сопровождали знатные сиракузцы, по приказу которых был откопан весь памятник, уже наполовину погрузившийся в землю. И тогда открылась стихотворная эпитафия, посвященная Архимеду (она была известна по литературному источнику). С гордостью Цицерон завершил свое повествование: «Таким образом виднейший и некогда столь образованный город Великой Греции не имел бы понятия о могиле своего величайшего мыслителя, если бы иноземец не показал ее его гражданам». Надо ли напоминать, что убийца Архимеда был, как и Цицерон, гражданином Рима.

ПТОЛЕМЕЙ
(ок. 83 — ок. 162)

Клавдий Птолемей — греческий географ, картограф, математик, астроном — родился в Египте, работал главным образом в Александрии.

Он поставил перед собой грандиозную задачу: постичь гармонию мироздания, в связи с чем постарался обобщить имевшиеся знания по самым различным наукам, включая теорию музыкальной гармонии и мистическую астрологию. Написал «Географию» в 8 книгах, астрологический трактат «Четверокнижие», «Оптику», «Гармонию» и др. Главной его работой стал обобщающий в 13 книгах «Великий синтез», который пользовался большой популярностью в арабских, а затем и европейских странах (его греческое название арабы переиначили как «Альмагест»).

Под руководством Птолемея были составлены карты известного в ту пору мира. Землю он считал шаром, хотя размеры его существенно занизил. Из-за этой ошибки Колумб был уверен в возможности прямого плавания от Испании до Китая. В центре мироздания Птолемей поместил Землю. Чтобы следить за движениями небесных тел, он изобрел специальный прибор — астролябию. Наиболее сложными оказались вычисления орбит планет с позиций земного наблюдателя. Но и с этой задачей ученый справился, введя особые круговые траектории — эпициклы. Говорят, в XIII веке король Кастилии Альфонс, пытаясь понять систему Птолемея, посетовал на то, что Господь не посоветовался с ним, сотворяя мир, тогда удалось бы проще организовать движение небесных тел.

Птолемей создал математически обоснованную модель мироздания, завершив концепцию Аристотеля. Она была обоснована именно с научной точки зрения. Только уровень науки того времени (да и много позже) укоренял некоторые ложные представления.

У Птолемея была возможность избрать в качестве основы гелиоцентрическую систему Аристарха. Она сравнительно легко могла быть обоснована математически, что значительно упростило бы траектории планет, Луны. Но этому препятствовали некоторые, казалось, неопровержимые аргументы. Например, никак не ощущается вращение

Земли, тогда как перемещения небесных тел очевидны. Брошенный вертикально вверх или вниз камень не отклоняется в сторону, чего не бывает на вращающемся теле.

Система Птолемея стала первой в мире завершенной и научно обоснованной теорией строения мироздания. Она была подлинно научной, ибо исходила из наблюдений, не противоречила фактам и была приведена к стройной математической модели. Все это, однако, еще не значило, что она являлась верной.

Научная истина слишком редко бывает абсолютной. Обычно она отмечает очередной этап достижений… или даже заблуждений, что вовсе не исключено.

Не случайно система Птолемея господствовала полтора тысячелетия. У нее своя правда, неопровержимая никакими доводами рассудка. Это — правда земного наблюдателя; субъективная правда личности, изучающей весь мир, исходя из своей точки зрения — единственной и неповторимой. В этом смысле его система не менее обоснована, чем система Коперника. Формально их равноправие доказывается в рамках теории относительности, утверждающей равноправие всех инерциальных, не ускоряющихся систем, хотя, если принять за центр Вселенной точку на вращающейся Земле, картина Мироздания окажется совершенно извращенной.

Впрочем, с позиций современной космологии не отвечает реальности ни та, ни другая системы. Наиболее верной представляется идея, высказанная в античности: центр мира везде, а окружность его нигде.

Однако такой взгляд на природу слишком объективен. Он не выделяет особо человека, наблюдателя. И образ Бога в таком мировоззрении растворяется в природе, пронизывает всю ее как Святой Дух, но не локализует в одном конкретном месте как Творца. Вот почему с победой христианства восторжествовала теория мироздания, «теологичность» которой немало способствовала ее долговечности.

КОПЕРНИК
(1473–1543)

Отношение человека к природе и Богу определяется не только личными симпатиями, знаниями и незнанием, но и общественным мнением, традициями, а также уровнем развития философии и науки. Чем значительней становились в конце Средневековья достижения науки и техники, не говоря уж о Великих географических открытиях, тем выше поднимался авторитет Природы.

Философия Природы — натурфилософия — развивалась по меньшей мере в трех направлениях. Первое определялось успехами математики, механики, техники и мыслило Мироздание как механизм. Второе склонялось к давней мысли Платона о Вселенной как организме, наделенном жизнью и разумом; понятия Природы и Бога соединились воедино (пантеизм). Третье избегало таких обобщений и довольствовалось данными опытной науки и здравым смыслом.

Научные доказательства великолепной античной догадки были изложены Николаем Коперником. Рассуждая о шарообразности Вселенной, он повторял умозрительную идею Пифагора о самой совершенной фигуре. Но шарообразность Земли он с удивительной прозорливостью объяснял

тем, что она «со всех сторон тяготеет к своему центру». Гелиоцентрическая система Коперника была независима от библейской картины мира. Он ссылался на античных мыслителей, называя Солнце Управителем мира, который, «как бы восседая на престоле царском, управляет вращающимся около него семейством светил…».

Николай Коперник родился в г. Торунь (Польша) в семье купца. В десятилетнем возрасте лишился отца и воспитывался в доме дяди, просвещенного епископа Луки Ватценроде. Окончил Краковский университет, где изучал математику, астрономию, медицину и право, продолжал учебу в университетах Италии (в Болонье, Падуе, Ферраре). Изучал церковное право, стал магистром искусств, всерьез заинтересовался астрономией. Вернувшись на родину, стал каноником собора в городе Фромборке. Он не только читал проповеди, но и лечил больных, занимался хозяйственными делами, а главное — разрабатывал новую модель мира, опираясь на идеи Аристарха Самосского.

Математически сложная система Птолемея, в которой центром мироздания является Земля, отвечала церковным канонам. Это не смутило Коперника. Он написал трактат «Об обращении небесных сфер», предложив свою, математически обоснованную, модель мироздания с Солнцем в центре (гелиоцентрическую модель взамен геоцентрической системы Птолемея). Свой труд, изданный в Нюрнберге, Коперник посвятил папе Павлу III. Но в 1616 году книга была запрещена церковью, запрет отменили только через 212 лет.

Коперник сознавал, что идет наперекор общепринятому мнению. «Но я знаю, — писал он, — что размышления человека-философа далеки от суждений толпы, так как он занимается изысканием истины во всех делах, в той мере, как это позволено Богом человеческому разуму. Я полагаю также, что надо избегать мнений, чуждых правде… Если и найдутся какие-нибудь пустословы, которые, будучи невежественными во всех математических науках, все-таки берутся о них судить и на основании какого-нибудь места Священного Писания, неверно понятого и извращенного для их цели, осмелятся порицать и преследовать это мое произведение, то я, ничуть не задерживаясь, могу пренебречь их суждением, как легкомысленным».

Научное знание Коперник сопоставил с божественным откровением как наивернейший способ постижения истины, как средство возвышения чувств и мыслей, как источник светлой радости познания.

Несмотря на завершенность и стройность гелиоцентрической системы, она открывала путь для дальнейших исканий и открытий, Коперник сознавал ограниченность своих знаний: «Все сказанное выше сводится только к доказательству необъятности неба по сравнению с величиной Земли. Но докуда простирается эта необъятность, о том не ведаем». Его натурфилософия была преимущественно научной, а не умозрительной.

Из предисловия Николая Коперника к книгам о вращениях:

— …Как только некоторые узнают, что в этих моих книгах, написанных о вращениях мировых сфер, я придал земному шару некоторые движения, они тотчас с криком будут поносить меня и такие мнения. Однако не до такой уж степени мне нравятся мои произведения, чтобы не

обращать внимания на мнения о них других людей.

— …Я принял на себя труд перечитать книги всех философов, которые только мог достать, желая найти, не высказывал ли когда кто-нибудь мнения, что у мировых сфер существуют движения, отличные от тех, которые предполагают преподающие в математических школах. Сначала я нашел у Цицерона, что Никет высказывал мнение о движении Земли, затем я встретил у Плутарха, что этого взгляда держались и некоторые другие.

— …Я не сомневаюсь, что способные и ученые математики будут согласны со мной, если только (чего прежде всего требует эта философия) они захотят не поверхностно, а глубоко познать и продумать все то, что предлагается мной в этом произведении…

— …Не секрет, что Лактанций, вообще говоря знаменитый писатель, но небольшой математик, почти по-детски рассуждал о форме Земли, осмеивая тех, кто утверждал, что Земля имеет форму шара. Поэтому ученые не должны удивляться, если нас будет тоже кто-нибудь из таких осмеивать. Математика пишется для математиков…

— …Так как цель всех благородных наук — отвлечение человека от пороков и направление его разума к лучшему, то больше всего это может сделать астрономия вследствие представляемого ею разуму почти невероятно большого наслаждения…

ГАЛИЛЕЙ
(1564–1642)

Убедительным свидетельством серьезных и духовных перемен в XVII веке стали первые буржуазные революции в Нидерландах и Англии. Другая характерная черта: создание научных организаций. Во второй половине XVII века возникли Лондонское Королевское общество и Парижская академия естественных наук. Развитие промышленности, мануфактур, оснащенных механическими устройствами, вызвало настоятельную потребность в развитии теоретических основ механики; складывались физико-математические, химические и технические науки. Все это свидетельствовало о становлении «века разума», сменившего «век веры».

Характерной приметой времени стал триумф механики и механистического мировоззрения. Еще Николай Кузанский называл Мироздание мировой машиной, но при этом верил в присутствие во Вселенной души и божественного разума. А один из, первых президентов Лондонского Королевского общества Роберт Бойль считал мир только космическим механизмом. Впрочем, поначалу подобные взгляды не имели широкого распространения. Так, современник Галлея немецкий религиозный философ Яков Беме писал: «Я созерцал необъятную глубину этого мира, наблюдал за солнцем, звездами, облаками, дождем и снегом, представлял себе мысленно все творение этого мира и находил добро и зло, любовь и гнев во всем — не только в людях, в животных, но и в неразумной твари: в дереве, камнях, земле и стихиях». Однако даже он не избежал веяний времени: «Божество есть как бы колесо, вращающееся со своими спицами и ободами и со своею ступицею, и ободы его так вделаны один в другом, как если бы оно состояло из семи колес, могущих идти: не поворачиваясь, и вперед, и назад, равно как и вверх, и вниз, и в стороны».

Одним из апостолов Нового времени был Галилео Галилей — астроном, механик, мыслитель. Происходил он из знатной, но обедневшей флорентийской семьи. Отец, талантливый музыкант, постарался дать сыну хорошее образование.

Галилео жил преимущественно в Северной Италии. После школы воспитывался в монастыре, затем учился в Пизанском университете. Хорошо зная латынь, изучил труды античных мыслителей, прежде всего Аристотеля. Но всегда полагался на свой разум, опыты и наблюдения. Говорил, что тот, кто ссылается на авторитеты, должен называться «доктором зубрежки», а не философии или науки.

Он преподавал сначала в Пизанском, а затем в Падуанском университете, где проводил опыты по механике и физике, а также вел наблюдения за планетами и звездами с помощью своего, одного из первых в Европе, телескопа. Эти наблюдения публиковал в периодическом «Звездном вестнике» (1610–1611); кометам посвятил трактат «Пробирщик», а свои взгляды на мироздание изложил в «Диалоге о двух главнейших системах мира — Птолемеевой и Коперниковой», за что был осужден римской инквизицией и вынужден был формально отречься от «ереси». Находясь под «призором» инквизиции и теряй зрение, он все-таки продолжал работать.

Галилей не только опирался на знания, но понимал и учитывал незнание. Он писал: «Ни мой разум, ни мои рассуждения не в состоянии остановиться на признании мира либо конечным, либо бесконечным».

Галилео великолепно использовал научный метод. Создав телескоп, он смог наблюдать горы и «моря» на Луне. Огромное значение имело открытие им подвижных пятен на солнце, а также скоплений звезд, составляющих Млечный Путь. Тем самым подтвердилась гипотеза Бруно о бесчисленном множестве солнц и обитаемых миров.

По-видимому. Галилей был первым, кто в вопросах познания отдал первенство науке и философии перед теологией и религией. Библейским текстам он оставлял роль нравственного учения. «Философия, — по его словам, — настоящая духовная пища тех, кто может ее вкушать… Кто устремляется к высшей цели, тот занимает более высокое место; вернейшее же средство направить свой взгляд вверх — это изучать великую книгу Природы, которая и составляет настоящий предмет философии».

Если Природа — творение Бога, то через нее человек непосредственно познает Его замыслы и законы. А Библия написана людьми, пусть даже боговдохновенными. Следовательно, «ни одно изречение Писания не имеет такой принудительной силы, какую имеет любое явление Природы».

Большое значение придавал Галилео тщательно продуманным и четко выполненным экспериментам. Разрабатывая законы механики, он предварял мыслью дело. Так, путем остроумных рассуждений пришел к мысли, что ускорение свободного падения не зависит от массы тела. Предположим, что легкое тело падает медленнее тяжелого. Тогда если соединить эти два тела, получится более массивное; оно должно было падать еще быстрее, однако из сложения скоростей первоначальных двух

тел получается, что оно должно падать медленней. Следовательно, ускорение не может быть ни больше, ни меньше, а останется постоянным для всех трех тел. Придя к такому решению, Галилей успешно доказал его на опыте, бросая шары с Пизанской башни.

Открытия Галилея убедительно опровергали геоцентрическую систему мира, единственно признанную Церковью. И хотя он подписал отречение, было бы неразумно упрекать его в измене своим взглядам. Он прекрасно понимал, что научно доказанная истина обязательно восторжествует, и нелепо ради ее утверждения рисковать жизнью. (Кстати, и Джордано Бруно пошел на костер не ради идеи вечной, бесконечной Вселенной; он отстаивал свое достоинство, проявил «героический энтузиазм», о котором писал; мученической смертью прославил свое имя.)

Свою правоту Галилей доказал пять лет спустя, опубликовав книгу «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению». Она вышла вопреки запрету инквизиции Галилею заниматься исследованиями. В ней доказываются некоторые законы механики и предложен эксперимент по определению скорости света. В книге нет ссылок на авторитеты, на Священное Писание — только на эксперименты. Галилео Галилей едва ли не первым перешел от научно-философских исследований к подлинно научным. Когда телескоп Галилея зримо продемонстрировал «механизм Мироздания» — это стало торжеством механики, оптики, техники.

НЬЮТОН
(1643–1727)

Исаак Ньютон родился в семье фермера в поселке Вулстроп (75 км от Кембриджа); отец умер до его рождения. Учился в городской школе, затем в Тринити-колледже Кембриджского университета, где позже преподавал.

Ньютон постоянно и напряженно размышлял над строением мироздания, вел наблюдения, делал опыты (порой алхимические). В 1687 году издал грандиозный классический труд «Математические начала натуральной философии», в котором раскрыл небесную механику, сформулировал закон всемирного тяготения, понятия пространства и времени и т. д. С 1672 года стал членом Лондонского Королевского общества (с 1703-го — президентом). Назначенный директором Монетного двора, привел в порядок расстроенное монетное дело в Англии. Богословские труды его не отличались оригинальностью, зато научные определили важный рубеж в развитии нескольких наук. Он сформулировал основные законы механики, разработал одновременно с Г. Лейбницем дифференциальное и интегральное исчисление, создал учение о цвете и корпускулярную теорию света, рассчитал орбиты планет, построил зеркальный телескоп… Учтем, что Ньютон предполагал существование и абсолютного и относительного времени, а кроме законов механики в мире, по его мнению, присутствует Бог. Следовательно, модель Мироздания у Ньютона была непроста: наряду с механикой мертвых тел природы она содержала и не постижимый человеческим умом Разум, а также волю Творца.

Исаак Ньютон не был профессиональным философом и не отличался энциклопедической широтой знаний. Но, пожалуй, именно он оказал колоссальное влияние на философскую мысль Нового времени.

Круг его интересов был по тем временам достаточно узок: математика, механика, астрономия, оптика. Главное его произведение — «Математические начала натуральной философии». Такое заглавие может ввести в заблуждение. В этой объемистой работе философским рассуждениям уделено самое скромное место. Она насыщена формулами и содержит основы ньютоновской механики и астрономии. Автор так определяет принцип познания, который можно считать научным: «Не должно принимать в природе иных причин сверх тех, которые истинны и достаточны для объяснения явлений». А критерием истины он полагал опыт, наблюдения, эксперименты и строгую математическую форму выражения результатов.

О существовании закона всемирного тяготения догадывались до Ньютона Кеплер и Роберт Гук. Но математически обработать материалы астрономических наблюдений и точно сформулировать этот закон не смогли. Говорят, Ньютону подсказало верное решение падение яблока с дерева. Если такое произошло на самом деле, то лишь потому, что яблоко созрело в то время, когда Ньютон после шестилетнего упорнейшего труда пришел к своему открытию. Оно отмечено даже в эпитафии на памятнике ему в Вестминстерском аббатстве: «…почти божественным разумом первый доказал с факелом математики движение планет, пути комет и приливы океанов…»

Великому достижению Ньютона посвятил свой панегирик его современник и соотечественник Александр Поп:

Был Божий мир кромешной тьмой окутан.
«Да будет свет!» —
И вот явился Ньютон.

Правда, уже в XX веке, после появления специальной теории относительности, стихи получили продолжение:

Но сатана недолго ждал реванша:
Пришел Эйнштейн, и стало все, как раньше.

Однако в действительности теория Ньютона вовсе не была опровергнута. Его идея абсолютного времени была отвергнута (хотя те же физики, сами того не заметив, возродили ее и ныне подсчитывают в «абсолютном масштабе» возраст небесных тел и даже Вселенной). Но ведь он наряду с абсолютными временем и пространством выделил и относительное. Он высказывал сомнение в наличии абсолютной системы координат. Между прочим, А. Эйнштейн признавался: «До сих пор не удалось заменить единую концепцию мира Ньютона другой, столь же всеобъемлющей единой концепцией. Но то, что мы добыли до сих пор, было невозможно получить без ясной системы Ньютона».

Стремление построить натурфилософию на математическом основании Ньютон высказал так: «Было бы желательно вывести из начал

механики и остальные явления природы» (помимо астрономических). Эта надежда окрыляла многих философов и ученых, но она, как выяснилось теперь, несбыточна. Ньютон несколько опрометчиво заявил, что «гипотез не измышляет». Но, в сущности, он имел в виду необходимость опираться в научных исследованиях на безукоризненно доказанные положения. «…Все же, что не выводится из явлений, должно называться гипотезою; гипотезам же метафизическим, физическим, механическим, скрытым свойствам не место в экспериментальной философии».

Казалось бы, перед нами типичный мыслитель-рационалист. Но это справедливо только по отношению к его научным трудам, да и то с некоторыми оговорками. На самом деле ситуация сложнее. Вот что писал в 1703 году в одном из писем Локк: «Ньютон действительно замечательный ученый и не только благодаря своим поразительным достижениям в математике, но и в теологии, и благодаря своим знаниям Священного Писания, в чем мало кто может с ним сравниться».

В своем богословском сочинении, посвященном библейским пророчествам, Ньютон и «гипотезы измышляет», и даже противоречит собственным научным выводам об абсолютном времени, которое, как писал он в «Началах…», «без всякого отношения к чему-нибудь внешнему, протекает равномерно и иначе зовется длительностью». В таком всеобщем однонаправленном потоке предсказания будущего могут быть только предположительными, гадательными, вычисленными, но только не полученными в виде неких «сигналов из будущего», так как обратного движения этот поток времени не имеет. Ньютон как богослов без тени сомнения ссылается на сверхъестественную силу — Бога. По его мнению, всеведущий Бог (а для него следовало бы автору «Начал…», помимо абсолютного и относительного времени, выделить еще и вечность или «вечное настоящее») открыл пророкам будущее. Удостовериться в этом можно лишь «задним числом», ибо «Бог дал… пророчества Ветхого Завета не ради того, чтобы удовлетворить любопытство людей, делая их способными предузнавать будущее, но ради того, чтобы исполнением их на деле был дан миру святой Промысел Его, а не проницательность истолкователей».

Философия натуральная и философия религиозная у Ньютона оказались настолько несовместимыми, словно они принадлежали двум разным людям. Такое «раздвоение интеллекта» происходило бессознательно. Оно свидетельствовало о том, что между окрепшей наукой и традиционным богословием разверзлась пропасть.

Почему мыслитель не выбрал что-то одно? Выбор, казалось бы, совершенно очевиден: натуральная философия и наука, ибо речь идет о гениальном ученом, достижения которого были превознесены уже при его жизни. Что заставляло его заниматься богословием?

На этот вопрос можно найти более или менее определенный ответ в очень немногих отступлениях от научного метода, которые он позволял себе в «Началах…». В заключительной главе сказано: «Изящнейшее соединение Солнца, планет и комет не могло произойти иначе, как по намерению и власти могущественного и премудрого Существа». И еще: «От слепой необходимости природы, которая повсюду и всегда одна и та же, не может происходить изменение вещей. Всякое разнообразие вещей,

сотворенных по месту и времени, может происходить лишь от мысли и воли Существа, необходимо существующего».

Чтобы сверхмеханизм Мироздания не остался мертвым телом, в котором нет места жизни и разуму, великий математик, физик и механик вынужден был прибегнуть к идее («гипотезе») Бога, всепостигающего Разума и всемогущего Существа, сотворившего и запустившего машину Вселенной.

ЛАВУАЗЬЕ
(1743–1794)

Жизнь его складывалась необычайно счастливо. Он был, пожалуй, самым богатым из всех знаменитых ученых. Получилось так, что этот прославленный химик случайно приобрел данную специальность и тратил на свои лабораторные исследования немалые собственные средства. Поэтому его с полным правом следует считать ученым-любителем. В то же время именно его называют основателем современной химии.

До Лавуазье она была по сути дела прикладной дисциплиной, связанной с фармакологией, медициной, отдельными производствами и алхимическими опытами. Он более других содействовал превращению ее в науку, имеющую свою систему терминов и классификаций, опирающуюся на предельно точные количественные характеристики.

Как отмечает историк химии И.С. Дмитриев, «достижения Лавуазье в науке многообразны: он изменил всю иерархию химических соединений, в результате чего те вещества, которые считались простыми, например вода, оказались сложными, и наоборот, те, что полагали сложными, скажем металлы, заняли свое место в „Таблице простых тел“; он открыл кислород и дал правильное объяснение процессов горения, прокаливания, восстановления дыхания, чем опроверг теорию мифического флогистона; разработал концепцию агрегатного состояния вещества, наконец, он сформулировал закон сохранения массы вещества (1789), открытый задолго до того Ломоносовым, и т. д…»

Родился Антуан Лоран Лавуазье в состоятельной семье прокурора Парижского парламента. Обучаясь в привилегированном коллеже Мазарини, он увлекся литературой, стал сочинять драму на сюжет сентиментального романа Жана Жака Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (нетривиальный выбор для весьма обеспеченного юноши; ведь Руссо признавался: «Я ненавижу знатных, и ненавидел бы их еще больше, если бы меньше презирал»). Но далее первых сцен работа не продвинулась: более серьезно интересовали его математика, астрономия, физика, минералогия. По настоянию отца поступил на юридический факультет Парижского университета, но по окончании его не стал адвокатом. С другом семьи геологом Жаном Этьеном Геттардом (сторонником гипотезы всемирного потопа, якобы сформировавшего лик Земли и даже кристаллические горные породы) молодой Лавуазье совершал экспедиции по Франции, собирая материалы для геолого-минералогического атласа, а также участвовал в составлении геологических карт. Свои таланты Лавуазье впервые проявил в неожиданной области: разработал проект уличного освещения Парижа, за что получил золотую медаль.

Его научная карьера была стремительной: в 1768 году адъюнкт, через 4 года — академик, а с 1785-го — директор Парижской академии

наук. Возможно, его продвижению поначалу способствовали друзья отца, энергия и молодость ученого, а также его материальная обеспеченность, позволявшая заниматься за свой счет химическими исследованиями в лаборатории. Поручали ему самые разнообразные задания: изучать «животный магнетизм» и газы выгребных ям, разобраться в конструкции английской паровой машины, осматривать казенные заведения (тюрьмы, больницы, фабрики, заводы), организовывать метеорологические наблюдения, выяснять химический состав косметических препаратов и их влияние на здоровье.

"Однако случалось ученому идти и против королевской воли, — пишет И.С. Дмитриев. — Так, незадолго до революции Людовик XVI потребовал существенно увеличить число мест в академии. Ответ Лавуазье (тогда уже директора академии) был резок и категоричен:

— Если Ваше Величество намерены провести столь значительное пополнение академических рядов, то нам придется призвать в эти стены посредственность, полузнание, более опасные, чем невежество, шарлатанство и интриги, которые их всегда сопровождают, а будущим поколениям оставить лишь выродившееся потомство. Король может открывать вакансии, но не в его власти создавать гениальных ученых, чтобы эти вакансии заполнить".

Очень многое определило в его судьбе избрание в 1768 году членом, а затем одним из руководителей Генерального откупа (ведомства по взиманию налогов). Эта организация обогащала не только казну государственную, но и своих деятелей. Лавуазье сравнительно быстро стал миллионером. По его предложению Париж окружили решеткой, чтобы не допустить беспошлинного ввоза товаров. Казна и члены Генерального откупа богатели, но у горожан росло недовольство подобными мерами, а также инфляцией, перебоями с хлебом, снижением уровня жизни. На Лавуазье писали анонимные памфлеты. А он продолжал заниматься химическими исследованиями, в частности, реорганизовал производство пороха, улучшив его качество и почти удвоив выпуск. В 1783 году он издал мемуары «Размышления о флогистоне», в которых опровергал уже укоренившееся в науке мнение о существовании «воспламеняемой субстанции» (флогистоне), которая выделяется при горении и обжигании, переходя через воздух растениям, а от них животным. Эту гипотезу еще раньше опроверг своими опытами М.В. Ломоносов, но его авторитет не был настолько весом, чтобы ученые отказались от привычной концепции. Да и выдвинутая Лавуазье кислородная теория горения и дыхания была отвергнута подавляющим большинством специалистов. В мемуарах он признался:

«Я не жду, что мои взгляды будут сразу приняты. Человеческий ум привыкает видеть вещи определенным образом, и те, кто на протяжении части своего жизненного пути рассматривали природу с известной точки зрения, обращаются лишь с трудом к новым представлениям». Он верил, что со временем его идея победит, и не ошибся. Укрепляя новые теории в сознании ученых, он создал «Начальный курс химии» (1769) с иллюстрациями жены и помощницы Марии, ученицы знаменитого художника Луи Давида. В учебнике он изложил принципы, которыми руководствовался: «Я поставил себе законом всегда следовать от

известного к неизвестному, не делать никаких выводов, которые не вытекали бы непосредственно из опытов и наблюдений, и сопоставлять химические факты и истины в таком порядке, который наиболее облегчает их понимание…»

Лавуазье верно отметил одну особенность научных построений, способствующую заблуждениям: ошибочные суждения не затрагивают личных интересов, не грозят страданиями и бедами; напротив, возбуждают воображение, тешат самолюбие. «Таким образом, мы как бы заинтересованы в том, чтобы себя обманывать».

Припомнил Лавуазье слова своего современника, философа, историка и экономиста Кондильяка о свойстве людей злоупотреблять словами, не особенно заботясь об их смысле, привыкать к ложным мнениям, которые превращаются в предрассудки. От этого избавиться тем труднее, чем образованнее человек. Новые идеи легче поймут те, кто ни чему не учился, «чем те, кто учился многому, а тем более те, кто писал много ученых сочинений». Сам Лавуазье постарался внести порядок в значительный хаос, царивший в химической науке того времени, преодолевая сопротивление ретроградов. И это ему удалось.

Грянувшая Французская революция была встречена Лавуазье спокойно. В письме американскому коллеге Бенджамину Франклину он написал: «Партия демократическая имеет на своей стороне и численность, и философию, и ученых». Но свержение монархии сказалось вскоре и на Парижской академии, которой покровительствовал король. Ученых стали упрекать в паразитизме, пламенный демократ Марат обозвал Лавуазье «корифеем среди шарлатанов». В августе 1793 года академия была разогнана, а в декабре вышло постановление об аресте всех бывших откупщиков. Их обвинили в злоупотреблениях и заговоре против французского народа. И великий химик, сделавший так много для укрепления и славы Франции, попал под нож гильотины.

КЮВЬЕ
(1769–1832)

Жорж Кювье родился в Эльзасе, в семье французского эмигранта. С детства отличался превосходной памятью и любознательностью. Читать научился в 4 года, а через шесть лет увлекся «Естественной историей» Бюффона. Позже всерьез заинтересовался философией Канта; делал сотни зарисовок животных, преимущественно насекомых.

Окончив Каролингскую академию в Штутгарте, работал в богатом поместье в Нормандии, где пользовался обширной библиотекой и вел свои первые научные исследования. Кювье стал переписываться с парижскими учеными, оценившими его незаурядные знания. Молодой биолог-эволюционист Этьен Жоффруа Сент-Илер помог ему в 1794 году устроиться ассистентом профессора сравнительной анатомии в Музее естественной истории в Париже. Сент-Илер позже писал: «Кювье думал, что он делает ученические записи, однако с первых шагов в этой области он стал создавать прочный фундамент зоологии. Я имел невыразимое счастье первым обратить на это внимание, первым представить ученому миру гения, который не знал самого себя». Опубликовав «Элементарные таблицы естественной истории животных», Кювье стал профессором Коллеж де Франс.

В Париже он вел преподавательскую и исследовательскую работу, занимал высокие посты: был членом Госсовета при Наполеоне и после Реставрации, чрезвычайным комиссаром, пэром. Кювье принадлежат основательные труды по сравнительной анатомии и систематике животных. Он впервые соединил в один тип позвоночных млекопитающих, птиц, рептилий, амфибий и рыб. Ведя геологические исследования и изучение ископаемых остатков, он открыл и описал новые виды вымерших животных, установил гармоничную связь анатомического строения организма с его общим обликом, образом жизни и связи с окружающей средой. Он говорил: «Дайте мне кость, и я восстановлю все животное». И это было правдой.

В 1812 году в Париже были изданы четыре тома работы Жоржа Кювье: «Исследования об ископаемых костях». Этот труд заложил основы палеонтологии. А первой его части суждена была самостоятельная жизнь в виде знаменитой книги «Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара и об изменениях, какие они произвели в животномцарстве»…

Кювье стоял у истоков трех научных дисциплин: сравнительной анатомии животных, палеонтологии и исторической геологии. Но самой знаменитой его работой стало «Рассуждение о переворотах» (в буквальном переводе — о революциях), с восторгом принятой биологами и геологами Англии, Германии и Франции. Затем он ее несколько раз перерабатывал, до конца внося коррективы.

В предисловии к русскому изданию, появившемуся впервые в 1937 году, академик А.А. Борисяк дал парадоксальную характеристику этому труду. По его словам, книга представляет глубокий интерес… знакомит… с автором — одной из крупнейших фигур, какие только знала история науки, — его мировоззрением, его колоссальной эрудицией, его острым умом и блестящим стилем". В то же время, пишет он, этот труд «в противоположность другим обобщающим работам Кювье имеет исключительно историческое значение». Последнее утверждение ученого основано, по-видимому, на том, что идея Кювье о периодических катастрофах на Земле, вызывающих массовые вымирания живых организмов и смену осадконакопления, была опровергнута в середине XIX века трудами Ч. Лайеля и Ч. Дарвина.

«Рассуждение о переворотах…» насыщено глубокими интересными мыслями. Но так уж случилось, что и современники, да и последующие поколения сделали сильный акцент именно на идее природных катастроф. Интересно отметить, что книга Кювье, пронизанная идеями катастрофизма, появилась во Франции после Великой французской революции, тогда как идеи эволюционизма получили свое научное обоснование в консервативной Англии. Кстати, в Англии революционно настроенный Байрон включил в мистерию «Каин» слова о переворотах на Земле, погубивших былых гигантов животного мира. Во Франции склонный к консерватизму Бальзак в «Шагреневой коже» спрашивает: не является ли Кювье величайшим поэтом своего века? В Германии Гете ввел во вторую часть «Фауста» геологические споры, скептически отозвавшись о гипотезе переворотов…

Кювье занимал высокие административные должности и не был сторонником социальных революций. Свои выводы о природных катастрофах он сделал, исследуя геологические слои, содержащие комплексы тех или других ископаемых остатков. Слои сменялись по вертикали обычно резко, без плавных переходов. Логично было предположить, что и природные условия сменялись также резко.

В принципе так оно и было. Только с одним уточнением: все происходило быстро в масштабах геологического времени — тысячелетий и миллионолетий. Но в эпоху Кювье о таких масштабах естествоиспытатели не имели представления.

Главная идея «Рассуждения о переворотах…» быстро обрела популярность. Французский палеонтолог А. д'Орбиньи подсчитал даже, что в истории Земли было 27 великих катастроф, после которых каждый раз заново создавались новые виды организмов. Позже эти взгляды стали приписывать Кювье (основоположникам учений часто приписывают ошибки апологетов).

Только в середине XX века против такого толкования идей Кювье выступил крупный советский ученый Б.Л. Личков. Он пришел к выводу, что Кювье правильно сопоставлял этапы биологической эволюции с «критическими» периодами в истории Земли, когда активизировались движения земной коры, вулканизм, перемещения континентов и происходили перестройки климатических зон, вызывая глобальные похолодания, ледниковые эпохи. Академик Д.В. Наливкин в 1970 году опубликовал монографию, посвященную природным катастрофам. По его словам, «история земной поверхности, как и все другие истории, создается совокупностью, совместным, чередующимся действием как эволюционных, так и революционных процессов и явлений».

Таким образом, наблюдается определенная «реабилитация» идей Кювье о переворотах на земном шаре. Ученые по-новому вчитываются в этот единственный труд Кювье, переведенный на русский язык. Чем же можно объяснить этот феномен? В своих представлениях о природе Кювье последовательно применял научный метод: основывался на фактах и скреплял их в единую систему знаний с помощью логических умозаключений. Кювье высказал дерзкую идею постепенного и трудного освоения живыми организмами земного пространства: «Жизнь, которая стремилась овладеть земным шаром, казалось, боролась в эти первые времена с господствовавшей до того времени косной природой; только после довольно долгого времени она окончательно взяла верх, к ней одной перешло право продолжать и растить твердую оболочку Земли». Ученый считал жизнь определяющим фактором в образовании каменной оболочки Земли. В этом он был предтечей В.И. Вернадского, создавшего учение о биосфере — области жизни, где организмы являются ведущей геологической силой. Кювье разработал и применил системный анализ в палеонтологии: «Всякое организованное существо образует целое, единую замкнутую систему, части которой соответствуют друг другу и содействуют путем взаимного влияния одной конечной цели. Ни одна из этих частей не может измениться без того, чтобы не изменились другие, и, следовательно, каждая из них, взятая отдельно, указывает и определяет все другие». Более того — он перешел к широким обобщениям: «Мир подобен

индивидууму: все его части действуют друг на друга». Этот принцип лежит в основе современной экологии.

Итак, Кювье выдвинул ряд замечательных идей. Но в своих книгах ученый не только стремился сообщить читателю сумму конкретных знаний, он вдохновенно славил величие научного познания. «Нас поражает, — писал он, — мощь человеческого ума, которым он измерил движение небесных тел, казалось бы навсегда скрытое природой от нашего взора; гений и наука преступили границы пространства; наблюдения, истолкованные разумом, сняли завесу с механизма мира».

ЛАЙЕЛЬ
(1797–1875)

Чарлз Лайель (другое написание его фамилии — Лайелл) родился в семье шотландского дворянина в тот год, когда умер знаменитый геолог (тоже шотландец) Джеймс Геттон, по мнению которого жизнь Земли определяется глубинными процессами в земной коре — вулканизмом — и периодическими катастрофами. Отец Чарлза увлекался естествознанием и филологией. Благодаря его ботаническим изысканиям, он был принят в научное Линнеевское общество.

Чарлз Лайель с детства коллекционировал насекомых. В Оксфордском университете он изучал древние языки и юриспруденцию, посещая также лекции по геологии. Эта наука так его заинтересовала, что он стал проводить геологические экскурсии сначала на родине, затем во Франции, Швейцарии, Италии. Его восхищало величие природы, он обследовал горные ледники, взбирался на скалы, совершал восхождения в предгорьях Монблана. В 1825 году появились его первые работы по геологии Англии, Шотландии, а в 1830–1833 годах был опубликован трехтомник «Принципы геологии», заложивший фундамент современных наук о Земле.

…В канун 1832 года, отправляясь в кругосветное плавание на корабле «Бигль», юный Чарлз Дарвин взял с собой первый том работы Чарлза Лайеля «Принципы геологии» (на русском языке она была издана в 1866 году). Книга Лайеля принесла Дарвину, по его свидетельству, «величайшую пользу во многих отношениях», ясно показав «превосходство метода, примененного Лайелем в трактовке геологии, по сравнению с методами всех других авторов, работы которых я… прочитал когда-либо впоследствии».

Натуралист и учитель Чарлза Дарвина Джон Стивенс Генсло, рекомендовавший ученику познакомиться с книгой Лайеля, предостерегал: ни в коем случае не следует принимать отстаиваемых в ней воззрений. Набожный Генсло искренне верил в «дни творения» и «всемирный потоп».

Дарвин, прочтя «крамольную» книгу, был от нее в восторге. Позже, ознакомившись с последующими двумя томами «Принципов геологии», он написал: «Геологическая наука бесконечно обязана Лайелю, больше, я думаю, чем кому-либо на свете». И признался, что собирал факты об изменении животных и растений в естественных и искусственных условиях, «следуя примеру Лайеля в геологии».

В современных сводках и монографиях по истории наук о Земле обычно указывается, что Лайель открыл новую эпоху в развитии геологии. По словам Ф. Энгельса, «…лишь Лайель внес здравый смысл в геологию,

заменив внезапные, капризом творца, революции постоянным действием медленного преобразования Земли». Однако значение этой книги распространилось, в сущности, на целый ряд наук о Земле и жизни, на все естествознание. Отчасти поэтому популярность «Принципов геологии», третий том которых вышел в 1833 году, была необычайной. Английская писательница Гарриет Мартино свидетельствовала: «После того, как прошла мода на романы Вальтера Скотта, широкая публика среднего сословия раскупала дорогое сочинение по геологии в пять раз быстрее, чем любой из самых популярных современных романов». При жизни автора «Принципы геологии» издавались 11 раз. В каждое издание автор вносил изменения и дополнения.

Благодаря книгам Лайеля многие англичане всерьез увлеклись геологией. Третий том удовлетворял потребность читателя в самостоятельных исследованиях. В 1838 году Лайель переделал его в монографию «Элементы геологии» или «Основы геологии».

Соединяя в своей работе сводку известных сведений и популярность учебного пособия, автор оставался исследователем, устремленным в неведомое. Например, выделил четвертый класс минеральных пород — метаморфический (в дополнение к ранее известным водным, вулканическим, плутоническим). Подобными открытиями — большими и малыми — насыщен труд Лайеля. И это убедительное свидетельство эвристической ценности научного метода Лайеля.

Основой такого метода стал принцип актуализма: познание прошлого по аналогии с настоящим.

До сих пор не утихают споры специалистов о достоинствах и недостатках метода Лайеля. Чаще всего указывают на то, что существуют природные явления, к которым нельзя применять принципы актуализма и униформизма без существенных уточнений. Но это ясно понимал и Лайель. Он старался раскрыть и доказать менее очевидную истину, которая не всегда принимается во внимание: очень медленные процессы могут вызвать значительные перемены природной обстановки не только за длительные, а подчас за короткие сроки. Тут все зависит от качественного характера изменений. Так, поверхность суши может опускаться на сотни метров, оставаясь выше уровня моря и не вызывая каких-либо принципиальных перемен. Но стоит ей опуститься на десять сантиметров ниже горизонта воды, и ничто не напомнит о недавних континентальных условиях. Подобные перемены могут наблюдаться при вулканических извержениях, сильных землетрясениях или наводнениях, при небольших поначалу изменениях органического мира, в результате которых исчезают виды животных и растений. На это и указывал Лайель в своих знаменитых трудах.

Могучий интеллект и смелый полет воображения позволяли Лайелю мысленно ускорять ход миллионолетий, восстанавливать события, происходящие в гигантские отрезки геологического времени, за которое на Земле совершаются поистине чудесные превращения природы и «…после бесчисленного ряда поколений небольшое студенистое тело превращается в дуб или обезьяну…». Более того, Лайель пишет о «…последней великой ступени в прогрессивной лестнице бытия, по которой орангутан, уже развившийся из монады, медленно достигает атрибутов и достоинства

человека».

Очень верный образ предложил ученый: последовательно поднимающиеся ступени «прогрессивной лестницы бытия». Действительно, усложнение организации живых существ происходило этапами, ступенчато. Научно-поэтический образ ныне превратился в научно-теоретический.

Лайель первым проанализировал гипотезу перемещения материков. Он писал о «необходимости изучения следствий изменяющегося положения материков, передвинувшихся, как нам известно, в течение следовавших одна за другой эпох из одной части земного шара в другую». Высказанная мысль призвана как-то объяснить глобальные изменения климата без ссылок на космическое воздействие. И добавляя — «как нам известно», Лайель незаметно для себя выдает возможное за реальное. До сих пор идея перемещения материков (и тем более — плит земной коры) остается гипотезой: вполне правдоподобной, но и вызывающей серьезные возражения.

Даже сейчас «Принципы геологии» продолжают оставаться не только собранием фактов, эмпирических обобщений и давно известных гипотез и теорий, но также генератором новых идей. Кстати, ученый много писал об изменениях природных условий в результате деятельности человека.

Произведение Ч. Лайеля — это прежде всего гимн величию человеческого разума: «Хотя мы только кратковременные жильцы на поверхности этой планеты, прикованные к одной точке в пространстве, существующие одно мгновение во времени, но ум человеческий в состоянии не только исчислить миры, рассеянные за пределами нашего слабого зрения, но даже проследить события бесчисленных веков, предшествовавших созданию человека». Русское издание лайелевских «Принципов геологии» давно стало библиографической редкостью. К этой работе обращаются не только историки науки, но и те, кто стремится активно познавать жизнь Земли.

Идеи и, главное, стиль мышления Лайеля актуальны и в наше время в связи с тем, что за последнюю четверть века стала чрезвычайно популярна концепция «глобальной тектоники плит» Она основана на некоторых геофизических данных и чрезмерно упрощает жизнь земной коры. Гигантские и сложнейшие глыбы материков представляются в виде плит, столкновение и раздвигание которых (горизонтальные перемещения) определяют тектонические процессы.

Однако в полном согласии с выводами Лайеля на континентах преобладают вертикальные движения блоков земной коры, хотя и горизонтальные играют некоторую роль. Отход от принципов геологии, изложенных Лайелем, стимулировал ряд интересных исследований и смелых идей, но в то же время привел к господству схематизации в науках о земле — самой загадочной планеты Солнечной системы, обладающей живой оболочкой — биосферой.

ЛОБАЧЕВСКИЙ
(1792–1856)

Ряд факторов свидетельствует, что его отцом следует считать не Ивана Максимова (Лобачевского), как указано в метрике, а Сергея Степановича Шебаршина (Шабаршина), который значился его

воспитателем и опекуном. По крайней мере эта версия обоснована в книге математика Д.А. Гудкова «Н.И. Лобачевский. Загадки биографии», Н.Н., 1992.

Как бы то ни было, нет ни нужды, ни смысла менять всемирно известную фамилию творца новой математики. Упомянут биографический казус для того, чтобы стало ясно: с первых лет своей жизни Николай Иванович находился в необычном, можно сказать, двусмысленном положении. Вместе с братьями и матерью жил он в доме Шебаршина, имея фамилию Лобачевский. С Иваном Максимовичем если и виделся, то мельком, постоянно общаясь с Сергеем Степановичем. Правда, этот его второй (по-видимому, родной) отец умер, когда мальчику было пять лет — в 1797 году. Именно такую указывал Николай Иванович дату смерти отца, тогда как в это время Иван Максимович был еще жив.

Воспитывался Николай под влиянием Шебаршина не как безродный нахлебник, а на правах наследника (то же относится и к его братьям). Он не прозябал в бедности, как предполагали его первые биографы, а жил в семье со средним достатком, вполне обеспеченно. Все три брата официально считались «воспитанниками» землемера капитана Шебаршина, что в те времена частенько относилось к «незаконнорожденным» детям.

«Черты характера Николая Ивановича, — писал Д.А. Гудков, — целеустремленность, воля, способность доводить дело до конца; достижение своих целей, несмотря на сопротивление людей и обстоятельств, — все это было характерно и для Прасковьи Александровны, его матери. Она воспитывала эти черты в сыновьях своим примером, а также, видимо, и сознательно».

Негласный отец его был тоже достаточно сильной личностью. «Сергей Степанович Шебаршин, — по сведениям Гудкова, — исключительно талантливый, вспыльчивый и борющийся за справедливость человек. Будучи по происхождению „из солдатских детей“, он окончил университет, был геодезистом Сената, а затем странствовал по городам и весям России в качестве землемера…» На закате жизни он тяжело болел.

Обратим внимание на то, что геометрия Лобачевского, которую он назвал «воображаемой», в полном смысле земная, реальная. Именно мир геометрии Евклида идеален, требует предельно точных прямоугольных координат, не характерных для объектов природы. Реальное искривление координат на земной поверхности вынуждены учитывать, например, создатели глобусов и мелкомасштабных карт, отражающих обширные территории. Как знать, не услышал ли впервые об этом Николай от Сергея Степановича? Не стало ли это первое детское удивление (мы обитаем на поверхности шара, а видим ее плоской) тем исходным рубежом, от которого начался его путь к созданию новой геометрии?

В пять лет Николай Лобачевский остался сиротой. Имея на руках трех сыновей, Прасковья Александровна переехала в Казань и определила их в гимназию за казенный счет. Старший Александр учился отлично, подавал большие надежды, но вскоре после поступления в Казанский университет (только что открытый) утонул, купаясь в реке.

Николай и Алексей отличались смышленостью. Правда, Николай имел чересчур живой нрав. Он проказничал, досаждая учителям. Один из

них как-то не выдержал:

— Послушай, Лобачевский, да из тебя со временем выйдет настоящий разбойник!

Николай поступил в 1807 году в Казанский университет, имея пусть и неглубокие, но разнообразные знания (изучал французский, латинский, немецкий и татарский языки, логику, философию, геометрию и тригонометрию, механику, физику, химию, естественную историю, архитектуру, фортификацию). Университет переживал пору становления. Студентов было сравнительно немного. Учились они, как говорится, не за страх, а за совесть. Большинство впервые ощутило радость познания. Перед ними открывался чудесный, необычайный, удивительный мир мысли и знаний.

С приходом в университет известного математика Бартельса уровень преподавания этого предмета резко повысился. Бартельс приучал студентов к творчеству. Тогда-то одним из способнейших его учеников стал Николай Лобачевский, к которому в университете было особое отношение. Сокурсники восхищались его выдумками, лихими проделками, а то и безобразиями. Так, однажды он смастерил ракету и ночью запустил ее на университетском дворе, едва не учинив пожар. Вызвав переполох, не признавался поначалу в содеянном и угодил в карцер. В другой раз привел корову, уселся на нее верхом и стал потешать товарищей, изображая вольтижировку. Вдруг все смолкли: на крыльцо вышел ректор, изумленно глядя на упражнения студента. Естественно, последовало наказание. Короче говоря, на педагогических советах частенько склонялось его имя: то как ослушника, охальника и безобразника, то как весьма сообразительного, способного ученика.

Инспектор посвятил ему фискальное донесение в педсовет. По его словам, Лобачевский позволяет «мечтательное о себе самомнение, упорство, неповиновение, грубости, нарушения порядка и отчасти возмутительные поступки». Вдобавок еще «явил признаки безбожия». В результате, как гласил один из протоколов заседания педсовета, «Николай Лобачевский по отличным успехам своим и дарованиям в науках математических мог бы быть удостоен звания студента-кандидата, если бы худое его поведение не препятствовало сему, почему он и не одобрен…».

После проволочек Лобачевский получил степень кандидата, однако дисциплинированным так и не стал. Ректор Румовский написал: «Он отличные свои способности получает несоответственным поведением». И все-таки по настоянию нескольких профессоров своенравный студент был удостоен звания магистра. Он написал мемуары «Теория эллиптического движения небесных тел», высоко оцененные Бартельсом. Этот ученый оказал самое благотворное влияние на Лобачевского, пробудив в нем любовь к математике и наделив соответствующими знаниями. Бартельс был человеком замечательным, талантливейшим ученым и педагогом. Рассказывали, что на вопрос, кто лучший математик в Германии, Лаплас ответил: «Бартельс». «А как же Гаусс?» — спросили его. «О, Гаусс — первый математик в мире».

Кстати, Гаусс тоже был учеником Бартельса. Лобачевскому безусловно посчастливилось иметь выдающегося учителя. Но ведь способных учеников в России Бартельс имел немало, а самым

прославленным суждено было стать Лобачевскому. Почему? Прежде всего, благодаря неординарной личности, сообразительности, жажде познания и оригинальному складу ума.

Так в чем же суть научного открытия Лобачевского? «Сооткрыватель» специальной теории относительности французский математик Анри Пуанкаре утверждал: «Геометрия — это учение о свойствах, которые имели бы инструменты, если бы они были совершенными». Такое идеальное учение было создано Евклидом. Его геометрию оставалось только заучивать и учитывать. Теория окаменела в своем совершенстве.

Математики много раз пытались покушаться на нее. Начинали с наиболее слабого звена — теоремы о параллельных линиях, справедливо сомневаясь в ее убедительности. Однако для успеха таких «разрушительных» предприятий требовалось предложить что-то не менее убедительное и совершенное. Ректор Харьковского университета Т.Ф. Осиповский в начале XIX века высказал мысль о геометрии без постулата Евклида о параллельных. К тому времени Гаусс, по его позднейшему признанию, уже осмыслил эту идею, хотя выступать с ней публично не решился, остерегаясь общественного мнения. И венгерский математик Янош Бойяи (Больяи) создал неевклидову геометрию (хотя и чуть позже Лобачевского). Отец предупреждал его: «Молю тебя, не делай только и ты попыток одолеть теорию параллельных линий… Ради Бога, молю тебя, оставь эту материю, страшись ее не меньше, нежели чувственных увлечений, потому что и она может лишить тебя всего твоего времени, здоровья, покоя, всего счастья твоей жизни». Действительно, для Яноша открытие новых миров геометрии принесло тяжелые переживания, сжигающую ревность к другим первооткрывателям, мучительную меланхолию «непризнанного гения».

Немало неприятностей доставило открытие неевклидовой геометрии и Лобачевскому. Кстати, философская идея в этом случае опередила научную мысль; Кант на полвека раньше высказался о возможности «многоразличных видов пространства»: «наука о них была несомненно высшей геометрией».

Мемуары Я. Больяи «Аппендикс (приложение), содержащий науку о пространстве абсолютно истинную, не зависящую от истинности или ложности XI аксиомы Евклида», были опубликованы в 1832 году как дополнение к труду его отца Фаркаша («Опыт введения учащегося юношества в начала математики — элементарной и высшей»). А первый — 1826 года — доклад Лобачевского о новой теории, произнесенный в Казани и там же незамедлительно напечатанный, назывался. «Сжатое изложение основ геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных».

Лобачевский вернул геометрии ее первозданный смысл: обратился к системам реальных измерений, которые, даже выполненные с безупречной точностью, далеко не всегда подтверждаются аксиомами и теоремами Евклида. Например, для достаточно больших треугольников на земной поверхности (акватории) сумма углов будет меньше 180°, а четырехугольника — меньше 360°. Такова реальность!

Для осуществления подобных измерений на земной поверхности во времена Лобачевского требовалось немалое воображение (отсюда и

название мемуаров «Воображаемая геометрия»). Но не мечтательно-фантастическое, а обращенное к действительности. Измерения в системе Евклида, помимо идеальных приборов, предполагают некое идеальное пространство, в частности космическую среду. Однако Лобачевский такое предположение не принял на веру. Он считал, что эту идею «проверить, подобно другим физическим законам, могут лишь опыты, каковы, например, лишь астрономические наблюдения».

Приоритет реальности перед вольной игрой ума, природоведения перед комбинаторикой, — такова была принципиальная позиция Лобачевского. По его словам, в основании математики должны находиться понятия, «приобретаемые из природы». Он высказывался порой еще резче: «Все математические начала, которые думают произвести из своего разума, независимо от вещей мира, останутся бесполезными для математики».

Януш Больяи писал: «Из ничего я сотворил новый мир». И еще, учитывая незавершенность своих мемуаров: «Я уверен, что это доставит мне такую же славу, как если бы я уже дошел в открытии до конца».

Высказывания откровенные, вполне уместные в устах рекордсмена умственной эквилибристики, творца воображаемых миров, исполненного вполне естественного для незаурядной личности честолюбия. Нечто подобное мог бы сказать и Гаусс, хотя его честолюбие и без того было удовлетворено славой первого математика мира.

Для Лобачевского было иначе. Абстрактные умственные игры не слишком его увлекали; не вдохновляло и честолюбие. Подобно Ломоносову, он был патриотом, заботился о славе России, причем не на словах, а в своей деятельности как преподаватель и ректор Казанского университета, библиотекарь, а также и как ученый. Но главное, Лобачевский стремился постичь природу, великую правду Мироздания. Не потому ли он, совершив великое открытие, упорно, твердо, много лет утверждал свою правоту.

Самое замечательное в достижении Лобачевского: оно относится не только к математике, но и к естествознанию, а также к философии. Некоторые его идеи созвучны основным философским представлениям теории относительности. Он считал, что в природе мы познаем лишь движение, а пространство само по себе, вне его не существует. Или другая мысль: «Время есть движение, измеряющее другое движение». Пожалуй, эта формула поныне остается в науке неоцененной по достоинству.

Лобачевский жил и умер как-то очень по-русски. Болея и предчувствуя свой смертный миг, позвал жену:

— Прощай, Варвара Алексеевна, пришло время, в могилу надо, умирать пора, — протянул ей руку и тихо скончался.

…Интересную мысль высказал известный французский математик Таннери, сравнив Лобачевского с Колумбом, открывшим новый мир и не испугавшимся его причудливых очертаний. Английский ученый Клиффорд утверждал: «Чем Коперник был для Птолемея, тем Лобачевский был для Евклида. Между Коперником и Лобачевским существует поучительная параллель. Коперник и Лобачевский — оба славяне по происхождению. Каждый из них произвел революцию в научных идеях и значение каждой из этих революций одинаково велико. Причина громадного значения и той, и другой революции заключается и в том, что они суть революции в нашем

понимании Космоса».

Наконец, хотелось бы привести и мнение другого величайшего ученого-творца XIX века, главное открытие которого определило многие черты наук нашего века — Д.И. Менделеева: «Геометрические знания составили основу всей точной науки, а самобытность геометрии Лобачевского — зарю самостоятельного развития наук в России. Посев научный взойдет для жатвы народной…»

ДАРВИН
(1809–1882)

Его имя известно всем со школьной скамьи. Этого нельзя сказать о его сочинениях, хотя некоторые из них интересны, написаны ясно и доступно, к тому же могут обогатить читателя новыми мыслями, фактами, пищей для размышлений. Угасший интерес к его трудам отчасти объясняется их былой популярностью и громким общественнымрезонансом.

Читающая публика была ошеломлена, возбуждена, а то и возмущена его опубликованной в 1859 году монографией, посвященной естественному отбору как фактору биологической эволюции. Заметим, что книга разошлась в один день! Вскоре появилось второе издание. «Иногда высказывалось мнение, — писал Ч. Дарвин, — что успех „Происхождения…“ только доказывал, что вопрос уже носился в воздухе и что умы были к нему подготовлены. Но я не думаю, чтобы это было верно, так как я не раз проверял мнения многих натуралистов и не встретил ни одного, который сомневался бы в постоянстве видов». Однако Дарвин упростил проблему. Он вроде бы забыл, что саму по себе идею естественного происхождения жизни и эволюции высказывал еще его дедушка Эразм — врач, натуралист и автор книги «Храм природы», изданной в 1803 году.

Жизнь организмов зародилась в море…
Земная жизнь в безбрежном лоне вод,
Среди пещер жемчужных океана
Возникла, получила свой исход,
Росла и стала развиваться рано;
Сперва в мельчайших формах все росло,
Невидимых и в толстое стекло,
Которые, киша, скрывались в иле
Иль водяную массу бороздили;
Но поколенья множились, цвели,
Усилились и члены обрели…

У Эразма Дарвина есть даже упоминание о естественном отборе, хотя и очень обобщенное:

Жизнь производит веществам отбор;
Все вредное спешит изгнать, как сор…

Но одно дело — более или менее абстрактные мысли о происхождении жизни, эволюции животных, естественного отбора, которые высказывались еще со времен античности, и другое — научные доводы, которые обосновывают идеи. Ко времени выхода книги Дарвина авторитет

науки в Англии был уже велик, а потому его теория принималась всерьез. А ведь она шла вразрез с некоторыми библейскими преданиями!

Английский ученый и философ Дж. Д. Бернал в монографии «Наука в истории общества» (1956) отметил, что после дарвиновской работы «…от книги „Бытия“, как точного описания истории, осталось весьма немного». Это обстоятельство, по-видимому, удручало некоторых — или даже многих — ученых, потому что заставляло решительно отбросить привычные с детства религиозные догмы о сотворении мира и человека.

Но был еще один важный общественный аспект теории естественного отбора и борьбы за существование (на него указал и Дж. Д. Бернал): появилось естественное «оправдание» капиталистической жестокой конкуренции, закабаления «неприспособленных» и выживания наиболее активных, ловких, предприимчивых… вне всяких моральных норм, ибо таков «закон природы»!

Социодарвинизм оказался созвучным капитализму с его «рыночной экономикой» (в чем Дарвин, конечно, был неповинен). И для революционных кругов идея суровой и беспощадной борьбы за выживание и господство была близка, понятна, приемлема. Недаром дарвинизм сразу же признали марксисты; он был чрезвычайно популярен в СССР. Даже странно, что такое революционное воздействие на общественное мнение и политическую жизнь оказал человек спокойный, рассудительный, гуманный и религиозный.

…Чарлз Роберт Дарвин был сыном врача. После классической школы поступил на медицинский факультет Эдинбургского университета, но бросил учебу; по настоянию отца перешел на богословский факультет в Кембридже. Окончив университет, отправился в кругосветное плавание на корабле «Бигль», длившееся 5 лет; вел разнообразные научные исследования, сделав ряд открытий и проведя ценнейшие наблюдения по зоологии, ботанике, экологии, геологии, антропологии, этнографии. Несколько лет обрабатывал эти богатейшие материалы, публикуя научные труды и дневники.

В его работах содержатся глубокие мысли и обширное собрание фактов. Трудом «Дождевые черви» он обогатил почвоведение и экологию. Не менее интересны: «Насекомоядные растения», «Выражение эмоций у человека и животных», «Происхождение человека и половой отбор», «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле „Бигль“».

Ряд ученых и философов не соглашались с дарвинистами. В России убедительно критиковал это учение Н.Я. Данилевский, а П.А. Кропоткин писал о взаимопомощи как более важном факторе эволюции, чем отбор. Да и сам Дарвин не считал свое учение безупречным.

Вот что он писал: "Так как рождается гораздо более особей каждого вида, чем их может выжить, и так как на основании этого постоянно возникает борьба за существование, то из этого вытекает, что всякое существо, которое хотя незначительно изменится в направлении, для него выгодном по отношению к сложным и нередко меняющимся условиям его существования, будет представлять более шансов на сохранение и, таким образом, подвергнется естественному отбору. В силу начала наследственности отобранная разновидность будет стремиться к размножению своей новой измененной формы…

…Многое, касающееся происхождения видов, остается еще необъясненным, если только отдавать себе отчет в глубоком неведении, в котором мы находимся по отношению к взаимной связи живых существ, нас окружающих. Кто объяснит, почему один вид широко распространен и представлен многочисленными особями, а другой мало распространен и редок? И тем не менее эти отношения крайне важны, так как они определяют современное благосостояние и, как я полагаю, будущий успех и дальнейшее изменение каждого обитателя этого мира. Еще менее знаем мы о взаимных отношениях бесчисленных обитателей нашей планеты в течение прошлых геологических эпох ее истории. Хотя многое еще темно и надолго останется темным, но в результате самого тщательного изучения и беспристрастного обсуждения, на какое я только способен, я нимало не сомневаюсь, что воззрение, до недавнего времени разделявшееся большинством натуралистов и бывшее также и моим, а именно, что каждый вид был создан независимо от остальных, что это воззрение неверно. Я вполне убежден, что виды изменчивы и что все виды, принадлежащие к одному роду, непосредственные потомки одного какого-нибудь, большей частью вымершего рода, точно так же как признанные разновидности одного какого-нибудь вида считаются потомками этого вида. И далее я убежден, что естественный отбор был самым важным, хотя и не единственным фактором, которым было осуществлено это изменение".

МЕНДЕЛЕЕВ
(1834–1907)

По линии отца он был причастен к духовной, интеллектуальной прослойке общества: дед — сельский священник, отец — учитель гимназии, преподававший философию, изящные искусства, политическую экономию, логику, русскую словесность (позже стал директором гимназии). По линии матери в его роду были практические деятели — купцы Корнильевы. Они значительную часть своих доходов тратили на просвещение и благотворительность. Мария Дмитриевна, мать Дмитрия Менделеева, была начитана и получила неплохое домашнее образование.

Родился Дмитрий в Тобольске, семнадцатым ребенком в семье. В тот же год отец его ослеп и вышел на пенсию. Пришлось Марии Дмитриевне заботиться не столько о воспитании детей, сколько о том, чтобы прокормить их. Переехали в деревню Аремзянку, в 30 верстах от Тобольска, где был небольшой стекольный завод, принадлежавший ее брату, который жил в Москве и передал ей управление предприятием. Мария Дмитриевна занималась производством и организовала подсобное хозяйство.

«Там, на стеклянном заводе, управляемом моей матушкою, — писал Дмитрий Иванович, — получились мои первые впечатления от природы, от людей и от промышленных дел». В гимназию он поступил рано. Поначалу учился старательно, однако вскоре определились у него предметы нелюбимые. Особенно досаждала латынь, по которой он нередко получал единицы. В начальных классах его не оставляли постоянно на второй год или не исключали за неуспеваемость из уважения к отцу. Затем он заинтересовался физикой, математикой, географией, астрономией, историей. Стал успевающим учеником. В выпускном аттестате у него были

только две удовлетворительные оценки: по Закону Божьему и по русской словесности. Первый предмет он не любил из-за необходимости заучивать догмы без размышлений, как зазубривают унылую латынь. А хорошей отметки по русской словесности он не мог получить, потому что плохо знал церковнославянский язык.

И в поздние годы литературное мастерство Менделеева не отличалось изяществом. А ведь в гимназии преподавателем русской словесности был замечательный писатель Петр Павлович Ершов — автор «Конька-Горбунка», умевший раскрыть перед учениками красоту, свежесть и мудрость русского языка. Впрочем, стиль Менделеева хотя и тяжеловесен, однако насыщен мыслями и образами. Просто, он часто в одном предложении старается сказать как можно больше, выразив не только главную мысль, но и ее ответвления, а то и отступления.

Свой первый крупный научный труд, по теории водных растворов, он предварил так: «Это исследование посвящается памяти моей матери ее последышем. Она могла его взрастить только своим трудом, ведя заводское дело, воспитывая примером, исправляя любовью и, чтобы отдать науке, вывезла из Сибири, тратя последние силы и средства. Умирая, завещала: избегать латинского самообольщения, настаивать в труде, а не в словах и терпеливо искать божескую или научную правду, ибо понимала… сколь многое еще должно узнать и как при помощи науки, без насилия, любовью, но твердо устраняются предрассудки и ошибки, а достигаются: охрана добытой истины, свобода дальнейшего развития, общее благо и внутреннее благополучие. Заветы матери считает священными Д. Менделеев».

Он окончил гимназию рано, в 15 лет. Перед этим пришлось пережить серьезные несчастья: умер отец, затем сестра, а в довершение бед целиком сгорел стекольный завод вместе со складом готовой продукции. Мария Дмитриевна, любя своего «младшенького», веря в его ум и трудолюбие, рискнула: ликвидировала все дела в Аремзянке, отправилась с Дмитрием и дочерью Лизой в Москву, к брату. Однако выпускникам Тобольской гимназии разрешалось поступать только в Казанский университет. Мария Дмитриевна привезла его в Петербург для поступления в Медико-хирургическую академию. Но уже после первого пробного посещение анатомического театра он понял, что учиться на трупах не сможет. Пришлось поступать в Главный педагогический институт.

И снова начались несчастья. Осенью 1850 года скончалась мать, а вскоре и ее брат Василий Дмитриевич, материально помогавший Дмитрию. Приходилось едва сводить концы с концами. А тут умерла двадцатипятилетняя сестра Лиза от туберкулеза; ту же болезнь определил доктор и у него. Но Менделеев не пал духом, продолжал учиться, много читал, увлекся химическими исследованиями и даже сумел окончить институт с золотой медалью. В студенческие годы он написал две научные работы учебные: «Человек как тело природы» и «О грызунах Петербургской губернии». Первая была связана с философией и общими проблемами естествознания, вторая — с биологической систематизацией, которая к этому времени достигла немалых успехов.

В чем же заключается главное достижение Дмитрия Ивановича Менделеева, поставившее его в первый ряд научных гениев? Ведь согласно

опросам зарубежных авторитетных специалистов он был признан самым замечательным, крупнейшим ученым XIX века. А русские гении не в чести за рубежом, и вряд ли там хорошо знают его прекрасные работы по демографии, экономической географии и развитию производительных сил России; к тому же научных гениев в XIX веке было необычайно много, но именно его английский ученый и философ Дж. Д. Бернал назвал «Коперником атомистической системы».

Главное достижение Менделеева в том, что из хаоса разрозненных химических элементов он создал стройное здание Периодической системы. Так был внесен свет в химическую картину мира. Это был великолепный творческий акт, великое озарение.

Подобная оценка может кому-то показаться сильно преувеличенной. На первый взгляд его система похожа на удачно разложенный карточный пасьянс. Кстати, история о том и свидетельствует. Дмитрий Иванович взял пачку визитных карточек, записал на них названия и главные свойства известных тогда 63 элементов и стал при каждом удобном случае тасовать и раскладывать так и эдак эту «колоду» элементов. В конце концов столь странный «химический пасьянс» сошелся… сначала во сне. Он, проснувшись, быстренько записал увиденное, и тогда же в 1869 году опубликовал соответствующую статью. Вот вроде бы и все.

Нет, не так просто. У него были предшественники, предлагавшие свои варианты периодической таблицы. Наиболее близко к открытию Менделеева подошел немецкий ученый Лотар Мейер, опубликовавший практически в то же время свою систему элементов, сходную во многом с менделеевской. Именно он разложил в относительном порядке «химический пасьянс». Его таблица — пример классификации известных к тому времени элементов. В этом она не отличается от многих других систем упорядочения фактов. Она не вторгается в неведомое, а является продуктом, можно сказать, научной комбинаторики.

Таблица Менделеева была идеальной системой. Кроме тех элементов, которые уже были известны (занесены на карточки), в ней присутствовали и «невидимки», бытие которых предполагалось автором, но никем еще не было доказано. Их существование и свойства определялись единственно волей и разумом творца системы, его представлением о мировом порядке.

Автор шел на риск, выступив в роли провидца. Помимо всего прочего, он теоретически уточнил атомные веса некоторых известных элементов. Его система могла быть экспериментально проверена и опровергнута. Между прочим, обдумывал он ее не один год. И вдохновляла его вера в существование гармонично устроенного мироздания.

В последующие годы пробелы в таблице постепенно заполнялись. В этих-то пробелах, оставленных для воображаемых элементов, и заключалась гениальная идея автора.

Таблица Менделеева предваряла будущее!

До сих пор ученые продолжают разгадывать подтекст этой таблицы; ежегодно ей посвящают сотни научных статей. И все еще многое в ней остается не только загадочного, но и плодотворного, сулящего новые открытия.

Расцвет творчества Менделеева пришелся на «золотой век» русской культуры. А мировому признанию отечественной науки более всех содействовал Менделеев. Он сделал очень много и для развития русской научной мысли.

«Блестящие лекции Д.И. Менделеева в Петербургском университете, — вспоминал В.И. Вернадский, — остаются незабываемыми… Химический элемент являлся в них не абстрактным, выделенным из космоса объектом, а представлялся облаченным плотью и кровью, составной неотделимой частью единого целого — планеты в космосе… Сколько в это время рождалось мыслей и заключений, нередко шедших совсем не туда, куда вела логическая мысль лектора, действовавшего на нас всей своей личностью и своим ярким, красочным обликом».

Не случайно, конечно, ученик Менделеева Вернадский стал одним из основоположников новой науки геохимии и разработал геохимическое учение о биосфере, области жизни.

Чтобы хоть сколько-нибудь полно представить творчество Менделеева, надо учесть, что из 26 томов собрания его сочинений всего лишь один посвящен периодической системе элементов, а экономическим темам — 4. Он, к примеру, проницательно отмечал: «Промышленное развитие есть высшее благо, современностью выработанное, а капитализм есть современное зло… Это сочетание лишь временно, лишь простая эволюция роста человечества…». Он требовал «таможенной защиты от иностранных конкурентов» и предлагал необходимые для этого меры. Его работы по индустриализации сельского хозяйства и развитию промышленности России содействовали экономическому подъему нашей родины.

Менделееву принадлежат оригинальные труды по общей, неорганической и органической химии, минералогии, метеорологии, геофизике, гидродинамике, воздухоплаванию, химической технологии, нефтехимии, метрологии, социологии, экономике сельского хозяйства, спиритизме (он с излишней серьезностью опровергал домыслы спиритов)… Прервем перечень, который можно продолжить.

Это был человек неуемной энергии, неугомонный, способный и осматривать шахты и нефтепромыслы, и подниматься ввысь на воздушном шаре, и изобретать новые приборы и технологии, и участвовать в проекте освоения Северного морского пути…

Что придавало ему силы, вдохновляло, подвигало на творческие подвиги? Жажда познания и любовь к России.

Это чувство утвердилось в нем еще в детстве и было сходным с любовью к матери. Вот его кредо, очень актуальное для нашего века: «Пока мы, своих нужд ради, потребляем или, правильнее, и истребляем, и разрушаем так или иначе созданное, — в нас еще нет места высшим началам, человечеству свойственным, и низшее господствует в потребителях, а потому неизбежно проявляется в общем строе жизни… С материального рая на земле началось человечество, а в своей эволюции оно дошло до представления о рае внутреннем и духовном, поставив для его достижения первым условием не свое благо, а благо других и общее».

Для великих русских мыслителей — да и не только для них — таковы принципы творчества: патриотизм, стремление к познанию гармонии природы, сокровенных тайн бытия, нежелание (или неспособность) ограничиваться решением частных задач, ориентация на высшее благо, высшие духовные ценности, а не личное благополучие. И еще — сознание ограниченности своего ума и безграничной сложности мироздания.

В одной из своих записных книжек Дмитрий Иванович отметил: "Истинное высшее как в науке, так и в художестве, открывая или раскрывая нечто, вводя его в сознание… тотчас ставит нечто новое неясным, требующим такого же дальнейшего уяснения, то есть указывает бесконечность.

Галилей, Ньютон, Иванов, Микеланджело, Бетховен, Пушкин… Умникам — все ясно, все чисто; следовательно, ничего не открыто, все темно, коли нет бесконечного, как главного фона. Как неба — беспредельного".

Его при жизни нередко называли гением (посмертно — еще чаще). Он отшучивался. «Гений? Какой там гений?! Работал всю жизнь, вот вам и гений».

Но работают, порой долго и плодотворно, многие люди, а таких, как он, слишком мало. Так, может быть, он был особо одаренной личностью?

Нет, он не выказывал никаких сверхъестественных талантов и не противопоставлял себя «массам». Подчеркивал, что не бывает человека самого по себе: «Вместе — только люди». Отвергал эгоистичный индивидуализм: «Гордитесь только тем, что сделано для других».

ВЕРНАДСКИЙ
(1863–1945)

Владимир Иванович Вернадский родился в семье профессора экономики и статистики. Окончил Петербургский университет, работал минералогом, как химик стажировался в Западной Европе.

Под руководством В.В. Докучаева проводил исследования почв в Центральной России, преподавал кристаллографию и минералогию в Московском университете; в 1906 году был избран академиком Петербургской академии наук. Был одним из крупнейших организаторов научных учреждений в России и СССР, плодотворно занимался историей и философией науки. Утверждал, что в духовной жизни общества одинаково важны философия, наука и религия. Основал геохимию и биогеохимию (изучающую глобальную деятельность живого вещества, совокупности организмов). Предполагал, что благодаря научной деятельности и труду человечество преобразует область жизни в ноосферу, где господствует разум. Вершиной его творчества стало учение о биосфере, которое за последние десятилетия активно разрабатывается в экологическом аспекте, но все еще недооценивается философами.

В XX веке в науке окончательно воцарилась узкая специализация. И лишь Владимир Иванович, верный классическим традициям, осуществлял синтез знаний, хотя был и творцом новых идей.

Вспомним: около полувека назад в физике немало споров вызвало предположение, что в мире элементарных частиц существует отличие правого и левого. Один из создателей квантовой механики, нобелевский

лауреат (1945), швейцарец В. Паули тогда писал: «Я не верю, что Бог является левшой… и готов побиться об заклад на очень большую сумму, что эксперимент даст симметричный результат». Того же мнения придерживались едва ли не все авторитетные специалисты, например, один из основателей квантовой электродинамики, нобелевский лауреат (1965), американец Р. Фейнман, который, правда, все-таки рекомендовал провести опыт. Вернадский же предвидел возможность различия правого и левого в микромире за 20 лет до того, как физики всерьез поставили эту проблему. Он утверждал: «Пространство-время глубоко неоднородно, и явления симметрии могут в нем проявляться только в ограниченных участках». Что и подтвердилось в 1956 году благодаря работам американских физиков (выходцев из Китая) Ли Цзундао и Янга Чжэньнина (нобелевских лауреатов 1957 года).

Чем объяснить столь замечательную проницательность? Тем, что Владимир Иванович никогда не ограничивал себя узкими рамками одной научной дисциплины, а стремился понимать природу как целое. Поэтому умел и имел смелость выходить мыслью за пределы известных фактов.

Не потому ли он, специалист по наукам о Земле, задолго до Второй мировой войны предупреждал о возможности использования атомной энергии для военных целей? В этой связи он первым — еще в 1910–1911 годах — заговорил о великой ответственности ученых перед обществом.

Предвидя начало «атомной эры», именно Вернадский организовал в 1922 году Радиевый институт (Петроград), затем академические комиссии, благодаря которым у нас развернули разведку радиоактивного сырья, изучали возможности использования нового вида энергии. Это позволило нашим ученым в 1954 году создать первую в мире атомную электростанцию (Обнинск, Калужская область) и быстро ответить на появление в США атомной бомбы.

Очень интересны и поучительны труды Вернадского, посвященные истории и философии науки, преимущественно — естествознания. До сих пор они почти не известны на Западе. Возможно, по этой причине около сорока лет назад произвела сенсацию работа американского ученого Т. Куна «Структура научных революций». А ведь значительно раньше, еще в начале XX века, Владимир Иванович не менее глубоко и более полно исследовал те же проблемы (впрочем, он предпочитал говорить не о революциях, а о вспышках научного творчества, рассматривая их не в узкоспециальном, а в широком, прежде всего в мировоззренческом и отчасти социальном аспектах, в связи с общим развитием духовной и материальной культуры).

В частности, Т. Кун, следуя укоренившейся традиции в физико-математических науках, выделял «установление значительных фактов, сопоставление фактов и теории, разработку теории», считая, будто этим исчерпывается «поле нормальной науки». А Вернадский особо подчеркивал важность для познания природы эмпирических обобщений. Кстати, учение о биосфере явилось именно великим эмпирическим обобщением.

Правда, еще до Вернадского английский океанолог, иностранный член-корреспондент Петербургской АН Дж. Мерей, а также французский географ Ж.Э. Реклю и некоторые другие писали о сфере жизни, но

ограничивались общими формулировками. Владимир Иванович окончательно обосновал учение о биосфере во время научной командировки в Париж (1923–1924), где работал в ряде институтов и читал в Сорбонне лекции по геохимии. В книгах «Очерк геохимии» (1927), «Биосфера» (1926) он раскрыл глобальные масштабы, огромное значение живого вещества и человека на планете.

«Живые организмы, с геохимической точки зрения, — подчеркивал ученый, — не являются случайным фактором в химическом механизме земной коры; они образуют его существенную и неотделимую часть. Они неразрывно связаны с косной материей земной коры, с минералами и горными породами». Исходя из этих предпосылок и геологических данных, он обосновал смелую идею о геологической вечности жизни и постоянстве массы живого вещества в истории Земли (точнее было бы сказать, о постоянстве геохимической активности живых организмов). В дальнейшем — до сих пор! — исследователи так и не обнаружили горные породы, существовавшие до появления живого вещества на нашей планете.

Первым о биосфере как особой планетной оболочке, охваченной жизнью, написал в 1875 году австрийский геолог Э. Зюсс. С тех пор это понятие вошло в науку, но только В.И. Вернадский раскрыл планетную и космическую сущность жизни в своем учении. Сначала он писал о «механизме биосферы», затем по отношению к ней стал употреблять определение «организованность», подчеркивая ее подобие организму, а не механической системе. Развивая эти взгляды, можно предположить, что было бы плодотворно изучать биосферу именно как организм, осуществляющий обмен веществ, частично аккумулирующий лучистую солнечную энергию, обладающий системой памяти и накопления информации (земная кора). Данный подход мог бы, помимо всего прочего, расширить наши представления о сущности и формах жизни.

Другая идея Вернадского, заслуживающая серьезного внимания, относится к представлению о человеке — творении биосферы — не только как о телесном, но и духовном, интеллектуальном существе: «…Человек, являясь частью биосферы, только по сравнению с наблюдаемыми на ней явлениями может судить о мироздании». И еще: «До сих пор историки, вообще ученые гуманитарных наук… сознательно не считаются с законами природы биосферы — той земной оболочки, где может только существовать жизнь. Стихийно человек от нее неотделим».

Владимира Ивановича часто называют творцом учения о ноосфере (сфере разума). В действительности ничего подобного он не создавал, а выдвинул гипотезу, согласно которой человек преобразует природу, используя свой интеллект и руководствуясь научной мыслью. Термин «ноосфера» он заимствовал у своих современников, французских философов Э. Леруа и Т. де Шардена. Однако сами они стали разрабатывать концепцию ноосферы под впечатлением сорбоннских лекций Вернадского и последующих бесед с ним…

Впрочем, справедливости ради надо заметить: еще в начале XX века упомянутый Дж Мерей писал: «…В пределах биосферы у человека родилась сфера разума и понимания, и он пытается истолковать и объяснить космос; мы можем дать этому наименование ПСИХОСФЕРЫ». Примерно то же имел в виду Т. де Шарден, говоря о «Духе Земли». В

отличие от них, Вернадский исходил прежде всего из глобальной геологической деятельности человека, отчасти в развитие идей американского ученого Г. Марша («Человек и природа, или О влиянии человека на изменение физико-географических условий природы», 1866), немецкой географической школы XIX века (А. Гумбольдт, Ф. Ратцель и др.), а также ряда других исследователей. При этом Владимир Иванович подчеркивал особую роль науки: «Научной мыслью и государственно организованной, ею направляемой техникой, своей жизнью человек создает в биосфере новую биогенную силу».

Ученик Вернадского, замечательный минералог и геохимик академик А.Е. Ферсман называл эту геологическую силу не биогенной, а техногенной, справедливо отмечая принципиально важное значение техники в преобразовании природной среды. Однако Владимир Иванович, оставаясь энтузиастом науки, по-видимому, переоценивал ее роль в жизни людей и природы. Это стало особенно ясно во второй половине XX века, когда остро встали экологические проблемы, связанные с уничтожением многих видов растений и животных, загрязнением природных вод, почв и атмосферы, обеднением ландшафтов, опустыниванием, истощением минеральных и водных ресурсов, дестабилизацией погоды и климата…

Анализ показывает: техногенез действует на биосферу преимущественно разрушительно, вызывает ее деградацию, а вовсе не переход на более высокий уровень сложности и организации. Она превращается в глобальную область господства техники (техносферу), чья деятельность направляется не столько научной мыслью, сколько системой постоянно растущих материальных потребностей, экономическими принципами, борьбой за власть и прибыль, а также другими факторами, в том числе невежеством.

Впрочем, Вернадский сознавал, что человек отчуждается от создавшей его природы. По его словам, «благодаря условностям цивилизации эта неразрываемая и кровная связь всего человечества с остальным живым миром забывается, и человек пытается рассматривать отдельно от живого мира бытие цивилизованного человечества. Но эти попытки искусственны и неизбежно разлетаются, когда мы подходим к изучению человечества в общей связи его со всей Природой». Он не мог представить, что люди будут и впредь рассматривать окружающую природу лишь как средство для удовлетворения своих материальных потребностей, мало заботясь о ее состоянии, используя научные достижения почти исключительно для экстенсивной эксплуатации ее ресурсов.

Ученый думал о ноосфере, надеялся на ее создание уже в XX веке. Действительность опровергла эти мечты. Заблуждение гения? Вряд ли. Только вот достижение того, что он подразумевал под ноосферой, оказалось необычайно трудной задачей. Ее не решить посредством создания более совершенных технических средств, технологий.

Еще древнегреческий философ Аристотель отметил: «Природа дала человеку в руки оружие — интеллектуальную и моральную силу, но он может пользоваться этим оружием и в обратную сторону; поэтому человек без нравственных устоев оказывается существом самым нечестивым и диким». Следовательно, на пути к ноосфере необходимо духовное обновление человечества, преобразование не столько окружающей среды,

сколько внутреннего мира людей. Идея ноосферы обладает эвристическим потенциалом, помогая сопоставлять реальность с тем идеалом, к которому следует стремиться.

Сам Вернадский был, можно сказать, человеком ноосферы. Он старался делать все возможное для развития научных идей и претворения их в жизнь Работал на благо родины, науки и всего человечества, не обращая внимания на то, при какой власти трудится. Еще во времена Российской империи он организовал при Академии наук Радиевую комиссию (1910). Во время Первой мировой войны стал одним из инициаторов создания и председателем академической Комиссии по изучению производительных сил России. Эти организации плодотворно работали и при советской власти. В гражданскую войну (1918–1920) он основал, став первым ее председателем, Украинскую академию наук. В дальнейшем ему довелось организовать ряд академических комиссий, лабораторий, институтов.

Конечно, Владимир Иванович был патриотом России — СССР. Однако отношение ученого к господствовавшей с 1917 года в стране марксистско-ленинской философии было, мягко говоря, неоднозначным. Не случайно официозные круги подвергали резкой и несправедливой критике его философские взгляды. Вернадский не стал отмалчиваться. Он откровенно признался «Я философский скептик. Это значит, что я считаю, что ни одна философская система… не может достигнуть той общеобязательности, которую достигает (только в некоторых определенных частях) наука». «Я как философский скептик могу спокойно отбросить без вреда и с пользой для дела в ходе моей научной работы все философские системы, которые сейчас живы». Это было сказано в 1932 году.

Преуменьшал ли ученый на самом деле значение философии? Нет. Он писал: «Философская мысль играет огромную, часто плодотворную роль в создании научных гипотез и теорий». Более того, надеялся, что философское осмысление концепции биосферы позволит преодолеть господствующее в науке механистическое мировоззрение, основанное на данных физико-математических и химических наук. По его мнению, разработанные таким образом модели мироздания и Земли демонстрируют механический синтез Космоса: «В сущности, этот мир космоса дает нам совершенно чуждое, нас не трогающее впечатление и, очевидно, представляет схему, далекую от действительности». И верил, что эта формализация будет преодолена: «Есть всегда ученые, которые ярко чувствуют и охватывают живую реальную природу нашей планеты, всю проникнутую вечным биением жизни, и для которых это понимание единой Природы является руководящей нитью всей научной работы».

Увы, и в этом случае он проявил излишний оптимизм. По-прежнему чрезмерно популярны модели мертвой Вселенной, рожденной, нет, взорвавшейся как некая сверхсупербомба (идея, обоснованная с позиций ядерной физики и квантовой механики), а также мертвой Земли, по которой механически перемещаются плиты литосферы (геофизическая теория). Жизнь и разум в подобных моделях остаются частными случайными и ничтожными явлениями в механике Мироздания. А с позиций Вернадского следовало бы говорить о жизни Земли (не только — на земле)

и предполагать возможность биосферы Вселенной.

Преобладание материальных ценностей над духовными, укрепление техносферы — тупиковый путь современной цивилизации. Он ведет к деградации области жизни, культуры и человеческой личности, о чем убедительно писал немецко-французский мыслитель, лауреат нобелевской премии (1952) А. Швейцер. Надо стремиться к тому, чтобы homo sapiens был разумным не по самоназванию, а по верности идеалам ноосферы: добра, справедливости, красоты, разума. И как бы ни были замечательны научные и философские идеи Владимира Ивановича Вернадского, не менее важен опыт и пример его творческой счастливой жизни. У него были ограниченные материальные и безграничные духовные потребности. Только при этих условиях на Земле сохранится великолепная биосфера и достойное ее человечество.

ЭЙНШТЕЙН
(1879–1955)

Во второй половине XX века он стал эталоном научного гения. Это странно. Науки бывают разные; некоторые натуралисты совершили крупные открытия сразу в нескольких из них, создавали новые научные направления. А Эйнштейн был физиком и никакими другими областями знаний, например науками о Земле и жизни, не интересовался. Выдвинутые им теории относятся к явлениям весьма далеким от обыденной жизни. Они дали обильную пищу писателям-фантастам, журналистам. Возможно, это сыграло немалую роль в популяризации не столько даже его идей и личности, сколько имени. О нем слышали все, и портреты его видели, а вот в чем суть теории относительности или за что он был удостоен Нобелевской премии, каким он был человеком, расскажут немногие.

Не нам судить, достоин ли он своей беспрецедентной для ученого славы. Споры о его теории относительности не смолкают по сию пору. Это делает честь оригинальности его мысли, но не позволяет дать ей окончательную оценку, хотя и без нее вклад его в физику велик. Что бесспорно — он был очень симпатичным, честным, добрым и мудрым человеком.

Как писал его биограф, доктор физико-математических наук Б.Г. Кузнецов, «Эйнштейн никогда не думал о своей гениальности и отвечал характерным, необычайно искренним, совершенно детским смехом на каждую попытку присоединить к его имени этот эпитет. Размышления о собственной личности входят в тот комплекс „только личного“, от которого гений освобождается, становясь выразителем „надличного“ процесса».

Свой автобиографический очерк Эйнштейн начал нетривиально: «Вот я здесь сижу и пишу на 68 году жизни что-то вроде собственного некролога…» Но сообщает не о житье-бытье, а о том, как его захватывало познание законов Мироздания, выражаемых математическим языком. И пояснил: «Главное в жизни человека моего склада заключается в том, что он думает, а не в том, что он делает или испытывает. Значит, в некрологе можно в основном ограничиться сообщением тех мыслей, которые играли значительную роль в моих стремлениях».

Конечно же складывалась жизнь его не гладко, бывали и трагические моменты, и сильные переживания, и очень интересные встречи. Но все это было для него не самым главным. По его словам,

«радость видеть и понимать есть самый прекрасный дар природы».

Как писал Б.Г. Кузнецов, "Эйнштейн рассказывает в своей автобиографии, как в его сознании все обыденное, преходящее, личное, уступало место всеохватывающему стремлению к познанию реального мира в его единстве…

— …Только человек, никогда не думавший о себе, мог с такой отрешенной от всего личного последовательностью разрабатывать теорию, рвавшею с очевидностью наблюдения, с очевидностью логики, с тысячелетней традицией, теорию, «безумную» в самом высоком и благородном смысле этого слова. В этом смысле душевная чистота Эйнштейна кажется нам неотделимой от титанической силы мышления".

Детские годы Альберта Эйнштейна не предвещали появления научного гения. Родился он в германском городе Ульме, на левобережье Дуная у подножия Швабских Альп, в семье владельца электротехнического магазина. В католической школе, а затем в гимназии он, мягко говоря, не блистал успехами в учебе. С шести лет учился играть на скрипке — тоже без особых успехов. Он хорошо усваивал только то, что его волновало и увлекало. Так, разучивая сонаты Моцарта, он ощутил радость гармонии и вскоре стал играть вполне прилично. Сходным образом на него подействовал… учебник геометрии. Возможно, и здесь его захватило чувство гармонии.

Отличался он замкнутым характером. Писавший о годах его детства А. Мошковский подчеркнул: «Его называли пай-мальчиком за болезненную любовь к правде и справедливости. То, что тогда окружающим казалось болезненным, представляется сейчас выражением исконного, неистребимого инстинкта. Кто знает Эйнштейна как человека и ученого, тому ясно, что эта детская болезнь была лишь предвестницей его несокрушимого морального здоровья».

Учился Эйнштейн в Цюрихском политехническом институте (тоже без особых успехов). Преподаватель математики талантливый ученый Герман Минковский позже, прочтя первые статьи Эйнштейна, был немало удивлен: от этого студента он не ожидал ничего подобного. Хотя ничего удивительного не произошло. Способность учащегося, усваивающего «готовые» знания, очень редко совмещаются с талантом творца, открывателем нового.

После окончания института ему пришлось думать не о научных изысканиях, а о пропитании. Он преподавал в школе и училище, перебивался кое-как, знакомые ему помогали устраиваться на работу. Порой приходилось совсем не сладко. Хотя он не унывал, называя себя «веселым зябликом». Так прошел год, начался 1902-й. И тут ему улыбнулась удача: благодаря протекции друга его приняли экспертом в Бернское патентное бюро.

Начались поистине «звездные годы» в его жизни. После службы он мог свободно заниматься научными исследованиями — без каких-либо экспериментов, чисто теоретически, путем размышлений, сопоставлений фактов и формул он «выпытывал» у природы ее Законы. После первых статей опубликовал в 1905 году три небольших по объему, но необычайно емких по содержанию работы. Создал фотонную концепцию света, объяснив фотоэффект; объяснил броуновское движение; создал

специальную теорию относительности (в статье «К электродинамике движущихся тел»).

В одном из писем он так изложил суть своей теории: «Еще в древности было известно, что движение воспринимается только как относительное. В противоположность такому факту физика базировалась на понятии абсолютного движения. В оптике исходят из мысли об особом, отличающемся от других движении. Таким считали движение в световом эфире. К последнему относятся все движения материальных тел. Таким образом, эфир воплотил понятия абсолютного покоя, связанного с пустотой. Если бы неподвижный, заполняющий все пространство световой эфир действительно существовал, к нему можно было бы отнести движение, которое приобрело бы абсолютный смысл. Такое понятие могло быть основой механики. Попытки обнаружить подобное привилегированное движение в гипотетическом эфире были безуспешными. Тогда вернулись к проблеме движения в эфире, и теория относительности сделала это систематически. Она исходит из предположения об отсутствии привилегированных состояний движения в природе и анализирует выводы из этого предположения. Ее метод аналогичен методу термодинамики; последняя является ни чем иным, как систематическим ответом на вопрос: какими должны быть законы природы, чтобы вечный двигатель оказался возможным».

К нему пришло признание. Он становится профессором теоретической физики в Цюрихе, Праге, Берлине, где возглавил физический институт. В эти годы он сформулировал общую теорию относительности, а в 1921 году был удостоен Нобелевской премии «За заслуги в области математической физики и особо за открытие закона фотоэлектрического эффекта». Не пожелав сотрудничать с нацистами, он эмигрировал в США, где работал в Принстонском институте фундаментальных исследований.

Эйнштейн писал: «Идеалами, освещавшими мой путь и сообщившими мне смелость и мужество, были добро, красота и истина. Без чувства солидарности с теми, кто разделяет мои убеждения, без преследования вечно неуловимого объективного в искусстве и науке жизнь показалась бы мне абсолютно пустой».

Это были не просто красивые слова или желание представить себя в светлом ореоле (и то, и другое были Эйнштейну чужды).

Таковы были принципы его жизни. Они неявно отражены в его автобиографии, упомянутой выше (ее очень полезно прочесть каждому, кого интересует путь познания). Он рассказывает в ней о движениях научной мысли, которые определяются трудами и озарениями ученых. О себе он упомянул в числе многих, — не из ложной скромности, а из-за объективности и честности, ясного понимания «соборности» научного творчества. Он относился к познанию как поискам истины и смыслу жизни.

«Еще будучи довольно скороспелым молодым человеком, — вспоминал Эйнштейн, — я живо осознал ничтожество тех надежд и стремлений, которые гонят сквозь жизнь большинство людей, не давая им отдыха. Скоро я увидел и жестокость этой гонки…» Познание мира «манило как освобождение…». В очерке «Причины научного исследования» он высказался в том же духе: «Как и Шопенгауэр, я, прежде

всего, думаю, что одно из наиболее сильных побуждений, ведущих к искусству и науке, — это желание уйти от будничной жизни с ее мучительной жестокостью и безутешной пустотой, уйти от уз вечно меняющихся собственных прихотей».

Обратим внимание, как он писал о своих современниках. «Истинное моральное величие его личности было причиной, вызывавшей ярую ненависть многих интеллигентов, скорее всего ограниченных… Я считаю большой удачей для себя то, что знал такого высокообразованного и духовно чистого человека» (о Поле Ланжевене). «Даже в такие времена, как наши, когда политические страсти и грубая сила нависают, как мечи, над головами встревоженных и трусливых людей, знамя идеала нашего поиска истины держится высоко и в чистоте. Этот идеал — вечная связь, объединяющий ученых всех времен и стран, на редкость совершенно отражен в личности Макса Планка». «Сегодня мы с радостью и благодарностью чтим память человека, который больше, чем кто-либо другой, на Западе, способствовал освобождению умов от церковных оков и научных догм… Своими трудами и величием своей личности Коперник призывал людей быть скромными». "Необычайное отсутствие у него человеческих слабостей не действовало унижающе на близких. Каждый чувствовал его превосходство, но оно никого не подавляло, потому что он… всегда проявлял доброжелательность ко всем (о Генрихе Антоне Лоренце).

Наконец, еще одно его суждение, относящееся к Марии Склодовской-Кюри, но, подобно предыдущим характеристикам, помогающее понять, каким был он сам: «Моральные качества выдающейся личности имеют, возможно, большее значение для данного поколения и всего хода истории, чем чисто интеллектуальные достижения. Последнее зависит от величия характера в значительно большей степени, чем это обычно принято считать».

БОР
(1885–1962)

Его личность и творчество вполне подтверждают ту мысль, которая высказана в конце предыдущего очерка: интеллектуальные великие достижения зависят прежде всего от величия характера.

Нильс Хенрик Дэвид Бор в детстве и юности больше всего увлекался философией и футболом. Его отец Христиан, профессор физиологии, основал один из первых в Дании футбольных клубов, в котором играли оба его сына. Учеба давалась Нильсу легко. Правда, на первых порах младший брат Гарольд обогнал его и в футболе (Гарольда включили в сборную Дании на Олимпийских играх), и в остроумии (Нильс отговаривался: «Я лишен дара дерзости»), и в защите магистерской диссертации.

Из Гарольда получился отличный математик. Его старший брат был неторопливей, не спешил с экспериментами и выводами и в конце концов стал одним из крупнейших физиков мира.

Окончив Копенгагенский университет, Нильс работал в Англии (в Кавендишской лаборатории и у Э. Резерфорда в Манчестере), а затем преподавал в Копенгагене. Он женился на Маргарет Нордлунд, дочери богатого датского пивовара, благодаря финансовой помощи которого Бор создал в 1916 году Институт теоретической физики, вскоре ставший одним

из крупнейших центров науки, изучавшим главным образом структуру атома и его ядра. Бор смело отказался от электродинамики и предложил новую философию физики микромира.

По словам Эйнштейна, работа Бора по строению атома — «высшая форма музыкальности в области мысли». «Атом Бора» построен по законам не простой механики, а квантовой. Она предполагает своеобразные «прыжки» в пространстве-времени, «квантовые состояния» электронных орбит-оболочек, окружающих атомное ядро, а также излучаемых порций света. Он дал свое объяснение структуре и механизму распада ядра атома, и в 1922 году его удостоили нобелевской премии.

Несмотря на свой научный авторитет, Нильс Бор всегда готов был обсудить и поставить под сомнение свои концепции, не терял интерес к познанию. Как писала его биограф Рут Мур, "как-то в конце семинара, один из студентов подошел к Бору и пожаловался, что дискуссии и затрагиваемые в них сложнейшие вопросы, которые еще предстоит решить, вызывают у него головокружение.

— Если кто-нибудь скажет, что у него не кружится голова, когда он думает о квантовых проблемах, значит, он ничего в них не понимает, — ответил Бор, явно соглашаясь со студентом.

Бор являл собой прямую противоположность тем ученым, которые, создав теорию, остаток жизни посвящают ее защите. Он сам искал недостатки и слабые места в собственной теории, настаивал на всестороннем изучении проблемы и никогда не соглашался удовлетвориться первым попавшимся решением. Любая проблема, которую он разрабатывал, к моменту ее решения теряла почти всякое сходство с первоначальным своим вариантом".

В дискуссии, развернувшейся после одной из лекций, 19-летний Гейзенберг заявил, что в результатах Бора кроется ошибка; более того, ему удалось доказать свою правоту. Бор был в восторге и немедленно пригласил молодого человека на прогулку, во время которой они продолжали спор. Вскоре к ним присоединился Паули, он также не преминул включиться в дискуссию. Это доставило Бору живейшее удовольствие. Он пригласил обоих молодых физиков в Копенгаген для продолжения работы.

Подобно Эйнштейну, Бор не оставался в стороне от общественно-политических проблем, активно выступая в защиту мира, за недопустимость использования атомной энергии и достижений научной мысли в военных целях (кстати, во время Второй мировой войны он проявил немалое личное мужество, не пожелав сотрудничать с фашистами, оккупировавшими Данию). Свою позицию он определил ясно: «Мы, наблюдатели природы, обязаны помнить, что являемся неотъемлемой ее частью. Это налагает на нас особую ответственность. В настоящее время цивилизация стоит перед исключительно серьезной угрозой, требующей пересмотра отношений между народами. Мы должны обеспечить устранение беспримерной опасности, нависшей над миром, и добиться того, чтобы простые люди всех стран стремились к повышению благосостояния на планете на основе гигантского научного прогресса».

Нильс Бор, подобно Галилею, Ньютону, Эйнштейну, был не только выдающимся физиком, но и глубоким мыслителем. Его идеи оказали

немалое влияние на философию познания. Он особо подчеркивал значение того, как проводится наблюдение, каким образом получены те или иные результаты, а не только «голым» фактам. Впрочем, предоставим слово ему самому: "Важное значение физической науки для развития общего философского мышления основано не только на ее вкладе в наше непрерывно возрастающее познание той природы, частью которой мы являемся сами; физическая наука важна и тем, что время от времени она давала случай пересматривать и улучшать нашу систему понятий как орудие познания. В нашем столетии изучение атомного строения материи обнаружило неожиданное ограничение области применимости классических физических идей и пролило новый свет на содержащиеся в традиционной философии требования к научному объяснению. Необходимый для понимания атомных явлений пересмотр основ и предпосылок однозначного применения наших элементарных понятий имеет поэтому значение, выходящее далеко за пределы одной только физической науки…

…Взаимодействие между атомными объектами и измерительными приборами составляет неотъемлемую часть квантового измерения. Поэтому данные, полученные в различных экспериментальных установках, не могут быть объединены в том смысле, как обычно; необходимость принимать во внимание условия, при которых получены те или иные опытные данные, прямо требует дополнительного способа описания.

…Для объективного описания и гармоничного охвата опытных фактов необходимо почти во всех областях знания обращать внимание на обстоятельства, при которых эти данные получены".

…Рассказывают, что один из гостей Бора удивился, увидя над дверями его деревенского дома подкову: «Неужели вы, великий ученый, верите, что подкова приносит счастье?!» «Конечно, не верю, — усмехнулся Бор. — Но говорят, она приносит счастье и тем, кто в это не верит».

Остается лишь добавить: в научных исследованиях важно не только то, какие получены данные и каким образом. Даже не то, какие из этого сделаны выводы, построены теории, выдвинуты гипотезы. Великие открытия совершают не какие-то особенные «мозговики» с необычайным интеллектом, а великие личности, обладающие прекрасными человеческими качествами.

ДЕЯТЕЛИ ИСКУССТВ

В данном разделе мы расскажем о представителях изобразительного искусства и композиторах. Артисты и музыканты-исполнители сюда не войдут, хотя именно они необычайно прославлены за последние десятилетия и стали кумирами, а то и идолами для десятков миллионов людей.

Это явление свидетельствует о серьезных изменениях в общественном сознании в отношении к искусству. В наше время оно становится своеобразной индустрией, средством потребления и развлечения, получения сверхприбыли и «отмывания» денег, добытых нечистыми путями. Широчайшее распространение массовой «поп-культуры» оборачивается глобальным бедствием, загрязнением и деградацией духовной среды обитания человечества.

Современный кризис искусств связан прежде всего с внедрением в эту область техники. Благодаря электронным средствам появилась возможность конструировать произведения живописи, составлять музыкальные композиции. Но главное даже не в этом. Расчет на массовость и прибыльность губительно сказывается на творчестве, ибо принуждает художника или композитора приспосабливаться к вкусам посредственности, угождать заказчикам.

В прежние времена важнейшим предназначением искусства было повышать нравственный, духовный, интеллектуальный уровень людей. «Чувства добрые я лирой пробуждал», — справедливо утверждал Пушкин. Ныне такая роль отодвинута на задний план. Поэтому, в частности, творец-композитор уступает место исполнителю, популярность которого во многом зависит от рекламы и примитивных потребностей толпы.

Ремесло артиста конечно же заслуживает уважения. Оно одухотворяет сочинения драматургов и композиторов, обращено непосредственно к зрителям и слушателям. И все-таки это творчество особого рода, можно сказать, вторичное, зависящее прежде всего от сочинителя. Исключение составляют те режиссеры, которые внесли нечто новое, оригинальное и плодотворное в театральные постановки. Но и они зависят от качества «первичной продукции» данного произведения. И если они ловкими приемами угождают зрителям, такое умение оборачивается бедой.

С древнейших времен искусство имело утилитарное предназначение. Как свидетельствуют наблюдения за племенами, для них в музыке первенство принадлежало не мелодии, а ритму (очевидная аналогия с нынешней «поп-музыкой»). Отчасти это можно объяснить отсутствием соответствующих технических средств, более или менее сложных музыкальных инструментов.

В этом отношении у изобразительного искусства были значительные преимущества. Подлинными мастерами живописи и рисунка были первобытные художники охотничьих племен кроманьонцев, обитавших 30–10 тысячелетий назад в Европе, Азии, Африке. Они создавали великолепные «картинные галереи» на скалах, стенах пещер; вырезали порой фигурки животных с изумительным мастерством.

Далеко не все произведения того периода одинаково хороши, но нередко они демонстрируют наблюдательность, знания и умение гениальных творцов. Преобладающая манера изображений — реалистическая. Тогда же появляются и отдельные символические образы или даже абстрактные композиции, декоративные узоры.

Согласно некоторым данным, изобразительное искусство зародилось еще раньше, примерно сто тысячелетий назад, у так называемых неандертальцев. Оно было конкретным, натуралистичным. Например, на глиняный или каменный остов клали шкуру медведя, имитируя животное (вновь напрашивается аналогия с современным предметным «поп-артом», показывающая не столько прогресс авангардистов, сколько их беспомощность как творцов).

Если первобытное искусство было, в сущности, народным, то с появлением классового общества, стало оформляться элитное направление, обслуживающее жреческое и правящее сословия.

Сохранившиеся памятники искусства древних государств Египта, Двуречья, Индия, Китая, Нового Света в некоторых случаях относятся к мировым шедеврам. О музыке того времени можно судить лишь косвенно, по сохранившимся изображениям музыкантов с их инструментами, танцовщиц.

Отличительная особенность древней культуры (отчасти и средневековой) — анонимность. Мы видим, понимаем, что некоторые произведения созданы выдающимися мастерами, однако их имен узнать невозможно. Искусство в те времена принадлежало либо народу, либо тем, кому оно конкретно предназначалось. К художнику, скульптору относились как к ремесленнику. Не случайно в Древней Греции слово «технос» означало ремесло, искусство (нечто созданное людьми в отличие от естественного).

В Древней Греции, по-видимому, впервые начали отмечать авторство произведений искусства, прежде всего скульпторов в архитекторов. Правда, дошедшие до нас картины, мозаики того периода остаются анонимными. Хотя существуют описания выдающихся произведений!

Одним из наиболее прославленных греческих скульпторов был Фидий (V век до н. э.). Жизнь его овеяна легендами. Говорили, будто соперники и завистники обвинили его в присвоении золота, отпущенного на статую в Афинах. Скульптора якобы изгнали из города, и он умер в Олимпии. Его творения украшали ряд городов Греции. Он руководил реконструкцией афинского Акрополя. Из многочисленных созданий Фидия до нас дошли только мраморные статуи Парфенона (Акрополь). Он оказал большое влияние на развитие классического искусства Греции. Выполненная им гигантская статуя Зевса Олимпийского — из мрамора, слоновой кости и золота — была признана одним из семи чудес света.

Произведения афинского скульптора и зодчего Праксителя (IV век до н. э.) известны по описаниям Лукиана, Плиния Старшего, а также по замечательным мраморным копиям («Афродита Книдская», «Гермес Олимпийский», «Пьяный сатир», «Аполлон, убивающий ящерицу»). Происходил он из семьи скульптора, а о его жизни ничего достоверного не известно.

Более поздние авторы II–III веков нашей эры — отец и сын Филостраты и Каллистрат оставили подробные описания картин и скульптур, далеко не всегда упоминая создателей шедевров (если, конечно, творения были выдающимися, что неочевидно). Обратим внимание на начало трактата Филострата Старшего «Картины»: «Кто не любит всем сердцем, всей душой живописи, тот грешит перед чувством правдивой наглядности, грешит и перед научным знанием, поскольку оно тоже не чуждо поэтам… Говоря возвышенным слогом, ведь искусство — богов откровение… Если кто хочет точнее узнать, откуда возникло искусство, пусть он знает, что подражание служат ему началом…» Здесь описания картин — это поэтические эссе на ту или иную тему, без указания авторов. Каллистрат рассказывает о «святынях искусства» (по его выражению), принадлежащих работе преимущественно Праксителя, Лисиппа; судя по всему, в античности скульпторов чтили больше, чем художников.

В эпоху Возрождения поначалу тоже приоритет отдавали скульпторам. В частности, Филиппе Брунеллески (1377–1446), флорентиец, выполнял барельефы и скульптуры для храмов, но и он больше всего прославился как зодчий, став основателем архитектуры Возрождения. Был он выдающимся инженером и написал научный трактат о перспективе (характерная черта той эпохи — универсализм).

Еще позже стала проявляться и цениться индивидуальность у музыкантов. Первым в этом ряду следует назвать Антонио Вивальди (1678–1741) — итальянского композитора и скрипача-виртуоза, сына профессионального скрипача Джованни Баггисты. Вивальди учился у композитора Дегренци. В 1703 году он стал священником, а с 1714 года руководил оркестром и хором консерватории в Венеции, а также придворным ансамблем. Его превосходные «Времена года» — ранний образец программной музыки. Всего Вивальди написал 40 опер, множество инструментальных концертов и церковных сочинений.

Начиная с XII века шел бурный расцвет изобразительного искусства, так что многих выдающихся мастеров нет возможности упомянуть. Они работали в разных странах Европы, но составляли единое сообщество; индивидуальные достижения быстро перенимались и доводились до совершенства. Один из великих художников тех времен — испанец Веласкес (1599–1660), придворный живописец, автор замечательных по выразительности портретов и картин на религиозные, мифологические, исторические темы. Его техника была великолепной, и единственно, что помешало причислить его к величайшим гениям, это традиционный характер произведений, отточенность и завершенность мастерства, — то самое совершенство, что знаменует кризис стиля и необходимость преодолеть сложившиеся каноны.

Подобные доводы многим покажутся неубедительными. Скажем, Сальвадор Дали, о котором будет упомянуто особо, по справедливости считал Веласкеса более великим мастером, чем он сам (а себя любил называть непревзойденным гением, правда, с уточнением — для данной эпохи упадка искусства). Вообще, суждения о художниках, скульпторах, композиторах неизбежно субъективны, и с этим ничего не поделаешь.

Некоторые выдающиеся деятели искусств будут упомянуты в разделе «Универсальные гении». К ним можно было бы отнести Дюрера, Вагнера, Дали, но все-таки эти люди прославились как художники и композиторы.

Еще раз подчеркну, что изобразительные искусства достигли необычайных высот еще до эпохи Возрождения, и даже до античности. Безымянные мастера создавали выдающиеся произведения, находили выразительные приемы, оттачивали технику. Ремесло выходило на уровень подлинного искусства. И в те далекие времена проявлялась индивидуальность творца, хотя сам он оставался безымянным.

Наконец, обратим внимание на одну закономерность. До середины XIX века первенствовали зримые, наглядные произведения живописи, графики, скульптуры. С середины XVIII века все весомее заявляла о себе музыка (период «бури и натиска», революций), а в начале XX столетия вновь на первый план вышло изобразительное искусство, возникло новое явление — кинематограф.

ДЖОТТО
(1266–1337)

Принято считать его родоначальником реализма в европейской живописи эпохи Возрождения. Его творчество стало новаторским не потому, что открыло нечто новое, доселе небывалое в искусстве. Оно не порвало с традиционным в средневековом христианском обществе византийским стилем с его условностями и своеобразным импрессионизмом. Главным было — содержание, религиозная идея, а не внешние признаки; стремление передать величие божественных образов. Отчасти это сохранилось и у Джотто. Но он ввел в этот мир застывший, принципиально двухмерный, пренебрегающий перспективой (которая нередко становилась обратной), дыхание жизни, объем, иллюзию трехмерности, человеческие чувства с их оттенками. Например, на фреске «Распятье» в церкви Св. Франциска в Ассизи центральная фигура словно парит над землей в окружении ангелов, раскинув руки; ученики тянутся к нему не только в скорби, но и в устремленности к высшему, к идеалу. А слева в углу показана сцена снятия с креста (так в иконописи было принято совмещать события неодновременные, что подчеркивало их единство в вечности; сказывалось и пренебрежение к перспективе во времени). Другая фреска в этой церкви — «Оплакивающие Христа» — демонстрирует застывшее мгновение, заставляющее вспомнить рисунки античных мастеров; показаны различные виды скорби: от отчаяния — застывшего или эмоционально бурного, до глубокой грусти или печального раздумья. От иконописной традиции здесь сохранился лишь условно очерченный пейзаж.

Надо оговориться. Судя по всему, эти работы были выполнены учениками Джотто (их в шутку называли «джоттесками»). Однако стиль и выразительность, присущие мастеру, в них отражены безусловно.

Итак, Джотто — мастер «переходного» периода. Чем объяснить его новаторство, кроме общего влияния эпохи, сказать трудно прежде всего потому, что о его жизни известно немного. В ту пору отношение к художникам было утилитарное; их воспринимали как ремесленников, исполняющих определенные заказы. Работали живописцы обычно группами, и подмастерья учились у мастеров.

Родился Джотто близ Флоренции, долго жил и работал в Риме, где исполнил мозаику «Чудо на Генисаретском озере». По-видимому, сначала был учеником художника Каваллини. Переехав в начале XIV века в Падую, он расписал капеллу дель Арена, на цоколе изобразил 14 аллегорий «Пророков» и «Добродетелей», а на входной стене — монументальный «Страшный суд» (со сценами из жизни Христа).

Вот что писал известный советский искусствовед М. Алпатов: «Образ человека, мужественно переносящего свои испытания и спокойно взирающего на окружающий мир, проходит лейтмотивом через падуанский цикл Джотто. Человек у Джотто противостоит ударам судьбы, как древний стоик. Он готов постоянно сносить свои невзгоды, не падая духом, не отступая от правды, не ожесточаясь против людей. Такое понимание не противоречило средневековой церковной морали. Но оно поднимало человека, утверждало его самостоятельное бытие, придавало ему бодрость, привязывало к земному…»

Один из наиболее знаменитых сюжетов Джотто — фреска «Поцелуй Иуды». Вот как передает ее М. Алпатов: "Иуда подходит к Христу и вытягивает губы, чтобы его поцеловать. В ответ на это Христос смотрит ему прямо в глаза пристальным и многозначительным взглядом… Этот проникновенный и невыразимый словами взгляд вскрывает глубочайшие недра человеческой души. При этом Христос сохраняет исключительное спокойствие, хотя он, видимо, знает о предательстве ученика. Это спокойствие в соединении с ясным сознанием своей судьбы придает ему характер возвышенного героизма, настоящего стоического мужества.

Лицо Христа в «Поцелуе Иуды» замечательно своими исключительно правильными чертами. Профиль Христа отличается соразмеримостью пропорций античной скульптуры. Джотто поднимается здесь до вершин классической красоты…

…Только Джотто сумел соединить идеал классической красоты с глубочайшей полнотой душевной жизни человека. Новая живописная система и понимание картины как сценического единства дали ему возможность воплощения образа совершенной личности в ее действенном отношении к окружающему миру и в первую очередь к другим людям".

Во времена Джотто еще не была разработана теория перспективы. Он творил, полагаясь на интуицию и зрительную память, и сумел передать на плоскости иллюзию реального пространства, а в образах людей — реальные чувства и страсти.

БОТТИЧЕЛЛИ
(1445–1510)

Если творчество Джотто стало предтечей живописи итальянского Возрождения, то искусство Боттичелли предопределило некоторые течения в живописи конца XIX века. Созданные им образы остаются популярными и в наши дни.

Сандро, или Александр Боттичелли, родился, провел почти всю жизнь и умер во Флоренции. Отец его Мариано Филипепи был небогатым ремесленником. Прозвище Боттичелли («бочоночек») мальчик получил в связи со своим богатым дядей, который ему покровительствовал, занимаясь торговлей маслом в бочонках.

Учился у художника Филиппе Липпи; при дворе Лоренцо Медичи Сандро пользовался успехом, получая выгодные заказы. Его произведения: «Весна», «Рождение Венеры», рисунки к «Божественной комедии» Данте — проникнуты романтикой, гармонией, музыкальностью цвета и линий, утонченностью образов.

Принято выделять три периода в творчестве Боттичелли. Первый относится к его работам, еще не утратившим ученического характера, В них уже чувствуется рука мастера, хотя и несколько скованная традицией. Об одном из первых его творений так отозвался итальянский историк искусства, архитектор и живописец Джорджо Вазари (1511–1574):

"В церкви Оньисанти для семьи Веспуччи он написал фреской на алтарной преграде около дверей, ведущих к хору, св. Августина, над которым он немало потрудился, стараясь превзойти всех живописцев своего времени, но в особенности Доменико Гирландайо, выполнившего о другой стороны образ св. Иеронима. Работа эта получилась достойной

наивысшей похвалы, ибо на лице этого святого он выразил ту глубину, остроту и тонкость мысли, которая свойственна лицам, исполненным премудрости и постоянно погруженным в исследование предметов высочайших и наитруднейших…

Возможно, завершением первого периода стала его работа в Риме. Вазари писал: «Во Флоренции и за ее пределами он снискал себе такую славу, что папа Сикст IV, построивший капеллу в своем римском дворце и пожелавший расписать ее, распорядился поставить его во главе работы. И вот он выполнил там собственноручно нижеописанные истории, а именно: как дьявол искушает Христа, как Моисей убивает египтянина и как ему дают напиться дочери Иофора Мадиамского, а также как во время жертвоприношения сыновей Аарона огонь нисходит с неба; а над историями в нишах несколько святых пап. Вследствие этого среди многих соревнующихся, которые работали вместе с ним и которые были и флорентийцами и из других городов, он приобрел известность и славу величайшую, а от папы получил порядочную сумму денег, которую он сразу же, пока был в Риме, промотал и растратил, ибо по своему обыкновению вел жизнь беспечную. Закончив же и раскрыв порученную ему часть росписи, он тотчас же возвратился во Флоренцию, где, будучи человеком глубокомысленным, частично иллюстрировал Данте, сделав рисунки к Аду, и выпустил это в печать, на что потратил много времени, а так как он в это время не работал, то это внесло в его жизнь большой беспорядок».

Наиболее популярны и знамениты его картины, созданные во Флоренции при роскошном дворе Лоренцо Медичи (1449–1492), которого называли Великолепным. Выходец из рода финансистов и банкиров, он стал править Флоренцией и окружил себя изысканным обществом философов, музыкантов, художников, литераторов (он и сам писал стихи). Его идеалом была античность — конечно же представленная в идеализированном виде, — и он стремился ее возродить хотя бы в узком кругу, к которому был причастен и Боттичелли, в картинах которого этого периода преобладают античные сюжеты, но наполненные новым содержанием.

По словам искусствоведа И. Даниловой, "Боттичелли обращается к образам, созданным народной фантазией и поэтому общезначимым. Разве может вызвать сомнение образный смысл высокой женской фигуры в белом платье, затканной цветами, с венком на золотых волосах, с гирляндой цветов на шее, с цветами в руках и с лицом юной девушки, почти подростка, чуть смущенным, робко улыбающимся? У всех народов, на всех языках этот образ всегда служил образом весны.

…В его картинах «Весна» и «Рождение Венеры» отдельные предметы обретают характер обобщенных поэтических символов Боттичелли изображает «деревья вообще», песенный образ дерева, наделяя его, как в сказке, самыми прекрасными качествами — оно стройное, с гладким стволом, с пышной листвой, усыпанное одновременно и цветами и фруктами. А какой ботаник взялся бы определить сорт цветов, рассыпанных по лугу под ногами Весны, или тех, которые она держит в складках своего платья они пышны, свежи и ароматны, они похожи и на розы, и на гвоздики, и на пионы, это — цветок вообще, самый чудесный из цветов. Да и в самом пейзаже Боттичелли не стремится воссоздать тот или

иной ландшафт, он только обозначает природу, называя ее основные, вечно повторяющиеся элементы: деревья, небо, земля в «Весне», небо, море, деревья, земля в «Рождении Венеры». Это «природа вообще», прекрасная и неизменная".

Во времена Флорентийской республики времен Медичи отношение к представителям искусства было уважительным, а то и восторженным. Художники, например, смело выражали свою индивидуальность, что было совершенно несвойственно Средневековью. Вот и Боттичелли создавал произведения необычайные, проникнутые его представлениями о мире и красоте. В них ощущаются странная отчужденность и самоуглубленность персонажей, тонкая праздничная декоративность и в то же время какая-то грусть, таинственность и символичность.

Интересно сопоставить его картины «Мадонна с младенцем Христом и Иоанном Крестителем» 1468 и 1485 годов. В первой младенец тянется к матери, словно ища у нее защиты, а Иоанн — отрок (что вполне естественно, если исходить из реальной хронологии), который проникновенно смотрит на зрителя. Во второй совмещены сразу несколько периодов времени. Младенец Христос, воздев ручки, обращается к зрителю. У подножья трона, на котором восседает Мадонна, распятье. Иоанн Креститель, изможденный отшельник, глядя на зрителя, предлагает помнить о жизни и подвиге Христа. Присутствует и четвертая фигура — евангелиста апостола Иоанна, старца с книгой и пером в руках, возможно, предвидящего грядущий Апокалипсис не с ужасом, а с грустью. Все образы объединяет лишь духовная связь с Иисусом Христом.

В последние годы жизни Боттичелли отстранился от образов и духа античности. Подобно многим гражданам Флоренции, он был захвачен страстными проповедями Савонаролы, призывавшего вернуться к христианским ценностям, где главное — духовность, а не угождение плотским позывам, чем грешат богачи и приближенные к папскому престолу, «погрязшие в языческом зле». Картины Боттичелли становятся суровыми и строгими. Даже «Рождество» показывает не только счастье (преимущественно — в небесах), но и печаль предчувствия Голгофы. Все чаще тревожит автора тема смерти. Но в грядущих поколениях он останется певцом гармонии и красоты.

БОСХ
(1460–1516)

Творения этого художника пересказать чрезвычайно трудно, для этого потребовался бы объемистый очерк, с преобладанием догадок и домыслов, разных вариантов толкований. В его крупных гравюрах, картинах сотни, тысячи разнообразнейших персонажей, нередко фантастических и аллегорических, находящихся в самых невероятных положениях и ситуациях. Фантасмагории — нечто совершенно новое в истории живописи, хотя и в значительной мере порожденное средневековым мировоззрением. Ведь оно соединяло в единое целое мир зримый и воображаемый, где вера в инобытие предметов и явлений придавало им невероятные облики, а осмысление бытия становилось его преображением.

Впечатление от произведений Босха усугубляется тем, что они, сохраняя черты средневекового миропонимания, абсолютно современны.

Самые нелепые «фантазмы» воспринимаются как непосредственно обращенные к нам послания из «параллельного мира», содержание которых чрезвычайно сложно и труднопередаваемо на нашем обыденном языке. В них заключается тайна, о которой свидетельствуют не только загадочные образы, но и вдруг замечаемый взгляд, устремленный на тебя — проницательный, совершенно реалистичный, порой чуть ироничный. Он словно спрашивает: «Ты можешь меня понять? Нет? А себя ты познать способен? Так ведь я это тоже ты, и ты — это я, а если тебя увлекают мои фантазии, значит, между нами и нашими мирами есть слишком много общего…».

Обычно понять творчество мастера помогает его биография. Но в этом отношении Босх оригинален. То немногое, что выяснено о его жизни, ничем особенным не отмечено. Год его рождения точно не установлен, хотя место известно: город Хертогенбос в Северной Фландрии (Нидерланды), от названия которого и появился псевдоним Босх.

Настоящее имя художника — Иероним (Хиеронимус) ван Акен. Происходил он из семьи потомственных ремесленников-художников, что было характерно для европейского Средневековья с его цеховым укладом. Женившись на богатой патрицианке, Иероним большую часть жизни провел в ее родовом имении. Но все это вряд ли объясняет, каким образом и почему в такой обстановке появился необыкновенный мастер. Отчасти помогает это понять эпоха, в которую он творил.

"Босх стоит, — пишет искусствовед Е. Акимова, — на грани двух великих эпох европейской культуры: Средневековья и Ренессанса. Он жил и работал в точке пересечения разных художественных и идеологических позиций. Вся разноликость переходной эпохи воплотилась в искусстве мастера. Своеобразный творческий язык Босха, возникший как слияние двух противоположных типов мировоззрения, едва ли когда-нибудь будет разгадан до конца. Как и у всех художников эпохи Возрождения, велик интерес Босха к реальной действительности. Он стремится охватить мир целиком, во всем многообразии его видимых форм, создать универсальную картину Вселенной. Отсюда на его полотнах огромное количество вещей, предметов, людей и животных, целая энциклопедия разнообразнейших форм органического и неорганического мира. Картины природы, служащие в большинстве случаев фоном его работ, Босх пишет с небывалой до него убедительностью и реалистичностью. Наполняя свои пейзажи воздушной атмосферой, смело используя эффекты освещения, Босх выступает как художник новой эпохи, эпохи Возрождения…

Босх, которого по праву считают основоположником жанровой живописи, черпающий свои сюжеты из окружающей действительности, неуклонно следует средневековой традиции. Ради выявления внутреннего смысла происходящего он нарушает реальные жизненные связи, прибегая к языку иносказаний. Но этот своеобразный творческий метод не усложняет, а, напротив, упрощает для современников мастера восприятие его произведений".

Судя по всему, Босх начинал — помимо ученических работ — с жанровых зарисовок. Но и тогда его не удовлетворяло простейшее отражение в искусстве действительности.

Первая из дошедших до нас его картин «Операция глупости» приближенно датируется 1480 годом. Она — простите за повтор — потрясающе современна. Теперь ее можно назвать «Инъекция в мозг». Задумчивый специалист с воронкой (для промывания желудка) на голове ковыряется каким-то прибором в мозгу упитанного бюргера. Странным образом из прорех растет… тюльпан, символ глупости. Рядом стоит «заказчик» операции в монашеском одеянии с кувшином в руке. А напротив — женщина со скептической улыбкой и книгой на голове (аллегория мудрости?). Хотя книга закрыта, что может свидетельствовать и о бестолковости и необразованности.

Конечно, теперь инъекции в мозг делаются иначе: с помощью электронных средств массовой пропаганды. Но суть от этого не меняется. Все по-прежнему: есть хитрый и корыстный заказчик, есть ловкие исполнители и массы оболваненных людей, так и не способных понять, что с ними происходит, кто и как, с какими целями управляет их сознанием, формирует их взгляды и убеждения, регулирует ход мысли. Во второй половине XX века начала формироваться наркоцивилизация по тем канонам, которые с гениальной прозорливостью отметил полтысячи лет до того художник-мыслитель Босх.

…После распространения книгопечатания и грамотности стало привычным признавать великими мыслителями тех, кто писал философские или научные трактаты, литературные произведения. Средневековье было иным. Тогда главенствовало устное слово, а запечатлевали чувства и мысли — преимущественно религиозные — в виде зримых образов (рисунки, скульптуры, барельефы). Образы эти были реальны не только подобием натуры, видимым предметам, но и как выражение духовного незримого мира.

У Босха много жанровых зарисовок. По какой-то причине его пристальный взгляд останавливался на калеках и нищих, разного рода уродцах. Многие их них зарисованы сверху, словно при взгляде из окна. Возможно, невдалеке от его дома была церковь или рыночная площадь. Что имел в виду он, делая такие наброски? Превратности судьбы, ущербность человеческой природы, допускающей жестокость «высшего судии»? Некоторые реальные образы обретают странные черты: петух тянет бочку, с которой валится фигура с воронкой в руке и блюдом с вазой на спине; некто округлый и голый, прикрытый корзиной, стоит на одной ноге, пронзенный стрелой, а птица клюет его в зад…

По мнению Е. Акимовой, "с годами идея о несовершенстве человека, о его греховности приводит Босха к убеждению, что вся земная жизнь есть не что иное, как прямая дорога в ад. Свои представления об устройстве преисподней художник черпает из средневековых литературных источников, традиционной иконографии. Обитатели ада в изображении Босха вполне реалистичны с точки зрения представлений того времени. Привычным и естественным для современников мастера было изображение демонических образов в виде гибридов насекомых, птиц, пресмыкающихся, различных «нечистых» животных: крыс, жаб, летучих мышей. Безудержная фантазия Босха «совершенствует» этих персонажей, наделяя небывалыми доселе чертами. В ранних работах художника «ад напоминает не то огромную кухню, не то строительную площадку, где деловитые „повара“ и

„мастеровые“ вершат свою привычную работу — мучают грешников. Варят их в котлах, жарят на сковородках, режут ножами, расплющивают на наковальнях, — словом, добросовестно выполняют весь технологический цикл адских мучений. Если поначалу ад Босха ограничивается пределами преисподней, то постепенно, в более поздних работах, он начинает как бы выплескиваться наружу, вливаться в земную жизнь, превращаться в ее неотъемлемую часть. И даже райские сады Эдема наполняют сонмы странных существ — не то ангелов, не то чертей, принявших облик небожителей».

Еще раз придется повторить: пересказывать фантасмагории Босха — занятие неблагодарное. Каждый волен видеть в них то, что подсказывает собственное воображение и знания, а также умение понять другого. В образах Босха могут поразить или озадачить мелкая деталь, небольшой фрагмент — и сами по себе, и в связи с целой картиной. Таковы, например, выполненные им алтари «Искушение св. Антония» и «Сад земных наслаждений», а также гравюры из цикла «Семь смертных грехов» («Гнев», «Тщеславие» и др.). Их содержание никак не укладывается в пределы названных автором тем. Гнев показан не только злобным и беспощадным, но и глупым; тщеславие громоздит причудливые сооружения; любой из грехов превращает людей в грязных и мерзких тварей…

В одной из его картин изображен небесный тоннель, по которому души устремляются к свету. Это похоже на воспоминания некоторых пациентов, побывавших в состоянии клинической смерти. Как объяснить такое совпадение? Тем, что Босх принимал какие-то препараты, вызывавшие яркие фантастические видения, чаще всего тревожные и страшные? И ощущение полета — тоже может быть следствием наркотического опьянения.

…По-видимому, Босх переживал острые приступы неприязни к людям. У него есть алтарный триптих «Поклонение волхвов» — реалистичный, а то и ироничный по отношению к свидетелям чуда рождения Спасителя. Но есть и другие полотна: «Христос перед народом», «Несение креста», «Надевание тернового венца», где мучители — по большей части страшные и гнусные рожи — торжествуют, издеваются над Иисусом. Один человек стоит за Христом, глядя на него с состраданием и глубокой печалью, а на шее у него — ошейник с шипами, на шапке — дубовая ветвь. Лицо выписано тщательно и совершенно реалистично. Судя по всему, это — автопортрет художника.

Да, на нем «строгий» ошейник; да, вокруг глумятся подлецы и глупцы; да, все еще не удается спасти человечество от пороков; но пока есть люди, сознающие это и готовые следовать по пути, указанному Христом, до тех пор остается надежда…

ДЮРЕР
(1471–1528)

…В один из дней конца XIX века в Мюнхенской пинакотеке перед работой Дюрера, на которой были изображены четыре могучие фигуры евангелиста — Марка и апостолов Иоанна, Петра и Павла, надолго остановился молодой статный мужчина. Этим человеком был Владимир Иванович Вернадский.

Что хотел донести до зрителей Дюрер, какой смысл вкладывал в непростую по внутреннему содержанию композицию?

Художник сделал надписи на картине. Они предостерегают: не принимайте заблуждения человеческие за божественную истину; не верьте лжепророкам; умейте сомневаться; отдаляйтесь от тех, кто жаждет собственных удовольствий и никогда не сможет дойти до познания истины; остерегайтесь книжников, кичащихся своим высоким положением и поучающих всех.

Знатоки по-разному оценивали содержание этого творения мастера.

Искусствовед М. Хаммель видел в ней «сверхчеловеческие типы, высшее проявление простоты и величия». По мнению историка искусства и религий С. Рейнака, цель картин — «вернуть христианство на прежний путь» (художник работал во время религиозных распрей, войн и Реформации в Германии).

Иначе понимал суть этой работы Дюрера его друг И. Нейдорфер. (Это его рукой были каллиграфически выписаны на ней слова из Священного Писания.) Согласно толкованию Нейдорфера, художник изобразил четыре обобщенных человеческих темперамента: сангвиника, флегматика, холерика и меланхолика. Но если даже и так, то каким образом увязываются такие «общечеловеки» с конкретными евангельскими персонажами и приведенными цитатами? Безусловно, воображение и мысль Дюрера проникали в какие-то глубины бытия, а не просто скользили по поверхности…

Вернадский осмыслил это картину по-своему. Нельзя утверждать, что он ее понял в полном соответствии с замыслом автора. Ему удалось вскрыть те глубины, о которых мог и не догадываться сам художник, лишь остро переживая их. Апостола Иоанна (он стоит слева, держа в руке раскрытую книгу, и спокойно, внимательно читает) Владимир Иванович счел образом религиозного мыслителя, искреннего искателя правды. Он молод, полон умственной силы.

Рядом с Иоанном стоит Петр. В его руке ключ от царства небесного и напряженно, как бы силясь что-то понять или что-то уже понимая, тоже заглядывает в раскрытую книгу. «Он в конкретных словах разъяснит то, что говорил другой, то, к чему мчалась мысль и чувство другого, более глубоко понимающего человека. Он не поймет его, но именно потому его поймут массы…»

Справа — два других лица. «Это уже мысль, а рука — это деятели. Один гневно смотрит кругом — он готов биться за правду. Он не пощадит врага, если только враг не перейдет на его сторону. Для распространения и силы своих идей он хочет и власти, он способен вести толпу…»

Чуть отвлечемся. Возможно, в этом случае Вернадский не учел одну деталь: Дюрер написал евангелиста — не апостола! — то есть «популяризатора» учения, желающего внедрить его в массы. Иоанн тоже был евангелистом, однако он в то же время являлся непосредственным учеником Иисуса Христа, апостолом.

«А рядом фанатически зверское лицо четвертого апостола. Это мелкий деятель. Это не организатор, а исполнитель. Он не рассуждает, он горячо, резко, беспощадно-узко идет за эту идею». Действительно, апостол

Павел изображен с мечом в одной руке и — очень важно! — с огромным закрытым фолиантом в другой. Современники Дюрера полагали, что он олицетворяет меланхолического гения; да и представлен он не мелкой фигурой, а соразмерной всем остальным и особенно фундаментальной, хотя взгляд его грозен.

Вернадский не остановился на приведенных характеристиках. Он перешел к обобщению:

«И вот в этих четырех деятелях — в этих четырех фигурах распространителей христианства — мощный ум Дюрера выразил великую истину. Мечтатель и чистый, глубокий философ ищет и бьется за правду. От него является посредником более осязательный, но более низменный ученик. Он соединит новое со старым. И вот старыми средствами вводит это новое третий апостол — политик, а четвертый является уже самым низменным выразителем толпы и ее средств. Едва лишь может быть узнана мысль первого в оболочке четвертого…»

Можно добавить, что подобные этапы проходят не только религиозные или философские идеи, но и общественные движения, а также государственные системы: от зарождения к подъему, расцвету и стабильности, переходящей в кризис. Мог ли обо воем этом догадываться Дюрер? Возможно. Ведь он был художником-мыслителем, в чем-то похожим на Леонардо да Винчи. В своем знаменитом цикле гравюр «Апокалипсис» он предостерегал людей от тех пороков «общества потребления», которые неизбежно завершаются трагически, когда все силы земли и небес обрушиваются на них.

Альбрехт Дюрер с детства был одержим стремлением к творчеству, что было характерно для многих «титанов Возрождения». Он был сыном нюрнбергского ювелира, выходца из Венгрии, человека честного, трудолюбивого, образованного и богобоязненного. Отец хотел, чтобы сын пошел по его стопам, но тот упорствовал, мечтая стать живописцем, и добился своего. Осваивал мастерство художника, продолжая помогать отцу, работал ювелиром и умел провести от руки пером точную прямую линию или окружность.

Он много путешествовал по Европе, совершенствуясь в живописи и графике и пополняя запас знаний. В родном городе основал свою мастерскую, где создал ряд великолепных произведений, в частности цикл гравюр, иллюстрирующих Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис). В дальнейшем написал целый ряд портретов и автопортретов, картин, среди которых «Поклонение Троице», много работал в технике гравюры. Ему принадлежат исследования по искусствоведению, перспективе, инженерному делу; Дюрера нередко называют основоположником немецкого, или Северного, Возрождения.

К сожалению, он не писал о своих взглядах на мир и человека. Их приходится разгадывать, «вчитываясь» в его образы. Они свидетельствуют о том, что он всерьез интересовался многими науками.

Дюрер опубликовал ряд трактатов: «Руководство к измерению с помощью циркуля и линейки», «Четыре книги о пропорциях человеческого тела», «Некоторые наставления к укреплению городов, замков и местностей». Как пишет автор книги «Альбрехт Дюрер — ученый» Г.П. Матвиевская, "интерес Дюрера к научным проблемам, занимавшим

гуманистов того времени, проявился в его картографических работах.

Широко известна карта звездного неба, которую он украсил символическими фигурами, изображающими созвездия. В четырех углах — аллегорические портреты астрономов: из Греции (Арат), Рима (Марк Манилий), Египта (Птолемей) и арабского Востока (ас-Суфи). Художник подчеркнул, что изучение небес объединяет ученых разных стран.

Дюреру принадлежат многие шедевры графики. Он использовал немецкие народные традиции, иллюстрируя, например — с иронией и сарказмом — великую поэму Себастьяна Бранта «Корабль дураков», сохраняющую — увы! — свою актуальность и в наше время.

ТИЦИАН

(ок. 1477 или 1487–1576)

«Есть семейства растений, отдельные виды которых так близки друг другу, что сходство здесь превосходит различие: таковы художники Венеции, не только четверо знаменитых — Джорджоне, Тициан, Тинторетто, Веронезе, но и другие, менее известные… Что бросается в глаза — это основной и общий тип; частные и личные черты остаются первое время в тени. Они работали вместе и поочередно во дворце Дожей; но, вследствие невольного созвучия их талантов, вся их живопись образует одно целое…»

Так писал французский историк и философ искусств Ипполит Тэн. Из перечисленных им имен мы выделим наиболее знаменитого и плодовитого, не терявшего творческих сил до глубокой старости и прожившего дольше и едва ли не наиболее счастливо из всех художников той эпохи, а может быть, и всех последующих.

Уроженец местечка Пьеве-ди-Кадоре, Вечеллис Тициан в юности переехал в Венецию. Здесь он овладел искусством живописца и оставался до конца своей долгой жизни, отлучаясь ненадолго. О нем Ипполит Тэн высказался красочно, ссылаясь для колорита на мнение одного из современников Тициана: «Когда пытаешься вообразить себе Тициана — видишь счастливого человека, „самого счастливого и благополучного, какой когда-либо был между ему подобными, получившего от неба только одни милости и удачи“, первого между всеми своими соперниками, принимавшего у себя на дому королей французского и польского, любимца императора, испанского короля Филиппа II, дожей, папы Павла III и всех итальянских государей, возведенного в сан рыцаря и графа Империи, засыпанного заказами, широко оплачиваемого, получающего пенсии и умело пользующегося своим счастьем. Он держит дом на широкую ногу, пышно одевается, приглашает к своему столу кардиналов, вельмож, величайших артистов и даровитейших ученых своего времени. „Хотя он не получил особенного образования, он на своем месте в этом высоком обществе, потому что имел природный ум, а придворный быт научил его всем лучшим качествам кавалера и светского человека“, и так хорошо, что его находят весьма любезным, обладающим приятной учтивостью и самыми изящными манерами и приемами общения». В его характере нет ничего крайнего и мятежного. Его письма к государям и министрам по поводу своих картин и пенсионов носят тот униженный характер, который считался тогда знанием приличий со стороны подданного. Он умело подходил к людям и умело подходит к жизни, — я хочу сказать, что он

пользуется жизнью, как и людьми, без излишеств и без низости… Его переписка с Аретино показывает в нем веселого товарища, который ест и пьет охотно и изысканно, который любит музыку, красивую роскошь и общество женщин легкого поведения. Ему чужда буйность, его не тревожат безмерные и мучительные замыслы, его живопись здорова, свободна от болезненных исканий и тягостной сложности; он пишет постоянно, без напряжений и без порывов, в течение всей своей жизни. Он начал еще ребенком, и его рука сама собою повинуется его гению. Он говорит, что «его талант — это особенная милость неба», что нужно иметь этот дар для того, чтобы быть хорошим художником, что, если этого нет, «можно породить только уродливые создания», что в этом искусстве «гений не должен быть возмущаем». Вокруг него красота, вкус, воспитание, талант близких возвращают ему, подобно зеркалам, отражение его гения".

Трудно судить, насколько верна такая характеристика великого художника. Почти наверняка были у него периоды трудностей, душевных переживаний, сомнений. Отчасти об этом можно догадаться по некоторым его произведениям. Но в целом он, пожалуй, стремился к душевному равновесию и находил успокоение и упоение в творчестве.

Первые его картины были поэтичны и жизнерадостны, что отражает название одной из них «Любовь Земная и Небесная» (возможно, в эти годы художник отдавал предпочтение первой из них).

Большим успехом у ценителей прекрасного, в частности обнаженного красивого женского тела, имели его «поэзии». Так он называл картины на мифологические темы, которые приобретали у него преимущественно герцог Феррарский и король Испании Филипп II. Есть у Тициана аллегорические композиции (например — «Испания приходит на помощь религии»), но быть может, наиболее замечательны многочисленные портреты, выполненные им с редким мастерством, передающие не только внешний облик, но и характер персонажа.

В картинах Тициана — это характерная черта венецианской школы — большая роль отводится обстановке и пейзажу, силам природы, выражающим не столько стихию саму по себе, сколько ее соответствие человеческим чувствам. В его «Данае» (1554) обнаженная красавица пребывает в сладострастной неге, перебирая пальцами складки простыни, а вожделеющий к ней Зевс (не его ли лицо угадывается в просвете туч?) проливает в ее лоно золотой дождь.

Через 20 лет он создал полотно «Христос на кресте». Она производит странное впечатление. Пейзаж, на фоне которого вознесен Иисус, показывает средневековую Италию, а не Иудею; вечернее небо серовато-коричневое, мрачное Освещено тело распятого Христа, два небесных блика под руками, словно два светлых крыла; светлая полоса на горизонте. Возле креста пусто. Словно напрасны мучения Иисуса и его жертва, не стало на Земле от этого светлей и прекрасней, не сделались люди чище и добрей.

Даже великолепная отточенная техника и постоянный успех не лишили Тициана склонности к поискам и новаторству. Уже в поздние годы он меняет манеру письма, использует смелые мазки, игру светотени, порой отказывается от четко выписанного пейзажа, приближая второй план к абстрактному фону. Отчасти это проявляется в упомянутой выше картине,

а более очевидно в другой — «Святой Себастьян». Возможно, к старости художник стал утрачивать оптимизм и жизнерадостность, что вполне естественно. Удивительно другое: как смог он в бурные для страны годы сохранять внутреннее спокойствие и неутолимую жажду творчества.

РАФАЭЛЬ
(1483–1520)

Долгий рассказ о его жизни был бы неуместен: слишком коротка она была, всего 37 лет. Но его творения пережили века, восхищая миллионы людей, а главное, просветляя души хотя бы на недолгое время.

С детства Рафаэль был приобщен к искусству. Отец его, Джованни Санти из Урбино (Италия), был художником и поэтом. От него сын получил первые уроки ремесла, которое быстро освоил. В 17 лет он переехал в город Перуджу, став учеником знаменитого, хотя и не очень оригинального художника Перуджино.

Рафаэль был прилежным учеником, не стремящимся к оригинальности. Быстро освоив манеру учителя, он подражал ему с удивительным мастерством, и ничего еще не предвещало рождения гения.

Двадцатилетним юношей он приехал во Флоренцию, где уже обрел славу Леонардо да Винчи и создал своего «Давида» Микеланджело. Рафаэль изучал анатомию и проекции, писал картины, преимущественно на тему «Мадонна с младенцем» (одну из них приобрел герцог Тосканский).

Заказов у него было много, да и соблазнов немало. На его ранней небольшой картине изображен рыцарь, пребывающий в дреме или глубокой задумчивости; богиня победы предлагает ему меч и книгу, а стоящая с другой стороны богиня любви сулит земные радости. (На другой миниатюре того же времени — три грации, прелестные и задумчивые, словно спутницы богини любви.) Рафаэль сделал выбор, творчество, рыцарское соперничество с лучшими мастерами. И хотя первые его полотна статичны, лишены яркой индивидуальности, молодой художник не собирается останавливаться на достигнутом, полон смелых дерзаний и стремления к наивысшему совершенству. Уже по его ранней картине «Венчание девы Марии» видно, как умело строит он многофигурные композиции, использует эффект перспективы и проявляет знание архитектуры.

В 1508 году благодаря протекции своего земляка архитектора Д. Браманте он получил приглашение в Рим для росписи Ватиканского дворца. Его талант был вскоре оценен; Рафаэля назначили главным художником. Ему поручили роспись парадных зал (станц). Он изобразил четыре области деятельности — религиозно-теологические (фреска «Диспут») и философские искания («Афинская школа»), искусство («Парнас») и правосудие, показанное сценами библейскими и мифологическими.

Все эти произведения чрезвычайно сложны по содержанию и великолепны по исполнению, наполнены движением и в то же время гармоничны и величественны. Прежде всего поражает дерзость замысла молодого художника и его глубокое проникновение в суть тех непростых идей, которые он решил передать не словами, а зримыми образами.

Теологические споры в «Диспуте» осеняются свыше присутствием Троицы. Здесь вполне обоснованно имеется центральное объединяющее начало — высшие истины, отраженные в текстах Священного Писания и

одухотворенные человеческим воображением. Их можно толковать, не выходя за пределы установленных догм, сознавая присутствие в мире высших сил, постичь которые во всей полноте не дано человеку.

Совершенно иная ситуация в философии. Представители разных учений, только формально объединенные единым архитектурным пространством, в большинстве своем не принадлежат конкретной Афинской школе, так что название грандиозной фрески условное. Нет сомнения, что Рафаэль был неплохо знаком с сочинениями великих философов и — удивительная проницательность! — понимал суть философского метода познания, предполагающего немалую долю субъективности, проявления личных устремлений и принципов жизни мыслителя.

Художник поставил перед собой задачу невероятной сложности. И гений его проявился уже в самом подходе к ее решению. Он разделил философов на несколько обособленных групп. Одни осматривают два глобуса — Земли и неба — последний, по-видимому, находится в руках Птолемея. Рядом другие увлечены решением геометрической задачи. Напротив — уединенный мечтатель. Возле него почтенный мыслитель вносит исправления в солидный фолиант под восхищенными взглядами одних и напряженным подглядыванием плагиатора, старающегося схватить чужую мысль на лету. От этих людей отходит юноша, еще не избравший себе учителя, готовый к поискам истины. Сзади — Сократ, на пальцах объясняющий слушателям ход своих рассуждений.

Совершенно замечательна фигура юноши в левом дальнем углу фрески. Он стремительно входит в это скопление мудрецов, держа в руке свиток и книгу; развеваются складки его плаща и кудри на голове. Стоящий рядом указывает ему дорогу, а некто из кружка Сократа приветствует его. Возможно, так олицетворена новая смелая мысль, которая вызовет новые споры, подвигнет на новые искания…

Словно нищий на ступенях храма — одинокий Диоген, отстраненный от мирской суеты и дискуссий. Кто-то, проходя мимо, указывает на него, словно спрашивав спутника: не таков ли удел подлинного философа? Но тот обращает его внимание (и наше) на две фигуры, которые находятся в центре композиции. Это убеленный сединами Платон и молодой Аристотель. Они ведут диалог — спокойный спор, в котором освобождается от оков догм и предрассудков истина. Платон указывает на небо, где царят гармония, величие и высший разум. Аристотель простирает руку к земле, окружающему людей миру. В этом споре не может быть победителя, ибо для человека одинаково необходимы и безмерный космос, и родная Земля, познание которых будет длиться вечно.

Несмотря на обособление групп философов, картина тяготеет к двум центральным фигурам, отчетливо выдающимся на фоне неба. Их единство подчеркивает система арочных сводов, последний из которых образует подобие рамы, в которой находятся Платон и Аристотель.

Единство философий — в разнообразии отдельных школ и личных мнений. Так складывается великая симфония человеческого познания. Этому не мешает разобщенность мыслителей в пространстве и времени. Напротив, познание объединяет всех, кто искренне к нему стремится… И не случайно, конечно, в картине присутствуют люди всех возрастов,

включая младенцев, а на их лицах не только сосредоточенность и задумчивость, но и светлые улыбки.

В своих четырех великих композициях Рафаэль показал четыре основания, на которых должно покоиться человеческое общество: разум (философия, наука), доброта и любовь (религия), красота (искусство), справедливость (правосудие).

Современному человеку может показаться невероятным, что Рафаэль, не достигший тридцатилетия, мог создавать такие грандиозные фрески. Поражает одно уже величие замысла и способность выразить глубокие идеи (а прежде — осознать их) в форме живописных композиций. А сколько для этого требовалось сделать набросков, эскизов! Трудно усомниться, что над фресками работали группы художников. Но общий замысел, структура картин, конкретные фигуры и обработка многих деталей — дело рук и мысли великого мастера.

К Рафаэлю пришла слава, его буквально завалили заказами. А ведь после смерти Браманте в 1514 году его назначили главным архитектором строительства собора Св. Петра в Риме. Осуществлял он и другие архитектурные проекты. Он был одним из величайших гениев Возрождения. Пожалуй, самым совершенным его созданием явилась «Сикстинская мадонна» (1513–1514).

Вот как передал русский поэт Василий Жуковский свои впечатления от картины Рафаэля:

"Час, который провел я перед этой Мадонною, принадлежит к счастливым часам жизни… Вокруг меня все было тихо; сперва с некоторым усилием вошел в самого себя; потом ясно начал чувствовать, что душа распространяется; какое-то трогательное чувство величия в нее входило; неизобразимое было для нее изображено, и она была там, где только в лучшие минуты жизни быть может. Гений чистой красоты был с нею.

Он лишь в чистые мгновенья
Бытия слетает к нам,
И приносит откровенья,
Благодатные сердцам…

…Приходит мысль, что эта картина родилась в минуту чуда: занавес раздернулся, и тайна неба открылась глазам человека. Все происходит на небе: оно кажется пустым и как будто туманным, но это не пустота и не туман, а какой-то тихий, неестественный свет, полный ангелами… И Рафаэль прекрасно подписал свое имя на картине: внизу ее, с границы земли, один из двух ангелов устремил задумчивые глаза в высоту; важная, глубокая мысль царствует на младенческом лице: не таков ли был и Рафаэль в то время, когда он думал о своей Мадонне? Будь младенцем, будь ангелом на земле, чтобы иметь доступ к тайне небесной. И как мало средств нужно было живописцу, чтобы произвести нечто такое, чего нельзя истощить мыслею! Он писал не для глаз, все обнимающих во мгновение и на мгновение, но для души, которая, чем более ищет, тем более находит…"

Об этом произведении сказано очень много, преимущественно в самых восторженных тонах, вполне уместных и оправданных. Обратим внимание на тяжелую драпировку, изумрудно-зеленый занавес,

прикрывающий верхние углы картины. Этим не только концентрируется внимание на ликах Мадонны и Младенца, но и подчеркнуто их вхождение в жестокий земной мир с жертвенной решимостью нести свет любви людям. Задумчивые ангелочки внизу, чуть растрепанные, серьезны: они понимают, что все уже предопределено свыше (да и мы понимаем: все уже свершилось). Под ногами у женщины с ребенком — земной шар в облаках. Дано ли им спасти мир? Как бы то ни было, они пристально смотрят на зрителя, ибо ему решать, достоин ли он такой жертвы, что ему довелось совершить в жизни во искупление ее, чем он одарил людей, каков смысл его недолгого пребывания на Земле?

БРЕЙГЕЛЬ
(1525–1569)

Знаменитого нидерландского живописца и гравера Питера Брейгеля Старшего называли еще «Мужицким». Возможно, он родился в селении Брейгель (близ города Бреды). Скорее всего, его семья была связана с художественным ремеслом, где он получил первые навыки живописца. Учился в Антверпене, где и был принят в гильдию художников в 1551 году, после чего побывал во Франции, Италии. Вернувшись через два года в Антверпен, работал с торговцем, издателем и гравером И. Коком.

Через десять лет Брейгель переехал в Брюссель, где оставался до конца своих дней. Судя по всему, он был широко образованным человеком (этого требовала эпоха Возрождения). «Мужицким» его считали, потому что он предпочитал изображать жизнь народа, трудящихся. В этом отношении он резко отличался от других своих выдающихся современников. В Италии, например, живописцев вдохновляли образы мифологических персонажей великих деятелей и мыслителей. После средневекового коллективизма наступило время «самодостаточных» личностей, индивидуумов. Отчасти так проявлялся возврат к идеалам античности с ее культом героев.

Не сразу пришел Брейгель к своей главной теме. Как часто бывает, сначала он подмечал в людях прежде всего пороки. Возможно, сказалось и влияние произведений великого соотечественника Босха, что вполне естественно. "К числу ранних работ Брейгеля, — писал искусствовед Р. Климов, — принадлежит цикл аллегорических изображений человеческих пороков. Их отличает холодная, черствая саркастичность, а наряду с этим — глубокая убежденность в неразумности людей. Эти качества в не меньшей мере свойственны исполненным по его рисункам гравюрам социально-сатирического характера, пользовавшимся в то время значительной известностью.

В произведениях, выполненных около 1557 года, роль человека несколько возрастает. Например, в большом пейзаже «Сеятель» фигурка крестьянина уже является для художника как бы непременной частью мира. Правда, за сеятелем летят птицы, выклевывающие брошенные им в землю зерна, но эта иллюстрация евангельской притчи является, в сущности, моментом скорее литературным, чем собственно художественным. В основе другой картины этого времени — «Падение Икара» также лежит иносказание: мир живет своей жизнью, гибель отдельного человека не прервет ее коловращения. Но и здесь изображенная на переднем плане сцена пахоты и прибрежная панорама значат более, чем эта мысль (хотя она и подкреплена иллюстрациями ряда

пословиц). Во всяком случае, ощущение размеренной жизни мира — а она действительно чувствуется в движении пахаря и в ритме пейзажа — более важно в картине, чем, казалось бы, определяющие ее иносказания".

Что хотел сказать художник? О тщете человеческих усилий подняться в небесные выси? О том, что надо упорно выполнять свою земную работу, а не витать мыслею в облаках? Или о крахе героической личности, индивидуализма? А может быть, о том, что слишком быстро забывают героев люди, занятые своими насущными заботами?

Переход к изображению народной жизни начался у Брейгеля с картины «Бой Масленицы с Постом» (1559). На улочках фламандского городка идет гулянье и течет будничная жизнь. А на площади начинается соперничество. Толстопузый полупьяный Масленица верхом на пивной бочке, держа в руке, как пику, вертел с кусками мяса, движется навстречу Посту — изможденной женщине на стуле, прилепленном к тележке. У Поста на голове улей, в одной руке розга, в другой длинная лопатка, на которой лежат две рыбешки. Толкает бочку с Масленицей дюжий мужик, а тележку с Постом тащат две тощие старухи. Исход боя, пожалуй, очевиден, и дети смеются над Постом.

Брейгель оставил нам живые свидетельства обыденной жизни средневекового города в разнообразнейших ее проявлениях, включая игры детей. Одно уже это придает многим его полотнам непреходящую ценность. Однако художник, помимо этого, создал ряд «босхианских» работ («Безумная Марта», «Свержение падших ангелов»). Интересна его большая картина «Строительство Вавилонской башни». Гигантская конструкция воздвигается на скале, продолжая и преображая творение природы. Верхняя часть сооружения поднялась выше облаков, но конца стройки не предвидится, да и небо так и остается недосягаемым. А вокруг на равнине — скопище невысоких построек, деревенских избушек (не древний Вавилон, конечно, а средневековый городок). На переднем плане царь с охраной, а перед ним рабочие на коленях. Выходит, не ради небесных, а для земных целей затеяна грандиозная стройка. Она возвеличивает царя и тем самым унижает тех, кто трудится. Кстати, к этому же времени относится миниатюра «Две мартышки». Обезьянки печально сидят на цепи в проеме здания, за которым — небо, земля, море — свобода!

Особое место в творчестве Брейгеля, да и пожалуй всего Возрождения, занимает цикл пейзажей «Времена года» из четырех полотен. Вот как описал их Р. Климов:

«Темный день» — бушуют разлившиеся воды, клоками несутся рваные, набухшие водой тучи, и медленно разгораются красно-коричневые, влажные тона земли, и оживают мокрые, голые ветви, и все напоено порывами весеннего сырого ветра.

«Жатва» — словно потемневшая от зноя, с плотной, опаленной жаром рожью и затянутыми густым маревом далями, спокойно плодоносящая земля.

«Возвращение стад» — медленно наползающая пелена туч, опустевшие, словно застывающие дали, последнее горение рыже-зеленых осенних, еще живых тонов и суровое, холодное безмолвие природы.

И, наконец, «Охотники на снегу» — спокойный заснеженный простор, маленький городок, оживленные фигурки конькобежцев на

застывших прудах, тихая жизнь, согретая теплом человеческого уюта.

Так свершается круговорот природы, так меняется ее обличив, ее внутренний ритм. Она представлена здесь в своих самых существенных, самых сокровенных и вместе с тем самых близких и дорогих человеку проявлениях.

Природа в цикле «Времена года» обладает особыми масштабами… Здесь все как бы преувеличилось, возросло, обрело больший размах и значительность. Протяженность, емкость этих пейзажей, грандиозность их внутренних ритмов не имеют себе равных.

И хотя природа у Брейгеля грандиозна, в то же время она совершенно близка человеку. Без жизни людей нельзя понять жизни природы. Существование людей наполнено в этих полотнах истинным смыслом, подчинено закономерностям высшего, глубоко естественного порядка. Рождается ощущение полнейшей слитности людей и природы. Волновавший художника вопрос о месте человека в мире получил в цикле «Времена года» свое разрешение.

Ничего подобного искусство еще не знало. Но и в творчестве Брейгеля эти вселенские пейзажи с конкретными реальными чертами остались исключительными, уникальными.

Замечательны поздние картины Брейгеля — на дереве и на холсте: «Деревенская свадьба» и «Деревенский танец». Простые радости сельских жителей показаны с улыбкой и снисходительной вроде бы иронией, как бы взглядом участника, такого же крестьянина (этим вполне оправдывается прозвище Брейгеля «Мужицкий»).

А вот его полотно «В стране лентяев»: сверхупитанные мужчины, спящие в свободных позах, как сморил их сон. Правда, один устремил задумчивый взгляд вверх. Но там не небо, а круглый стол с остатками еды. Судя по одежде, это богатый человек, возле закрытая книга, под головой лист бумаги. Рядом крестьянин, поодаль — рыцарь. В стороне невесть как возникший кактус, еще дальше бежит поросенок, с воткнутым в бок ножом, пропоровшим шкуру. А вдали на тоненькой ветке вместо птички какой-то человечек. На переднем плане — недоеденное яйцо на тонких ножках, с торчащей изнутри ложкой.

Что все это означает? Не так ли представляют многие вожделенное будущее или райское ничегонеделание (пусть иносказательно)? Царство сытости и полной бессмысленности бытия? Общество потребления…

Одна из последних картин Брейгеля — «Слепые» раскрывает смысл евангельской притчи о слепых, ведомых слепым поводырем. Слева направо, наискось движется вереница прилично одетых людей с пустыми глазницами. Тот, кто вел их, рухнул в обрыв и увлек за собой других. Второй в падении безглазым взглядом устремлен к зрителю с ужасной улыбкой недоумения и страха. Он как бы вопрошает: а вы, господа, не такие ли? Понимаете ли вы, что валитесь в бездну, увлекаемые слепым поводырем? Образ на все времена…

Бредут люди и падают один за другим в небытие, проходят поколения за поколением, так и не понимая, зачем они явлены на свет, в чем смысл их скоротечной жизни. Проста картина Брейгеля, но в этой простоте очевидности присутствует нечто такое, что никак не могут постичь своими изощренными умами зрячие слепцы.

ЭЛЬ ГРЕКО
(1541–1614)

Трудно сказать, какой стране принадлежал он. Родился в греческой семье на острове Крит, в то время венецианской провинции. Его подлинное имя Доменико Теотокопули. В детстве обучался иконописи, а в юности переехал в Венецию, где в мастерской Якопо Тинторетто осваивал классическую манеру живописи и рисунка.

В Италии работало немало признанных мастеров изобразительного искусства. Доменико оказался в ряду «середнячков». Его картины не пользовались успехом. Перебравшись из Венеции в 1570 году в Рим, набрался знаний и мастерства. За эти 10–12 лет известным художником он стал, хотя и не особенно знаменитым. Итальянские художественные школы его не устраивали, так же как подражание признанным стилям. По-видимому, он обладал сильным и независимым характером.

В 1577 году Доменико переехал в Мадрид. С этого началась новая полоса не только в его жизни, но и в творчестве. Имя его тоже изменилось: его называли здесь Эль Греко. За несколько лет произошло чудесное превращение средней руки итальянского живописца в гениального испанского. Он окончательно обосновался в Толедо, который, правда, уже стал терять недавнее могущество.

Восприятие произведений искусства всегда индивидуально. Сказываются вдобавок социальные и политические факторы. И дело не только в содержании, скажем, картины, но и в стиле художника. Эль Греко выработал настолько своеобразную манеру письма, что она вызывала споры даже в XX веке. Например, в Большой Советской энциклопедии 1952 года Эль Греко посвящена небольшая статья, где сказано: «Первые написанные в Испании картины Греко еще обладали жизненными чертами, свойственными его работам итальянского периода („Снятие одежд с Христа“, 1579… и др.). Но искусство Греко, особенно его религиозные картины, приобретало все более и более отвлеченно-идеалистический характер; образы становились далекими от жизни, фигуры — бесплотными, их пропорции — подчеркнуто вытянутыми, краски — холодными и мерцающими, линия рисунка — изломанной и беспокойной».

Но в те же годы в том же СССР искусствовед Т. Каптерева иначе осмыслила творения этого живописца:

"Позднее творчество мастера — период приблизительно с 1605 года до его смерти в 1614 году представляет, по существу, принципиальную антитезу новой эпохе и довольно редкий пример искусства, которое не имело почвы для дальнейшего развития. В поздних произведениях Греко углубляется его трагическое и экспрессивное мироощущение, а субъективное заостряется…

Нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей, что субъективизм его творчеств вел лишь к мистическим «прозрениям» души. Поздние произведения мастера обладают гораздо более сложным содержанием, отражая в косвенной форме трагические противоречия кризисной эпохи. Он достиг в них огромной впечатляющей образной силы. В своем искусстве Эль Греко дал пример дальнейшего развития субъективного восприятия мира и в предельном заострении исчерпал его

до конца, найдя при этом возможности для выражения истинной красоты. Не случайно Греко словно сжигал себя в своем искусстве: его мировосприятие все сильнее окрашивалось чувством безысходности, изобразительные приемы принимали все более фантастический, ирреальный характер.

Художественный язык позднего Греко кажется порой совершенно необычным для позднего времени. Деформированные фигуры то напоминают взвивающиеся к небу языки пламени, то уподобляются вытягивающимся отражениям в воде или удлиненным расплывчатым теням. Мастер особенно широко пользуется резкими, неожиданными ракурсами, приемом стремительного изменения масштаба фигур, то внезапно вырастающих, то исчезающих в беспредельной глубине, где стерты грани между землей и небом. Вихревое, взмывающее вверх движение в картинах Греко ничего общего не имеет с иллюзионистическими эффектами барочной живописи, подчиняясь стихии иного, воображаемого мира…"

Почему бывают столь разные, подчас противоположные оценки одного и того же явления в искусстве? Многое зависит от личности и вкуса зрителя (или слушателя). Некоторым людям нравится видеть предельно точное отражение объекта, подобно фотографии. И в этом нет ничего особенного или плохого. Ведь иные фотографии улавливают очень характерную ситуацию или мимику человека. Подобный натурализм бывает очень выразительным.

Однако есть художники стремящиеся преодолеть ограничения зримой реальности; так на плоскости создают иллюзию объема, перспективы. Таким был переход от плоскостных, двухмерных рисунков Средневековья к трехмерным изображениям эпохи Возрождения.

Эль Греко осваивает четвертое измерение живописи — в цвете и линиях передавая душевное состояние, впечатление от тех событий, которые запечатлены на картине.

Вот как пересказывает Т. Каптерева содержание — смысловое и эмоциональное — одной из самых смелых картин Эль Греко «Снятие пятой печати», написанной между 1610–1614 годами и изображающей сцену из Апокалипсиса:

«…Картина, излучающая сверкающее сияние красок, действует буквально гипнотически. На огромном полотне в бездонном пустом пространстве, окутанном вихревым движением перламутрово-голубых, серо-серебристых и розово-сиреневых облаков, изображены мятущиеся бестелесные, безликие существа, судорожно вытянутые фигуры которых словно колеблет движение ветра. Среди этого мира теней на переднем плане до грандиозных размеров вырастает фигура коленопреклоненного евангелиста, который воздевает руки к небу в страстном пророческом экстазе. Редкая красота и как будто превосходящая возможности масляной живописи звучность красок имеют в своей основе глубокое эмоциональное содержание. Каждый образ здесь словно раскрывает в цвете свою внутреннюю тему. Уже само по себе поразительно изображение пророка Иоанна-евангелиста. Его фигура, одновременно вдохновенная и кажущаяся нелепой, напоминающая ствол огромного обрубленного фантастического дерева с тянущимися в небо ветвями рук, окутана

громоздящимися складками одежды. Ее пронзительный светлый, типичный для палитры Греко голубовато-серо-стальной тон — воплощение почти астрального холода, чистоты и одухотворенности. Это цветовое решение выделяет образ пророка как существа высшего и в то же время по контрасту еще сильнее оттеняет экстатический порыв, его неистощимую духовную силу. Напротив, фигуры мучеников — мужчин и женщин, которые, согласно Апокалипсису, в день Страшного суда встают из разверзшихся могил, хотя и призрачны, но в цвете более телесны, как бы вырастают из тона коричневато-розовой почвы. Четыре из них в центре, более светлые и более спокойные, изображены на фоне развеваемого ветром ярко-желтого плаща. Звучание этого тона, сияющего ярче золота, приобретает повышенно-драматический оттенок. В правой части полотна свечение красок гаснет, и отблески желтого мерцают в складках зеленовато-оливковой ткани, поддерживаемой двумя коленопреклоненными мучениками, смуглые тела которых полны трепетного движения. Ирреальность изображенного, резкое искажение форм, интенсивность колорита, тревожное движение скользящего света, то загорающегося вспышками и обесцвечивающего краски добела, то сгущающего их в тени до сумрачной темноты, — все подчинено созданию незабываемого, исполненного страстного внутреннего напряжения художественного образа. Зритель, даже не зная ни названия картины, ни ее автора, не улавливая до конца смысл изображенного, сразу же захвачен трагизмом этого произведения, воплощенным в нем чувством обреченности, смятения, скорби и душевного излома».

Трудно сказать, чем объясняется смелое новаторство Эль Греко. Возможно, тем, что он был сначала воспитан на традициях греческой иконописи, пренебрегающей детальностью и натурализмом изображения во имя идеи, для наиболее полного раскрытия духовной сущности образа. Позже Эль Греко освоил технику итальянских мастеров. А в старинном испанском городе Толедо он словно вспомнил свои детские и юношеские впечатления от икон, обогатив эту манеру художественными достижениями новой эпохи. Так мог окончательно оформиться его ярко индивидуальный стиль.

Резкие световые контрасты, изломанные линии, удлиненные тела, отсутствие деталировки и ярких красок придают его картинам суровую сосредоточенность (заставляющую вспомнить и экзальтацию святых пустынников, и жестокость инквизиции). В поздние годы он порой смело отходил от канонов реализма внешнего, стремясь наиболее полно передать реальность переживаний. Например, в сцене гибели Лаокоона и его сыновей тревожные бело-голубые сполохи на небе странно гармонируют с причудливыми бликами на телах людей. Единственно устойчивое, непризрачное в этом мире — земля и на ней каменные строения города.

…В XX веке была высказана «медицинская» версия особенностей манеры художника: усиливавшийся с возрастом дефект зрения, искажавший (якобы) пропорции фигур и цветовую гамму. Таков, можно сказать, физиологический подход к творчеству, слишком прямолинейно связывающий телесный, духовный, интеллектуальный миры личности. Если, скажем, Брейгель нередко изображал калек, это еще не значит, что он сам был внешне или внутренне ущербен. Телесный инвалид нередко

бывает сильный духом и умом, а физически здоровый человек может оказаться нравственным уродом и умственным калекой. Красота души не столь зрима, как телесная.

Советский русский поэт Николай Заболоцкий, отметив младенческую грацию отзывчивой души у некрасивой девочки, спрашивал:

…А если это так, то что есть красота,
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Эль Греко имел в виду именно этот незримый огонь, отличающий человека от других земных тварей. Художник передавал устремленность к высшему, полет воображения, неутолимую жажду добра и совершенства. Без всего этого жизнь человеческая теряет смысл и значение.

Присущие Эль Греко эмоциональное напряжение, умение видеть духовным взором и передавать в звучных линиях и красках свое впечатление от увиденного наиболее полно воплотились в полотне «Толедо перед грозой». Быть может, кого-то из современных зрителей оно не поразит: мы уже привыкли к импрессионизму XIX века и экспрессивной манере мастеров XX века. Но никто из них, пожалуй, не был настолько искренним, непосредственным, естественным в своих исканиях, как Эль Греко.

РУБЕНС
(1577–1640)

Ни один из великих художников не был крупным государственным деятелем. Исключение составляет Рубенс. Король Карл I Английский посвятил его в рыцари. Ему приходилось бывать на ответственной дипломатической службе. И в то же время он создал огромное количество картин, обычно крупных по размерам и наполненных мощными фигурами преимущественно богов, богинь и героев.

Родился Питер Пауль Рубенс в Зигене (Германия) в семье юриста, эмигранта из Фландрии. Ребенок получил прекрасное образование. В 1589 году семья переселилась в Антверпен. Возможно, отец видел Питера Пауля процветающим адвокатом или важным вельможей. Для этого были неплохие возможности: мальчик получил пост пажа принцессы Изабеллы. Однако его более всего привлекала живопись. Он стал брать уроки у известных голландских художников.

В 1600 году он переехал в Италию. Став придворным живописцем у герцогов Гонзага в Мантуе, побывал с дипломатической миссией в Испании.

Он совершенствовал мастерство, изучая и копируя лучшие произведения итальянских и испанских живописцев. Как дипломат находился при дворах Франции, Англии, но европейскую славу обрел как художник. В 1609 году его пригласили в Антверпен на службу к герцогу Альберту Габсбургу.

Основав собственную мастерскую, Рубенс привлек учеников и помощников, многие картины только намечал и подправлял «кистью мастера». Одним из талантливейших его учеников был Антонис ван Дейк, прославившийся как портретист и лишь на год переживший своего учителя.

Рубенсу принадлежат портреты («Камеристка», «Елена Фоурмен»), пейзажи, сцены сельской жизни и охот («Кермес», «Крестьянский танец», «Охота на кабана»), картины и мифологические сюжеты («Вакх», «Персей и Андромеда») и религиозные («Воздвижение креста», «Снятие с креста»), исторические и аллегорические полотна (цикл «Жизнь Марии Медичи», «Бедствия войны»). Он умел создавать сложные динамичные композиции, находить неожиданные ракурсы, демонстрировать роскошь человеческого тела и воплощать на полотне красоту и радость жизни.

Может показаться, что в его оптимизме нет ничего необычного. Ведь он был, в сущности, важным вельможей, прекрасно принятым в королевских домах. В Антверпене у него был свой дворец и должность главного придворного живописца Изабеллы Австрийской, правительницы Фландрии, которая, надо отдать ей должное, не ограничивала творческие замыслы художника.

Правда, в 1626 году внезапно умерла его любимая жена Изабелла Брант. Несчастье на некоторое время выбило Рубенса из привычной колеи, он перестает писать картины, уезжает в Испанию. Там он женится на Елене Фоурмент, которая была на четверть века моложе его. Брак был счастливым, так что вряд ли можно говорить о каком-то трагическом периоде. Как тут не радоваться жизни!

Но ведь для него, как для любого талантливого человека, наивысшую радость доставляло творчество. Будь иначе, он не оставил бы такого гигантского объема преимущественно первоклассных работ. Это действительно был результат нелегкого труда и вдохновения.

Да, на его полотнах — пышнотелые красавицы, преобладает радостное или торжественное движение, а то появляется компания весельчаков с пьяным богом вина. (Помнится, при мне перед этой картиной в Музее изобразительных искусств им. Пушкина в Москве остановился мужчина средних лет, оценил габариты персонажей и настроение и с удовлетворением прочитал надпись: «Пьяный силен»). Таким было его представление о полнокровной красоте и кипении жизни. Только не следует забывать, что его вакханалии — явление искусства, а не личной биографии. Его не привлекали гульбища и пиршества, легкодоступные развеселые женщины, праздное существование. Неужели труд — привлекательнее беззаботного безделья или обеспеченной дипломатической службы?

У Рубенса было именно так. И не только потому, что он был талантлив и умен, а потому не мог опуститься до бездумного состояния. Как обычно бывает в истории, духовный подъем охватил всю страну. Творческие личности появляются не из-за прихотливого и случайного соединения генов, обеспечивая врожденную гениальность. Такое примитивное представление о сущности таланта опровергается сотнями, тысячами примеров. Вот и Рубенс вовсе не имел в своем роду людей с художественными наклонностями. Да и не только он был выдающимся творцом в Нидерландах того времени. Достаточно вспомнить имена великих художников — ван Дейка, Халса, Иорданса, Снейдерса, Рембрандта; переехавших в Нидерланды французского философа и математика Рене Декарта, чешского педагога и мыслителя Яна Амоса

Коменского. На одной из своих картин начала XVII века Рубенс изобразил своих соотечественников — гуманиста Юсиа Липсия (под бюстом римского философа-стоика Сенеки) и Гуго Греция, автора трудов по юриспруденции, обсуждающих с третьим ученым какую-то книгу. За ними стоит сам автор картины, прислуживающийся к разговору.

Итак, страна была на подъеме. Тяжелейшая борьба за независимость Нидерландов от испанского владычества завершилась победой (хотя и неполной). Сказались разгром «Непобедимой армады» Испании у британских берегов и общее ослабление этой великой — на то время — державы, процветавшей за счет завоеваний и грабежа государств Нового Света. В отличие от этого Нидерланды жили трудом своих граждан и активностью купцов, предпринимателей. В Амстердаме была основана Ост-Индская компания (1602), которая вела торговлю с восточными странами, и общественная биржа (1609), значительно более надежная, чем частные, а потому пользовавшаяся огромным авторитетом. Как писал известный французский историк Фернан Бродель, «амстердамские биржевые игры достигли такого уровня усложненности и ирреальности, который надолго сделал из этого города исключительное место в Европе — рынок, где не довольствовались покупкой или продажей акций, играя на повышение или на понижение, но где умная игра позволяла вам спекулировать, даже не имея на руках ни акций, ни денег. Именно здесь было раздолье маклерам».

Конечно, подобная лихорадочная активность позже обернется упадком, но поначалу она содействовала расцвету страны, поощряя труд и торговлю. Показательна в этом отношении картина Говерта Флинка (1615–1660), воспроизводящая сюжет времен республиканского Рима: «Марк Курций Дентато отвергает золото врагов, предпочитая блюдо репы». (Как тут не вспомнить слова Пушкина об основе процветания государства: «Не нужно золота ему, / Когда простой продукт имеет».)

О воздействии окружающей общественной среды на творчество убедительно писал, в частности, Ипполит Тэн. По его словам, после бедствий войны и разрухи «…мир кажется раем; человек радуется не потому, что ему очень хорошо, а потому, что настоящее положение лучше, неизмеримо лучше прежнего… Все самые обыденные действия получают особую прелесть и интерес: люди оживают и как будто начинают жить впервые. При подобных обстоятельствах всегда возникают творческая литература и самобытное искусство. Только что испытанное великое потрясение стирает с вещей однообразный налет, которым покрыли их предание и привычки. Открывают человека: видят основные черты его обновленной и преображенной природы; схватывают его сущность, его затаенные инстинкты, могучие силы, отражающие его племенные особенности и направляющие ход его истории; через полстолетия их не будут замечать, потому что они уже приковывали внимание в продолжение полувека; но покамест все свежо, как в первый день творения… Рубенс, будучи ребенком в изгнании, подле заточенного в темницу отца, слышал у себя дома и вокруг отголоски бури и крушения. После деятельного поколения, которое страдает и созидает, является поэтическое поколение, которое пишет, рисует или ваяет. Оно дает яркое и полное выражение энергии и стремлениям мира, основанного его отцами. Вот почему

фламандское искусство возвеличит, воплощая в героических типах, чувственные инстинкты, грубую и буйную радость, суровую энергию окружающих душ и обретет Олимп Рубенса…»

РЕМБРАНДТ
(1606–1669)

Завершив предыдущий очерк высказыванием И. Тэна, придется начать этот с мнения бельгийского поэта Эмиля Верхарна, который считал, что гений Рембрандта проявлялся вне связи с обстоятельствами места и времени:

"Рембрандт мог родиться где угодно и когда угодно. Его искусство осталось бы тем же самым в любое время… Для своего времени он свершил работу Данте (XIII век), работу Шекспира и Микеланджело (XVI век), а иногда он заставляет вспоминать и о пророках. Он стоит на тех высотах, которые господствуют над вершинами, расами и странами. Нельзя сказать, откуда он происходит, так как родина его — весь мир.

Его можно объяснить, только приняв во внимание самопроизвольность и широкую независимость гения. Конечно, ни один художник не может совершенно уберечься от влияния окружающего, но частица собственной души, которую он уступает окружающему, разнообразна до бесконечности.

Такие пламенно закаленные души налагают на действительность печать своей личности, вместо того чтобы испытывать на себе ее влияние. Они дают много больше, чем берут. И если потом, на расстоянии веков, нам кажется, что они лучше всех выражают свое время, то это потому, что они преобразили его, запечатлели не таким, каким оно было, а таким, каким они его сделали… Голландия XVII века была далека от Рембрандта. Она его не поняла, не поддержала и не прославила… На собственном примере он понял, что толпа отдает предпочтение посредственности. Он был слишком необыкновенным, слишком таинственным, слишком великим".

Безусловно, великие гении принадлежат всему миру. И все-таки они всегда «произрастают» на вполне определенной «почве», проходят свой неповторимый жизненный путь.

Харменс ван Рейн Рембрандт родился в семье мельника и с детства был знаком с нелегкой жизнью простого люда. Стремясь получить хорошее образование (в эпоху Просвещения оно стало цениться высоко), он поступил в Лейденский университет. Однако по-настоящему его притягивал мир живописи, а не научные сферы.

Рембрандт стал работать в художественной мастерской. Переехав в 1632 году в Амстердам, быстро приобрел популярность как портретист; картина «Урок анатомии доктора Тулпа» имела особенно большой успех. Художник получил много выгодных заказов. Но один из них — полотно «Ночной дозор» — не удовлетворил заказчиков, желавших видеть свои парадные портреты, а не реалистичные. Рембрандт «вышел из моды», обеднел, даже был вынужден продать имущество с торгов.

Семейная жизнь его также сложилась драматично. Умерла любимая жена Саския ван Эйленборг («Автопортрет с Саскией» получил широкую известность), рано скончалась и вторая жена Хендрике Стоффельс, а также трое из четырех его сыновей. Последние годы жизни художник провел в одиночестве.

Если сравнить, скажем, биографии Рубенса и Рембрандта, то станет очевидна зависимость творчества и отчасти стиля, манеры художника от особенностей и превратностей его жизненного пути. В отличие от Рубенса Рембрандт не интересовался глубоко философией или науками, не был вхож как равный в высшее общество. Верхарн, подчеркивая самобытность художника, приводит пример резко отличавшихся от Рембрандта нидерландских мастеров бытописателей, чаще всего выполнявших по определенному канону портреты важных лиц или воспроизводивших непритязательные жанровые сценки. Но почему бы на этом фоне «середнячков» не появиться гению, глубже и своеобразней понимающему человеческие чувства, стремящемуся проникнуть за пределы очевидности? Русский историк искусства художник Александр Бенуа причислял Рембрандта к мастерам, "творившим произведения ирреальные и фантастические по существу, однако убедительность коих покоится не на чем ином, как на бесподобном знании видимости — на «реализме».

Рембрандт не приукрашивал реальность и не создавал картины на потребу заказчикам. Одно это уже резко отличало его от многих живописцев-современников. Он никогда не терял чувство собственного достоинства.

В первой его крупной работе, написанной в Амстердаме в 1632 году, — «Урок анатомии доктора Тульпа» — видна рука мастера. Четыре внимательных слушателя в разной степени выражают интерес, любознательность; две крайние левые фигуры демонстрируют равнодушие и «самодостаточность»; сзади над всеми возвышается… сам художник, который смотрит прямо на зрителя. Здесь же, за его спиной подпись: «Рембрандт».

На следующий год он пишет «Снятие с креста»: обагренное кровью распятье, безжизненное тело с упавшей на бок головой; спокойно наблюдающий происходящее богатый толстяк, напряженные усилия тех, кто поддерживает Христа. Полнейший реализм ситуации не дает и намека на нечто сверхъестественное и символическое… если бы не золотистое свечение центральной части композиции, показывающее необычайность события, и светящееся полотнище, устремленное в небеса (которые мрачны, что соответствует евангельскому описанию: «От шестого же часа тьма была на всей земле до часа девятого»).

…Если Рембрандт не старался потакать вкусам буржуа или аристократов, то это не означает, будто он существовал вне времени и пространства. Да, многие его картины посвящены библейским преданиям, персонажи облечены в причудливые одеяния, но при этом фантастические образы имеют земные черты. Обнаженные тела Данаи или Вирсавии далеки от идеала, предельно жизненны, но озарены светом взгляда любящего человека. То, что поздний период творчества Рембрандта носит печать трагизма, неудивительно, хотя обрушившиеся несчастья он переносил стоически. В одной из последних его работ — гениальном полотне «Возвращение блудного сына» — коленопреклоненный юноша в рубище и с израненными ступнями припадает к отцу. Не так ли завершается круговорот жизни от надежд и исканий юности к печально умудрейной старости? Но далеко не каждому удается, как Рембрандту,

пройти этот путь, не теряя своей индивидуальности, сохраняя чувство достоинства и верность своим идеалам. Хотя именно эти качества присущи едва ли не всем подлинным гениям.

БАХ
(1685–1750)

Он открывает ряд величайших композиторов мира. Не потому конечно же, что до него не было талантливых создателей музыкальных произведений. Восхищались только исполнителями, считая авторство делом второстепенным. Да и он при жизни был прославлен главным образом как виртуоз-органист, непревзойденный импровизатор.

Из его двадцати детей (он был дважды женат) четверо стали известными музыкантами, исполнителями: Вильгельм Фридеман, Карл Филипп Эмануэль, Иоганн Кристоф Фридрих, Иоганн Кристиан. Порой кто-то из них становился модным, пользовался большим успехом и вроде бы затмевал славу отца. Но только творения Иоганна Себастьяна выдержали испытание временем и поныне продолжают волновать и вдохновлять людей.

Искусствоведы обычно подчеркивают глубокую религиозность Баха. Например, И.Г. Левашева пишет:

«Человек очень простой и скромный, Бах как-то сказал ученикам, что каждый из них сможет достичь таких же вершин мастерства, если будет трудиться не менее самозабвенно и прилежно. Это не значит, что Бах преуменьшал свое дарование и творческие достижения. Просто композитор не упомянул еще три очевидных для него обстоятельства: истую веру в бога; повседневное следование словам и деяниям Иисуса Христа — особенно заповедям любви и жертвенности; наконец, желание и умение раскрыть всю свою душу навстречу Святому Духу — носителю творческого начала».

Надо сказать, за последние годы в России стало слишком модно (к сожалению, приходится употреблять это слово) ссылаться на Бога и связывать духовную культуру только или преимущественно с религией. Конечно же такой взгляд недопустимо упрощен. По отношению к Иоганну Себастьяну Баху он ничего не объясняет. Начнем с того, что «великим Бахом» называли в протестантской Германии XVIII века Карла Филиппа Эмануэля (1714–1788), а не его отца. Лишь в 1829 году, через 100 лет после создания, были исполнены гениальные «Страсти по Матфею» Иоганна Себастьяна (дирижировал выдающийся композитор Ф. Мендельсон-Бартольди). С этого момента интерес к его произведениям стал расти, а слава распространяться в самых разных странах, включая атеистический Советский Союз. Поэтому, нет нужды ограничивать проявления высокой духовности принадлежностью к какому-либо религиозному направлению.

Рихард Вагнер, к слову, отметил присутствие в творениях Иоганна Себастьяна духа немецкого народа. В отличие от пышной торжественности католической музыки, писал Вагнер, «в старой протестантской церкви господствовал простой хорал, который пела вся община в сопровождении органа. Вот это-то песнопение, чье благородное достоинство и неприкрашенная чистота могли возникнуть лишь в скромных благочестивых сердцах, должно рассматриваться как истинное немецкое достояние. Само

построение хорала близко характеру немецкого искусства, в его коротких популярных мелодиях запечатлена любовь народа к песне… Богатые и исполненные силы гармонии, положенные в основу мелодий немецкого хорала, свидетельствуют о глубоком художественном чутье нации. Хорал — одно из примечательнейших явлений в истории искусства — можно смело считать основой всей протестантской церковной музыки; именно на ней воздвигал художник самые великолепные свои здания… Самые выдающиеся образцы этого жанра принадлежат Себастьяну Баху, который вообще является крупнейшим протестантским композитором».

Дело, конечно, не в особенностях протестантской церкви, а в ее простоте и народности, подчеркивающей человечность Иисуса Христа. Нет сомнения, творчество Баха вдохновлялось христианскими идеалами. Вагнер писал: «Музыка страстей, принадлежащая почти исключительно великому Себастьяну Баху, воссоздает мученический путь Спасителя в том виде, как он был описан евангелистами; весь текст Евангелий дословно положен на музыку; кроме того, в отдельных частях повествования в него включены и подходящие к данному эпизоду стихи из церковных песен, а в важных местах даже целые хоралы, которые действительно поются всей общиной. Таким образом, исполнение страстей носит характер большого религиозного празднества, в котором принимают участие и музыканты и община. Какое богатство, какая полнота искусства, какая сила, ясность и наивная чистота заложены в этих единственных в своем роде творениях! В них проявилась вся суть, все внутреннее содержание немецкой нации, эти великолепные творения вышли из самого сердца, из жизни народа».

Последнее замечание наиболее точное, но все-таки требующее дополнения. Возникнув на конкретной национальной почве в определенное время, творчество Баха выразило нечто значительно большее, свойственное природе человека во все времена. Поэтому его произведения не очень благосклонно принимали современники, и соплеменники-протестанты в отличие, скажем, от советских атеистов XX века.

Почему так получилось, помогает понять биография Баха. Не потому, что она изобилует разнообразными событиями и неординарными поступками. Напротив, она совершенно обыденна. Родился он в семье органиста, усердно учился и рано овладел игрой на органе, клавире и скрипке С 1703 года работал самостоятельно в Веймаре придворным скрипачом, затем церковным органистом в Арнштадте и в нескольких немецких городах. С 1723 года до конца жизни в Лейпциге был регентом и органистом в церкви Св. Фомы, преподавал музыку.

Огромное количество сочинений (около тысячи) не принесло ему даже сносного материального достатка. А ведь его трудолюбие было необычайным, создавал он сложнейшие полифонические произведения и был знаменитым музыкантом-исполнителем. Одних только духовных кантат у него более 200, некоторые из них объединены в оратории; много органных прелюдий, фуг и токкат (для них характерен четкий ритм, быстрое движение). Наиболее известны из крупных сочинений «Страсти по Иоанну», «Страсти по Матфею», «Второй бранденбургский концерт».

Каким образом заурядная биография человека, не покидавшего родную Германию, почтенного семьянина с внешностью бюргера могла

способствовать великим творческим достижениям? Сказалась особенность данного вида искусства, требующего прежде всего сосредоточенности на своем духовном мире, а не поисков внешних впечатлений. Музыка если и передает мысли, то через эмоции, вызванные сочетанием звуков, ритмов, интонаций, мелодий. Она вызывает сопереживание, а через него и понимание — порой на подсознательном уровне — того, что желает передать композитор.

Музыка — язык, понятный тем, кто способен ее воспринимать и чувствовать. Это хорошо видно на примере сочинений Баха. Предназначенные для протестантских церквей первой половины XVIII века, они до сих пор продолжают глубоко волновать любителей классической музыки. Хотя за последние десятилетия относительное количество подобных меломанов неуклонно сокращается. Началась эра иной музыки, пробуждающей бурные неуправляемые эмоции, лишенные высокой духовности, наркотизирующей сознание. Таковы результаты внедрения электронными средствами массовой «поп-культуры». Как до времен Иоганна Себастьяна колоссальным успехом пользуются исполнители; авторов часто даже не упоминают. И это, к сожалению, оправдано во многих случаях, ибо произведения, сочиняемые на потребу непритязательной публики, обращены не к личности, а к толпе, жаждущей развлечений, отвлечения от жизненных проблем и глубоких переживаний.

Из этого еще не следует, что так называемая легкая светская музыка не имеет права на существование. Ведь Иоганн Себастьян сочинял и ее тоже; есть у него кантаты «Крестьянская» и «Кофейная» (типа комической оперы), «Состязание Феба и Пана» (то есть возвышенная и жанрово-бытовая музыка). Кстати, такое светское направление развивал Иоганн Христиан Бах (1735–1782), младший сын великого композитора.

…С древних времен пение и танец давали выход человеческим эмоциям: радости, печали, беззаботному веселью и глубокому горю. Прошло много веков, были изобретены многочисленные музыкальные инструменты, создана музыкальная грамота. Композиторы получили возможность выражать в музыке свои чувства и, отчасти, мысли, свое отношение к миру и человеку, его предназначению, к смыслу жизни и смерти. Первым, кому удалось сделать это с необычайной силой и выразительностью, был Иоганн Себастьян Бах. Сначала его величие оценили только выдающиеся музыканты, затем его творчество стало находить отклик в сердцах тысяч, миллионов людей. И если во второй половине XX века ситуация стала кардинально меняться, если он становится ценим и понятен только постоянно уменьшающемуся кругу меломанов, а огромные толпы на стадионах и десятки, сотни миллионов потребителей-слушателей предпочитают нечто совершенно иное, зовущее отнюдь не ввысь, значит, глобальная цивилизация перешла в болезненное состояние. Свершится ли возврат к Иоганну Себастьяну Баху?

ГОЙЯ
(1746–1828)

Его жизненный и творческий путь был необычайно контрастен. Выйдя из низших слоев испанского общества, он стал придворным живописцем, попал в круг высшей знати. Его ранние работы ничем не примечательны; в тридцатилетнем возрасте он пишет прелестные картоны

для гобеленов королевского дворца — светлые, легкие, отчасти в итальянской манере. А поздние офорты и картины нередко мрачны, пропитаны горечью, сарказмом, а то и ужасом.

Таков странный феномен: художник, достигший высокого положения в обществе, признания и материального благополучия, утрачивает оптимистический взгляд на жизнь, хотя в то же время обретает яркую индивидуальность и становится выдающимся мастером.

Родился он в Сарагосе (Испания) в семье ремесленника из крестьян. Мальчишкой пошел работать помощником мастеровых, которые расписывали местный собор. Овладел основами ремесла и был принят в художественную мастерскую. Двадцатилетним юношей переехал в Мадрид, а затем побывал в Италии (Рим, Парма). Вернувшись в 1771 году в родной город, выполнил первую крупную работу — фрески церкви Аула Деи.

Хосе Ортега-и-Гассет писал: "Он поселяется в Мадриде около 1775 года; ему двадцать девять лет. До этого в Сарагосе и в Италии он вел самое заурядное существование мастерового. В Италии он увидел не больше, чем любой другой молодой художник того времени. Он не почерпнул из итальянского искусства и ничего самобытного. Он приезжает в Мадрид без каких-либо творческих замыслов, без вдохновения, приезжает попросту заниматься своим ремеслом и с помощью этого ремесла зарабатывать себе на жизнь… Влачит самое будничное существование: не знается почти ни с кем, кроме сотоварищей по ремеслу, среди которых никто ничем не блистал — ни успехами в искусстве, ни особым молодечеством. До 1783 года, если не считать фресок в храме Пресвятой Девы дель Пилар и «Проповеди св. Бернардина» в храме Св. Франциска Великого, Гойя, по-видимому, занят исключительно тем, что поставляет картоны для гобеленов на королевскую фабрику. Должно быть, тогда не было спроса на его картины. Вельможи заказывали портреты Менгсу, Вертмюллеру и другим иностранцам. А Гойя принадлежал к многочисленному цеху малозначительных придворных художников. Глухие, медлительные годы… Это ремесленник, занятый монотонным, повседневным трудом. Его заботит лишь продвижение по службе, он стремится во что бы то ни стало отыскать лазейку и проникнуть в более высокие сферы.

И все же картоны, хотя и медленно, создают художнику имя. Примечательно, что первыми им начинают интересоваться самые выдающиеся архитекторы той эпохи: Сабатини, Вильянуэва, Вентура Родригес. Последний предоставляет ему возможность написать портрет инфанта дона Луиса… Чуть позже Гойя начинает писать портреты людей выдающихся, в частности, одного из первых — архитектора Вентуры Родригеса. Эти портреты, как попутный ветер, выносят Гойю в открытое море. В 1786 году он назначен королевским живописцем".

По какой-то причине Ортега-и-Гассет не упомянул о важном событии в жизни Гойи, которое существенно помогло его карьере: женитьба на сестре преуспевающего художника Байсу, который вскоре стал первым живописцем при королевском дворе и президентом мадридской Академии художеств. Безусловно, не прояви Гойя своих талантов, никто не стал бы заказывать ему портреты, картины. И все-таки без протекции войти в круг знатных особ было бы невероятно трудно, и

вряд ли он был рано — в 1780 году — принят в Академию художеств. Стремился ли художник к этому? Возможно. Хотя «высшее общество» его быстро разочаровало. Приходилось приспосабливаться к нему, что для талантливого человека если и не очень трудно, зато унизительно.

Итак, пишет Ортега-и-Гассет:

"К 1790 году меняется социальное окружение Гойи, а вместе с ним и вся его жизнь. Он знакомится и начинает общаться с мужчинами и женщинами, принадлежавшими к самой влиятельной знати, а одновременно и с писателями и государственными деятелями — сторонниками «просвещения». И тот, и другой круг явились для Гойи откровением. До сих пор он жил как живут все испанцы, как они жили всегда, с растительной непосредственностью отдаваясь насущным нуждам. Теперь перед ним люди, для которых существовать — значит постоянно переживать стихийные порывы, отливать себя в идеальные формы, выработанные человечеством… Необразованный тугодум, он не до конца понимает услышанное, но схватывает нечто основное: не следует поддаваться стихийному порыву, ни собственному, ни коллективному…

Это первый урок, из которого Гойя извлекает пользу. А ему уже сорок лет! Необходимость размышлять, сосредоточиваться на самом себе перерождает его. Перед ним — все тот же мир, в котором он жил до этого, но мир преображенный. Непосредственность привычки приостановлена — и самое близкое становится далеким и чуждым. Тогда-то Гойя и открывает вокруг себя испанское. Тогда, а не раньше Гойя начинает писать картины на национальные темы…"

Возможно, испанский философ несколько перемудрил, полагая будто, только отдалившись от народа, Гойя приобрел интерес к национальным темам. Ортега старался обходить социальные причины, влияющие на творчество каждого гения, хотя и в разной степени. Такова была, по-видимому, реакция на то, что искусствоведы-марксисты обычно преувеличивали значение этого фактора.

Гойя всегда оставался человеком из народа, который попал в новую для себя среду, чувствуя себя в ней не вполне уверенно. У испанцев не было принято раболепствовать перед знатью, и Гойя наверняка сохранял чувство собственного достоинства.

А «элита» страны переживала упадок и вырождение. Не случайно на одном из знаменитых офортов Гойи «Капричос» (т. е. «Капризы», «Причуды») изображены два крепких деревенских парня, держащих на спинах горделивых увесистых ослов. И подпись: «Ты, которому невмоготу» (другой вариант перевода: «Пусть тебе не мило — тащи через силу»).

"В этой сложной и трудоемкой технике, — пишет искусствовед Е.В. Нетесова, — Гойя создал альбом ни на что не похожих произведений, собрав в них целый сонм диковинных персонажей: женщин, простых и знатных, щеголих и модниц, красоток и страшилищ — они кривляются перед зеркалами, прогуливаются, выглядывают из пышных карет, стоят у позорных столбов, перед трибуналом инквизиции, окруженные богачами, простаками, женихами, полицейскими, монахами, полчищами призраков и демонов. Все несется в бешеном карнавале, с лиц слетают маски, обнажая личины, и у невесты, выступающей в свадебном шествии, оказывается второй, звериный облик, вьющиеся вокруг гости обращаются в птиц, а

старухи-дуэньи в мартышек… И чуть ли не в каждом листе мелькает сам художник, тоже в разных обличиях…

Одно из самых грандиозных творений художника, над которым еще долго будут думать люди, открывая в нем все новый и новый смысл, — лист «Сон разума рождает чудовищ». Здесь перед нами сам Гойя, он тоже принадлежит этому безумному миру, упал головой на стол и закрыл лицо руками — спит или мучается в отчаянии и страхе? Со всех сторон обступают его звероподобные и птицеобразные, ведьмы, совы, нечисть, в облике которой нет-нет да и проступят человеческие черты, лица друзей и врагов, возлюбленных и изменниц. Только на минуту успокоится, заснет человеческий разум — быть беде!"

Абсолютное господство формальной религии, соединенной с ханжеством, лицемерием и тупостью, порождает не ангельские лики, а страшные рожи — предрассудки, суеверия, мракобесие. Имущие власть и богатство пытаются с помощью церкви удержаться на вершине социальной пирамиды, подавить народ своими ослиными тушами. Но и они отрешаются от разума, продаются во в власть чудовищ — алчности, лжи, разврата, слабоумия. Отказываясь от ясного осознания реальности, человек обречен на моральную и интеллектуальную деградацию. (Не так ли может произойти и с человечеством?)

…Возвращаясь к теме народного творчества Гойи, обратим внимание на его картину «Нападение на почтовую карету» (1787). Безмятежный прекрасный пейзаж, лесная дорога, просветы сине-голубого неба, одинокая карета со спокойно стоящим человеком на козлах. Но в руках его ружье, а на земле два мертвых охранника и над третьим занес кинжал разбойник. А еще два бандита обирают богатую пару, стоящую перед ними на коленях. Жесты отчаяния ограбленных не вызывают сочувствия зрителя, деловитые разбойники — тоже. Свершившееся воспринимается как нечто естественное («грабь награбленное!»).

Возможно, так поначалу воспринимал художник и Великую французскую революцию. Но когда она, переродившись в наполеоновскую монархию, начала захватнические войны, Гойя отозвался на это серией офортов «Бедствия войны» и картинами «Борьба на Пуэрта-дель-Соль», «Расстрел французскими солдатами испанских повстанцев» — крик боли за свой народ. Ибо все здоровые силы Испании оставались именно в народе, а не в прогнившем государстве и выродившейся аристократии.

Трагическое восприятие жизни усугубилось у Гойи усиливавшейся глухотой. Он все более погружался в свой внутренний мир, личные переживания. В начале XIX века он еще создает произведения жизнерадостные; чувственность и тайна женщины переданы им в картинах «Маха одетая» и «Маха обнаженная». Но позже его все сильней одолевают тяжелые, безнадежные мысли, а фантазия порождает чудовищ. Уже в преклонном возрасте он эмигрировал в 1824 году во Францию; умер в городе Бордо.

…У многих великих деятелей искусства со временем менялось отношение к действительности. Надежды и радостные порывы юности сменялись рассудительностью зрелости и трагизмом старости. Это не зависело от материального положения художника или композитора. По-видимому, сказывался возраст, приближение смерти. Но вряд ли

причина была сугубо физиологическая. Скорее, все настойчивее начинали одолевать мысли о судьбах народов и всего человечества.

На одном из запрещенных властями офортов Гойи показан измученный крестьянин, обрабатывающий мотыгой скудную землю. Рядом стоит женщина, указывающая на светлую, пронизанную солнцем даль с возделанными полями, снопами, плодоносными садами. И подпись: «Вот истина».

Что это? Гимн свободному труду, который — и только он — может принести народу радость и благосостояние? Или перед трудящимся всегда будет маячить лишь недостижимый идеал?

А может быть, мысли и чувства Гойи наиболее полно выразили фрески, которыми он покрыл стены своего дома в последние годы жизни. Одна из них, едва ли не самая страшная, — «Сатурн, пожирающий своих детей»; ужасный символ обезумевшего человечества, раздирающего самое себя, уничтожающего в ярости и алчности свое будущее.

МОЦАРТ
(1756–1791)

Жизнь его овеяна легендами, хотя известна до мелких деталей. Пушкин в трагедии «Моцарт и Сальери» показал столкновение одухотворенного творца с упорным и завистливым ремесленником, лишенным божественного дара, а потому способного на злодейство. Однако версия об отравлении Моцарта недостоверна, да и Сальери не мог быть причастен к убийству хотя бы потому, что при жизни был прославлен больше него, да и сам обладал немалым талантом.

Моцарт — редчайшее явление в мировой культуре. Он был чрезвычайно одаренным ребенком, имевшим небывалый успех. В подобных случаях очень немногим удается сохранить свою яркую индивидуальность, не привыкнув угождать публике.

Решающую роль в его судьбе сыграл отец — Иоганн Георг Леопольд, который был скрипачом, композитором и замечательным педагогом. Он служил придворным музыкантом в капелле архиепископа в Зальцбурге (Австрия). С младенчества его сына — Вольфганга Амадея сопровождала музыка. Уже с четырех лет Амадей играл на скрипке и клавесине, с пяти начал сочинять музыку, с восьми — сонаты и симфонии, а еще через три года — оперы. Пожалуй, только в музыке может столь рано проявиться гениальность.

Леопольд Моцарт со своим шестилетним сыном и старшей дочерью начал гастролировать по европейским странам. Они побывали в Вене, Париже, Лондоне, городах Швейцарии, Германии. Их выступления в некоторой степени напоминали цирковые аттракционы. Музыковед А.С. Виноградова приводит такое приглашение:

"Сегодня, 30 августа, в 6 часов вечера состоится последний концерт, устроенный по требованию известных в городе любителей и музыкантов. Двенадцатилетняя девочка и семилетний мальчик будут играть на клавесине и флигеле (рояле. — Авт.) труднейшие произведения великих композиторов; кроме того, маленький виртуоз исполнит концертную пьесу на скрипке; будет аккомпанировать симфонии (в XVIII веке оркестром управлял обычно капельмейстер, который подыгрывал басовую партию на органе или клавесине. — Авт.); на закрытой платком клавиатуре исполнит

совершенно свободно несколько фуг и прелюдий; далее он будет брать на всевозможных инструментах тоны и аккорды, соответствующие удару часового маятника, звону шпор, звуку свистка и т. п. После этого он будет импровизировать на клавесине, органе и флигеле…

Плата за вход — 1 талер".

Несмотря на огромный успех гастролей, богатства они не принесли и, по-видимому, серьезно подорвали здоровье ребенка. Он вызывал восторг слушателей прежде всего как виртуоз-исполнитель. А в 14 лет ему довелось уже дирижировать в Милане исполнением своей оперы «Митридат, царь Понта». В том же 1770 году его после специального испытания избрали в члены прославленной Филармонической академии в Барселоне.

Он вынужден был служить капельмейстером у Зальцбургского архиепископа, который подчас обращался с ним, как с лакеем. Вольфганг пытался обрести свободу, отправлялся в гастрольные поездки, но его искусство не находило признания. Он уже не привлекал внимания как вундеркинд и был слишком молод для создания выдающихся произведений. В 1782 году он женился; пришлось заботиться о семье. Он давал уроки и концерты, выполнял заказы на музыкальные произведения. В Вене была поставлена его комическая опера «Бельмонт и Констанца, или Похищение из сераля», а через четыре года другая — «Директор театра», а также «Свадьба Фигаро», по революционно направленной против аристократии пьесе Бомарше «Безумный день». (Как писал Пушкин: «Бомарше влечет на сцену, раздевает донага и терзает все, что еще почитается неприкосновенным… Старая монархия хохочет и рукоплещет. Общество созрело для великого разрушения».) Венские аристократические круги встретили «Фигаро» с прохладцей. Зато на следующий, 1787 год в Праге она имела шумный успех. Для чешской публики он написал оперу «Наказанный распутник, или Дон Жуан», принятую в Праге с неменьшим восторгом и провалившуюся в Вене.

Моцарт собирался покинуть Австрию, когда император Иосиф II предложил ему должность придворного композитора — освободившуюся после смерти великого Кристофа Виллибальда Глюка. Пришлось сочинять танцы для балов, маскарадов, комическую оперу «Все они таковы».

По обычаю того времени тексты опер писались на итальянском языке, да и характер музыки во многом соответствовал считавшейся образцовой итальянской школе (духовые сочинения Баха были принципиально иными, предназначенными для пространства храма, а не театральных подмостков). У Вольфганга Амадея была мечта, о которой он рассказал в 1777 году отцу. «И как любили бы меня, если бы я помог подняться немецкой национальной сцене и в области музыки! И мне это наверное удалось бы». Осуществилась его мечта в 1791 году, когда была поставлена — на немецком языке — его опера «Волшебная флейта».

Часто биографы подчеркивают, что Моцарт жил в бедности, умер в нищете, а потому похоронен в общей могиле. Однако, по некоторым данным, его скромное материальное состояние объясняется не столько тем, что он мало зарабатывал, сколько небрежным отношением к деньгам и большими расходами. Работал он много, проявил свой гений в самых разных жанрах, сочинил 41 симфонию и 27 концертов для фортепиано. Но

следует помнить, что, несмотря на недолгую жизнь, он отдал музыке 30лет.

За последние три года жизни, словно предчувствуя приближение смерти, Моцарт кроме «Волшебной флейты» и множества небольших сочинений создает три симфонии (среди них — «Юпитер») и полный трагизма «Реквием». Этот заказ на заупокойную мессу приводит его в мистическое состояние, вызывает сильное душевное потрясение. Он сообщает в письме: «Мысли путаются, силы слабнут, а образ незнакомца всюду преследует меня. Он постоянно торопит меня, упрекает и требует заказанной работы. Я продолжаю композицию, потому что работа утомляет меня меньше, чем бездействие. Чего мне страшиться? Я чувствую, близок мой час! Близка моя смерть!»

Теперь уже трудно отделить переживания и образы, созданные воображением Моцарта, от происходивших событий, в которых он видел нечто символическое. Можно согласиться с мнением А.С. Виноградовой:

"Потомки, разбирая архивные документы в надежде найти подтверждение или опровержение разным версиям, не способны, однако, воссоздать подлинный диалог Моцарта со Смертью; их обмен репликами был непонятен для чужих ушей; нам доступны лишь обрывки, записанные или слышанные кем-то.

Пусть тайна останется тайной.

Следующим поколениям было завещано бесценное достояние: оперы и симфонии, фортепианные и скрипичные концерты, квартеты, сонаты — словом, вся музыка Моцарта и в ней — его душа, обретшая бессмертие".

БЕТХОВЕН
(1770–1827)

У Рихарда Вагнера есть рассказ-воспоминание «Паломничество к Бетховену». И действительно, для некоторых людей приобщение к музыке, а потому и к личности Бетховена сродни священнодействию. Он относится к числу тех гениев, сила и глубина творчества которого открываются не каждому.

Людвиг ван Бетховен происходил из семьи профессиональных музыкантов, выходцев из Фландрии. Дед его был руководителем придворной капеллы в Бонне, а отец певчим в ней.

Людвиг рано научился играть на флейте, скрипке, клавесине, органе. Уже в 15 лет он стал помощником органиста капеллы и концертмейстером придворного театра. В 1787 году Бетховен посетил в Вене Моцарта, взял у него несколько уроков и удостоился похвалы маэстро за фортепианные импровизации. Через 5 лет Бетховен переехал в Вену, учился у великого Иосифа Гайдна и с большим успехом гастролировал в Праге, Берлине, Дрездене.

Усиливавшаяся глухота заставила его отказаться от концертной деятельности. А его завораживающие фортепианные сонаты — «Аппассионата», «Лунная» и другие — продолжали (и продолжают) звучать в исполнении музыкантов разных стран и народов.

Бетховенская опера «Фиделио», трудная и для вокалистов, и для восприятия неподготовленного слушателя, не имела большого успеха.

Подлинным титаном, борцом за духовное освобождение человека предстает Бетховен в своих симфониях. Его вдохновляли революционные

выступления конца XVIII века. Третью (Героическую) симфонию он предполагал посвятить Наполеону, но когда тот стал императором, композитор отказался от этого посвящения. В 9-й симфонии звучит хор «К радости» на слова Шиллера, призывающий людей объединиться во имя свободы, братства.

Симфонии и увертюры («Эгмонт», «Леонора», «Кориолан») передают горести и радости людей, мучительные' переживания и сомнения, жестокие удары судьбы, страх смерти и героический энтузиазм человека, преодолевающего трудности и невзгоды, превозмогающего немощи плоти.

Бетховен подобен Баху простотой своей биографии и полнотой внутренней духовной жизни. Но жил он в другое время, в период «бури и натиска», и был захвачен мощными социальными движениями масс. Не случайно на начало XIX века приходится творчество целого ряда гениев в разных областях человеческой деятельности, у разных народов. Войны за освобождение от иноземной и местной тирании прокатились по Европе, словно завершающий аккорд эпохи Просвещения (в России они отозвались Отечественной войной 1812 года и восстанием декабристов).

Надвигавшуюся глухоту — страшную беду для музыканта! — необходимо было преодолевать творчеством. Перенося на нотные листы музыку, звучавшую в душе, превозмогая несчастье, он совершал подвиг. Об этом, быть может, он и не помышлял, ибо такова природа гения — созидать вопреки всем преградам.

В упомянутом «Паломничестве» Вагнера — искреннем и ироничном — есть проникновенные строки: "Я родился в небольшом городке Средней Германии. Не могу точно сказать, к чему меня предназначали родители, помню только, что как-то вечером я впервые услышал одну из симфоний Бетховена, меня бросило в жар, я заболел горячкой, а выздоровев, стал музыкантом. Вероятно, этому случаю я обязан той особой любовью, тем почитанием и преклонением, с которыми относился к Бетховену, хотя потом познакомился также с произведениями других превосходных композиторов. Самой большой моей радостью было всецело погрузиться в глубину его гения, так что в конце концов я воображал себя его частицей и в качестве такой крошечной частицы почитал себя приобщившимся к возвышенным идеям и взглядам…

Так я жил в каморке под крышей, и вот в один прекрасный день меня осенило, что тот, перед чьими творениями я преклоняюсь, не умер. Я не понимал, как я не подумал об этом раньше.

Мне и в голову не приходило, что Бетховен может, как мы, грешные, есть хлеб, дышать воздухом — словом — существовать. А ведь Бетховен жил в Вене и тоже был бедным немецким музыкантом.

С той поры я не знал покоя! Все мои помыслы были направлены на одно: увидеть Бетховена! Ни один мусульманин не горел более пламенной верой, отправляясь в паломничество к гробу пророка, чем я, стремясь совершить паломничество к скромному обиталищу Бетховена".

Он отправился пешком, отчасти из принципа — чтобы внутренне подготовиться к встрече с глубоко почитаемым человеком, а отчасти по бедности не воспользовался дилижансом. В Богемии он встретил бродячих музыкантов, у которых были ноты Седьмой симфонии Бетховена. Они ее

играли только для себя, а не для публики. И вот у дороги, под открытым небом она зазвучала в исполнении этих сельских музыкантов (Вагнер взялся за скрипку). Этот эпизод совершенно замечательный. Развлекательная музыка — для господ (так ответили музыканты), бетховенская — для души, для себя!

Нелегко было Вагнеру попасть в Вене к Бетховену, которого, как выяснилось, осаждало немало иноземцев, особенно англичан. Когда он получил любезное приглашение маэстро, то испытал восторг: «Передо мной отверзлись небеса; я был наверху блаженства и молился на этого гения, который… вывел меня из мрака и оков к свету и свободе».

Встреча состоялась (Вагнер писал свои вопросы в специальной тетради). Прощаясь, Бетховен с горькой усмешкой заметил, что ему жилось бы значительно лучше, если бы он сочинял танцевальные пьесы, галопы. Но ведь тем и отличается гений от посредственности: не умеет он сочинять на потребу тем, кто больше заплатит!

…Не будем пересказывать содержание какого-либо произведения Людвига ван Бетховена. У каждого могут быть свои предпочтения. Могу лишь признаться, как был ошеломлен увертюрой «Эгмонт» (по радио) с выдержками из драмы Гете в исполнении замечательного чтеца В.И. Качалова, народного артиста СССР, одного из корифеев МХАТа. Было это после Великой Отечественной войны, а потому героическая мощь финала потрясала. Человек идет на смерть без страха, ибо смертью своей побеждает врага, освобождает свой народ!

Позже, когда мне удалось достать и прочесть одноименную пьесу великого Гете, она меня разочаровала. Оказывается, в некоторых случаях музыка способна выразить то, чего нельзя передать словами. Вот и теперь придется завершить очерк. Пусть те, у кого лежит к этому душа, обратятся к Бетховену, вслушаются в его музыку… (Так и хочется добавить: если это не поздно.)

В начале XX века Н.А. Бердяев писал: «В духе музыки есть пророчество о грядущей воплощенной красоте. Бетховен был пророком. Но музыка наших дней перестала быть пророчеством, приспособилась к буржуазной жизни». В начале XXI века слова русского философа звучат актуальней, чем прежде. О чем же пророчествовал Бетховен? Или то, что он предрекал, свершилось? Или — еще впереди?..

ГЛИНКА
(1804–1857)

Родился Михаил Глинка под утро 20 мая. Возле окон спальни, где лежала его мать, в кустах заливались соловьи. Не следует, конечно, придавать большое значение знамениям: песне соловья и восходу солнца. В тот момент, да и во многие последующие годы никто бы и подумать не мог, что родился великий композитор. Ведь гениям, в отличие от титулованных особ и наследников огромных состояний, почти ничего не дается даром, без труда.

У Михаила Глинки, насколько можно судить по имеющимся сведениям, по линии предков никто не выказывал особых дарований. Бабушка держала его под своей опекой. Она оберегала ребенка от сквозняков, простуды. Его выносили во двор только в сухую и теплую погоду, а комнаты, где он находился, жарко топили от ранней осени до

поздней весны.

Миша начал ходить только в полтора года. Его младенческие впечатления от внешнего мира были очень ограничены. Возможно, это способствовало его обостренной чувствительности. Он с особой чуткостью прислушивался и присматривался к окружающему. Яркие его переживания были связаны с народными песнями, сказками, потехами. Именно тогда, в детстве, Михаил Глинка неосознанно воспринимал сам склад народных русских напевов, те интонации, которые нельзя воссоздать нарочито, благодаря выучке, а можно только так же естественно, словно разговаривая на родном языке, воплотить в своем творчестве.

«Я был весьма набожен, — вспоминал он, — и обряды богослужения, в особенности в дни торжественных праздников, наполняли душу мою живейшим поэтическим восторгом». С необычайной силой в душе его отзывались колокольные перезвоны. Они его завораживали, переносили в какой-то иной, невидимый, возвышенно-звучащий мир.

Однажды, услышав в комнате звон медного таза, Миша стал вызванивать на нем нечто подобное колокольному звону. Бабушка велела дать ему два тазика, а затем распорядилась, чтобы приходской священник снял для ее внучка маленькие колокольца со звонницы. Миша Глинка был счастлив.

Грамота ему давалась легко. Он рано научился читать, да не бесцветным голосом, а с выражением, звонко, вдохновляясь и волнуясь. Бабушка и ее сверстницы приходили в умиление от его чтения Библии.

Надо заметить, что его учитель священник Иван Стабровский был человеком незаурядным: отличался искренностью, смелостью, сильным характером. Во время нашествия французов он организовал оборону церкви. Когда супостаты стали грабить дома, сельчане с подоспевшими партизанами прогнали их прочь.

Конечно, вряд ли образ этого человека вдохновил Глинку на создание героической оперы «Иван Сусанин» с ее поистине гениальным финалом — «Славься!». Однако будем помнить, что Отечественная война 1812 года, победа русского оружия, рассказы о сражениях, о доблести русских воинов и мужиков-партизан — все это оказало сильнейшее впечатление на маленького Мишу, а след от подобных переживаний и размышлений сохранился на всю жизнь.

Один из дальних родственников подарил ему книгу: «История о странствиях вообще по всем краям земного круга, сочинения господина Прево, сокращенная новейшим расположением господина Ле Гарпа и содержащая в себе достойные примечания, полезнейшие и наилучшим образом доказанные сведения о странах света, до коих достигли европейцы, о нравах жителей этих стран, о вере, обычаях, науках, художествах, торговле и рукоделиях».

Не без труда принялся Миша Глинка за чтение, но с каждым днем оно становилось все более легким и увлекательным: «Воображение мое так разыгралось, — вспоминал он, — что я принялся изучать описание этих прелестных островов и начал делать извлечения из вышеописанной книги, что и послужило основой моей страсти к географии и путешествиям… Музыкальное чувство все еще оставалось во мне в неразвитом и грубом состоянии. Даже по 8-му году, когда мы спасались от нашествия французов

в Орле, я с прежней жадностию вслушивался в колокольный звон».

В праздничные дни к ним приезжали родственники. У братьев бабушки Евгении Ивановны был неплохой крепостной оркестр. Они привозили с собой музыкантов. И днем, и вечером, во время обеда и прогулок на лодках по Десне, за ужином и на танцах звучала разнообразная музыка. Особенно нравились Мише знакомые народные мелодии. В оркестровом исполнении они звучали по-особенному, радуя и тревожадушу.

Однажды вечером, находясь в детской, он услышал необычайно нежную, мелодичную музыку. Она его заворожила. Он лег спать, вокруг стало тихо, а музыка все еще звучала в нем. Утром на уроке рисования Миша был рассеян. Учитель поинтересовался, что его так отвлекает? «Музыка, — ответил Глинка. И добавил: — Что же делать? Музыка — душа моя».

Выписанная из Петербурга гувернантка стала обучать Мишу литературе, языкам и игре на фортепиано. По-прежнему он с огромной радостью слушал крепостной оркестр, который стал большим, можно сказать, профессиональным, исполнял оперные увертюры. Оркестрик организовали и в имении Глинок. Миша быстро научился играть на флейте и скрипке.

Отец решил определить сына в Царскосельский лицей, при котором открылся подготовительный пансион. Прием был очень ограничен. Миша Глинка попал в число «избранных».

В пансионе он приобщился еще к одной моде, кроме музыки, пришедшей в Россию с Запада: к вольнодумству, свободомыслию. Один из воспитателей был дальним родственником Глинок — Вильгельм Карлович Кюхельбекер, друг Александра Пушкина. От него Михаил впервые услышал гневные слова в адрес тиранов, более всего Бурбонов, трех последних Людовиков. Но сильнее всего поразила ода Пушкина «Вольность».

…Может показаться: да какое дело будущему музыканту, композитору до подобных проблем? Они лишь отвлекают его от мира музыки, царства гармонии! Однако в ту пору Михаил Глинка становился личностью, гражданином, озабоченным не личным благополучием, а судьбой своего народа, Родины. Только так мог сформироваться великий национальный композитор.

И еще. Общественная жизнь во многом определяет появление гениев. Духовная свобода — непременное условие творческой личности, в каких бы областях искусств или знаний она не проявлялась. Тут очень важно, чтобы вольность не превращалась в распущенность. Внутренняя свобода человека должна быть соотнесена с определенными правилами, вливаться в конкретную форму.

Так, если расплавленный раскаленный металл прольется на землю, то застынет в виде неопределенной массы, но, попадая в изложницу, примет безупречный вид.

В зрелом возрасте Глинка высказался так: «Все искусства, а следственно, и музыка требуют. 1) Чувства… — это получается от вдохновения свыше. 2) Формы… Чувство зиждет — дает основную идею; форма облекает идею в приличную, подходящую ризу… Чувство и форма — это душа и тело. Первое дар высшей благодати, второе приобретается трудом».

Учился в пансионе Михаил хорошо, но самые очевидные способности демонстрировал как музыкант-исполнитель. С ним занимались лучшие педагоги, обучая главным образом игре на фортепиано. Среди них был пианист и композитор Шарль Майер. «Он, — писал Михаил Иванович, — более других содействовал развитию моего музыкального таланта… Он не ограничился тем только, что, требуя от меня отчетливого и непринужденного исполнения, вставал решительно против изысканного и утонченного выражения в игре, но также, по возможности соображаясь с тогдашними моими понятиями, объясняя мне естественно и без педантства достоинства пьес, отличая классические от хороших, а сии последние — от плохих».

Окончив пансион, Глинка стал титулярным советником, чиновником девятого класса. В родном имении всю зиму провел в занятиях с крепостными оркестрантами. Некоторые пьесы и вариации Михаил Глинка сочинял сам. С весны 1824 года он стал работать секретарем Совета путей сообщения. Его часто приглашали в салоны, где он пользовался успехом как остроумный интересный собеседник, а главное — как виртуозный музыкант. Он охотно играл и аккомпанировал. Постепенно его все больше увлекало сочинение сонат и романсов.

У Михаила в глубине души росла неудовлетворенность благополучной жизнью и самим собой. Проходила юность, а он так и не смог, не сумел создать что-либо значительное. Конечно, неплох был романс «Разуверение» на слова Баратынского:

Не искушай меня без нужды,
Возвратом нежности своей.
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней…

Тем временем пронеслась общественная буря: восстание декабристов в 1825 году. Неудачная попытка государственного переворота и последующие казни и кары никого не оставляли равнодушными. Однако сочувствовали не столько революционным замыслам, сколько мучениям этих отчаянных людей и их родных и близких.

Летом 1828 года Глинка не раз встречался с Пушкиным и Грибоедовым. Тогда же написал романс на слова Пушкина «Не пой, красавица при мне…». Позже он четыре года путешествовал по Италии, брал уроки композиции, посещал оперу и концертные залы, сочинял сам, но по-прежнему остерегался браться за крупные произведения. Только вернувшись в Россию, продумал тему Ивана Сусанина и принялся писать оперу. Она была принята к постановке в Санкт-Петербургском Большом Императорском театре. Отчасти поэтому название оперы стало «Жизнь за царя».

Она имела триумфальный успех. Николай I велел позвать Глинку в свою ложу и благодарил его, а через несколько дней одарил перстнем с топазом в бриллиантах. Правда, некоторые аристократы усмехались: «Это кучерская музыка!» Глинку такие отзывы не огорчали. Вот его слова: «Это хорошо и даже верно, ибо кучера, по-моему, дельнее господ!» Василий

Жуковский отозвался об опере:

Пой в восторге русский хор,
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь, наш Глинка…
Уж не Глинка, а фарфор.

Александр Пушкин опроверг презрительные отзывы:

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь!

Почти полвека спустя П.И. Чайковский написал: «Небывалое, изумительное явление в сфере искусства… На 34-м году жизни [Глинка] ставит оперу, по гениальности, размаху, новизне и безупречности техники стоящую наряду с самыми великим и глубоким, что только есть в искусстве… Глинка вдруг, одним шагом, стал наряду (да! наряду!) с Моцартом, с Бетховеном и с кем угодно. Это можно без всякого преувеличения сказать про человека, создавшего „Славься!“!» В другой раз Чайковский поставил героический финал оперы в ряд с высочайшими произведениями музыкальных гениев.

После «Жизни за царя» последовали «Руслан и Людмила», «Вальс-фантазия», «Арагонская хота», «Камаринская», «Ночь вМадриде»…

…Пример Михаила Глинки определенно показывает, что для великого композитора первостепенное значение имеет формирование личности, а не только развитие музыкальных способностей. В своих произведениях он сумел полно и выразительно воплотить мысли и чувства, обуревавшие его. «Сцену Сусанина в лесу с поляками, — вспоминал он, — я писал зимою; всю эту сцену, прежде чем я начал писать, я часто с чувством читал вслух и так живо переносился в положение моего героя, что волосы у меня становились дыбом и мороз подирал по коже».

А еще учтем, что Глинка был младшим современником Пушкина, и это «солнце русской поэзии» освещало его творческий путь. Вряд ли случайно проникновенную музыку к стихотворению «Я помню чудное мгновенье», обращенному к Анне Керн, Глинка посвятил ее дочери, Екатерине, в которую был влюблен.

ВАГНЕР
(1813–1883)

Рихард Вагнер родился в Лейпциге, в семье чиновника. Жить ему пришлось без родного отца, умершего в год рождения сына. Отчим Л. Гейер — актер, художник и драматург — поощрял интерес мальчика к музыке и театру.

В университете Вагнер начал писать музыкальные пьесы, симфонию и оперу (1832 и 1834). Его кумир — Бетховен. Зарабатывал на жизнь, дирижируя в оперных театрах разных городов; мечтал создать новую оперу, сочетающую в себе достоинства всех видов искусства. Но пока даже его мистико-романтическая опера «Летучий голландец» успеха не имела.

Получив должность капельмейстера Дрезденского театра, создал и поставил оперы «Тангейзер» и «Лоэнгрин» (дирижировал его друг Ф. Лист).

Главное устремление Вагнера — противостоять унижению человека, которого «поглощает огромное море пошлости». Он верит в освежающую и возрождающую силу Революции. Но когда восстание 1848 года потерпело поражение, для него наступили трудные времена. Помогла поддержка меценатов.

Вагнер создал возвышенные и героические оперы-симфонии. Среди его поклонников и идейных учеников был мятежный философ Фридрих Ницше. Вагнер считал: «Цель — человек прекрасный и сильный: пусть Революция даст ему силу, искусство — красоту». В основе многих его сочинений — мифологические сюжеты. Он стремился проникнуть в глубинные горизонты человеческой души, пробуждая могучие всплески чувств и вдохновляя на великие деяния.

У Рихарда Вагнера была особенность, отличающая его едва ли не от всех великих музыкантов: он был писателем и философом искусства. Возможно, по этой причине его привлекали грандиозные сюжеты на основе эпоса не в симфоническом, а в сценическом оперном воплощении. Он создал музыкально-драматическую композицию «Кольцо Нибелунга», состоящую из четырех частей: «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов». Первое исполнение всего цикла состоялось в 1876 году при открытии музыкального фестиваля театра города Байрейт (Бавария), построенной по особому плану специально для этих постановок. Это стало возможным потому, что композитору покровительствовал король Баварии Людвиг II.

Вагнер стремился воздействовать на зрителя объединенной силой музыки, слова, движения, сценического движения, цвета и света, мифологических образов, пробуждающих глубинную память о героическом веке. Насколько ему это удалось, сказать трудно; все зависит от субъективного восприятия. Можно согласиться с мнением П.И. Чайковского: «…Все, что нас восхищает в Вагнере, принадлежит, в сущности, к разряду симфонической музыки. Большое и глубокое впечатление оставляют его мастерская увертюра, рисующая Фауста, вступление к „Лоэнгрину“, в котором заоблачный край Грааля вдохновил его на создание нескольких прекраснейших страниц в современной музыке, „Полет валькирий“, „Похоронный марш Зигфрида“, голубые волны Рейна в „Золоте Рейна“…»

Великий русский композитор так оценивает знаменитый эпизод вагнеровской оперы: «„Полет валькирий“ Вагнера — одно из самых удачных произведений этого симфониста, подвизающегося исключительно на поприще музыкальной драмы. Дикая картина бешеной воздушной кавалькады колоссальных фантастических амазонок передана Вагнером с поразительно-реальною картинностью».

О том же «Полете валькирий» он написал в письме Н.Ф. фон Мекк, поясняя, почему, восхищаясь Вагнером-симфонистом, приходится сожалеть, что музыка проигрывает, втиснутая в условные рамки оперной постановки: «Что за грандиозная, чудная картина! Так и рисуешь себе этих диких исполинов, с громом и треском летающих по облакам на своих

волшебных конях. Эта вещь в концерте всегда производит громадное впечатление. В театре, ввиду картонных скал, тряпичных облаков, а также солдат, очень неловко проскакивающих через сцену на заднем плане, наконец ввиду этого ничтожного театрального неба, претендующего изобразить нам громадные заоблачные выси, музыка теряет всю свою картинность. Следовательно, театр не усугубляет здесь впечатления, а действует как стакан холодной воды. Наконец, я не понимаю и никогда не понимал, почему признается, что „Нибелунги“ составляют литературный шедевр. Как народная поэма — может быть, но как либретто — нет. Все эти Вотаны, Брунгильды, Фрикки и т. д. так невозможны, так нечеловечны, так трудно принимать в них живое участие… А все-таки бездна удивительно сильных отдельных красивых эпизодов чисто симфонического характера».

Наконец, обратимся к описанию Чайковским другого вагнеровского фрагмента: «Интродукция к опере Вагнера „Лоэнгрин“ изображает то царство света, правды и красоты, из которого низошел рыцарь Лоэнгрин на спасение прекрасной, оклеветанной Эльзы. Вагнер впервые употребил здесь тот блестящий оркестровый эффект, которым после того пользуются все современные композиторы, как только требуется изобразить в музыке что-либо в высокой степени поэтическое. Даже сам прославленный маэстро Верди не побрезгал позаимствовать у Вагнера, чтобы выразить последние томления умирающей Травиаты. Эффект этот состоит в употреблении струнных инструментов в высочайшем регистре. Замечательно поразительное мастерство, с которым Вагнер мало-помалу усиливает нежную, светлую тему, рисующую Грааль, доходит до оглушительного фортиссимо, и затем возвращается постепенно к первоначальному изложению темы, которая наконец замирает в крайних высотах струнного оркестра. Публика невольно поддается в высшей степени поэтическому настроению этой вещи и, обыкновенно, восторженными рукоплесканиями прерывает гробовую тишину залы, в которой как будто еще носятся эфирные образы, рисуемые Вагнером».

Нет смысла пересказывать взгляды Рихарда Вагнера на искусство: он сам говорил на этот счет обстоятельно и с жаром публициста. В его «Кольце Нибелунга» светлые силы добра борются с мрачными низменными проявлениями природы человека. Олицетворением тлетворной власти золота выступает уродливый карлик Альберих. Однако герой Зигфрид погибает в борьбе, а с ним и все великие боги германских мифов. О силе воздействия произведений Вагнера можно судить хотя бы по тому, как под влиянием его идей, отчасти через философию Ницше, в немецком народе пробудилось национальное самосознание (перешедшее позже в уродливый нацизм). Адольф Шикльгрубер, например, в книге «Моя борьба» вспоминал, как в юности впервые услышал оперу «Лоэнгрин»: «Я был увлечен до последней степени. Мой юный энтузиазм не знал границ. К этим произведениям меня продолжает тянуть всю жизнь…». Они укрепили в нем глубокое отвращение к чиновничьей службе, к которой его готовил отец, и через десяток лет из заурядного Шикльгрубера он превратился в вождя фашистов Гитлера. По-видимому, в подобных чувствах он был далеко не одинок.

Рихард Вагнер не был апологетом расизма и нацизма, не призывал к агрессивной политике и уничтожению инакомыслящих. В его времена Германия была расчленена, немецкий народ разобщен, а Вагнер никогда не стоял в стороне от социально-политических идей, хотя и высказывал их в достаточно абстрактной форме. Именно это позволило ему отметить очень важную особенность наступившей эпохи: «Искусство, вместо того чтобы освободиться от якобы просвещенных властителей, какими являлись духовная власть, „богатые духом“ и просвещенные князья, продалось душой и телом гораздо худшему хозяину — Индустрии».

По его мнению, задача театра совершенно иная: «…отвлекать публику от мелких каждодневных интересов и настраивать ее на благоговейное восприятие самого возвышенного и глубокого, что доступно духу человека». То есть, как писал он в другой статье, «…возвести раба индустрии на степень прекрасного сознательного человека, который с улыбкой посвященного в тайны природы может сказать самой природе, солнцу, звездам, смерти и вечности: вы тоже мне принадлежите, и я ваш повелитель!».

Вагнер сознавал, что в индустриальную эпоху главными врагами высокого искусства становятся те, кто устремлен к выгоде и капиталу, а также все увеличивающиеся массы их пособников, служащих, буржуа. Их тлетворное влияние значительно хуже, чем покровительство родовой аристократии: "Теперь властелином общественного эстетического вкуса сделался тот, кто платит художнику взамен того, что раньше воздавало ему дворянство! Тот, кто на свои деньги заказывает себе художественные произведения и требует новых вариаций на старую, излюбленную им тему, но никак не новых тем! Заказчик и властелин этот — филистер!

Бессердечнейшее и трусливейшее порождение нашей цивилизации, этот филистер является и самым капризным, самым жестоким и грязным патроном искусства. Хоть он и все позволяет, однако кладет строгий запрет на то, что может ему напомнить, что он должен быть человеком как в смысле красоты, так и мужества; он хочет быть трусливым и пошлым, и этой его воле должно подчиниться искусство — все остальное, как я уже сказал, для него одинаково хорошо. Поспешим отвернуться от него".

Каков же выход из того болота, в которое погружается искусство, лишенное творческих дерзаний? Вагнер уверен — только через революцию. В статье, которая так и называется «Искусство и революция», он выдвинул идею разумную, справедливую, а потому, пожалуй, утопическую для наступившей индустриально-капиталистической эпохи:

"…публика должна иметь бесплатный доступ на театральные представления. До тех пор пока деньги нужны будут для удовлетворения всех жизненных потребностей, до тех пор у человека без денег будет лишь воздух и, может быть, вода. …Там, где средств на это не хватает, лучше совсем отказаться на время и даже навсегда от театра, раз он может найти средства к существованию, лишь становясь промышленным предприятием; отказаться от этой мысли до тех пор, пока не явится в нем такая настоятельная потребность, что заставит само общество принести ему известные коллективные жертвы.

Когда же общество достигнет прекрасного, высокого уровня человеческого развития — чего мы не добьемся исключительно с помощью

нашего искусства, но можем надеяться достигнуть лишь при содействии неизбежных будущих великих социальных революций, — тогда театральные представления будут первыми коллективными предприятиями, в которых совершенно исчезнет понятие о деньгах и прибыли; ибо если благодаря предположенным выше условиям воспитание станет все более и более художественным, то все мы сделаемся художниками в том смысле, что, как художники, мы сумеем соединить наши усилия для коллективного свободного действия из любви к самой художественной деятельности, а не ради внешней промышленной цели".

Попытка приблизиться к такому идеалу была предпринята в СССР. Однако и в этом случае не удалось осуществить свободу художественного творчества. Искусство, попадая под власть государственных чиновников, начинает превращаться в средство политической пропаганды и со временем служить не столько народу, сколько властям. Конечно, это несравненно лучше, чем продажность и удовлетворение низких потребностей филистеров-буржуа и богачей, когда искусство превращается в разновидность «бизнеса». Но в индустриальном обществе именно такая функция для всех проявлений духовной культуры, включая философию и науку, является предпочтительней. Это показывает крушение в XX веке общественных систем, основанных на идеях (таких разных, как нацизм, фашизм, и во многом им противоположный коммунизм). Победу, по крайней мере теперь, одержало «рыночное» государственное устройство, ориентированное на личную выгоду, максимальную прибыль, поклонение капиталу, «золотому тельцу».

ВЕРДИ
(1813–1901)

Ничто поначалу не предвещало его всемирной славы: сын трактирщика из небольшого итальянского поселка Ронколе, как представитель низшего сословия, не имел даже права поступать в консерваторию.

Правда, у отца его был старенький примитивный клавесин (спинет), а музыкально одаренного мальчика обучал игре на инструменте органист местной церкви. После школы Джузеппе стал работать в торговой конторе города Буссето, одновременно играя на органе в храме и порой дирижируя местным филармоническим оркестром. В Милане он брал уроки исполнительского и композиторского мастерства у дирижера театра «Ла Скала». Дирекция театра заказала Верди оперу, но молодому композитору приходилось зарабатывать на жизнь в Буссето.

Однако его увлекало творчество. Он написал оперу «Оберт», которая была поставлена в «Ла Скала» (1839) и имела успех. Через два года там же его оперу «Набукко» (или «Навуходоносор») ждал триумф. И дело было не только в таланте маэстро. Несмотря на то что сюжет был взят из далекой древности (борьба еврейского народа против ассирийского рабства), итальянцы понимали: речь идет об их освобождении, объединении страны. Величественный гимн, звучавший в финале оперы, звал на борьбу!

Верди стал признанным композитором. Заказы следовали один за другим. В 1847 году в Лондоне с успехом прошла премьера его оперы «Макбет».

Вдохновленный революционным движением 1848 года, Верди написал гимн гарибальдийцев и героическую оперу «Битва при Леньяно». Русский композитор и музыкальный критик А.Н. Серов писал: «Как всякий могучий талант, Верди отражает в себе свою национальность и свою эпоху. Он — цветок своей почвы. Он — голос современной Италии, не лениво дремлющей или беспечно веселящейся Италии в комических и мнимо-серьезных операх Россини и Доницетти, не сентиментально-нежной и элегической, плачущей Италии беллиниевской, а Италии, пробудившейся к сознанию, Италии, взволнованной политическими бурями Италии, смелой и пылкой до неистовства».

Верди — один из величайших оперных композиторов — создал произведения, ставшие классическими: «Риголетто», «Трубадур» «Травиата», «Симон Бокканегра», «Бал-маскарад», «Сицилийская вечерня». Драматизм сюжетов усиливался великолепной музыкой, а мелодии некоторых арий сразу же подхватывались публикой и звучали на улицах.

Темы свободы и тирании, любви и ненависти, подлости и благородства оставались главными в его сочинениях («Дон Карлос», «Аида», «Отелло», «Фальстаф», «Сила судьбы»).

В 1873 году он написал — для солистов, хора и оркестра — возвышенно-скорбный и торжественный «Реквием» — гимн жизни, борьбе и свободе, побеждающим смерть.

ЧАЙКОВСКИЙ
(1840–1893)

Он родился в семье заводского инженера в городе Воткинске. В доме Чайковских постоянно звучала музыка: отец играл на флейте, мать пела. Петра завораживали мелодии; с пяти лет он начал импровизировать на рояле.

По совету родителей он поначалу выбрал «престижную» профессию юриста. Окончил училище правоведения, начал работать в министерстве юстиции. Но притяжение искусства оказалось сильнее. Бросив службу, Петр Ильич поступил в Московскую консерваторию. За три года прошел у А.Г. Рубинштейна весь курс, получив золотую медаль и приглашение преподавать в консерватории.

В 1866 году прозвучало его первое крупное сочинение: кантата «К радости» на оду Ф. Шиллера. Через год с большим успехом была исполнена его Первая симфония «Зимние грезы». Затем последовали увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта», симфонические поэмы «Буря» (по Шекспиру) и «Франческа да Римини» (по Данте). Позже появились поистине симфонического звучания великолепные балеты: «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик», а также фортепианный цикл «Времена года».

В личной жизни его преследовали катастрофы: безответная любовь к итальянской певице, неудачный брак. Но это не ослабило его творческих сил. В 1878 году он написал Четвертую симфонию и оперу «Евгений Онегин». Благодаря дружеской поддержке богатой графини Надежды фон Мекк, смог всецело посвятить себя музыкальному искусству.

Многие сочинения Чайковского считаются шедеврами: романсы, симфонии, Первый концерт для фортепиано с оркестром, опера «Пиковая дама». Его музыка продолжает волновать слушателей во всем мире. При этом он остается национальным русским композиторов. Его восхищали и вдохновляли сочинения Глинки (в начале 1880 года, приступая к работе над Итальянским каприччио — для симфонического оркестра — Петр Ильич писал Н.Ф. фон Мекк: «Хочу написать что-нибудь вроде испанских фантазий Глинки»).

Надо иметь в виду, что Чайковский был среди плеяды великих русских композиторов второй половины XIX века. С 1829 по 1844 год родились А.Г. Рубинштейн, М.А. Балакирев, М.П. Мусоргский, А.П. Бородин, Ц.А. Кюи, Н.А. Римский-Корсаков, П.И. Чайковский. Вдобавок, композиторам «могучей кучки» соответствовало объединение талантливых художников «передвижников», а в литературе — величайшие писатели. Конечно же такой замечательный подъем русской культуры не был вызван какими-то солнечными воздействиями или «пассионарностью» биологической природы. После Петра I и Екатерины II обновилось и укрепилось Российское государство, а отечественная культура испытала западное влияние, а там достигли высочайшего уровня наука, философия, просвещение, искусство. Русское общество жадно «впитывало» западные новшества, перестраивая их на свой лад.

Не случайно во многим сходен путь в искусство двух русских гениев — Чайковского и Модеста Петровича Мусоргского (1839–1881). Они с детства воспринимали западную музыку в домашней обстановке и русскую народную музыку в общении с «простым людом». Как писал Мусоргский, «не даром в детстве мужичков любил послушать и песенками их искушаться изволил».

Раннее влечение Петра Ильича Чайковского к музыке не удивительно. Хотя его отец закончил Горный корпус, но и в нем, согласно уставу этого учебного заведения, обучался музыке. Но как бы то ни было, одними только благоприятными внешними обстоятельствами нельзя объяснить появления таланта композитора. Для этого требуются определенные способности, склонность к музыкальной гармонии и некоторые благоприятные события.

«Мне было шестнадцать лет, — вспоминал Петр Ильич, — когда я услышал впервые „Дон Жуана“ Моцарта. Это было для меня откровением: я не в состоянии описать подавляющую силу испытанного мною впечатления. Мне кажется, что испытанные в годы юности художественные восторги оставляют след на вою жизнь».

Если Чайковский вырвался из среды служащих, то Мусоргскому пришлось преодолевать еще более сильное сопротивление среди военных (его определили в Школу гвардейских прапорщиков и юнкеров); ему помогло знакомство с композитором А.С. Даргомыжским. В тридцать лет он написал гениальную оперу «Борис Годунов». Слово Б.В. Асафьеву, композитору и критику: «Мусоргский, как никто до него, даже среди композиторов всего мира, поставил перед музыкальным творчеством великую задачу служения народу путем раскрытия в музыке истории как дела и драмы народа». А сам Модест Петрович так сформулировал свое кредо: «Искусство есть средство для беседы с людьми, а не цель». «Всего

себя подай людям — вот что надо в искусстве». И еще: «Я разумею народ как великую личность».

С этими высказываниями созвучны слова Чайковского, рассказавшего в письме о заключительной части своей Четвертой симфонии: «Если ты в самом себе не находишь мотивов для радостей, смотри на других людей. Ступай в народ… Пеняй на себя и не говори, что все на свете грустно. Есть простые, но сильные радости. Веселись чужим весельем».

Чайковский сравнивает вдохновенное творчество с произрастанием зерна:

"Если почва благодарная… зерно это с непостижимою силою и быстротою пускает корни, показывается из земли, пускает стебелек, листья и, наконец, цветы…

Пожалуй, главное — благодатная почва (как в евангельской притче о сеятеле), ибо живые зерна идей — в любом виде творчества — поистине всюдны, подобно пыльце и спорам растений, рассеянных в области жизни. Вопрос лишь в том, чтобы не угодили они на бесплодный камень или в гнилое болото. Да еще важно, чтобы выбор таких зерен определялся чистыми и светлыми устремлениями души: а то ведь, неровен час, уродятся одни сорняки…"

Чем же объяснить появление созвездий талантов, и не в одном, а сразу нескольких, едва ли не во всех видах деятельности? Что может быть общего между живописцем, музыкантом, ученым, философом, писателем, поэтом? Почему вдруг в стране происходит вспышка творчества? Откуда исходят мощные импульсы духовной энергии?

Основываясь на том, что было уже сказано, сделаем обобщение. Самое главное — сохранить и раскрыть свои способности, ощущая себя частью народа, человечества. Выдающиеся люди не остаются одинокими (высочайшие вершины не встречаются среди равнин). И дело вряд ли только в благоприятной среде. Важнейший фактор — передача «искры Божьей», общий переход на более высокий уровень достижений, стремление многих людей войти в мир духовных свершений, открытий; пережить вдохновение и великое счастье творчества.

СКРЯБИН
(1871–1915)

Поэт и мыслитель Вячеслав Иванов в 1917 году написал очерк «Скрябин и дух революции». Он подружился с композитором в последние два года его жизни, а потому его суждение достаточно обоснованно:

"…творчество Скрябина было решительным отрицанием предания, безусловным разрывом не только со всеми художественными навыками, заветами и запретами прошлого, но и со всем душевным строем, воспитавшим эти навыки, освятившим эти заветы. Разрывом с ветхою святыней было это разрушительное творчество — и неудержимым, неумолимым порывом в неведомые дотоле миры духа.

Об этом не спорят; но все ли с равным трепетом чувствуют, что эта музыка не только в титанических нагромождениях первозданных звуковых глыб, но и в своих тишайших и кристальнейших созвучиях проникнута странной, волшебной силой, под влиянием которой, мнится, слабеют и размыкаются прежние скрепы и атомические сцепления, непроницаемое

становится разреженным и прозрачным, логическое — алогическим, последовательное — случайным, «распадается связь времен», как говорит Гамлет, — разведенное же ищет сложиться в новый порядок и сочетаться в иные средства?

Божество, вдохновлявшее Скрябина, прежде всего разоблачается как Разрушитель, Расторжитель, Высвободитель…"

Действительно, стихия Скрябина — свобода. Во имя чего? Вот в чем вопрос. Ответ композитор дает в своем творчестве: во имя творчества, всеединства и соборности, где личность не теряется в массе, а объединяется с ней для высших целей. Не в разрушении, а в созидании революционный дух Скрябина. Но великое творение предполагает и не менее великий разрушительный порыв…

По известной уже нам закономерности, у многих великих музыкантов могучая сила творчества сочеталась с ничем не примечательной биографией. Игорь Глебов (псевдоним композитора и искусствоведа Б.В. Асафьева) свою книгу о нем начал так:

"Жизнь его совсем не богата внешними событиями, а легенды о великих людях в наше время как будто бы не успевают сложиться. Родился Александр Николаевич в Москве в декабре 1871 г. Отец его юрист, потом консул, дед — военный, а мать — хорошая пианистка, через год с небольшим умершая за границей от чахотки. О влиянии родителей говорить не приходится, так как по смерти жены Николай Александрович Скрябин, отец композитора, редко виделся с сыном, служа по дипломатической части на Востоке (в Турции) и не часто приезжая в Россию.

Мальчик остался на ласковом попечении бабушки (по отцу) Елизаветы Ивановны и тетки Любови Александровны, души в нем не чаявших, но сумевших бережно и ласково оградить хрупкую духовную и физическую природу ребенка от преждевременных жизненных невзгод и вредных влияний. Влечение к музыке и особенно обожание рояля проявилось у Скрябина очень рано (уже в четырехлетнем возрасте). С пяти лет он по слуху играл и фантазировал на рояли. Не менее увлекался и театром, сочиняя трагедии и инсценируя их в подаренном ему детском складном театре.

Отданный на одиннадцатом году в Кадетский корпус, Скрябин довольно легко выдержал военное воспитание. Во вред оно ему не пошло, а скорее приучило к дисциплине. Корпус не помешал Скрябину заниматься музыкой, сочинять и постепенно приготовиться с помощью С.И. Танеева и Г.Э. Конюса в Консерваторию, которую он и кончил по классу рояля в 1892 году, а в 1898 был приглашен в нее профессором игры на фортепиано. Сочинение Скрябина уже в юный период его творчества отличались своеобразием и утонченностью гармонического и мелодического рисунка и прихотливо изысканным ритмом".

Тем не менее первые фортепианные произведения Скрябина отмечены подражанием Шопену. Это влияние Скрябин преодолевал сначала с помощью Рихарда Вагнера и Ференца Листа, а вскоре проторял свой собственный путь в музыке. С 1900 года он стал работать над крупными оркестровыми сочинениями, создав Первую и Вторую симфонии. Задумав «Божественную поэму», он уходит с должности профессора в Московской консерватории и, пользуясь меценатством М.К. Морозовой, в

1904 году отправляется на 4 года в Швейцарию, где завершает Третью симфонию («Божественную поэму») и создает «Поэму Экстаза». Теперь он обрел полную самостоятельность, избавился от всех влияний. «В этой поэме, — писал Асафьев, — свершилось подлинное высвобождение духа Скрябина не в мыслях только, не в философских построениях, а на деле — в музыке, расширив в значительной мере сферу привычных соотношений звуков и добившись напряженнейшего подъема — нагнетания чувств и разрешения этого подъема в ослепительном сиянии солнечного луча: в полнозвучном ликовании всего оркестра».

Следующей стала «Поэма Огня» — «Прометей» (1910), первый в мире опыт не только новых звучаний, но и цветомузыки. Следующей, завершающей частью трилогии должна была явиться «Мистерия», и композитор взялся за «Предварительное действо», но так и не завершил его…

Творения его воспринимались крайне контрастно. Поэт Борис Пастернак, в юности мечтавший стать композитором, признавался: «Больше всего на свете я любил музыку, больше всех в ней Скрябина». А солидный композитор А.К. Лядов в частном письме дал волю своим впечатлениям: «Ну уж и симфония! Это черт знает что такое!! Скрябин смело может подать руку Рихарду Штраусу. Господи, да куда же делась музыка? Со всех концов, со всех щелей ползут декаденты. Помогите, святые угодники!! Караул!! Я избит, избит, как Дон Кихот пастухами… После Скрябина Вагнер превратился в грудного младенца со сладким лепетом. Кажется, сейчас с ума сойду. Куда бежать от такой музыки? Караул!»

Впрочем, такое мнение в среде профессиональных музыкантов было, пожалуй, исключением. И объясняется оно скорей всего неожиданностью лавины «звукоэмоций», которую обрушил на слушателей Скрябин. Главное ощущение от этого Асафьев передал так:

"Мы знаем, что цветок расцветает, но мы не видим этого; мы знаем, что вращение миров рождает музыку сфер, но мы ее не слышим, не различаем среди шумов, замкнувшись в тесном кругу нам привычных звучаний; мы знаем, что мы сами растем, но не ощущаем этого процесса — кажется, мы ощущаем только разрушение и то, как мы умираем… И вдруг среди нас родится гений — человек, нам подобный, но и над нами властвующий, ибо он чародей, вещун. Он не хочет знать, как люди умирают (вспомни Чайковского!), он хочет знать (переживать), как и чем они живут, глубь их жизни, он хочет испытать это, хочет слышать музыку сфер, хочет ощутить процесс роста и оплодотворения…

Творчество немыслимо без любви, без желания передать, излить себя, изжить себя. Зерно творчества — акт оплодотворения, обсеменения. Творчество есть любовь, есть выделение накопленной жизненной энергии в мир, окружающий творца. Больше — творчество есть создание новых миров. Творчество есть благодеяние. Скрябин принимает на себя миссию пророка: он жаждет возвестить людям, чтобы они не боялись ни угроз судьбы, ни скорбей, ни горестей, что все — хорошо, что они будут счастливы. Скрябин дерзостно и смело говорит, что сам он так счастлив, так напоен счастьем, что может наделить им всех людей. И если счастье есть изымание духа из пределов «условной человечности», из оков

«житейскости» и слияние с космосом, с истоками жизни — он имел право так говорить. Но чтобы внушить людям это, чтобы захватить их волю, их воображение и перенести их в иные области переживаний, он должен был создать новые миры в музыке…"

Скрябин конечно же не стремился к новизне, подобно так называемым авангардистам. Он не хотел поразить, ошеломить, взбудоражить почтеннейшую публику. Его творения совершенно искренни, отражают его отношение к миру, человеку и творчеству. Ни о какой социальной революции он не мечтал: просто подобные явления были вне его интересов.

Вячеслав Иванов писал о «демоне Скрябина», который «рушит вековые устои» под «знамением древнего Огненосца», Прометея. Но ведь титан Прометей, нарушив запрет Зевса, сорвал цепи духовной неволи, оковывавшие людей, одарил их светом и жаром огня. Вот и Скрябин нес весть о мире ином, искра которого присутствует в каждом, но как часто едва теплится. Светозвучание его «Прометея» призвано было высвечивать души. Ибо вся Земля, все звезды, все человечество воплощены в каждом из нас.

«Нет ничего, кроме моего сознания… — писал в своем дневнике Скрябин.. — Оно — господин вселенной». «Мир — есть результат моей деятельности, моего творчества, моего хотения (свободного)». И такое гордое сознание человека-творца он передавал людям, тем, кому дано это прочувствовать и понять. «Понять — значит пережить, — считал он, — познать — значит отождествиться с познаваемым». У Скрябина это отождествление — с космосом мироздания и микрокосмом души человеческой, которые для него едины.

По верному замечанию Асафьева, «в некотором смысле „Поэма Огня“ Скрябина является продолжением и развитием грандиозного вдохновенного финала „Гибели Богов“ Вагнера — потрясающего завершения мировой трагедии, развернутой в „Кольце Нибелунга“. Но там стихия выступает как грозная судьба, как судия и мститель богов, предавшихся людским страстям и похотям. У Скрябина же гордый человеческий Дух зажигает пожар мира и, презирая созданное не им, творит вновь. У Вагнера пожар — разрушение, гибель. У Скрябина — возрождение, воссоздавание. Такой пожар в конце всего, как итог эволюции; здесь — как начало, исходная точка, творение мира… Не природу и мир необходимо очеловечить, а человеческий Дух уподобить Божеству, „остихиить“ его, насытить творческой энергией космоса: в свободной творческой игре, в самом наслаждении творчеством он должен познать себя и мир».

Остается лишь задуматься: удалось ли людям воспринять в свои души, в сознание свое огонь Прометея? А может быть, им оказался не только ближе и дороже, но и единственно нужен земной огонь очага, жаркое пламя кузницы, доменной печи, ракеты? Да и многим ли дано испытать экстаз творчества и ощутить в себе прометеев огонь?

Может показаться, что это — удел избранных. Не думаю, и вот почему. Принято считать, будто Скрябин творчеством своим проник в космические сферы. Однако прислушаемся к проницательным словам Вячеслава Иванова: Александр Николаевич Скрябин — "русский

национальный композитор, представивший просторолюбивую стихию родной музыки в ее новом виде динамического перестроения и претворения в образы космической беспредельности, — аполитический художник в жизни, мирный анархист по своим безотчетным влечениям и по вражде к принудительному порядку, суду и насилию; демократ не только по целостной и чистосердечной проникнутости чувством всеобщего братства и трудового товарищества, но и по «глубочайшему и постоянному алканию соборности; аристократ по изяществу природы и привычек… истый всечеловек, каким является, по Достоевскому, прямой русский, — и вместе пламенный патриот, по живому чувствованию своих духовных корней, по органической любви к складу и преданию русской жизни, по вере в наше национальное предназначение, наконец, по своему глубочайшему самосознанию, — самосознанию одного из творцов русской идеи…».

Здесь — ссылка на загадочную «русскую идею», которую поныне ищут мудрецы. А ее, быть может, и нет вовсе в облике некой формулы-идеи. Она присутствует в музыке великих русских композиторов, в картинах великих русских художников, в произведениях великих русских поэтов, писателей, мыслителей. Она существует — невысказанно — в душах всех, для кого русская культура является родной, вне зависимости от их национальности.

Глубокая связь творчества Скрябина и русских революций 1905 и 1917 годов подмечена Ивановым верно. Ведь после страшной Гражданской войны, голода и разрухи Россия в считанные годы возродилась невероятно быстро, как никогда не бывало в истории, превратилась в могучую сверхдержаву. Она победила полчища, нагрянувшие с Запада (Вагнер — Гитлер — Германский Рейх против Скрябина — Сталина — СССР), а в космос вознесся первым русский человек. Не таково ли было воплощение русской идеи? И не осуществилось ли ее воплощение в конце XX столетия? И не заглушают ли окончательно скрежет, грохот, железные ритмы и электронные дурманы те мелодии высших сфер, которые улавливали чутким слухом творцы гармонии, одним из которых был Скрябин?

ПИКАССО
(1881–1973)

Испанец по национальности, он стал признанным художником во Франции. По этой причине его подлинное имя Руис-и-Пикассо (с ударением на "а") изменилось на Пабло Пикассо (ударение на "о"). Долгая жизнь, огромная работоспособность и неутолимая жажда новизны сделали его одним из наиболее плодовитых, оригинальных по стилевому разнообразию и знаменитых художников XX века.

Родился он в Малаге (Испания) в семье живописца и с детства стал помогать отцу в работе. Как писал искусствовед М. Алпатов, «ему самой природой дарована способность, как абсолютный слух музыканту, все увиденное и задуманное выражать при помощи штрихов на бумаге, и эту свою способность он развил многолетними упражнениями до степени высочайшего артистизма. Каждый лист бумаги, вышедший из рук Пикассо, заключает итог его большого творческого опыта. Самый беглый его набросок несет на себе отпечаток его высокого мастерства».

Однако, прежде чем стать мастером, Пикассо учился живописи сначала в Барселоне, затем в Мадридской академии художеств. Успех

пришел к нему не сразу. Он бедствовал, но не унывал, ища новые выразительные средства живописи, экспериментируя. В 1904 году он переехал в Париж. Уже тогда некоторые любители живописи «открыли» Пикассо; были среди них русские, и поэтому многие его картины того периода оказались в нашей стране (вспомним хотя бы «Девочку на шаре», работу 1905 года).

Скандальную славу принесла ему картина «Авиньонские девушки» — с деформированными, нарочито угловатыми фигурами, с лицами, подобными африканским маскам. Расчленение реальных форм и пропорций, переход к геометрическим силуэтам ознаменовали переход к принципиально новому направлению — кубизму. Открытие это Пикассо сделал вместе с французским художником Жоржем Браком. В одних случаях изображение сводится к системе крупных плоскостей и упрощенных линий, в других — дробится на мелкие плоскости, словно отражение в разбитом на кусочки зеркале.

Николай Бердяев, впервые увидя произведения Пикассо этого периода в 1914 году, испытал чувство ужаса: "Холодно, сумрачно, жутко. Пропала радость воплощенной, кристаллизованной, солнечной жизни… Совершается как бы таинственное распластование космоса. Пикассо — гениальный выразитель разложения… Он, как ясновидящий, смотрит через все покровы, одежды, напластования, и там, в глубине материального мира, видит свои складные чудовища. Это — демонические гримасы скованных духов природы… В живописи совершается что-то, казалось бы, противоположное самой природе пластических искусств…

Тяжело, печально, жутко жить в такое время человеку, который исключительно любит солнце, ясность, Италию, латинский гений… Ветхие одежды бытия гниют и спадают… Это — кризис культуры, сознание ее неудачи, невозможности перелить в культуру творческую энергию… Перед картинами Пикассо я думал, что с миром происходит что-то неладное, и чувствовал скорбь и печаль гибели старой красоты мира, но и радость рождения нового. Это великая похвала силе Пикассо…"

Возможно, русский философ слишком серьезно отнесся к «художественным играм» Пикассо, освоившего самые разные стили, занятого непрерывными поисками. Посетивший его в 1922 году молодой Владимир Маяковский писал: «Самыми различнейшими вещами полна его мастерская, начиная от реальнейшей оценки голубоватой с розовым, совсем древнего античного стиля, кончая конструкцией из жести и проволоки. Посмотрите иллюстрации: девочка почти серовская. Портрет женщины грубо реалистичный и старая разложенная скрипка. И все эти вещи помечены одним годом».

Да, Пикассо разный, но не по периодам, которые принято выделять — «голубой», «розовый», «африканский», «кубистический», но в то же время один и тот же в своей постоянной изменчивости и многоликости. Его стиль зависит от настроения, творческой задачи, характера объекта. А может быть, есть в Пикассо и нечто такое, что попытался выразить в его портрете Сальвадор Дали: некое замысловатое, но не страшное чудовище со множеством обличий и иронично высунутым языком и вытянутой изо рта ложкой, в которой лежит крохотная лютня. Словно показан великий мистификатор, играющий на потребу публики или издевающийся над ней…

Как бы ни относиться к творчеству Пикассо, любить ли произведения отдельных его периодов или одинаково приязненно воспринимать всего его целиком (или отвергать), надо признать, что он был одним из наиболее характерных представителей искусства эпохи буржуазного развития технической цивилизации, победоносного вхождения в земной мир машины, как отмечал Н. Бердяев.

Вряд ли художник продумывал происходящее так же глубоко, как философ. Но он интуитивно выражал то, что скрыто за внешним обликом предметов и явлений. Он говорил: «Я ищу одного — выразить то, что хочу. Я не ищу новых форм, я их нахожу…»

Хорошо знавший его советский писатель Илья Эренбург высказал верную мысль: "Люди, которые пишут о Пикассо, отмечают, что он стремится освежевать, распотрошить зримый мир, расчленить и природу, и мораль, сокрушить существующее; одни видят в этом его силу, революционность, другие с сожалением или возмущением говорят о «духе разрушения»… Справедливо ли назвать разрушителем человека, преисполненного жажды созидания художника, который свыше шестидесяти лет подряд строил и строит, который смело примкнул к коммунистам, не предпочел безразличия или позы скепсиса, куда более легкой для художника?

Можно — и это тоже будет правдой — сказать, что Пикассо оживает в своей мастерской, что он предпочитает одиночество митингам или заседаниям. Но как при этом забыть его страстность в годы испанской войны, его голубка, участие в движении сторонников мира и многое другое?"

В некоторых случаях «разрушительный» стиль, который использовал Пикассо, наиболее точно выражает суть происходящего. Например, монументальная картина «Герника» (1937) — страстный крик в защиту человека, против убийств и разрушений. Поводом для этой работы послужила трагедия жителей небольшого испанского городка Герники, стертого фашистской авиацией с лица земли. Однако произведение оказалось пророческим, что показала Вторая мировая война и уничтожение американскими атомными бомбами двух мирных японских городов.

В последние десятилетия жизни Пикассо стал всемирно знаменитым. Он работал как график, оформитель книг, художник театра, создавал скульптуры, керамику, монументальные росписи. Даже наброски, небрежно сделанные рукой мастера, считались шедеврами. Он был миллионером и продолжал разделять коммунистические убеждения, но всегда оставался прежде всего неистовым художником-творцом.

«Я не мог бы жить, не отдавая искусству все свое время. Я люблю его как единственную цель всей своей жизни. Все, что я делаю в связи с искусством, доставляет мне величайшую радость» (Пабло Пикассо).

ДАЛИ
(1904–1989)

— Наше время — эпоха пигмеев…

— Другие так плохи, что я оказался лучше.

— Кинематограф обречен, ибо это индустрия потребления, рассчитанная на потребу миллионов. Не говоря уж о том, что фильм делает целая куча идиотов.

— Я пишу картину потому, что не понимаю того, что пишу.

— Механизм изначально был моим личным врагом…

— Сюрреализм — полная свобода человеческого существа и право его грезить. Я не сюрреалист, я — сюрреализм.

Так писал Сальвадор Дали. Из его высказываний — броских, умных и противоречивых — можно составить книгу. Потому что он был, пожалуй, универсальным гением, а писательством занимался из-за своей недостаточной одаренности как живописца. Это он и сам признавал, хотя любил называть себя гением: «…Я часто думаю, что ведь куда труднее (а значит, и достойнее) — достичь того, что я достиг, не обладая талантом, не владея ни рисунком, ни живописью. Именно поэтому я считаю себя гением. И от слова этого не отступлюсь, потому что знаю, чего это стоит, — без никаких данных сделаться тем, что я есть».

В его адрес высказано множество восторженных слов — в полном соответствии с его целью оставаться постоянно перед публикой, будоражить и эпатировать, возмущать и восхищать ее. «Дон Сальвадор всегда на сцене!» — восклицал он. Порой кажется, что, и создавая свои многочисленные картины, он входил в роль живописца; откровенно играл со зрителем, предлагая разгадывать символы или находить изображения, возникающие из соединения разобщенных фигур.

В отличие от Пикассо, он не был новатором, хотя всегда стремился играть и эту роль. Он называл свой метод параноико-критическим, хотя не страдал паранойей, да и критицизмом тоже, если не считать его отдельных высказываний. В Америке, поначалу шокировав местную публику, он написал «Декларацию независимости воображения и прав человека на свое собственное безумие».

Нельзя не отметить, что имитация безумия приносила ему не только славу, но и значительные доходы. (Два его постулата: «Я брежу, следовательно, я существую. И более того: я существую, и потому что брежу». И еще: «Простейший способ освободиться от власти золота — это иметь его в избытке».) Иной раз он может забыть о своем актерстве и высказаться по поводу тех, кто разыгрывает свои эпатирующие роли безыскусно: «В Нью-Йорке я видел панков, затянутых в черную кожу и увешанных цепями… Нам выпало жить в дерьмовую эпоху, а им хочется быть дерьмее самого дерьма».

Но ведь и сам он любил позировать в самом экзотическом виде, закручивая усы двумя стрелками вверх, почти до вытаращенных глаз. Артист в жизни, творец в мастерской, имитатор и провокатор, писатель среди художников, художник среди писателей. Признанный — прежде всего самим собой — гений, а потому заставляющий сомневаться в этом. Тем более что о нем слагали мифы, и первым — он сам.

Вот что пишет филолог-испанист Н.Р. Малиновская:

«Более полувека Дали олицетворял для нашего искусствоведения „разложение буржуазного искусства“. Нисколько не сомневаюсь, что Дали — узнай он об этой формулировке — оценил бы выразительное определение (ведь именно он ввел в эстетический обиход термин

„тухлятина“) и даже, полагаю, авторизовал бы его, как авторизовал прозвище Авидадолларс, Деньголюб».

О прозвище мы наслышаны. Как и о том, что Дали заявился на бал в свою честь, украсив шляпу протухшей селедкой; сошел с корабля, таща на голове многометровый хлеб, испеченный ради такого случая; собственноручно окунул в краску морскую звезду и принародно пустил ее ползать по холсту, уверяя, что собравшиеся присутствуют при рождении шедевра. Дошла до нас и информация об аудиенции, данной Хачатуряну, — о танце с саблями, исполненном в чем мать родила. Балетное искусство семидесятилетнего художника впечатляло, но все горше становилось от того, что его судьба — блистательный трагифарс длинною в жизнь, заслонивший подвижническое служение искусству, стал непременным атрибутом салонной беседы, а его творчество все отчетливее присваивается масс-культурой.

Биография Дали — как многих гениев искусства — сосредоточена в творчестве, а не во внешних событиях. Кратко она такова. Родился в испанском городке Фигерас (Каталония) в семье нотариуса, получив имя Сальвадор Фелипе Хасинто Фарес Дали-и-Доменеч. Учился в католическом колледже, рано начал рисовать, обучаясь в муниципальной художественной школе. В 1921 году поступил в Королевскую Академию изящных искусств в Мадриде. Он восхищался старыми мастерами, писал о них вдумчивые статьи и в то же время интересовался новейшими направлениями в живописи. Одним из наиболее близких его друзей стал гениальный поэт Федерико Гарсиа Лорка.

Первая персональная выставка Дали состоялась в 1925 году. На следующий год он посетил Париж, встретился с Пикассо. В 1928 году стал одним из авторов «Каталонского антихудожественного манифеста», в котором утверждалось, в частности, что спортсмены ближе к духу Греции, чем наши интеллектуалы… что спортсмен, не тронутый знанием и не ведающий художеств, лучше поймет современное искусство, чем подслеповатые умники, отягощенные ненужной эрудицией. Для нас Греция жива в чертеже авиационного мотора, в не претендующей на красоту фабричной спортивной ткани…"

Тогда же Дали воспел техническое достижение: «О фантазия фотографии! Она удачливее и проворнее мутных процессов подсознания!.. О фотография, свободное творчество духа!»

Его выпад против подсознания оказался преждевременным и был вызван, пожалуй, стремлением опровергнуть или, быть может, преодолеть «Манифест сюрреализма» французского писателя Андре Бретона, который призывал к величайшей свободе духа, граничащей с безумием, соединению реальности и сновидений в сверх(сюр) реальность. Согласно его определению, сюрреализм — «чистый психический автоматизм… Диктовка мысли вне всякого контроля со стороны разума».

В ту пору Сальвадор Дали был ближе к футуризму и воспевал нечто совсем иное. Призывал «раскрыть глаза на простую и волнующую красоту волшебного индустриального мира, красоту техники… Телефон, унитаз с педалью, белый эмалированный холодильник, биде, граммофон — вот предметы, полные истинной и первозданной поэзии!» Однако слова его расходились с художественным творчеством. Он создавал свои первые

сюрреалистические картины, синтез бреда и яви, сновидений и продуманных фантазий.

В том же 1925 году Дали познакомился с французским писателем Полем Элюаром и его женой Галой (русской Еленой Дмитриевной Дьяконовой). Тогда же он пишет с другом кинорежиссером Луисом Буньюэлем сценарий авангардистского фильма «Андалузский пес». А на следующий год Гала становится женой Дали, его натурщицей и музой, опекуншей, спасающей художника от депрессии, а также его «коммерческим директором», банкиром и кассиром (подчас чрезмерно алчным). Увлеченный фрейдизмом, он вносит в картины эротические символы, сюжеты и ассоциации. В конце 1930 года выходит его книга «Зримая женщина», посвященная Гале. У него появляется все больше поклонников. Он организует в разных странах свои выступления и выставки, выполняет живописные и графические работы, сотрудничает с театрами, публикует статьи и книги, оформляет журналы мод…

В 1936 году он пишет фантасмагорию «Предчувствие гражданской войны» — тело, расчленяющее, раздирающее самое себя. С началом гражданской войны в Испании Дали покидает родину и едет с Галой во Францию, Англию, а затем обосновывается в США. Возвращается в Европу только через 12 лет. Им завладевают религиозно-мистические темы, которые он решает по-своему. Финал жизни Дали был печален и жалок. Когда в 1982 году умерла Гала, он впал в депрессию. Великий актер-художник ушел со сцены. Возможно, ему уже нечего было сказать людям…

В книге «Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим» (1941) художник уже проявляет признаки усталости от своего постоянного и утомительного актерства: «Довольно отрицать — пришла пора утверждать. Хватит выправлять — надо поднимать, возвышать, сублимировать. Хватит растаскивать — надо собирать и строить. Хватит забавляться автоматическим письмом — надо вырабатывать стиль. Пора кончать с разрушением и разбродом — надо учиться ремеслу. Довольно скепсиса — нужна вера. Довольно блуда — нужна чистота. Довольно уповать на коллектив и униформу — нужны индивидуальность, личность. Нужна иерархия. И хватит экспериментов — нужна традиция. Ни революций, ни контрреволюций — ВОЗРОЖДЕНИЕ!»

В заключение — несколько высказываний Сальвадора Дали, которые иногда полезно продумать с полной серьезностью:

— Трудно привлечь к себе внимание даже ненадолго. А я предавался этому занятию всякий день и час. У меня девиз: главное — пусть о Дали говорят. На худой конец пусть говорят хорошо.

— В наше время, когда повсеместно торжествует посредственность, все значительное, все настоящее должно плыть или в стороне или против течения.

— Я совершенно нормален. А ненормален тот, кто не понимает моей живописи, тот, кто не любит Веласкеса, тот, кому не интересно, который час на моих растекшихся циферблатах — они ведь показывают точное время.

— Меня зовут Сальвадором — Спасителем — в знак того, что во времена грозной техники и царящей посредственности я призван спасти

искусство от пустоты. Только в прошлом я вижу гениев…

— Анархия при монархии — вот наилучшее государственное устройство. Монарх должен быть гарантом анархии.

— Люди вообще мало что понимают. Особенно образованные — им недостает культуры.

— Мода — это то, что способно выйти из моды.

— Я пишу картину потому, что не понимаю того, что пишу.

— Я бы не купил ни одну из своих картин.

— Особенность моей гениальности состоит в том, что она проистекает от ума. Именно от ума.

— Суть параноидального преломления в том, чтобы навязать жизни бред. Из этого, кстати, можно извлечь выгоду. В частности, таким образом я зарабатываю деньги. Не могу сказать, что я понимаю, в чем именно заключается этот способ, но применил я его впервые 30 лет назад, и до сих пор удивляюсь результатам.

— Если бы я не работал, что бы я делал здесь, на земле? Скучал бы, как устрица. Поэтому я терпеть не могу устриц.

— Я думаю, что современное искусство — это полный провал, но ведь другого искусства у нас нет и быть не может, а то, что есть — дитя времени, дитя краха.

ЭЙЗЕНШТЕЙН
(1898–1948)

Вторжение техники во все сферы человеческой жизни, торжество механизмов над организмами, явное проявление на планете техносферы — области глобальной технической деятельности человека. Таков XX век, о чем мы уже не раз говорили, обращая внимание на негативные последствия этого явления.

Однако создание технических систем — замечательное достижение человечества. Оно противоречиво, как все творимое людьми; может использоваться для добрых и благородных, но также для злых и низменных целей. Роковая проблема XX столетия — перешедшая в нынешнее — постоянное возрастание негативных последствий технизации как для окружающей природной среды, так и для внутреннего духовного мира личности.

Сто лет назад, когда лишь немногие предчувствовали грядущие мировые войны и революции, среди деятелей искусств преобладало уважительное, а то и восторженное отношение к технике. Она необычайно раздвигала возможности человека. В изобразительном искусстве удалось преодолеть статичность с помощью сменяющихся на экране кинокадров (позже пришли звук и цвет, и это добавило выразительности, особенно — звуковое сопровождение). Сравнительно быстро кино стало массовым и начало выполнять функции экономические, социально-политические. И если на Западе величайшей кинозвездой заблистал Чарли Чаплин, то в СССР — Сергей Михайлович Эйзенштейн. Есть все основания выделить его из большой группы великих кинематографистов уже потому, что его «Броненосец „Потемкин“» через полвека после создания был назван ведущими кинокритиками мира в числе лучших 10 фильмов всех стран, получив наибольшее число голосов, даже несмотря на то, что среди «судей» большинство не были сторонниками советского искусства…

Сергей Эйзенштейн родился в Риге в семье главного архитектора города. С детских лет полюбил театр, много рисовал, сочинял пьески, устраивал домашние представления. По настоянию своего отца в 1916 году, окончив Рижское реальное училище, поступил в 1918-м в Петроградский институт гражданских офицеров. Под влиянием революционных идей на следующий год вступил в студенческий отряд народной милиции, а затем ушел добровольцем в Красную армию, участвовал в боях и агитационных мероприятиях. После Гражданской войны учился в Академии генерального штаба и одновременно работал художником в молодежном театре «Пролеткульт» (Москва). Оставив Академию, поступил в Высшие режиссерские мастерские. Он был убежден: необходимо обновить театр, устраивать «монтаж аттракционов», ошеломляющих зрителя. Воплощением такого идеала стало для него кино.

Эйзенштейн совместно со своими учениками, будущими крупными кинорежиссерами Г.А. Александровым и И.А. Пырьевым снял фильм «Стачка» (1925). А уже следующая его работа, посвященная революции — «Броненосец „Потемкин“» — стала выдающимся произведением, буквально классикой этого вида техногенного искусства. Следующая его работа, посвященная В.И. Ленину — «Октябрь» — была неудачной, а революционный фильм «Да здравствует Мексика!», снятый в Америке, не вышел на экраны.

Зато безусловными шедеврами стали его патриотические фильмы: «Александр Невский» и «Иван Грозный», музыку к которым написал великий С.Н. Прокофьев, а заглавные роли исполнил Н.К. Черкасов. В 1940 году Эйзенштейн поставил в Большом театре СССР оперу Р. Вагнера «Валькирия».

Творчество Эйзенштейна внесло в кинематограф новые выразительные средства, обогатив его и новыми идеями, социальным и революционным пафосом. В лучших фильмах Эйзенштейна чисто технические находки в монтаже динамичных и контрастных кадров превращались в подлинно художественные находки, эмоционально воздействующие на зрителя. Кроме того, он умело использовал символические образы, сопоставления и сравнения, изобразительную силу отдельных сюжетов. Ему удалось осуществить — с помощью техники — полноценный синтез искусств, и в этом сказалось его незаурядное мастерство как театрального режиссера-постановщика и художника-графика.

«Меня пьянит сухой аскетизм графики, четкость рисунка, истязающая беспощадность линии, с кровью вырванная из многокрасочного мира природы. Мне кажется, что графика родилась и из образа веревок, которыми стянуты тела мучеников, из следов, которые наносят удары бича на белую поверхность тела, от свистящего лезвия меча, прежде чем оно коснется шеи осужденного… Так плоский штрих прорезает иллюзию объема, так линия пробивается сквозь краску, так закономерность строя рассекает многообразный хаос форм…»

Некоторые советские критики упрекали его за формализм и экспериментаторство, хотя и признавали мастерство монтажа, строгую композицию кадров, яркость и точность деталей при драматизме и

лаконичности массовых сцен. Но ведь без творческих исканий не бывает и ценных находок. А в поисках предельной выразительности кинофильма Эйзенштейн был изобретателен и неутомим.

Но конечно же никаким формалистом он не был. Яркий пример — его «Александр Невский» — поистине пророческий шедевр, предвещавший жестокую войну с западными захватчиками и победу России-СССР. Набатом звучали слова оратории Прокофьева: «Вставайте, люди русские!..» И встал русский-советский народ, и победил. Была в этом и заслуга Сергея Эйзенштейна…

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ГЕНИИ

Изначально гением называли человека, необычайно одаренного. И возникает вопрос: в чем одаренность проявляется?

Проще всего с композиторами. Они одарены чувством звуковой гармонии, обладают музыкальным слухом. Но и в этом случае многое, а быть может, главное, зависит от обстоятельств. Едва ли не все крупнейшие композиторы прошлого росли в семьях музыкантов или имели в детстве хороший голос (как русский композитор Д.С. Бортнянский).

Крупнейшие философы или литераторы чаще всего обладали энциклопедическими знаниями, хотя прославлены в какой-то одной области деятельности. Наиболее ограниченными были представители научного мира с тех пор, когда началось все более резкое обособление отдельных дисциплин. В этом отношении Д.И. Менделеев и В.И. Вернадский по праву должны находиться в числе универсальных гениев. От них отличаются А. Эйнштейн и Н. Бор, которые были достаточно узкими специалистами, а потому их, возможно, не следовало бы и вовсе относить к каким-то выдающимся мыслителям: достижения в одной области научных знаний вполне могут сделать добросовестные и талантливые ученые, продолжающие работы своих предшественников. Правда, в данном случае открытия в физике сказались и на философии науки.

Вообще, универсальность характерна для прошлых эпох: слишком далеко зашла специализация, особенно в XX веке. Из тех многих, кто жил раньше, хотелось бы упомянуть сейчас двух, очень оригинальных и достойных войти в состав избранных.

В переходный период от поздней Античности к Средневековью необычайно одаренным в разных областях был Боэций (ок. 480–524) — римский государственный деятель, философ, писатель, богослов, ученый, искусствовед. Принадлежал он к знатному роду Аппиев, получил прекрасное образование, много читал, изучал античных авторов и переводил на латинский язык сочинения греческих мыслителей, более других — Аристотеля. Рано приобрел славу знатока разных наук и искусств, грамматики и греческого языка, а также умелого механика.

Его избрали в сенат, в тридцать лет он стал консулом, однако истинную радость доставляли ему научные и философские исследования. Епископ Павии, поэт Магн Эннодий, писал ему: «Ты для меня самый выдающийся из людей… В твоих руках огонь древней мудрости засиял с удвоенным жаром».

Время разложения и падения Римской империи не благоприятствовало признанию трудов таких серьезных мыслителей, как Боэций. Он с огорчением отметил: «Куда бы ни обратил я свой взор, всюду

встречает он то ленивую косность, то завистливое недоброжелательство»; самодовольных обывателей называл он «человекоподобнымичудовищами».

В 522 году он был назначен «магистром всех служб», а два его сына — консулами. Через год Боэция обвинили в государственной измене и казнили. Перед смертью, не теряя мужества, он написал исповедальный трактат «Утешение философией».

Совершенно другим был универсальный гений поздней эпохи Уильям Блейк (1757–1827) — английский поэт и художник. Отец его, лондонский торговец, был глубоко религиозен и постарался наделить этим качеством своего маленького сына, у которого в детстве даже бывали видения ангела в ветвях дерева или на лугу.

Отец отдал его в школу рисования, где Уильям обучался искусству гравировки, после чего изучал живопись в Королевской академии. Он стал зарабатывать себе на жизнь, выполнял гравюры для журналов. Увлеченный идеями мистиков — Я. Беме, Э. Сведенборга, писал стихи, первый сборник которых был опубликован в 1783 году («Поэтические наброски»). Для широкой публики он при жизни остался неизвестным, хотя выпустил несколько стихотворных сборников («Песни невинности», «Песни опыта» и др.), а также поэм («Бракосочетание неба и ада», «Америка: пророчество», «Европа: пророчество», «Мильтон»). Очень интересны и оригинальны по замыслам его иллюстрации к этим и другим произведениям.

Мысленно, в полетах воображения проникая в фантастические миры, Блейк, почти всю свою жизнь безвыездно проведя в Лондоне, был заботливым семьянином; материального достатка, как многие гении, не получил. Зато умел он, говоря его словами:

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.

Ну а уж если речь зашла о поэте, художнике и мыслителе, то необходимо упомянуть Максимилиана Волошина (1877–1932), хотя многие читатели вправе усомниться в таком выборе. Но тут опять возникает вопрос: а кто судьи? Каков критерий отбора? Почему среди выдающихся людей одни прославлены повсеместно, других то возвышают до небес, то низводят до уровня ничтожеств и злодеев, а о третьих мало кто слышал? Ответ, как полагаю, прост: слишком часто выбор определяется политическими мотивами, с позиций выгоды для влиятельных кругов. Это особенно сильно проявляется в последние десятилетия, когда электронные средства пропаганды, внушения, рекламы формируют массовое сознание и общественное мнение по разработанным психотехнологиям. Или, к примеру, П.А. Кропоткина одинаково замалчивали и в царской, и в советской, и в буржуазной нынешней России. И неудивительно: ведь он выступал против имущих власть и капиталы. То же относится и к М. Волошину, создателю философского цикла «Путями Каина. Трагедия материальной культуры».

Тогда, в начале XX века, техническая цивилизация бурно развивалась, и это вселяло оптимизм в умы ученых и философов.

Например, В.И. Вернадский пришел к мнению, что совершается переход в царство разума, торжества на планете научной мысли — в ноосферу. М. Волошин утверждал прямо противоположное. По его словам человек —

Преобразил весь мир, но не себя,
И стал рабом своих же гнусных тварей.

Принято считать, будто люди обучают машины быть все более «разумными». Однако Волошин отметил другую, более важную и трагическую закономерность:

Машина победила человека:
Был нужен раб, чтоб вытирать ей пот,
Чтоб умащать промежности елеем,
Кормить углем и принимать помет.
И стали ей тогда необходимы
Кишащий сгусток мускулов и воль,
Воспитанный в голодной дисциплине,
И жадный хам, продешевивший дух
За радости комфорта и мещанства.

Так техническая цивилизация преобразует человеческую личность. Таков мир, который создается на потребу и буржуа, и пролетариям, и «жадным хамам», интеллектуальным прислужникам машин и государственных владык во имя «радости комфорта и мещанства». И уже не человек приспосабливает машины для своих нужд, а техника, материальная культура порабощает человека, учит его не только жить по своим канонам, но и думать соответственно:

Машина научила человека
Пристойно мыслить, здраво рассуждать.
Она ему наглядно показала,
Что духа нет, а есть лишь вещество,
Что человек — такая же машина,
Что звездный космос — только механизм
Для производства времени, что мысль —
Простой продукт пищеваренья мозга…

Культура вырождается в «увеличение числа потребностей», а идеал — «Благополучие и сытость». Создалось общество, где:

Все строится на выгоде и пользе,
На выживаньи приспособленных, на силе.
Его мораль — здоровый эгоизм,
Цель бытия — процесс пищеваренья,
Мерило же культуры — чистота
Отхожих мест и емкость испражнений.

Сказано сильно, но разве не точно? И понимают ли современные астрофизики, упорно разрабатывающие мертвомеханическую гипотезу рождения Вселенной в результате чудовищного взрыва, что опираются они при этом на несколько формальных критериев и на безграничное собственное неведение основ мироздания:

Мы, возводя соборы космогонии,
Не внешний в них отображаем мир,
А только грани нашего незнанья.

Максимилиан Волошин обладал чудесным даром проникновения в жизнь природы и людей (что наглядно видно на его рисунках, акварелях). Он был не только, говоря его словами, «сын земле. Но путник по вселенным…». Обращаясь к потомкам, к нам, писал:

Когда поймешь, что человек рожден,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и разума —
Вселенную Свободы и Любви, —
Тогда лишь
Ты станешь Мастером.

Так стал ли современный человек Мастером? Приблизилось ли сотворение ноосферы или господствует на Земле и в ближнем космосе техносфера, преображающая живую природу и человеческую личность?

В этой книге мы не станем искать и обосновывать ответы на эти вопросы. Только будем иметь в виду, что в науке, философии, религии, общественной жизни самое главное — уловить и сформулировать важнейшие, фундаментальные проблемы. И в этом отношении творение Волошина «Путями Каина. Трагедия материальной культуры» следует отнести в разряд гениальных, а его — к универсальным гениям человечества.

Надо лишь заметить, что универсализм вовсе не предполагает нечто сверхъестественное. Далеко не всегда человек проявляет свои способности одинаково полно и мощно в разных областях деятельности. За последнее столетие подобные гении и вовсе исчезли. Не потому, что ныне рождается мало гениев (если исходить из физиологических критериев, их теперь должно быть особенно много вследствие значительного увеличения населения Земли). Все дело в том, что нет, как говорят «рыночники», спроса на гениальность. Она предполагает преодоление существующих канонов. А теперь господствуют приспособленцы.

АРИСТОТЕЛЬ
(384–322 до н. э.)

Философии Платона не хватало систематичности. Этот недостаток с лихвой восполнил Аристотель, создавший, помимо всего прочего, первую классификацию наук. Сохраняется поныне его принцип разделения научных знании на теоретические и практические (прикладные). Цель первых, по Аристотелю, нахождение истины, выработка идей, а вторых — обоснование практических действий. К первым он относил не только

математику и физику, но и мудрость, философию.

Помимо «частных наук», изучающих детали природы (сущего), Аристотель выделил знание о мире (сущем) в целом. В этих пределах исследовались и принципы познания. «Аристотель как философ, — по словам Б. Рассела, — во многих отношениях отличался от всех своих предшественников. Он первый стал писать как профессор; его трактаты систематичны, его рассуждения разделены на рубрики… Его работы отличаются критическим характером, тщательностью, прозаичностью, без какого-либо следа вакхического энтузиазма… Он не отличается страстностью или глубоким религиозным чувством… Лучше всего у него описание деталей и критика; ему не удаются большие построения из-за отсутствия фундаментальной ясности и титанического огня».

Можно бы оспорить некоторые чересчур категоричные характеристики Рассела, однако бесспорно, что Аристотель умело смирял свои эмоции ради объективности, систематичности и логичности рассуждений. В этом самоограничении усматривается проявление высокой интеллектуальной культуры — важнейшей предпосылки для становления и расцвета философии и науки.

Энциклопедизм Аристотеля объясняется не только стремлением к познанию, но и особенностями его эпохи. К тому времени было накоплено немало сведений обо всем на свете, высказано много мудрых идей и предположений. Однако все эти интеллектуальные богатства были разрознены. Иначе говоря, в интеллектуальной сфере преобладал хаос, хотя отдельные области знаний, особенно философских, были основательно разработаны.

Аристотеля можно считать первым универсальным гением не потому, что он обладал обширными знаниями. Это делало бы честь его памяти и усидчивости, но вовсе не уму. Он постарался упорядочить, привести в систему весь комплекс знаний. То, что через два тысячелетия осуществил Ньютон для физики и астрономии, Аристотель совершил для всех зарождавшихся тогда наук и философии. Сотворение мира знаний, но не из ничего, конечно, и не из «самого себя», а из того материала, который существовал.

Возможно, в таком утверждении есть доля преувеличения, но оно помогает понять то новое, что можно было внести в философию и науки после Платона, который, образно говоря, создал систему философии («Да будет свет!»). Теперь настала пора отделить философию от науки, а их, в свою очередь, привести в систему. Специально такую задачу Аристотель перед собой не ставил, но он ее решил естественно, ненарочито, ибо был склонен к универсализму, к созданию системы всеобъемлющих знаний.

Он был уроженцем фракийского города Стагиры (отсюда еще его одно имя — Стагирит). Отец его состоял врачом при дворе македонских царей. Аристотель получил прекрасное образование, а в 17 лет отправился в Афины, учился в Академии Платона и затем преподавал в ней. После смерти учителя, путешествовал по Восточному Средиземноморью, посетил Египет. В 343 году до н. э., приняв предложение македонского царя Филиппа, стал наставником его сына Александра. Когда Александр Македонский был провозглашен царем, Аристотель совершил с ним ряд походов, а около 333 года до н. э. вернулся в Афины. Вел философские

диспуты, своеобразные лекции-беседы с учениками в роще Ликеон (отсюда пошло название «ликей» или «лицей» (близ храма Аполлона). Тех, кто там учился и преподавал, называли перипатетиками («прогуливающимися»), ибо они предпочитали беседовать, прохаживаясь.

После смерти Александра Македонского Аристотель спешно покинул Афины, пояснив друзьям: «Хочу избавить афинян от нового преступления против философии» (имея в виду присуждение к смерти Сократа).

О нем сохранилось немало анекдотов. Диоген Лаэртский привел несколько из них.

Аристотеля попрекали, что он подавал милостыню человеку дурного нрава; он ответил: «Я подаю не нраву, а человеку».

Об учении он говорил. «Корни его горьки, но плоды сладки». На вопрос, что быстро стареет, он ответил: «Благодарность». На вопрос, что такое надежда, ответил: «Сон наяву».

Воспитание, говорил он, нуждается в трех вещах, в даровании, науке, упражнении.

Когда ему сказали, что кто-то бранит его заочно, он сказал: «Заочно пусть он хоть бьет меня».

На вопрос, что есть друг, он ответил: «Одна душа в двух телах».

На вопрос, какую пользу он получил от философии, он ответил: «Стал делать добровольно то, что другие делают в страхе перед законом».

На вопрос, как ученикам преуспеть, он ответил: «Догонять тех, кто впереди, и не ждать тех, кто позади». Воспитание называл он лучшим припасом к старости.

Говорят, на вопрос о его отличии от большинства людей, Аристотель ответил. «Они живут для того, чтобы есть, я же ем для того, чтобы жить».

Он справедливо утверждал:

— Все люди от природы стремятся к знанию.

— Достоинство речи — быть ясной и не быть низкой.

На вопрос, почему завистники всегда чем-то огорчены, Аристотель ответил: «Их снедают не только собственные неудачи, но и успехи других».

Вот некоторые из высказываний Аристотеля, относящиеся к егоучению:

— Философия начинается с удивления.

— Боги и природа ничего не создают напрасно.

— Бог — это разум, который мыслит сам себя… и мысль его есть мышление о мышлении.

— Природа есть некое начало и причина движения и покоя для того, чему она присуща первично, сама по себе, а не по случайному совпадению.

— Невозможно, чтобы движение возникло или уничтожилось.

— Кто полагает душу и не бестелесной и не телом, те поступают прекрасно, ибо она не есть тело, но все же есть нечто от тела.

— Душу от тела отделить нельзя.

— Мышление и мыслимое — одно и то же, и оба они лишеныматерии.

— Кто двигается вперед в науках, но отстает в нравственности, тот более идет назад, чем вперед.

— Не цель бывает предметом решения, а средства к цели…

— Серьезное разрушается смехом, смех — серьезным.

— Хотя мы смертны, мы не должны подчиняться тленным вещам, но, насколько возможно, подниматься до бессмертия и жить согласно с тем, что в нас есть лучшего.

ЛЕОНАРДО
(1452–1519)

Около 1482 года к правителю Милана Лодовико Сфорца по прозвищу Моро обратился с письмом тридцатилетний итальянец, приехавший из Флоренции. В ту пору Милан воевал с Венецией, поэтому в послании много места было уделено средствам ведения войны и обороны. Автор письма утверждал: «Владею способами постройки очень легких и крепких мостов, которые можно без всякого труда переносить и при помощи которых можно преследовать неприятеля, а иногда и бежать от него». Далее упоминаются мосты, «стойкие и неповреждаемые огнем и сражением, легко и удобно разводимые», средства «жечь и рушить мосты неприятеля», способы «отводить воду из рвов» в случае осады, устраивать осадные мосты, изготовлять «кошки» и лестницы, разрушать укрепления, недоступные для артиллерии. Говорится о различных видах пушек-бомбард, удобных и легких, «которые кидают мелкие камни, словно буря, и наводят своим дымом великий страх на неприятеля», о способах «по подземельям и тайным извилистым ходам пройти в назначенное место без малейшего шума» и о прообразе современного танка: «Также устрою я крытые повозки, безопасные и неприступные, для которых, когда врежутся со своей артиллерией в ряды неприятеля, нет такого множества войска, которого они не сломили бы. А за ними невредимо и беспрепятственно сможет следовать пехота. Словом, применительно к разным обстоятельствам буду я проектировать самые различные, бесчисленные средства нападения».

В заключение сказано: «Во времена мира считаю себя способным никому не уступить как зодчий в проектировании зданий, общественных и частных, и в проведении воды из одного места в другое. Также буду я исполнять скульптуры из мрамора, бронзы и глины. Сходно и в живописи — все, что только можно, чтобы поравняться со всяким другим, кто б он ни был… А буде что из вышеназванного показалось бы кому-нибудь невозможным и невыполнимым, выражаю полную готовность сделать опыт в парке вашем или в месте, какое будет угодно вашей светлости, коей и вверяю себя всенижайше».

Самоуверенность и нескромность автора письма может показаться возмутительной. Не многое ли он о себе возомнил? Инженер, фортификатор, изобретатель, гидротехник, архитектор, скульптор, художник — и во всем наилучший, искуснейший! Мыслимо ли такое? Да, написано было верно, ибо автором был Леонардо да Винчи. Его зачислили в состав коллегии инженеров герцога. В Милане ему суждено было прожить до конца XV века.

Леонардо да Винчи был сыном богатого нотариуса. Родился в городке Винчи, детство провел в семье бабушки и дяди. С 14 лет стал учеником флорентийского скульптора и живописца А. Верроккьо. Тогда же проявил интерес к наукам.

До 1481 года учился и работал во Флоренции. После 1499 года он переезжал из города в город, выполняя разные работы; руководил

прокладкой канала, изучал анатомию, проектировал оборонительные сооружения; во Флоренции написана знаменитая «Мона Лиза (Джоконда)».

Гений Леонардо был поистине универсальным. Но таково было время возврата Западной Европы (через Восточную — точнее, Византию — и арабов) к искусству, философии, наукам античности; шло преодоление эпохи веры, Средневековья, сковывавшей догмами, запретами, установлениями свободу творческих дерзаний. Заявляла о своих правах и достоинстве человеческая личность. Вот и пытливый ум Леонардо стремился познать все на свете не с чужих слов — пусть даже начертанных в Священном Писании, — а обращаясь непосредственно к природе.

В биографии Леонардо, написанной Вазари, сказано: «Занимаясь философией явлений природы, он пытался распознать особые свойства растений и настойчиво наблюдал за круговращением неба, бегом луны и движением солнца… Вот почему он создал в уме своем еретический взгляд на вещи, не согласный ни с какой религией, предпочитая, по-видимому, быть философом, а не христианином».

Созданные Леонардо «Мадонна с младенцем» и «Тайная вечеря» (фреска в трапезной Миланского монастыря Санта Мария делла Грацие) прежде всего человечны и не оставляют места чуду. В окна видны небо с облаками и гряды невысоких гор, уходящих вдаль. Иисус печально сообщает, что один из апостолов станет предателем. Каждый из них выражает чувства по-своему. Центральное положение Христа подчеркнуто движением фигур и перспективой.

В отличие от всех предыдущих работ на этот сюжет, здесь Иуда находится среди апостолов как равный. Он лишь отстраняется от Иисуса, сжимая в руке мешочек с серебряниками. Выходит, предательство совершают не только явные выродки, отщепенцы, но и еще недавно преданные последователи.

Отношение Леонардо к религиозным предрассудкам было скептическим. О поклоняющихся иконам он отзывался так: «…Они будут просить милости у тех, кто, имея уши, не слышит; они и будут светить тем, кто слепы» [имея глаза]. О священниках: «Фарисеи сиречь — святые отцы».

Ему ненавистны суеверы и лицемеры, а более всех — пустые «прожигатели» жизни. О них он отзывался особенно резко: «Мне думается, что люди грубые, дурных нравов и малого разума не заслуживают столь прекрасного орудия и столь большого разнообразия органов, как люди умозрительные и великого разума, а заслуживают они лишь мешка, куда поступала бы пища и откуда она выходила бы, так как поистине нельзя их считать ни чем иным, кроме прохода для пищи; вот почему, думается мне, они ничего не имеют общего с человеческой породой, кроме разве голоса и фигуры, и все прочее у них значительно ниже зверя».

Нет ли в этих словах пророчества великого труженика Леонардо да Винчи? Алчное общество потребления возникнет через пять веков после него. Замечательные достижения техники будут направлены на удовлетворение похотей и прихотей, ненасытных материальных потребностей бездарных обывателей. А тем «творческим деятелям», кто ссылается на мешающие им те или иные ограничения, неблагоприятные обстоятельства, можно припомнить басню Леонардо о творческой свободе:

«Растение жалуется на сухую и старую палку, которая торчит у него сбоку, и на сухие палки, обступившие его кругом. Но та держит его прямо, а эти охраняют от дурного соседства».

МИКЕЛАНДЖЕЛО
(1475–1564)

Героические эпохи рождают титанов. Творения титанов прославляют эти эпохи в веках. В кипении страстей, сражениях на поле боя и в столкновении мнений, соперничестве талантов формируются гении. Так разряды молний сопровождают буйство стихий, высокое напряжение разнозаряженных сил:

Зло скудно там, где скуден мир добром,
И грань меж них проложена нестрого.

Так писал поэт Микеланджело, более прославленный как скульптор, живописец, архитектор. Он был неутомимым и могучим вдохновенным творцом, не ведающим покоя (тяжкий крест и высокая привилегия гения). В бесформенных глыбах мрамора его воображение видело невоплощенные еще образы, и он высвобождал их резцом, считая своим соавтором саму природу:

Высочайший гений не прибавит
Единой мысли к тем, что мрамор сам
Таит в избытке, — и лишь это нам
Рука, послушная рассудку, явит.

Хотя конечно же тайна заключена не в материале, а в творце. И потому миллионы изваяний, созданные мастерами разных стран и столетий, чрезвычайно редко одухотворены мыслью и чувством, так как это удавалось сделать Микеланджело.

Особую выразительность придавала его скульптурам их изменчивость и пластичность в разных ракурсах, а порой — незавершенность, словно сохраняющая мощь каменной глыбы и возможность новых воплощений. Но главное, он в камне выражал свои муки и горести, утоляя неистовую жажду творчества:

Душа моя желает избавленья
От рабства, лжи, пороков и тоски.
Свершаю я, всем бедам вопреки,
Божественное таинство творенья.

Нет, он не мог жаловаться на судьбу, ибо выбрал ее сам, имея возможность жить совсем иначе, не изнуряя себя трудом. Ведь в городе Капрезе, где он родился, его отец занимал высокий пост подеста, правителя. Знатность рода определила и полное имя ребенка: Микеланджело ди Лодовико ди Леонардо ди Буонаротти Симони.

Он поступил в латинскую школу во Флоренции, но, проявив склонность и способности к живописи, в 1488 году стал учиться у художника Д. Гирландайо, а затем перешел в школу-мастерскую

скульптора Бартольдо ди Джованни. В юности жил во дворце Лоренцо Медичи, имея возможность знакомиться с богатыми коллекциями, среди которых были произведения крупных мастеров и памятники античной скульптуры. Следы этого влияния — в лучшем проявлении — заметны на первой его выдающейся работе «Пьета» (1497–1499): тело Иисуса на коленях Марии, молодой женщины, сын для которой и младенец, и юноша, и взрослый мужчина одновременно — жертва во имя любви.

Микеланджело работал в разных городах Италии. По словам М. Алпатова, «он обладал страстным темпераментом, был неуживчив, горяч, но искренен и прямодушен. Молодым человеком он сблизился с кружком гуманистов при дворе Лоренцо Медичи. Здесь он заразился восторгом к древности, услышал об учении Платона. Впоследствии на него произвело впечатление народное движение, возглавленное Савонаролой. В лице Микеланджело выступил мастер, который порывы своего творческого воображения оплодотворял философскими раздумьями. Он был всегда художником-гражданином. Всю свою жизнь он воспевал в искусстве творческую мощь человека, с оружием в руках защищал свободу родного города».

Молодой ваятель проявил не только талант, но и дерзновенность, уверенность в своих силах, взявшись высечь статую из огромного монолита мрамора. Три года он трудился, создавая исполненный спокойного мужества и ума образ юного библейского Давида, готового выйти на бой с великаном Голиафом. Восторженные флорентийцы поместили изваяние на одну из главных площадей города.

С тех пор Микеланджело выполнил много скульптур и живописных работ, главным образом по заказу папы Юлия II. В частности, расписывал в Ватикане Сикстинскую капеллу; создал гробницу Медичи с аллегорическими фигурами — «Утро», «День», «Вечер», «Ночь», символизирующими периоды жизни и состояния души. В уста «Ночи» он вложил слова сонета:

Отрадно спать, а лучше быть скалой,
Когда царят позор и преступленье
Не чувствовать, не видеть — облегченье,
Молчи, мой друг, не нарушай покой.

…Он был поистине титаном эпохи Возрождения. Историк искусств В.Н. Лазарев считал, что «творчество Микеланджело — это один из высочайших взлетов человеческого гения». Не имея больших наград и почестей, не ожидая их и в мире ином, Микеланджело жил и творил вдохновенно и страстно только потому, что не мог иначе. В полной мере воздать ему должное смогли только последующие поколения. А он писал:

Но есть к земным заслугам безразличье
На небесах, и ждать от них наград —
Что ожидать плодов с сухого древа.

Одно из наиболее тиражируемых его произведений — изображение Бога Творца, перед моментом соприкосновения с безвольной пока еще

рукой Адама. Телесно человек совершенен. Свершилось его телесное воплощение до этого момента; быть может, рожден он матерью-Землей. Но это еще не завершенное создание, ибо без одухотворения творческой энергией, без устремленности к высшему он останется лишь внешним подобием божества.

Нелегкая жизнь и тяжкий труд Микеланджело — типичная судьба гения. Такой дар одни называют — от Бога, другие — от демона, а в действительности он — от человечности. Ибо предназначение личности — проявить себя в творчестве предельно полно, как посчастливилось тем, о ком эта книга (добавим: и тем, кто это понимает и ценит, потому что такие люди творят для всех нас, оправдывая существование человечества)

ПАСКАЛЬ
(1623–1662)

Трудно найти в истории человечества другой подобный пример проявления столь многих дарований за недолгую жизнь. Математик и писатель, физик и философ, изобретатель и религиозный мыслитель — таков универсальный гений Блеза Паскаля.

Отец его Этьен был преподавателем математики и весьма образованным человеком, интересовался историей и литературой, знал языки. Он обучил математике и латыни свою первую дочь Жильберту. В детстве единственным воспитателем и учителем мальчика был отец (мать рано умерла). Можно предположить, что необычайная любознательность Блеза во многом объясняется незаурядным педагогическим талантом отца и, пожалуй, влиянием старшей сестры.

Опасаясь за здоровье болезненного сына, Этьен Паскаль не спешил обучать его геометрии, возбудив тем самым у него острый интерес к этой дисциплине. Маленький Блез самостоятельно стал находить соотношения между «палками» и «кольцами», составляя фигуры и выясняя их свойства. Он пришел к доказательству Евклидовой теоремы: сумма внутренних углов треугольника равна сумме двух прямых.

Приведя этот случай, популяризатор науки М.М. Филиппов сделал вывод: «Из всех великих ученых Паскаль более кого бы то ни было имеет право на титул преждевременно развившегося и столь же преждевременно погибшего гения». Хотя возможно и другое объяснение: геометрические закономерности достаточно просты для того, чтобы о них мог догадаться любознательный и усидчивый мальчик, не лишенный сообразительности.

В шестнадцать лет Блез Паскаль исследовал конические сечения, а в восемнадцать увлекся изобретением вычислительной машины. Он трудился три года, перепробовав полсотни вариантов. Наконец, ему удалось сделать механическое приспособление, выполнявшее (хотя и медленно) простейшие математические операции — примитивный арифмометр, — заслуженно получив за это прозвище «французского Архимеда».

Знакомство с одним знатным господином, увлеченным азартными играми, подвигло Паскаля на исчисление вероятностей выигрыша, в частности при игре в кости. С этого началась новая научная дисциплина — теория вероятностей, которую Паскаль называл «математикой случая».

Другим его увлечением стала физика. Исходя из открытия Торричелли, он решил проверить, как сказывается атмосферное давление

на подъем ртути в запаянной трубке, организовав соответствующие опыты на равнине, горах, высоких строениях. В результате он приближенно определил массу атмосферы и высказал идею измерения высоты местности с помощью барометра. Кроме того, установил закон распределения давления в жидкости («закон Паскаля») и принцип действия гидравлического пресса.

Существуют легенды о том, почему он забросил научные изыскания, занявшись литературой и философией, преимущественно религиозной. Однако надо иметь в виду, что с отрочества его мучили сильные приступы головной боли, от которой не было избавления (они были вызваны, по-видимому, аномалией черепной коробки и воспалительными процессами в мозгу). Вообще, его болезненность отчасти — или даже существенно — способствовала уединенным занятиям наукой. Боли становились невыносимыми, и он стал искать успокоения и утешения в религии. Ему помогали молитвы — один из действенных методов самовнушения.

У Блеза Паскаля рано выработалась культура логического мышления во многом благодаря интересу к математике. Но для дальнейших научных открытий, например в физике, одного этого было недостаточно. Помимо рассуждений, требовалось проведение опытов, наблюдений, штудирование соответствующей литературы. Он подошел к пределу своих возможностей. А потому, пожалуй, обратился к религии, философии, литературе. Его первое сочинение «Рассуждение о любовной страсти» (1652) было исполнено оптимизма и эпикурейства. Показательно, что о страсти он старается рассуждать логически. А причина трактата — влюбленность в сестру губернатора провинции Шарлоту Роанез. Скорее всего, это было своеобразное объяснение в любви. Он сознавался, что испытывает такое чувство, хотя и старается его не выдавать: «Можно сколько угодно скрываться: всякий человек любит». Но слишком тонкие намеки и робкие признания не достигли цели, и немолодой уже Блез решился отказаться от «мирской суеты».

Поселившись в аббатстве Пор-Рояль, он написал «Письма провинциала», направленные против иезуитов — одно из лучших французских сатирических произведений XVIII века. Он задумал капитальный труд «Апология христианской религии», но успел (или смог?) написать лишь отдельные фрагменты. То же относится к его разрозненным высказываниям о жизни, Боге, человеке, познании, изданным благодаря стараниям друзей и родных в 1670 году под заглавием «Мысли».

Он остро чувствовал бесконечное одиночество человека перед неизбежной бездной небытия и бесконечную малость — перед непостижимой сложностью Мироздания: «Я не знаю, кто дал мне место в этом мире, ни что такое я сам. Я нахожусь в страшном неведении всего. Я вижу обнимающее меня пространство Вселенной, сам же прикован к небольшому уголку этого необъятного протяжения, не ведая… почему данное мне малое время назначено мне в этот, а не в другой момент как всей предшествующей да и всей последующей вечности».

Но, несмотря на все это, «человек велик, сознавая свое жалкое состояние. Дерево не сознает себя жалким. Следовательно, бедствовать — значит сознавать свое бедственное положение, но это сознание — признак величия». Называя человека мыслящим тростником, Паскаль добавляет,

что достаточно самой малости, чтобы погубить его. «Но если бы Вселенная его уничтожила, человек все же оставался более достойным, чем то, что его убивает, ибо он знает, что умирает, тогда как о преимуществе, которое над ним имеет Вселенная, она ничего не знает».

Вывод таков: «Все наше достоинство заключается в мысли. Вот чем должны мы возвышаться, а не пространством и временем, которых нам все равно не заполнить. Будем же стараться хорошо мыслить вот начало нравственности»

Ограниченность нашего познания он выводил из двойственной материально-духовной сущности человека. Мы чересчур телесны, чтобы созерцать и понимать духовные субстанции, и не можем постичь материю, ибо наделены духовностью. «Всего же не достижимее для человека то, каким образом тело может соединиться с духом». И еще одно ограничение для познания природы: «Все части мира находятся в таком отношении сцепления между собой, что невозможно… узнать одну без другой и без целого».

Представления Паскаля о мире и человеке следовало бы считать исполненными безысходного пессимизма, если бы не одно обстоятельство: Блез Паскаль был глубоко верующим человеком. По его убеждению, Бог постигается не рассудком, а сердцем. «Бесконечная бездна может быть заполнена лишь чем-то бесконечным и неизменным, то есть Богом».

При всей глубине своих прозрений философ невольно отдавал дань времени, используя логику расчетливого торговца. Он рассуждал о достоинствах теизма и атеизма и пришел к выводу, что верить в Бога выгоднее, чем отрицать его бытие: ведь если Бога нет, то неважно, как ты относишься к этому образу, но если Он есть, то неверующий явно проигрывает. аскаль не стремился создать завершенную философскую систему. Его формулировки могут считаться художественными произведениями афористического жанра. Они рассчитаны на каждого любознательного читателя, приобщая его к сокровищнице знаний и идей, пробуждая любовь к мудрости.

Изумляясь и восхищаясь универсальным гением Паскаля, приходится помнить, что проявлялся он в виде отдельных ярких, разрозненных вспышек творчества — то в одной, то в другой области познания. Характерный пример — его «Мысли». Они показывают великолепное мастерство Паскаля, умевшего высказываться кратко, точно и красочно. Хотя конечно же иные его мысли вызывают желание поспорить. Например — «Весь род людской в течение всех веков должно рассматривать как одного и того же человека, который всегда существует и беспрерывно научается».

Первая часть афоризма если и верна, то отчасти: человечество едино при резкой разнородности его частей (поэтому и бывают войны); оно является организмом весьма своеобразным, и вряд ли напоминающим человека. А чему этот организм научается? Вот в чем вопрос! Создает все более могучую, разнообразную, изощренную технику? Да. Накапливает научные знания? Безусловно. Но как пользуется и тем и другим? С какими целями и результатами? И почему ошибки одних поколений повторяют, а то и усугубляют последующие?

Научились ли люди использовать на благо себе и земной природе, для полноты счастья, в своей жизни те бесценные сокровища, которые оставили им гении всех времен и народов?! Тут есть над чем задуматься всерьез и надолго. Остается поблагодарить Паскаля за поставленную интересную проблему — способность, свойственную гениям.

ЛЕЙБНИЦ
(1646–1716)

Что может быть общего между юристом, философом, ученым, богословом, изобретателем, общественно-политическим деятелем? Пожалуй, только одно: был человек, проявивший выдающиеся способности во всех этих областях умственной и практической деятельности — Готфрид Вильгельм Лейбниц. Вдобавок ко всему, он был еще незаурядным психологом-теоретиком.

Слово физику В.С. Кирсанову: "Лейбниц представляет собой одно из самых мощных и самых замечательных явлений западной цивилизации, которое по своему масштабу и влиянию на научную мысль на заре новой науки может быть сравнимо лишь с вкладом и влиянием Аристотеля на заре классической античной науки. Широта его интеллектуальных интересов поразительна: юриспруденция, лингвистика, история, богословие, логика, геология, физика — во всех этих областях ему принадлежат замечательные результаты, не говоря уже о том, что в философии и математике он проявил себя как подлинный гений. Во всех его научных исследованиях он разрабатывал практически одну и ту же идею, частное выражение которой зависело от соответствующей дисциплины, а именно — идею о единстве знания.

В универсальной одаренности, проявившейся очень рано, Готфрид Вильгельм напоминает Паскаля. Но если болезненный Блез был склонен к пессимизму, испытывал вспышки творческой активности и жил недолгого, Лейбниц постоянно был энергичен, не терял оптимизма и, не обладая крепким здоровьем, прожил 70 лет, оставив обширное интеллектуальное наследие.

Родился Готфрид Вильгельм в Лейпциге в семье профессора нравственной философии (этики); учился в школе, интересуясь предметами всерьез, нередко вне официальной программы. Память у него была связана с эмоциями: он прекрасно запоминал то, что хотел узнать, что возбуждало любознательность. Он прекрасно владел речью и сочинял стихи, чем поражал школьных учителей, не говоря уж о сверстниках. Увлекла его идея придумать особый язык, выражающий движение мысли (по-видимому, нечто подобное возникшей много позже математической логики).

Лейбниц вспоминал: «Две вещи принесли мне огромную пользу, хотя обыкновенно они приносят вред. Во-первых, я был, собственно говоря, самоучкой, во-вторых, во всякой науке, как только я приобретал о ней первые понятия, я всегда искал нового, часто просто потому, что не успел достаточно усвоить обыкновенное… Когда у меня впервые возникла мысль о возможности составить азбуку, выражающую человеческие понятия, и когда я подумал, что, комбинируя буквы этой азбуки, можно, быть может, все найти и все исследовать, я пришел в восторг. Моя радость была конечно сначала радостью мальчика, не вполне постигшего величие предмета. Позднее, чем более я над этим думал, тем более во мне

укреплялась решимость заняться столь важным вопросом».

В 15 лет он поступил на факультет права Лейпцигского университета, но посещал и другие курсы, а читал все подряд: от медицинских трактатов до философских. Он получил в 1663 году степень бакалавра за диссертацию, где доказывал, что индивидуум можно понять только как цельное существо. Через год стал магистром философии, написав талантливую диссертацию «Об искусстве комбинаторики», по теме, увлекавшей его с детства.

В 1666 году в университете Альтдорфа (близ Нюрнберга) он защитил докторскую диссертацию «О запутанных казусах». Своим докладом произвел такое сильное впечатление на экзаменаторов, что ему предложили стать преподавателем. Он отказался, желая заниматься исследованиями, и переехал в Нюрнберг, который нравился ему больше Лейпцига за то, что «там еще можно видеть немецкие платья, там нет излишней роскоши». А еще было в городе тайное общество розенкрейцеров, изучавших оккультные науки и проводивших алхимические опыты. Чтобы попасть в эту организацию, он составил ученую записку, в которой соединил в причудливых комбинациях выписки из алхимических трактатов. Сам он ничего не мог понять в этой абракадабре, зато на розенкрейцеров она произвела неизгладимое впечатление; они радостно приветствовали восход нового светила «темных наук». Его назначили секретарем (с окладом). Он вел запись проводимых опытов и заседаний. Получение алхимического золота его интересовало всерьез. Тем не менее он сохранял благоразумие и здравый смысл в отличие от оккультистов, верящих в самые нелепые фантазии.

У розенкрейцеров он не обогатился ни золотом, ни знаниями, зато свел знакомство с крупным политическим деятелем Бойненбургом, у которого стал работать. Бойненбург так отзывался о нем в письме другу: «Он доктор прав, двадцати двух лет, чрезвычайно ученый, превосходный философ, человек с необычайно обширными познаниями, острым суждением и сверх того весьма трудолюбивый».

С той поры Лейбниц постоянно занимался общественно-политической деятельностью, выполняя различные поручения своих начальников, вельмож, князей. Стараясь способствовать объединению католической и протестантской церквей, написал труд «Доказательство веры», а затем — совершенно иной — «Новая физическая гипотеза» (о проблемах пространства, движения, материи). Тогда же он работал над созданием счетной машины. Она у него получилась более надежная и быстродействующая, чем у Паскаля.

В 1684 году в «Лейпцигских записках» был опубликован его мемуар «Новый метод максимумов и минимумов, а также касательных, для которых не являются препятствием ни дробные, ни иррациональные величины, и особый для этого род исчисления». А ведь всего лишь 10 лет назад Лейбниц был плохо знаком с достижениями математиков и сделал открытия, уже известные специалистам. В Париже ему на это указал Гюйгенс. Лейбниц не расстроился, а напротив, начал штудировать математические работы. Основы интегрального и дифференциального исчисления он вчерне набросал в конце 1675 года, а затем посвятил этому небольшой мемуар.

Правда, его замечательное достижение было омрачено выпадами Ньютона, утверждавшего, будто это лишь плагиат, а подлинное открытие принадлежит ему. Лейбниц вел себя более достойно. Произошло то, что случается в науке, одновременное «двойное» открытие. Идея, как говорят, носилась в воздухе, подступы к ней были подготовлены предшествовавшими исследованиями. А пришли к открытию высшей математики Лейбниц и Ньютон по-разному; один с позиций геометрии, другой — алгебры, что исключает плагиат.

Казалось бы, гений Лейбница более оригинален, ярок и универсален, чем у Ньютона, который писал очень слабые богословские трактаты, философию затрагивал лишь косвенно, не был изобретателем или юристом… Однако теория Ньютона породила иллюзию познания небесной механики, постижения основных законов движения материи, пространства и времени. А созданная Лейбницем «монадология» была слишком умозрительной. Она не согласовывалась с механической моделью Вселенной и даже противостояла ей как модель по сути своей органическая, предполагающая своеобразную жизнь в каждой материальной частице. До сих пор в научных кругах остается главенствующей именно механическая (физико-математическая) схема Мироздания, ньютоново-эйнштейновского типа, к преодолению которой более полувека назад призывал В.И. Вернадский. Энциклопедичность знаний и интересов Лейбница не позволила ему согласиться с механической картиной мира, пусть даже дополненной, как у Ньютона, «сверхъестественным непостижимым Существом». Занимаясь политикой, юриспруденцией и дипломатией, а затем и организацией науки (в Берлине, а также в Петербурге), он постоянно ощущал кипение жизни. Лейбниц стремился обнаружить изначальный источник активности в глубинных структурах материи. По остроумному замечанию английского философа и ученого А. Уайтхеда, Лейбниц «пытался понять, что значит быть атомом».

Ньютон, сформулировав закон всемирного тяготения, оговорился, что природа силы тяготения ему неведома. Лейбниц, определяя меру «живой силы» — кинетической энергии — при столкновении двух тел (произведение массы на квадрат скорости), оперировал с шарами, взаимодействующими при непосредственном контакте. Нечто подобное, как ему представлялось, происходит и в микромире. Эту мысль укрепило в нем знакомство с Левенгуком и его увеличительным прибором (прообразом микроскопа), позволяющим увидеть мельчайшие живые организмы.

Лейбниц понимал, что явления жизни невозможно объяснить математическими и механическими законами. «Общие начала телесной природы и самой механики, — писал он, — носят скорее метафизический, чем геометрический характер». И вполне закономерно, что именно метафизически, умозрительно он обосновал учение о монадах, не имеющих частей субстанций, входящих в состав сложных. «А где нет частей, там нет ни протяжения, ни фигуры и невозможна делимость. Эти-то монады и суть истинные атомы природы… элементы вещей». Он перечисляет свойства монад, каждая из которых индивидуальна.

У Лейбница есть одно положение, которое хотелось бы назвать законом взаимной связи и эволюции в природе: «Все во Вселенной связано

таким образом, что настоящее таит в себе в зародыше будущее». Поясняя это, он предложил образ, который обычно приписывают Лапласу: «Говоря языком алгебры, если в одной формуле высшей характеристики выразить одно существенное для Вселенной явление, то в такой формуле можно будет прочесть последующие, будущие явления во всех частях Вселенной и во все строго определенные времена». Бог сотворил наилучший из возможных миров! И только благодаря некоторым собственным свойствам отдельных тел (организмов) возникают нарушения гармонии.

Монады способны развиваться, как все в природе. Простейшие из них образуют тела косной природы; одухотворенные монады соединяются в живые организмы, а наделенные сознанием — присущи человеку. Материя, движение и развитие определяют единство и бесконечную изменчивость бытия, непрерывность пространства и времени. Повсюду присутствует «первичная активная сила, которую можно назвать жизнью». Живые существа он называет «естественными машинами», но в смысле не механическом, а органическом, то есть как систему сложно и гармонично организованных монад. Человеку дано создавать, конструировать только «искусственные машины», составленные из тел косной природы.

Но каким образом возникла величественная и чудесная гармония монад и всего Мироздания? Она продумана и осуществлена всезнающим, всемогущим Творцом. Способен ли человек постичь во всей полноте замыслы Бога? Нет, конечно. Однако познание является высшей степенью человеческого бытия, приобщающей бренного человека к вечным божественным истинам. Такая устремленность изначально присутствует в людях. Личность младенца следует сравнивать не с чистой бумагой (доской), а с глыбой мрамора, в которой проглядывают контуры будущей скульптуры.

Лейбниц стал одним из первых сторонников идеи неуклонного прогресса, развития природы и общества, постоянного преодоления несовершенства мира и приближения к той гармонии, которая предполагается замыслами Творца. Великий мыслитель не задавался вопросами: почему изначально не был сотворен совершеннейший мир? Какая роль определена человеку не только на Земле, но и во Вселенной, где наша планета является «бесконечно малой», которой можно пренебречь? Почему человек творит так много злого, преступного, глупого? И все ли развивается к лучшему в этом лучшем из миров?..

Лейбниц, человек необычайной интеллектуальной силы, многого достиг в своем творчестве, испытывал радость познания. Ну а конечный результат подобных усилий ясно осознал его великий современник Ньютон, признавшийся на склоне лет: «Не знаю, чем я могу казаться миру, но сам себе я кажусь только мальчиком, играющим на морском берегу, развлекающимся тем, что от поры до времени отыскиваю камешек более цветистый, чем обыкновенно, или красивую раковину, в то время как великий океан истины расстилается передо мной неисследованным».

Как знать, не возникнет ли в будущем новая космогония, в основе которой будет возрожденная и обновленная монадология Лейбница? Тем более что органическая модель Мироздания была предложена еще Платоном, и она отвечает давней мудрости: человек — микрокосм. Только господством над умами ученых техносферы можно объяснить необычайную

устойчивость представлений о мире как механизме, подчиняющемся единственно законам физики, математики.

Кстати, своеобразное отношение Лейбница к познанию природы вполне органично совмещалось с изучением законов механики. Как написал В.С. Кирсанов, «критикуя картезианскую формулировку законов движения, Лейбниц стал в 1676 г. основателем нового подхода, согласно которому истинной мерой движения является так называемая живая сила (кинетическая энергия), пропорциональная квадрату скорости».

В отличие от представителей так называемых точных наук, Лейбниц интересовался жизнью Земли, геологическими процессами и особенностями географической среды, резонно полагая, что без понимания природного фона невозможно познать суть человеческой истории. Он задумал грандиозный труд: «Рассуждение о том древнейшем доисторическом состоянии рассматриваемых областей, которое можно определить по данным природы». Написал только введение — «Протогея». А общую его идею подхватил и разработал Иоганн Готфрид Гердер в своей колоссальной работе «Идеи к философии истории человечества» (1784).

Одновременно с теоретическими изысканиями Лейбниц вел плодотворную организационную работу. По его проекту была основана Берлинская академия наук. В 1711 году Лейбниц познакомился с Петром I, оценившим его гений. Ученый был взят на русскую службу в чине тайного советника и составлял проекты реформ, обновляющих Россию, в частности, предложив создать Петербургскую академию наук.

Наконец, отметим еще одно достижение Лейбница в области, казалось бы, далекой от его интересов. В 1704 году он написал «Новые опыты о человеческом разуме» (опубликованные лишь 60 лет спустя), затем «Опыты Теодицеи о благости Божией к свободе человека и первопричине зла» (доказывая, что свобода воли предоставляет выбор между добром и злом), а также «Монадологию». В первой из упомянутых работ он, полемизируя с английским философом Джоном Локком, высказал замечательную идею, которая вошла в психологию лишь в XIX веке — о существовании области бессознательного, влияющей на мысли и поступки людей. Он писал: "…приобретенные привычки и накопленные в памяти впечатления не всегда сознаются нами и даже не всегда являются нам на помощь при нужде, хотя часто они легко приходят нам в голову по какому-нибудь ничтожному поводу, вызывающему их в памяти, подобно тому, как для нас достаточно начала песни, чтобы вспомнить ее продолжение…

Впрочем, есть тысячи признаков, говорящих о том, что в каждый момент в нас имеется бесконечное множество восприятий, но без сознания и рефлексии, т. е. имеются в самой душе изменения, которых мы не сознаем, так как эти впечатления или слишком слабы и многочисленны, или слишком однородны, так что в них нет ничего, отличающего их друг от друга; но в соединении с другими восприятиями они оказывают свое действие и ощущаются — по крайней мере неотчетливо — в своей совокупности".

Упоенный познанием, Лейбниц обращал мало внимания на житейские невзгоды. Он распространял свой личный опыт на все человечество и верил, что в мире существует предустановленная гармония,

а значит, все идет к лучшему:

«И когда я думаю о росте человеческого знания за последний век или два и о том, как легко было бы людям продвинуться несравненно дальше, чтобы стать более счастливыми, то я не сомневаюсь, что человечество добьется значительных успехов в более спокойные времена при каком-нибудь великом государе, которого бог поставит для блага человеческого рода».

Увы, идея прогресса смущала — и продолжает смущать — многие умы, не замечающие явных ее опровержений самой жизнью. Свобода воли позволяет человеку творить зло и обманываться ложными ориентирами.

Из высказываний Лейбница:

— Всякую часть материи можно представить наподобие сада, полного растений, и пруда, полного рыб. Но каждая ветвь растения, каждый член животного, каждая капля его соков есть опять такой же сад или такой же пруд.

— Природа никогда не делает скачков… Заметные восприятия также получаются постепенно из восприятий слишком малых, чтобы быть замеченными.

— Абстракция сама по себе не является ошибкой, лишь бы только помнили, что то, от чего отвлекаются, все же существует.

— Всякое тело чувствует все, что совершается во Вселенной, так что тот, кто все видит, мог бы в каждом теле прочесть, что совершается повсюду, и даже то, что совершилось или еще совершится, замечая в настоящем то, что удалено по времени и месту; все дышит взаимным согласием…

ЛОМОНОСОВ
(1711–1765)

Родился он в глухой деревне близ устья Северной Двины, в семье простого крестьянина…

Принято считать, будто в столице страны или в больших городах созданы наиболее благоприятные условия для появления крупных мыслителей, ученых, деятелей культуры. Ведь именно здесь собираются лучшие преподаватели, выдающиеся умы; имеются соответствующие учебные заведения, музеи, университеты, академии. Да, на каком-то этапе обучения или первых самостоятельных работ полезно находиться в культурном центре, общаться со специалистами, иметь доступ к интеллектуальным и художественным ценностям. Но в детские годы главное не в том, чтобы чему-то особенному научиться. Важно, чтобы в человеке пробудилась тяга к познанию, творчеству.

Когда есть возможность легко удовлетворить эту потребность, ребенок может быстро утратить первоначальный порыв. Напротив, если приходится преодолевать препятствия на путях познания, тогда слабый отступает, а сильный не сдается.

Так было и с Михаилом Ломоносовым. Его родина, северная Русь, издавна давала приют людям смелым, предприимчивым, вольнолюбивым. Здесь не было унизительного крепостного рабства, да и татаро-монгольского ига тоже. Местным жителям приходилось заниматься разными промыслами: земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством. Поморы были отличными мореходами.

Михайло с малых лет отличался крепким телосложением, силой и упорством. Ему рано пришлось помогать матери, а затем и отцу по хозяйству. Судьба его не баловала. Мать умерла, когда он был еще ребенком. Отец женился вторично. Мачеха невзлюбила пасынка. Возможно, ее раздражали его самостоятельность и упрямство. Отец относился к нему серьезно, как к помощнику. Позаботился о том, чтобы смышленый сын обучился грамоте — у попа.

Ломоносов быстро научился читать. Голос у него был сильный, произношение ясное. Священник не раз поручал ему чтение в приходской церкви глав из Священного Писания. Мальчики постарше завидовали малолетнему «выскочке». Пару раз его поколотили, чтобы отбить охоту быть первым. Однако Михайло умел постоять за себя. Да и не из тех он был, кого можно было запугать и переупрямить.

Самый ранний из автографов Ломоносова относится к 1726 году: запись в приходской книге. Видно, как старательно выписывает он буквы, украшая их завитками. Нажим очень сильный. И не только — для украшения. Чувствуется, что рука написавшего более привыкла действовать топором и веслом.

У соседа-крестьянина Ивана Дудина взял неугомонный Михайло Ломоносов учебники грамматики и этики. Прочитал не один раз, едва ли не наизусть выучил. Юношу, рослого и крепкого не по годам, отец и мачеха пожелали остепенить, женить. У него были другие намерения. Знал, что есть огромный город Москва, где любым премудростям научиться можно. По-видимому, он стал учить латинский язык. Об этом свидетельствует его запись в книге Куростровской церкви. Здесь почерк аккуратен и красив; видно, что пишет человек грамотный. В подписи заглавная "Л" изображена на латинский лад. Позже он так подписывался только по-латыни.

Добром его из дома не отпускали. Пришлось бежать. Выбрал самое благоприятное для побега время, когда догнать и вернуть его было почти невозможно: в лютые зимние морозы.

Тогда был велик риск замерзнуть в пути. Он решился на отчаянный шаг. Догнал санный обоз, доставлявший в Москву рыбу, и с ним через три недели достиг столицы.

Легко ли деревенскому юноше устроиться в огромном городе — без денег и знакомств? Сколько надо иметь воли, мужества, веры в себя и стремления достичь поставленной цели, чтобы решиться приехать в город и не сгинуть в нем без следа? В Славяно-греко-латинскую академию он был принят потому, что назвался сыном священника (крестьянам и ремесленникам учиться в этом заведении запрещалось). Когда обман раскрылся, помогло заступничество просвещенного архиепископа Феофана Прокоповича, восхитившегося его знаниями.

В академии Ломоносов постоянно недоедал. Хотя при случае экономил деньги для покупки книг. Обучался наукам не только в Москве, но и в Киеве, Санкт-Петербурге. Отправили его на учебу в Германию, и там он отличился успехами и… конфликтами. Но даже крепко повздоривший с ним профессор И. Генкель констатировал: «Господин Ломоносов, довольно хорошо усвоивший себе теоретически и практически химию, преимущественно металлургическую, а в особенности пробирное дело,

равно как и маркшейдерское искусство, распознавание руд, рудных жил, земель камней и вод, способен основательно преподавать механику, в которой он, по отзывам знатоков, очень сведущ». Добавим: он стал одним из лучших латинистов Европы, освоив физику и астрономию.

Вернувшись через пять лет на родину, вел разнообразные исследования. В 1745 году получил звание академика. При содействии графа И.И. Шувалова добился создания Московского университета.

Особенно велики и разнообразны научные достижения Ломоносова. В частности, он обнаружил атмосферу на Венере, доказал закон сохранения вещества, теоретически предсказал существование Антарктиды, о котором следует сказать особо — ведь это факт малоизвестен даже в кругу профессиональных географов. Ломоносов в мемуарах по случаю своего приема в Шведскую академию наук выделил — впервые — три типа морских льдов: принесенные реками, вымороженные непосредственно из морской воды и оторвавшиеся от ледников (айсберги).

В его время было установлено, что в районе Южного полярного круга имеется много айсбергов. Прежде, в XVII веке, предполагалось, что там находится огромнейший континент — Южная Земля. Но после плаваний знаменитого английского мореплавателя Джеймса Кука выяснилось, что ее не существует. Правда, немногим ранее в монографии «О слоях земных», вышедшей в 1763 году, Ломоносов писал: «В близости Магелланова пролива, и против мыса Добрыя Надежды около 53 градусов полуденной ширины великие льды ходят; почему сомневаться не должно, что в большем отдалении островы и матерая земля многими и несходяшими снегами покрыта, и что большая обширность земной поверхности около Южного полюса занята оными, нежели на севере».

На первый взгляд, это лишь предположение, и только. Однако в действительности — самое настоящее научное предвидение, основанное на безупречном доказательстве. Ведь он верно считал, что айсберги формируются из крупных ледников на суше. На юге Африки и Америки таких ледников нет, приплыть из Северного полушария в Южное айсберги не могли. Значит, есть все основания утверждать, что в районе Южного полюса должен существовать материк.

Теоретическое открытие Антарктиды — поучительный пример использования научного метода в географии. К сожалению, это не было оценено по достоинству ни в XVIII веке, ни в XIX-м. Хрестоматийным случаем сбывшегося прогноза считается одновременное открытие «на кончике пера» в 1845 году планету Нептун французским астрономом У. Леверье и английским — Дж. Адамсом. Они по отклонениям орбиты Урана вычислили, где должно располагаться неизвестное массивное небесное тело. По этим данным немецкий астроном И. Галле в следующем году обнаружил в телескоп неведомую планету. Но если такое открытие было, что называется, делом техники (наблюдений и вычислений), то у Ломоносова — результатом проникновения мыслью в жизнь природы и сопоставления разных явлений.

Согласно мнению некоторых исследователей, с М.В. Ломоносовым связан первый русский теоретический опыт объединения принципов науки и религии (Н.А. Попов, В.В. Зеньковский). С этим трудно согласиться, хотя именно за последнее десятилетие в России предпринимаются попытки

осуществить подобный синтез.

Сравнительно недавно Н.М. Пронина повторила, что Ломоносов «одним из первых в России соединил религиозную веру с научным реализмом», и в доказательство привела его высказывание: «Неверно рассуждает математик, если хочет циркулем измерить Божью волю, но не прав и богослов, если он думает, что на Псалтири можно научиться астрономии или химии».

Трудно в таком сопоставлении усмотреть даже намек на соединение принципов науки и религии. Тем более, если обратить внимание на слова Ломоносова, сказанные перед этой фразой: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал свое величие, в другой — свою волю. Первая — видимый сей мир, им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его зданий, признал Божественное всемогущество, по себе дарованного понятия. Вторая книга — Священное Писание. В ней показано Создателево благоговение к нашему спасению. В сих пророческих и апостольских боговдохновенных книгах истолкователи и изъяснители суть великие церковные учители. А в одной книге сложения видимого мира сего (Природы. — Р.Б.) физики, математики, астрономы и прочие изъяснители Божественных в натуру влияниях действий суть таковы, каковы в оной Книге пророки, апостолы и церковные учители».

Суть его слов очевидна: богословам — богословское, ученым — научное. Первые толкуют и проповедуют Священное Писание, показывая путь к добродетельной жизни. Вторые «открывают храм Божеской силы и великолепия…».

Имеется еще одно высказывание Ломоносова, дающее повод к двойственному толкованию: «Правда и вера — суть две сестры родние, дщери одного Всевышнего родителя, никогда между собою в распрю прийти не могут…» Именно разные сущности (сестры), но не сиамские близнецы. Обратим внимание: научное знание он называет «правдой», реальностью.

Судя по всему, упомянутые выше философы не обратили внимания на недвусмысленное суждение Ломоносова из его гениальной книги «О слоях Земных»: «Напрасно многие думают, что все с начала творцом создано; будто не токмо горы, доли и воды, но и разные роды минералов произошли вместе со всем светом… Таковые рассуждения весьма вредны приращению всех наук, следовательно и натуральному знанию шара земного, а особливо искусству рудного дела, хотя оным умникам и легко быть Философами, выучась наизусть три слова: Бог так сотворил, и сие дая в ответ вместо всех причин».

В том-то и замечательное философское достижение Ломоносова, что он четко и резко размежевал, а не объединил (подобно различным фантастам-оккультистам) научный и религиозный принципы (методы) познания. Именно это позволило ему сделать великие научные открытия. Он подчеркивал: «Природа крепко держится своих законов и всюду одинакова». Или другое: «Один опыт я ставлю выше, чем тысячу мнений, рожденных только воображением».

Он ясно понимал и высказывался совершенно определенно, что изучение, постижение «Евангелия от Природы» требует опоры на опыт, убедительные доказательства. А религиозная вера опирается на

священные книги и обращена прежде всего к человеческой душе, дает наставления моральные, которые оправдываются и утверждаются именем Бога. Несмотря на основательное религиозное образование, Ломоносов избегал богословских споров. В некоторых случаях его ссылки на Господа носят формальный характер. Следует учитывать, в какое время он творил и какие научные проблемы исследовал. Некоторые из них противоречили церковным установлениям и тексту Священного Писания.

Так, по его оригинальным подсчетам выходило, что продолжительность геологической истории составляет сотни тысячелетий или даже миллионы лет (в то время никто из ученых не предполагал таких сроков). В свое оправдание он, в частности, писал: «Ибо и натура есть некоторое Евангелие, благовествующее неумолчно творческую силу, премудрость и величие. Не токмо небеса, но и недра земные поведают славу Божию». А природные свидетельства глубочайшей древности Земли называл «естественными откровениями».

С иронией отзывался великий ученый о тех, кто смешивает научный и религиозный метод (в связи с противоречивыми данными о дате сотворения мира или всемирного потопа). Для примера спрашивал: «Что помогут хорошие рифмы в доказательстве Пифагоровой теоремы?» Для него Природа божественна, а кто «не хочет, или не может, или не в состоянии вникнуть в премудрые естественные дела Божие, тот довольствуется чтением Священного Писания и других книг душеполезных; управляй житие свое по их учению…»

Правда, встречаются у него суждения противоречивые. Сравним их:

"У многих глубоко укоренилось убеждение, что метод философствования, опирающийся на атомы, либо не может объяснить происхождения вещей, либо, поскольку может, отвергает Бога-Творца. И в том и в другом они, конечно, ошибаются… ибо идея атомов наиболее ясно и полно объясняет сущность материи и всеобщего движения, которое требует признания «всемогущего двигателя». (То есть изначальный импульс, первопричина движения материи — в творческом акте Бога.)

«Первичное движение не может иметь начала, но должно существовать извечно» (это положение он доказывает логически, вовсе не ссылаясь на Творца). Следовательно, для извечного движения нет нужды во «всемогущем двигателе».

Или в другом случае такие странные выводы: «Так как явления природы неизменны, то неизменными должны быть и формы мельчайших (тел). Это доказывает существование Бога-Создателя и показывает, что не случайно материя образовала все».

Такой способ доказательства выглядит голословным, необоснованным. Особенно выразительно завершение: «…Материя образовала все». Это вроде бы сугубый материализм! Даже уточняющее «не случайно» в принципе ничего не меняет.

Для объяснения подобных странностей и противоречий некоторые советские исследователи предполагали, будто Ломоносов лишь притворно ссылался на Бога, в глубине души оставаясь материалистом и атеистом. С таким мнением нельзя согласиться. Судя по всему, Ломоносов, подобно многим крупным естествоиспытателям, склонялся к пантеизму (так же как, например, Гете). В Природе он видел проявление высшего Разума, о сути

которого избегал строить догадки.

Действительно, трудно представить себе случайное сочетание природных тел, которые сами по себе соорганизовались в единое гармоничное целое — Вселенную. Никакие умственные ухищрения не могут объяснить такое явление, так же как самопроизвольное возникновение живого организма из мертвых тел природы. Во всяком случае до начала XXI века таких объяснений, доказательств получить не удалось, несмотря на усилия многих тысяч высококвалифицированных специалистов.

Одно из замечательных положений философии науки становится все актуальнее с каждым десятилетием. Оно простое и мудрое: «Заблуждаются физики, когда пренебрегают тем, что дает повседневный опыт, и ставят изысканные и трудные опыты». Дело тут, конечно, не в отрицании сложных экспериментов (он и сам их проводил), но в подходе к осмыслению их на основе существующих представлений с опорой на здравый смысл. Требуется прежде всего понимание, осмысление. Пренебрежение этим правилом привело к тому, что за последнюю четверть века в физике при необычайно тонких, изощренных экспериментах и замечательных технических достижениях почти нет сколько-нибудь адекватных теоретических открытий.

Как поэт, Ломоносов ощущал цельность, гармонию и величие Природы, и в то же время умел ярко выразить подобные чувства. У него есть точное высказывание: «Те, кто пишут темно, либо невольно выдает этим свое невежество, либо намеренно, но худо скрывают его. Смутно пишут о том, что смутно себе представляют». Единство чувств, мыслей и слова по отношению к Природе — в этой проявилась философия естествознания по Ломоносову. Более того — она воплощалась в конкретные научные открытия. Некоторые из них были осмыслены лишь более чем через два столетия после его смерти, например теоретическое предсказание Антарктиды.

Славе Ломоносова немало помешала… необычайная мощь его гения. Большинство его открытий, как говорится, «опережали время». Скажем, закон постоянства массы (вещества) он сформулировал и доказал, проведя опыты, в 1760 году, о чем написал Эйлеру, сделал сообщение на торжественном заседании Императорской академии наук, опубликовав затем статью. Лавуазье сделал то же открытие, которое назвали его именем, через 29 лет.

Чем объяснить необычайные успехи Ломоносова в разных науках? Главным образом, по-видимому, плодотворностью его представлений о сущности и методах познания природы. Кстати, он не только четко отделял научный метод от религиозного, но и столь же ясно — теоретические знания от практических (называя их художествами), говоря современным языком — науку и технику:

«Учением приобретенные познания разделяются на науки и художества. Науки подают ясное о вещах понятие и открывают потаенных действий и свойств причины; художества к преумножению человеческой пользы оные употребляют».

(Не следует удивляться термину «художества» как синониму «технические»; древнегреческое «технос» означает «искусство, ремесло, умение, художество».)

«Науки довольствуют врожденное и вкорененное в нас любопытство; художества снисканием прибытка увеселяют. Науки художествам путь показывают; художества происхождение наук ускоряют. Обои общею пользою согласно служат».

И в этом случае он писал о том, что вам успешно претворяя в своем творчестве, ведь ему принадлежит множество изобретений, технических усовершенствований. О силе его теоретической мысли свидетельствует такой факт.

Советник академической канцелярии, недруг Ломоносова Шумахер отослал его ранние работы на отзыв академику Л. Эйлеру в Берлин, надеясь получить разгромную рецензию. Прославленный ученый ответил незамедлительно: «Все записи его по части физики и химии не только хороши, но даже превосходны. Ибо он с такой основательностью излагает любопытнейшие, совершенно неизвестные и необъяснимые для величайших гениев предметы, что я вполне убежден в верности его объяснений».

С полным основанием В.И. Вернадский в 1911 году писал, что лишь спустя 200 лет после рождения Ломоносова стал вырисовываться во всей грандиозности его облик: «Не только великого русского ученого, но и одного из передовых творцов человеческой мысли».

Для Ломоносова характерна высокая культура мышления. Она выражалась, как уже говорили, в опоре на опытное эмпирическое знание, логику, здравый смысл, неутомимую любознательность, поэтическое восприятие природы в ее цельности и единстве, благоговение перед Природой. Последнее особенно важно, хотя и присуще по сути своей преимущественно религиозному сознанию. Только в таком смысле, пожалуй, можно говорить о сближении в творчестве Ломоносова науки и религии.

Это относится уже не столько к миропознанию, сколько к мироощущению, восприятию грандиозной, поистине божественной Вселенной в ее непостижимом разнообразии и величии, а значит, и сокровенной тайне. Ограниченный разум человека способен выведать лишь часть ее тайн и, проникая сознанием в ее жизнь, приобщаться к ней.

Вспомним известные строки из его оды «Вечернее размышление о Божьем величестве при случае великого северного сияния»:

Открылась бездна, звезд полна.
Звездам нет числа, бездне — дна.

В дальнейшем он показывает, как ничтожен — физически — человек перед этой бездной и как теряется в ней даже мысль человеческая:

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,

Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен!

Но такое утомление ума демонстрирует и его необычайную силу, ибо присутствует осознание масштабов Мироздания; мысль человеческая проникает не только в видимую звездную бездну, но и в невидимые миры, витающие в ней:

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков.

Он склоняется к идее о множестве обитаемых миров, а заодно высказывает предположение о вечном круговороте времен. В то же время его поистине неутомимый разум проникает и в земные недра и освещает их: «Велико есть дело достигать во глубину земную разумом, куда рукам и оку досягнуть возбраняет натура; странствовать размышлениями в преисподней, проникать рассуждением сквозь темные расселины, и вечною ночью помраченные вещи и деяния выводить на солнечную ясность».

Дополним: своим умственным взором он в данном сочинении («О слоях земных») проникал не только в недра планеты, но и охватывал ее целиком, как бы с космических высот, отметив при этом и существование неведомой в ту пору Антарктиды, и морозного слоя, переходящего из атмосферы в зоны вечной мерзлоты и неисчезающих льдов (по-современному — криосферы). Его научный метод и его философия Природы в этом случае тоже проявились необычайно ярко и сильно, подтвердив свою истинность.

Умствований, оторванных от твердой опоры на факты, Ломоносов избегал. Он подчеркивал, что его выводы «служат в утверждение основательным (обоснованным) учениям, в опровержение мечтательным догадкам, происходящим по большей части от пустых забот и предуверений».

Наконец, следует отметить еще одну особенность его философии науки, которая остается в забвении последние полвека: патриотизм и народность научного творчества. Это отметил В.И. Вернадский: «Ломоносов был плоть от плоти русского общества; его творческая мысль протекала — сознательно и бессознательно бесчисленными путями в современную ему русскую жизнь». И еще: «Стремясь к истине, он в то же время верил в гуманитарное, человеческое ее значение. Полный жизни и энергии, он сейчас же стремился воплотить эту свою веру в жизнь».

Ломоносов ясно сознавал свой долг — даже не перед людьми, а перед некой высшей творческой силой, энергию которой, духовный свет, он ощущал в себе: «Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания от правосудия и всемогущего промысла, который не лишил меня дарования и прилежания в учении и ныне дозволил случая, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий и распространению наук в отечестве, что мне всего в жизни моей дороже».

Как поэт Ломоносов прославился при жизни. Сейчас его выспренные оды кажутся тяжеловесными. Но тогда это было требованием высокого стиля. Но умел он писать и по-другому:

…Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь;
Над бисерными облаками
Сияет злато и лазурь.

Был не только мудр и умен, но и остроумен. Вот его эпиграмма на ханжу-монаха:

Мышь некогда, любя святыню,
Оставила прелестный мир.
Ушла в глубокую пустыню,
Зарывшись вся в голландский сыр.

По мнению Пушкина: «Слог его ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным».

Как ученого Ломоносова стали понимать и оценивать по достоинству только спустя 150–200 лет.

Странным образом Ломоносов, один из величайших ученых в истории человечества, перед смертью сетовал: «Жалею только о том, что не мог я совершить всего того, что предпринял я для пользы отечества, для приращения наук и для славы Академии».

…Мелкие цели не порождают великих дел. Он трудился во славу России. И в творчестве воплощал духовную энергию не только своей личности, но и своего народа. Не потому ли ему принадлежат гордые и необычайно смелые по тому времени слова, обращенные к «благодетелю» графу И.И. Шувалову: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет».

Он воплотил в себе духовную мощь русского народа. Но всегда глубоко уважал западную культуру (и великолепно знал ее). Разум его постоянно впитывал все лучшее без разбора, устремляясь в неведомое и выбирая интуитивно путь к правде. Так росток выбивается из темноты почвы к солнечным лучам.

ГЕТЕ
(1749–1832)

На его смерть русский поэт Евгений Баратынский отозвался так:

Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На все отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.

Все дух в нем питало — труды мудрецов,
Искусств вдохновенных созданья,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упованья…
С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Действительно, гений Иоганна Вольфганга Гете был всеохватен: поэт, писатель, государственный деятель, драматург, ученый, художник, мыслитель. В нем соединились вольнодумство и сентиментальность эпохи Просвещения, романтизм и мечтательность течения «бури и натиска», величественная гармония классицизма.

«Что такое я сам? Что я сделал? — спрашивал он. И отвечал: — Я собрал и использовал все, что я наблюдал. Мои произведения вскормлены тысячами различных индивидов, невеждами и мудрецами, учеными и глупцами… Мой труд — труд коллективного существа и носит он имя Гете…»

Его формальная биография проста: родился во Франкфурте-на-Майне в семье состоятельного и просвещенного мещанина-буржуа; в Лейпцигском и Страсбургском университетах изучал право, философию, историю, медицину; недолго работал адвокатом; поступил в городе Веймаре на службу к местному герцогу и с 1776 года возглавлял Тайный совет, активно и успешно занимаясь государственными делами. Он не раз путешествовал по Италии, но в основном жил в Веймаре, где и умер.

Художественные сочинения Гете пользовались огромной популярностью не только на родине, но и во всей Европе, включая Россию. Еще молодым человеком написал он небольшой роман «Страдания молодого Вертера» (1774). Эту книгу французская писательница Анна-Луиза Жермена де Сталь (1766–1817) считала самой замечательной в немецкой прозе: «Мне неизвестны другие произведения, которые представляли собой более потрясающую и более правдивую картину безрассудств энтузиазма, большее проникновение в истоки несчастья, этой преисподней, куда попадает дух и где все истины открываются тем, кто умеет их искать… Гете хотел изобразить человека, которому причиняют боль все порывы его нежной и гордой души, он хотел изобразить то множество бед, которое одно только и может довести нас до крайней степени отчаяния, от любовных мук еще можно найти какое-то средство, но окружающие должны растравить раны человека, чтобы разум его окончательно помутился и смерть стала потребностью».

По ее словам, выдуманный Вертер вызвал больше самоубийств в Германии, чем весь прекрасный пол этой страны. Сам Гете был обескуражен столь убийственной модой и предпослал второму изданию книги стихотворение, заканчивающееся словами:

Мужем будь, — он шепчет из могилы:
Не иди по моему пути.

Такое воздействие на читателей объясняется не просто литературным талантом автора, но и его способностью уловить и выразить нечто очень важное и характерное для своего народа в данную эпоху. В те же время Гете не ограничивался текущей действительностью. Его мировоззрение охватывало всю природу и все человечество.

В нем сочеталось множество черт, порой противоречивых и нередко выраженных очень ярко. Он мог не только восхищать глубиной своих прозрений, но и производить впечатление легкомысленного человека. "Так считал, — пишет литературовед Г.В. Якушева, — даже его старший друг и почитаемый наставник Иоганн Готфрид Гердер («Гете и вправду хороший человек, только крайне легкомысленен»). Впрочем, в юности он получал определения и пожестче: «сумбурная голова», «в котелке винтиков не хватает»… Те, кто знал его близко, отмечали повышенную впечатлительность и ранимость — признак как раз самого серьезного и глубокого восприятия жизни. Его ощущение бытия словно мечется между полюсами восторга и отчаяния (записи в юношеском дневнике: «Как все сумрачно на этом свете»; чуть позднее: «Мир так прекрасен! Так прекрасен!..»).

…Эти крайности — и в зрелом Гете. Величественный старец, чопорный и важный «олимпиец», в присутствии которого никто не чувствует себя уютно. Сколько подобных воспоминаний осталось потомкам? И сколько свидетельств прямо противоположных, говорящих о страстности, порывистости, дружелюбии старого Гете. Так, разве не примером немеркнущего сердечного огня стала любовь 74-летнего поэта к 19-летней Ульрике фон Леветцов, его неудачное, несмотря на посредничество самого влиятельного герцога, сватовство к ней и традиционный для Гете исход любовной драмы — прелестная «Мариенбадская элегия»? (Хотя справедливости ради требуется отметить, что и эта любовь отнюдь не была последней у чувствительного мэтра.)

…Когда немецкий критик В. Менцель дал свой диагноз: «Гете не гений, а талант», — Генрих Гейне язвительно заметил, что даже те немногие, кто с этим согласятся, вынуждены будут призвать: «Гете порой обладает талантом быть гением». По мнению Гейне, гигантская фигура Гете подавляет слабые умы, вызывает раздражение и желание низвести гения до своего уровня. Впрочем, и сам Гейне не отказался от критики, сравнив Гете со старым атаманом разбойников, который стал вести спокойную жизнь бюргера в тихом провинциальном городке.

Сравнение остроумное, но не вполне справедливое. Ведь более чем через 30 лет после «Вертера» Гете создал не менее романтичного и страстного «Фауста». Автором оставался все тот же человек, сохранивший бурные порывы молодости, но умеющий (и прежде тоже умевший) их укрощать и, можно сказать, запрягать в нелегкую повозку творчества. По словам немецкого писателя и критика Фридриха Шлегеля, «поэзия Гете — утренняя заря истинного искусства и чистой красоты… Философское содержание, характерная правда его поздних произведений может быть

сравнима только с неисчерпаемым богатством Шекспира». Хотя А.С. Пушкин высказался сильней, считая «Фауст» величайшим созданием поэтического духа".

В душе у Гете всегда сосуществовали романтический разбойник «бури и натиска» со степенным рассудительным обывателем. В нем одинаково сильны были и рассудок, и эмоции. Как проницательно подметил немецкий писатель и собиратель народных песен Ахим фон Арним, «каким бы сознательным ни было его творчество… его часто опережает собственная натура, дарящая ему неожиданные идеи и непредвиденное воздействие на других».

Судя по всему, универсальная гениальность и величайшие достижения в творчестве — результат гармоничного взаимодействия одинаково сильно выраженных эмоций, рассудка и интуиции. Или, говоря иначе: правого и левого полушарий мозга, а также подкорки (подсознания). У большинства людей различия между этими тремя компонентами сглаживаются, и личность становится заурядной (при преобладании эмоций — художественная натура, рассудка — рационально мыслящая, подсознания — склонная к мистицизму). Когда связь между ними разлаживается, возникают психические и умственные аномалии. (Должен оговориться: такова моя гипотеза, которая требует более основательного обоснования.)

Русский философ и германист А.В. Гулыга пишет об изменчивости отношения Гете к религии, которая требует от верующего ограничения свобода мысли, исканий в угоду безоговорочно принимаемым догмам: «В стихах Гете говорит о своей ненависти к богам, об отвращении к кресту. Христианские сюжеты в искусстве представляются ему антихудожественными, Евангелие — нелепицей. Добившись назначения Гердера главой протестантской церкви в Веймаре, он тут же разражается эпиграммой, в которой сравнивает своего друга с Христом; последний разъезжал на одном осле, а Гердер будет иметь в своем распоряжении сто пятьдесят: это подчиненные суперинтенданту протестантские священники. Стареющий Гете, судя по записям Эккермана, проявлял интерес к религии… Он принимал христианство как нравственный принцип, говорил о почитании солнца и света как творческой силы бога, отвергая христианскую догматику и обрядность».

Но и в данном случае вряд ли со временем существенно изменились взгляды Гете. Он был убежден: «Материя без духа, а дух без материи никогда не существует». Природа Бога заключалась для него в божественной Природе. Подобно многим выдающимся естествоиспытателям, он был пантеистом. А то, что он был незаурядным профессиональным натуралистом, доказывают его научные достижения: создание своеобразного учения о цвете (наперекор и в дополнение ньютоновскому), работы по метаморфозу растений, открытие межчелюстной кости у человека (авторитетные специалисты тогда полагали, будто отсутствие ее у человека отличает его от других млекопитающих). У него есть труды по сравнительной морфологии (его термин) животных; он доказывал происхождение черепа из позвонков, изучал метеорологические и геологические явления. В романе «Годы учения Вильгельма Мейстера» он высказал идею о существовании

ледниковой эпохи, а во второй части «Фауста» немало места уделил геологическим проблемам (с полным знанием дела).

О его «Фаусте» сказано очень много; эта трагедия вдохновила Шарля Гуно на создание гениальной оперы. Фауст, искушаемый Мефистофелем, ищет миг высшего наслаждения («Мгновенье, ты прекрасно, остановись?») в любви к Маргарите, но переживает страшную катастрофу. Стремясь помочь людям, он преобразует природу, налаживает морскую торговлю, но все, что осуществляется с помощью нечистого, оборачивается злом.

"И вот финал, — пишет Арсений Гулыга. — Мефистофелю удалось-таки вырвать из уст Фауста:

Мгновенье!
О как прекрасно ты, повремени!

Взору Фауста открылась панорама гигантской стройки. Он счастлив руководить созидательным трудом, произносит панегирик творчеству. Но ничего этого нет — только лемуры-гробокопатели роют ему могилу. Столетний старец слеп, и победа над временем — всего лишь иллюзия умирающего. Мефистофель сжульничал, не выиграл, а обманул и за это наказан".

Обычно исследователи подчеркивают, что преодоление трагедии личности — в героическом энтузиазме:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!

В этих словах немолодого Гете звучит пылкая романтика юности. Но исчерпывают ли они содержание произведения? Например, А.В. Гулыга предлагает такую трактовку: "В финале трагедии Мефистофель, уже увидевший было обещанную душу в своих руках, посрамлен: в дело вмешались ангелы и помогли Фаусту миновать ад.

Чья жизнь в стремлениях прошла,
Того спасти мы можем.

Гете выделил эти слова курсивом. В них идея трагедии… Будь чист в своих помыслах, и тогда не страшна тебе никакая нечистая сила". Хотя можно предположить другую мысль Гете: последнее мгновение жизни — переход в вечность, и оно лишено ужаса и тоски для того, кто жил напряженно и полно, исчерпывая свой творческий потенциал…

Впрочем, «Фауст» конечно же не ограничен одной идеей, пусть даже мудрой и возвышенной. Сочинение полифонично, подобие личности главного героя и создателя. Тем более что, как мы знаем, одна лишь чистота помыслов не избавляет от беды по разным причинам, скажем, из-за невежества или самообмана.

Творчество Гете, как едва ли не всех гениев, предоставляет возможность для самых разных толкований. Скажем, В.И. Вернадский видел смысл жизни Фауста «в овладении природой, силами науки для

блага народных масс» (в полном соответствии с концепцией установления на Земле ноосферы). Приведем несколько высказываний Вернадского о Гете:

«Для Гете чувство и понимание природы в их художественном выражении и в их научном искании были одинаково делом жизни, были неразделимы».

«Гете — синтетик, а не аналитик; великий художник чрезвычайно ярко чувствовал единство — целое природы, т. е. биосферы, как в ее целом, так и в отдельных ее проявлениях… Очень характерно, что его целое не было механически прочным, неподвижным, как мог проявляться современникам мир всемирного тяготения. Это было вечно изменчивее, вечно подвижное, в частностях неустойчивое равновесие, не механизм, а организованность».

«Это был мудрец, а не философ, мудрец-естествоиспытатель».

В заключение предоставим слово самому Иоганну Вольфгангу:

"Природа! окруженные и охваченные ею, мы не можем ни выйти из нее, ни глубже в нее проникнуть. Непрошенная, нежданная, захватывает она нас в вихрь своей пляски, и несется с нами, пока, утомленные, мы не выпадем из рук ее.

Она творит вечно новые образы; что есть в ней, того еще не было; что было, не будет, все ново, — а не только старое. Мы живем посреди нее, но чужды ей. Она вечно говорит с нами, но тайн своих не открывает. Мы постоянно действуем на нее, но у нас нет над нею никакой власти…

Все люди в ней, и она во всех. Со всеми дружески ведет она игру, и чем больше у ней выигрывают, тем больше она радуется. Со многими так скрытно она играет, что незаметно для них кончается игра…

Она позволяет каждому ребенку мудрить над собой; каждый глупец может судить о ней; тысячи проходят мимо нее и не видят; всеми она любуется и со всеми ведет свой расчет. Ее законам повинуются даже тогда, когда им противоречат… Всякое ее деяние благо, ибо всякое необходимо; она медлит, чтобы к ней стремились; она спешит, чтобы ею не насытились.

У ней нет речей и языка, но она создает тысячи языков и сердец, которыми она говорит и чувствует.

Венец ее — любовь. Любовью только приближаются к ней. Бездны положила она между созданиями, и все создания жаждут слиться в общем объятии. Она разобщила их, чтобы опять соединить. Одним прикосновением уст к чаше любви искупает она целую жизнь страданий…

Она меня ввела в жизнь, она и уведет. Я доверяю ей. Пусть она делает со мной, что хочет. Она не возненавидит своего творения. Я ничего не сказал о ней. Она уже сказала, что истинно и что ложно. Все ее вина и ее заслуга" (1783).

— Можно ли познать себя? Не путем созерцания, но только путем деятельности. Попробуй исполнить свой долг, и ты узнаешь, что в тебеесть.

— Посредине между двумя противоположными мнениями лежит… проблема.

— Мудрость — в правде.

— Красота есть проявление тайных законов природы.

— Нет ничего страшнее деятельного невежества.
— Первое и последнее, что требуется от гения, это любовь к правде.

Горные вершины
Спят во тьме ночной.
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы…
Подожди немного
Отдохнешь и ты. *2 Перевод М.Ю. Лермонтова*

ГУМБОЛЬДТ
(1769–1859)

В Германии XVIII — начала XIX века появилась целая плеяда гениев: Кант, Гердер, Шиллер, Бетховен, Гаусс, Гегель. Среди них немало универсальных (Лейбниц, Гете, А. Гумбольдт, Гофман). И это в стране, расчлененной на мелкие княжества? Почему возник такой странный феномен?

Не станем обращаться к надуманным, не имеющим научных доказательств предположениям о воздействии на общество солнечной активности или вспышках в народе «биохимической энергии» («пассионарности»). Все было сложней. В Европе завершался феодализм; мелкие правители, подобно крупным, заботились о своей славе и хотя бы видимости процветания. В эпоху Просвещения одним из важнейших критериев величия государя, князя был интеллектуальный уровень его подданных, их творческие достижения. Вдобавок наступила череда революций, войн, бурных общественных движений, когда пробуждаются самосознание народов и личности, стремление к свободе, жажда творчества. Немалое значение имеет пример отдельных талантливых людей, которым удается добиться признания. Но главное конечно же духовный подъем, желание разорвать путы обыденности, встать на путь преодоления, а не приспособления к обстоятельствам.

На таком подъеме самосознания немецкой нации проходила деятельность Александра Фридриха Гумбольдта. Добавим: и его брата Вильгельма (1767–1835) — языковеда, философа, культуролога, государственного деятеля, по мнению которого, «отдельный человек является по отношению к своему народу таким же индивидом, как лист по отношению к дереву».

Александр Гумбольдт — ученый-энциклопедист, путешественник, писатель, просветитель, художник — родился в семье прусского дворянина, слушал лекции в нескольких германских университетах и Фрейбергской горной академии. С 1790 года путешествовал по странам Западной Европы, служил в Горном департаменте Берлина, писал работы по минералогии, палеонтологии, геологии.

Получив наследство, оставил службу и проводил многочисленные экспедиции в центральной и Южной Америке, а также в России (Урал, Алтай, Прикаспий). Он заложил основы физической географии, страноведения, географии растений, палеоботаники. В последние годы

своей долгой жизни работал над многотомным сочинением «Космос», где человечество представлено как малая часть земной природы, а наша планета — крохотной частичкой Мироздания. Этот свод естественнонаучных знаний остался незавершенным.

Его важная заслуга — распространение научных знаний и нового, уважительного отношения к науке среди широких масс читателей, а также влиятельных персон. Все путешествия Гумбольдта были исследовательскими; ему доводилось бывать в районах, не обследованных учеными. Научное описание его пятилетней экспедиции в Новый Свет составило 30 томов! При этом он выступал как геолог, вулканолог, ботаник, метеоролог, ландшафтовед (он стал одним из основоположников этой науки), историк, этнограф… Помимо всего прочего, писал, в среднем, несколько писем в день, делал публичные доклады для любителей природы и специалистов.

Крупный русский биолог-эволюционист XIX века, один из К.Ф. Рулье писал: «Точный, ясный язык, неимоверное обилие фактов, строгая оценка частных и взаимных их отношений в одном стройном целом — словом, обилие вовсе неожиданных данных, глубокое миросозерцание при спокойном, часто до поэтического чувства восходящем картинном изложении общего строя природы — поразили всех в новом труде опытного экспериментатора, смелого неутомимого путешественника, глубокого, всестороннего кабинетного ученого, истинного поэта-живописца и литератора — Александра фон Гумбольдта».

В предисловии к первому изданию своих «Картин природы» он сообщал: «Я стремился представить картину природы в целом и показать взаимодействие ее сил, а также воспроизвести то наслаждение, которое получает от непосредственного созерцания тропических стран человек, способный чувствовать».

В этой популярной работе он высказал ряд оригинальных идей, а среди них — мысль о единстве земной жизни, предваряющую концепцию биосферы: "Когда неутомимый ум человека исследует природу или измеряет в своем воображении обширные пространства органического мира, то среди многообразия воспринимаемых им впечатлений ни одно не действует на него так глубоко и властно, как всюду разлитая полнота жизни…

Если даже невооруженный глаз видит жизнь во всей атмосфере, то вооруженный открывает еще большие чудеса… Вместе с развитыми организмами атмосфера содержит и бесчисленные зародыши будущих существ, личинки насекомых и семена растений…"

Позже в «Космосе» он развил эту идею и предложил понятие «либеносфера» («жизнесфера»), вполне отвечающее тому, которое вошло в науку через полвека благодаря австрийскому геологу Э. Зюссу: биосфера.

Помимо всего прочего, Гумбольдт был добрым, отзывчивым, благородным человеком, всегда готовым помочь другим. За такое участие и поддержку его горячо благодарили, в частности, химик и биохимик Юстус Либих, ученый-энциклопедист Герман Гельмгольц, физик Жан Батист Фурье (он писал, что исследования Гумбольдта «охватывают все главные вопросы философии природы»).

Подобно Гете, Гумбольдт был убежден: не следует путать реальную природу с ее искаженными образами в науках (увы, завет этот забыли слишком многие ученые XX и XXI веков). Научное рассудочное познание преимущественно аналитическое, дробящее мир на детали, элементарные составляющие. Это еще не природа в ее целостности и гармонии.

А. Гумбольдт называл первой и возвышенной целью научного познания «отыскание законов природы, исследование правильного чередования форм, проникновение в необходимую взаимосвязь всех изменений, происходящих во Вселенной». Понимал он и важнейшее прикладное значение естествознания: «Человек не может воздействовать на природу, не может завладеть никакой из ее сил, если не знает законов природы… Знание и изучение суть радость и право человечества; они суть части народного богатства».

Противоречия естествознания и философии природы, по его мнению, вызваны или формальными умствованиями, далекими от окружающей реальности, или чрезмерными притязаниями ученых на полноту и точность познания природы. «Только там начинается наука, — писал он, — где дух овладевает материалом, где делается попытка подчинить массу опытов разумному познанию; наука есть дух в приложении его к природе».

ГОФМАН
(1776–1822)

Судьба его удивительна прежде всего потому, что универсальная одаренность, не менее удивительная, чем у Гете, высокий профессионализм в нескольких видах деятельности не принесли ему жизненных благ. В этом отношении он — личность фантастическая. Возможно, он имел в виду себя, упомянув о студенте-неудачнике, у которого хлеб с маслом всегда падал намазанной стороной вниз.

Талантливый советский писатель Юрий Олеша в книге «Ни дня без строчки» вопрошал: "Кто он был, этот безумный человек, единственный в своем роде писатель в мировой литературе, со вскинутыми бровями, с загнутым книзу тонким носом, с волосами, навсегда поднявшимися дыбом? Есть сведения, что, пиша, он так боялся того, что изображал, что просил жену сидеть с ним рядом.

Гофман необычайно повлиял на литературу. Между прочим, на Пушкина, Гоголя, Достоевского.

У Герцена есть восторженная статья о нем.

Он появился, мне кажется, ни на кого не похожим. Он не только фантаст, но полон жаром, бытом, подлинностью.

Иногда он путается. Говорят, что он писал пьяным.

Музыка царит в его произведениях. Кавалер Глюк появляется из прошлого живой перед ним, Гофманом, и слушает исполнение «Ифигении в Авлиде». Дирижеры, театральные занавесы, загримированные актрисы толпятся на его страницах.

Он, может быть, первый изобразил двойников, ужас этой ситуации — до Эдгара По…"

Упомянутые Олешей писатели — лишь первая волна, которую вызвали в мировой литературе сочинения Гофмана. Вторая (или третья?) волна прокатилась уже в XX веке. В Чехии и Австрии на нее отозвались

Карел Чапек, Франц Кафка; в России — Михаил Булгаков, Олеша, ранний Заболоцкий; в 1921 году в Петрограде возникло литературное сообщество «Серапионовы братья» (по названию романа Гофмана), объединявшее Вс. Иванова, М. Зощенко, К. Федина, Н. Тихонова и некоторых других писателей.

На вопрос «кто же он был?» отчасти дает ответ его жизнеописание. Эрнст Теодор Амадей Гофман — писатель, композитор, дирижер, искусствовед, режиссер, художник, юрист — родился в прусском городе Кенигсберге (ныне Калининград) в семье чиновника. В юности увлекался музыкой, живописью, литературой. Любил кукольный театр, вырезал деревянных и бумажных человечков. Изучил юриспруденцию в Кенигсбергском университете и честно работал юристом, приобретя высокую квалификацию. Но истинным его призванием было художественное творчество.

С 1805 года он выступал в различных городах Германии в качестве режиссера, капельмейстера, композитора, театрального директора, художника-декоратора, а также музыкального критика. Ему принадлежит первая в Германии романтическая опера «Ундина».

Наиболее знаменит и прославлен он как писатель. В его произведениях причудливо переплетены романтика, мистика, неудержимая фантазия с картинами и образами реальными, а то и сатирическими. Как писал советский литературовед И.В. Миримский, «стиль Гофмана можно определить как романтико-фантастический. Смех Гофмана отличался необыкновенной подвижностью своих форм, он колеблется от добродушного юмора сострадания до озлобленной разрушительной сатиры, от безобидного шаржа до цинически уродливого гротеска».

Когда эту статью Миримского прочел Михаил Булгаков, он подчеркнул эти и некоторые другие фразы, после чего написал жене о стилистическом сходстве «Мастера и Маргариты» с реалистической фантастикой Гофмана (кстати сказать, у последнего есть произведения «Мастер Мартин-бочар…», «Мастер Иоганн Вахт»).

Может показаться, что заурядный жизненный путь Гофмана — чиновника и капельмейстера — никак не соответствует его сочинениям как музыкальным, так и литературно-художественным, а также рисункам, их иллюстрирующим. Проза быта находится в решительном контрасте с фантасмагорическими его творениями. Более того — и в полном противоречии с окружавшей его действительностью.

Николай Гоголь в письме своей ученице М.П. Балабиной сообщил о своем впечатлении от Германии: «…Иногда находит минута, когда хотелось бы из среды табачного дыма и немецкой кухни улететь на луну, сидя на фантастическом плаще немецкого студента… Но я сомневаюсь, та ли теперь эта Германия, какою мы представляем себе. Не кажется ли она нам такою только в сказках Гофмана?.. И та мысль, которую я носил в уме об этой чудной и фантастической Германии, исчезла, когда я увидел Германию в самом деле…»

Куда же могла исчезнуть гофмановская страна? Никуда она не исчезла. Внешне все осталось, как прежде (Гоголь посетил ее всего через 16 лет после смерти Гофмана). Создания фантазии немецкого писателя были попытками преодолеть ее, вырваться из постылого мира

обыденности, от которого можно сойти с ума (тому у кого он есть), уйти в запой, совершить самоубийство. Таковы способы ухода от действительности, из которых наиболее достойный — творчество.

Интересно, что, казалось бы, явный гофманианец Франц Кафка в своих дневниках не упоминает Эрнста Теодора Амадея, но, говоря о себе, дает ключ к пониманию его творчества. В частности, отмечает свою «неприкаянность», полный разрыв с национальной средой (он был евреем) и социальной тоже (жил в Праге, писал по-немецки, служил чиновником, восхищался Герценом, Гоголем, Достоевским, Кропоткиным). Он записывал: «Что у меня общего с евреями? У меня даже с самим собой мало общего…» Выходит, он и себя рассматривал как объект для литературной работы, особое внимания уделяя своим сновидениям. В другом месте отмечал: "То, что я не научился ничему полезному, к тому же зачах и физически — а это взаимосвязано, — могло быть преднамеренным. Я хотел, чтобы меня ничто не отвлекало, не отвлекала жизнерадостность полезного и здорового человека. Получается, даже болезни, слабости и горести могут быть полезны для творчества, а потому следует их использовать, не сетуя на судьбу. Он сознательно размывал грань между сном и явью, реальностью и фантастикой; в творчестве его присутствует «постоянно вибрирующая граница между обыденной жизнью и кажущимся более истинным ужасом» (его слова).

А первым осознал и выразил эту постоянно вибрирующую границу Гофман — «маленький, нервный подвижный человечек с пронзительным взглядом черных глаз», — по словам Е.М. Браудо; и еще: «У Гофмана все важнейшие произведения неразрывно связаны с фактами его личной биографии». Да, именно так. Приходилось Гофману встречать призрачно-прекрасных принцесс и злобных волшебников-чиновников — порождениями реальности, отраженными в текучем зеркале воображения. Вот и Михаил Булгаков в «Дьяволиаде», «Мастере и Маргарите», подобно Гофману, явил фантасмагорию, в которой существуют люди, сами того не замечая (сюрреализм в литературе?).

О реальности воображаемого мира хорошо сказал современник Гофмана поэт-романтик Новалис (Фридрих фон Харденберг): «Сказка подобна сновидению, она бессвязна. Ансамбль чудесных вещей и событий. Например, музыкальные фантазии… В сказке царит подлинная природная анархия…»

Гофмановские сказки обыденной жизни порой выражают реальность полней, чем точнейшие натуралистичные описания. Ибо мир человека во многом — создание его ума, эмоций, воображения.

Вспомним некоторые высказывания героев произведений Гофмана:

«Пожалуй, ничто здесь, на земле, не возвышает так человека в самой его сокровенной сущности, как любовь. Да, любовь — та могучая таинственная сила, что потрясает и преображает глубочайшие основы бытия; что же за диво, если Дон Жуан в любви искал утоления той страстной тоски, которая теснила ему грудь, а дьявол именно тут и накинул ему петлю на шею? Враг рода человеческого внушил Дон Жуану лукавую мысль, что через любовь, через наслаждение женщиной уже здесь, на земле, может сбыться то, что живет в нашей душе как предвкушение неземного блаженства и порождает неизбывную страстную тоску,

связующую нас с небесами».

«Основание лестницы, ведущей в небо, по которой мы хотим взобраться в высокие сферы, должно быть непременно укреплено в реальной жизни, чтоб по этой лестнице легко мог взойти вслед за автором всякий. Тогда, как бы высоко он ни поднимался в фантастическое волшебное царство, он нисколько не будет сомневаться, что это царство входит и в его жизнь тоже, собственно, как чудесная ее часть. Это царство можно сравнить с великолепным цветником у городских ворот, где он может гулять и получать истинное наслаждение, если только возымеет желание на время покинуть мрачные стены своего города».

«Я терпеть не могу, если в каком-нибудь фантастическом романе развязка объясняет изложенные события все до последнего, предоставляя читателю только благополучно надеть шляпу и отправиться домой… Мастерски рассказанный отрывок всегда производит на меня большее впечатление и доставляет надолго истинное удовольствие, заставляя мою собственную фантазию распустить свои крылья».

А вот как рассуждает мудрый пес Берганца:

— Но можно ли нанести художнику оскорбление более глубокое, чем то, когда толпа считает его своим ровнею? А ведь это бывает всякий день! Как часто меня просто тошнило, когда какой-то тупоумный молодец начинал болтать об искусстве, цитировал Гете и пытался заставить снять тот дух поэзии, который одною искрою мог бы уничтожить жалкого слабоумца.

— Да, я собака, но ваше преимущество — ходить прямо, носить брюки и постоянно болтать, о чем только вздумается, — вовсе не так уж ценно, как способность в продолжительном молчании хранить тот верный разум, который постигает природу в самой священной ее глубине и из которого зарождается истинная поэзия.

КРОПОТКИН
(1842–1921)

Князь Петр Алексеевич Кропоткин родился в Москве в семье генерала, потомка Рюриковичей; окончил Пажеский корпус с отличием, был камер-пажом Александра II. Его ждала блестящая карьера. Он выбрал службу в Амурском казачьем войске, совершил ряд трудных экспедиций, открыл неведомые ранее горные гряды, вулканические области, Патомское нагорье в Забайкалье; уточнил сведения о географии и геологии Сибири, Дальнего Востока. Вернувшись в 1867 году в Петербург, работал в Русском географическом обществе, путешествовал по Швеции, Финляндии. Учился на физико-математическом факультете Петербургского университета, зарабатывал на жизнь публицистикой и в то же время вел просветительскую и революционно-пропагандистскую работу среди рабочих (был народником). Арестованный и заключенный в Петропавловскую крепость, написал классический труд «Исследования о ледниковом периоде».

Ему удалось совершить дерзкий побег из тюремной больницы. 40 лет провел в эмиграции. Сотрудничал в «Британской энциклопедии», публиковал научные труды: «Взаимная помощь как фактор эволюции», «Великая Французская революция», «Хлеб и воля», «Современная революция и анархия», «Идеалы и действительность в русской

литературе», «Этика», а также биографические «Записки революционера». После Февральской революции 1917 года вернулся в Россию. Умер в городе Дмитрове (Подмосковье), похоронен на Новодевичьем кладбище.

У этого человека — что случается в мировой истории нечасто — не было расхождений между интеллектуальной и практической деятельностью, словом и делом, нравственными идеалами и поведением, образом жизни и образом мыслей, убеждений.

Оскар Уайльд сказал о нем: «Человек с душой того прекрасного Христа, который, кажется, идет из России», — считая его одним из двух по-настоящему счастливых людей из всех, кого он знал, и даже написал сказку «Счастливый принц» (т. е. князь), аллегорически показав радость дарить людям добро, даже ценой собственных лишений.

Судьба Кропоткина контрастна чрезвычайно: сын богатого помещика стал интеллигентом-пролетарием, который жил только своим трудом; князь — анархистом, революционером; камер-паж императора — бесстрашным путешественником и замечательным ученым. Он жил словно наперекор всему тому, что принято считать в обществе желанным, чего добиваются всеми путями (преимущественно нечестными): карьера, богатство, положение в обществе, почетные звания и награды. Его пример со всей определенностью доказывает верность высказывания Канта: не надо стремиться к счастью; надо быть достойным счастья.

Анархия — это свобода. Так учил Кропоткин. Его с полным основанием можно причислить к ярко выраженным персоналистам. Человеческая личность была для него высшей ценностью.

У Кропоткина личность выступает как малая часть и в то же время самостоятельный и равноправный партнер не только общества, но и Вселенной. Это утверждал и Достоевский, но с одним существенным отличием: он верил в Бога, тогда как князь был атеистом.

Одна из важнейших целей религиозного мировоззрения — дать основания нравственности. Не только высказать некие этические нормы, но и утверждать их абсолютный характер, их высшее происхождение. Научное мировоззрение Кропоткина тоже основывалось на «сверхчеловеческом» происхождении нравственности, но не от Господа, а от природы. Достоевский, как известно, утверждал: если люди отрекутся от Бога, то вольно или невольно поставят себя на его место и станут жить по принципу «все дозволено» в неутолимой жажде личных материальных благ. Человеческая жизнь оборачивается потребительством без нравственных идеалов.

Чем же возразил Кропоткин на этот довод? Самым убедительным образом, действием, собственной жизнью. Но он пытался исследовать проблему нравственности и с научных позиций. В этих исканиях он не был первым. Еще Чарлз Дарвин и Герберт Спенсер исследовали естественные истоки чувства добра, взаимопомощи. Известный ботаник Андрей Бекетов, с которым в молодые годы дружил Петр Кропоткин, писал о «взаимодействии» в природе. Очень сильное впечатление произвела на Кропоткина опубликованная в научном журнале речь петербургского профессора зоолога Карла Федоровича Кесслера «О законе взаимной помощи». По утверждению Кесслера, «взаимная помощь — такой же естественный закон, как взаимная борьба; но для прогрессивного развития

видов первая несравненно важнее второй».

Еще во время своих трудных сибирских путешествий Кропоткин впервые задумался: в чем же заключается борьба за существование? В степях Южной Сибири он видел процветающие многочисленные колонии грызунов, свистом оповещавших друг друга о приближении опасности. На его глазах десятки тысяч косуль форсировали могучий Амур, держась стадами. Немало известно случаев, когда вожак обезьян, рискуя жизнью, защищает своих подопечных. А отчаянная самоотверженность самок, спасающих детенышей?

Множество подобных примеров собрал Петр Алексеевич в своей книге «Взаимная помощь как фактор эволюции». Он показал, что в трудных природных условиях происходит общее ослабление той части данного вида, которая выдержала испытание «Никакая прогрессивная эволюция видов не может быть основана на подобных периодах острого соревнования», — сделал он вывод. И продолжил: «А потому объединяйтесь — практикуйте взаимную помощь! Она предоставляет самое верное средство для обеспечения наибольшей безопасности, как для каждого в отдельности, так и для всех вместе; она является лучшей гарантией для существования и прогресса физического, умственного и нравственного. Вот чему учит нас Природа; и этому голосу Природы вняли все те животные, которые достигли наивысшего положения в своих соответственных классах. Этому же велению Природы подчинился и человек — лишь вследствие этого он достиг того положения, которое мы занимаем теперь».

Кропоткин обобщал данные науки: «Любовь, симпатия и самопожертвование, конечно, играют громадную роль в прогрессивном развитии наших нравственных чувств. Но общество… зиждется вовсе не на любви и даже не на симпатии. Оно зиждется на сознании — хотя бы инстинктивном — человеческой солидарности взаимной зависимости людей. Оно зиждется на бессознательном или полуосознанном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех и на чувстве справедливости».

Выходит, сама природа учит людей добру, сочувствию, справедливости. Но каким образом она это делает? Американский генетик Добржанский предположил, что существуют молекулярные структуры, которые передают по наследству признаки, полезные для вида, популяции, сообщества организмов даже в ущерб индивидам. Советские ученые В.П. Эфроимсон и Б.Л. Астауров, опираясь на идею Кропоткина, привели ряд доказательств врожденного характера, некоторых черт социального поведения. Однако до сих пор эту закономерность все-таки нельзя считать безупречно обоснованной.

В одном Кропоткин безусловно прав: взаимопомощь в самых разных формах является важнейшим качеством для всего живого, в значительной мере определяя прогрессивную эволюцию видов, а у животных — цефализацию (развитие головного мозга). Это проявляется уже во взаимном «тяготении» полов, а также в заботе родителей о потомстве, обучении, объединении в сообщества. Вряд ли тут дело в молекулярных закономерностях Наследственные качества и признаки, конечно, играют свою роль, но скорее всего не в виде некоего «гена дружелюбия,

сочувствия» или чего-то подобного.

Каждое живое существо, каждый из нас представляет собой содружество множества самых разнообразных клеток и органов. Когда, они находятся во взаимной гармонии, взаимопомощи, человек жив и здоров. Когда согласие нарушается, наступает болезнь и смерть. Наш мозг, например, объединяет 10 миллиардов нервных клеток, делающих совместную работу. Каким образом, каким чудом смог организоваться такой великолепный ансамбль?

На этот вопрос Кропоткин ответил в самом общем виде так: «Если мы знаем что-либо о Вселенной, о ее прошлом существовании и о законах ее развития; если мы в состоянии определять отношения… между расстояниями, отделяющими нас от Млечного Пути и от движения Солнца, а также молекул, вибрирующих в этом пространстве, если наука о Вселенной возможна, это значит, что между этой Вселенной и нашим мозгом, нашей нервной системой и нашим организмом вообще существует сходство структуры».

Исходя из этого положения, которое соответствует античному единству космос-микрокосм (в индуизме Брахман-Атман), Кропоткин возражал против идеи Спенсера о неизбежности непознаваемого: «В природе нет ничего, что не находит себе эквивалента в нашем мозгу — частичке той же самой природы». Следовательно, делал он вывод, нет оснований утверждать, будто что-то «должно всегда оставаться неизвестным, то есть не может найти своего представления в нашеммозгу».

Надо отметить одну существенную некорректность этих рассуждений Петра Алексеевича. Убеждение в том, что нет ничего непознаваемого, — тоже гипотеза, основанная на вере. Для естествознания и то, и другое мнение не имеют принципиального значения. Это проблема философская. Как проблема бытия или небытия Бога — религиозная, философская, но не научная. Отвергать религию как «излишество», конечно, можно. Только придется согласиться, что это излишество сопровождало человечество на протяжении многих десятков тысячелетий, включая труднейшие времена ледниковых эпох. Значит, в этом была насущная потребность; значит, это необходимо…

Философию, в отличие от религии, Кропоткин не отвергал. Но порой понимал ее задачи узко: обобщение научных данных. Он считал, что настало время создавать «синтетическую мировую философию, включая сюда жизнь общества». Она должна отвергнуть идеи бессмертия души, особой жизненной силы и творца. «Мы должны низвергнуть третий фетиш — государство, власть человека над человеком. Мы приходим к предвидению неизбежности анархии для будущего цивилизованного общества». Значит, философия XX века, заключил он, «станет анархической».

«Государство… покровитель мироедства, заступник хищничества, защитник собственности, основанной на захвате чужой земли и чужого труда! Тому, у кого ничего нет, кроме рук да готовности работать, тому нечего ждать от государства». Он высказывал и некоторые сомнения в возможности реализовать коммунистические идеалы: «Хватит ли у современных образованных народов достаточно строительного общественного творчества и смелости, чтобы использовать завоевания

человеческого ума для всеобщего блага — трудно сказать заранее». Он надеялся на «всеобщий, мировой закон органической эволюции, вследствие чего чувства взаимопомощи, справедливости и нравственности глубоко заложены в человеке со всею силою прирожденных инстинктов; причем первый из них, инстинкт взаимной помощи, очевидно, сильнее всех, а третий, развившийся позднее первых двух, является непостоянным чувством и считается обязательным. Подобно потребности в пище, убежище и сне, эти три инстинкта представляют инстинкты самосохранения».

С детства он остро ощущал природу поэтически, без логического анализа: «Бесконечность вселенной, величие природы, поэзии и вечно бьющаяся ее жизнь производили на меня все большее и большее впечатление, а никогда не прекращающаяся жизнь и гармония природы погружали меня в тот восторженный экстаз, которого так жаждут молодые натуры». В то же время он был, что называется, рационалистом и с наибольшим интересом занимался в Пажеском корпусе математикой, физикой и астрономией. Стремился проверить алгеброй гармонию мироздания. У него была склонность к четкой законченной модели мира в стиле «Математических начал…» Ньютона, но только без Бога. Холодный рассудок не подавлял в нем восторженных движений души: «Непрестанная жизнь вселенной… сделалась для меня источником высшей поэзии, и мало-помалу чувство единства человека с одушевленной и неодушевленной природой… стало философией моей жизни».

Если человек — малая часть Вселенной и сходен с ней по структуре, то он, как говорили древние, — микрокосм. В таком случае надо признать, что изумительно сложное и гармоничное мироздание обладает свойствами живого и разумного сверхорганизма.

Прямые высказывания на этот счет у Кропоткина не выходили за границы сугубо научных представлений. В «Этике» он писал:

«Наши понятия о жизни так расширились: что мы привыкаем теперь смотреть на скопления вещества во вселенной — твердые, жидкие, газообразные (таковы некоторые туманности звездного мира) — как на нечто живущее и проходящее те же циклы развития и размножения, какие проходят живые существа». А говоря о высоком вдохновении и провидениях великих поэтов, он ссылался на чувство «общения с Космосом и единения со всем человечеством».

В то время, более ста лет назад, подобная позиция была характерна для мистиков (можно упомянуть и великого хирурга Пирогова). У них она определялась верой в иной, нематериальный мир, в инобытие, бессмертие души. Кропоткин подобные взгляды категорически отвергал. Свои воззрения он основывал на естествознании. Казалось бы, ему следовало присоединиться к выводам дарвиниста Т. Гексли, который отделял космический процесс природы и нравственные явления, свойственные лишь человеку, достигшему определенного уровня культурного развития: Природа вне морали, высоких принципов добра и справедливости; здесь господствует «кровавая схватка зубами и когтями»; «космическая природа вовсе не школа нравственности, напротив того, он главная штаб-квартира врага всякой нравственности».

Но Кропоткин доказывал нечто прямо противоположное: «Нравственное начало в человеке есть не что иное, как дальнейшее развитие инстинкта общительности, свойственного почти всем живым существам и наблюдаемого во всей живой природе». Во всей? Выходит, основы добра и красоты присутствуют в космическом порядке? Но как такое возможно без участия Разума? Не может быть космический порядок, включающий добро и красоту (осознание которых человеком определялось законами природы), возникнуть случайно? В таком случае он не сохранил бы устойчивость, вновь вернувшись к хаосу. Если этого не происходит, следует говорить о естественных свойствах Вселенной, присущих ей изначально.

В своих рассуждениях Кропоткин предпочитал держаться подальше от гипотез. Сказывался характер естествоиспытателя, озабоченного прежде всего обобщением фактов. На этом пути он поднимал неожиданные проблемы. Например, попытался обнаружить природные основы понятия о справедливости. На первый взгляд, сама постановка вопроса совершенно некорректна. Для природы одинаково приемлемы мгновения и вечность, атом и звезда, жизнь и смерть организма; справедливость придумали люди, соединенные в сообщество и начинающие сознавать права и достоинства личности. И все-таки, оказывается, вовсе не исключается природная биологическая основа даже такого сугубо человеческого понятия: «Склонность нашего ума искать „равноправия“ не представляет ли одно из следствий строения нашего мыслительного аппарата — в данном случае, может быть, следствие двустороннего или двухполушарного строения нашего мозга? На этот вопрос, когда им займутся, ответ получится, я думаю, утвердительный», — предположил Кропоткин.

По его мнению, мозг работает, как теперь говорят, в режиме диалога благодаря тому, что состоит их двух полушарий, а продуктивный диалог возможен только при равенстве «собеседников».

В XX веке выяснилось, что полушария отчасти выполняют разные функции. Однако своеобразное двуединство мозга в здоровом организме сохраняется. И происходит это, по словам Кропоткина, потому, что «в нас говорит эволюция всего животного мира». Она длится уже сотни миллионолетий. Поэтому «наше нравственное чувство — природная способность, совершенно так же, как чувство осязания или обоняние».

Убедительно? Вряд ли. Возникает порочный круг: нравственность (взаимопомощь, справедливость, самоотдача) возникла в результате биологической эволюции, а важнейшим фактором эволюции является взаимопомощь, нравственность. Непонятен способ, благодаря которому земные организмы обрели такое качество. Неужели еще на стадии микробов или вирусов? Или простейшая форма размножения путем делания одноклеточного организма надвое уже определяла «родственные связи» двух половинок, ставших самостоятельными существами? И тогда чувства любви, сострадания, справедливости есть проявление эгоизма, но только не личного, а семейного, родового, всечеловеческого, всеобще-животного…

Поясню эту мысль. От каждого из нас в глубины миллиардолетий тянется непрерывная линия предков. Следовательно, мы сохраняем родственные связи не только с представителями своего племени, народа

или всего рода человеческого, но и с приматами, млекопитающими, рептилиями, земноводными, рыбами, многоклеточными, одноклеточными. Вот и относимся к ним соответственно, «по-родственному»… Завет «возлюби ближнего как самого себя» в таком случае утверждает не только самоценность и равенство личностей, но и их единство (или глобально — единство всего живого). Получается: помогай ближнему, потому что он является твоим близким или дальним родственником.

…Идея анархии утверждает свободу личности — вне систем господства и подчинения. Согласно этим взглядам, любой человек находится как бы в центре мира. И если судить по собственному опыту, так оно и есть. Каждый из нас видит мир своими глазами, осмысливает своим умом. Солнце и небосвод с мириадами звезд вращаются вокруг одного центра, которым является каждый из нас, любой разумный наблюдатель. Но нет общего центра. По словам Кропоткина, «ни одна наука — ни астрономия, ни физика, ни химия, ни биология, не доказывают необходимость власти, нигде в природе нет единого управляющего центра, а всюду и везде мы видим лишь взаимодействие различных сил, координации разнообразных движений».

Действительно, вряд ли существует геометрический центр Вселенной. Однако есть галактики, вращающиеся вокруг своих внутренних центров, есть планеты, кружащиеся вокруг солнц, или электроны — вокруг атомных ядер. У сообществ животных обычно есть вожаки, у муравьев — царица", да и у людей издавна были «начальники» и «подчиненные». Взаимопомощь, конечно, преобладает — иначе общество разрушилось бы из-за междоусобиц. Но все-таки существуют и распри, зависть, ненависть, взаимное истребление… Кропоткин недооценивал наличие в природе, обществе, душе человеческой сил, нарушающих гармонию.

Ему чужды были низкие чувства и помыслы. О солидарности трудящихся, о справедливости писал не обделенный судьбой бедняга, а человек, по рождению, образованию и положению принадлежавший к высшей аристократии. Он необычаен и славен не только тем, чего достиг, но и от чего отказался: от богатого наследства, высоких должностей при царском дворе, даже — от почетного научного поста, позволявшего плодотворно продолжать географические и геологические исследования. Во имя идей свободы, справедливости и братства он стал революционером. Вернувшись в Россию, он отказался стать министром Временного правительства; Октябрьский переворот не признал; резко выступал против белого и красного террора, диктатуры большевиков. Он писал: «Эта попытка построить коммунистическую республику на основе строго централизованного государства под железным законом партийной диктатуры в конце концов потерпит банкротство».

…Главнейшая задача общества справедливости — предельно полно раскрыть творческие потенциалы каждого. Так считал Кропоткин. А раскрывается человек не на пути приспособления к окружающей природной и социальной среде, а в свободных исканиях правды, созвучной его духовному строю, который, в свою очередь, остается отзвуком гармонии мироздания.

Урок жизни Кропоткина очень поучителен. По-видимому, этому человеку удалось постичь или прочувствовать какие-то глубочайшие

истины, быть может, не высказанные в книгах, а присутствующие в окружающей и пронизывающей нас природе, дарованные нам поистине свыше, отражающие качества Вселенной как живого прекрасного и разумного организма.

ЧАПЛИН
(1889–1977)

Сальвадор Дали как-то высказался: «Надеюсь, никто не посягнет на мой высший титул — титул шута. Шутом был Чарли Чаплин, а ведь повсеместно признано, что он воплотил эпоху. Так что вообразите, что Чарли Чаплин но только шут, а кроме того рисует, пишет картины, ставит спектакли, то есть делает все то, что делаю я, это уже непревзойденная степень гениальности…»

Да, художник Дали десятилетиями играл роль шута, эпатируя, развлекая, привлекая к своей персоне почтеннейшую публику (в основном состоятельную) и создавая себе рекламу. Но допустимо ли сказать нечто подобное о Чаплине? Знаменитые комики немого кино стремились вызвать смех в зрительном зале, и некоторым это удавалось с блеском. Но разве этим славен Чарли? Почему он достоин войти в число избранных гениев всех стран и народов?

По словам выдающегося великого режиссера С. Эйзенштейна, «Чаплин равноправно и твердо становится в ряд величайших мастеров вековой борьбы Сатиры с Мраком — рядом с Аристотелем из Афин, Эразмом из Роттердама, Франсуа Рабле из Медона, Джонатаном Свифтом из Дублина, Франсуа Мари Аруэ де Вольтером из Ферне. И даже, быть может, впереди других, если принять во внимание масштаб Голиафа фашистской Подлости, Злодейства и Мракобесия, которого сокрушает пращей смеха… Чарлз Спенсер Чаплин».

Верно отметил в 1944 году советский писатель Илья Эренбург: «Не высокие институты Запада, не философы и мудрецы, а комедиант отстаивал человека. Его принимали за клоуна. Он был рыцарем».

Этот маленький смешной человечек в котелке, с усиками, тросточкой, в мешковатых штанах и непомерно больших стоптанных башмаках был настоящим рыцарем, сражавшимся за справедливость, свободу и человеческое достоинство. Он велик не телом с грудой мышц, не огромным капиталом, ловким владением техникой, знанием научных хитроумностей. Он хрупок, миниатюрен, беден, неумел, не обременен образованием. Но именно он — полноценный человек.

Судьба не балует бродягу Чарли. Приходится ему то и дело попадать в опасные передряги, убегать от полицейских, вступать в схватку с громилами, бандитами. У него нежное сердце, он влюбчив, наивен и прост, не привык унывать и всегда готов помочь ближним (хотя ему редко кто помогает). Это — Дон Кихот Нового времени. Рыцарь Печального Образа, воспитанный не на романах, а в жестокой школе жизни.

Вот эпизод из его фильма «Пилигрим». Чарли бежит из тюрьмы, переодевается в одежду пастора, случайно оказывается у прихожан в провинциальном городке и вынужден прочесть им проповедь. Он рассказывает библейскую притчу о Давиде и Голиафе. Самодовольный гигант, потрясающий мечом, с презрением смотрит вниз, на Давида. А тот, поглядывая наверх, деловито берет пращу, кладет туда камень,

раскручивает оружие и… Камень пробивает череп Голиафа навылет, великан падает, Давид отсекает ему голову, подбрасывает ее и поддает ногой, как мячик.

Все это показано без единого слова (кино-то немое!) — стремительно, ярко, образно, убедительно и смешно. Завершается сцена тем, что какой-то мальчишка, забыв, что находится в храме, вопит от восторга и аплодирует. Мнимый пастор, войдя в роль, раскланивается и игриво убегает с паперти, словно балерина, исполнившая номер, и вновь возвращается, посылая ошеломленным прихожанам воздушные поцелуи. Не забывает он и о гонораре, пытаясь взять церковную кружку, куда градом посыпались монеты.

Пилигрима приглашают в богатый дом. Туда же проникает грабитель, забрав ценности, однако Чарли отнимает их и отдает владельцам. Тут шериф узнает в нем разыскиваемого беглеца. Судя по безупречному поведению бескорыстного Чарли, ясно, что посадили его несправедливо. Понимая это, шериф, делая вид, будто отводит преступника в тюрьму, доставляет его к мексиканской границе и отпускает. Но честный Чарли не убегает, а продолжает идти рядом с шерифом, который едет верхом. Шериф припускает лошадь, но Чарли не отстает. Раздосадованный шериф посылает его за границу, предлагая нарвать цветов, а сам поворачивает коня обратно. Его сзади окликает Чарли, бегущий во всю прыть с букетом в руке. Шерифу ничего не остается, как вновь подвести наивного чудака к границе и дать ему мощный пинок в зад.

Получив такую «путевку в жизнь» и обретя свободу, Чарли тотчас все понимает. Он счастлив, готов обнять весь мир… Вдруг откуда-то из кустов возникают вооруженные мексиканцы, начав яростную перестрелку. Ужас! Куда бежать? И Чарли мчится вдоль границы, по одну сторону которой несправедливый буржуазный порядок, а по другую — бандитизм и своенравие…

Мы вспомнили лишь два небольших эпизода одного чаплинского короткометражного фильма. Число подобных примеров можно увеличить в сотни раз. Но Чаплина лучше один раз увидеть, чем сто раз о нем услышать. Тем, кто его понимает — а таких десятки, сотни миллионов — он сообщает очень и очень многое, забавляя, веселя и поучая одновременно, вызывая «чувства добрые». И это несмотря на то, что множество его находок, трюков с той поры использовали самые разные режиссеры и артисты. Все равно Чаплин по-прежнему остроумен и нов, потому что вызывает особый смех — сочувствия, понимания, очищения. (Если в наше время молодежь выбирает себе других кумиров и не способна проникнуться чаплинским духом, это свидетельствует о тяжелом недуге технической цивилизации, теряющей человеческий облик.)

Несколько слов о биографии Чарлза Спенсера Чаплина. Он родился в Лондоне в семье артистов мюзик-холла (его бабушка по отцовской линии была цыганкой), с детства выступал на сцене.

В 1907 году с труппой гастролировал в США как комик-мим, был приглашен сниматься в кино. Он сравнительно быстро создал образ-маску «маленького человека». Как писал он позже, «хотя моя работа сильно стилизована, но она всегда была пронизана человечностью. Началась она как чистейший фарс, а затем вылилась в создание почти нормального

человеческого характера». Его герой стал популярен и любим зрителями. Большим успехом пользовались его «короткометражки», в частности «Малыш». С 1923 года на своей киностудии он стал создавать полнометражные фильмы: «Парижанка», «Золотая лихорадка» (1925), «Цирк», «Огни большого города» (1931). Чаплин едко высмеивал механизированный бездушный мир капитала с его погоней за деньгами («Новые времена», 1936). В фильме «Диктатор» (1940) смело высмеял А. Гитлера, Г. Геринга, Б. Муссолини.

После войны в США его преследовали как сторонника коммунистов (хотя ни в какие партии он не входил). Он вынужден был переехать в Швейцарию. Его послевоенные произведения: «Месье Верду», «Огни рампы», «Король в Нью-Йорке», «Графиня из Гонконга» (1967), где он сыграл эпизодическую роль и написал музыкальную тему, ставшую очень популярной (в ней слышатся печаль прощания).

Многое в гении Чаплина определило детство, проведенное в лондонских трущобах. Он вспоминал: «Уродливые контуры берегов реки портили пейзаж. Половина моего детства прошла среди шлака и мусора этих закопченных пустырей».

Он был необычайным тружеником, многократно переделывая отснятый материал, добиваясь предельной выразительности и доходчивости. Даже в пожилом возрасте сохранял ясность ума и прекрасную память.

Чаплин оставил книгу воспоминаний. О нем написано очень много работ. Например, интересная обстоятельная монография А.В. Кукаркина «Чарлз Чаплин» или англичанина Д. Робинсона «Чарлз Чаплин. Жизнь и творчество». Последней, увы, предпослана неприятная статейка известного — из бывших советских — кинорежиссера, который повторил кощунственное сравнение Сталина с Гитлером (в связи с чаплинским «Диктатором») — клевету не столько даже на руководителя СССР, сколько на советский народ, под его руководством создавший великую державу и разгромивший фашизм. Об этом приходится писать, потому что рухнул СССР прежде всего из-за внутренних врагов; идею коммунизма они стали всячески опошлять и высмеивать. А Чаплин, подобно всем настоящим гуманистам Запада, надеялся, что Советский Союз (при всех его недостатках) прокладывает путь в общество свободы, равенства, братства и справедливости. Он говорил: «Я не коммунист, но поддерживаю коммунистов всей душой». Его поступки и творчество полностью подтверждают эти слова. Недаром же ЦРУ США вело расследование его «подрывной антиамериканской» деятельности.

Действительно, фильм «Новые времена» — едкая и точная сатира на буржуазное общество эпохи технической цивилизации. В одной из американских статей говорилось: «Чаплина упрекают в том, что никогда еще он не был так резок, так строптив. Находят, что нынешнее его политическое направление совсем близко к коммунизму. Ему не прощают того, что он яснее чем когда-либо заявил себя врагом крупных промышленников и полиции».

Справедливости ради надо сказать, что значение этого и многих других фильмов Чаплина вовсе не ограничивается разоблачением бесправия, страданий и унижений «простого человека» в буржуазном

обществе. Чаплин поднимается до более высоких обобщений, показывая трагедию человека в технической бесчеловечной цивилизации.

…У многих его шедевров автором сценария, режиссером, композитором, актером, продюсером был один и тот же, человек: Чарлз Спенсер Чаплин. А созданный им образ Чарли остается живым для новых и новых поколений (чудесное достоинство кинематографа!). Он не устареет до тех пор, пока у обитателей Земли не угаснет любовь к людям и сочувствие к их нелегкой жизни, пока будут в чести стремление к справедливости и сохранению человеческого достоинства.

А он высказывался о своей работе без пиетета:

— Откуда берутся идеи? Только из упорных поисков, граничащих с одержимостью. Для этого человек должен обладать способностью мучиться и не утрачивать увлеченности в течение длительных периодов. Может быть, для некоторых людей это легче, чем для других, хотя я сильно сомневаюсь в этом.

— Все, что может такой человек, как я, — это разоблачать зло, предоставляя тем, кто способен на большее, миссию решать сложные проблемы современной жизни.

— Одна лишь правда в искусстве живет вечно.

НЕВЕДОМЫЙ ГЕНИЙ

Мы выбираем величайших гениев, согласуясь о общественным мнением, отчасти по собственному произволу. И тот, и другой принцип не гарантирует от ошибок и упущений. Однако в любом случае в наш перечень не попадут, возможно, самые достойные: те, кто оставил первые великолепные наскальные росписи, разработал — сам того не ведая — основы языка и арифметики, проводил первые астрономические наблюдения, использовал огонь для выплавки металла…

Перечень можно значительно расширить. Он демонстрирует одну важную закономерность: наиболее крупные, основополагающие достижения в разных видах деятельности принадлежат отдельным племенам и народам. Люди сообща создавали материальную и духовную культуру, не заботясь о приоритетах и не выпячивая личного вклада. В конце концов — так было во все века, остается и ныне — что бы мы ни создали, это остается продолжением предыдущих свершений.

С другой стороны, есть признанные гении, о которых почти ничего не известно, а в некоторых случаях оспаривается даже само их существование. О них придется упомянуть особо.

В исторический период (когда возникла государственность и была разработана письменность) одним из первых выдающихся деятелей культуры был Имхотеп. Он жил в Египте, в Мемфисе, около XXVIII века до н. э., был зодчим, инженером, медиком, государственным деятелем, руководил всеми крупными строительными работами при фараоне Джосере. В частности, создал монументальный комплекс-усыпальницу для своего властелина — первую пирамиду Египта ступенчатой формы и высотой 60 м.

Среди сооружений заупокойного комплекса Джосера сохранилась стена с рельефными полуколоннами, увенчанными стилизованными изображениями бутонов лотоса. Творения Имхотепа отличаются простотой, величием и красотой, что характерно для последующего развития

египетской культуры. Имхотепу пришлось изобретать способы добычи, доставки и укладки крупных каменных блоков пирамиды. Кроме того, его считали основателем астрономии и медицины. О его искусстве врачевания сохранились легенды, а Имхотепа древние греки отождествляли с богом медицины Асклепием.

Почти ничего не известно о Заратуштре (Зороастре, Заратустре), древнеиранском поэте, философе, религиозном мыслителе. Жил он в конце II — начале I тысячелетия до н. э. Ученые полагают, что он — не легендарная, а реальная личность, хотя ни время его жизни, ни место рождения точно не известны. Его поучения вошли в первую часть древнеиранского религиозного сборника «Авеста» (в переводе — «Весть»). Судя по имени, Заратуштра происходил из знатной семьи арийского (древнеиранского) племени. Местом его рождения называют Восточный Иран или Среднюю Азию, а то и Южный Урал или Северный Кавказ. Первоосновой всего он называл свет, огонь, а также мудрость, разум (просветляющие человека). Воплощает светлые начала добрый дух Ахура-Мазда. Ему противостоит злой демон тьмы и лжи Анхра-Манью. Первый — покровитель жизни, второй — владыка смерти. В конце времен зло обречено на поражение.

По-видимому, Заратуштра подвергался преследованиям. Ведь он утверждал, что главное не обряды и молитвы, а образ жизни. Это вряд ли нравилось жрецам и не было понято язычниками. Изгнанный из родного племени, он нашел приют у персидского царя. Погиб Заратуштра в возрасте 77 лет: во время молитвы его заколол кинжалом в спину жрец. Его учение стало государственной религией парфянских царей Аршакидов империи Сасанидов. Отзвуки его сохранились в иудаизме, христианстве, исламе. Сейчас его последователей немного, это — парсы. Они поклоняются небу, горам, огню, воде, светлому духу и его пророку Заратуштре, имя которого стало широко известно в Европе благодаря сочинению Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», воспевающему индивидуализм и сверхчеловека. А Заратуштра учил: «Истина — лучшее благо», основа добродетели — добрая мысль, доброе слово, доброе дело.

О наиболее прославленном греческом поэте Гомере (VIII или VII века до н. э.) достоверных сведений практически нет. Существует мнение, что это либо легендарная личность, либо псевдоним собирателей эпоса. Обычно изображают его слепым старцем, который рассказывает нараспев свои грандиозные поэмы. Вряд ли он был слеп от рождения. Местом его рождения предполагают город Смирну в Малой Азии или остров Хиос. Считается, что одна поэма («Илиада») принадлежала Гомеру, тогда как другую («Одиссею») создал его ученик или последователь. «Илиада» повествует о семи неделях Троянской войны (Илион — греческое название Трои), деяниях героев, которым помогают или противодействуют всемогущие боги. Вторая поэма посвящена странствиям одного из героев Троянской войны Одиссея и его необычайных приключениях. Она вдохновляла многие поколения путешественников. «Илиада» нередко была настольной книгой воинов и полководцев (ее брал в походы Александр Македонский). В основе обоих произведений — народные предания и мифы, возникшие в связи с историческими событиями.

Из «Одиссеи»:

…Несказанное там водворяется счастье,
Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок,
Муж и жена, благомысленным людям на радость, недобрым
Людям на зависть и горе, себе на великую славу.

Из «Илиады»:

Из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека.
Сходны судьбой поколенья людей с поколеньями листьев:
Листья — одни по земле рассеваются ветром, другие
Зеленью снова леса одевают с пришедшей весною.
Также и люди: одни нарождаются, гибнут другие,
Только тогда, как случится беда, дураки ее видят.

Заслуживает упоминания в ряду великих гениев Фалес Милетский (625–547 г. до н. э.) — греческий философ, астроном, о жизни которого сохранились преимущественно легенды и анекдоты. Ему приписывали предсказание солнечного затмения 28 мая 585 года до н. э. Он предпочитал одиночество, а началом начал считал воду. Рассказывают, что однажды по дороге в свою обсерваторию Фалес не заметил ямы, оступился и упал в нее. Прохожие смеялись: «Собираешься познать то, что на небе, а не видишь то, что находится под ногами». (Он мог бы ответить: глядя постоянно под ноги, не оступишься, но и звезд не увидишь!)

Предполагаемые высказывания Фалеса:

— Бог — это ум космоса, а Вселенная одушевлена и одновременно полна божеств.

— Что трудно? Познать самого себя. Что легко? Давать советыдругим.

Пифагор (около 540–500 до н. э.) — прославленный математик, философ, физик, мистик, трудов которого не сохранилось (если он вообще их писал). Родился на острове Самос. Не желая мириться с правлением Поликрата, в юности покинул родину и посетил Египет, Малую Азию, Вавилон. Поселился на юге Италии в городке Кратон, где основал религиозно-философскую общину. Был вегетарианцем, верил в вечность души и ее перевоплощения (возможно, позаимствовав эти идеи у индуистов).

В его школе было разработано учение о числах. Пифагору приписывают определение основных музыкальных тонов, стремление математически выразить соответствия между строем звуков и небесных тел — гармонию космических сфер. Интересно, что знаменитая теорема Пифагора была известна на Востоке задолго до него. По-видимому, он первым сообщил о ней европейцам. Уже при жизни он стал легендарной личностью, осененной, как говорили, божественной мудростью.

Может показаться странным, что в число неведомых гениев отнесен Сократ (470–399 до н. э.), о котором так много написано. Однако сам

Сократ ничего не писал. О нем и его взглядах известно главным образом из философских диалогов Платона и Ксенофонта. О степени точности и достоверности таких сообщений остается только догадываться. Родился он в Афинах в семье камнереза и повивальной бабки. Впрочем, не исключено, что, приводя такую родословную, Сократ имел в виду, что пошел по стопам родителей: творя в головах порядок из хаоса и помогая другим порождать мысли. Он вообще любил иносказания.

В молодости служил в армии и участвовал в борьбе с «тридцатью тиранами» — афинским правительством, избранным при участии спартанцев, победивших афинян в Пелопонесской войне. Когда его ученику (впоследствии известному полководцу и авантюристу) Алкивиаду присудили приз за храбрость в сражении, тот сказал, что награду больше заслуживает Сократ, спасший его от смерти. Избранный в афинский совет, Сократ отличался принципиальностью и справедливостью. Жил он в бедности, любил философствовать не только с коллегами, но и со случайными прохожими на базаре. Его жена Ксантиппа, вынужденная заботиться о детях и вести хозяйство, частенько бранила мужа. На вопрос, как он уживается с ней, он ответил: «Она помогает мне ладить с людьми. После нее все они кажутся умными и добрыми». Афинские демократические власти обвинили Сократа в вольнодумстве и «введении новых богов». Он вынужден был по их решению испить чашу с ядом (цикутой).

Рассказы о Сократе таковы, что можно усомниться в их точности. Слишком идеальным получается образ этого философа. Сократический метод дискуссии (диалектики) заключается в изумительном умении наводить собеседника на разумные мысли, порой опровергающие очевидные, казалось бы, истины. То, что человек самостоятельно — по наведению учителя — способен приходить к истине, показывает, насколько важнее знания фактов и мнений культура мышления, умение оперировать знаниями. Сократ полагал — совершенно справедливо! — что добродетель и честность есть первые условия мудрости. А прежде чем познавать мир, он советовал углубиться в свою душу. Сократа осмеял Аристофан в комедии «Облака». Однако образ философа остается одним из наиболее светлых в истории. За его неказистой внешностью скрывалась прекрасная благородная душа, мужественное и чистое сердце, ясный ум.

Был ли великим гением Гиппократ (около 460 — около 370 гг. до н. э.) сказать трудно, потому что о его жизни и деятельности почти ничего не известно. Он считается уроженцем острова Коса и потомком династии врачей, ведущих свой род от легендарного Асклепия. Он первым освободил медицинские знания от суеверий, предрассудков и сомнительного самодеятельного целительства (беда, которая преследует массы населения по сию пору). Гиппократ утверждал, что существуют естественные причины болезней, связанные с окружающими природными условиями. Одно его сочинение так и называется: «О воздухе, воде и местности». Поэтому его можно считать не только «отцом медицины», но и предтечей медицинской географии. По мнению Гиппократа, главная задача врача — мобилизовать организм больного для сопротивления недугу. Для этого необходимо учитывать индивидуальные особенности заболевшего. Труды и навыки Гиппократа и его учеников оказали большое влияние на развитие

медицины. До сих пор начинающие врачи дают «клятву Гиппократа», провозглашающую принципы гуманности, любви к человеку.

Очень мало известно о своеобразном греческом философе и натуралисте Эпикуре (около 342 — около 270 гг. до н. э.), родившемся на острове Самос в состоятельной, по-видимому, семье. Он был последователем учения Демокрита и в 307 году основал в Афинах школу в превосходном саду («Сад Эпикура»). Учил он не только словами, но и собственным примером. Обычно эпикурейцами называют людей, гоняющихся за наслаждениями, радостями жизни. Однако Эпикур подчеркивал, что плотские удовольствия еще не означают приятную, а тем более достойную жизнь. Более важно — понимать, что хорошо, а что плохо, избегать заблуждений и лжи, быть свободным от телесных страданий и душевных тревог. Считается, что Эпикур написал много сочинений. Однако из всех его трудов сохранилось только три письма (одно — Геродоту). Наиболее популярно и красочно изложены его взгляды в замечательной поэме Лукреция Кара «О природе вещей». Эпикуру приписывают такие высказывания:

— Вселенная всегда была такой, какова она теперь, и всегда будет такой, потому что нет ничего, во что она изменяется: ведь помимо Вселенной нет ничего, что могло бы войти в нее и произвести изменения (мысль мудрая, чуждая современным космогонистам, рассуждающим о «взрыворождении» Вселенной. — Р.Б.).

— Те, кто объявляют душу бестелесной, — бредят.

— С разложением всего тела рассеивается и душа.

Великую силу духа, свободолюбие, мужество и полководческий талант проявил Спартак (I век до н. э.) — вождь крупнейшего восстания рабов в Риме. Предположительно, он был уроженцем Фракии (северо-восток Балканского полуострова). Попав в рабство, стал гладиатором, а затем учителем фехтования в гладиаторской школе города Капуи. В 74 году до н. э. Спартак организовал заговор рабов. Сначала с ним было всего 70 человек, но к ним стали присоединяться другие рабы, и число их достигло десятков тысяч. Спартак обучал их военному делу. Направленные на подавление восставших римские легионы были разбиты. Правда, от основной группы, руководимой Спартаком, отделилось десять тысяч человек, которые стали действовать самостоятельно и вскоре были уничтожены. Спартак со своей армией предпринял поход вдоль восточного побережья Италии на север и, не доходя реки По, разгромил войско римлян. После этого почему-то отправился обратно на юг. Неудачей закончилась его попытка перебраться в Сицилию. В 71 году до н. э. в битве при реке Силариус спартаковцы потерпели поражение от превосходящих сил римлян. Вождь рабов погиб в бою, а шесть тысяч сдавшихся в плен были распяты на крестах вдоль Аппиевой дороги.

Наконец, среди избранных гениев человечества достоин упоминания Андрей Рублев — русский живописец, о жизни которого почти ничего не известно. Даже годы жизни предположительны: около 1365 — около 1430-го. По-видимому, родился он в Подмосковье, где и провел большую часть своей жизни. Это было время возвышения Москвы, время Сергия Радонежского и Дмитрия Донского. Скорее всего, Рублев был сыном ремесленника, рано ушел в монастырь и освоил труд иконописца. В

1404 году вместе со знаменитым Феофаном Греком и Прохором из Городца расписывал Благовещенский собор Московского Кремля. Между 1422 и 1427 годами создавал иконостас и росписи Троице-Сергиева монастыря. Его имя осталось бы в забвении, если б в начале XX века не была случайно обнаружена его гениальная икона «Троица». Ей чужды пышность и величественность великих произведений западных живописцев Возрождения. Изображены три ангела, образы которых можно толковать по-разному. Возможно, это олицетворение триединства Бога: творческой воли, жертвенного подвига любви и мирового Духа. Или это — единство человека, природы и Бога?

Тем, кто занят поисками русской национальной идеи (и не могут найти ее в себе), полезно обратиться к рублевской Троице. Автор ее творил не только как личность, но как выразитель духовной сути русского народа. И нелепо думать, будто все сводится к архаичной и убогой триаде «православие, самодержавие, народность». То, что свершил русский народ, воплощено в великих творениях культуры, в «Троице» Рублева.

ТАЙНА ОДАРЕННОСТИ

Говорят, гением надо родиться.

Размышляют: чем объяснить необычайную одаренность?

Задают вопрос: почему этот человек стал гением? Веками люди пытались найти ответ, сначала ссылаясь на незримого духа-гения, осеняющего избранника небес, затем предполагая материальные земные и космические влияния и, наконец, обратившись к генетике, врожденным качествам.

Мы сейчас только коснемся тайны одаренности, не вдаваясь в детали и не претендуя на окончательное решение проблемы.

После заочного, но порой достаточно близкого знакомства со многими гениями (частное свидетельство тому — данная книга), приходишь к выводу, что корректно поставленный вопрос должен звучать так: почему так много людей не становятся гениями?

Если бы все дело было только в генах, то все выдающиеся таланты проявлялись бы в детстве, отрочестве, юности. Подобные примеры есть, но их совсем немного и относятся они к ограниченным родам деятельности. В наиболее интеллектуальных видах (философии, науке, литературе), где от мастера требуется целый комплекс качеств и определенный жизненный опыт, ученические успехи почти не имеют значения. Частенько бывшие троечники со временем значительно обгоняли круглых отличников.

Вряд ли надо доказывать, что создают выдающиеся произведения и выдвигают ошеломляющие идеи незаурядные, самобытные личности. Бесспорно, гении — это прежде всего упорный труд, самоотверженность, целеустремленность, любовь к истине. Но откуда берутся, чем определяются эти качества? Что требуется для появления незаурядно одаренной личности?

Об этом у нас уже шла речь. Повторю свою гипотезу. В первом приближении головной мозг имеет триединую структуру. Каждое из полушарий обладает индивидуальностью (левое — более рассудочное, правое — преимущественно эмоциональное). Между ними постоянно осуществляется неуловимый для нас диалог. Словно две личности, вынужденные постоянно сотрудничать, спорить, порой враждовать,

приходить к согласию, совместно трудиться.

А еще существует подсознание — хранилище потаенной информации, доступ к которой для рассудка закрыт, ибо оно оперирует образами, аналогиями, метафорами, проявляется как интуиция, предчувствие. Оттуда поступают к нам сигналы, которые мы далеко не всегда способны распознать. Можно воспринять их как озарение, нередко приходящее во сне. Сказано Мариной Цветаевой:

Мы спим — и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула цветка.

Взаимодействием трех этих ипостасей нашей триединой личности определяются — во многом — наши возможности, достижения. Конечно, кое что зависит и от врожденных качеств. Аналогия в духе нашего времени: генетический набор — это первоначальный капитал. Все дело в том, как им распорядиться. Один растранжирит крупное наследство, другой приумножит то немногое, что ему было дано. Хотя духовные ценности, в отличие от материальных, предоставляют значительно больше возможностей проявить именно человеческие качества.

«Что легко дается, невысоко ценится», — сказал испанский писатель XVII века Бальтасар Грассиан. Путь преодоления непрост. Двигаться против потока трудней, чем плыть по течению. Проще приспосабливаться, чем преодолевать трудности, проявляя свой характер, знания и умения, прокладывая свой самобытный жизненный путь. Легче всего катиться под уклон (завершается обычно — падением в пропасть).

Но есть, пожалуй, особое качество, свойственное гениям: сверхсознание, расширение пределов собственного "Я", ощущение единства с огромными общностями — предками, народом, великими мыслителями и творцами разных эпох, прежде всего отечественными. Об этом писал, например, в книге «Философия изобретений и изобретение в философии» проницательный мыслитель Иван Латвин: «Великие изобретатели — плоть от плоти и кость от кости народных масс. В них, как в фокусах, сосредотачивается творческая энергия Великого Существа — Человечества».

Гений, преодолевая «земное тяготение» окружающей среды, вязкую топь обыденности, прорывается в Неведомое, совершает духовный подвиг, порою сам того не сознавая. Он расширяет пределы человеческих возможностей.

Быть может, именно гении оправдывают существование многих поколений людей, безвестно уходящих в небытие. И если не всякому достает сил раскрыть все свои творческие возможности, то каждый имеет возможность приобщиться к творениям гениев, воздать им должное, проникнуться их светлым духом разума, добра и красоты.